С. И. Гальперинъ.

Современная соціологія

(Обзоръ соціологической литературы за 1902 г.)

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія Книгоиздательства Л. М. Ротенберга.
1903.

Пров. 1955

Дозволено цензурою г. Екатеринославъ, 10 февраля 1903 г.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1395
31

Предисловіе.

Настоящая работа была первоначально доложена въ Екатеринославскомъ Научномъ Обществѣ. Теперь я позволяю себѣ представить свой трудъ на судъ болѣе широкаго круга общества.

„Современная соціологія"—это состояніе науки объ обществѣ, отразившееся въ трудахъ нашего времени. Этимъ самъ собой опредѣляется и лучшій способъ изученія современной соціологіи—она должна быть изучаема путемъ обозрѣнія и критики научныхъ трудовъ послѣдняго времени, въ связи, конечно, съ трудами предшествующихъ лѣтъ До нѣкоторой степени подобную задачу преслѣдуютъ французскіе „ежегодники" по разнымъ отдѣламъ знанія, напримѣръ L'Année psychologique, издаваемый А. Бинэ, L'Année philosophique, издаваемой Ф. Пилономъ, L'Année sociologique, издаваемый Э. Дюркгеймомъ и т. п. Всѣ этого рода „ежегодники", „альманахи" и т. п., будучи изданіями спеціальнаго характера, не могутъ удовлетворить потребности, которую я самъ, будучи читателемъ, испытывалъ Читателю необходимы, кромѣ подобныхъ изданій, труды, въ которыхъ въ послѣдовательномъ и систематическомъ порядкѣ излагались бы теченія современной научной мысли, такъ чтобы опредѣлилась общая физіономія интересующей его науки въ данное время. Лишь послѣ этого возможно для заинтересованнаго вопросомъ заняться болѣе подробнымъ изученіемъ науки въ ея полномъ объемѣ и въ отдѣльныхъ ея вопросахъ Попытку удовлетворить этой потребности и составляетъ задачу настоящаго труда, являющагося, такимъ образомъ, и очеркомъ наиболѣе характерныхъ чертъ современной соціологіи, и „обзоромъ" соціологическихъ трудовъ послѣдняго времени, и именно 1902 года. Какъ эта задача мною выполнена—судить не мнѣ. Я дѣлалъ, что могъ, а какъ я дѣло свое сдѣлалъ—пусть судитъ мой читатель.

Екатеринославъ
Февраль 1903 г

Оглавленіе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

Общія проблемы соціологіи.

Стр.

Глава I. *Общая характеристика современной соціологіи.* Опредѣленіе соціологіи (Анри Гозе). Эволюція и активный прогрессъ. А. Яроцкій объ объективной необходимости прогресса. Необходимость соціальной деонтологіи. Значеніе соціальныхъ и историческихъ опытовъ. М. Ковалевскій о значеніи оцѣнки настоящаго съ точки зрѣнія идеаловъ будущаго . . . . . 3—14.

Глава II *Возрожденіе школы естественнаго права.* Идеалистическое направленіе въ правѣ: В. Гессенъ, П Новгородцевъ. Отношеніе послѣдняго къ „будущему". Отрицательное отношеніе г. г. Гессена и Новгородцева къ соціологіи. Возраженія Карѣева. Сущность нравственности по Новгородцеву. Сходство взглядовъ его съ Ренувріе. Воззрѣнія Петражицкаго и замѣчанія Карѣева о „повизнѣ" ученія школы, въ сравненіи съ взглядами „русской" школы соціологіи. „Естественное право" въ трудахъ Мичелли и Залѣскаго. Вопросъ объ „оцѣнкѣ" настоящаго въ статьѣ В. Яроцкаго. Соціальная телеологія Взглядъ Паланта. Заключеніе о необходимости соціальной деонтологіи . . . . . 14—40.

Глава III *Дѣйствительныя задачи соціологіи.* Замѣчаніе о методѣ науки (Сеньобосъ). Недостатки современной соціологіи (Петражицкій, Струве и др.). Необходимость и свобода Поворотъ къ идеализму и оцѣнка настоящаго на почвѣ идеаловъ будущаго. Идеализмъ Бердяева и критицизмъ Струве Петражицкій о „поворотѣ" и о некритичности его. Замѣчанія Штейнберга по вопросу о необходимости и свободѣ. Необходимость открытаго признанія соціальной деонтологіи. Научная подготовка соціолога. Взглядъ Райхесберга на современную соціологію. Компетенція науки въ разрѣшеніи вопроса о сущности прогресса. Агностицизмъ Булгакова. Наука, метафизика и религія. Соціальное предвидѣніе (Карножицкій, Булгаковъ). Взгляды Ренувріе и П. Некрасова. Разрѣшеніе проблемы о соціальномъ предвидѣніи по ученію Булгакова . . . . . 40—60.

Глава IV *Соціальныя предсказанія* Мнѣніе Булгакова о несостоятельности науки къ предсказаніямъ о соціальномъ будущемъ. Гносеологическая ошибка Булгакова. О какой наукѣ говоритъ въ дѣйствительности Булгаковъ. Сопоставленіе взглядовъ Булгакова, Штаммлера, Струве и Нежданова. Связь этихъ взглядовъ съ поворотомъ отъ матеріализма къ идеализму и совпаденіе „поворота" съ неудачей прогнозовъ Маркса и Энгельса. „Поворотъ" и „русская школа". Булгаковъ и Риккертъ. Законы исторіи. Мнѣніе Булгакова о вредѣ предвидѣнія. Взгляды на данный вопросъ Штаммлера и Нежданова. Булгаковъ о предсказаніяхъ ближайшаго будущаго Переходъ его къ „религіи прогресса". Взгляды Гастона Рихарда. Критика эволюціонизма и постановка вопроса о прогнозахъ. Эволюціонная этика (Ничше, Файгингеръ, Риль, Невѣдомскій) . . . . 60—90.

Глава V. *Религія и наука прогресса.* Человѣчество, какъ объектъ религіи прогресса (Критика Булгакова). Что такое человѣчество.

Стр

Сопоставленіе взглядовъ Булгакова со взглядами Спенсера. Психологія толпы (Оболенскій, Тардъ, Бурдо). Наука прогресса. Усовершенствованіе человѣчества, какъ цѣль прогресса Счастіе, страданіе, состраданіе. Взглядъ Булгакова на этическій идеалъ и помощь метафизики. Ренувріе, Бурдо, Некрасовъ, Риль, Струве, Бердяевъ и Аскольдовъ о метафизикѣ . . . . . 99—102.

Глава VI *Свободное развитіе личности, какъ формула прогресса.* Взглядъ Булгакова и точка зрѣнія марксистовъ. Свобода и необходимость. Различіе между взглядами Булгакова и Струве Причины агностицизма Булгакова. Ошибочные соціальные прогнозы. Разочарованіе въ прогнозахъ Маркса Смыслъ исторіи по взгляду Булгакова Положительная сторона его ученія о прогрессѣ Абсолютное и относительное въ этикѣ. Необходимость предвидѣнія. Знаніе и вѣра. . . . . 102—115.

Глава VII. *Границы соціальныхъ предвидѣній.* Взгляды Тарле на границы соціальныхъ предвидѣній и средства соціологіи въ обоснованіи прогнозовъ Случайное и его роль въ общественной жизни. Помощь коллективной психологіи и изученіе массовыхъ явленій при помощи математическихъ теорій среднихъ чиселъ и вѣроятности. Взгляды на данный предметъ П. Некрасова. Соединеніе умозрѣнія съ наблюденіемъ. Тарле о прогнозахъ Маркса и о предвидѣніи вообще. Цѣнность неточныхъ предсказаній . . . . 115—124.

Глава VIII *Этическій принципъ „должнаго“ и противоположеніе его „сущему“.* Взгляды Бердяева и Виндельбанда Постановка этической проблемы у Бердяева. Этика и наука. Этика и мораль (Алоизъ Риль). Различіе между Sollen и Müssen. Цѣль этики по Бердяеву. Критика нравственнаго индивидуализма и недостатки воззрѣній Бердяева. Ничшеіанство Бердяева и взглядъ его на идею долга. Счастіе, страданіе, и состраданіе, честь и совѣсть въ ученіи Бердяева. Сопоставленіе его взглядовъ съ взглядами Струве и сотрудниковъ сборника „Проблемы идеализма“. Отношеніе нравственной проблемы къ свободѣ . . . . . 124—139.

Глава IX *Личность и Общество.* Ничшеіантство Бердяева, Франка и Жуковскаго. Взгляды на этику сотрудниковъ сборника „Проблемы Идеализма“. Этическій индивидуализмъ и гармонія между личностью и обществомъ. Взгляды де-Роберти и Бело Эволюціонная этика. Проф. Ивановскій объ индивидуальной и соціальной морали. Маркеловъ о принципѣ долженствованія и объ отношеніи между этикой и наукой. Новѣйшіе идеалисты и „русская“ соціологическая школа . . . . . 140—151.

Глава X *Соціологическія школы* Гроппали и его „Лекціи по соціологіи“. Трудъ Сквиллаче о соціологическихъ доктринахъ. Уордъ и его трудъ „Современная соціологія“. Новый трудъ Лоріа, его достоинства и недостатки. Дарвинизмъ и Нео-Дарвинизмъ въ соціологіи. Перечисленіе соціологическихъ школъ

Отдѣльные вопросы соціологіи Статьи Павловича и Леонидова. Вопросъ о соціальной волѣ (статья А. Ллойда). Вопросъ о меньшинствѣ въ обществѣ и о стойкости соціальныхъ организацій (статья Георга Зиммеля) . . . . . 151—170.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Историческій Матеріализмъ.

Глава I. *Что такое монизмъ и въ частности монизмъ матеріалистическій.* Матеріализмъ и агностицизмъ. Лабораторное оправда-

Стр.

ніе матеріализма (искусственныя бѣлковыя вещества и искусственныя плазмообразныя смѣси). Матеріализмъ въ біологіи. Матерія и сила . . . . . 173—181.

Глава. II *Матеріализмъ въ психологіи и философіи* Монизмъ и дуализмъ. Различные виды монизма. Духъ и тѣло въ свѣтѣ матеріалистической философіи. Лиліенфельдъ о соотношеніи матеріи и силы. Энергетика В. Оствальда Энергія взамѣнъ матеріи и энергетическая картина міра. Проф. Бахметьевъ о „сѣдалищѣ души". Проф Челпановъ объ измѣряемости психическахъ явленій Челпановъ противъ монизма . . . . . 181—198.

Глава III. *Отклоненія отъ матеріализма.* Вопросъ о соотношеніи свободы и необходимости. Струве и Штаммлеръ Отраженіе монистической энергетики на соціологіи. Трудъ Винченцо Перетти „Естественная исторія соціальнаго развитія человѣческаго рода". Замѣчанія о матеріализмѣ біологической школы соціологіи. Органицизмъ и замѣчанія о немъ Сквиллаче и Тарда . . . . . 198—205.

Глава IV. *Экономическій матеріализмъ до періода, „критическаго поворота".* Главныя положенія соціологической доктрины Маркса и Энгельса. Экономика, какъ основа соціальной статики и классовая борьба, какъ основа соціальной динамики. Марксъ и діалектика Гегеля. Значеніе діалектики для марксизма (Карѣевъ, Лабріола, Бернштейнъ, Прокоповичъ, Делевскій). Діалектика и эволюціонизмъ. Замѣчанія эмпиріо-критическаго свойства (Абрамовскій) и связь этихъ замѣчаній съ существомъ соціальной деонтологіи. Петражицкій о діалектикѣ и „поворотѣ" . . . . . 205—214.

Глава V. *Уступки со стороны ортодоксальныхъ марксистовъ.* „Производство людей" (Энгельсъ). Бельтовъ о значеніи уступки и критика взглядовъ Бельтова въ связи съ данными сравнительнаго правовѣдѣнія и этнографіи (Жиро-Телонъ, Макъ-Леннанъ, Спенсеръ, Липпертъ, Морганъ, Зиберъ и М. Ковалевскій) . . . . . 214—222.

Глава VI *Историческій матеріализмъ на конгрессѣ соціологовъ.* Докладъ Келлесъ-Крауза въ защиту докрины историческаго матеріализма и критическія замѣчанія по поводу отдѣльныхъ ошибокъ докладчика. Соціальная статика и динамика по взглядамъ Крауза. Его воззрѣніе на значеніе „уступокъ". Аморализмъ доктрины историческаго матеріализма. Замѣчанія Я. А. Новикова . . . 222—229.

Глава VII. *Историческій матеріализмъ на конгрессѣ соціологовъ Вопросъ о классахъ.* Докладъ А Лоріа. Соціальная динамика по воззрѣнію школы Борьба классовъ. Критическія замѣчанія о классахъ и о классовой борьбѣ (Кроче, Прокоповичъ, Бернштейнъ, Бауеръ и др.). . . . . 229—244.

Глава VIII. *Историческій матеріализмъ на конгрессѣ соціологовъ. Матерія и сила* Замѣчанія де-Греефа. Идеологическая сторона экономики. Г. де-Греефъ и Габріель Тардъ. Послѣдній трудъ Тарда. Критика принципа экономическаго монизма со стороны Уорда и Лимузена и защита его со стороны Гроппали. Имморализмъ доктрины Маркса (замѣчанія Кроче). Критика экономическаго монизма со стороны Пуллья, де-Роберти и Рене Вормса. Заключеніе объ „уступкахъ" въ лагерѣ марксистовъ . . . . . 244—258.

Глава IX. *Историческій матеріализмъ послѣ конгресса и соціальная механика* Замѣчанія Фуллье, Тарда и Санца-и-Эскартена Отношеніе къ вопросу сторонниковъ соціальной механики. Доктрина Л. Уорда. Труды Л. Винярскаго. Математическій методъ въ политической экономіи и обоснованіе соціальной механики. Возраженія Крауза критикамъ доктрины марксизма . . . . . 258—271.

Стр.

Глава X. *Историческій матеріализмъ съ точки зрѣнія либеральной школы политической экономіи.* Ученіе Вильфреда Парето. Общіе взгляды его. Критика ученія Маркса и взглядъ на классовую борьбу. Борьба за существованіе, какъ основной моментъ соціальной жизни. Средства борьбы и постановка вопроса объ улучшеніи и нормировкѣ отношеній между классами . . . . . 271—285.

Глава XI. *Критика историческаго матеріализма со стороны марксиста.* Туганъ-Барановскій о необходимости „превзойти“ марксизмъ. Критика основныхъ положеній исторіософіи марксизма Сопоставленіе взглядовъ Туганъ-Барановскаго со взглядами Булгакова, Чернова и Штаммлера. Классовая борьба въ освѣщеніи Туганъ-Барановскаго. 285—300.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Отдѣльные вопросы соціологіи.

Глава I. *Факторы соціальнаго развитія.* Ученіе А. Коста о населеніи какъ факторѣ соціальнаго развитія и о значеніи большихъ городовъ. Докладъ Ле-Гуи Международному Институту Соціологіи. Критическія замѣчанія Лимузена по поводу доктрины Коста. Раса, какъ факторъ соціальнаго развитія. Значеніе городовъ. Замѣчанія на доктрину Коста Монена, Куаку, Рене Вормса и друг. Вопросъ о значеніи расоваго элемента. Понятіе „психическая раса“ и процессъ развитія ея (Кржижицкій, Фуллье). Ученіе Кржижицкаго и антропосоціологія. Гобино, Аммонъ, Лапужъ, Топинаръ, Новиковъ, Виларскій и др. по поводу антропосоціологіи Взгляды Кржижицкаго и Риплея . . . . . 303—331.

Глава II *Факторы развитія и отдѣльные вопросы соціальной жизни.* Значеніе физической и соціальной среды Идеологическіе факторы. Интересъ, какъ двигатель соціальной эволюціи. (Флери и Бауэръ) Психологическіе факторы (Тардъ, Фернандъ Форъ, Ж. Дево). Основанія общественности по Артуру Эллайну Страданіе какъ психическій факторъ эволюціи (Лахтинъ). Соціальная механика. Предполагаемая низшая культурность женщины. Происхожденіе общественности и силы, способствующія укрѣпленію общества по Э. Россу (пересмотръ вопроса о факторахъ соціализаціи) . . . . 331—346.

Глава III. *Индуктивная соціологія.* Союзы кровные и соціальные по Шюртцу Ученіе Аммона по вопросу о происхожденіи инстинктовъ семейнаго изъ половаго и общественнаго изъ семейнаго. Происхожденіе общественныхъ союзовъ по Шюртцу. Методологическіе недостатки Аммона, Мукке и Шюртца. Возрастные классы, какъ первобытныя соціальныя группы. Взглядъ Шюртца не первобытные кровные союзы. Союзы мужчинъ, какъ типъ первобытныхъ соціальныхъ группировокъ . . . . . 346—365.

Глава IV. *Вопросы первобытнаго права.* Эндогамія и экзогамія по теоріи проф. Томаса. Экзогамія и тотемизмъ. Новые труды Фразера и Дюркгейма Замѣчанія о трудахъ Мацарелла, Липперта и Нибура. Общее заключеніе . . . . . 365—376.

Часть 1-я.

Общія проблемы соціологіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ своихъ „Очеркахъ первобытнаго права“, вышедшихъ 10 лѣтъ тому назадъ, я писалъ объ этой отрасли соціальныхъ наукъ слѣдующее: „Наука первобытнаго права—наука молодая. У нея еще нѣтъ строго выработанной системы; нѣтъ и логически безспорной, правильной и опредѣленной лѣстницы различныхъ учрежденій и институтовъ, вытекающихъ какъ логическое послѣдствіе изъ первоосновъ или какой либо первенствующей основы. Въ этой отрасли науки права изслѣдователю приходится излагать свою работу, не отправляясь отъ незыблемо уже установленныхъ основныхъ истинъ, а, наоборотъ, съ одной стороны устанавливать такія истины, съ другой,—собирать относящіяся къ этому фактическія данныя и изъ этого сырого матеріала дѣлать выводы; на основаніи собранныхъ фактовъ дѣлать обобщенія. При этомъ изслѣдователю приходится встрѣчаться съ тѣми или иными общими положеніями и выводами, которые наукою уже сдѣланы и такъ или иначе съ этими положеніями и выводами считаться. Въ силу этого изслѣдователю приходится наряду съ работою созидательною заниматься и критикою существующихъ въ наукѣ положеній“. [1])

То-же самое приходится сказать и теперь и притомъ не относительно одной только отрасли соціальныхъ наукъ, а относительно всей ихъ совокупности. Для примѣра укажу на трудъ Анри Гозе, появившійся въ разсматриваемомъ году. [2]) Авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе многообразныхъ значеній слова „соціальный,“ самое выраженіе „соціальныя науки“ получаетъ различныя значенія. Такъ, прежде всего не рѣшенъ еще вопросъ о томъ, нужно-ли говорить „соціальная наука“ или „соціальныя науки“? Не рѣшено еще—однозначущи ли эти термины, т. е. существуетъ-ли одна общая наука, охватывающая весь комплексъ соціальныхъ силъ и явленій или существуютъ отдѣльныя науки, имѣющія каждая свой опредѣленный объектъ въ опредѣленномъ кругѣ общественныхъ явленій и институтовъ.

Замѣчаніе Гозе вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему можно было бы придать съ перваго взгляда. Дѣло не въ названіи только, а въ томъ—законно ли самое существованіе новой науки, которая, однако, не спрашивая себѣ научнаго паспорта, уже успѣла создать такъ много научно-обоснованныхъ положеній и пробить себѣ даже путь къ установленію самостоятельныхъ университетскихъ

---

[1]) С. Гальперинъ, Очерки первоб. права, Спб. 1893 г., стр. 2.

[2]) Henri Hauser, Essai d' une definition et d'une classification des Sciences sociales. Revue Intern. de Sociologie, 1902 г. № 1, стр. 22 и слѣд.

кафедръ, научныхъ журналовъ, съѣздовъ и т. п. Наука существуетъ 40 лѣтъ, если не считать такихъ предшественниковъ, какъ Ибнъ-Хальдунъ или даже Вико; считается одной изъ важнѣйшихъ областей человѣческаго знанія, оказываетъ сильное вліяніе на сопредѣльныя съ нею научныя дисциплины (напр. на правовѣдѣніе, экономику и т. п.)—и все-же оказывается, что самое право на существованіе этой науки оспаривается и не только оспаривается противниками ея (Брунетьеръ, Ванъ-деръ-Рестъ [1]), но представляется неустановленнымъ для сторонниковъ ея. Ниже я попытаюсь дать посильное объясненіе этого явленія, а пока считаю нужнымъ возвратиться къ упомянутому уже труду Гозе.

Авторъ, вслѣдъ за нѣмецкимъ соціологомъ Вассерабомъ („Socialwissenschaft und sociale Frage"), указываетъ на то, что наименованія „соціальныя науки" и „соціальная наука" употребляются сплошь и рядомъ безъ различенія того, составляетъ-ли „соціальная наука" (соціологія) единую науку въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. философію государства и общества, въ томъ смыслѣ, какъ она была основана на почвѣ позитивизма Огюстомъ Контомъ, на почвѣ теоріи „большихъ чиселъ" Кеттлэ, на почвѣ данныхъ біологіи и эволюціонизма Спенсеромъ и т. п.; или же соціальная наука является только *соединеніемъ* различныхъ научныхъ дисциплинъ и въ такомъ случаѣ, какихъ именно. Вопросъ, которымъ занимались многіе, напримѣръ, Тардъ, Сеньобосъ (прибавимъ Уорда, Гиддингса, Де-Греефа, Де-ла-Грассери и др.)

Нашъ авторъ предпочитаетъ наименованіе „соціальная наука", но вопроса по существу не рѣшаетъ. Онъ только опредѣляетъ, что соціальная наука является наукой, изучающей спеціально структуру и развитіе общества, каково оно есть [2]). Опредѣленіе это должно признать крайне недостаточнымъ: остается положительно непонятнымъ, что нужно разумѣть подъ „соціальнымъ развитіемъ". Является-ли оно аналогичнымъ понятію развитія біологическаго, т. е. въ смыслѣ эволюціоннаго „развертыванія" явленій по типу усложненія или приспособленія къ условіямъ существованія, или соціальное развитіе даетъ плюсъ, т. е. является „прогрессомъ"? Старый, давно поднятый и до сихъ поръ несмолкающій споръ о томъ, что является закономъ общественнаго развитія—простая эволюція или прогрессъ, т. е. развитія по пути къ общему и поэтому наибольшему счастію. „Эволюція" или „активный прогрессъ"—вотъ лозунги спорящихъ сторонъ въ наукѣ. Мнѣ приходилось уже высказываться печатно (ср. мою книгу „Органическая теорія строенія и развитія общества", а также мой „Обзоръ соціологической литературы за 1901 годъ") за то, что въ примѣненіи къ міру соціальныхъ явленій мы имѣемъ дѣло не съ простой эволюціей, а съ „прогрессомъ". Мы признаемъ законность телеологіи при изученіи соціальныхъ явленій. Введеніе въ соціологію начала активнаго прогресса характеризуетъ такъ называемую

---

[1]) Ср. Гальперинъ, Органическая теорія строенія и развитія общества, Екатер. 1900 г. стр. 122.

[2]) Hauser; l. c. p. 25.

„русскую“ школу соціологіи (Лавровъ, Михайловскій, Карѣевъ), которая отстаивала это положеніе задолго до появленія того-же направленія въ Америкѣ (Уордъ). Впрочемъ, въ с. Америкѣ это направленіе возникло (съ 1883 года) независимо отъ ученія упомянутыхъ русскихъ соціологовъ. Въ новѣйшее время это-же направленіе проникло и въ кругъ ученыхъ Западной Европы (Тардъ, Дюпра, Штейнъ, Палантъ и нѣкотор. другіе)

Принимая во вниманіе нашу непосредственную задачу (дать обзоръ соціологической литературы собственно за 1902 годъ), мы не касаемся постановки вопроса въ трудахъ, появившихся до 1902 года и потому разсмотримъ вопросъ о „соціальномъ прогрессѣ“ лишь на столько, на сколько онъ получилъ выраженіе въ литературѣ разсматриваемаго года. Это заставляетъ насъ сдѣлать отступленіе отъ разбираемой статьи Анри Гозе, къ которой мы, однако, вернемся, чтобы изучить другіе вопросы соціологіи, на сколько они разсматриваются въ этой статьѣ.

Интересной работой, посвященной вопросу о соціальномъ прогрессѣ, является статья проф. *Ярошкаго* „Объективная необходимость прогресса“, помѣщенная въ Международномъ Журналѣ Соціологіи за іюль 1901 г. [1]) (Статья эта составляла въ февралѣ 1901 г. предметъ доклада автора въ обществѣ философіи, въ Петербургѣ). Авторъ начинаетъ свои разсужденія съ того, что констатируетъ слѣдующій фактъ: человѣчество выработало въ себѣ вѣру въ прогрессъ и сдѣлало изъ него себѣ орудіе въ борьбѣ за существованіе. Но понятіе прогресса включаетъ въ себѣ и субъективную вѣру въ наступленіе лучшаго будущаго и тѣ объективныя данныя, которыя подтверждаютъ реальность этой вѣры. Каковы же обыкновенныя условія отношенія субъективной вѣры въ прогрессъ къ объективному знанію его реальности? На это можетъ быть дано три различныхъ отвѣта. Во-первыхъ возможенъ отвѣтъ, что ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ субъективной увѣренности въ движеніи соціальной жизни на пути къ лучшему будущему. Въ этомъ случаѣ мы имѣли-бы дѣло съ чисто субъективнымъ убѣжденіемъ, съ которымъ не совпадала-бы реальная дѣйствительность. Второй отвѣтъ можетъ заключаться въ томъ, что субъективной вѣрѣ въ прогрессъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы дѣйствительный прогрессъ развитія индивидуальности и увеличенія суммы счастія. Въ этомъ случаѣ субъективная вѣра въ прогрессъ, выведенная на половину безотчетно изъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни, являла бы аналогію съ той геніальной интуиціей Гете, съ которой онъ вывелъ заключеніе, что всѣ части цвѣтка являются ничѣмъ инымъ, какъ модифицированными листьями растенія, заключеніе, составляющее прочное и доказанное положеніе современной науки. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ возможный отвѣтъ заключается въ томъ, что прогрессъ существуетъ въ дѣйствительности, но объективное знаніе (наука) еще не въ состояніи его констатировать, по причинѣ-ли недостаточности

[1]) A. Jarotzky, Nécessité objektive du progrès, Revue Intern. de Sociologie, 1902. № 7.

употребленныхъ методовъ изслѣдованія, по причинѣ-ли недостаточнаго числа установленныхъ данныхъ. Это послѣднее положеніе и составляетъ предметъ изслѣдованія проф. Яроцкаго (l. c. стр. 498).

Дѣло въ томъ, что міръ соціальныхъ явленій представляетъ значительныя трудности для изслѣдованія этихъ явленій въ виду чрезвычайной ихъ сложности и въ виду почти полной непримѣнимости къ этимъ явленіямъ экспериментальнаго метода. Хотя значеніе „соціальныхъ опытовъ“ несправедливо придается историческимъ фактамъ, [1]) но дѣло въ томъ, что даже самый простой историческій фактъ является неизмѣримо сложнымъ по сравненію съ фактами физики и химіи, доступными опытной провѣркѣ. Однако, говоритъ авторъ, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе трудностей: трудность не есть невозможность. Есть и другія науки, для которыхъ опыты мало доступны; однако-же онѣ съ своей задачей справляются. Однимъ изъ могучихъ методовъ научнаго изслѣдованія, доступныхъ и для соціологіи, является методъ аналогіи, причемъ, однако, не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ методомъ въ такой степени, въ какой это дѣлаютъ сторонники органической школы соціологіи, выводы которыхъ не могутъ быть приняты наукой (Далѣе слѣдуетъ критика ученія органической школы, причемъ авторъ слѣдуетъ труду г. Кистяковскаго „Gesellschaft und Einzelwesen, Berlin 1899). Проф. Яроцкій находитъ, что соціологія должна пользоваться аналогіями изъ міра біологическихъ явленій, не отожествляя, однако, при этомъ общества съ живымъ организмомъ. Однимъ изъ главныхъ законовъ жизни является законъ борьбы за существованіе, въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ Дарвиномъ (авторъ не обращаетъ вниманіе на труды Фажэ, Де-Фриза, Вейсмана и вообще на выводы нео-дарвинистовъ). Но какъ было-бы неправильно всѣ явленія жизни обосновать на законѣ борьбы за существованіе, такъ неправильно было бы сводить всѣ явленія соціальной жизни на законы подражанія (Тардъ, Бальдуинъ, Уордъ, Михайловскій?). Во всякомъ случаѣ въ біологіи борьба за существованіе является не единственнымъ факторомъ эволюціи, а только однимъ изъ факторовъ.

Дарвинизмъ, говоритъ проф Яроцкій, заключаетъ въ себѣ одну весьма важную концепцію, на которую обращалось въ наукѣ мало вниманія. [2]) Это именно идея о томъ, что среда, опредѣляющая живое существо, образуется сложной системой его *отношеній къ другимъ живымъ существамъ*. Иначе говоря—это прежде всего значеніе и вліяніе соціальной среды (см. по этому поводу между прочимъ труды Лапужа, Винярскаго и др.). Для человѣка окружающая его среда образуется главнымъ образомъ его отношеніями къ другимъ людямъ. Существенная черта жизни—это *гармонія* между всѣмъ, что живетъ и окружающей средой (Jarotzky, l. c. стр. 506 и слѣд.) Авторъ совершенно основательно указываетъ на то, что принципъ этотъ былъ

[1]) Съ этой мыслію автора мы несогласны. Но объ этомъ ниже.

[2]) Это замѣчаніе ошибочно: обсуждаемая авторомъ сторона Дарвинова ученія составляетъ характерную черту цѣлаго научнаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ Нео-Ламаркизма. Въ соціологіи эта сторона дѣла развита Зиммелемъ, Дюркгеймомъ, Уордомъ, Гиддингсомъ и др.

установленъ и подробно развитъ еще Спенсеромъ (въ 5 главѣ его „Основаній біологіи“). Эта необходимость гармоніи между индивидомъ и его средой существуетъ въ одинаковой мѣрѣ (?) для всякаго живого существа. Вопросъ заключается лишь въ правильномъ пониманіи „среды“. Для инфузоріи это капля воды, для животнаго—равнина, лѣсъ и т. п. Для человѣка это его семья, его группа, его соціальная среда, а равно среда физическая. Вмѣстѣ съ усложненіемъ среды усложняется и само живое существо. Въ этомъ и заключается, по мнѣнію автора, помощь аналогіи съ явленіями изъ міра біологическаго.

Затѣмъ г. Яроцкій останавливается на слѣдующемъ вопросѣ. Вмѣстѣ съ усложненіемъ среды (т. е. для человѣка—среды соціальной), становится-ли также богаче и сложнѣе сама физическая жизнь? Авторъ отвѣчаетъ на это утвердительно, опираясь на извѣстное ученіе Зиммеля, изложенное въ „Соціальныхъ дофференціаціяхъ“ (переведены на русскій языкъ). Это усложненіе выражается въ соціальномъ раздѣленіи труда, которое имѣетъ значеніе не только улучшенія производства, но и большаго объединенія дифференцированныхъ группъ между собой. Стоитъ, говоритъ авторъ, вспомнить международную солидарность представителей аристократіи съ одной стороны, капиталистовъ и рабочихъ—съ другой, чтобы согласиться съ указаннымъ положеніемъ Зиммеля.

Односторонность отношеній современныхъ ученыхъ къ вопросу о соціальномъ значеніи раздѣленіи труда—служила не разъ предметомъ указаній со стороны различныхъ соціологовъ (напр. Михайловскаго), чтобы мы здѣсь должны были указывать на ошибку г-на Яроцкаго; скажемъ только, что авторъ забываетъ раньше установленную имъ „самую характерную“ основу жизни: гармонію между живымъ существомъ и его средой. Можно-ли, придерживаясь ученія о необходимости этой гармоніи, какъ „условія жизни“ (иначе, говоритъ Яроцкій, существо погибаетъ—см. въ разбираемой статьѣ стр. 507), говорить о „солидарности“ разныхъ классовыхъ группъ, когда это солидарность не на почвѣ „гармоніи“, а антагонизма? Можно-ли говорить о большемъ „богатствѣ жизни“, когда раздѣленіе труда и упомянутая солидарность даютъ богатство по суммѣ благъ, но не по равномѣрности его для каждаго отдѣльнаго индивида? А между тѣмъ г. Яроцкій какъ разъ и настаиваетъ на томъ, что индивидуальность растетъ и усложняется (Jarotzky, l. c. стр. 512 и слѣд.)

Конечно, относительно вѣрно, что съ ростомъ сложности соціальной среды растетъ и независимость личности отъ среды, свобода личности (не въ смыслѣ утопической свободы-произвола), и съ этой точки зрѣнія ошибки, допущенныя авторомъ при изложеніи частностей вопроса, не ослабляютъ значенія попытки обосновать объективную наличность общаго прогресса. Эти ошибки могутъ вытекать изъ высоты критерія того, что считать „благомъ“ и что считать „наибольшей суммой“ счастія. Этихъ вопросовъ авторъ прямо не опредѣляетъ, и потому формула о гармоніи между индивидомъ и его соціальной средой допускаетъ подстановку этическихъ и идеологическихъ моментовъ различнаго характера и именно при опре-

дѣленіи вопроса о томъ, когда „гармонія“ можетъ почитаться дѣйствительно существующей. Этими разсужденіями открывается путь къ новой сторонѣ вопроса о задачахъ соціологіи (именно къ вопросу о соціальной деонтологіи), о которой рѣчь будетъ идти ниже.

Вопросъ о „счастьи“ затрагивается г. Яроцкимъ въ связи съ ходомъ развитія его мыслей. Будетъ-ли, говоритъ авторъ, человѣкъ счастливъ, вмѣстѣ съ усложненіемъ соціальной среды и усовершенствованіемъ его физическаго и нервнаго (интеллектуальнаго) существа? (Яроцкій, I. с. стр. 519). И вновь авторъ возвращается къ оставленному имъ было вопросу о „соотвѣтствіи“ (гармоніи) между организмомъ и окружающей его средой, говоря, вслѣдъ за Спенсеромъ, что въ этомъ-то и состоитъ „счастіе“. Пусть такъ, не эта сторона дѣла насъ теперь интересуетъ, а интересно и важно, что, по Яроцкому, всѣ объективныя данныя ведутъ къ тому, что наличность движенія общества на пути къ упомянутой гармоніи составляетъ не только субъективную вѣру человѣчества, но и объективную реальность, которую пока еще наукѣ трудно установить вполнѣ безспорно, но которую, однако, она уже устанавливаетъ съ возможною, при состояніи нашихъ данныхъ, полнотою. Дѣло заключается лишь въ трудности приспособленія людей къ измѣняющимся условіямъ существованія, откуда, не смотря на наличность прогресса, вытекаетъ наличность недовольства, страданій и иногда пессимистической неувѣрности въ наступленіи счастія на землѣ ...

Сдѣлавъ приведенное отступленіе для изложенія интересной работы проф. Яроцкаго, вернемся къ труду Анри Гозе и именно къ той его части, въ которой этотъ авторъ опредѣляетъ существо и задачи соціологіи „Соціальная наука, говоритъ, какъ мы уже замѣтили выше, Гозе, есть наука, изучающая спеціально структуру и развитіе общества, какъ оно есть“ (Henri Hauser, l. c., стр. 25). Мы уже видѣли, что вмѣсто науки о строеніи общества и законахъ его „развитія“, соціологія есть наука о строеніи общества и законахъ соціальнаго движенія по пути къ счастію. Но этого мало: соціологія имѣетъ еще одну важную сторону, безъ которой она немыслима— это именно область соціальнаго долженствованія или „соціальная деонтологія“. Законность послѣдней вытекаетъ логически изъ принятой нами подстановки телеологическаго понятія „прогрессъ“ вмѣсто эволюціоннаго понятія „развитіе“. Съ принятіемъ начала телеологическаго или финальнаго на ряду съ началомъ каузальнымъ, мы неизбѣжно приходимъ и къ принятію того положенія, что соціальная жизнь подчиняется не только законамъ причинности, но и тѣмъ цѣлямъ, которыя руководятъ направленіемъ соціальныхъ силъ. Это составляетъ признаніе законности развитія активнаго на ряду съ безличнымъ (спонтанейнымъ), признаніе активной роли личности въ историческомъ процессѣ и отрицаніе „соціальной необходимости“ въ смыслѣ соціальнаго фатализма. Словомъ, этимъ устанавливается признаніе законности всего комплекса идей, составляющихъ существо ученія субъективной и этической школы соціологіи, ученія, вызвавшаго столько ожесточенныхъ нападокъ (еще въ прошломъ, напримѣръ, году со стороны г. Бердяева), ученія, къ которому,

однако, въ послѣднее время замѣчается въ наукѣ новый и рѣшительный поворотъ.

Попробуемъ вкратцѣ обосновать законность соціальной деонтологіи. Проф. Коркуновъ [1]) говоритъ, что если комплексъ явленій неорганическаго міра объясняется его настоящимъ (законами существованія)-то явленія міра органическаго объясняются также и законами образованія, т. е. его прошедшимъ (онтогенезисъ повторяетъ явленія филогенезиса; законъ открытый до Геккеля, но имъ наиболѣе точно формулированный и переносимый многими соціологами, болѣе всѣхъ Лиліенфельдомъ, въ міръ явленій соціальныхъ). Но міръ явленій соціальныхъ опредѣляется уже не только настоящимъ (описаніе) и прошедшимъ (законы причинности), но и его будущимъ (телеологія). Въ самомъ дѣлѣ—возьмемъ для примѣра наиболѣе легко поддающуюся изученію область соціальной науки—право. Правовая жизнь народовъ опредѣляется не только его настоящимъ (дѣйствующее законодательство), его прошедшимъ (исторія происхожденія правовыхъ нормъ, опредѣляющая ихъ дѣйствительное значеніе), но и его будущимъ, тѣми идеалами правопреобразованій, которые заставляютъ и слои общества и законодателя стремиться къ реформамъ въ области права по направленію къ сознаннымъ идеаламъ справедливости. Созданіе новыхъ нормъ не является какъ deus ex machina, а является плодомъ активныхъ стремленій. Эти активныя стремленія бываютъ большей частью актами высокаго напряженія и происходятъ онѣ *въ настоящемъ*. Вытекаютъ эти стремленія изъ сознанія будущаго, долженствующаго. И такимъ образомъ соціальная жизнь настоящаго опредѣляется будущимъ чрезъ посредство направляемыхъ этимъ „будущимъ“ стремленій. Въ этомъ и заключается значеніе деонтологіи для права. Таково-же оно и для соціологіи, ибо „право есть соціальная жизнь, разсматриваемая лишь съ опредѣленной точки зрѣнія“ (Савиньи).

Признаніе указанной точки зрѣнія ведетъ само собой къ признанію активной роли личности въ исторіи, какъ, впрочемъ, это признаніе вытекаетъ и изъ принятія телеологичности соціальнаго прогресса, о чемъ была рѣчь выше. Прежде, чѣмъ указать на тѣ работы по соціологіи, по даннымъ вопросамъ, которыя вышли въ отчетномъ году, считаю необходимымъ здѣсь же внести поправку въ изложенное уже мною выше утвержденіе проф. Яроцкаго о непримѣнимости опыта къ міру соціальныхъ явленій. Для г. Яроцкаго съ точки зрѣнія теоріи познанія это составляетъ только признаніе законности критицизма, вмѣсто эмпиріокритицизма (Авенаріусъ), что особенно удавительно при столь господствующемъ нынѣ лозунгѣ „обратно къ Канту“ (Нео-Кантіанство, такъ умѣло отстаиваемое тѣмъ самымъ Кистяковскимъ, на котораго содержится не мало ссылокъ въ трудѣ г. Яроцкаго).

Цѣлый рядъ опытовъ въ области народнаго хозяйства—составляетъ слишкомъ извѣстное явленіе, чтобы мы должны были пере-

[1]) Н. Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права, Спб. 1894 г, стр. 48, 120 и слѣд. и др. См. также ниже.

числять факты. Не менѣе опытовъ извѣстно и въ области цивильной и обще-государственной политики. Развѣ не путемъ постепеннаго опыта вводился у насъ институтъ земскихъ участковыхъ начальниковъ, реформа питейной монополіи и т. п. Факты говорятъ противъ утвержденія г. Яроцкаго. Правда, опыты эти не могутъ идти въ сравненіе съ характеромъ лабораторныхъ опытовъ, но разница здѣсь не въ принципѣ, а въ характерѣ объекта, надъ которымъ производятся опыты. Въ принципѣ возможность экспериментовъ въ соціальной жизни не можетъ быть отвергаема въ виду наличности фактовъ. Приведенный нами выводъ вновь подтверждаетъ законность признанія активной роли личности въ исторіи на ряду съ безличной эволюціей (ибо общество управляется и „прошедшимъ“). Качество опытовъ не имѣетъ значенія для насъ въ данное время, ибо выходитъ за предѣлы взятой нами на себя задачи и данный вопросъ мы можемъ органичить замѣчаніемъ, что это качество зависитъ отъ высоты идеаловъ, для достиженія которыхъ опыты производятся и отъ правильности средствъ, избранныхъ для этого достиженія. Послѣднее же (выборъ средствъ) зависитъ уже не отъ идеологіи „активныхъ силъ“ общества, а отъ объективно-научныхъ данныхъ и высоты научнаго и культурнаго уровня этихъ силъ.

Все сказанное относится къ вопросу о соціальномъ опытѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Г. Яроцкій имѣетъ, однако, въ виду и болѣе широкое значеніе „соціальнаго опыта“. Какъ указано выше, онъ говоритъ, что значеніе соціальныхъ опытовъ несправедливо придается историческимъ фактамъ. Нельзя, однако, согласиться съ г. Яроцкимъ, что подобное значеніе придается имъ несправедливо. Стоитъ сослаться на историческіе опыты нѣкоторыхъ нашихъ войнъ, чтобы оцѣнить всю справедливость уподобленія историческихъ фактовъ соціальнымъ опытамъ. Историческіе факты научаютъ насъ и еще кой чему важному, отчего значеніе ихъ еще болѣе уподобляется опытному изслѣдованію изъ области другихъ отдѣловъ знанія. Такъ напримѣръ, изучая причины и поводы Крымской войны, мы узнаемъ, что дѣйствительныя ея причины кроются не въ томъ остромъ несогласіи изъ-за св. мѣстъ, которое выдавалось за оффиціальную причину войны,—а въ обстоятельствахъ сложнаго конфликта различныхъ интересовъ, вошедшихъ въ соприкосновеніе державъ. При этомъ мы узнаемъ, что если для Россіи отчасти основаніемъ ея стремленія на Востокъ и служили причины экономическаго свойства, то вопервыхъ лишь „отчасти“, ибо историческое влеченіе Россіи къ Босфору не имѣло въ то время ничего общаго съ задачами „производства“ и вообще съ экономическими условіями. Во вторыхъ главный виновникъ войны, Наполеонъ III, началъ ее вовсе не изъ-за побужденій экономическаго свойства, а изъ-за интересовъ личнаго характера, а именно съ одной стороны личной непріязни въ виду отношенія къ нему Императора Николая I, послѣ переворота 2 Декабря 1851 года, а съ другой—въ виду необходимости упрочить свое положеніе, столь ложно построенное на почвѣ coup d'état: нужны были шумъ битвъ, умопомрачающій блескъ. Только такъ и можетъ держаться власть, основанная на узурпаціи и своеобразномъ плебисцитѣ,

держаться... до перваго пораженія. Такимъ образомъ данный „историческій фактъ“ заставляетъ насъ, въ качествѣ опыта, отвергнуть гипотезу обоснованія всего хода исторіи на почвѣ экономики.

Но если сторонники исключительнаго экономизма могли бы увидѣть въ этомъ фактѣ не чистый опытъ, въ виду примѣси экономическихъ моментовъ въ роли Россіи и въ особенности Англіи, примкнувшей къ политикѣ Наполена вовсе не изъ-за вопроса о св. мѣстахъ, то, помимо того соображенія, что и лабораторные опыты не являются „чистыми“, ибо и въ нихъ упускаются, и притомъ намѣренно, изъ изъ виду многія условія, сопровождающія тѣ-же явленія въ природѣ, —помимо этого соображенія, существуетъ не мало историческихъ фактовъ, говорящихъ противъ малѣйшей возможности привлеченія экономики въ рядъ „основъ“ этихъ фактовъ. Къ числу такихъ фактовъ относится, напримѣръ, Венгерскій походъ 1849 г., не имѣвшій для Россіи никакого экономическаго резона. Весь походъ былъ плодомъ личныхъ взглядовъ Императора Николая I и основой похода являются исключительно идеи политическаго, а не экономическаго характера.

Опытное значеніе историческихъ фактовъ лучше всего обрысовывается при ознакомленіи съ войнами, въ основу которыхъ положены чисто хозяйственныя стремленія. Такова послѣдняя англо-бурская война. Во время послѣдняго международнаго конгресса соціологовъ (въ засѣданіи 25 Сентября 1900 г.) Адольфъ Костъ, такъ безвременно погибшій для науки, замѣтилъ объ англо-бурской войнѣ слѣдующее. „Много было въ исторіи войнъ, которымъ были чужды экономическіе интересы и которыя были предприняты изъ-за славы, чести, религіозныхъ мотивовъ, политическихъ и т п. Мнѣ укажутъ на современную Трансваальскую войну. Разумѣется, я знаю, что здѣсь мы имѣемъ случаи войны, мотивированный экономическими интересами. Дай Боже, чтобы это всегда такъ было. Нельзя желать иного, такъ какъ это было бы началомъ конца войнъ. Послѣ войнъ, основанныхъ на экономическихъ интересахъ, скоро убѣдятся въ томъ, что утилитарная война является абсурдной, non-sens'омъ, потому что она всегда стоитъ дороже, чѣмъ она приноситъ. Если-бы экономическій матеріализмъ былъ-бы вѣренъ, то не существовало-бы въ исторіи столькихъ абсурдныхъ войнъ“. [1])

Результатъ войны показалъ, на сколько былъ правъ Костъ въ оцѣнкѣ описаннаго факта въ смыслѣ испытанія теоріи экономическаго матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, англійскія газеты подсчитали, что потери англо-бурской войны оцѣниваются для Англіи въ 250.000.000 фунтовъ стерлинговъ, 24000 убитыхъ, 70000 раненныхъ и около 18000 выбывшихъ изъ строя трудоспособныхъ по болѣзнямъ, вызваннымъ войною. Это потери только прямыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и прямыя потери гораздо значительнѣе указываемыхъ англійскою печатью. Вѣдь извѣстно-же, что англійское военное министерство хранило и хранитъ молчаніе по многимъ вопросамъ, связаннымъ съ послѣднею войною. Разслѣдованія парламентскихъ коммиссій

[1]) Annales de l'Institut International de Sociologie, tome VIII, Paris, 1902, p. 131.

также облечены тайной, и только изрѣдка въ печать проникаютъ разоблаченія о царившихъ въ англійской арміи, особенно въ хозяйственномъ ея управленіи, порядкахъ, связанныхъ съ громадной заболѣваемостью и смертностью. Такимъ образомъ нужно съ полнымъ убѣжденіемъ полагать, что потери Англіи во всѣхъ отношеніяхъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ подсчетъ, сдѣланный печатью. Непрямыя потери страны являются поистинѣ грандіозными. Непроизводительная затрата капитал въ, отливъ средствъ отъ экономическаго оборота въ странѣ, связанный съ неустойчивостью предпріятій и экономическими „заминками“, развращающее вліяніе шовинизма толпы и имперіализма большинства парламентскихъ партій, значительная порча самостоятельности взглядовъ печати и т. п.—все это такой минусъ для прогрессивной жизни страны, что „присоединеніе“ новыхъ колоній не можетъ никакъ почитаться экономически выгоднымъ.

Изъ современныхъ газетныхъ сообщеній мы узнаемъ, что Англіи приходится послѣ войны считаться съ значительнымъ увеличеніемъ пауперизма, бродяжества и преступленій. Такъ, въ 1900 г. одинъ нищій приходился на 42 человѣка, въ 1901 г.—на 40 человѣкъ. По отчету же на 1 ноября 1902 г.—одинъ нищій приходится на 38 человѣкъ населенія. Увеличеніе преступленій, по оффиціальнымъ отчетамъ, „крайне значительно“. Въ Лондонѣ число приговоровъ въ полицейскихъ судахъ увеличилось въ 1902 г. на 1522. Грабежей было больше на 50%, кражъ со взломомъ на 22% и подлоговъ на 50%. По отчетамъ комитетовъ о призрѣніи бѣдныхъ въ Лондонѣ число бродягъ, являющихся въ рабочіе дома, увеличилось на 20%. Есть еще одинъ, весьма недвусмысленный, признакъ обѣдненія населенія: съ 1899 г. вклады въ сберегательныя кассы уменьшаются ежегодно на 5.000000 фунтовъ стерлинговъ.

Въ статьѣ, посвященной разбору книги г. Новикова (La Fédération de l'Europe), статьѣ, содержащей, на ряду съ мѣткими указаніями, также и замѣчанія по отношенію къ труду Я. А. Новикова несправедливыя, г. Владиміровъ [1]) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ труда г. Новикова. „Никакія финансовыя средства не въ состояніи выдержать будущую войну. Вычислено, что въ случаѣ всеобщей войны, пять великихъ державъ должны будутъ *ежедневно* тратить по 105 милліоновъ франковъ, что дастъ, въ случаѣ годовой продолжительности военныхъ дѣйствій, сумму въ 38.325.000.000 франковъ. Но при современной системѣ избѣганія рѣшительныхъ дѣйствій, война должна длиться по крайней мѣрѣ два года. А для этого потребуется 76.650.000.000 фр. Откуда же взять эту колоссальную сумму? Путемъ внутренняго займа? Но займы представляютъ сбереженія народа, а сбереженія всего міра равны всего 12 милліардомъ франковъ въ годъ. Допустивъ даже, что эта сумма въ скоромъ будущемъ удвоится, ей все-таки будетъ далеко до 38 милліардовъ, необходимыхъ для всеобщей войны“.

---

[1]) Владиміровъ, Война и міръ съ соціологич. точки зрѣнія. „Вопросы общественной жизни“, Одесса 1902 г. вып. 2 и 3. Мы цитируемъ мѣсто изъ 3-го выпуска, стр. 90.

У Новикова есть и еще много весьма интересныхъ данныхъ для вычисленія „цѣны“ войны (много ихъ и у г. Бліоха). Такъ, война Америки 1861 года обошлась ей въ 20 милліардовъ франковъ. Вычислено, что еслибы она происходила въ 1892 г., то обошлась бы американцамъ въ 60 милліардовъ, вслѣдствіе остановки въ нормальномъ развитіи богатствъ Соединенныхъ Штатовъ. Нужно еще замѣтить, что во время сказанной войны въ Штатахъ было всего 32 милліона жителей и лишь около 1000000 призванныхъ къ оружію. Каково же было бы значеніе европейской войны при 380 милліонахъ жителей и 17.500.000 войска! [1])

Всѣ эти вычисленія придаютъ особенное значеніе тѣмъ историческимъ фактамъ, которые нами приведены выше.

И такъ историческіе факты имѣютъ значеніе „опытныхъ фактовъ“ и къ тому же вполнѣ оправдываютъ „оцѣнку“ настоящаго съ точки зрѣнія идеаловъ. Дѣйствительность является отъ этого въ болѣе полномъ и болѣе всестороннемъ освѣщеніи.

Въ виду изложенныхъ нами, къ сожалѣнію, очень бѣгло (что вызвано условіями выполняемой нами нынѣ задачи), мыслей, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ одною изъ самыхъ выдающихся современныхъ соціологовъ *М. Ковалевскаго*, высказаннымъ имъ въ отчетномъ году съ особенною рѣшительностью. [2]) Ковалевскій собственно высказался по поводу современнаго стремленія, довольно рѣзко выраженнаго въ юриспруденціи, „оцѣнивать дѣйствующее законодательство съ метафизической точки зрѣнія абсолютной справедливости и яко-бы прирожденныхъ человѣку такъ называемыхъ естественныхъ правъ.“ О возрожденіи „естественного права“ скажемъ ниже, а здѣсь замѣтимъ, что тому, кто прочелъ всю статью проф. М. Ковалевскаго, можетъ показаться неожиданной и непослѣдовательной слѣдующая фраза, приведенная въ той-же статьѣ: Юриспруденція *должна внушать реформы*, необходимыя въ дѣйствующемъ законодательствѣ для приведенія его въ соотвѣтствіе съ состояніемъ и прогрессомъ цивилизаціи. Но въ дѣйствительности здѣсь противорѣчія нѣтъ, ибо проф. Ковалевскій ограничиваетъ дѣло реформъ задачей „привести въ соотвѣтствіе“ дѣйствующее законодательство не съ идеалами, выработанными наукой и жизнію, т. е. не съ будущимъ, не съ долженствующимъ, а съ „настоящимъ,“ съ „состояніемъ и прогрессомъ цивилизаціи“. Здѣсь, какъ видимъ, проявило себя не объективно-научное знаніе, а идеологія автора, та самая идеологія, которая проявляется и въ осуждаемой авторомъ „оцѣнкѣ дѣйствующаго законодательства съ метафизической точки зрѣнія абсолютной справедливости и яко-бы прирожденныхъ человѣку, такъ называемыхъ естественныхъ правъ.“ Разница между принимаемой проф. Ковалевскимъ и осуждаемой ими точками зрѣній—не состоитъ въ объективной научности одной и ненаучности другой, а заключается вопервыхъ въ

---

[1]) Novikow, La Fédération de l'Europe. Paris 1901, p. 585.

[2]) М. Ковалевскій, Соціологія и сравнительная исторія права. Вѣстникъ Воспитанія 1902 г. № 2. Цитировано по статьѣ проф. Карѣева: Русск. Бог. 1902 г. № 4.

различіи идеологіи, которая, вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ (напр. Дюркгейма), не *создается* наукой, а лишь раскрывается, опредѣляется ею. Во-вторыхъ разница-то произошло отъ того, что, очевидно, проф. Ковалевскій, при всей его грамадной эрудиціи и удивительной начитанности, иногда все-же оказывается знакомымъ съ предметомъ не съ той должной полнотой, какой мы вправѣ отъ такого выдающагося и глубокаго ученаго требовать. [1]) Дѣло въ томъ, что современное направленіе юриспруденціи, направленное къ созданію дисциплины „естественнаго права," какъ комплекса правовыхъ идей, призванныхъ служить для *оцѣнки* дѣйствующаго законодательства съ точки зрѣнія справедливости (юридическая деонтологія, соотвѣтствующая для случая соціологіи—соціальной деонтологіи), проф. Ковалевскій называетъ метафизической теоріей „абсолютной справедливости" и „такъ называемыхъ прирожденныхъ правъ." Но въ дѣйствительности современное стремленіе къ созданію дисциплины „естественнаго" права является ли простою попыткой возродить давно похороненную Бентамомъ и всею историческою школой правовѣдѣнія, (Гроцій, Савинья, Пухта, въ последнее время въ особенности Бергбомъ и т. п) прежнюю школу „естественнаго права" съ его „абсолютною справедливостью" и „прирожденными правами"? Если-бы это было бы даже такъ, то это не доказывало бы еще незаконности „оцѣнки дѣйствующаго законодательства" съ точки зрѣнія идеологіи будущаго. Это показывало-бы, что обсуждаемое направленіе юриспруденціи заслуживаетъ упрека въ некритическомъ отношеніи къ прочно установленнымъ прошлою наукой положеніямъ. И только.

II

Однако, такого упрека обсуждаемое направленіе не заслуживаетъ. Вопросъ этотъ такъ близко касается той задачи, которую мы себѣ поставили, а право на столько связано съ соціологіей, что мы считаемъ нужнымъ, хотя-бы вкратцѣ, остановиться на данномъ предметѣ. Само собой разумѣется, что разсмотрѣны нами будутъ только тѣ труды данной области научныхъ знаній, которые появились въ отчетномъ году (незначительное отступленіе мы позволимъ себѣ сдѣлать только для труда проф. Новгородцева „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ," появившагося въ 1901 г. Да и то эту работу мы разсмотримъ лишь въ связи съ статьей проф. Карѣева „Естественное право и субъективная соціологія," появившеюся въ отчетномъ году). Сюда прежде всего относится трудъ *В. Гессена* „Возрожденіе естественнаго права". [2]) Въ этой небольшой, но замѣчательной по ясности изложенія, по полнотѣ изслѣдованія, по удивительной послѣдовательности мысли, статьѣ (собственно, это рѣчь, произнесенная авторомъ въ юбилейномъ засѣданіи Петербургскаго Юридич. Общества 23 февраля 1902 г.), авторъ знакомитъ насъ въ краткихъ чертахъ съ историческими судьбами старой раціоналисти-

[1]) Для примѣра сошлюсь на указанія, сдѣланныя мною въ статьѣ „Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права" Журн. „Живая Старина" 1892 г. вып. IV.

[2]) Право 1902 г. № 10 и 11.

ческой школы естественнаго права, съ той ожесточенной критикой, которой подверглась раціоналистическая канцепція „естественнаго“ права со стороны Бентама, а затѣмъ исторической школы, которая, однако, не уничтожила самаго ученія, а замѣнила его новымъ—органическимъ пониманіемъ того-же предмета и затѣмъ переходитъ къ критикѣ самой идеи естественнаго права по существу со стороны извѣстнаго юриста Бергбома. Послѣдній критикуетъ то именно пониманіе естественнаго права, которое, не смотря на придаваемый ему характеръ вывода изъ основы народнаго духа, продукта историческаго развитія народовъ („историзмъ“ по терминологіи г. Гессена), —является гносеологически той именно метафизикой, противъ которой высказался въ вышеуказанной работѣ проф. Ковалевскій. Бергбомъ даже и выражается о подобномъ пониманіи естественнаго права почти такъ-же, какъ и проф. Ковалевскій [1])

На смѣну органическому пониманію идеи „естественнаго права“ пришло новое направленіе, *идеалистическое*. Впервые съ наибольшею глубиной оно обосновано проф. А Петражицкимъ (въ 1895 г.), [2]) отстаивающимъ необходимость созданія особой юридической дисциплины „политики права“ (авторъ главн. образ. занимается „цивильной политикой“). Хотя и до Петражицкаго идея естественнаго права удерживалась въ литературѣ многихъ народовъ (напр. во Французской, Итальянской), хотя и многіе юристы Германіи объявляютъ себя сторонниками этой идеи (*Гессенъ*, Возрожденіе естественнаго права, Право 1902, № 10, стр. 476), но лишь Петражицкій обосновалъ идею „возрожденія“ естественнаго права съ достаточной глубиной и полнотой. (См. его труды: наиболѣе ранній „Fruhtvertheilung beim Wechsel der Nutzungsberechtigten, 1892, „Die Lehre v. Einkommen“ Bd. I и II, „Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы“ Спб. 1897, особ. стр. 373 и слѣд., „Что такое право“ Вѣсти. Права 1899 г. № 1, „Очерки философіи права“ вып. I, Спб. 1900 г. и „Къ вопросу о возрожденіи естественнаго права и нашей программѣ“. Право 1901 г. №№ 41, 42 и 43). Изъ русскихъ юристовъ, сторонниковъ новаго направленія, кромѣ г.г. Петражицкаго и Гессена, назовемъ еще проф. Покровскаго и Новгородцева. Не смотря на отличія во взглядахъ (для Петражицкаго и Покровскаго это „политика права“, основанная на интуитивномъ правосознаніи, т. е. все-это пониманіе идеалистическое, для Гессена и Новгородцева это „норма правоубѣжденія“, этическая оцѣнка дѣйствующаго права) общая основа ученія упомянутыхъ авторовъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ жизнь права „настоящаго“ ими вводится элементъ деонтологическій или основы идеальнаго права „будущаго“. А это совсѣмъ не то, что говорилось старой раціоналистической школой прирожденныхъ правъ или

---

[1]) Проф. Новгородцевъ совершенно основательно замѣчаетъ, что теперь нельзя уже запугать читателя словомъ „метафизика,“ какъ это еще можно было сдѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. См. статью его „Нравственный идеализмъ въ философіи права,“ въ сборникѣ „Проблемы Идеализма,“ Москва 1903 г., стр. 253, примѣч. 3.

[2]) Собственно еще въ 1892 г., въ первомъ трудѣ Петражицкаго, появившемся на нѣмецкомъ языкѣ.

смѣнившей ее исторической школы органическаго происхожденія высшаго права, основаннаго на исторически-абсолютной справедливости. По этому къ этому новому направленію замѣчанія проф. Ковалевскаго отнесены быть не могутъ.

Что же сказали въ отчетномъ году (только этотъ гдѣ насъ теперь и занимаетъ) о себѣ авторы упомянутаго направлепія? Вотъ что говоритъ, напримѣръ, В. М. Гессенъ. Исходя изъ того, что естественное право дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ какъ и положительное (т. е. нормируетъ поступки людей?), Бергбомъ считаетъ принципіальнымъ заблужденіемъ создаваемый имъ правовой *дуализмъ*: одинъ и тотъ-же вопросъ получаетъ два другъ друга исключающихъ рѣшенія; одно съ точки зрѣнія положительнаго, другое—естественнаго права. А такъ какъ это невозможно, ибо не можетъ быть двухъ противоположныхъ истинъ, то естественное право есть прямое отрицаніе права положительнаго, которое уже является не-правомъ. Означенное разсужденіе, по мнѣнію г. Гессена, содержитъ въ себѣ коренную ошибку. „Конечно, между нормой положительнаго права и *нормой правоубѣжденія* возможно противорѣчіе. Но такое противорѣчіе отнюдь не разрѣшается *отрицаніемъ* положительнаго права, а лишь требованіемъ реформы послѣдняго", требованіемъ, чтобы норма естественнаго права была возведена въ норму права дѣйствующаго, „требованіемъ позитивацiи естественно-правовой нормы" [1]) „Естестественное право является идеологическимъ критеріемъ положительнаго права, необходимымъ „категорическимъ" (Zurück zu Kant?) постулатомъ его развитія. Всякая критика положительнаго права не съ точки зрѣнія „пользы", „удобства, „выгоды", а съ точки зрѣнія идеальныхъ требованій правосознанія, есть критика естественнаго права" (Гессенъ, Право № 10, стр. 481) Теорія новаго еетественнаго права составляетъ *поворотъ къ идеализму*. [2]) „Безъ широкой и свободной *идеологической* или, что то же, естественно-правовой критики положительнаго права —критики, съ точки зрѣнія его соотвѣтствія правовымъ идеаламъ современнаго общества, нѣтъ и не можетъ быть сколько-нибудь глубокой, сколько-нибудь новой законодательной реформы. Соціальному прогрессу всегда и необходимо предшедствуетъ „поворотъ къ идеализму"—ибо только онъ можетъ задумать и осуществить великое дѣло реформъ" [3])

Проф. Н. К. Карѣевъ, изложивъ вкратцѣ содержаніе разсмотрѣнной нами статьи г. Гессена, замѣчаетъ: симпатичную сторону статьи г. Гессена представляетъ ея нравственный идеализмъ. Онъ совершенно вѣрно понимаетъ прогрессивную роль разсматриваемой идеи, какъ заключающей въ себѣ требованіе *реализаціи въ положительномъ правѣ этическаго идеала,* основаннаго на идеѣ справедливости". [4]) Далѣе: „Если въ области юриспруденціи тому, что г. Гессенъ такъ защи-

[1]) Гессенъ, № 10, стр. 480.
[2]) Гессенъ, Возрожденіе естествен. права, Право 1902 г. № 11, стр. 545,
[3]) Idem стр. 547.
[4]) Карѣевъ, Нужно-ли возрожденіе естественнаго права? Русск. Богатство 1902 г. № 4, стр. 6.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

щаетъ, суждено утвердиться, то это будетъ не возвращеніемъ естественнаго права (конечно, въ томъ смыслѣ какъ его понимаетъ проф. М. М. Ковалевскій?), а перенесеніемъ въ спеціальную область юриспруденціи того *соціальнаго идеализма*, котораго никогда не чуждалась субъективная соціологія“ [1])

Что касается другого представителя интересующаго насъ въ данную минуту направленія, проф. П. И. Новгородцева, то, помимо его первоначальнаго труда, „Историческая школа юристовъ“, каковой трудъ названъ проф. Петражицкимъ „весьма цѣннымъ и выдающимся“ [2]), — основные взгляды его высказаны въ его докторской диссертаціи „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“, появившейся въ печати въ 1901 г., но бывшей предметомъ диспута въ Петербургскомъ Университетѣ 22 Сентября 1902 г. Не касаясь совершенно неокантіанства автора (и даже поворота къ Гегелю, что, замѣтимъ здѣсь-же, проф. Петражицкій считаетъ соединеніемъ несоединимаго), такъ какъ этотъ вопросъ выходитъ совершенно за предѣлы нашей задачи, остановимся на указанной диссертаціи, по сколько ею обсуждается вопросъ о естественномъ правѣ и о нравственной оцѣнкѣ дѣйствующихъ законодательныхъ нормъ. Проф. Новгородцевъ всецѣло присоединяется къ проявляющемуся въ послѣднее время (въ правѣ: для соціологіи это справедливо и не для „послѣдняго“ только времени) стремленію „отстоять особое *этическое* разсмотрѣніе явленій на ряду съ теоретическимъ“ [3]) и главнымъ образомъ потому, что однихъ научныхъ данныхъ при построеніи идеаловъ будущаго *недостаточно* [4]) Но этого одного мало: не только настоящее недостаточно для опредѣленія идеаловъ будущаго, но поворотъ къ естественному праву „знаменуетъ собою независимый и самостоятельный судъ надъ положительнымъ правомъ“ и такимъ путемъ идеалы будущаго вызываютъ необходимость реформъ настоящаго [5]). Какъ видимъ, въ словахъ этихъ рѣзко и опредѣлено очерчено все то, что мы сказали выше, утверждая необходимость введенія въ задачи соціологіи соціальной деонтологіи. Въ своей рѣчи, предпосланной докладу въ Петерубргскомъ университетѣ, проф. Новгородцевъ говоритъ по интересующему насъ предмету слѣдующее: „Еслибы я захотѣлъ, говоритъ авторъ, точнѣе опредѣлить тотъ главный интересъ, который опредѣлилъ направленіе моего послѣдняго труда (вышеуказанной нами докторской диссертаціи), то я долженъ сказать, что онъ заключается въ изслѣдованіи вопроса о самостоятельномъ значеніи нравственнаго начала [6]) Нравственное наше сознаніе, отрекающееся отъ той дѣйствительности, которая идетъ въ разрѣзъ съ его (нравственнаго чувства) требованіями, протестуетъ и ропщетъ и требуетъ отъ будущаго того, чего

[1]) Карѣевъ, l. c. стр. 9.

[2]) Л. Петражицкій, Къ вопросу о „возрожденіи естествен. права“ и нашей программѣ. Право 1902 г. № 41.

[3]) Новгородцевъ, Кантъ и Гегель въ ихъ ученіи о правѣ и государствѣ. Москва 1901 г. стр. 99.

[4]) Idem стр. 100.

[5]) Idem стр. 150.

[6]) Новгородцевъ, О задачахъ современной философіи права Право 1902 г. № 40.

нѣтъ въ настоящемъ. Въ виду этого правовѣдѣніе должно поставить на первую очередь понятіе „нравственнаго долженствованія“ вмѣсто исключительной идеи „исторической необходимости“[1])

Въ отчетномъ году проф. Новгородцевъ посвятилъ данному вопросу еще одну, съ нашей точки зрѣнія особенно цѣнную, работу. Мы имѣемъ въ виду статью его „Нравственный идеализмъ въ философіи права“, помѣщенную въ сборникѣ статей различныхъ авторовъ, подъ общимъ заголовкомъ „Проблемы Идеализма“. Хотя сборникъ этотъ помѣченъ 1903 г. и формально не долженъ былъ войти въ нашъ „обзоръ“, но появился этотъ сборникъ въ 1902 году (и даже въ нѣкоторыхъ органахъ печати, напр. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о немъ данъ отзывъ въ отчетномъ году), и потому мы считаемъ своею обязанностью мѣстами въ нашемъ обзорѣ касаться работъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, хотя, конечно, мы не можемъ останавливаться на всѣхъ работахъ, въ него включенныхъ, съ той подробностью, какой эти работы заслуживаютъ.

Указавъ въ упомянутой статьѣ на историческую необходимость появленія новаго направленія, именно возрожденія „естественнаго“ права (въ указанномъ выше смыслѣ), г. Новгородцевъ совершенно справедливо приходитъ къ заключенію, что идея естественнаго права явилась лишь частнымъ отраженіемъ болѣе общаго міросозерцанія и болѣе широкаго морально-практическаго настроенія, выступившихъ на защиту самостоятельности нравственнаго начала и безусловнаго права личности возвышаться надъ исторіей и произносить надъ ней свой судъ и свою оцѣнку. [2]) Примѣняя эту точку зрѣнія къ правовѣдѣнію, многіе юристы (напр., Офнеръ) находятъ, что юриспруденція должна покинуть свой ложный путь исключительнаго истолкованія дѣйствующаго права и должна усвоить болѣе широкую точку зрѣнія *соціальнаго* изученія и принять участіе въ благородной задачѣ преобразованія права. [3]) Совершенно опредѣленно задачи новаго направленія освѣщены г. Новгородцевымъ въ слѣдующихъ словахъ. „Совершающееся на нашихъ глазахъ возрожденіе естественнаго права находится въ связи съ тѣмъ предчувствіемъ новыхъ жизненныхъ формъ, которое невольно *обращаетъ мысль отъ настоящаго къ будущему*. Эта связь естественно-правовой доктрины съ созиданіемъ новыхъ правовыхъ формъ, объясняя ея распространеніе въ наше время, вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ и ту постоянную потребность, которая и прежде неизмѣнно приводила къ естественно-правовымъ построеніямъ. Эта потребность *сознательно итти навстрѣчу будущему* и осуществлять *въ немъ*, еще неопредѣленномъ и какъ-бы находящемся въ нашей власти, наши идеальныя стремленія и надежды. Особенно ярко сказывается эта потребность въ эпохи кризисовъ и переломовъ, когда формы жизни явно обнаруживаютъ свою ветхость, когда обществомъ овладѣваетъ нетерпѣливая жажда новыхъ порядковъ“. [4])

---

[1]) Новгородцевъ, l. c. стр. 1749 и 1750.

[2]) Новгородцевъ, Нравств. идеализмъ въ философіи права. Сборн. „Проблемы идеализма“, Москва 1903 г., стр. 241—242.

[3]) Новгородцевъ, ibidem стр. 244.

[4]) Новгородцевъ, op. cit, стр. 250.

При всемъ моемъ согласіи съ авторомъ по вопросамъ законности этической оцѣнки настоящаго, связанной съ защитой самостоятельности нравственнаго начала и безусловнаго права возвышенія личности надъ исторіей для суда надъ ней, я не могу согласиться съ тѣмъ ограниченіемъ вопроса, какое замѣчается у проф. Новгородцева въ значеніи этой „оцѣнки“ въ смыслѣ активнаго вліянія его на „настоящее“. Авторъ говоритъ, что отстаиваемое имъ направленіе, которому мы по существу безусловно симпатизируемъ и которое давно уже исповѣдуемъ (объ этомъ я уже высказался печатно давно, еще въ 1893 г. въ своихъ „Очеркахъ первобытнаго права“), является выраженіемъ „естественной потребности итти навстрѣчу будущему“. Съ этимъ вполнѣ согласенъ. Но что-же у г. Новгородцева значитъ „итти навстрѣчу будущему“? Значитъ-ли это лишь въ мечтахъ лелѣять это будущее, грезить о немъ? Нѣтъ, онъ находитъ, что это значитъ стремиться къ преобразованію права (и, значитъ, жизни) въ направленіи идеаловъ, вырисовывающихся на почвѣ самостоятельности нравственныхъ началъ. И съ этимъ согласенъ. Но г. Новгородцевъ, очевидно, ограничиваетъ свое стремленіе навстрѣчу будущему именно однимъ только „будущимъ“, ибо онъ находитъ, что итти ему навстрѣчу значитъ осуществлять „въ немъ“, т. е. въ этомъ будущемъ, наши идеальныя стремленія и надежды. Ну, а настоящее? Какъ на немъ должно отразиться это дѣйственное стремленіе къ будущему, вырисовывающемуся на почвѣ самостоятельности нравственныхъ началъ? Неужели отношеніе къ настоящему выражается въ одной „оцѣнкѣ“ его, въ одномъ судѣ надъ нимъ, т. е. становится отношеніемъ не дѣйственнымъ, а лишь критическимъ, отрицательнымъ (и всегда отрицательнымъ, потому что идеалъ никогда вполнѣ неосуществимъ, идеалъ все идетъ дальше, и „будущее“, ставъ „настоящимъ“,—снова оцѣнивается съ точки зрѣнія новаго будущаго)? Если-да, то съ этимъ мы рѣшительно несогласны. А между тѣмъ-да. Вѣдь авторъ только и имѣетъ въ виду „осуществлять идеальныя стремленія и надежды“ „въ немъ“, въ будущемъ. Еще рѣшительнѣе это выражено въ началѣ приведенной цитаты, гдѣ говорятся, что предчувствіе новыхъ жизненныхъ формъ „обращаетъ мысль *отъ* настоящаго къ будущему“. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія: отстаиваемое проф. Новгородцевымъ направленіе имѣетъ въ виду ту самую „любовь къ дальнимъ“, которую отстаивалъ Ничше и изъ-за которой проглядывается „любовь къ ближнимъ“. У Ничше это дѣлается сознательно и такое его отношеніе къ ближнимъ опредѣленно мотивировано; у г. же Новгородцева такой мотивировки нѣтъ. Она встрѣчается, правда, у другихъ авторовъ того-же направленія, помѣстившихъ свои статьи въ томъ-же сборникѣ, въ которомъ помѣщена работа г. Новгородцева (напр. статья г. Бердяева), но г. Новгородцевъ не заходитъ въ положительной части своей работы такъ далеко и потому мы не вправѣ приписывать ему взглядъ, который высказанъ другими сторонниками „новаго“ (я уже указалъ, и буду имѣть случай указать, что въ главной своей сущности оно не-новое) направленія. Поэтому я полагаю, что просто г. Новгородцевъ не остановился внимательнѣй на данной сторонѣ дѣла Иначе онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ за-

ключенію, что „итти навстрѣчу будущему“, покоющемуся на самостоятельномъ и властномъ требованіи нравственныхъ началъ, значитъ не только относиться активно къ будущему, а и къ настоящему; значитъ не голько „оцѣнивать“ настоящее съ точки зрѣнія этическихъ началъ, а активно вліять на это настоящее, не отвращать мысль отъ настоящаго къ будущему, „неопредѣленному“ и какъ-бы находящемуся въ нашей власти“, а обращать мысли къ будущему не ради послѣдняго только, а и ради настоящаго, любя близкихъ такъже, какъ и дальнихъ.

Послѣ этого незначительнаго по размѣрамъ, но серьезнаго по существу, отступленія—обращаюсь къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ проф. Новгородцева. Задавшись цѣлью „размежевать“ свою философскую доктрину отъ позитивно-историческаго взгляда, авторъ говоритъ, что новая естественно-правовая школа рѣшаетъ свои вопросы, опираясь на совершенно новыя основанія. Для объясненія же послѣднихъ необходимо ясно „поставить естественно-правовую проблему“ и затѣмъ показать отношеніе къ ней историческаго созерцанія. Наиболѣе интереснымъ, конечно, представляется первая часть задачи „ясная постановка естественно-правовой проблемы“, ибо вторая часть „отношеніе къ ней историческаго созерцанія“, при такой постановкѣ выяснится сама собой.

„Мы видѣли, говоритъ г. Новгородцевъ, [1]) что основной вопросъ естественнаго права есть вопросъ о правѣ будущаго. Но всякій разъ, когда этотъ вопросъ ставился въ своей настоящей строгости и чистотѣ, будущее приводилось въ связь съ извѣстнымъ нравственнымъ идеаломъ. Потребность, которою вызывалось его построеніе, состояла въ томъ, что настоящее представлялось въ томъ или другомъ отношеніи несовершеннымъ. По этому отъ будущаго права ожидали не простого результата данныхъ условій, а результата идеальнаго и желательнаго. Мысль обращалась не къ тому, что *будетъ* въ силу естественныхъ причинъ, а къ тому, что *должно быть*, въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ закономъ. По основному смыслу проблемы, построеніе будущаго было вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнкой настоящаго, а эта оцѣнка производилась не съ точки зрѣнія причинной исторической послѣдовательности, а съ точки зрѣнія нравственнаго долженствованія. То или другое явленіе могло быть исторически неизбѣжнымъ, а естественное право, въ силу своего моральнаго идеала, объявляло его нравственно негоднымъ“. Итакъ—вотъ ясная постановка вопроса естественнаго права, въ которой противоположеніе между Müssen (то, что будетъ въ силу необходимости) и Sollen (то, что должно быть, въ смыслѣ желательнаго) приводитъ къ верховенству послѣдняго. Здѣсь оставалось только еще не „обращать мысль отъ настоящаго къ будущему“ и не дѣлать настоящее только объектомъ оцѣнки съ точки зрѣнія будущаго, оставалось придти къ выводу о дѣйствительномъ вліяніи этическаго „Sollen“ на настоящее, чтобы отстаиваемая г. Новгородцевымъ доктрина пріобрѣла полное право на значеніе истинной теоретико-практической

[1]) Новгородцевъ, op. cit., стр. 254.

философіи. Это тогда было бы и ученіемъ и программой, и то и другая обхватывали бы въ одной грандіозной концепціи и будущее и настоящее и создало бы введеніе этическаго начала въ жизнь настоящаго не только въ смыслѣ оцѣнки, но и въ смыслѣ акивности, т. е. *соціальной силы*. Доктрина сдѣлалась бы динамической, а практически стала-бы новымъ „симъ побѣдиши".

Итакъ, вопросъ о долженствующемъ, въ смыслѣ „Sollen",—вотъ центральный пунктъ новой школы, вопросъ, который, однако, давно уже разрабатывается въ нѣкоторыхъ соціологическихъ школахъ (напр., русской школѣ, а на западѣ главнымъ образомъ Уордомъ [1]) и отчасти Паланюмъ и нѣкот. другими). По вопросу объ этомъ центральномъ пунктѣ ученія проф. Новгородцевъ говоритъ, что о томъ, что должно быть, мы не можемъ судить по тому, что было и что есть, ибо проблема этическаго долженствованія разрѣшается *на почвѣ апріорныхъ указаній нравственнаго сознанія*. Нравственная же проблема недоступна позитивной методѣ [2]), ибо „наука о существующемъ не можетъ дать никакихъ критеріевъ для оцѣнки". [3]) „Когда моральная философія ставитъ ту же самую проблему о будущемъ правѣ, она не отправляется отъ примѣровъ прошлаго и не берется предсказывать. *Ея источникъ-требованія моральнаго сознанія*. Размышляя о будущемъ съ этой точки зрѣнія, мы не говоримъ, что мы его знаемъ: мы его требуемъ; мы хотимъ вложить часть своей мысли и надежды въ неопредѣленную перспективу грядущаго. Та естественная необходимость, которая стоитъ въ противорѣчіи съ нравственнымъ идеаломъ, здѣсь просто отрицается. Задача состоитъ въ томъ, чтобы установить безусловную заповѣдь для нравственныхъ стремленій. Для силы этой заповѣди *непосредственный практическій успѣхъ не имѣетъ значенія* (курсивъ нашъ): fais ce que dois, advienne que pourra". [4])

Я оставляю въ сторонѣ въ этой цитатѣ соотвѣтствіе ея съ ранѣе указаннымъ недостаткомъ доктрины, почти совершенно приносящей настоящее („непосредственный пратическій успѣхъ не имѣетъ значенія") въ жертву новому Молоху—„неопредѣленной перспективѣ", хотя и этической, грядущаго. Этотъ недостатокъ вполнѣ рельефно выраженъ въ практической фармулѣ: „дѣлай то, что долженъ—наступитъ то, что можетъ наступить". (Вотъ-бы гдѣ г. Кистяковскому заняться значеніемъ „категоріи возможности". См. его работу въ сборникѣ „Проблемы идеализма"). Я оставляю, говорю, въ сторонѣ теперь эту часть доктрины г. Новгородцева, потому что высказался уже о ней и потому, что въ настоящую минуту меня болѣе интересуетъ философская сторона вопроса—именно вопросъ объ источникахъ этическихъ нормъ. Хотя этого вопроса мы подробнѣе коснемся въ другомъ мѣстѣ, когда будемъ разсматривать помѣщенную въ

---

[1]) О соотвѣтствующихъ отдѣлахъ книги Уорда „Очерки Соціологіи" см. мой „Обзоръ соціологической литературы за 1901 г.", Екатеринославъ 1902 г. стр. 38 и слѣд.

[2]) Новгородцевъ, op. cit, стр. 255—256.

[3]) Новгородцевъ, op. cit, стр. 259.

[4]) Новгородцевъ, op. cit, стр. 263.

сборникѣ „Проблемы Идеализма и работу г. Бердяева, но мы считаемъ нужнымъ уже здѣсь намѣтить основы вопроса. Въ полное противорѣчіе съ этикой эволюціонистовъ, утилитаристовъ, позитивистовъ и т. д. г. Новгородцевъ заявляетъ, что проблема этическаго долженствованія разрѣшается на почвѣ апріорныхъ указаній нравственнаго сознанія, что въ этомъ дѣлѣ наукѣ о существующемъ дѣлать нечего и что источникъ проблемы лежитъ въ требованіи моральнаго сознанія. Если вполнѣ можно согласиться съ отрицательнымъ отношеніемъ г. Новгородцева къ исключительности этическихъ доктринъ эволюціонистовъ, позитивистовъ и т. д., то нельзя согласиться и съ доктриной „оторванности морали отъ жизни“, такъ какъ эта исключительность составляетъ такую же крайность, какую представляютъ нами отвергнутыя разсматриваемою доктриной ученія. Разсматриваемый здѣсь вопросъ уже обсуждался мной однажды въ печати [1]) и я считаю возможнымъ ограничиться здѣсь краткимъ повтореніемъ сказаннаго. Французскій соціологъ Дюркгеймъ полагаетъ что съ помощью науки мы выдѣляемъ идеалъ изъ дѣйствительности. По этому поводу критикъ Дюркгейма (г. П. Ю.) замѣчаетъ, что изученіе дѣйствительности конечно связано съ критикой ея, причемъ, однако, критеріумомъ служитъ для насъ уже существующій въ насъ идеалъ и потому изученіе дѣйствительности въ состояніи только точнѣе формулировать этотъ идеалъ, но не создать его. Такимъ образомъ изученіе дѣйствительности представляетъ только процессъ *раскрытія* идеала, но отнюдь не его *открытія*, его формулированія, но не его формированія (П. Ю. „Соціологич. взгляды Дюркгейма, Русск. Бог. 1898 г. № 11, стр. 99 и слѣд. Сравн. взгляды Юзова, Карѣева и др.). Сравнивая значеніе „прогресса“ въ отношеніи къ „соціальной эволюціи“, я замѣтилъ слѣдующее: „При простой эволюціи личность присутствовала бы въ качествѣ безпомощнаго статиста при развертываніи историческихъ дѣйствій по пути къ непреложному Müssen и потому не имѣла бы и никакого нравственнаго долга (Sollen), кромѣ долга, вытекающаго изъ разума, раціональнаго долга,—не вмѣшиваться въ необходимый ходъ вещей, котораго это вмѣшательство все равно не было бы въ состояніи измѣнить. При прогрессѣ общества личность получаетъ *научное обоснованіе* своей вѣры въ продуктивность активной роли ея въ историческомъ прогрессѣ, въ возможность реформъ, постановки идеаловъ, въ необходимость (въ смыслѣ нравственнаго долга) преслѣдованія этихъ идеаловъ и т. д. Изъ изложеннаго ясна разница между нашей точкой зрѣнія и г. Новгородцева при всемъ общемъ сходствѣ отстаиваемыхъ нами доктринъ. Если, напримѣръ, Лабріола, говоря, что „идеалы не падаютъ съ неба“, разумѣлъ, что они вытекаютъ исключительно изъ развитія жизни, понимая подъ основой послѣдней экономическую ея сторону, то г. Михайловскій, говоря почти то же (идеалы земнаго происхожденія), разумѣлъ совершенно иное, а именно, что личность, изучая дѣйствительность, получаетъ, какъ мы выразились выше, научное обоснованіе своихъ идеаловъ и вѣры въ ихъ торжество. Это дѣй-

[1]) Гальперинъ, Органич. теорія строенія и развитія общества, стр. 127 и слѣд.

ственное значеніе этическаго момента составляетъ отрицаніе исключительной оторванности его отъ жизни. Наукѣ здѣсь не нечего дѣлать, ибо хотя она не создаетъ идеаловъ, и въ этомъ смыслѣ г. Новгородцевъ правъ, говоря, что послѣдніе создаются на почвѣ „апріорныхъ указаній нравственнаго сознанія“, но она помогаетъ ихъ формулированію; она даетъ объективное обоснованіе активной оцѣнкѣ настоящаго и вѣрѣ въ наступленіе желательнаго будущаго. Такая помощь науки заставляетъ насъ въ то же время разойтись со взглядомъ проф. Новгородцева на самое идеальное будущее. Оно всегда, какъ мы видѣли, представляется для него „неопредѣленной перспективой“, или какъ онъ еще раньше выразился, „еще неопредѣленнымъ и какъ-бы находящимся въ нашей власти“. Я полагаю что съ точки зрѣнія доктрины г. Новгородцева, признающаго недостижимость полной реализаціи идеальнаго будущаго, ибо и для него, какъ и для меня, едва будущее станетъ дѣйствительнымъ, какъ и для него будетъ свое будущее, вырисовывающееся на почвѣ новыхъ этическихъ идеаловъ,—съ точки зрѣнія г. Новгородцева „будущее“ должно быть расчленено на болѣе отдаленное и ближайшее. И вотъ въ дѣлѣ ближайшихъ идеаловъ не можетъ быть никакой неопредѣленности, никакихъ неясныхъ перспективъ (весьма близко къ нашему взгляду высказывается другой сотрудникъ сборника „Проблемы Идеализма“, г. Франкъ)—активная дѣятельность „стремленія итти навстрѣчу желательному будущему“—должна имѣть объективное (земное) обоснованіе, вѣра въ будущее должна быть раціональной вѣрой. Въ этомъ дѣлѣ можетъ личности придти на помощь только наука.

Что принятіе той части ученія г. Новгородцева, которую мы привѣтствуемъ какъ глубоко правильную и симпатичную, не связано неизбѣжно съ принятіемъ тѣхъ частей ученія, которыя мы признать правильными не можемъ, видно изъ многихъ несогласій въ частностяхъ всей доктрины, которыя обнаружили сотрудники Сборника „Проблемы Идеализма“, объединенные одной и той-же идеей. Выясненію этихъ частныхъ несогласій мы посвятимъ въ нашемъ „Обзорѣ“ вниманіе отдѣльно, а теперь вернемся опять къ разсужденіямъ г. Новогородцева.

Разсматривая отношенія „новой“ естественно-правовой проблемы къ исторіи и соціологіи, г. Новогородцевъ говоритъ о послѣдней слѣдующее. „Современная теорія познанія сильно поколебала надежды, возлагавшіяся на эту науку ранѣе, и въ частности она совершенно подорвала кредитъ соціологіи, какъ науки, способной предвидѣть соціальное будущее“. Замѣтимъ, что приведенное утвержденіе является совершенно голословнымъ. Какая „теорія познанія подорвала кредитъ соціологіи“? Ужъ не о знаменитомъ же тезисѣ французскаго академика Брунетьера о „банкротствѣ науки“ говоритъ авторъ? Или онъ имѣетъ въ виду теченіе, замѣтное въ современной германской философіи? Но теченіе это такъ слабо выражено, что на него ссылаться едва-ли приходится. Говорить о „подрывѣ кредита“ къ наукѣ, охватывающей все большее и большее количество умовъ,— не приходится, въ особенности безъ убѣдительныхъ доказательствъ въ рукахъ. Однако, намъ могутъ замѣтить, что проф, Новгородцевъ

ограничиваетъ банкротство соціологіи тѣмъ, что теорія познанія „подорвала“ кредитъ соціологіи, только какъ „науки, способной предвидѣть будущее“. Нашъ авторъ дѣйствительно такъ и выражается и непосредственно за приведенными выше словами замѣчаетъ, что онъ нисколько не отрицаетъ важности соціологическихъ обобщеній и ихъ „извѣстной“ (какой?) пользы для практики, но „неспособная предсказывать будущее, она не можетъ и обсуждать его съ моральной точки зрѣнія. Будучи наукой причинъ и послѣдствій, она лишена возможности установлять требованія и нормы; вопросъ о должномъ выходитъ изъ ея сферы. Оставаясь объективной теоріей, она скажетъ намъ напримѣръ, что въ одномъ случаѣ слѣдуетъ вѣроятно ожидать... того-то, въ другомъ другого,... но въ какомъ отношеніи эти результаты стоятъ къ нашимъ нравственнымъ идеаламъ, этого она не можетъ сказать“. [1]) Но и подобное ограниченное сужденіе о соціологіи не обставлено у автора никакими доказательствами. Наоборотъ, у соціологовъ самыхъ различныхъ направленій, напримѣръ у позитивиста Конта, у органицистовъ-Спенсера, Новикова, Изуле, у біологистовъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ (Гумпловичъ, Лапужъ, Морселли и др.) и у сторонниковъ психологической школы (Палантъ, Уордъ и миог. друг.)—настойчиво проводится мысль совершенно обратнаго характера, сводящаяся къ принятію формулы Конта „знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать“. Какая же „современная теорія познанія“ установила банкротство соціологіи въ этомъ отношеніи? Пока проф. Новгородцевъ только утверждаетъ, а не доказываетъ, до тѣхъ поръ онъ никого убѣдить не можетъ.

Я предполагаю въ настоящемъ обзорѣ еще вернуться къ вопросу о соціальномъ предвидѣніи, а пока замѣчу, что приведенная мною цитата изъ работы г. Новгородцева возбуждаетъ не мало другихъ недоумѣній. Во-первыхъ авторъ не отрицаетъ важности соціологическихъ обобщеній и ихъ „извѣстной“ пользы не самихъ по себѣ, а „для практики“. Какую же практическую пользу можетъ принести соціологія, лишенная способности предвидѣть, чтобы этимъ дать правила поведенія личности? Развѣ признаніе практической пользы соціологическихъ обобщеній не составляетъ прямаго отрицанія приговора, произнесеннаго надъ ней г. Новгородцевымъ, ссылающимся на „современную“ теорію познанія? Если нѣтъ, то должно было точно и опредѣлено указать, въ чемъ авторъ видитъ практическую пользу науки. Вѣдь не можетъ быть, чтобы онъ видѣлъ послѣднюю въ наукѣ, какъ самоцѣли. Это было-бы полнымъ смѣшеніемъ наукъ теоретическихъ съ прикладными. Не допуская возможности подобнаго смѣшенія со стороны такого ученаго, какъ г. Новгородцевъ, я и счелъ необходимымъ выразиться такъ, какъ это указано выше, а именно, что слова г. Новгородцева возбуждаютъ не мало „недоумѣній“.

Второе недоумѣніе вызывается опредѣленіемъ соціологіи какъ „науки причинъ и послѣдствій“, какъ исключительно объективной теоріи. Какую-же это соціологію знаетъ г. Новгородцевъ? Кромѣ теорій Спенсера и его послѣдователей (напр. Лаланда) и крайнихъ

[1]) Новгородцевъ, Нравств. идеализмъ философіи права, стр. 263-264.

позивитистовъ (напр. Коста) существуетъ и динамическая соціологія, насчитывающая въ рядахъ своихъ не мало адептовъ. Все большее и большее признаніе телеологіи знаменуетъ собой современное развитіе общественной науки, включающей не только статику и динамику, но и деонтологію Нельзя назвать современную соціологію наукой причинъ и послѣдствій, когда отовсюду раздаются требованія за включеніе въ нее и соціальныхъ цѣлей. До нѣкоторой степени эта тенденція соціологіи отмѣчена и у проф. Новгородцева, замѣчающаго, что „односторонность соціологіи, индифферентной къ моральному вопросу, въ свое время хорошо была указана русской соціологической школой, но вмѣсто того, чтобы *признать эту односторонность необходимой и законной* (курсивъ нашъ), русскіе соціологи такъ называемой субъективной школы попытались ее исправить при помощи восполненія самой соціологіи“, [1]) каковое восполненіе сдѣлано было школой на почвѣ введенія въ науку оцѣнки общественныхъ явленій и идеальнаго представленія о томъ, каково должно быть общество. Но, выгодно отличаясь этимъ отъ соціологовъ-объективистовъ, представители русской школы допустили ошибку, „теперь уже неоспоримо разъясненную критикой“, [2]) заключающуюся въ томъ, что, вмѣсто строгаго разграниченія этическаго элемента отъ научнаго, они допускали ихъ сочетаніе. Здѣсь возникаютъ опять новыя недоумѣнія. Если указанное сочетаніе научнаго и этическаго элемента составляетъ ошибку, то почему? Почему эти два элемента должное быть строго разграничены? Чтобы ни говорили объ этомъ г.г. Новгородцевъ и Кистяковскій,—[3]) а это именно и было бы оторванностью правды-справедливости отъ правды истины. Вѣдь даже г. Бердяевъ [4]) находитъ, что въ этомъ отношеніи въ ученіи школы-субъективистовъ содержится высокая истина. Въ отношеніи г. Новгородцева мы здѣсь снова встрѣчаемся съ обращеніемъ мысли отъ настоящаго къ будущему. Съ другой стороны самъ г. Новгородцевъ, проповѣдуя оцѣнку жизненныхъ явленій съ точки зрѣнія этическихъ идеаловъ. является духовнымъ братомъ осуждаемой имъ школы, и если онъ этого родства не распозналъ, особенно послѣ указаній, сдѣланныхъ въ разсматриваемыхъ году г. Карѣевымъ, то это... снова недоумѣніе“.

Но-далѣе. Почему русская школа должна была признать объективную односторонность позитивистской соціологіи необходимой и законной, а не восполнять ее на почвѣ внесенія въ нее момента оцѣнки соціальныхъ явленій и деонтологіи? Не пользуется-ли здѣсь г. Новгородцевъ тѣмъ самымъ орудіемъ, которымъ Бергбомъ борется противъ новой школы естественнаго права? Мнѣ кажется, что удивительно рельефно выраженные и полные глубокаго значенія доводы проф. Новгородцева въ пользу деонтологіи права, въ пользу оцѣнки права дѣйствующаго нормами права будущаго,—служатъ лучшимъ аргу-

---

[1]) Новгородцевъ, L. c't стр. 264.

[2]) Новгородцевъ, стр. 265.

[3]) Кистяковскій, Русская соціологическая школа. Сборн. „Проблемы Идеализма“ стр. 297 и слѣд.

[4]) Бердяевъ, Субъективизмъ и индивидуализмъ въ обществ. философіи, Спб. 1901 г., стр 61 и друг.

ментомъ въ пользу законности пріема „русской школы соціологіи". Но ужъ если автору такъ не-нравится „субъективизмъ" этой школы (вполнѣ, однако, родственный его собственнымъ возрѣніямъ, ибо „оцѣнка"—методъ исключительно субъективный), то Уордъ, напримѣръ, выпустилъ въ свѣтъ свою „Динамическую Соціологію" еще въ 1883 г., а въ ней, какъ и въ послѣдующихъ трудахъ этого соціолога, г. Новгородцевъ нашелъ бы многое изъ того, что говорила и говоритъ русская соціологическая школа, но безъ примѣненія „субективнаго метода". Сужденія г. Новгородцева о „русской школѣ" невѣрны и изъ этого вытекаетъ неправильность слѣдующаго утвержденія автора, къ тому-же утвержденія, совершенно необоснованнаго (въ смыслѣ его бездоказательности). „Прямымъ результатомъ допущенной субъективистами неточности, говоритъ г. Новгородцевъ, явилась неправильная постановка моральной проблемы," [1]) ибо „они не столько поставили, сколько почувствовали задачи и еще менѣе того ее разрѣшили". Что постановка моральной проблемы, сдѣланая русской школой, въ особенности Лавровымъ и Михайловскимъ, требуетъ дополненій—это вѣрно, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія работа г. Нежданова [2]) хотя и его формулировка требуетъ поправокъ, которымъ, впрочемъ, здѣсь не мѣсто,-но необходимость дополненій не обозначаетъ неправильности постановки самой проблемы, особенно, если, какъ думаетъ авторъ, субъективисты ее совсѣмъ и не поставили, а лишь почувствовали, но не разрѣшили. Какъ-же могли субъективисти неправильно поставить проблему, которой они не ставили? Снова недоумѣніе. Поймемъ его такъ, какъ говоритъ авторъ дальше: поставили (или, пусть даже, почувствовали), но не разрѣшили. Какъ же разрѣшаетъ эту проблему новая школа естественнаго права устами проф. Новгородцева?

Соціологическое разсмотрѣніе проблемы, говоритъ г. Новгородцевъ, [3]) не приводитъ къ послѣднимъ основаніямъ соціальныхъ явленій. Напротивъ, гораздо скорѣе слѣдовало бы сказать, что въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросахъ оно останавливается на порогѣ проблемы, къ разрѣшенію которой оно не можетъ приступать, не оставляя своей почвы. Это именно слѣдуетъ сказать по отношенію къ нравственному вопросу. Соціологическое разсмотрѣніе (какое? Не можетъ же это относиться къ русской соціологичсекой школѣ, которая, между прочимъ называется и „этической" школой соціологіи) беретъ только внѣшнюю измѣнчивость нравственныхъ явленій, въ зависимости отъ общаго хода соціальной жизни. Но эта измѣнчивость нисколько не опредѣляетъ *существа нравственности*. Для того, чтобы понять это существо, мы должны оставить почву соціологіи и обратиться къ другимъ способамъ изученія.

Оставимъ въ сторонѣ нѣкоторую спорность вывода, въ виду все-же окончательной истинности положенія о самостоятельномъ значеніи этики, какъ науки, и посмотримъ, въ чемъ-же, по Новгородцеву,

---

[1]) Новгородцевъ, op.. cit стр. 266.
[2]) П. Неждановъ. Нравственность. Москва 1898.
[3]) Новгородцевъ, l. c. стр. 273.

заключается другой способъ изученія. Этотъ способъ заключается, какъ это авторъ уже и высказалъ печатно раньше въ другихъ своихъ трудахъ, въ перенесеніи вопроса на почву изученія права, какъ явленія и закона личной жизни, какъ внутренней абсолютной цѣнности,-т. е. на почву этики. [1]) Этимъ самымъ авторъ оправдываетъ, какъ индивидуализмъ,такъ и абсолютизмъ защищаемаго имъ воззрѣнія, ибо, по его мнѣнію, *индивидуализмъ* является исходнымъ пунктомъ всѣхъ моральныхъ опредѣленій, а абсолютизмъ-той неизмѣнной формой ихъ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеризуетъ и ихъ сущность. Индивидуализмъ, говоритъ г. Новгородцевъ, является въ такой мѣрѣ принадлежностью этики, что эти два понятія можно признать синонимами. Какъ область свободы, этика прежде всего предполагаетъ самоопредѣленіе личности. Первое и основное опредѣленіе этики есть опредѣленіе сознательной обязанности, а такая обязанность можетъ имѣть смыслъ только въ отношеніи къ личности, какъ къ единственному источнику сознательныхъ рѣшеній. Если опредѣленія нравственности касаются интересовъ цѣлаго и приводятъ къ организованному сотрудничеству многихъ для достиженія общихъ цѣлей, то эти цѣли ощущаются и сознаются опять-таки отдѣльными лицами. Самоопредѣляющаяся личность это-тотъ пунктъ, тотъ фокусъ, преломляясь въ которомъ. общественныя цѣли и требованія пріобрѣтаютъ нравственный характеръ. Внѣ общественныхъ союзовъ личность не можетъ проявлять всей полноты, всего содержанія нравственныхъ цѣлей, но, съ другой стороны, внѣ автономной личности нѣтъ и вовсе нравственности. Только въ человѣческомъ мірѣ служеніе общимъ цѣлямъ принимаетъ характеръ сознательнаго долга, а жертва для другихъ становится нравственнымъ подвигомъ. Личность это-грань между царствомъ необходимости и царствомъ свободы, а нравственное призваніе ея впервые обнаруживаетъ для человѣка его безконечныя задачи и его причастность міру свободы.

Послѣднія мысли выгодно отличаютъ автора отъ другого сторонника новой школы естественнаго права, Штаммлера, а разсужденія о „сознательномъ долгѣ“ и объ этическомъ значеніи „жертвы для другихъ“—отъ многихъ изъ участниковъ сборника „Проблемы Идеализма“. Впрочемъ, собственно вопросы эти выходятъ за предѣлы моего обзора и я излагаю вгзляды г. Новгородцева только въ виду связи ихъ съ соціологіей. Въ виду послѣдняго соображенія я и считаю нужнымъ еще остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ работы г. Новгородцева. „Сознаніе связи моральной идеи, говоритъ онъ [2]), съ индивидуалистическимъ принципомъ составляетъ движущій моментъ въ томъ расцвѣтѣ индивидуалистическихъ теорій, который мы теперь несомнѣнно переживаемъ. Я не говорю, продолжаетъ авторъ, о томъ частичномъ признаніи идеи личности, которое мы находимъ у нѣкоторыхъ историковъ и соціологовъ. Попытки указать роль личности въ исторіи или разъяснить, что съ ростомъ общества возростаетъ и личность, имѣютъ совершенно другое значеніе, чѣмъ

[1]) Новгородцевъ, стр. 281 и слѣд.
[2]) Новгородцевъ, стр. 284.

тотъ этическій индивидуализмъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.“ По скольку авторъ говоритъ о трудахъ Зиммеля и Дюркгейма, которыхъ онъ называетъ (изъ историковъ онъ могъ бы назвать еще, напримѣръ, Бурдо), онъ совершенно правъ, но по скольку онъ игнорируетъ труды г.г. Михайловскаго и Карѣева—онъ совершенно неправъ, именно съ отмѣчаемой имъ особенной точки зрѣнія.

Замѣчу мимоходомъ, что г. Новгородцевъ присоединяется къ защитѣ индивидуализма со стороны Ренувріе, который основательно связалъ эту защиту съ опроверженіемъ „химеры безусловнаго значенія причинности“. [1]) Авторъ имѣетъ въ виду трудъ Ренувріе „Наука морали“, появившійся въ 1869 г. Уже нѣкоторые дальнѣйшіе труды этого ученаго едва-ли бы вызвали сочувствіе проф. Новгородцева, а послѣднія его работы („Новая монадологія“ и „Персонализмъ“), составляющія „поворотъ“ къ Лейбницу и отстаивающія идею „творенія“, вѣроятно вызвали бы со стороны Новгородцева прямо отрицательное отношеніе. Въ особенности это нужно сказать объ ученіи Ренувріе о томъ, что „химера“ безусловной причинности, т. е. что явленіе всегда должно быть обусловленно какою-нибудь причиной (La nécessite qu' une cause soit toujours causée“)—составляетъ противорѣчіе въ самой себѣ, ибо ведетъ къ *первопричинѣ*, которая, какъ первичная, уже не обусловнена никакой причиной. [2]) Ренувріе не замѣчаетъ, что выводимая имъ отсюда необходимость идеальной причины—акта творенія—во-первыхъ составляетъ прямое признаніе причинности и что во-вторыхъ персонификація первопричины выводитъ только вопросъ за предѣлы научнаго познанія и даже метафизическаго мышленія, но отнюдь не выясняетъ его.

Выше нами было указано, что, по мнѣнію г. Новгородцева, индивидуализмъ является исходнымъ пунктомъ всѣхъ моральныхъ опредѣленій, а *абсолютизмъ*—той неизмѣнной формой ихъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и ихъ сущность. Этотъ абсолютизмъ должно понимать не въ смыслѣ отрицанія очевидной *измѣнчивости* нравственныхъ воззрѣній, измѣняющихся съ теченіемъ времени соотвѣтственно съ перемѣнами въ общественной средѣ, а въ совершенно иномъ смыслѣ: это абсолютизмъ не факта, а идеи не проявленія, а сущности, не конкрентнаго содержанія, а отвлеченной формы. Безусловна форма нравственности, содержаніе же нравственныхъ законовъ можетъ мѣняться. „Проистекая изъ глубины нравственнаго сознанія, эта форма является въ немъ, какъ неизмѣнное стремленіе къ воплощенію нравственнаго идеала“. [3]) Итакъ, мораль коренится въ сознаніи, но въ послѣднемъ дано безконечное стремленіе, дана безусловная форма, но содержаніе должно быть найдено, а потому моральная жизнь является постояннымъ творчествомъ. [4]) Отсюда уже понятно, что „идея естественнаго права съ измѣня-

[1]) Новгородцеръ, стр. 285.

[2]) Charles Renouvrier, Le Personnalisme, suivi d'une étude sur la perception externe et sur la force, Paris 1903, passim. Хотя книга помѣчена 1903 годомъ, но появилась и прочитана мною въ 1902 г.

[3]) Новгородцевъ, op. cit, стр 286.

[4]) Новгородцевъ, op. cit, стр. 287.

ющимся содержаніемъ есть прямой выводъ изъ основныхъ понятій нравственнаго идеализма.“ [1]) Мы-бы прибавили, согласно съ тѣмъ, что было нами уже сказано въ началѣ разбора труда г. Новгородцева,—но неполный, если-бы, вслѣдъ за только-что цитированнымъ положеніемъ, авторъ не высказалъ слѣдующихъ мыслей, которыя нѣсколько измѣняютъ раньше имъ приведенныя положенія. „Какъ выраженіе безконечныхъ стремленій, нравственная идея не удовлетворяется никакимъ даннымъ содержаніемъ, никакимъ достигнутымъ совершенствомъ, но постоянно стремится къ высшему, большему. Это *нисколько не исключаетъ* положительнаго отношенія къ извѣстнымъ конкретнымъ цѣлямъ и стремленіямъ. Нравственная идея требуетъ направлять наши стремленія на возможно высшую конкрентную цѣль (значитъ не „неопредѣленная перспектива, *грядущаго“?), и пока не откроются дальнѣйшія перспективы*, въ осуществленіи этой цѣли заключается единственный возможный путь къ воплощенію въ жизни нравственнаго закона. Моральный принципъ нисколько не устраняетъ возможности своего сочетанія съ временными конкретными цѣлями. Онъ исключаетъ только одно: чтобы какая-либо конкретная цѣль объявлялась вѣчной и послѣдней“. [2]) Какъ эти мысли разнятся отъ„ обращенія мысли отъ настоящаго къ будущему“, отъ жертвы любви къ ближнимъ ради любви къ дальнимъ; какъ эти мысли близки, хотя еще и не тождественны. къ идеямъ русской соціологической школы, къ которой разные сотрудники сборника „Проблемы Идеализма“ относятся столь отрицательно. Школа эта требуетъ, напримѣръ, активнаго отношенія личности къ „настоящему“ на почвѣ оцѣнки его съ точки зрѣнія этическихъ идеаловъ будущаго.—а г. Новгородцевъ выражаетъ это слѣдующими словами: „какъ справедливо замѣчаетъ Зигвартъ, въ своемъ непосредственномъ примѣненіи этика тотчасъ же переходитъ въ педагогику и политику, которыя имѣютъ цѣлью опредѣлить цѣлесообразное пользованіе данными силами при данныхъ условіяхъ“. [3]) Далѣе г. Новгородцевъ говоритъ, что при сочетаніи нравственныхъ началъ съ міромъ дѣйствительныхъ отношеній мы должны восполнить принципъ этическаго индивидуализма познаніемъ общественнаго развитія и что общество, по своему существу, есть не ограниченіе личности, а ея расширеніе и восполненіе, но что для этого оно должно быть соотвѣтствующимъ образомъ организовано и что въ этомъ заключается великая задача соціальнаго прогресса. [4])

Телеологическое понятіе соціальнаго прогресса, вмѣсто безличной эволюціи; активное отношеніе личности къ общественной жизни съ точки зрѣнія этическихъ началъ, активная роль личности въ историческомъ процессѣ; развитіе индивидуальности, не поглащаемое, а усиливаемое прогрессомъ общества—да вѣдь это Михайловскій, Лавровъ, да вѣдь это Карѣевъ, Уордъ. „Задача современности заключается въ отысканіи общественнаго строя, формы котораго служили

---

[1]) Новгородцевъ, стр. 290.
[2]) Новгородцевъ, стр. 290.
[3]) Новгородцевъ, стр. 292.
[4]) Новгородцевъ, стр. 292—293.

бы наиболѣе крѣпкою связью между личностями для взаимной помощи, для взаимнаго развитія, для прогрессивной операціи, но не стѣсняли бы личности въ ея развитіи, въ ея особенностяхъ. Эта задача заключается въ воспитаніи личнаго убѣжденія такимъ образомъ, чтобы оно не могло противупоставлять личнаго вкуса и эгоистическаго стремленія общему дѣлу, чтобы развитой человѣкъ могъ всегда дѣйствовать сообразно личному убѣжденію, но чтобы при этомъ солидарность съ людьми, идущими съ нимъ къ одной прогрессивной цѣли, составляла основной элементъ его убѣжденія". Кто это сказалъ? Новгородцевъ? Нѣтъ, Лавровъ. [1]) Нужно-ли приводить цитаты изъ трудовъ Михайловскаго („Борьба за индивидуальность", „Вольница и сподвижники", „Что такое прогрессъ" и т. п.)? Изъ трудовъ Карѣева, напримѣръ изъ сочиненія „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи", или изъ трудовъ Уорда, напр. „Динамической Соціологіи" „Психическихъ факторовъ цивилизаціи", „Очерковъ соціологіи"? Едва-ли: и безъ такихъ цитатъ можно согласиться съ замѣчаніемъ проф. Карѣева о томъ, что основы ученія г. Новгородцева тожественны съ основами ученія русской соціологической школы. Этого нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ сторонникахъ поворота къ идеализму, о которыхъ мы впослѣдствіи еще скажемъ нѣсколько словъ,—но относительно проф. Новгородцева нужно признать, что его отрицательное отношеніе къ динамической соціологіи является простымъ недоразумѣніемъ.

Мы отмѣтили такимъ образомъ весьма характерное для нашего времени общее явленіе—признаніе телеологіи и съ ней деонтологіи для общественныхъ наукъ. Въ представителяхъ новой школы естественнаго права это сказалось съ особенной силой и это направленіе въ наукѣ права можно привѣтствовать, выразивъ въ тоже время пожеланіе, чтобы право изучалось не въ видѣ оторванной отъ соціологіи дисциплины, а въ живой связи съ ней. Право-это сама общественная жизнь разсматривая лишь съ особой точки зрѣнія. Эта особая точка зрѣнія не должа, однако, забывать своего объекта—общественной жизни, иначе сторонникамъ этической оцѣнки грозитъ Ничшеіантство и притомъ не то, которое изобразилъ г. Франкъ, [2]) а то, которое гораздо болѣе правильно понято Файгингеромъ, Рилемъ и др.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, посвященныхъ введенію въ общественныя науки идеи „нравственнаго долженствованія" вмѣсто „исторической необходимости", въ отчетномъ году появилась и статья одного изъ виднѣйшихъ представителей новаго естественнаго права, проф. Петражицкаго, къ краткому обзору каковой мы и приступимъ.

Проф. Л. І. Петражицкій, подвергнувъ критикѣ докторскую дилертацію проф. Новгородцева и не соглашаясь съ „нравственной оцѣнкой" дѣйствующаго права, ибо это является „смѣшеніемъ разнородныхъ явленій": оцѣнка права, дисциплины одного порядка,

---

[1]) Опытъ исторіи мысли, Спб. 1875 г., стр. 52.

[2]) С. Франкъ, Фр. Ничше и этика „Любви къ дальнему", Сборн. Проблемы Идеализма, Москва 1903 г., стр. 137 слѣд.

съ моралью-дисциплиной совершенно иного порядка,—не отвергаетъ, однако, самой необходимости оцѣнки дѣйствующаго права и притомъ оцѣнки не только теоретико-познавательной, но и *идеалистической* (т. е. оцѣнки „настоящаго“ идеалами „будущаго“) и еще болѣе того, оцѣнки не съ точки зрѣнія простаго критицизма, а ради практическихъ задачъ реформъ дѣйствующаго права. Для такой оцѣнки у Петражицкаго служитъ не этика, а дисциплина юридическаго-же характера и именно „естественное право“ въ смыслѣ правовой „политики“. [1]) Существо послѣдней насъ при настоящемъ обзорѣ не должно интересовать, такъ какъ задачей нашей было разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ трудовъ (Коркунова, Гессена, Новгородцева и Петрожицкаго) лишь въ отношеніи вопроса о законности соціальной деонтологіи.

Мы сказали „соціальной“. Но дѣло въ томъ, что упомянутые авторы разсматриваютъ упомянутый вопросъ лишь въ отношеніи къ праву и даже, какъ мы неоднократно на то указывали, упрекаютъ соціологію въ томъ, что она въ этомъ отношеніи не оказываетъ правовѣдѣнію никакой услуги. Въ сказанномъ смыслѣ, особенно опредѣленно выражаются гг. Гессенъ (Возрожденіе естеств. права. Право 1902 г. № 10 и 11) и Новгородцевъ (Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, Москва 1901 г. и „О задачахъ современ. философіи права „Право 1902 г. № 40, а также въ вышеупомянутой статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ „Проблемы Идеализма“). Замѣчанія эти совершенно вѣрны, по скольку онѣ касаются лишь одной части соціологической литературы (наприм. у Гессена относительно Гумпловича и представителей „историческаго матеріализма“), но, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Карѣевъ, совершенно неправильны въ отношеніи такъ называемой „субъективной школы соціологіи“. Къ доказательству послѣдняго положенія направлены обѣ, появившіяся въ отчетномъ году, статьи Н. К. Карѣева.[2]) Прежде всего г. Карѣевъ замѣчаетъ слѣдующее по поводу статьи В. М. Гессена „Въ подстрочномъ примѣчаніи нашъ авторъ замѣчаетъ, что „съ позитивной теоріей права мы встрѣчаемся также въ трудахъ соціологическаго характера“ и для примѣра ссылается на *Основы соціологіи* Гумпловича. Что „встрѣчаемся“, это—правда, но Гумпловичъ не составляетъ всей соціологіи, въ которой, на оборотъ „встрѣчается“ и иное отношеніе къ праву при полномъ сохраненіи „позитивизма“ въ смыслѣ протеста противъ всякой идеологіи, выдающей себя за воспроизведеніе дѣйствительности. Незнакомство съ соціологической литературой—вообще слабое мѣсто нашей юриспруденціи “. [3]) „Въ ней (въ русской соціологич. литературѣ направленія Лаврова, Михайловскаго и самого г. Карѣева) сторонники возрожденія естественнаго права нашли бы уже въ готовомъ, законченномъ видѣ многое

[1]) Петражицкій, Къ вопросу о возрожденіи естественнаго права и нашей программѣ. Право 1902 г. №№ 41, 42 и 43.

[2]) Карѣевъ, Нужно-ли возрожденіе естеств. права? Русское Богатство 1902 г. № 4; Карѣевъ, Естеств. право и субъективная соціологія. Русское Богатство 1902 г. № 10.

[3]) Карѣевъ, Нужно-ли возрожденіе естеств. права, стр. 5.

изъ того, что ими только намѣчается, вырабатывается, а именно о психологической подкладкѣ соціальныхъ явленій, къ числу которыхъ относится и право, о творческой силѣ человѣческаго духа и роли идеаловъ въ жизни, о научномъ правѣ оцѣнки дѣйствительности съ точки зрѣнія идеала, и свое естественное право они узнали бы въ томъ соціологическомъ, субъективизмѣ, который боролся противъ всего того, что г. Гессенъ вѣроятно, и разумѣетъ подъ вакханаліей матеріализма“ [1])

И дѣйствительно, въ чемъ заключается суть ожесточеннаго спора субъективистовъ и объективистовъ, начавшагося еще въ 80 годахъ-спора, отголоски котораго-съ нѣкоторыми уступками въ пользу противниковъ, какъ напримѣръ, у Львова, Николаева, Бердяева и Струве —и безъ всякихъ уступокъ, напримѣръ со стороны Бельтова—раздавались еще такъ недавно? Суть спора этого, по справедливому замѣчанію проф. Карѣева, заключается въ вопросѣ о томъ, „дожна-ли наука только изучать общественныя явленія и законы, ими управляющіе, или ей надлежитъ и вырабатывать нормы должнаго“. [2]) Конечно, замѣтимъ здѣсь-же, „вырабатывать но не создавать“. Впрочемъ, для тѣхъ, кто знакомъ съ другими трудами проф. Карѣева, смыслъ приведенный цитаты не можетъ быть неяснымъ. „Идеалъ, говоритъ онъ, пріобрѣтается путемъ нравственнаго совершенства, а наука можетъ помочь окрѣпнуть возникшему идеалу, а не создать его“ [3])

Во второй статьѣ своей, посвященной интересующему насъ вопросу, появившейся въ отчетномъ году, проф. Карѣевъ, дабы показать, на сколько ошибался проф. Новгородцевъ, приписывая писателямъ, проповѣдовавши ъ субъекттвизмъ въ соціологіи, мысли, которыя имъ приписывали ихъ противники, приводитъ рядъ цитатъ изъ различныхъ работъ Лаврова, Михайловскаго и своихъ. Вотъ напримѣръ, что говоритъ о соціологіи Лавровъ. Эта наука „охватываетъ не только существующія уже формы человѣческаго общежитія, но и тѣ общественные идеалы, въ которыхъ человѣкъ надѣется осуществить болѣе солидарное, а вмѣстѣ и болѣе справедливое общежитіе, и тѣ практическія задачи, которыя вытекаютъ изъ стремленія осуществить эти идеалы“. [4]) Впослѣдствіи, когда на Лаврова оказалъ большое вліяніе позитивизмъ Конта, онъ не примкнулъ къ числу тѣхъ послѣдователей его, которые ограничивали идейное отношеніе къ жизни однимъ научнымъ знаніемъ безъ предъявленія къ ней этическихъ требованій. Онъ, напротивъ, доказывалъ необходимость „сочетанія“ (но не смѣшенія) обѣихъ точекъ зрѣнія, т. е, „оцѣнки“ не по однимъ только нормамъ, но и по началамъ этики. [5]) Далѣе авторъ приводитъ цитату изъ трудовъ Михайловскаго (извѣстное

[1]) Карѣевъ, Нужно-лп возрожденіе ест. права, стр. 6—7.
[2]) Idem стр. 12.
[3]) Карѣевъ, Мысли о сущности общественной дѣятельности, Спб. 1895 г. стр. 30.
[4]) Карѣевъ, Естествен. право и субъективная соціологія. Русск. Богатство 1902 г. № 10, стр. 10.
[5]) Idem стр. 11.

положеніе о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости) и замѣчаетъ, что Михайловскій ихъ не смѣшиваетъ, не „сливаетъ вмѣстѣ“, вопреки утвержденія проф. Новгородцева (основаннаго по мнѣнію проф. Карѣева на томъ, что онъ изучалъ Михайловскаго не по трудамъ послѣдняго, а по трудамъ его литературныхъ противниковъ), а считаетъ нужнымъ, чтобы онѣ шли „рука объ руку“, одна другую дополняя. Затѣмъ, наконецъ, г. Карѣевъ излагаетъ и свои взгляды на тотъ-же предметъ и заключаетъ, что новая школа естественнаго права нынѣ вырабатываетъ и отстаиваетъ все то, что опредѣленной школой въ соціологіи дѣлалось уже давно, дѣлается и теперь.

Въ разсматриваемомъ году появилась еще одна работа, посвященная вопросу о естественномъ правѣ. Это именно статья Перуджіанскаго профессора В. Мичели [1]), и я нахожу полезнымъ въ самыхъ краткихъ чертахъ изложить ея суть. Изложивъ исторію различныхъ концепцій понятія „справедливости“, начиная отъ ученій Аристотеля и римскихъ юристовъ и перейдя къ старой школѣ „естественнаго права“, въ которой объективная реальность даннаго понятія покоилась на гипотезахъ не доказанныхъ и не могущихъ быть доказанными, [2]) авторъ вкратцѣ останавливается и на соотвѣтствующемъ органицизмѣ критиковъ школы естественнаго права, [3]) и затѣмъ заканчиваетъ этотъ обзоръ общимъ замѣчаніемъ, что понятіе „справедливости“, какъ въ народномъ сознаніи, такъ и во всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, разсматривается какъ концепція этическаго порядка. [4]) Затѣмъ проф. Мичели находитъ необходимымъ разграничить понятіе справедливости, какъ момента этическаго, отъ понятія справедливаго, истиннаго въ правѣ (правда-истина и правда-справедливость г. Михайловскаго). Нашъ авторъ приближается къ взглядамъ проф. Петражицкаго о незаконности оцѣнки дѣйствующаго права (дисциплины юридической) съ точки зрѣнія справедливости этической (дисциплины морали), и полагаетъ, что „оцѣнка“ должна производиться съ точки зрѣнія юридической же дисциплины. Таковою для проф. Петражицкаго является „политика права“; для Мичели—„теорія права“ въ смыслѣ изложенія того, что въ правѣ является справедливымъ. [5]) Авторъ оцѣниваетъ эту дисциплину, „теорію права“ не только съ точки зрѣнія критико-познавательной оцѣнки позитивнаго права, но и съ точки зрѣнія практической, т. е. *воздѣйствія* этой науки, состоящей изъ основъ „будущаго“ на положительное право, т. е. на науку и на жизнь „настоящаго“. Дальнѣйшее изложеніе проф. Мичели составляетъ развитіе изложенныхъ мыслей, а въ особенности развитіе идеи о всеобщемъ характерѣ понятія справедливости. Къ сожалѣнію, авторъ не идетъ далѣе этики индивидуальной, тогда

---

[1]) V. Miceli, La giusticia e il diritte nei loro caratteri differenziali. Rivista Italiana di Sociologia 1902, № 2-3, стр. 165—211.

[2]) Miceli, l. c. p. 175.

[3]) Авторъ не упоминаетъ критики Бергбома. Это сдѣлано за него въ той же книжкѣ журнала профессоромъ Бруджи въ библіографич. замѣткѣ. См. Riv. Italiana di Sociologia 1902 г. № 2—3, стр. 228 и слѣд.

[4]) Miceli, l. c p. 180.

[5]) Miceli, l. c. стр. 182—183 и слѣд.

какъ, по свойству задачи, ему слѣдовало ввести въ поле изслѣдованія этику соціальную.

Проф. В. Ф. Залѣскій въ популярной статьѣ „Утилитаризмъ въ правѣ“, помѣщенной въ отчетномъ году въ журналѣ „Самообразованіе“ (№№ 35, 36 и 37), говоритъ объ отношеніи новой школы естественнаго права къ естественнымъ наукамъ съ одной стороны (въ этомъ отношеніи авторъ отстаиваетъ взгляды, высказанные имъ въ болѣе ранней работѣ „Власть и Право“, Казань 1897 г.) и къ школѣ Іеринга съ другой. Хотя при этомъ авторъ совершенно ошибочно ставитъ въ связь новую школу права съ біологіей, но въ окончательномъ выводѣ правиленъ его взглядъ на динамическое значеніе новаго ученія. Впрочемъ изъ заключительныхъ словъ статьи проф. Залѣскаго („теорія естественнаго права въ смыслѣ цѣлесообразнаго, разумно-необходимаго регулированія общественныхъ отношеній“) [1] видно, что роль движущаго агента въ дѣлѣ „регулированія“ (т. е. активнаго воздѣйствія путемъ нормированія) общественныхъ отношеній,—приписывается только разуму, а не моральному чувству. Это справедливо пока лишь въ отношеніи проф. Петражицкаго, который, по мнѣнію Новгородцева, не сдѣлалъ еще послѣдняго послѣдовательнаго шага, чтобы признать, что роль динамическаго агента въ общественной жизни должна быть приписана въ большей степени этическимъ идеаламъ. Для г. Залѣскаго такое отношеніе къ дѣлу понятно, такъ какъ, отрицая утилитарную этику и мораль нео-дарвинизма, онъ „остается на точкѣ зрѣнія Спенсера и его послѣдователей“, [2] иначе говоря—на морали приспособленія къ окружающимъ условіямъ, т. е. на этическихъ принципахъ, отвергаемыхъ г. Новгородцевымъ, Трубецкимъ, и даже Штаммлеромъ, не говоря уже о точкѣ зрѣнія Неждановa, Лаврова и Михайловскаго.

Въ краткомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ, проф. В. Г. Яроцкій отстаиваетъ отличіе характера общественныхъ явленій отъ явленій окружащей насъ природы, [3] отличіе—заключающееся въ томъ, что измѣненія, претерпѣваемыя внѣшнимъ міромъ происходятъ исключительно вслѣдствіе дѣйствія причинъ, „отъ насъ совершенно независящихъ“ и поддающихся лишь строго объективному изслѣдованію, между тѣмъ какъ въ мірѣ общественныхъ явленій, кромѣ дѣйствія закономѣрности (однако, не исключительной-въ той или иной окраскѣ, какъ это полагаетъ съ одной стороны экономическій матеріализмъ, а съ другой-органицизмъ), дѣйствуетъ и активное вліяніе личныхъ силъ, почему явленія общественныя, и въ томъ числѣ правовыя и экономическія (по мнѣнію г. Яроцкаго въ особенности послѣднія), „всегда носятъ на себѣ слѣды двойственнаго ихъ происхожденія, какъ продукты частью безсознательно-коллективнаго творчества, частью сознательнаго“. Почему, говоритъ г. Яроцкій, не слѣдуетъ, обольщать себя возможностью изслѣдованія явленій общественныхъ, столь же объективнаго, какъ въ наукахъ естественныхъ,

[1] Самообразованіе, 1902 г. № 37.
[2] Залѣскій, Власть и Право, Казань 1897 г. стр. 55.
[3] В. Яроцкій, Значеніе оцѣнки въ общественныхъ наукахъ. Самообразованіе 1902 г. № 55.

и задаваться такой задачей. Пусть же общественныя науки, продолжаетъ онъ, даютъ *по возможности* наиболѣе объективныя данныя для сознательнаго *критическаго* отношенія къ изучаемымъ ими явленіямъ, или, что то-же, для ихъ оцѣнки, съ точки зрѣнія вліянія формъ и условій общежитія на матеріальное и нравственное благосостояніе людей, живущихъ въ обществѣ.

Сколько можно судить по содержанію очерка проф. В. Яроцкаго, таковой не законченъ. По крайней мѣрѣ въ немъ не указанъ принципъ „критическаго отношенія къ изучаемымъ явленіямъ", принципъ „оцѣнки". Если такимъ принципомъ для автора является не только интелектъ, но и этическіе имперіативы, то, въ виду присущаго автору свойства въ сжатыхъ фразахъ давать богатое и разнообразное содержаніе, можно только пожелать скорѣйшаго опубликованія имъ своихъ взглядовъ по данному предмету. Отъ усвоенной авторомъ популярной формы изложенія дѣло только можетъ выиграть.

Здѣсь къ мѣсту будетъ сказать, что утвержденіе проф. Яроцкаго о томъ, что явленія природы „совершаются по законамъ абсолютно-неизмѣннымъ, доступнымъ только нашему познанію, но не воздѣйствію на нихъ", представляется, въ своей категоричности и исключительности, неправильнымъ. Этому противорѣчатъ факты активнаго воздѣйствія личности на природу, хотя-бы съ „искуственнымъ подборомъ", созданіемъ гибридныхъ формъ, измѣненіемъ климатическихъ условій подъ вліяніемъ вырубки лѣсовъ и т. п.—во главѣ. Исторія культуры—лучшее доказательство мощи человѣческихъ силъ и ихъ преобразующихъ свойствъ (Гекксли). Съ указанной точки зрѣнія чрезвычайно интересна работа г. В. Таліева, помѣщенная въ разсматриваемомъ году въ „Научномъ Обозрѣніи".[1])

Относительно соціальной телеологіи слѣдуетъ, ради полноты нашего изложенія, отмѣтить еще интересныя разсужденія Паланта. Онъ замѣчаетъ, что всѣ тѣ мыслители, которые разсматриваютъ общество, какъ величину предшествующую индивидуальности и стоящую выше ея, исповѣдуютъ прямо или косвенно идею цѣли, соціальной телеологіи.[2]) Не входя въ обсужденіе отдѣльныхъ доктринъ (общества, какъ осуществленія Божественной воли, общества, какъ необходимаго условія развитія вида; общества, какъ реализаціи общей гармоніи и всеобщаго счастія и т. п.), авторъ говоритъ, что всѣ подобныя теоріи требуютъ предварительнаго разрѣшенія вопроса о свойствѣ соціальной цѣли. Задачей автора, при освѣщеніи этого вопроса, является изученіе законовъ, по которымъ, въ общемъ, развертывался ходъ соціальной эволюціи. Съ его точки зрѣнія единственно научно-познаваемая сторона соціальной финальности заключается въ ея *механической* (авторъ разумѣетъ: динамической) сторонѣ. Послѣдняя первоначально проявлялась въ видѣ закона умственной инерціи, сопутствуемаго закономъ наименьшихъ усилій.[3]) Опираясь на замѣчанія Ферреро,

[1]) В. Таліевъ, Человѣкъ, какъ ботанико-географическій факторъ. Научн. Обозр. 1902 г. № 11, стр. 42—61.

[2]) S. Palante, La Télé logie sociale et son Mécanisme, Revue Philosophique, 1902, № 8, p. 149.

[3]) Palante, op„ cit стр. 148—152.

авторъ исходитъ изъ давно подмѣченнаго факта умственной лѣни первобытныхъ народовъ и хода общественнаго развитія путемъ малыхъ и незначительныхъ шаговъ и успѣховъ, посредствомъ незначительныхъ и частныхъ явленій приспособленія, вначалѣ совершенно не координированныхъ. Такимъ же образомъ, согласно мнѣнія Мишеля Брeаля, шло развитіе языка и, согласно мнѣнія Мерселина Бертело, первоначальное развитіе химіи. Это развитіе „ощупью“ напоминаетъ въ значительной степени сильно господствующее среди французскихъ соціологовъ ученіе о безличной эволюціи, но только съ тѣмъ различіемъ, что авторъ уже и здѣсь, на этой фазѣ развитія, признаетъ значеніе личнаго дѣйствія, весьма слабо еще выраженнаго, въ виду преимущественно соціально-безсознательнаго характера, въ виду того, что оно, не будучи координированнымъ, является непрямымъ дѣйствіемъ соціальной цѣлесообразности. Поэтому оно является и несовершеннымъ. Впрочемъ, этого послѣдняго характера, развитія „ощупью“ съ „частичными явленіями соціальнаго прогресса“, авторъ не оттѣняетъ, хотя все сказанное нами по этому поводу и должно быть изъ развиваемыхъ имъ мыслей послѣдовательно выведено. Эта неполнота сужденій автора является однимъ изъ недостатковъ его научнаго мышленія, какъ я уже показалъ въ другомъ мѣстѣ. [1])

Недостаткомъ является и то, что авторъ проглядѣлъ и роль активнаго вліянія личности въ эпоху общественнаго развитія первобытныхъ временъ. Уже созданіе легендъ, коренящихся въ древнѣйшихъ эпохахъ исторической жизни народовъ, созданіе миѳовъ о сверхъ-обыденныхъ „герояхъ“ служатъ эмпирическимъ доказательствомъ того, что съ самаго изначала, на ряду съ безличной эволюціей, существовало и общественное развитіе, основанное на личной иниціативѣ съ одной стороны и на подражательности и оппозиціи съ другой. Ходъ созданія общественныхъ обычаевъ, выборъ первобытнаго вождя изъ среды наиболѣе выдающихся въ первобытномъ племени людей—уже факты не того порядка, которые относятся къ безличной эволюціи или къ эволюціи, основанной на „умственной лѣни“. Задатки обоихъ родовъ общественнаго развитія коренятся въ самой сѣдой древности жизни народовъ Замѣтимъ еще, что, съ точки зрѣнія неодарвинизма, безличная эволюція знаетъ не только медленное развитіе „небольшими актами прогресса“, но и быстрыя и внезапныя прогрессивныя пріобрѣтенія.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, вернемся къ ходу мыслей Паланта. Въ связь съ отмѣченными „законами“ древнѣйшей соціальной жизни авторъ ставитъ узкій кругъ предвидѣній и разсчетовъ первобытнаго человѣка, идущаго не далѣе постиганія послѣдствій, имѣющихъ значеніе для него самого или для весьма небольшого круга связанныхъ съ нимъ лицъ—его семьи, его клана, общины. Но по мѣрѣ расширенія этого круга—его разсчеты усложнаются, обобществляются и становятся, благодаря упражненіямъ, болѣе точными. Онъ приходитъ къ идеѣ болѣе широкой пользы, съ точки зрѣнія

[1]) Гальперинъ, Обзоръ соціологич. литературы за 1901 г. Екатеринославъ 1902 г. стр. 9—10

которой уже полученные результаты могутъ ему служить средствомъ достиженія новыхъ успѣховъ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постигаетъ не только свои настоящія (по времени) пользы, но и будущія и отдаленныя. Къ правилу „наименьшихъ усилій“ присоединяется законъ „наибольшаго результата“, вслѣдствіе чего весь законъ измѣняется въ смыслѣ обобщенія, считающагося основнымъ закономъ экономики. Этотъ второй законъ представляетъ черты противоположныя тѣмъ, которыми характеризуется первый. Основная черта развитія этого времени заключается въ томъ, что она уже не только инстиктивна, а и коренится въ сознательно поставленныхъ желаніяхъ; вмѣсто того, чтобы вытекать изъ дѣйствій „на-ощупь“, развитіе рождается изъ усилій людей; оно дѣйствуетъ длительно и систематично. Оно не является болѣе чисто-механическимъ, а телеологическимъ, въ психологическимъ смыслѣ этого слова. [1])

Каковы же слѣдствія этого новаго закона? Онѣ двоякого рода. Во-первыхъ онѣ заключаются въ возрастающей медіатизаціи соціальныхъ цѣнностей, а во-вторыхъ въ ихъ постепенномъ обезличиваніи (d'une part dans la médiatisation croissante et d' autre part dans la depersonnalisation croissante des valeurs sociales). Общественныя цѣнности стремятся съ этого времени къ взаимоуравненію и все къ большему удаленію отъ личнаго субъекта (обезличиванію), причемъ средство начинаетъ становиться цѣлью. Такъ, богатство, комфортъ, власть, наука—все цѣнности, которыя все болѣе и болѣе медитіазируются съ ходомъ эволюціи, онѣ все болѣе и болѣе становятся не средствами для удовлетворенія потребностей, какъ это было раньше, а становятся сами цѣлями, преслѣдуются сами по себѣ, независимо своего утилитарнаго значенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнности все болѣе и болѣе обезличиваются, все менѣе связаны съ тѣмъ, кто ихъ производитъ. Примѣромъ можетъ служить держатель котирующихся на биржѣ акцій какихъ нибудь пріисковъ или рудниковъ, который большей частью даже не знаетъ нахожденія рудъ, или, во всякомъ случаѣ ихъ и не видѣлъ. Обезличивается съ развитіемъ машинизма и трудъ, обезличивается искусство, литература, стремящаяся не къ индивидуальности, а къ подхватыванію преходящихъ и модныхъ теченій, обезличивается и нравственность. Однообразіе стремится завоевать все. Современная величайшая цѣнность, деньги, господствуетъ во всей моральной области буржуазно-плутократической индустріи. Нѣтъ болѣе моральныхъ нюансовъ между опредѣленными представителями буржуазіи. Повсюду мораль является одною и тою-же плутократической моралью, безличной и монотонной, плоской, какъ старая, истертая отъ употребленія монета. [2])

Въ этомъ стремленіи къ уравненію личности („равненіе подъ одно“ Глѣба Успенскаго) сказывается, въ его современномъ видѣ, вѣчная антиномія личности и коллективнаго цѣлаго. Дѣло въ томъ, говоритъ Палантъ, что законъ о достиженіи maximum'а полезныхъ

---

[1]) Palante, op. cit, стр. 152.
[2]) Palante, p. 153

результатовъ и увеличивающейся легкости труда благопріятствуетъ благу общества, но онъ влечетъ, съ другой стороны, послѣдствія, которыя закрѣпощаютъ и обезсиливаютъ индивидуальность. Каково, въ самомъ дѣлѣ, положеніе личности? Она болѣе не цѣлостный человѣкъ, она только моментъ въ общемъ механизмѣ; это машина для производства цѣнностей, а не артистъ, интеллигентный и тонкій потребитель этихъ цѣнностей. Общественныя цѣнности распредѣляются и дезинтегрируютъ внѣ отдѣльной индивидуальности. Слѣдствіемъ (?) этого являются дезорганизація и экономическіе кризисы, а вліянія этого порядка на личность еще болѣе печальны. [1])

Лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ дѣлъ—личность хочетъ дать новое направленіе своей активности, своимъ вѣрованіямъ и своимъ желаніямъ. Отсюда появляется тенденція къ новому закону, стремящемуся осуществиться въ современной жизни. Этотъ третій законъ не является уже закономъ maximum'а полезныхъ результатовъ для роста *соціальнаго богатства*, но закономъ *организаціи человѣческой активности въ видахъ болѣе гармонической и болѣе яркой индивидуальной жизни* (курсивъ автора).

Вопросъ объ этомъ новомъ законѣ соціальной телеологіи уже положенъ даже въ области индустріи. Такъ, извѣстный экономистъ Жидъ говоритъ о замѣнѣ черного угля „бѣлымъ углемъ", разумѣя подъ этимъ утилизацію силы паденія воды, каковая утилизація должна произвести переворотъ и въ техникѣ, и въ перерасположеніи городовъ, и въ децентрализаціи послѣднихъ, и въ ростѣ индивидуальной свободы, несвязанности рабочаго съ мастерской и въ болѣе справедливомъ распредѣленіи доступной и легко дробимой силы. [2]) Тоже самое сдѣлано формулой Морриса для міра искусствъ, которая, какъ и формула Жида, ведетъ къ тенденціи *медитіазировать цѣнности и приблизить ихъ къ личности* (курсивъ автора). Еще эта тенденція не вполнѣ опредѣлилась, но она является въ настоящее время наиболѣе вѣроятной. [3]) Это тенденція, направленная къ достиженію maximum'а жизни и красоты индивида. Мысль объ этомъ максимумѣ и о включеніи въ понятіе прогресса начала „прекраснаго"—для Паланта не нова: онъ отстаиваетъ ее, подъ большимъ вліяніемъ Ничше и Бурдо, и въ предшествующемъ трудѣ своемъ. [4]) Индивидуализмъ автора основанъ на протестѣ нивеллирующаго идеала коллективизма и въ этомъ отношеніи авторъ усваиваетъ лучшую сторону міровоззрѣнія Ничше, но, по скольку онъ объединяетъ эволюціонное понятіе добра и зла, заимствованное у Бурдо, съ слишкомъ развитымъ индивидуалистическимъ идеаломъ личности, какъ самоцѣли, идущей уже и до почти полнаго отрицанія общества,—авторъ впадаетъ при изученіи антиноміи личности и общества въ другую крайность и такимъ образомъ становится въ ряды послѣдователей идеологіи эволюціонистовъ (Спенсеръ, Ничше и др.), что для него, какъ не эволюціониста, непослѣдовательно.

[1]) Palante, p. 154.
[2]) Palante, p. 154—155.
[3]) Palante, p. 156.
[4]) Palante, Precis de Sociologie, Paris 1901. См. мой Обзоръ соціологич. литер. за 1901 г.. стр. 8, 10, 13.

Такимъ образомъ, по Паланту, этапы развитія соціальной телеологіи заключаются въ проявленіи ея сначала на почвѣ инстинкта, затѣмъ чувствъ-силъ и идей-силъ, которыми вдохновлялась личная инціатива. Поэтому соціальныя телеологія не можетъ имѣть ни единой цѣли, ни неизмѣннаго значенія. Нѣтъ абсолютнаго соціальнаго блага, ни абсолютныхъ соціальныхъ цѣнностей, которыя могли бы быть такой единой цѣлью, которыя имѣли бы такое неизмѣнное значеніе. Гипотеза абсолютной этической цѣнности обществъ, которая присваивала бы имъ видъ священнаго права на существованіе, составляетъ изобрѣтеніе схолостическихъ телеологистовъ, подъ давленіемъ заботы все узаконить во имя соціальнаго принципа. Аппломбъ такого оптимистическаго взгляда на общество не отвѣчаетъ дѣйствительности, съ ея „нравственными качествами“ современной жизни, съ „царящей“ въ жизни справедливостью и т. п. свойствами современной общественной жизни. Сторонники такого взгляда говорятъ личности: „ты-ничто, видъ составляетъ все, онъ твой смыслъ и твоя цѣль“. Но почему личность существуетъ только для вида, который не является ничѣмъ инымъ, какъ суммой индивидовъ? (Родственные съ этимъ вопросы предлагаетъ и г. Бердяевъ въ работѣ своей, помѣщенной въ сборникѣ „Проблемы Индивидуализма“). Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ не гармонизація обоихъ началъ—личнаго и общественнаго, не отвѣтъ о наибольшемъ развитіи и благѣ личности въ обществѣ и общества для всей совокупности личностей и каждой изъ нихъ въ отдѣльности, а формула личности—личное и только личное, сводящее общество къ простому средству развитія личности безъ служенія обществу, какъ сферѣ развитія и всей совокупности равноцѣнныхъ личностей [1])

Нѣтъ, говоритъ Палантъ, соціальной телеологіи, прямолинейной соціальной логики. Существуютъ „соціальныя телеологіи“. Ихъ столько, сколько существуетъ малыхъ соціальныхъ группъ, болѣе того—сколько существуетъ отдѣльныхъ индивидовъ. [2]) Въ расплывчатости своей аргументаціи авторъ не замѣчаетъ, что послѣднее заключеніе уничтожаетъ самое значеніе „соціальной“ телеологіи, превращая ее въ личную. Въ этомъ отношеніи г. Бердяевъ послѣдовательнѣе и прямо исповѣдуетъ и проповѣдуетъ моральную телеологію самовлюбленнаго Нарциса.

Далѣе, говоритъ Палантъ: соціальное развитіе въ такой-же мѣрѣ не имѣетъ прямолинейнаго значенія, въ какой не имѣетъ и опредѣленной цѣли. Напрасно иногда такое значеніе придаютъ стремленію къ всеобщей гармоніи жизни. Споръ между сторонниками приспособленія и гармоніи (на примѣрѣ А. Яроцкаго мы видѣли попытку сочетанія этихъ началъ, но, къ сожалѣнію, неудавшуюся въ виду устраненія изъ самаго понятія гармоніи самостоятельнаго нравственнаго начала и включенія въ нее эволюціоннаго момента; но поступи г. Яроцкій иначе—это было бы уже не сочетаніемъ сказанныхъ началъ, а устраненіемъ одного изъ нихъ) является вопросомъ

[1]) Palante, p. 157.
[2]) Palante, p. 157—158.

безъ объекта. Спрашивается при этомъ споръ слѣдующее: какое изъ двухъ началъ, согласіе или борьба, оппозиція или гармонія, является основнымъ и предназначеннымъ къ конечной побѣдѣ? Проблема эта неразрѣшима и по существу схолостична. Нельзя придать абсолютнаго нравственнаго значенія ни одному, ни другому началу, ибо такихъ абсолютныхъ значеній ничто въ смыслѣ соціальномъ не имѣетъ. Оба эти начала должны быть согласованы. [1]) Какъ? Этого авторъ не разрѣшаетъ и на этомъ его статья заканчивается. Этимъ концомъ еще рѣзче оттѣняется недостатокъ мысли автора, его ничшеніанскаго индивидуализма, еще рѣзче—потому что основная идея автора роковымъ образомъ привела его къ противорѣчію, выраженному въ заключительной мысли автора. Вопросъ о „сочетаніи обоихъ началъ“ есть вопросъ о согласованіи и параллельномъ сосуществованіи „любви къ дальнимъ“ съ „любовью къ ближнимъ“,—вопросъ, о которомъ не разъ идетъ рѣчь въ настоящемъ „обзорѣ“.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ модификаціи основной мысли не по существу, а лишь въ ея нюансахъ, мы видимъ, что въ отчетномъ году цѣлый рядъ ученыхъ высказался за введеніе деонтологіи въ кругъ задачъ соціальныхъ наукъ. Послѣ всего сказаннаго не подлежитъ также сомнѣнію, что слѣдующее утвержденіе проф. Новгородцева должно быть признано несправедливымъ „Нельзя, говоритъ онъ, [2]) ожидать здѣсь (въ дѣлѣ суда надъ настоящимъ) помощи и отъ соціологіи: подобно исторіи, и соціологія можетъ раскрыть намъ только причинную необходимость, а не нравственное долженствованіе: она можетъ еще до извѣстной степени (и притомъ въ весьма общемъ видѣ) намѣтить ожидаемые пути развитія, но сама по себѣ она ничего не можетъ сказать относительно того, насколько эти пути оправдываются съ нравственной точки зрѣнія“.

III

Итакъ, послѣ всего сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что задача соціологіи не заключается только, какъ говоритъ Анри Гозе, въ изученіи строенія и развитія общества (не въ смыслѣ эволюціоннаго только развитія, а въ смыслѣ активнаго прогресса), а также въ ученіи соціальнаго долженствованія. То-есть соціологія отнюдь не изучаетъ общество только таковымъ, каковымъ оно стало и каковымъ оно есть, но и каковымъ оно должно быть. Поэтому и классификація соціальныхъ наукъ, приведенная Анри Гозе (я ея не привожу, такъ какъ это представляетъ мало интереса. Въ этой классификаціи Гозе слѣдуетъ весьма несовершенной классификаціи, предложенной Сеньобсомъ), должна быть признана недостаточной.

Все сказанное относительно работы Гозе не лишаетъ однако ея одного достоинства—крайно рѣзко-очерченнаго указанія на нерѣшенность многихъ самыхъ основныхъ проблемъ соціологіи. Начавъ свой обзоръ съ этого именно факта, я замѣтилъ, что попытаюсь дать посильное объясненіе этого явленія. Приступая къ выполненію этой

---

[1]) Palante, p. 159.

[2]) Новгородцевъ, О задачахъ современной философіи права. Право 1902 г. № 40.

задачи, считаю нужнымъ здѣсь прежде указать еще на одно замѣчаніе того-же порядка, сдѣланное въ отчетномъ году проф. Сальвемини. [1]) Находя, что задачи исторіи, какъ науки, мало чѣмъ различествуютъ отъ задачъ соціологіи, такъ какъ разница заключается лишь въ томъ, что исторія „преимущественно“ занимается явленіями прошлаго, тогда какъ соціологія, занимается преимущественно явленіями настоящаго,[2]) и что исторія является наукой, а не искусствомъ, авторъ, изложивъ свои крайне интересныя возраженія противъ ученія извѣстнаго ученаго, проф. Б. Кроче, излагаетъ затѣмъ процессъ исторической объективаціи субъективныхъ стремленій и идеаловъ и, наконецъ, замѣчаетъ, что причиной того, что до сихъ поръ возможны споры противъ права исторіи на званіе науки, является самый объектъ этой науки, а именно соціальные факты и явленія, которые отличаются вообще гораздо большей сложностью, нежели тѣ, которые являются объектомъ изученія наукъ естественныхъ.[3]) Но отсюда не слѣдуетъ, что исторія не наука, ибо вина подобнаго положенія дѣла лежитъ не въ самой исторіи, а въ методахъ изученія, употребляемыхъ въ литературѣ.

То-же самое можетъ быть сказано о соціологіи. Итакъ, вотъ первая причина несовершеннаго состоянія интересующей насъ науки. Замѣтимъ, что не мало было въ наукѣ попытокъ, направленныхъ къ изслѣдованію вопроса о методѣ соціологіи, но въ настоящемъ обзорѣ разсмотрѣніе этихъ попытокъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ мы ограничены трудами 1902 года. Хотя относящійся къ данному вопросу трудъ Сеньобса („La médhode historique appliquée aux sciences sociales“) и переведенъ на русскій языкъ только въ отчетномъ году, но по времени выхода, трудъ этотъ къ данному году совершенно не относится. Впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ выше о классификаціи соціальныхъ наукъ Сеньобса, пріемы Сеньобса отличаются вообще несовершенствомъ, что, впрочемъ, и не удивительно: методъ изученія науки вытекаетъ изъ задачъ послѣдней, а для Сеньобса эти задачи сводятся къ изученію прошлаго и настоящаго и послѣдняго только съ точки зрѣнія историзма. Единственная заслуга книги Сеньобса сводится къ тому, что онъ съ большимъ успѣхомъ оправдалъ положеніе о громадной трудности взятой имъ на себя проблемы. Критикѣ книги Сеньобса посвящена въ отчетномъ году статья проф. Сореля [4]), въ которой послѣдній находитъ неправильнымъ ограниченіе Сеньобсомъ задачи изученіемъ въ соціологіи лишь феноменовъ настоящаго (то-же, что и у Сальвемини). Особенно слабымъ Сорель находитъ ту главу въ книгѣ Сеньобса, которую авторъ посвятилъ критикѣ марксизма. Въ дальнѣйшемъ замѣчанія Сореля, къ сожалѣнію, не разъясняютъ интересующаго насъ вопроса о методѣ соціологіи и потому эти замѣчанія мы опускаемъ.

---

[1]) G. S lvemini, La storia considerata come Scienza, Rivista Jtaliana di Sociologia, 1902 г. № 1.

[2]) Salvemini, l. c., стр. 21 и слѣд., особенно примѣч. 1 на стр. 22.

[3]) Salvemini, l. c., стр. 51.

[4]) G. Sorel, Storia e scienze sociali. Rivista Jtaliana di Sociologia, 1902, № 1, стр. 212—227.

Итакъ, недостатки современной соціологіи, какъ науки, сводятся прежде всего съ тому, что у нея нѣтъ еще строго выработанной системы, ни строго установленнаго метода.—По послѣднему вопросу въ наукѣ замѣчается особенно ожесточенный споръ. Наличность этого обстоятельства, независимо общихъ причинъ, которыя будутъ намѣчаемы ниже, объясняется несогласіемъ ученыхъ по вопросу о задачахъ соціологіи съ одной стороны и сложностью объекта науки въ другой.

Проф. Петражицкій ставитъ современной наукѣ еще слѣдующій упрекъ. Она недостаточно опредѣляетъ предметы, которыми оперируетъ. Однимъ изъ такихъ недостатковъ и является, по мнѣнію Петражицкаго, „оцѣнка" дѣйствующаго права, т. е. момента юридическаго, не съ точки зрѣнія момента юридическаго-же свойства, какъ наприм. „политики права", а съ точки зрѣнія момента совершенно иного порядка, момента этическаго. Мы нѣсколько разъ уже указывали въ настоящемъ обзорѣ о модномъ лозунгѣ современной философіи „назадъ къ Канту". Въ чемъ-же заключается истинное значеніе этого „поворота"? До послѣдняго времени, и начиная съ 50 годовъ XIX столѣтія, въ теоріи познанія (гносеологіи), а за ней и въ разныхъ научныхъ дисциплинахъ, включая и соціологію и натурфилософію, замѣтна была сильная и ожесточенно-защищаемая тенденція къ „монизму". Ниже, во второй части настоящаго обзора, мы вернемся къ этому вопросу, при обсужденіи исторіософіи „экономическаго матеріализма", на сколько этотъ вопросъ отразился на литературѣ отчетнаго года. Здѣсь-же мы останавливаемся на данномъ вопросѣ лишь вкратцѣ, по скольку это необходимо для должнаго пониманія одного изъ замѣчаній проф. Петражицкаго о недостаткахъ пріемовъ современной философіи. Въ разсматриваемомъ нами 1902 году вышла книга одного изъ наиболѣе сильныхъ умовъ того лагеря ученыхъ, который до послѣдняго времени боролся противъ теоріи „нравственной оцѣнки настоящаго идеалами будущаго" и связанной съ симъ теоріи „активнаго прогресса". Это именно книга, носящая общій заголовокъ „На разныя темы", принадлежащая перу П. Струве и составляющая сборникъ статей, появившихся въ печати въ разное время (съ 1893 по 1901 г.г.), а также еще небывшихъ въ печати. Въ статьѣ „Свобода и историческая необходимость" (первоначально напечатанной въ 1897 г. въ „Вопросахъ философіи и психологіи"), авторъ говоритъ слѣдующее. „Живое обсужденіе такъ называемаго экомическаго матеріализма или матеріалистическаго пониманія исторіи вновь поставило на очередь вопросъ о соотношеніи между свободой и исторической необходимостью. Матеріалистическое,—или мы охотнѣе станемъ говорить—экономическое пониманіе исторіи есть грандіозная попытка ввести исторію человѣчества въ систему научнаго опыта, основнымъ формальнымъ понятіемъ котораго является *необходимость* или законномѣрность въ смыслѣ строгой причинности (durchgängige kausalität). Но исторія въ то-же время *дѣлается людьми*, стремящимся къ осуществленію *своихъ цѣлей*, дѣйствующимими во имя *своихъ идеаловъ*. Ставить цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію можно только при сознаніи своей свободы. Съ другой стороны,

научное познаніе и пониманіе явленій мыслимо лишь подъ руководствомъ идеи необходимости, прямо противорѣчащей идеѣ свободы.. Это противорѣчіе и притомъ не логическое, а гносеологическое и— какъ таковое—психологическій фактъ, который раскрывается анализомъ человѣческаго познанія, упирающимся въ этотъ фактъ". [1]) Какъ видимъ, здѣсь сопоставляются двѣ концепціи монизма—одна матеріалистическая, сводящаяся къ исключительному господству каузальности (причинности), другая къ господству телеологіи (финальности), изъ которыхъ одна какъ бы исключаетъ другую Какъ-же поступала монистическая философія по отношенію къ данному предмету? Она лишь отвергала телеологію, отрицала „роль личности" въ историческомъ процессѣ (такъ поступала вся матеріалистическая философія); либо отвергала концепцію закономѣрной необходимости, возводя все къ господству идеалистическаго начала. На ряду съ этими направленіями стояла и другая философская школа, дуалистическая, которая признавала, мирила и сочетала оба начала. Противъ школы дуализма особенно возставали, [2]) представители экономическаго матеріализма, называя ее эклектической школой и употребляя полемическіе пріемы, безъ которыхъ существо дѣла могло прекрасно обойтись. Съ появленіемъ труда Штаммлера вопросъ былъ поставленъ на новую почву, и въ соціологіи и экономикѣ, какъ до того въ правовѣдѣніи (о чемъ было уже сказано выше), начинается поворотъ къ „идеализму". Многіе сторонники экономическаго монизма стали дѣлать уступки въ пользу значенія „идеализма" для экономическаго базиса жизни общества, „Надстройка" стала вліять на основу". Такія уступки сдѣланы были уже въ 1894 г. П. Струве, [3]) который и въ отчетномъ году заявляетъ. что „правовѣрный" марксизмъ пересталъ всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе, при чемъ г. Струве объясняетъ, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ жизни мыслящей личности и что отъ этого права онъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ „неустойчивости".[4]) Само собой разумѣется, что подобныхъ угрозъ не приходится дѣлать, ибо кромѣ сочувствія къ откровенному заявленію о переоцѣнкѣ научныхъ убѣжденій—ничего другого быть не можетъ. Уступки указаннаго рода стали дѣлаться и въ средѣ западныхъ „учениковъ", какъ напримѣръ Баксомъ, по поводу статей котораго возгорѣлась ожесточенная полемика съ Каутскимъ. Сильное впечатлѣніе произвела критика экономическаго матеріализма со стороны марксиста Конрада Шмидта, который былъ первымъ изъ германскихъ марксистовъ, сдѣлавшимъ въ статьѣ „Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung" [5]) по поводу книги г. Пле-

[1]) П. Струве, на разныя темы, Спб. 1902 г., стр. 487—488.

[2]) См. напр. Н. Бельтова, Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда на исторію, Спб. 1895; также накоторые прежніе труды Струве, труды Булгакова и др.

[3]) См. у Карѣева. Старые и новые этюды объ экономич. матеріализмѣ, Спб. 1896 г., стр. 191 и слѣд.

[4]) Струве. На разныя темы. Предисловіе.

[5]) Socialistische Akademiker 1896. См. объ этомъ у Масарика, Die Philosophischen und Sociol gischen Grundlagen des Marxismus, Wien 1899 s. 89 (въ русскомъ переводѣ 1900 г. стр. 82-83).

ханова заявленіе о необходимости для теоретиковъ марксизма возвращенія къ Канту и созданія научной философіи, главными отдѣлами коей онъ считаетъ логику и теорію познанія. Извѣстныя книги Бернштейна были особенно крупнымъ ударомъ для матеріалистическаго монизма въ смыслѣ возвращенія къ идеализлу, но уже не монистическому, а въ смыслѣ согласованія, сочетанія его съ основами матеріальнаго характера. Это снова то-же направленіе, которое знакомо уже намъ, какъ харахтерная сторона ученія школы „возрожденія“ естественнаго права.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, все-ли или не все кантовское вводитъ въ систему своего міровоззрѣнія нео-кантіанство (въ этомъ отношеніи, напримѣръ, мы видимъ значительныя различія между воззрѣніями Штаммлера съ одной стороны [1]) и Зиммеля и Кистяковскаго или Абрамовскаго—съ другой), укажемъ, что выходъ изъ указаннаго выше гносеологическаго противорѣчія между закономѣрной необходимостью и идеей свободы найденъ въ поворотѣ къ Канту, заключающемся въ признаніи значенія, на ряду съ матеріалистическими основами строенія и жизни общества, психологическихъ факторовъ и вліянія „идеализма“, въ смыслѣ какъ оцѣнки настоящаго, такъ и *воздѣйствія* этого идеализма на жизнь настоящаго. Одна наука, по мысли сторонниковъ „поворота“, ничѣмъ въ жизни „завѣдывать“ не можетъ: нормировка человѣческихъ отношеній и воздѣйствіе на жизнь *научнымъ* (курсивъ автора; т. е. *только* научнымъ) понятіемъ *науки* (снова курсивъ автора; т. е. одной лишь науки) не объемлется“. [2]) Изъ дальнѣйшаго разсужденія г. Струве видно, что это значеніе имѣютъ идеи, основанныя на наукѣ. Это очень близко къ тому, что утверждали „субъективисты“ въ соціологіи, противъ которыхъ, однако (теперь уже почти безъ основанія), спорятъ представители “новаго“ направленія.

Въ предисловіи къ книгѣ Бердяева [3]) г. Струве говоритъ: „въ предлагаемой книгѣ то практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ 90-мъ годамъ, составляя самый крупный фактъ въ умственно-общественной жизни этого десятилѣтія, совершенно открыто и рѣшительно дѣлаетъ *поворотъ къ философскому идеализму* и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до сихъ поръ *лишь по историческому недоразумѣнію* считались ему враждебными. Этотъ поворотъ обозначился довольно давно, но въ книгѣ Н. А. Бердяева онъ впервые получаетъ болѣе или менѣе законченное и сосредоточенное выраженіе“. Далѣе г. Струве, совершенно основательно замѣчая, что одинъ изъ новѣйшихъ марксистовъ, сторонниковъ „поворота“ къ Канту, Вольтманъ, только компрометируетъ „критическій марксизмъ“ (т. е. новый, не исключительно матеріалистическій марксизмъ) своими упражненіями надъ преемлемостью Кантовской „вещи въ себѣ“ и что, очевидно, Вольтманъ не знакомъ съ литературой неокантіантства, затѣмъ говоритъ, что

---

[1]) См. ст. Булгакова въ Вопр. философіи и психологіи за 1896 г. № 11—12.

[2]) Струве, На разныя темы, стр. 3, примѣч. 1.

[3]) Н. Бердяевъ, Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи; критич. этюдъ о г. Михайловскомъ, съ предисл. П. Струве. Спб. 1901 г.

„намѣренія Вольтмана внести *идеалистическую струю* въ марксизмъ заслуживаютъ полнаго признанія, но выполненіе этихъ намѣреній— очень слабое". [1]) Итакъ, тенденція экономическаго пониманія исторіи совпадаетъ съ тенденціей цѣлой школы права (Петражицкаго, Новгородцева, Штаммлера, Мичели и др.) и тенденція эта заключается въ желаніи „внести идеалистическую струю" въ матеріализмъ, въ „поворотѣ къ философскому идеализму", въ „союзѣ съ духовными силами", которыя до сихъ поръ считались враждебными положительной наукѣ лишь „по историческому недоразумѣнію". Какъ, гносеологически, происходитъ этотъ „союзъ", этого мы въ данную минуту не касаемся, такъ какъ этотъ вопросъ долженъ быть обсужденъ лишь въ связи со всѣмъ ученіемъ марксизма; въ данное-же время мы остановились на немъ только въ виду освѣщенія вопроса о недостаточномъ состояніи научныхъ основъ современной соціологіи. Но не касаясь этой стороны вопроса, мы все-же должны отмѣтить, что даже и въ этомъ новомъ направленіи констатируется „слабое исполненіе" задачи (Струве о Вольтманѣ), слишкомъ „узкое пониманіе" объективизма (Струве о Бердяевѣ; см. предисл. къ его книгѣ стр. VIII и слѣд.), игнорированіе, при стремленіи, однако, совершенно къ противному, „глубокой, засвидѣтельствованной исторіей связи между категоріями свободы и субстанціи" (Струве о Бердяевѣ; тамъ-же, стр. XXXI и XXXII); констатируется яко-бы „складываніе" совершенно разнородныхъ кетегорій, каковы истина и идеалъ справедливости, рѣшеніе каковой проблемы возможно *только* на общей почвѣ кантовскаго философскаго критицизма и марксовскаго соціальнаго монизма (Бердяевъ о Михайловскомъ; тамъ-же стр. 18—19 и др.), указывается на смѣшеніе логической и историко-генетической точки зрѣнія (Бердяевъ о Зиммелѣ, тамъ-же стр. 32—33), на „плохое пониманіе" причинъ и значенія человѣческой активности у авторовъ, для которыхъ эта активность имѣетъ центральное значеніе (Бердяевъ объ Л. Уордѣ, тамъ-же стр 91—92 А Южаковъ?); констатируется непослѣдовательность и противорѣчія въ разныхъ частяхъ ученія одного и того-же автора (Карѣевъ о П. Струве; Старые и новые этюды объ экономич. матеріализмѣ, стр. 198 и слѣд.), указывается на непониманіе ученія, которое разбираегся критиками и на орудуваніе надъ сочиненіями противниковъ путемъ приведенія цитатъ безъ сопровождающаго ихъ контекста, безъ котораго онъ теряютъ свое значеніе и т. п. (Михайловскій: о Струве, Русск. Богатство 1894 г. № 10, о Бельтовѣ 1895 г. № 1, о Бердяевѣ, Русск. Богатство 1901 г. № 1 и 2), указывается, наконецъ, на произвольное истолкованіе точекъ зрѣнія противниковъ (В. Черновъ о Бердяевѣ; „Субъективный методъ въ соціологіи" Русск. Бог. 1901 г. № 12, стр. 116 и др.)

Я могъ бы продолжить указанія, вродѣ приведенныхъ выше, но для обоснованія того положенія, что интересующее насъ направленіе страдаетъ недостатками, коренящимися не въ существѣ дѣла, а въ „слабомъ исполненіи" задачи, всего сказаннаго вполнѣ достаточно.

---

[1]) Бердяевъ, Субъект. и индивидуализмъ. Предисловіе Струве стр. V.

Оставляя въ сторонѣ спорное „по недоразумѣнію“, [1] замѣтимъ, что весь вопросъ заключается въ яко-бы имѣвшемъ мѣсто въ литературѣ не „союзѣ“ идеализма съ закономѣрностью (говорю „яко-бы“, потому что г. Михайловскій, напримѣръ, прямо говоритъ, что защищаемый имъ „идеализмъ“ не лежитъ въ области туманной дали, а вполнѣ „земнаго происхожденія“, потому что онъ защищаетъ „любовь къ ближнимъ“ на ряду съ „любовью къ дальнимъ“, т. е. дѣлаетъ то-же самое, что, напр., и проф. Новгородцевъ), а „смѣшеніи“ категорій необходимости и нравственной свободы. Отсюда, конечно, только и могъ бы слѣдовать выводъ о томъ, что необходимо *сочетаніе* этихъ категорій на почвѣ ихъ разграниченія. Вопросъ, стало быть, опять таки не въ существѣ задачи, а *о способѣ ея исполненія.*

Вотъ что говоритъ проф. Петражицкій о способѣ исполненія этой задачи проф. Новгородцевымъ. Мы останавливаемся на этомъ отзывѣ, потомучто, кромѣ отмѣченной статьи проф. Карѣева, въ отчетномъ году въ литературѣ только и появился, что отзывъ г. Петражицкаго. Къ тому-же въ виду не разъ высказанной нами печатно принадлежности нашей къ школѣ соціологіи, во главѣ которой стоитъ г. Михайловскій (и, конечно, Лавровъ и Карѣевъ, а затѣмъ Уордъ), мы предпочитаемъ въ данномъ случаѣ узнать, что говорится по интересующему насъ вопросу въ томъ лагерѣ, противъ котораго не ожесточаются противники „субъективизма“ какъ научной доктрины. Великая общефилософская заслуга Канта, состоитъ по мнѣнію г. Новгородцева (и другихъ неокантіанцевъ,) говоритъ проф. Петражицкій, въ *разграниченіи* „области необходимости... міра явленій, включенныхъ въ неразрывную цѣпь временной и причинной обусловленности“ и „царства свободы, раскрывающейся чаяніями нравственнаго сознанія“, т. е. „теоріи и морали“, необходимости и нравственной свободы“. Въ этомъ разграниченіи и сочетаніи и суть „поворота“ къ Канту, причемъ, по мнѣнію проф. Новгородцева, успѣхъ новыхъ построеній зависитъ отъ того, насколько ясно и рѣшительно проводится разграничительная черта между обѣими категоріями. Далѣе проф. Петражицкій замѣчаетъ, что это дѣйствительно популярный нынѣ лозунгъ, такъ часто, кстати и не кстати, повторяющійся, что у неимѣющихъ чести причислять себя къ „школѣ“—могутъ пострадать нервы и что особенно непріятно то, что подъ знаменемъ яснаго и точнаго разграниченія водворяется—*смѣшеніе* понятій.[2] Это доказывается тѣмъ, что здѣсь соединяются различныя логическія величины: такъ царство необходимости и царство свободы это одно, а „этическое и кавзальное“ *разсмотрѣніе*—это совсѣмъ другое и потому отождествленіе этихъ величинъ не свидѣтельствуетъ о „ясномъ“ и точномъ разграниченіи“ точекъ зрѣнія и понятій въ лагерѣ неокантіанцевъ. Если Кантъ дѣйствительно разграничиваетъ царство причинной необходимости и царство свободы, т. е. нравственности, то

---

[1]) Къ такому выводу приходитъ проф. Карѣевъ въ цитированныхъ уже много статьяхъ, помѣщенныхъ въ отчетномъ году въ Русскомъ Богатствѣ (№№ 4 и 10).

[2]) Петражицкій, Къ вопросу о „возрожденіи естес. права“ и нашей программѣ. Право 1902 г. № 42, стр. 1849—1850.

для Канта это послѣдовательно въ виду дуализма его философіи съ его метафизическою теоріей умопостигаемаго „я“ и умопостигаемой свободы, но разъ современное направленіе отвергаетъ кантовскуго метафизику, то оно остается во-первыхъ дуализмомъ необоснованномъ (съ этой мыслію г. Петражицкаго согласиться нельзя: значеніе дуализма является вполнѣ обоснованнымъ какъ у проф. Новгородцева, такъ и у Михайловскаго и Карѣева), а во вторыхъ эта „свобода“ оказалась все-таки въ тинѣ „царства необходимости“ (Что-же г. Петражицкій хотѣлъ, чтобы проф. Новгородцевъ настаивалъ на теоріи абсолютнаго „произвола“ вмѣсто „свободы“, вполнѣ комбинирующейся съ закономъ „достаточнаго основанія?“ Зачѣмъ толкать на путь старой метафизики, не смотря на категорическій разрывъ автора съ ней?). Затѣмъ, что касается противопоставленія „кавзальной“ и „этической“ точекъ зрѣнія и соотвѣтственныхъ сужденій, то проф. Петражицкій повторяетъ уже извѣстное намъ указаніе на неправильность класификаціи сужденій по категоріямъ, не могущимъ одна противополагаться другой, въ виду различія ихъ природы. Поэтому проф Петражицкій признаетъ это противопоставленіе не „яснымъ и точнымъ разграниченіемъ“, а „каррикатурой научной классификаціи“, ибо слѣдуетъ въ области классификаціи противопоставлять родъ роду, видъ виду, а не одинъ изъ видовъ одного рода одному изъ видовъ другого рода [1]). Затѣмъ, наконецъ, Петражицкій заключаетъ, что „именно потому, что дѣло идетъ о чемъ-то весьма важномъ, цѣнномъ и дорогомъ, требуется величайшая осторожность и обдуманность. Какъ бы не рухнулъ тотъ идеализмъ, который строится на столь шаткихъ основаніяхъ!“[2])

Такимъ образомъ (отмѣчаемъ это снова)—дѣло сводится не къ ложности задачи самой по себѣ, а къ логическимъ несовершенствамъ ея выполненія То-же самое, хотя и по поводу другого вопроса, однако-же, сопредѣльнаго съ интересующимъ насъ предметомъ, почему мы и думаемъ впослѣдствіи посвятить ему особенное вниманіе, высказалъ въ отчетномъ году молодой русскій соціологъ г. *Штейнбергъ*. „Къ числу вопросовъ, говоритъ онъ, трудность которыхъ основывается, главнымъ образомъ, на методологическомъ недоразумѣніи и именно на *неясномъ разграниченіи* понятій общаго порядка относительно болѣе узкихъ и спеціальныхъ понятій, относится на нашъ взглядъ и вопросъ о роли личности въ исторіи“ [3]) Дѣло въ томъ, что споръ обыкновенно ведется на почвѣ противоположенія идей „соціальной законномѣрности“ съ одной стороны и „роли личности“, т. е. свободы, съ другой. Авторъ находитъ, что отрицать важности проблемы детерминизма невозможно, но что изслѣдованіе этой проблемы мало подвигаетъ насъ впередъ въ интересующемъ насъ вопросѣ, ибо обѣ проблемы, о соціальной законномѣрности и о роли личности, по существу являются *независимыми* и обладающими различнымъ характеромъ. Первая выходитъ за предѣли опыта и потому относится къ области метафизики, вторая-же (о роли личности) можетъ быть рѣшена съ

---

[1]) Петражицкій, l. c стр. 1851.

[2]) Idem стр. 1854.

[3]) С. Штейнбергъ, Роль личности въ исторіи и общественная наука, Научн. Обозр. 1902 г. № 5, стр. 82.

помощью средствъ, располагаемыхъ научнымъ познаніемъ.[1]) По поводу приведенныхъ мыслей г. Штейнберга скажемъ только, что „неполное разграниченіе понятій общаго порядка относительно болѣе узкихъ и спеціальныхъ понятій“ составляетъ не методологическое недоразумѣніе, какъ онъ полагаетъ, а логическое, что далеко не одно и то-же.

Итакъ, мы видимъ, что современное состояніе соціологіи обязано съ одной стороны трудности и сложности объекта этой науки, съ другой „недоразумѣніямъ“ логическаго свойства, отсутствію безспорнаго опредѣленія задачъ науки, а отсюда крайнему разнообразію научной дефиниціи самой науки и, наконецъ, невыработанности метода ея изслѣдованія. Удивляться этому нечего: наука эта все еще молодая, ей едва 60 лѣтъ; въ наукѣ этой идетъ быстрая созидательная работа, причемъ каждый ученый, строя зданіе науки, самъ же долженъ разрабатывать матерьялъ для построенія и приэтомъ долженъ производить и работу критическаго характера. Все это имѣло мѣсто и въ другихъ научныхъ дисциплинахъ, но ни одна наука такъ близко не касается самыхъ дорогихъ интересовъ человѣчества какъ соціологія. При всемъ стремленіи разныхъ соціологовъ къ объективизму, они не выдерживаютъ спокойно-описательнаго отношенія къ дѣлу и, вопреки провозглашаемому ими объективизму, ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ перехода отъ созерцательно-описательнаго отношенія къ дѣлу къ наукѣ конструктивнаго характера Словомъ, они гнали идеологію въ дверь, а она влетела въ окно (такъ это случилось и съ Спенсеромъ, Изулэ и другими „объективистами“). Вотъ эта-то сторона дѣла и имѣетъ значеніе. Нельзя закрывать глаза на то, что само кричитъ, съ фактическими доказательствами въ рукахъ, о законности своего существованія. Игнорированіе и отрицаніе существующаго факта никогда не можетъ вести къ обоснованію науки, какъ бы ни тяжелъ и ни остроуменъ былъ багажъ, коимъ это отрицаніе обставляется. Существующее нужно признать, а, признавъ, нужно опредѣлить его роль и значеніе и дать ему надлежащее мѣсто въ данной научной дисциплинѣ. Тогда только постройка будетъ прочной и плодотворной...

Изъ отмѣченныхъ нами тенденцій современной науки видно, что дѣло уже идетъ къ тому; остается только прямо и рѣшительно сказать послѣднее слово. Изъ второй части нашего обзора мы увидимъ, что тенденція эта проявилась и въ области историческаго матеріализма, но что и здѣсь „послѣдняго слова“ въ отчетномъ году не сказано. Будемъ надѣяться, что оно будетъ сказано въ наступающіе года. Едва это признаніе состоится, какъ соціологія станетъ наукой съ опредѣлившимися задачами, едва соціальная деонтологія станетъ составной частью этой науки, какъ этимъ сразу опредѣлится и методъ ея изученія. А съ этимъ должны открыться для этой науки новые горизонты...

Чтобы закончить съ этой частью нашего обзора, отмѣтимъ еще одну причину несовершенства нашей науки, правда причину не столь-

[1]) Idem стр. 84.

серьезнаго свойства, но все-же заслуживающую вниманія. Замѣчу, однако, что здѣсь я дѣлаю отступленіе отъ усвоеннаго мною правила пользоваться только трудами отчетнаго года и только въ исключительныхъ случаяхъ дѣлать отступленія для трудовъ предшествующихъ годовъ; такія отступленія дѣлались всегда въ связи съ освѣщеніемъ вопроса, поставленнаго на очередь въ томъ или другомъ трудѣ отчетнаго года. Настоящее же исключеніе дѣлается мною только въ интересахъ полноты разслѣдованія вопроса о причинахъ несовершеннаго состоянія интересующей насъ науки. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ виду сложности объекта соціологіи и въ виду того, что въ порядкѣ наукъ она примыкаетъ по степени сложности и общности къ біологіи и психологіи, соціологу приходится быть въ одно и то-же время и психологомъ, и правовѣдомъ, и политико-экономомъ, и историкомъ и естествовѣдомъ. Все это требуетъ знаній и знаній. И дѣйствительно многіе ученые требуютъ спеціальной подготовки для лицъ, посвящающихъ себя изученію соціологіи. Такое требованіе весьма понятно. Но уже менѣе понятно утвержденіе, напримѣръ, Де-Греефа, что рѣшеніе вопросовъ естествознанія составляетъ монополію мыслителей, обладающихъ значительной естественнонаучной подготовкой. [1]) Такимъ-же образомъ Ваше-де-Лапужъ, отстаивая исключительное значеніе соціальнаго селекціонизма, замѣчаетъ, что, если эта истина еще не получила значенія очевидности, каковое она должна бы имѣть, то потому, что доказательства ея находятся въ рукахъ антропологовъ и что соціологамъ онѣ неизвѣстны. [2]) Замѣчаніе это фактически невѣрно, ибо, хотя критика „законовъ“ Аммона и Лапужа и дана антропологами и между прочимъ даже въ отчетномъ году Владиславомъ Гумпловичемъ (не должно смѣшивать съ соціологомъ Людвигомъ Гумпловичемъ) въ новомъ (въ отчетномъ году возникшемъ) журналѣ „Политическо-Антропологическое Обозрѣніе“, [3]) но наиболѣе глубокія критическія замѣчанія даны соціологами, какъ напримѣръ Л. Винярскимъ („Антропо-соціологія“, Научн. Обозр, 1900 г. № 1 и 2), Н. К. Михайловскимъ („Литература и Жизнь“, Русское Бог. 1898 г. № 2, стр. 141 и слѣд.). Требуетъ отъ лицъ, занимающихся соціальными науками, знанія наукъ естественныхъ и Дюркгеймъ, законность каковаго требованія понятна сама собой. Но то же самое нужно сказать и о необходимости основательнаго знакомства съ другими науками, въ особенности съ психологіей, политической экономіей, статистикой, исторіей и правовѣденіемъ. Нужно сказать, что данныя и выводы естествознанія вовсе не составляютъ чего-либо таинственнаго и неподлежащаго самостоятельному обсужденію со стороны не-спеціалистовъ. Вѣдь и относительно философіи и логики высказывались въ литературѣ положенія, что данныя этихъ наукъ составляютъ „удѣлъ спеціалистовъ“. [4]) Однакожъ нынѣ ученые при-

[1]) Г. Де-Греефъ, Соціальная Статика. Журн. „Жизнь“ 1899 г. февраль, V.

[2]) Vacher de Lapouge, Les sélections sociales, Paris 1896 p. 2.

[3]) Ladislaus Gumplowicz, Antropologie und natürliche Auslesse. Politisch-Antropologische Revue, 1902, № 2, S. 105 f.f.

[4]) Напр. покойный проф. Н. Я. Гротъ въ эпоху своихъ первыхъ трудовъ въ области упомянутыхъ наукъ. См. В. Лесевича: Этюды и очерки, Спб. 1886 г. стр. 222 и слѣд.

держиваются совершенно иныхъ взглядовъ и не считаютъ себя монополистами отмежеванныхъ ими себѣ частей знаній. Конечно, сужденіе по тому или другому спеціальному вопросу требуетъ предварительной подготовки въ смыслѣ основательнаго знакомства съ данной научной дисциплиной и съ этой точки зрѣнія для насъ совершенно понятно, когда правовѣдъ, проф. Парижскаго Университета Буатель, въ своей работѣ, посвященной критикѣ ученія органической школы соціологіи, говоритъ о себѣ, что, признавая справедливость замѣчанія Дюркгейма о необходимости для соціолога предварительной подготовки въ области точныхъ наукъ, онъ считаетъ возможнымъ вести споръ противъ органицизма на почвѣ біологическихъ наукъ, благодаря тѣмъ постояннымъ работамъ по различнымъ отдѣламъ естествознанія, „которыми онъ былъ занятъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ“. [1])

Наши замѣчанія по данному вопросу закончимъ указаніемъ на то, что и авторы, знакомые съ естественными науками, вызываютъ въ свою очередь замѣчанія о незнакомствѣ ихъ съ областями знаній, безъ которыхъ немыслимо всестороннее пониманіе соціальныхъ явленій. Такъ, проф. Зомбартъ упрекаетъ этого рода ученыхъ въ томъ, что имъ „почти сплошь не достаетъ основательныхъ знаній въ области общественныхъ наукъ“. [2])

Въ отчетномъ году проф. Райхесбергъ, разсматривая причины, въ которыхъ слѣдуетъ искать объясненія несовершенства современной соціологіи, пришелъ къ заключенію, что объясненія надо искать, съ одной стороны, въ современномъ состояніи нашихъ знаній о соціальной жизни вообще и—съ другой—въ самой сущности существующихъ соціальныхъ теорій. [3]) Что касается означенныхъ теорій, то недостатокъ замѣчается, по мнѣнію автора, въ ихъ специфическомъ отношеніи къ своему предмету, къ соціальной дѣйствительности. Въ то время, какъ другія науки изучаютъ свой предметъ съ цѣлью установить законы въ данной сферѣ явленій,—соціальныя теоріи въ громадномъ числѣ случаевъ руководствуются задачей отыскать пути и способы для достиженія заранѣе установленныхъ цѣлей жизни и дѣятельности въ сферѣ человѣческихъ отношеній. При такомъ отношеніи къ дѣлу наука находится *всецѣло* подъ вліяніемъ субъективныхъ желаній и убѣжденій изслѣдователя, выдающаго за истину то, что находится въ гармоніи съ его предвзятыми представленіями и чувствами. Авторъ находитъ, что это неправильно и что слѣдуетъ въ точности установить задачу науки и провести рѣзкую границу между ея непосредственными задачами и тѣми практическими цѣлями, которыя вытекаютъ изъ сферы нашихъ конкретныхъ стремленій, идеаловъ объ улучшеніи нашего общественнаго быта, такъ какъ смѣшеніе первыхъ съ послѣдними приводитъ на-

---

[1]) Boistel. Discussion de la théorie des sociétés-organismes. Revue générale du droit etc. 1899. Janvier-Février p. 11—12.

[2]) В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Журн. Жизнь 1899 года февр. кн. 2, стр. 86 примѣч.

[3]) Райхесбергъ. Соціологія, соціальная философія и соціальн. политика. Міръ Божій 1902 г. № 7, стр. 89.

уку къ хаотическому состоянію [1]) Съ другой стороны, говоритъ Райхесбергъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что проблема, которую представляетъ собою человѣческое общежитіе, является одною изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, такъ какъ объектъ изслѣдованія соціологіи едва-ли не самый сложный изъ научныхъ объектовъ, почему методы, которыми можно было пользоваться съ успѣхомъ въ другихъ наукахъ, не находятъ здѣсь для себя почти никакого приложенія. Телеологической-же точкѣ зрѣнія должно быть приписано неясное разграниченіе соціологіи отъ соціальной философіи и политики. [2]) Только объективная соціологія можетъ быть научной; только такая соціологія можетъ служить почвой для доказательства невозможности многихъ иллюзій и неосновательности многихъ надеждъ. Только такая наука укажетъ границы возможнаго и откроетъ новые горизонты, побуждая къ новымъ усиліямъ и къ новой дѣятельности. Съ уничтоженіемъ классовой розни возможна будетъ и „настоящая“ соціальная философія и единая нераздѣльная система соціальной политики.[3])

Всѣ указанныя мысли Райхесбергъ высказалъ и ранѣе, когда выступилъ съ своей критикой труда Людвига Штейна „Соціальный вопросъ въ свѣтѣ философіи“. [4]) Но и тогда взглядъ Райхесберга на незаконность „предвзятаго мнѣнія“ не произвелъ впечатлѣнія, не можетъ произвести онъ его и теперь. Г. Михайловскій въ достаточной мѣрѣ выяснилъ (въ трудѣ „Что такое прогрессъ“) законность и необходимость предвзятаго мнѣнія, при условіи лишь научнаго оперированія на почвѣ доказанныхъ фактовъ и достаточной высоты нравственнаго идеала изслѣдователя. Даже въ естественныхъ наукахъ, ужъ начто, кажется, объективныхъ, нужно сперва имѣть идею искомаго, чтобы, при условіи достаточнаго запаса знаній, произвести одинъ опытъ предпочтительно предъ другимъ.

Съ другой стороны наука нисколько не теряетъ въ своемъ достоинствѣ и даже объективизмѣ отъ принципа оцѣнки констатируемыхъ явленій съ точки зрѣнія нравственнаго идеала. Въ этомъ отношеніи Райхесбергъ проглядѣлъ ту самую особенность объекта науки (соціологіи), сложность и своеобразность котораго, въ сравненіи съ объектами другихъ наукъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ. Эта своеобразность явленій надъ-органическаго міра заключается въ томъ, что онъ опредѣляется съ надлежащею полнотой не на почвѣ лишь настоящаго и прошлаго, а и на почвѣ будущаго, а на послѣдней въ двоякомъ отношеніи: въ смыслѣ оцѣнки настоящаго независимо отъ вліянія этой оцѣнки на самое „настоящее“ и въ смыслѣ активнаго воздѣйствія этой оцѣнки на преобразованіе настоящаго въ направленіи, приближающемъ его къ идеаламъ будущаго. Признавая, что соціальное будущее принадлежитъ къ категоріи законосообразной возможности, Райхесбергъ впалъ въ внутреннее противорѣчіе,

---

[1]) Райхесбергъ. op. cit, стр. 90—91.
[2]) Райхесбергъ, стр. 92—93.
[3]) Райхесбергъ, стр. 99.
[4]) N. Reichesberg, Die Sociologie, die Sociale Frage und der sogen. Rechtssocialismus, Bern 1899. См. особ. стр. 62 и слѣд. и друг.

изгоняя телеологію, что лучше всего сказалось въ томъ, что автору не удалось отречься отъ введенія телеологіи въ поле изслѣдованія (разсужденія объ исчезновеніи классовой розни и борьбы). Такъ на немъ повторилось то-же самое, что всегда случалось съ учеными, гнавшими телеологію изъ области общественныхъ наукъ. Чуть-ли ни поучительнѣйшимъ примѣромъ этого рода является примѣръ Спенсера, объявившаго себя абсолютнымъ объективистомъ, и закончившимъ свое философское построеніе теоріей соціальной диссолюціи и горячей проповѣдью индивидуализма, вплоть до своеобразной защиты большинства отъ руководительства меньшинства (я имѣю въ виду научный помфлетъ „The man versus the stat", часть коего, подъ названіемъ „Грядущее рабство", переведена на русскій языкъ, а весь трудъ довольно подробно переданъ г. Слонимскимъ въ его „Основныхъ вопросахъ политики", Спб. 1889 г.)

Что-же касается собственно оцѣнки настоящаго съ точки зрѣнія идеаловъ будущаго, то въ этомъ отношеніи мы уже познакомили читателя съ постановкой вопроса въ современной наукѣ и въ дальнѣйшей части настоящаго труда удѣляемъ этому вопросу не мало вниманія. Взгляды разныхъ писателей, высказавшихся по данному вопросу, весьма интересны и заслуживаютъ подробнаго ознакомленія съ ними, независимо отъ того, что излагаемые ниже взгляды опираются не столько на науку, сколько на метафизику. Вопросъ о законности послѣдней еще нельзя считать рѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ самый вопросъ о томъ, неизбѣжна-ли метафизика для обоснованія взгляда на законность оцѣнки сущаго съ точки зрѣнія этическаго должнаго,—я оставляю всецѣло на судъ читателя. Я полагаю, что излагаемаго мною ниже будетъ вполнѣ достаточно для возможности подобнаго суда и для постановки рѣшенія на почвѣ достаточнаго числа фактовъ и аргументовъ. Этого замѣчанія съ насъ достаточно для того, чтобы перейти къ разсмотрѣнію вопроса in medias res.

Итакъ, мы выяснили, на сколько это позволили особыя задачи обзора литературы за опредѣленный годъ, причины несовершеннаго состоянія интересующей насъ науки. Но на ряду съ перечисленными нами причинами въ литературѣ встрѣчаются и указанія иного рода, а именно съ одной стороны указанія на то, что наука и не компетентна въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые должны и не могутъ не быть разрѣшены, а съ другой—указанія на то, что самая задача, предлагаемая наукѣ, ставится въ неправильной формѣ; что отъ нея требуютъ того, что она дать можетъ, но требуютъ въ такой формѣ, изъ за которой отвѣтъ ея по необходимости является несовершеннымъ. Указанныя здѣсь замѣчанія вытекаютъ изъ двухъ работъ разсматриваемаго года—одной, принадлежащей г. Булгакову и другой —г. Тарле. Но эти работы стоятъ одна въ связи съ другой, а затѣмъ каждая изъ нихъ должна быть поставлена въ связь съ нѣкоторы другими работами разсматриваемаго нами года (Ренувріе, Некрасова, Бердяева, Кистяковскаго и др.), почему мы и сочли нужнымъ разсмотрѣть эти труды въ систематической ихъ связи и по отношенію къ интересующему насъ вопросу о компетенціи науки.

Вотъ почему, не смотря на то, что работы г. Бердяева, Булгакова, Тарле, Кистяковскаго и Некрасова стоятъ въ прямомъ отношеніи къ разсмотрѣннымъ нами уже трудамъ Новгородцева, Гессена, Петражицкаго, Яроцкихъ, Карѣева и др., мы умышленно ихъ не касались до сихъ поръ. Конечно, этого прямого соотношенія однихъ работъ съ другими и всѣхъ ихъ къ работамъ Франка, Файгингера, Риля и др. (конечно, также только 1902 года)—не должно забывать, а напротивъ, имѣя его въ виду, такимъ путемъ окончательно выяснить положеніе вопроса о томъ, что такое соціологія, что она можетъ дать и чего дать не можетъ. Мы, конечно, имѣемъ въ виду выясненіе даннаго вопроса лишь на почвѣ трудовъ разсматриваемаго года, указывая иногда на труды предшествующихъ годовъ лишь по связи ихъ съ разсматриваемыми вопросами. При этомъ считаю нужнымъ впередъ указать, что часть вопроса о компетенціи науки въ разрѣшеніи вопросовъ жизни мною перенесена во второй отдѣлъ настоящаго обзора, что было вызвано не существомъ дѣла, а тѣми особенностями въ распредѣленіи матеріала, которыя вызываются особенностью задачи „обзора“. Отчасти такое распредѣленіе матеріала объясняется и тѣмъ, что разсмотрѣніе вопроса о томъ, компетентна ли наука въ разрѣшеніи указанныхъ выше проблемъ или нѣтъ,—стоитъ въ связи съ вопросомъ объ истинномъ соотношеніи между матеріализмомъ и идеализмомъ, а послѣдній вопросъ составляетъ содержаніе всей второй части настоящаго обзора. Вынести изъ нея отдѣльный вопросъ въ первую часть „обзора“ значило-бы предвосхитить точку зрѣнія на философію матеріалистическаго монизма, что было бы совершенно нерезонно. До нѣкоторой степени это все-же пришлось сдѣлать, но то, что вызывается необходимостью, еще можетъ быть оправдано. Большее-же оправданій имѣть не можетъ.

О состояніи современной науки С. Н. Булгаковъ говоритъ, [1]) что она „нисколько не ближе къ задачѣ дать *цѣлостное знаніе* (курсивъ нашъ), какъ была нѣсколько вѣковъ тому назадъ или *будетъ* чрезъ нѣсколько вѣковъ впередъ“ (вездѣ, гдѣ не сдѣлано особыхъ оговорокъ, курсивъ нашъ). Взглядъ этотъ стоитъ въ связи съ общимъ агностицизмомъ вообще (о чемъ рѣчь будетъ во второй части нашего „обзора“) и въ частности съ убѣжденіемъ автора, высказаннымъ имъ раньше. [2]) Оставимъ въ сторонѣ обоснованіе этого взгляда Булгакова, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи *къ наукѣ вообще* онъ его и не обосновываетъ, а лишь обѣщаетъ это сдѣлать, [3]) и замѣтимъ только, что сущность взгляда г. Булгакова сводится уже не къ тому, что въ наукѣ замѣчается „банкротство“ въ виду „слабаго исполненія“ задачи, а невыполнимость ея по существу: это ignoramus et ignorabimus Дубуа-Раймонда. По мнѣнію г. Булгакова наука не даетъ цѣлостнаго знанія, потому что и не можетъ его дать; къ ней предъявляютъ требованіе, для нея по существу невыполнимое. Мы еще встрѣтимся съ однородными взглядами агностицизма (въ второй части

[1]) Булгаковъ, Основныя проблемы теоріи прогресса. „Проблемы Идеализма“, Москва 1903 г. стр. 2.

[2]) Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. II, Спб. 1900 г., стр. 455 и слѣд.

[3]) Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 458.

нашего „обзора"), а здѣсь замѣтимъ, что самый выводъ о томъ, что наука *не будетъ* въ состояніи дать „цѣлостного знанія" (то-же, что у Дюбуа „ignorabimus"), основанъ на томъ, что она его не давала и не даетъ, на „ignoramus". Здѣсь то и кроется глубокое противорѣчіе въ предпосылкѣ и заключеніи. Въ самомъ дѣлѣ и Любуа-Раймондъ, и Спенсеръ, и Брюнетьеръ (и Булгаковъ, Ренувріе, Некрасовъ и др.) имѣютъ въ виду точную, опытную науку, такъ какъ всякую другую они называютъ не наукой, а сверхъ—опытнымъ знаніемъ. Къ области такихъ знаній относится и метафизика. Послѣдняя начинается тамъ, гдѣ кончается точная наука. Но и точное знаніе и знаніе трансцедентное все-таки не даютъ отвѣта на вопросы, имѣющіе въ виду „цѣлостное знаніе"; такого и быть не можетъ Можетъ существовать лишь стремленіе къ нему. Этому стремленію приходятъ на помощь сначала наука, т. е. знаніе точное, потомъ (тамъ, гдѣ точнаго знанія уже быть не можетъ)—матафизика, т. е. знаніе трансцедентное, сверхъ—опытное, сверхъ—эмпирическое и, наконецъ, гдѣ оканчиваеся и это знаніе, тамъ вступаетъ въ силу не—знаніе, т. е. вѣра, религія. Какъ мы сказали, такое философское воззрѣніе построено на констатированіи факта несостоятельности науки (ignoramus); это также вѣрно для схоластиковъ, какъ и для Спенсера или Дюбуа-Раймонда. [1]) На томъ-же основано и убѣжденіе Брюнетьера и Булгакова, какъ это въ особенности видно изъ его труда „Капитализмъ и земледѣліе".

Но имѣютъ-ли право пользоваться эмпиризмомъ мыслители, доказывающіе несостоятельность его по существу для цѣлой области знаній? Подрывая вѣру въ эмпиризмъ, они уничтожаютъ его абсолютную доказательную силу и тѣмъ самымъ вносятъ порокъ въ обоснованіе своего собственнаго вывода: негодная посылка не можетъ дать годнаго умозаключенія. Все, что изъ даннаго обоснованія (эмпирическаго констатированія невыполненія наукой задачи обоснованія категоріи долженствующаго въ смыслѣ Sollen) можно вывести—это: мы не знаемъ (ignoramus) потому, что наука слабо выполняетъ свою задачу, но отсюда еще не слѣдуетъ, что она ея не можетъ выполнять. Я этимъ не предрѣшаю вопроса о законности метафизики до тѣхъ поръ, пока наука *еще* не знаетъ отвѣтовъ на всѣ вопросы жизни, я даже не предрѣшаю того, что таково можетъ быть состояніе науки и во всѣ доступныя полету мысли въ будущее времена, ибо предѣлы „вопросовъ" должны все раздвигаться и углубляться, но я утверждаю только, что мы логически и гносеологически не имѣемъ здѣсь дѣла съ категоріей невозможнаго. Для меня, при такой постановкѣ дѣла, эмпиризмъ—вполнѣ законное доказательное средство и потому я вправѣ сослаться на исторію науки. А послѣдняя показываетъ, что многое изъ того, что не только во времена знаменитой рѣчи Дюбуа-Раймонда (1872 годъ), но даже почти вчера считалось недоступнымъ познанію—является раскрытымъ наукой, является завоеваніемъ научнаго знанія за счетъ знанія трансцедентнаго. Въ особенности трудно поддавались и подаются точному

[1]) О послѣднемъ см. популярную статью Ж. Кодиса „Границы человѣческаго познанія", въ журн. „Самообразованіе" 1902 г. № 49.

знанію (наукѣ-въ смыслѣ воззрѣнія г. Булгакова) категоріи „случайнаго“, которыя считались выходящими за предѣлы категоріи „должнаго“ въ смыслѣ „Müssen“ и за предѣлы даже „вѣроятнаго“— въ смыслѣ доступномъ научной *теоріи вѣроятности*. Однимъ изъ типичныхъ примѣровъ случайнаго явленія можетъ, по вѣрному замѣчанію Карножицкаго, служить хотя-бы продолжительность человеческой жизни. [1]) И вотъ въ отношеніи послѣдняго явленія авторъ, на основаніи приводимыхъ имъ данныхъ, говоритъ, что онъ не сомнѣвается, что „рано или поздно, по мѣрѣ усовершенствованія и упрощенія методовъ изслѣдованія, геній человѣческій научится предсказывать съ точностью для каждаго индивидуума родъ, мѣсто и часъ его смерти и что величину человѣческой долговѣчности возможно будетъ вычислять съ помощью болѣе или менѣе сложныхъ формулъ, какъ мы теперь вычисляемъ пути движенія кометъ“. [2]) Если этотъ категорическій оптимизмъ и не совершенно обоснованъ, то во всякомъ случаѣ мы, гносеологически, не имѣемъ здѣсь и дѣла съ категоріей невозможнаго. А если такъ, то указанное явленіе входитъ въ область науки, въ смыслѣ опытнаго знанія, а не метафизики—въ смыслѣ сверхъ-опытнаго мышленія.

Такое-же заключеніе дѣлаетъ Карножицкій и о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ изъ категоріи случайнаго, напримиръ объ аномаліяхъ и въ частности объ уродствахъ, замѣчая тутъ-же, что изученіе послѣднихъ привело къ открытію новыхъ, какъ бы вторичныхъ законовъ природы, къ созданію новыхъ капитальныхъ теорій въ наукѣ (Карножицкій, стр. 18-19). Утвержденіе это подтверждается рядомъ примѣровъ изъ различныхъ областей знанія, палеонтологіи, физики, астрономіи и т. п. Особенно интересно развитіе вопроса о „началѣ органической жизни“, но здѣсь, конечно, не мѣсто касаться этого вопроса и мы отсылаемъ интересующихся къ работамъ г. Карножицкаго (Научн. Обозр. 1895 г. № 2-4 и 1902 г. № 11, стр. 27 и слѣд.). Въ томъ же духѣ написана небольшая статья проф. Э. Махомъ,[3]) который находитъ, что, напримѣръ, между физическимъ и психологическимъ изслѣдованіемъ лежитъ грамадная пропасть только для обыденнаго стереотипнаго способа наблюденія, ибо не самый предметъ, а способъ изслѣдованія различенъ въ обѣихъ областяхъ. [4]) Подробное разсмотрѣніе дѣла еще не приводитъ къ убѣжденію, что наука *уже доказала* отсутствіе подобнаго различія, но это обстоятельство отнюдь не приводитъ насъ къ выводу, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ категоріей невозможнаго.

Мы указали, уже выше, что убѣжденіе въ банкротствѣ науки высказалъ и французскій академикъ Фердинандъ Брунетьеръ. Краткое знакомство съ его выводами, (особенно рельефно высказанными въ брошюрѣ „Наука и религія“) даетъ въ разсматриваемомъ году

---

[1]) А Карножицкій, Начало индивидуальности. Науч. Обозр. 1902 г. №11, стр. 17.

[2]) Карножицкій, op. cit. стр. 19.

[3]) Махъ, Антиметафизическія размышленія. Научн. Обозр. 1902 г. № 11, стр. 29 и слѣд.

[4]) Махъ, op. cit., стр. 35.

г. Д. К. [1]) Признавая, что ни наука вообще, ни частныя науки не могутъ имѣть притязанія на господствующее положеніе въ современной жизни, объявляя „если не полное банкротство науки, то, по крайней мѣрѣ, частную ея несостоятельность“, Брунетьеръ приходитъ къ выводу, что окончательныхъ отвѣтовъ на вопросы жизни нужно искать въ религіи. Изъ вызванныхъ рѣчью и брошюрами Брунетьера отвѣтовъ со стороны представителей науки не всѣ можно признать удовлетворительными, такъ какъ нѣкоторые стремились не къ отвѣту по существу, а къ реабилитаціи науки, въ чемъ она, въ сущности, и не нуждалась. Наиболѣе удачнымъ нужно признать отвѣтъ знаменитаго химика М. Бертело, который замѣтилъ, что нужно умѣть спрашивать науку и нужно ей ставить вопросы, которые сами въ себѣ не содержатъ (прибавимъ не логичетки, а „пока“, т. е исторически) невозможности отвѣта.

Итакъ, намъ кажется, что тѣхъ, для настоящей работы по необходимости краткихъ, замѣчаній, которыя мы сдѣлали, вполнѣ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что—во первыхъ агностицизмъ г. Булгакова необоснованъ, что—во вторыхъ обоснованіе послѣдняго на почвѣ эмпирическаго наблюденія, т. е. какъ выводъ изъ исторіи науки,—для г. Булгакова незаконно, ибо самый эмпиризмъ имъ признается негоднымъ (для *всей* области знанія) орудіемъ познаванія и въ третихъ, что изъ „слабаго выполненія“ наукой своей задачи можно только вывести заключеніе о необходимости восполненія этого недостатка, а не о томъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ невозможностью. Во второй части настоящаго обзора мы еще встрѣтимся съ данными того-же порядка.

Совершенно въ духѣ агностицизма высказался въ разматриваемомъ году и Шарль Ренувріе, книга котораго „О персонализмѣ“, хотя и помѣчена 1903 годомъ, появилась въ 1902 году. Отрицая безконечную цѣль послѣдовательныхъ феноменовъ, связанныхъ закономъ причинности, въ виду того, что и „первопричина“, съ этой точки зрѣнія, должна имѣть причину, а послѣдняя уже лежитъ въ области непознаваемаго, Ренувріе находитъ, что этимъ самимъ наука оставляетъ феномены у дверей знанія, за которыми начинается актъ творчества, т. е. метафизика (сверхъ—опытное знаніе) и вѣра. Актъ творенія предполагаетъ цѣлесообразное знаніе, вслѣдствіе чего начало всѣхъ началъ, которое сводится въ наукѣ теперь къ понятію „силы“ должно включать въ себѣ „сознательность“, должно быть персонифицировано.[2]) Все ученіе Ренувріе находится подъ сильнымъ вліяніемъ Лейбница, каковое вліяніе замѣтно и на воззрѣніяхъ г. Булгакова, а отчасти и Новгородцева. Совершенно иначе сказалось вліяніе идеализма Лейбница, въ связи съ вліяніемъ идеализма Декарта и Паскаля и идей Кетле, на проф П. А. Некрасовѣ, [3]) который, стре-

---

[1]) Мнимая несостоятельность науки. Жур. Самообразованіе 1902 г., № 52.

[2]) Renouvrier, Le Personnalisme, suivi d'une étude sur la perception externe et sur la force, Paris 1902, p. 1—7, p. 9 sq., вся гл. III и passim, особенно стр. 87 и слѣд. и гл. 20 и слѣд.

[3]) П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, Москва 1902 г.

мясь пересмотрѣть и дополнить „соціальную физику“ Кетле на почвѣ примѣненія строго научныхъ категорій, а именно новаго ученія о вѣроятностяхъ среднихъ величинъ, имѣетъ въ виду такимъ путемъ пролить болѣе яркій свѣтъ на философскія категоріи необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія и цѣли, „устраняя ту спутанность, какая существовала во взглядахъ на свободу, свободную волю и проч.“ На ряду съ *фатальной* закономѣрностью математика знаетъ и регулярность *свободную*, которую философія и наука, благодаря несовершенству пріемовъ (значитъ, благодаря „слабому выполненію“ задачи), до сихъ поръ недостаточно оцѣнили и почти не разрѣшили. Первая попытка въ этомъ направленіи, принадлежавшая Кетле, была несовершенна и вскорѣ почти забыта, но идея послѣдняго, именно способъ изслѣдованія вѣроятнаго, т. е. относящагося къ категоріи возможнаго, должна быть признана раціональной и плодотворной. Теорія вѣроятностей въ приложеніи къ общественной наукѣ должна дать самые серьезные результаты и если этого до сихъ не замѣчалось, или почти не замѣчалось, то виной тому не идея сама по себѣ, а ошибки примѣнявшихъ ее изслѣдователей, а затѣмъ обще-философскія заблужденія, которыми характеризуется исторія науки; особенно вреднымъ въ этомъ случаѣ оказался разрывъ связи индуктивной науки съ идеалистическимъ направленіемъ. Поэтому, чтобы „вывести индуктивную науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности изъ ея настоящаго ненормальнаго состоянія, необходимо прежде всего вернуться къ *старымъ* (курсивъ автора) геніальнымъ умамъ и направить эту науку по намѣченнымъ ими вѣрнымъ тропамъ, а затѣмъ уже расчищать для нея по этимъ слѣдамъ болѣе широкій путь.“[1]) Подъ старыми умами разумѣются прежде всего Декартъ и Лейбницъ, для которыхъ наука и нравственное ученіе религіи идутъ *рядомъ, не только не сталкиваясь, но дополняя другъ друга въ стремленіи къ истинѣ* и помогая другъ другу.[2]) Относясь, какъ и Булгаковъ и какъ всѣ сторонники поворота къ идеализму (во второй части „обзора“ мы покажемъ, что къ тому-же совершенно уже на иной почвѣ приходитъ Гастонъ Рихардъ), отрицательно къ позитивизму (г. Булгаковъ относится отрицательно и къ нео-кантіанству), проф. Некрасовъ находитъ, что основныя понятія, принадлежащія къ категоріи нравственнаго закона, разсматриваемыя одновременно и въ религіи, и въ наукѣ, могутъ быть слиты во едино и что философія, точная индуктивная наука и религія, „имѣютъ въ массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности общее, ихъ объединяющее поле“.[3]) Такимъ образомъ проф. Некрасовъ совершенно правильно вводитъ міръ соціальныхъ явленіи въ область научныхъ изслѣдованій не только въ смыслѣ міра явленій необходимаго, но и возможнаго, вѣроятнаго, а потому и разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія идеалистической желательности и нежелательности,—а съ другой стороны не „отграничиваетъ“, какъ того требуютъ Петражицкій, Булгаковъ и нѣкоторые другіе, категоріи научныя отъ этическихъ, а объединяетъ ихъ, отнюдь

[1]) П. Некрасовъ, op. cit стр. 7.
[2]) Некрасовъ, стр. 11.
[3]) Некрасовъ, стр. 12.

не „смѣшивая“. Для него единственно вѣрный путь тотъ, который „исходитъ изъ идеализма, согласованнаго съ конкретною дѣйствительностью посредствомъ тщательной индукціи“.[1]) Этого отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ философіей Штаммлера, такъ какъ послѣдній, хоть и подошелъ вплотную къ правильному пути разрѣшенія задачи, но на путь этотъ окончательно не вступилъ.

Вернемся, однако, къ труду г. Булгакова. Высказавъ свое убѣжденіе въ неспособности науки вообще дать цѣлостное представленіе о мірѣ, Булгаковъ замѣчаетъ, что человѣку, однако, необходимо имѣть такое представленіе и онъ не можетъ согласиться ждать съ удовлетвореніемъ этой потребности до тѣхъ поръ, пока будущая наука дастъ достаточный матеріалъ для этой цѣли...[2]) Это совершенно вѣрное замѣчаніе должно бы повести только къ заключенію, что такъ какъ опытная наука не даетъ (въ смыслѣ факта, а не въ смыслѣ логической необходимости) удовлетворенія этому стремленію, то человѣку приходится прибѣгать къ сверхъ опытному знанію и даже не знанію, а къ вѣрѣ. Этого вполнѣ достаточно для современнаго оправданія законности метафизики. Но у автора это обстоятельство стоитъ въ связи съ его отношеніемъ къ наукѣ вообще, что, какъ мы видѣли, и неправильно, и просто не нужно. То-же самое слѣдуетъ сказать и объ обоснованіи авторомъ религіи, особенно такъ широко понимаемой, какъ мы это у него видимъ.[3]) Отношеніе послѣдней къ метафизикѣ опредѣлено г. Булгаковымъ вполнѣ ясно, точно и правильно. „То, что въ метафизикѣ, говоритъ онъ, мы познаемъ какъ высшій смыслъ и высшее начало міра, становится, какъ предметъ религіознаго обожанія, святыней сердца“. „Основныя положенія религіи являются вмѣстѣ съ тѣмъ и конечными выводами метафизики, получившими слѣдовательно, свое оправданіе предъ разумомъ“. Религія „имѣетъ свой собственный способъ непосредственно, интуитивно получать нужныя для нея истины“. „Вѣра есть способъ знанія безъ доказательствъ“. [4]) Сходно съ этимъ разсуждаетъ и Ренувріе, для котораго вѣра, независимо отъ всякой философіи, ставитъ вопросъ о реальности явленій, не входя въ разсмотрѣніе ихъ существа, [5]) но его религія—своеобразный панпсихизмъ, [6]) въ разсмотрѣніе котораго входить здѣсь не приходится. Философію персонализма и панпсихизма, весьма близкую къ витализму, исповѣдуетъ и недавно умершій французскій ученый Луи Бурдо, [7]) который также касается вопроса о соотношеніи между наукой и метафизикой и религіей. Онъ между прочимъ говоритъ, что между тѣмъ, что извѣстно, что сдѣлалось достояніемъ науки, или даже тѣмъ, что можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, что теперь еще составляетъ вопросъ, хотя и открытый

---

[4]) Некрасовъ. стр. 15.
[5]) Булгаковъ, Основныя проблемы теоріи прогресса, стр. 2 и слѣд.
[6]) Булгаковъ, op. cit. стр. 4—5.
[4]) Булгаковъ, l. c. стр. 5.
[5]) Renouvrier, op. cit, p. 13.
[6]) Renouvrier, op. cit, chap IV.
[7]) Бурдо. Вопросъ о жизни. Перев. съ франц. Спб. 1902 г. (оригиналъ вышелъ въ 1901), см. напр стр. 163 и друг.

для изслѣдованій, и тѣмъ, что „непознаваемо, къ чему нѣтъ доступа никакимъ изслѣдованіямъ“ (этого авторъ ничѣмъ не обосновываетъ), лежитъ цѣлая бездна, перескочить чрезъ которую положительная наука, повидимому, не способна. Такъ какъ наши познанія, сколь бы далеко они ни простирались, всегда будутъ имѣть нѣкоторый *предѣлъ*, начиная съ котораго всякая *достовѣрность* прекращается, то существуетъ такая за—предѣльная область. куда мы никогда не въ состояніи проникать иначе, какъ путемъ догадокъ; она называется вообще метафизикой“. „Достояніе послѣдней составляетъ область *вѣроятности*“. [1]) Изъ изложеннаго видно, что ignorabimus Бурдо, необоснованный, какъ уже замѣчено выше, а лишь утверждаемый,— покоится на томъ, что категорія „вѣроятности“ будто-бы не составляетъ области науки и что область послѣдней состовляетъ только категорія достовѣрности. Мы уже видѣли, что проф. Некрасовъ совершенно основательно отрицаетъ правильность такого разграниченія, а кто возметъ на себя трудъ прочесть всю небольшую работу этого автора, тотъ увидитъ, что утвержденіе это вполнѣ обосновано научными данными и даже примѣромъ изъ области общественной жизни. [2]) То-же самое, какъ мы показали, дѣлаетъ и г. Карножицкій. Ниже, при разсмотрѣніи вопроса о возможности и предѣлахъ предвидѣнія въ соціологіи, мы еще вернемся къ этому вопросу, съ которымъ весь вопросъ о „предвидѣніи“ стоитъ въ прямой связи.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе отъ разсмотрѣнія труда г. Булгакова, вызванное желаніемъ шире освѣтить вопросъ и въ то-же время выполнить задачу „обзора“, вернемся къ разсужденіямъ г. Булгакова, замѣтивъ еще здѣсь мимоходомъ, что нашъ авторъ напрасно не отличаетъ религіи раціональной отъ интуитивной: это его заставило бы кое-что измѣнить въ дѣлѣ взаимоотношенія науки, метафизики и религіи.

„Точное знаніе, метафизика и религія, говоритъ г. Булгаковъ, должны находиться въ нѣкоторомъ гармоническомъ отношеніи между собой, установленіе такой гармоніи и составляетъ задачу философіи каждаго времени“. [3]) Авторъ и распредѣляетъ въ дальнѣйшемъ свои разсужденія по двумъ моментамъ: въ первомъ онъ разсматриваетъ, какъ эта проблема разрѣшена современной философіей, а во второмъ, —какъ она должна быть разрѣшена. Подробности первой части разсужденій автора сами по себѣ чрезвычайно интересны, но мы здѣсь можемъ ихъ коснуться только въ самыхъ краткихъ чертахъ. Отрицательное отношеніе автора (въ смыслѣ выполненія упомянутой задачи) къ механическому міропониманію вполнѣ понятно и въ общемъ совершенно правильно; правильно и указаніе его на то, что „это возрѣніе, всю разгадку бытія видящее въ механической причинности и возводящее ее такимъ образомъ на степень абсолютнаго мірового начала, является само всецѣло метафизическимъ, хотя оно и свойственно тѣмъ философскимъ школомъ, которыя метафизику въ прин-

---

[1]) Бурдо, op. cit., стр. 2—3.
[2]) Некрасовъ, op. cit., стр. 47—48.
[3]) Булгаковъ, op. cit. стр. 6.

ципѣ отрицаютъ". [1]) То-же самое замѣчаніе дѣлаютъ и цитированные уже мною авторы, Ренувріе, Некрасовъ, Бурдо, а также Гастонъ Рихардъ. [2]) Стремленіе къ признанію телеологіи на ряду съ причинной законномѣрностью характеризуетъ собой, говоритъ Булгаковъ, всю исторію мысли. Но механическое міровоззрѣніе принципіально отвергаетъ телеологію, а кончаетъ тѣмъ, что „тоже старается вмѣстить въ свои рамки телеологію, признать конечное торжество разума надъ неразумной причинностью". Это „бѣгство отъ своихъ собственныхъ философскихъ началъ выражается въ молчаливомъ или открытомъ (у Энгельса, напр., совершенно открытомъ) признаніи того факта, что на извѣстной стадіи развитія эта же самая причинность создаетъ человѣческій разумъ, который затѣмъ и начинаетъ устроять міръ, сообразуясь съ своими собственными разумными цѣлями". Это „теорія прогресса, составляющая необходимую часть всѣхъ ученій современнаго механическаго міропониманія". [3]) Г. Булгаковъ ошибается: для этого міропониманія прогрессъ есть эволюція, а превращеніе ея въ прогрессъ составляетъ „прыжокъ", который, нужно думать, имѣлъ въ виду Булгаковъ. Вотъ эта-та смѣна эволюціи прогрессомъ и призвана дѣйствительно, какъ замѣчаетъ авторъ, „замѣнить для современнаго человѣка утерянную метафизику и религію, точнѣе, она является для нея и тѣмъ и другимъ". Сколько извѣстно изъ прежнихъ трудовъ автора, онъ самъ раздѣлялъ теорію „прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы". Изъ изложеннаго выше понятенъ выводъ автора: позитивная наука неспособна сдѣлать ненужными метафизику и вѣру и дать дѣйствительно *научную* (курсивъ автора), т. е. опытную метафизику и религію. Дальнѣйшее обоснованіе этого положенія само по собѣ уже не представляетъ интереса, но такъ какъ попутно авторъ касается вопроса о „соціальныхъ предсказаніяхъ" и разрѣшаетъ его такъ-же, какъ это сдѣлалъ проф. Новгородцевъ, то на этомъ вопросѣ я и считаю нужнымъ остановиться.

IV

Хотя г. Булгаковъ отстаиваетъ положеніе о несостоятельности соціальныхъ предсказаній лишь въ связи съ критикой позитивной школы, но выражается онъ такъ категорически, что разумѣть должно, что сужденіе его относится вообще къ общественнымъ наукамъ. При разсмотрѣніи разсужденій автора по существу мы встрѣтимся съ обстоятельствомъ, которое можетъ дать намъ основаніе къ отгадкѣ причины подобной логической ошибки, а пока, сдѣлавъ это общее замѣчаніе, обратимся къ изложенію г. Булгакова.

Теорія прогресса, говоритъ онъ, отрицая вѣру и сверхъ-опытное знаніе (это дѣлаетъ, замѣтимъ, не всякая теорія прогресса—а теорія объективистовъ и для нихъ телеологическое понятіе прогресса замѣняется объективнымъ понятіемъ эволюціи), хочетъ вселить убѣжденіе въ несомнѣнномъ наступленіи этого будущаго царства на-

---

[1]) Булгаковъ, стр. 7.

[2]) Gaston Richard, L'Idée d' Évolution dans la nature et l'histoire, Paris 1903 (книга вышла въ 1902 г.) p. 34 и др.

[3]) Булгаковъ, стр. 8—9.

учнымъ путемъ, хочетъ его научно предусмотрѣть и предсказать, подобно тому, какъ астрономъ предсказываетъ лунное затменіе или какія-либо другія астрономическія явленія, которыя-онъ можетъ съ точностью вычислить за нѣсколько вѣковъ впередъ. Такое прозрѣніе въ будущее приписывается и наукѣ объ общественномъ развитіи, соціологіи, которая получаетъ поэтому совершенно исключительное значеніе въ ряду другихъ наукъ, становится какъ-бы богословіемъ новой религіи. Отсюда понятно необыкновенное развитіе этой науки, исключительный интересъ къ ней и вѣра въ ея суверенную роль въ ряду другихъ наукъ. [1]) Остановимся пока на этомъ констатированіи факта, а именно,—что соціологія (какъ „наука объ общественномъ развитіи“) стремится вселять научнымъ путемъ убѣжденіе въ несомнѣнномъ наступленіи прогресса и что этимъ объясняется тотъ интересъ, который эта наука вызвала, ставъ даже какъ бы богословіемъ новой религіи. Какую-же теорію прогресса имѣетъ въ виду г. Булгаковъ? Контизмъ съ его необходимыми тремя фазами развитія? Эволюціонизмъ съ его развертываніемъ слѣдствій отъ простаго къ сложному, отъ неустойчиваго къ устойчивому и т. п., съ завершеніемъ цикла развитія диссолюціей? На это отвѣта у г. Булгакова нѣтъ. Но косвенно такой отвѣтъ содержится въ словахъ „становится какъ-бы богословіемъ новой религіи“. Такого значенія никогда не имѣли ни позитивизмъ контовскаго направленія, ни эволюціонизмъ, ни разновидности послѣдняго. Легко отгадать, что г. Булгаковъ не имѣетъ здѣсь въ виду этихъ научныхъ школъ. Ключъ къ разрѣшенію вопроса даетъ указаніе г. Булгакова, что разсматриваемая имъ „теорія прогресса“ стремится къ прогнозу столь-же точному, сколь точенъ прогнозъ астронома, предсказывающаго лунное затмѣніе или какія-либо другія астрономическія явленія, которыя онъ можетъ съ точностью вычислить за нѣсколько вѣковъ впередъ. Примѣръ этотъ встрѣчается у Штаммлера („Право и хозяйство съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи“, кн. IV) и заимствованъ послѣднимъ у Канта. Отсюда позволительно сдѣлать выводъ, что г. Булгаковъ имѣетъ въ виду соціологическую доктрину маркисизма. Обоснованность этого вывода упрочивается тѣмъ, что сопоставленіе предсказаній соціологическихъ съ астрономическими и въ частности съ закономѣрностью затмѣнія луны уже было высказано г. Булгаковымъ по поводу книги Штаммлера печатно въ 1896 г. [2]) Это же сопоставленіе было предметомъ обсужденія со стороны „критическаго матеріализма“ г. Струве (въ 1897 г) Вотъ что говоритъ по этому поводу послѣдній (и повторяетъ путемъ перепечатки своей статьи въ 1902 году). Г. Булгаковъ цитируетъ изъ книги Штаммлера указаніе его на то, что матеріалистическое пониманіе исторіи уклоняется отъ „неумолимой“ альтернативы—остановиться *исключительно или* на каузально понимающемъ познаніи, *или* на ставящей цѣли воли, ибо марксизмъ настаиваетъ на естественно-необходимомъ ходѣ соціальнаго развитія, но считаетъ при этомъ возможнымъ его по-

[1]) Булгаковъ, op. cit, стр. 11.

[2]) Вопросы философіи и психологіи 1896 г. ноябрь—декабрь, стр. 608—610 и слѣд.

ощрять, ему содѣйствовать, уменьшашь его бѣдствія [1]) (т. е. на него воздѣйствовать). Конечно, это противорѣчіе,—что естественно—необходимо, противъ того ничего не подѣлаешь. Штаммлеръ, впрочемъ, какъ и указываютъ Струве и цитируемый имъ Булгаковъ, обращаетъ вниманіе не на эту сторону дѣла, и говоритъ слѣдующее. „Кто познаетъ, что опредѣленный результатъ наступитъ съ неизбѣжною, естественною необходимостью, тотъ уже не можетъ содѣйствовать наступленію этого результата („не можетъ“ субъективно, а не объективно). Въ представленіи содѣйствія и поощренія лежитъ мысль, что, такъ, какъ оно можетъ произойти при вмѣшательствѣ, событіе непознано, какъ естественно необходимое... Нельзя основать партію, которая хотѣла бы сознательно содѣйствовать точно вычисленному лунному затмѣнію. Въ этомъ случаѣ остается только фаталистическое ожиданіе“.

Послѣ этой цитаты изъ Штаммлера г. Струве отмѣчаетъ, что г. Булгаковъ совершенно неправильно говоритъ, что Штаммлеръ повторяетъ тутъ „старый упрекъ въ фатализмѣ сторонникамъ ученія о несвободѣ человѣческой воли и детерминированности человѣческихъ дѣйствій“. Почтенный возрастъ этого упрека, прибавляетъ Струве, не мѣшаетъ ему быть совершенно основательнымъ. Далѣе идетъ слѣдующая аргументація. Согласно матеріалистическому пониманію исторіи ходъ общественнаго развитія совершается съ безусловною необходимостью, но послѣдняя объемлетъ и цѣлесообразную дѣятельность людей, даже ея требуетъ („прыжокъ“ Энгельса? помощь „родамъ исторіи“ Маркса?). У Булгакова эта идея выражена такъ: „Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій. И всякій разумный человѣкъ согласится, что можно энергично дѣйствовать скорѣе, когда *знаешь*, что дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь наудачу“.[2]) Зналъ ли г. Булгаковъ, тогда, когда писалъ эти строки, взглядъ на тотъ-же предметъ Лестера Уорда, высказанный имъ еще въ „Динамической Соціологіи“,[3])—этого сказать нельзя, но констатирую только, что объ этомъ взглядѣ г. Булгаковъ не говоритъ ни слова. А между тѣмъ съ этимъ вглядомъ ему считаться слѣдовало бы. Но обратимся къ замѣчаніямъ г. Струве на приведенное положеніе Булгакова. Только-что приведенному разсужденію г. Булгакова, говоритъ онъ,[4]) я могу противопоставить такое, на мой взглядъ неотразимое, соображеніе: „законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій“, но совершенно независимо отъ того, какъ „мы будемъ дѣйствовать“, ибо въ этотъ законъ развитія, какъ составной элементъ объемлемой имъ необходимости, входитъ уже и опредѣленный образъ нашихъ дѣйствій. Послѣдній предопредѣленъ и не зависитъ отъ нашей рѣшимости дѣйствовать такъ, а не иначе. Допустить об-

---

[1]) Струве, На разныя темы. Спб. 1902 г., стр. 500.

[2]) Цитировано у Струве, op. cit., стр. 501.

[3]) П. Николаевъ, Активный прогрессъ и экономич. матеріализмъ. Москва 1892 г., „Научной пессимизмъ и дѣйственная соціологія“.

[4]) Струве, l. c., стр. 501

ратное значило бы гнать свободу съ передняго крыльца, чтобы любезно открыть ей черный ходъ. Далѣе Струве находитъ, что Булгаковъ ошибается, говоря, что примѣръ сопоставленія закономѣрности человѣческихъ дѣйствій съ закономѣрностью затменія луны-неудаченъ, ибо затменіе это есть нѣчто внѣшнее, чуждое, постороннее, къ чему человѣческое сознаніе должно относиться какъ къ объекту, тогда какъ наше я есть субъектъ, который полагаетъ себя, какъ первопричину, активно вмѣшивающуюся во внѣшній міръ. Почему-же ошибается? Потомучто, по мнѣнію Струве, примѣръ превосходенъ: „отождествленіе закономѣрности (физической) съ внутреннею (психическою) есть величайшее торжество теорическаго разума, оправданное еще Кантомъ".

Дѣло здѣсь не въ томъ, кто правъ Струве или Булгаковъ, а въ интересѣ сопоставленія ихъ взглядовъ по поводу даннаго примѣра и въ несомнѣнной связи постановки вопроса „о предвидѣніи" съ философіей марксизма. Съ этою именно цѣлью мы начали сопоставленіе этихъ взглядовъ, съ этою же цѣлью мы его еще нѣсколько продолжимъ. Струве находитъ крупной ошибкой со стороны Штаммлера, что онъ, „навязывая матеріалистическому пониманію исторіи фатализмъ (если говорить о томъ матеріалистическомъ пониманіи, котораго держались „ученики" до „поворота" къ идеализму и котораго держались и Струве, и Булгаковъ, то Штаммлеръ ничего этому „пониманію" не навязывалъ: оно дѣйствительно было фаталистическимъ), отождествляетъ познаніе естественной необходимости извѣстнаго хода вещей, т. е. *логическую или теоретическую* увѣренность въ немъ, съ увѣренностью *психологическою или практическою* (курсивъ, какъ и вездѣ, гдѣ не сдѣлано оговорокъ, нашъ). А между тѣмъ это различіе огромной важности, ибо только та логическая увѣренность въ опредѣленномъ ходѣ вещей, которая превратится въ психологическую увѣренность въ его неизбѣжности, можетъ парализовать энергію и сдѣлать невозможною дѣятельность, въ виду ея безцѣльности... Какъ-же примиряются два эти положенія (Струве и Булгакова)? На это Струве отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего необходимо ясно представить себѣ, о какомъ необходимомъ или нѣизбѣжномъ ходѣ вещей идетъ рѣчь. Говорится о будущемъ, которое по отношенію къ настоящему представляетъ идеалъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи, утверждая необходимость этого будущаго, является такимъ образомъ попыткой научно обосновать необходимость опредѣленнаго соціальнаго идеала (см. во 2 части настоящаго обзора однородныя разсужденія Крауза). „Говорятъ, продолжаетъ г. Струве,[1])—и я тоже говорилъ это,—что научный коллективизмъ выводитъ свой идеалъ изъ соціально-экономической дѣйствительности. Это вѣрно и въ то же время невѣрно. Идеалъ, конечно, выросъ изъ условій дѣйствительности („Идеалы не падаютъ съ неба"—марксистъ Лабріола; „идеалы земнаго происхожденія"—субъективистъ Михайловскій), но для человѣка идеалъ представляетъ психологическое prius по отношенію къ дѣйствитель-

[1]) Струве, op. cit., стр. 503 и слѣд.

ности. Для этого идеала— наука имѣетъ значеніе обоснованія его реальности и необходимости. Самъ идеалъ стоитъ внѣ науки и, если хотите, выше ея, но нуждается въ научной санкціи". Вслѣдствіе этого „научнымъ идеаломъ является тотъ идеалъ, который въ своей картинѣ будущаго заключаетъ возможно больше элементовъ необходимости".[1]) Въ чемъ же повинны марксисты въ освѣщеніи этого вопроса? „Справедливо настаивая на научности своего идеала, они часто превращаютъ его въ *слишкомъ научный,* забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось, и необходимостью того, что будетъ".[2]) По нашему мнѣнію Струве ошибается, относя будущее, по скольку оно доступно воздѣйствіямъ личности, къ категоріи необходимости: оно относится къ категоріи „возможности", „вѣроятности", которыя могутъ перейти въ должное только при особыхъ условіяхъ. Конечно, это замѣчаніе требуетъ подробнаго развитія, но мы его не можемъ предложить въ настоящемъ обзорѣ, въ теченіи котораго мы еще вернемся къ этому вопросу въ связи съ замѣчаніями по этому поводу г. Кистяковскаго.

Все приведенное мною не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что г. Булгаковъ въ цитированномъ выше положеніи о „теоріи прогресса", желающей предсказать будущее съ точностью астронома, видѣлъ не какую иную теорію, какъ теорію историческаго матеріализма. Попутно мы видѣли, что въ 1896 г. Булгаковъ не отрицалъ за этой теоріей законной возможности предвидѣнія, утверждая, что можно энергичнѣй дѣйствовать, когда *знаешь* (т. е. научно предвидишь), что дѣйствія увѣнчаются успѣхомъ. Не отвергаетъ законности соціальныхъ предвидѣній, на почвѣ чисто научнаго изслѣдованія, и „не-ортодоксальный марксистъ", г. Струве. Не отвергалъ его, но съ значительными ограниченіями, и г. Булгаковъ въ книгѣ „Капитализмъ и земледѣліе", хотя и заканчиваетъ послѣднюю характернымъ замѣчаніемъ объ ошибочности прогноза Маркса.[3]) Это указаніе на ошибочность прогноза Маркса (по Булгакову, „неприложимость его къ настоящему времени") стало въ послѣднее время общимъ мѣстомъ. Въ этомъ именно и заключается сущность „критическаго поворота въ марксизмѣ". Вотъ что по этому поводу замѣчаетъ г. Струве. „Въ чемъ состоятъ самыя характерныя черты критическаго поворота въ марксизмѣ? Въ попыткахъ *сочетать марксизмъ съ критической философіей*, исходящей отъ Канта и въ *отрицаніи* тѣхъ построеній, которыя извѣстны подъ названіемъ Zusammenbruchstheorie u Verellendungstheorie (см. объ этомъ во второй части настоящаго обзора), наконецъ, въ чрезвычайно осторожномъ отношеніи къ сложной и трудной проблемѣ аграрной эволюціи". [4]) Это направленіе Бернштейна, отчасти Вейзенгрюна и Масарика,—причемъ, замѣчу, г. Струве совершенно правъ, отстаивая свой пріоритетъ предъ Бернштейномъ, такъ какъ его первые взгляды этого рода высказаны были еще въ 1894 г. въ „Критическихъ Замѣткахъ". Свой пріоритетъ

[1]) Струве, стр. 505.
[2]) Струве, стр. 506.
[3]) Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 455 и слѣд.
[4]) Струве, На разныя темы, стр. 300.

г. Струве подтверждаетъ ссылкой на соотвѣтствующее замѣчаніе г. П. Берлина (статья „О Бернштеніанствѣ“, помѣщ. въ „Жизни“, въ 1901 г., № 2, стр. 120). Хотя и Бернштейнъ стоитъ за „постепенное развитіе “ своихъ взглядовъ, правда „не вполнѣ прямолинейное и непрерывное“,[1]) и такимъ образомъ защищаетъ свой пріоритетъ въ дѣлѣ „критическаго поворота“, но по моему мнѣнію пріоритетъ принадлежитъ, если не самому Марксу и Энгельсу (см. особенно письма, опубликованныя послѣ смерти послѣдняго въ Socialistische Akademiker), то Конраду Шмидту, а затѣмъ и литературному противнику г. Струве—Михайловскому. Кажущуюся неожиданность послѣдняго заключенія я готовъ подкрѣпить ссылкой на мнѣніе новаго, и къ тому-же очень суроваго критика г. Михайловскаго, именно одного изъ сотрудниковъ сборника „Проблемы Идеализма“. Русскій контизмъ, говоритъ этотъ критикъ, естественнонаучный матеріализмъ (Герценъ, Чернышевскій, Писаревъ), соціологическій субъективизмъ Лаврова и Михайловскаго, діалектическій матеріализмъ, матеріализмъ Бельтова (даже?) и позитивнокритическій, сильно окрашенный кантіанствомъ и неокантіанствомъ Струве—вотъ различныя выраженія и этапы развитія русскаго позитивизма, закончившагося марксизмомъ, породившимъ изъ своихъ нѣдръ метафизику,—этапы, имѣющіе различное содержаніе и потому различную цѣнность, но, *по своему философскому зерну, тожественные.*[2]) Это говоритъ суровый критикъ Михайловскаго, столь-же сурово осуждающій любезную г. Струве идею научной этики, которую критикъ считаетъ чудовищной.[3]) Не смотря на мнѣніе г. П. Г. о Михайловскомъ, я нахожу, что въ мысли его о тожественности, по своему философскому зерну, „этапа“ философіи подъ этикеткой „соціологическаго субъективизма“ съ этапомъ „философія г. Струве“ и, прибавлю, дальнѣйшихъ сторонниковъ „поворота“ къ идеализму, каковымъ г. П. Г. считаетъ „порожденіе марксизмомъ изъ нѣдръ своихъ метафизики“—содержится гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ авторъ самъ полагалъ. Вся разница между неповорачивавшими къ идеализму этическими соціологами и повернувшими къ нему приверженцами марксизма „породившаго изъ нѣдръ своихъ“ метафизику въ томъ, что вторые, сдѣлавъ „поворотъ“ стали утверждать многое изъ того, что было „всѣмъ“ для первыхъ.

Но вернемся къ оставленной нами на время темѣ. Итакъ, какъ мы сказали выше, г. Булгаковъ подъ разсматриваемой теоріей прогресса разумѣетъ теорію марксизма (очевидно „ортодоксальнаго“, того самаго, противъ котораго на почвѣ экономики и философіи боролся съ давнихъ поръ Михайловскій, а исключительно на почвѣ экономики г. Кауфманъ). Полагаю, что моя догадка вполнѣ обоснована. Впрочемъ, вотъ что говоритъ г. Булгаковъ непосредственно за приведенной выше цитатой о томъ, что „теорія прогресса“ стремилась къ точнымъ прогнозамъ, вродѣ астрономическихъ, и что этимъ объ-

---

[1]) Бернштейнъ, Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, перев. съ нѣм., Спб 1902 г. предисловіе.

[2]) П. Г Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія. Преблемы Идеализма, стр. 87.

[3]) Ibidem стр. 79.

ясняется интересъ къ соціологіи, ставшей „богословіемъ новой религіи“. „Наибольшую вѣру въ свои силы проявило одно соціологическое ученіе, вызвавшее къ себѣ наибольшій энтузіазмъ (однако, послѣ признаваемаго самыми марксистами долгаго періода замалчиванія или даже отрицательнаго отношенія; энтузіазмъ начался съ періода дѣйствія „учениковъ“—начала девятидесятыхъ годовъ; мы, впрочемъ, исключаемъ изъ этого замѣчанія послѣдніе годы 70 годовъ, когда Анти-Дюрингъ Энгельса обсуждался особенно оживленно—у насъ со стороны Зибера въ „Словѣ“ и Кольцова и Русанова въ „Дѣлѣ“) и по сіе время составляющее вѣроисповѣданіе многихъ милліоновъ людей,—ученіе Маркса и Энгельса, теорія научнаго соціализма“ [1]).

Итакъ, вотъ первая, довольно сложная, посылка г. Булгакова. Втовая посылка состоитъ изъ двухъ частей. Отмѣчаемъ сначала первую. „Вѣра въ достовѣрность соціальныхъ предсказаній такъ сильно подорвана за послѣднее время, что съ чрезмѣрной горячностью нападать на предсказанія значило бы уже до извѣстной степени ломиться въ открытую дверь.“ Раньше мы видѣли, что тоже самое говоритъ и г. Новгородцевъ. [2]) Какъ прежде, такъ и теперь, мы должны замѣтить, что утвержденіе о подорванномъ кредитѣ соціологическихъ предсказаній составляетъ констатированіе факта безъ доказательствъ истинности самаго утвержденія. По этому подобное утвержденіе само по себѣ цѣны не имѣетъ. Очевидно, это сознаетъ и г. Булгаковъ, ибо немедленно за первой частью его второй посылки у него слѣдуетъ замѣчаніе о необходимости надлежащаго доказательства положенія о томъ, что наука по самой идеѣ своей познавательной природы неспособна къ предсказаніямъ, каковое доказательство „потребовало бы цѣлаго гносеологическаго изслѣдованія“. [3]) Если такъ, то едва-ли законно говорить, что „нападать на предсказанія значитъ ломиться въ открытую дверь.“ Г Булгаковъ не даетъ „цѣлаго гносеологическаго изслѣдованія“ въ доказательство неспособности науки по природѣ своей дѣлать предсказанія, а ограничивается лишь „немногими пунктами“, отсылая интересующихся вопросомъ къ книгѣ Генриха Риккерта („О границахъ естественнонаучнаго образованія понятій“, Тюбингенъ и Лейпцигъ 1902 г.), въ которой „тезисъ о невозможности установленія историческихъ законовъ и предсказаній *доказанъ совершенно неопровержимо*“. Указанная книга Риккерта мнѣ, къ сожалѣнію, незнакома, но за то я знаю научное credo автора, изложенное имъ десять лѣтъ тому назадъ.[4]) Если авторъ не принадлежитъ къ числу „поварачивающихъ“ ученыхъ, то по упомятутому credo его, приближающему его къ сторонникамъ эмпиріо-критицизма (см. объ этомъ во второй части обзора),—мы можемъ судить, къ какой наукѣ относятся у Риккерта „неопровер-

---

[1]) Булгаковъ, Основныя проблемы теоріи прогресса, стр. 11.
[2]) См. напр. стр. 263 „Проблемъ Идеализма“.
[3]) Булгаковъ, l. c. стр. 11.
[4]) Rickert. Der Gegenstand der Erkenntniss, Freiburg 1892. Судить о новомъ (2-мъ) томѣ книги Риккерта по отзыву, сдѣланному въ Revue Philosophique (1902 г. № 8) я не считаю возможнымъ.

жимыя доказательства" невозможности соціальныхъ предсказаній. Риккертъ, какъ сторонникъ телеологическаго критицизма, соединяетъ понятія истиннаго съ должнымъ въ одно понятіе общеобязательнаго. Какъ и для Авенаріуса, для Риккерта сужденіе составляетъ не простое познаваніе мыслящимъ субъектомъ мыслимаго объекта, а познаваніе критическое, т. е. оцѣнку, которая представляетъ собой связь между отдѣльными сужденіями (Въ послѣднемъ отношеніи Риккертъ весьма близокъ къ Виндельбанду, что весьма знаменательно съ точки зрѣнія отношенія къ способности науки къ прогнозамъ, ибо взглядъ Виндельбанда не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что онъ имѣетъ въ виду лишь позитивизмъ и лишь неспособность къ прогнозамъ, имѣющимъ значеніе точности, т. е. входящимъ въ логическую категорію необходимости). Сужденіе, по Риккерту, есть оцѣнка, ибо оно не можетъ быть вполнѣ объективнымъ. такъ какъ самое понятіе критерія (орудія оцѣнки)—не объективно. По этому познаніе связано либо съ признаніемъ, либо съ отрицаніемъ.[1]) Вслѣдствіи сего „признаніе" является моментомъ субъективнымъ съ одной стороны, а съ другой оно по существу заключается въ установленіи цѣнности, ибо только въ послѣднемъ заключается дѣйствіе оцѣнки. Цѣнность для познающаго субъекта имѣетъ значеніе субъективное и потому самое познаніе связано съ категоріей долженствованія не въ смыслѣ необходимаго Müssen, а въ смыслѣ долженствованія Sollen (яснѣй это противоположеніе проведено у Людвига Штейна). Человѣкъ мыслитъ и судитъ потому, что ему это предписываетъ чувство, говорящее „ты долженъ судить такимъ образомъ, а не какъ-либо иначе". Оставляя въ сторонѣ слабую философскую силу послѣдняго соображенія, мы видимъ, что авторъ весьма близко подошелъ къ вопросу о задачахъ науки въ воспособленіи человѣческому познанію, ибо авторъ различаетъ двѣ категоріи должнаго, и все-же затѣмъ онъ обращается къ наукѣ съ требованіемъ отвѣта на запросъ о долженствованіи въ смыслѣ необходимости (Müssen).

Не знаю, измѣнилъ-ли свои взгляды и запросы Риккертъ въ своемъ новомъ трудѣ, но если онъ остается на почвѣ прежнихъ требованій, т. е. ищетъ отъ науки точныхъ предсказаній, вродѣ предсказаній о временахъ появленія лунныхъ затменій, то мы здѣ ь встрѣчаемся съ неправильной постановкой вопроса. Для полученія отвѣта нужно правильно поставить вопросъ. Такъ какъ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между постановкой вопроса у Риккерта и у Булгакова, то мы и обращаемся къ послѣднему. „Прежде всего, говоритъ онъ, [2]) что значитъ предсказывать будущее? Это значитъ *точно* опредѣлить наступленіе будущихъ событій, въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени (какъ и предсказываетъ астрономія). Всякія иныя предсказанія суть просто общія мѣста, изъ приличія называемыя иногда въ общественной наукѣ латинскимъ словомъ „тенденція развитія", ибо послѣдняя составляетъ только наиболѣе общую формулу, выражающую смыслъ уже протекшаго развитія, почему „тенденція" превращается „въ общее мѣсто, въ

[1]) Rickert. op. cit., стр. 55. f. f.
[2]) Булгаковъ, op. cit. стр. 12.

игру ума, лишенную всякаго серьезнаго значенія". Категоричность приведеннаго разсужденія не соотвѣтствуетъ, однако, его научной цѣнности. Я не стану ссылаться на оправдавшіеся факты историческихъ предсказаній, бывшихъ не-точными и заключавшихся въ указаніи на тенденцію хода событій, ибо, хотя такое обоснованія для меня и законно, но во-первыхъ мнѣ можно указать столько-же, если не больше, случаевъ неудавшихся предсказаній въ области общественныхъ явленій (каковое обстоятельство, впрочемъ, для меня не служитъ доказательствомъ невозможности предсказаній вообще, а лишь—во первыхъ—слабаго или неумѣлаго выполненія задачи и во-вторыхъ—неправильности требованія предсказаній точныхъ, на подобіе астрономическихъ),—а во вторыхъ я хочу пока оставаться на той же почвѣ, на которой стоитъ разбираемое мною ученіе, т. е. на чисто гносеологической. Почему, какъ это полагаетъ г. Булгаковъ, предсказывать—значитъ точно опредѣлить наступленіе будущихъ событій въ опредѣленномъ пунктѣ времени и пространства? Почему одно предсказаніе, что событіе наступитъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, не имѣетъ цѣны? Вѣдь, напримѣръ, на предвидѣніи вѣроятной продолжительности жизни человѣка, исходя изъ данныхъ его возраста, соціальнаго положенія и прошлой тѣлесной и душевной жизни—въ связи съ теоріей среднихъ чиселъ,—основана чисто практическая дѣятельность цѣлаго ряда обществъ страхованій, пользующихся далеко негадательными прибылями. Частное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ основано на вычисленіяхъ вѣроятности профессіональнаго риска, т. е. на явленіяхъ еще болѣе случайныхъ, нежели продолжительность жизни нормальнаго человѣка. А между тѣмъ цѣлый рядъ страховыхъ обществъ оперируетъ на почвѣ коллективныхъ страхованій рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и, судя по цифрамъ, приведеннымъ въ 3 изданіи книги Литвинова-Фалинскаго, [1]) съ громадными пробылями для себя. (У автора прибыль не выведена, но это легко сдѣлать путемъ простаго вычитанія изъ суммъ собранныхъ въ теченіе года премій—суммъ уплаченныхъ вознагражденій).

Но могутъ сказать, что я снова оперирую на почвѣ фактовъ. Да, но совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ оперированіе на фактахъ оправдавшихся историческихъ случаевъ предсказаній. Впрочемъ, я полагаю, что и самое заключеніе г. Булгакова чисто эмпирическаго происхожденія. Я въ дальнѣйшемъ укажу, почему я такъ думаю, а здѣсь замѣчу, что Риккертъ въ извѣстной мнѣ книгѣ своей относитъ къ области наукъ только науки точныя и поэтому стремится къ соціальному біологизму. То-же самое, судя потому, что говоритъ г. Кистяковскій, нужно сказать и о первой части того самаго труда Риккерта, на вторую часть котораго ссылается г. Булгаковъ. [2]) Вопросъ этотъ стоитъ въ неразрывной связи и съ давно длящимся въ наукѣ споромъ о томъ, являются-ли историческіе законы „законами"

[1]) Литвиновъ-Фалинскій, Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ, изд. 3., Спб. 1903 г. (книга вышла въ 1902 г.), стр. 212.

[2]) Th. Kistiakowski, Gesellschaft und Einzelwesen, Berlin 1899, s. 43 и др.

или просто эмпирическими обобщеніями и потому является ли исторія наукой или искусствомъ. Вопросъ этотъ въ недавнее время съ новою силой поднятъ въ нѣмецкой наукѣ (Беловъ, Лампрехтъ, Дильтей и др.). Краткій очеркъ положенія вопроса далъ недавно Поль Бартъ, [1]) хотя его можно упрекнуть въ недостаточномъ вниманіи къ взглядамъ на данный предметъ Людвига Штейна. У насъ данному вопросу посвятилъ не мало труда проф. Карѣевъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій (Основные вопросы философіи исторіи, Сущность историч. процесса и роль личности въ исторіи, Историко-философскіе и соціологическіе этюды). Суть вопроса сводится къ тому, что историческіе „законы“ не являются законами въ смыслѣ абсолютной закономѣрности, если только не считать человѣческое общество такимъ же организмомъ, какъ и всякій біологическій организмъ. Разъ соціологія отстаиваетъ, что въ общественной жизни „должное“ слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ необходимаго, но и въ смыслѣ телеологически-долженствующаго (Sollen), то она не наука... а стало быть не можетъ давать точныхъ предсказаній. Это же вопросъ о взаимоотношеніи закономѣрности со свободой (Штаммлеръ, Струве, Булгаковъ, Михайловскій и др.). Г. Струве совершенно правильно, по моему мнѣнію, признаетъ слабой точку зрѣнія Риккерта, которую даже называетъ гедонической. [2]) Хотя въ разсматриваемомъ году г. Петропавловскій отнесся весьма критически къ нѣкоторымъ гносеологическимъ заключеніямъ Струве и между прочимъ и въ отношеніи Риккерта, [3]) но во первыхъ критика его относится не къ интересующему насъ въ данное время предмету, а во-вторыхъ собственно къ Риккерту г. Петропавлевскій относится еще болѣе отрицательно, нежели Струве. Это отступленіе отъ непосредственнаго предмета нашихъ разсужденій сдѣлано лишь въ интересахъ справочнаго элемента „обзора“,—чѣмъ и обясняется его краткость, а затѣмъ я считаю нужнымъ вернуться къ непосредственной темѣ нащихъ разсужденій.

Итакъ, взглядъ на неспособность соціальной науки по существу дѣлать прогнозы связанъ съ мнѣніемъ о томъ, что допущеніе телеологіи превращаетъ ее въ науку фактовъ, причинъ и слѣдствій, науку, описательную, но не конструктивную. Поэтому-то и требуется „точность въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени“ соціальныхъ предсказаній. Замѣтимъ мимоходомъ, что такой взглядъ на соціальную науку самъ по себѣ основанъ на эмпиризмѣ, составляетъ выводъ изъ фактовъ, чего не долженъ дѣлать авторъ, желающій, какъ это утверждаетъ г. Булгаковъ, обосновать свой взглядъ гносеологически.

Вотъ что говоритъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ проф. Карѣевъ относительно „закона исторіи“. Таковымъ должно считать господ-

---

[1]) П. Бартъ. Основные вопросы исторической науки. Научн. Обозр. 1902 г. № 10, стр. 61 и слѣд.

[2]) Предисловіе Струве къ книгѣ Бердяева, „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. XLIII и слѣд.

[3]) С. Петропавловскій, Къ медодологіи теоріи познанія. Научн. Обозр. 1902 г., № 9, стр. 66—67, примѣч.

ствующее въ исторіи направленіе въ каждомъ данномъ случаѣ (тенденція?); тутъ нѣтъ закона въ естественно-научномъ смыслѣ: господствующее направленіе есть лишь общій фактъ, а его формула—лишь результатъ эмпирическаго обобщенія этихъ фактовъ. Поэтому ходомъ исторіи не управляетъ какой-то законъ, который заставляетъ дѣйствовать людей всегда опредѣленнымъ образомъ (фатализмъ). Силы, направляющія общественное движеніе, никогда не бываютъ подчинены одному опредѣленному закону, ибо поведеніе общества есть результатъ цѣлой массы причинъ. Историкъ откроетъ нѣкоторыя опредѣленныя теченія, но обнаружитъ и множество изъ нихъ исключеній; здѣсь онъ на ряду съ закомѣрностью прагматическаго процесса откроетъ и вліяніе разныхъ случайностей и т. д. [1]) Читатель вѣроятно замѣтилъ, что я въ изложеніи своего обзора избѣгалъ цитировать труды сторонниковъ русской школы „этической соціологіи“ и, оперируя на почвѣ трудовъ сторонниковъ другихъ школъ и даже прямыхъ критиковъ первой, неоднократно дѣлалъ выводы объ окончательномъ родствѣ ученыхъ, „повернувшихъ“ отъ идеи исключительной закономѣрной необходимости, съ учеными, отъ нея неповорачивавшими, а изначала доказывавшими законность соціальной деонтологіи Дѣлалъ я это для вящшей убѣдительности замѣченнаго мною родства. Въ настоящемъ случаѣ я допустилъ какъ бы отступленіе отъ этого пріема. Сдѣлалъ я это снова умышленно. Въ только что приведенной цитатѣ изъ труда г. Карѣева читатель слышитъ почти то же, что говоритъ г Кистяковскій, [2]) значительную долю того, что говорятъ Штаммлеръ („Хозяйство и право“) и Струве (въ статьѣ „Свобода и историческая необходимость“) и что говорилъ въ 1896 г. г. Булгаковъ въ своей критикѣ труда Штаммлера. Конечно, между мыслями Карѣева и мнѣніемъ Штаммлера о сочетаніи „необходимости“ съ дѣятельностью „свободно хотящихъ“ личностей на почвѣ „объективнаго мотивированія“ поступковъ послѣднихъ и мнѣніемъ г. Бердяева, напримѣръ, отстаивающаго „гордую свободу“ этической личности, существуютъ крупныя различія, но „философское зерно“ этихъ мыслей тождественно. Я думаю, что г. Булгаковъ не станетъ возражать противъ усваиваемой Карѣевымъ мысли А. Бэна о томъ, что различіе между физическимъ и психическимъ сводится къ закономѣрному проявленію физическихъ силъ съ произвольнымъ дѣйствіемъ, въ смыслѣ выбора, обдумыванія, самоопредѣленія, нравственнаго дѣйствія—личности. А между тѣмъ на этомъ у Бэна логически основано положеніе о томъ, что предсказаніе человѣческаго поведенія не менѣе надежно, чѣмъ предсказаніе физическихъ явленій, [3]) съ тою, конечно, разницей, которая зависитъ отъ произвольности психическихъ явленій, и переводитъ поэтому соціальныя предсказанія въ категорію явленій возможныхъ, вѣроятныхъ, доступныхъ обслѣдованію для прогноза на почвѣ чисто научныхъ доктринъ—теоріи вѣроятности и т. п.

---

[1]) Н. Карѣевъ, Сущность историч. процесса и роль личности въ исторіи, Спб. 1890 г. стр. 273—275.

[2]) Kistiakowski, Gesellschaft und Einzelwesen, s. 43—55.

[3]) Карѣевъ, op. cit., стр. 212—213.

Не мѣшаетъ дѣлу предсказаній и смѣна явленій соціальной жизни, ибо, по вѣрному замѣчанію Карѣева, если факты исторіи не повторяются въ ихъ сложной индивидуальности, то это не мѣшаетъ разложить каждый такой фактъ на отдѣльные *элементы*, которые уже повторяются, хотя и въ иныхъ комбинаціяхъ. [1]) На этомъ основано изученіе психологіи толпы и вообще коллективной психологіи, важность которой для установленія соціальныхъ „законовъ“ признаетъ и Кистяковскій, и Некрасовъ, и Гастонъ Рихардъ и др. Поэтому взглядъ г. П. Некрасова на возможность научнаго предвидѣнія соціальныхъ явленій ближе къ истинѣ, нежели взглядъ г. Булгакова. [2]) Правильнѣе взгляда Булгакова и взглядъ г. Тарле, въ особенности въ отношеніи вопроса о характерѣ предвидѣнія, т. е. того, что значитъ предсказывать будущее. Но не будемъ забѣгать впередъ, ибо труда Тарле мы коснемся позже, а теперь вернемся къ разсужденіямъ г. Булгакова

Мы указали уже, что по нашей догадкѣ заключеніе г. Булгакова о неспособности соціологіи къ прогнозамъ основано на фактѣ неудачи въ этомъ отношеніи одной опредѣленной соціологической доктрины. Часть основаній этой догадки нами изложена, остальныя доказательства остаются пока еще за нами. Мы указали затѣмъ, что г. Булгаковъ желаетъ представить „нѣсколько пунктовъ“ гносеологическаго оправданія своего вывода и что первый „пунктъ“ относится къ тому, что соціологія не въ состояніи дать предсказаній точныхъ, какъ предсказаніе луннаго затменія. Мы пояснили при этомъ, что здѣсь смѣшивается природа предсказаній естественно-научныхъ и соціальныхъ и что послѣднія, для того, чтобы отвѣчать запросамъ жаждущаго знать будущее и получить увѣренность въ оправданіи своихъ идеаловъ человѣчества,—должны и могутъ ограничиться такими научно обоснованными указаніями, которыя переносятъ дѣло изъ области закономѣрной необходимости въ область возможности, доходящей до достовѣрной вѣроятности.

Второе гносеологическое основаніе воззрѣнія г. Булгакова на данный предметъ заключается въ томъ, что соціологія является „наукой о законахъ сосуществованія и развитія соціальныхъ явленій“, что поэтому она совершенно не имѣетъ дѣла съ событіями, относительно которыхъ можно дѣлать предсказанія. Соціологическія понятія не представляютъ выдѣленія общаго и повторяющагося во всѣхъ индивидуальныхъ случаяхъ, а являются связью событій въ понятіе, являющееся символомъ этихъ событій, какъ напримѣръ феодальный строй, капиталистичекое производство и т. п. Поэтому, полагаетъ г. Булгаковъ, историческія понятія ничѣмъ не увеличиваютъ нашихъ знаній, а лишь наше *пониманіе* (курсивъ автора) связи событій, вслѣдствіе же этого соціологія вовсе неспособна разширить нашъ кругозоръ и раскрыть для насъ будущее. [3]) Здѣсь авторъ допустилъ серьезную логическую ошибку. Онъ вѣдь собирался говорить объ общес-

---

[1]) Карѣевъ, op. cit., стр. 289.

[2]) Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявл. человѣч. дѣятельности, Москва 1902 г, passim

[3]) Булгаковъ, op. cit. стр. 12—14.

твенной наукѣ вообще: только тогда обоснованіе его взгляда и было бы гносеологическимъ. А между тѣмъ въ данномъ случаѣ онъ говоритъ не о соціологіи вообще, ибо подъ его сужденіе не подойдетъ совершенно доктрина Тарда, Бальдуина, Уорда, Гиддингса, Паланта и всей русской школы и ни даже доктрины Зиммеля, Тенниса, Штейна и мног. другихъ Въ началѣ настоящей работы уже доказано, что соціологія не является только наукой о законахъ соціальнаго сосуществованія и развитія, а о законахъ этого сосуществованія (да и то не въ смыслѣ конгломерата, а въ смыслѣ координаціи) и активнаго прогресса, что соціологія является наукой не описательной, а нормативной, конструктивной. Г. Булгаковъ говоритъ о доктринахъ контизма и эволюціонизма (не отказывавшихся, однако, отъ предсказаній) и историческаго матеріализма (особенно настаивавшаго на прогнозѣ), а не соціологіи вообще. Вслѣдствіе этой ошибки аргументація г. Булгакова теряетъ совершенно гносеологическую цѣнность.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей аргументаціи г. Булгакова, остановимся на одномъ, весьма характерномъ для „новаго“ направленія замѣчаніи его. „Я думаю вообще, говоритъ г. Булгаковъ, что вѣдѣніе будущаго принесло бы не счастіе, а несчастіе для человѣка, ибо сдѣлало бы для него *неинтересной, обезвкушенной*, жизнь и особенно будущее, которое невозбранно можетъ заполнять фантазія. Едва ли каждый изъ насъ почувствовалъ бы себя осчастливленнымъ, если бы ему была во всѣхъ подробностяхъ раскрыта его будущая жизнь по день смерти включительно, напротивъ, я думаю большее несчастіе трудно себѣ представить“.[1]) Воззрѣніе, по которому „тьмы истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“, конечно имѣетъ свою цѣну, но оно не имѣетъ рѣшительно никакого значенія въ дѣлѣ соціальныхъ прогнозовъ. Вся тирада относится къ индивидуальной философіи и не можетъ быть подставлена въ категорію соціологическихъ величинъ. Притомъ-же думы бываютъ различны и, напримѣръ, Уордъ и Струве думаютъ совершенно иначе. Думалъ иначе и г. Булгаковъ, когда говорилъ о предвидѣніяхъ въ жизни соціальной, а не индивидуальной. Это было въ 1896 г., когда г. Булгаковъ разбиралъ книгу Штаммлера.[2]) „Думу“ г. Булгакова я предпочитаю изложить въ связи съ тѣмъ, что объ этомъ же думаетъ г Неждановъ. Ставя цѣли, говоритъ г. Неждановъ,[3]) человѣкъ стремится поставить на мѣсто однихъ своихъ отношеній съ соціальнымъ міромъ другія, причемъ, конечно, онъ исходитъ изъ идеи *возможности* такой постановки. Эта сознаваемая человѣкомъ возможность и есть для него начало свободы, которое находится въ непримиримой враждебности и противоположноети съ началомъ необходимости. Такая возможность представляетъ для человѣка, такъ сказать, внутреннюю сущность постановки цѣлей. „Уничтожьте эту сущность, и постановка цѣлей для *субъекта ихъ* (курсивъ автора) потеряетъ всякій смыслъ. И совершенно правильно поэтому замѣчаетъ Штаммлеръ: „кто признаетъ, что *опредѣленный* результатъ наступитъ съ *неизбѣжной* естественной

[1]) Булгаковъ, стр. 14.
[2]) Вопросы философіи и психологіи 1896 г. Ноябрь-Декабрь, стр. 609—610.
[3]) Неждановъ, Нравственность, Москва 1898 г., стр. 33 и слѣд.

необходимостью, тотъ уже не можетъ содѣйствовать наступленію *этого* результата.... Нельзя основать партію, которая хотѣла бы сознательно содѣйствовать точно вычисленному лунному затмѣнію" (вездѣ курсивъ автора; цитируется стр. 609 указанной выше статьи Булгакова. Мы привели уже выше это разсужденіе). Неждановъ, затѣмъ, продолжаетъ: и когда г. Булгаковъ возражаетъ, что „законъ развитія общества говоритъ, не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій (и это намъ съ вами, читатель, уже извѣстно, какъ извѣстны замѣчанія, сдѣланныя по этому поводу г. Струве), то онъ только неудачно поддѣлывается подъ законъ свободы.[1]) „Да, представленіе о томъ, что изъ такихъ-то нашихъ дѣйствій вытекутъ необходимо такія-то послѣдствія нисколько не противорѣчитъ постановкѣ цѣлей, но оно не противорѣчитъ и началу свободы. Когда я говорю, что если я буду дѣйствовать такъ-то, то достигну такого-то результата, я вовсе не признаю этого результата неизбѣжнымъ. Если я буду дѣйствовать, онъ наступитъ неизбѣжно, но я *могу не дѣйствовать*" (курсивъ автора). „Но, полагаетъ г. Булгаковъ, „всякій разумный человѣкъ согласится, что можно энергично дѣйствовать скорѣе въ томъ случаѣ, когда знаешь, что дѣло увѣнчается успѣхомъ, чѣмъ тогда, когда дѣйствуешь наудачу". [2]) Теперь г. Булгаковъ думаетъ совершенно иначе, а именно, что знаніе не только не увеличиваетъ энергіи, а, напротивъ, дѣлаетъ жизнь неинтересной, обезвкушенной. Если это относится къ жизни индивидуальной, то пусть еще „самообманъ" вмѣсто истины, хотя и тутъ, напримѣръ, знаніе, что мнѣ остается жить меньше, чѣмъ мнѣ подсказывали иллюзіи, должно заставить меня торопиться дѣйствовать и дѣйствовать интенсивно, потому иначе я не успѣю оплатить признаннаго мною „счета" ближнихъ и дальнихъ,— (здѣсь уже имѣется въ виду „счетъ", основанный не только на связяхъ индивидуальнаго свойства—близкое и дальнее родство, дружба и т. п.,—но и счетъ на почвѣ связей соціальныхъ). Въ приложеніи же къ предвидѣніямъ только соціальнаго свойства г. Булгаковъ думалъ прежде лучше, чѣмъ теперь. Что же касается г. Нежданова, то ему оставалось весьма немного, чтобы всей своей аргументаціей, основанной на тезисѣ „*если* я буду дѣйствовать", ясно и прямо перенести постановку вопроса изъ гносеологической категоріи „необходимости" въ категорію „возможности".

Г. Булгаковъ слишкомъ глубокій мыслитель, чтобы не сознавать, что въ его „думѣ" есть какой-то недостатокъ. Иначе трудно себѣ объяснить значеніе его дальнѣйшей аргументаціи. А заключается она въ томъ, что никто не можетъ обойтись безъ того, чтобы, на основаніи здраваго смысла и *научнаго опыта*, не составить себѣ извѣстнаго сужденія не только о настоящемъ, но и о ближайшемъ будущемъ, для котораго каждый изъ насъ работаетъ. И вотъ, если *и это* называть предсказаніемъ, то дѣлать предсказанія о будущемъ въ этомъ смыслѣ есть право *и обязанность* каждаго сознательнаго человѣка. Но такое предсказаніе не имѣетъ ничего общаго, говоритъ

[1]) Неждановъ, op. cit,. стр. 34.
[2]) Неждановъ, стр. 35.

г. Булгаковъ, съ *точнымъ* научнымъ прогнозомъ, а сводится къ своего рода импрессіонизму, т. е. не научному, а художественному синтезу, имѣющему субъективную убѣдительность, но съ полной наглядностью объективно недоказуемому.[1]) Ясно, что все разсужденіе основано на требованіи, чтобы научное предсказаніе было „точнымъ", „во всѣхъ подробностяхъ", предсказаніемъ будущаго событія „въ опредѣленномъ пунктѣ времени и пространства". Иначе говоря, вопросъ ставится на почву неизбѣжно-необходимаго будущаго, а не возможнаго, вѣроятнаго, стоящаго *между прочимъ* и въ связи съ формулой „если я буду дѣйствовать" и еще шире: „если мы будемъ дѣйствовать и если наши дѣйствія будутъ координированы и если противодѣйствіе другихъ не будетъ сильнѣе нашего дѣйствія". Но это „между прочимъ".[2])

Въ дальнѣйшемъ г. Булгаковъ дѣлаетъ условную уступку „научной теоріи прогресса" (какой? единой вѣдь не существуетъ). „Признаемъ, говоритъ онъ, что научное предсказаніе вообще возможно и тѣ научныя предсказанія, которыя уже дѣлались до сихъ поръ, въ частности, предсказанія марксизма научно неоспоримы (я убѣжденъ, что г. Булгаковъ говоря „о соціологіи вообще", только и имѣетъ въ виду „въ частности марксизмъ"). Все-же способна ли удовлетворить эта теорія тѣхъ, кто ищетъ въ ней твердаго убѣжища, основу и вѣры, и надежды, и любви".[3]) Судя по прежнему труду автора (Капитализмъ и земледѣліе), мы знаемъ, что авторъ разочарованъ въ способности марксизма къ дачѣ подобнаго основанія. Мы указали также, что это стало общимъ мѣстомъ современныхъ сторонниковъ марксизма (послѣ опубликованія писемъ Энгельса) и сторонниковъ поворота къ идеализму. И дѣйствительно г. Булгаковъ говоритъ теперь слѣдующее. „Самыя смѣлыя теоріи прогресса не идутъ въ своихъ предсказніяхъ дальше обозримаго будущаго, а историческій глазъ видитъ недалеко. (Для „науки вообще" это опять-таки невѣрно, ибо, напримѣръ, прогнозъ Спенсера—„Основанія Соціологіи", перев. 1898 г, стр. 706 и слѣд —Изулэ (La cité moderne), Новикова (Consience et volonté sociales) и др. идетъ далеко за предѣлы обозримаго будущаго, ихъ „соціологическій глазъ" (также и Гарофало) видитъ очень далеко. Снова повторяю: г. Булгаковъ, очевидно, имѣетъ въ виду „въ частности марксизмъ", а не теорію прогресса вообще.) Пусть намъ извѣстны, говоритъ далѣе г. Булгаковъ, судьбы человѣчества, положимъ, въ XX вѣкѣ, но мы уже ровно ничего не знаемъ о томъ, что его ждетъ въ XXI, XXII, XXIII, и т. д. вѣкѣ. Научная теорія прогресса подобна *тусклой свѣчѣ*, которую кто-то зажегъ въ самомъ началѣ темнаго безконечнаго корридора. Свѣча скудно освѣщаетъ уголокъ въ нѣсколько футовъ вокругъ себя, но все остальное пространство объято глубокой тьмой... Отрадная увѣренность, что все доброе и разумное въ концѣ концовъ восторжествуетъ и непобѣдимо, не имѣетъ никакой почвы въ *механическомъ*

[1]) Булгаковъ, Проблемы Идеализма, стр. 14—15.

[2]) См. Гальперина, Органическая теорія строенія и развитія общества, стр. 10, особ. стр. 122—134.

[3]) Булгаковъ, l. c. стр. 15.

міропониманіи. Для болѣе далекаго будущаго, все что можетъ честно сказать это міропониманіе, это одно: ignoramus et ignorabimus.[1])

На сколько г. Булгаковъ говоритъ „въ частности“ о механическомъ міропониманіи, онъ совершенно правъ, хотя и здѣсь ignorabimus не зависитъ отъ ignoramus, какъ мы уже показали выше и какъ еще объяснимъ во второй части настоящаго обзора. И снова г. Булгаковъ, задавшись цѣлью дать гносеологическое обоснованіе тезиса о неспособности науки по природѣ своей къ прогнозамъ, сначала точнымъ, а теперь уже далеко-хватающимъ,—занимается не этимъ, а даетъ эмпирическое основаніе неспособности къ такимъ прогнозамъ „механическаго міропониманія“ въ частности, а однимъ изъ наиболѣе „смѣлыхъ“ (по выраженію г. Булгакова) видовъ послѣдняго и является марксизмъ. Еслибы г. Булгаковъ созналъ, что недостатокъ послѣдняго именно и заключается въ его соціологической доктринѣ, то, будучи сторонникомъ той-же идеологіи, онъ легко разгадалъ бы, что, фактъ неудачнаго прогноза объясняется не *невѣроятностью* идеала, а неправильнымъ освѣщеніемъ средствъ познанія. Послѣднее же прежде всего сводится къ исключительному экономизму данной соціологической доктрины. Съ точки зрѣнія красивой метафоры г. Булгакова, свѣча поставлена не въ началѣ корридора, ибо онъ безконеченъ въ обѣ стороны. Кто хочетъ двигаться по этому корридору и видѣть, что дѣлается за предѣлами освѣщаемаго въ *данное время* пространства (эмпирическій фактъ, а не логически необходимая имманентность освѣщенія), тотъ, во-первыхъ, можетъ улучшать источникъ освѣщенія, совершенствовать пріемы распространенія свѣта, а, двигаясь, зажигать по пути новые свѣтильники, освѣщая себѣ постепенно путь къ тому идеальному, ради котораго желаешь или не можешь не желать идти впередъ, хотя-бы, быть можетъ, съ лично-эгоистической точки зрѣнія. было бы покойнѣе оставаться на мѣстѣ. Постепенные свѣтильники! воскликнетъ г. Булгаковъ, но они замедляютъ движеніе и блѣднѣютъ предъ грандіознымъ источникомъ свѣта, какимъ является зовущій впередъ этическій идеалъ Да, но изъ-за любви къ этому далекому, чистому, прекрасному, которое всегда остается далекимъ, ибо для каждаго „будущаго“ должно существовать новое „свое“ будущее, еще болѣе высокое, еще болѣе чистое, еще болѣе прекрасное (ср. сказанное выше по поводу разсужденій г. Новгородцева).—изъ-за этой любви нельзя забывать „ближняго“ (иначе думаетъ, какъ слѣдуетъ логически заключить изъ всей его новой работы, г. Бердяевъ), который находится по пути освѣщаемыхъ пространствъ. Поступать иначе, значитъ такъ-же „становиться спиной“ къ самымъ основнымъ запросамъ сознательной жизни, какъ успокоиться на томъ, что отвѣтъ науки (вообще науки?) звучитъ унылымъ ignorabimus. [2]) Г. Булгаковъ констатируетъ, что позитивная наука (значитъ не наука вообще, о чемъ только и долженъ былъ говорить г. Булгаковъ) и не „поворачивалась спиной“ къ этимъ запросамъ и отвѣчала на нихъ, но, говоритъ онъ, источникомъ убѣжденія въ торжествѣ добра явилась уже не наука, ибо она-

[1]) Булгаковъ, стр. 15—16.
[2]) Булгаковъ, стр. 16.

де не могла имъ быть, а „вѣра“, которая заявила властно свои права тамъ, гдѣ хотѣла владычествовать наука, обманувшая возлагавшіяся на нее ожиданія. Такимъ образомъ наука сохранила еще лишь свое названіе, фактически переставъ быть ею. [1]) Итакъ, теперь мы уже имѣемъ дѣло не съ наукой прогресса, а съ религіей прогресса. Собственно это относится лишь къ механическому міропониманію и потому для немеханическихъ доктринъ аргументація г-на Булгакова значенія не имѣетъ, но и для перваго это вѣрно лишь на-столько, на сколько механическое пониманіе грѣшитъ исключительностью. Вопросъ, стало-быть, снова сводится во-первыхъ къ эмпирическому факту слабаго выполненія задачи, а не къ гносеологической истинѣ иманентной наукѣ неспособности отвѣчать на запросы о судьбахъ будущаго и во-вторыхъ къ тому, что самый вопросъ о будущемъ долженъ быть переведенъ изъ категоріи необходимости въ категорію возможности, вѣроятности. Конечно, эти, не разъ нами высказываемыя, мысли требуютъ развитія, но этому не мѣсто въ „обзорѣ“. Благодаря характеру задачъ послѣдняго, я многое оставляю лишь намѣченнымъ и не обслѣдованнымъ, хотя дѣло стоило бы того, чтобы поступить иначе.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію взглядовъ г. Булгакова на вопросъ о томъ, съумѣлъ ли позитивизмъ стать религіей прогресса, остановимся, въ видахъ выполненія задачъ „обзора“ на тѣхъ взглядахъ, которые были высказаны еще другими по вопросу о „научной теоріи прогресса“. Я обращаю особенное вниманіе на появившіеся въ отчетномъ году и уже названные мною труды П. Некрасова и Г. Рихарда (хотя послѣдняя работа и помѣчена 1903 годомъ, но появилась въ концѣ разсматриваемаго нами года). Оба труда содержатъ весьма много цѣннаго, хотя многія положенія, особенно Рихарда, должны быть отвергнуты. Будучи противникомъ эволюціоннаго и механическаго міропониманія и въ частности возставая противъ общаго пріема послѣдней научной школы сводить качество къ количеству, благодаря чему получается несоотвѣтственная истинѣ измѣряемость качественныхъ явленій, Гастонъ Рихардъ [2]) касается и вопроса о „предвидѣніяхъ“, находя, что на почвѣ статическаго эволюціонизма таковое и невозможно и что поэтому эволюціонизмъ долженъ быть исправленъ въ смыслѣ принятія историческаго процесса не въ качествѣ статическаго, а въ качествѣ динамическаго, причемъ, однако, авторъ называетъ его генетическимъ, что является ошибочнымъ, ибо процесъ генетическій является динамическимъ въ смыслѣ прошлаго и настоящаго, а не въ смыслѣ активнаго прогресса также и на почвѣ воздѣйствія на этотъ процессъ этическихъ идеаловъ будущаго. Это тѣмъболѣе странно для нашего автора, что онъ всецѣло раздѣляетъ ученіе Фуллье объ идеяхъ-силахъ. Разсматривая эволюціонное ученіе въ примѣненіи его къ явленіямъ природы, Рихардъ возстаетъ противъ „смѣшенія“ органическаго процесса съ процессомъ неорганическимъ, главнымъ образомъ потому, что это смѣшеніе

[1]) Булгаковъ стр. 17.

[2]) Gaston Richard, L'Idée d' Évolution dans la nature et l'histoire, Paris 1903. p. 17. sqq

констатируетъ въ ядрѣ клѣтки существованіе первичной энергіи, коей наука можетъ установить лишь физико-химическія „условія“, но относительно происхожденія которой наука остается нѣмой [1]). И въ самой космогеніи мы не находимъ оправданія такому смѣшенію — такъ, въ положительной наукѣ все живое происходитъ отъ живого, а исторія земли показываетъ, что первому появленію органическихъ существъ предшествовалъ періодъ азоическій, періодъ полнаго отсутствія жизни. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать заключеніе о революціонномъ происхожденіи жизни, такъ какъ иначе пришлось бы придти къ заключенію не менѣе метафизическаго характера, а именно къ допущенію возможности латентной жизни, проявленія которой въ періоды до перехода ея въ жизнь видимую, были нейтрализованы крайнею простотой химическихъ соединеній. Постоянное охлажденіе въ космосѣ (т. е. и земли, и атмосферы), сдѣлавъ возможнымъ болѣе сложныя соединенія, вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ появленію организмовъ, конечно элементарныхъ, но уже способныхъ къ самовозобновленію путемъ репродукціи. [2]) Не смотря на высокій интересъ разсужденій автора въ сферѣ ученія объ эволюціи органическаго міра, въ особенности на интересъ къ его замѣ аніямъ о попыткахъ эволюціонной теоріи свести біологическіе феномены исключительно къ „условіямъ“ физическаго и химическаго свойства (о чемъ еще будетъ рѣчь во второй части нашего обзора), т. е, другими словами, „свести функціональное приспособленіе организмовъ къ простому равновѣсію со средой“, [3]) причемъ Рихардъ замѣчаетъ (это же замѣчанія было сдѣлано давно Морицомъ Вагнеромъ), что приспособленіе это происходитъ при помощи *внутренней* физіологической (только? а не психологической также, по скольку это относится къ организмамъ съ выдѣлившейся нервной системой?) работы, о природѣ которой „никакой механическій законъ не можетъ дать отчета“ [4]), не смотря, говоримъ мы, на высокій интересъ (особенно критической части труда), мы не можемъ здѣсь на этой части труда подробно останавливаться, такъ какъ она имѣетъ къ соціологіи лишь косвенное отношеніе. Изучая тотъ-же вопросъ на почвѣ эмбріологіи, Рихардъ снова приходитъ къ заключенію, что внутренняя физіологическая активность не можетъ быть сведена къ механическимъ понятіямъ, а составляетъ проявленіе силы sui generis [5]) Примыкая въ значительной мѣрѣ къ Ламаркизму, Рихардъ считается и съ вопросомъ о дѣйствіи наслѣдственности, согласуя эти два явленія органическаго міра по почвѣ установленнаго Фритцемъ Мюллеромъ (и формулированнымъ съ особеннаго подробностью Эрнестомъ Геккелемъ) закона о томъ, что онтогенезисъ воспроизводитъ въ общемъ развитіе филогенетическое. Правда, Рихардъ, согласно съ работами современной эмбріологіи, придаетъ этому закону относительную цѣну и лишь „на почвѣ ея“ приходитъ къ заключенію, что самая способность къ унаслѣдованію пріобрѣтенныхъ

---

[1]) Richard, op. cit. p. 33 sq.
[2]) Richard, p. 37—39.
[3]) Richard, p. 51.
[4]) Richard, p. 23—54.
[5]) Richard, p. 56—57.

„приспособленіемъ“ качествъ имманента оосноръ, прямо составляетъ ея свойства. Означенная гипотеза ведетъ автора къ усвоенію доктрины витализма въ томъ видѣ, какъ ее поддерживаетъ Руль. [1]) Оставляя въ сторонѣ эту, крайне спорную часть проблемы жизни, замѣтимъ, что Рихардъ сильно склоняется въ пользу панпсихизма и въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ большое сходство съ Ренувріе. Эта слабая сторона міровозрѣнія автора найдетъ себѣ, надѣюсь, болѣе компетентныхъ критиковъ. Воззрѣніе же автора о вліяніе внутреннихъ силъ на приспособленіе организма къ условіямъ жизни можетъ быть изучаемо и внѣ связи съ этой стороной его доктрины. Особенно рельефно данный вопросъ разсматривается при изученіи явленій миметизма, который проявляется не только, какъ случайно пріобрѣтаемыя сходства, подбираемыя внѣ активнаго участія біологическаго индивида, т. е. не только просто на почвѣ дѣйствія переживанія наиболѣе приспособленныхъ, а и на почвѣ внесенія активности со стороны индивида, т. е. на почвѣ „искуственнаго подбора“ не со стороны человѣка, для котораго только таковой и допускался Дарвиномъ и его послѣдователями. [2]) Жаль, что Рихардъ, слѣдуя взглядамъ Морица Вагнера (у насъ этотъ взглядъ высказанъ, правда мелькомъ, Н. К. Михайловскимъ), не сопоставляетъ ихъ съ поправками къ ученію о трансформизмѣ, внесенными школою Де-Фриза.

Какъ-бы то ни было въ генетическомъ (т. е. динамическомъ) процессѣ сознанію принадлежитъ громадная роль. Но здѣсь идетъ рѣчь о сознаніи интеллектуальнымъ. Далѣе появляется новый элементъ. Общество животныхъ, говоритъ Рихардъ, играетъ въ дарвинистской концепціи быть можетъ большую роль, при объясненіи перехода къ силамъ соціальной жизни. Лишь оно позволяетъ понять, какимъ образомъ была мало по малу заполнена пропасть, которая отдѣляетъ современнаго человѣка отъ животнаго. „Мы говоримъ, замѣчаетъ авторъ, о сознаніи *моральномъ*“. Крайне интересную критику ученія Дарвина-Уоллеса о роли и значеніи въ данномъ вопросѣ естественнаго отбора мы вынуждены выпустить изъ круга нашихъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что выводъ автора о необходимости включенія начала цѣлесообразности, финальности, наряду съ принципомъ кавзальности—понятенъ и безъ того. Интересующіеся предметомъ могутъ прочесть нѣсколько поучительныхъ страницъ изъ главы Рихарда о соотношеніи между нервной системой и приспособленіемъ [3]) и особенно о природѣ инстинкта (у насъ см. недавнія работы Вагнера, Холодковскаго и др.) и изъ главъ о природѣ мозга (Рихардъ, гл. VII и VIII), причемъ оказывается (впрочемъ, это совсѣмъ-совсѣмъ не новость), что общественность составляетъ источникъ развитія мозга [4]), что мозгъ является органомъ симбіоза, но что эти заключенія не могутъ быть объяснены только на почвѣ дарвиновой борьбы за существованіе, ни на почвѣ исключительнаго дѣйствія внѣшнихъ силъ [5]),

---

[1]) Richard, p. 59—60; Roule, Embriologie generale.
[2]) Richard, op. cit. p. 70—71.
[3]) Richard, p. 78—86.
[4]) Richard, p. 93.
[5]) Richard, p. 95.

а также на почвѣ воздѣйствія со стороны внутреннихъ силъ сознанія. Этимъ самымъ, конечно, отвергается механическій эволюціонизмъ, и процессъ превращается изъ статическаго въ динамическій. Все это, а въ особенности разсмотрѣніе вопроса о томъ, было ли условіемъ приспособленія перцепція внѣшняго міра или мозгъ игралъ роль только въ качествѣ управленія движеніями въ виду мотивовъ, полученныхъ безсознательно изъ внѣшняго міра [1],—весьма и весьма интересно и имѣетъ, хотя и косвенное, но большое значеніе для соціологіи, но мы вынуждены только бѣгло останавливаться на главныхъ звѣньяхъ въ цѣпи разсужденій автора, такъ какъ въ области біологіи для задачи нашей важно выяснить только общій характеръ ученія автора для того, чтобы, перейдя къ соціологической части его труда, мы не должны были дѣлать пояснительныхъ отступленій. На этомъ основаніи я не останавливаюсь также на разсмотрѣніи воззрѣнія автора на „душу клѣтки“, воззрѣнія, уже давно знакомаго наукѣ, не говоря о задаткахъ этого ученія въ нѣкоторыхъ философскихъ доктринахъ древней Индіи и Греціи, а затѣмъ въ „Монадологіи“ Лейбница Воззрѣніе это съ особенною силой отстаивалъ въ извѣстной своей рѣчи Эрнстъ Геккель.[2])

Какъ соціологъ, Рихадъ вполнѣ послѣдовательно отвергаетъ эволюціонистскій механизмъ, по которому сознаніе является простымъ эпифеноменомъ. [3]) Придерживаясь сочетанія закономѣрности и свободы, авторъ, слѣдуя Кетле, вводитъ понятіе случайнаго въ категорію вѣроятнаго и поэтому признаетъ активную роль личности въ историческомъ прогрессѣ. Оставляя въ сторонѣ взглядъ автора на значеніе „героевъ“, такъ какъ это отвлекло бы насъ далеко въ сторону отъ непосредственно интересующей насъ темы, скажемъ, что, по мнѣнію автора, категорія „случайнаго“ не отнимаетъ отъ историческаго прогресса значенія *порядка*, вслѣдствіе чего философія исторіи должна получить признаніе науки. Такой характеръ не можетъ быть, однако, приписанъ историческому монизму. Истинной наукой является и соціологія, изъ которой, однако, надо исключить школу, отождествляющую общество съ организмомъ. [4]) Подвергая послѣднюю школу строгой критикѣ, которой мы, однако, не приводимъ, такъ какъ вопросъ о всей доктринѣ органицизма составляетъ для меня предметъ отдѣльнаго труда, первую часть коего я уже напечаталъ въ 1900 г., замѣчу только, что Рихардъ совершенно напрасно признаетъ извѣстнаго географа Ратцеля сильнѣйшимъ критикомъ органицизма. Это невѣрно—какъ относительно, т. е. по сравненію съ критикой Уорда, Гиддингса, Тенниса, Михайловскаго (чтобы объ этомъ ни говорили г.г. Ранскій, П. Г. и др.), Барта и др., такъ и по существу, въ виду односторонности теллурическаго принципа, котораго держится Ратцель. Вопросъ о „смерти обществъ“ у Рихарда разсмотрѣнъ не съ надлежащей полнотой, а относящійся

---

[1]) Richard, p. 100.

[2]) Геккель, Клѣточныя души и душевныя клѣтки. Перев. съ нѣм. Кіевъ, 1880. См. Гальперина, Органич. теорія строенія и развитія общ. стр. 80, въ связи съ разсужденіями на стр. 77—81.

[3]) Рихардъ, op. cit. p. 141 и слѣд.

[4]) Richard, p. 159. sqq.

къ этому вопросу трудъ Я. А. Новикова даже не упомянутъ. Въ вопросѣ же о происхожденіи общества Рихарду недостаетъ свѣдѣній объ уже высказанныхъ въ наукѣ взглядахъ. Такъ, напримѣръ, говоря о характерѣ примитивной орды, [1]) авторъ говоритъ, что она состоитъ изъ лицъ, связанныхъ родствомъ и совсѣмъ не считается съ возраженіями, сдѣланными по этому поводу Муке. [2]) Большое значеніе придаетъ Рихардъ извѣстному труду Эспинаса, но не съ точки зрѣнія его теоріи органицизма, а съ точки зрѣнія значенія изученія соціальной жизни животныхъ для пониманія соціальной жизни людей. Это значеніе выражается въ констатированіи соціальнаго сознанія, концентрированнаго въ одномъ случаѣ и разсѣяннаго—въ другомъ. Въ общемъ выводъ автора таковъ: соціологія либо является соціальной психологіей, либо ничѣмъ. [3]) Соціальная психологія, по мнѣнію автора, не должна быть отождествляема съ психологіей этнографической, психологіей расъ (Гумпловичъ въ соціологіи, Лацарусъ и Штейнталь въ философіи, Бастіанъ въ этнологіи и т. п.); это психологія групповая вообще. Должна она разрѣшить слѣдующія двѣ, другъ друга дополняющія проблемы: 1) каковы условія длительности и интензивности связи, которая объединяетъ группу, не обращая вниманіе на различія единицъ, ее составляющихъ. Это проблема колективной психологіи. 2) Каковы условія взаимнаго вліянія умовъ. Это психологія междуперсональная, интерментальная (Тардъ. Объ ученіи его въ послѣдней области я уже имѣлъ случай бесѣдовать съ читателемъ. [4]) Къ этому вопросу, а равно и къ первой проблемѣ относится и другой трудъ Тарда, „Общественное мнѣніе и толпа“, русскій переводъ котораго, сдѣланный подъ редакціей г. Когана, вышелъ въ отчетномъ году въ Москвѣ. Соціальная психологія по Рихарду должна быть генетической, а для этого она должна быть сравнительной и исторической. [5]) Задача соціальной психологіи намѣчается сама собой: она должна изучить общественныя связи и тѣ факторы, которые содѣйствуютъ либо къ ихъ образованію, либо къ ихъ распаденію Общественныя связи различаются по своему количеству, качеству, интенсивности, длительности. Относясь затѣмъ отрицательно къ соціологіи безсознательнаго, отстаиваемой въ философіи Бастіаномъ и Вундтомъ (и Гартманомъ?), а въ соціологіи Фиркандтомъ, [6]) авторъ находитъ, что данная проблема приводитъ къ разрѣшенію слѣдующаго вопроса: либо сознательная активность является продуктомъ общественной жизни, либо разумъ, какъ и рациональная цивилизація составляетъ неразрывное данное соціальной связи. Вопросъ, которымъ въ 1901 г. занимался Отто Амманъ, [7]) а въ отчетномъ году Генрихъ Шюртцъ. [8])

[1]) Richard, p. 166.

[2]) I. R. Mucke. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung, Stuttgart 1895. См. особ. стр. 18 и слѣд.

[3]) Richard, op. cit. p. 169.

[4]) Гальперинъ, Обзоръ соціологич. литературы за 1901 г. Екатеринославъ 1902 г. стр.

[5]) Richard, op. cit. p. 177.

[6]) Richard, op cit. p. 180-181 и слѣд.

[7]) Ammon, Der Ursprung der socialen Triebe. См. Мой, Обзоръ соц. литературы за 1902 г., стр.

[8]) H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, Berlin 1902, S 17 f.

Разсматривая съ данной точки зрѣнія ученіе школы эволюціонистовъ, Рихардъ находитъ, [1]) что ученіе это сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: „Идеи не имѣютъ вліянія на ходъ общественной жизни"; „Основатели первыхъ общественныхъ аггрегатовъ не были существами размышлявшими, ни соціальными". "Общества образовались благодаря войнѣ" и, наконецъ, „источникомъ войны было желаніе быть предметомъ страха, каковое желаніе было внушено первобытному человѣку стремленіемъ къ трофеямъ" (Спенсеръ, Осн. соціологіи). Рихардъ находитъ, что вся эта теорія толжна пасть, если будетъ доказано, что первобытныя общества не были необходимо обществами воинственными и что война является феноменомъ психо-соціальнымъ, слѣдствіемъ, а не причиной. Доказательству этихъ двухъ положеній и посвящено дальнѣйшее изложеніе (Рихардъ, стр. 185-192), но оно только отличается остроуміемъ, а не всегда исторической вѣрностью. Остроуміе автора, однако, зиждется на смѣшеніи двухъ понятій „искусства войны" и „военной техники", что совершенно нелогично. Съ точки зрѣнія техники, конечно китайцы народъ не воинственный, но это отнюдь не колеблетъ историческихъ (даже) свидѣтельствъ объ ихъ примитивномъ хищничествѣ. Ссылка на „мирные" народы, имѣющаяся и у критикуемаго здѣсь авторомъ Спенсера, очень неудачна, такъ какъ вопросъ поставленъ неправильно. Дѣло не въ „войнѣ", какъ мы ее теперь понимаемъ, а въ хищничествѣ первобытныхъ междугрупповыхъ отношеній, исключительности и розни. Объ этомъ я достаточно подробно говорилъ уже въ печати, [2]) чтобы повторять снова сказанное. Принятіе этого взгляда вовсе не связано съ принятіемъ теоріи эволюціонной, такъ какъ, напротивъ, хищничество есть выраженіе индивидуализма, т. е. момента, лежащаго въ области сознанія интеллектуальнаго и моральнаго.

Поэтому заключенію Рихарда о томъ, что, при принятіи такого воззрѣнія, интеллектуальная активность остается чуждой дѣлу образованія сложныхъ обществъ, [3]) я противопоставляю заключеніе, что, напротивъ, хищничество, вызвавшее себѣ на смѣну, въ качествѣ прямой необходимости, замиреніе группъ („мировые союзы" А. Поста), ведетъ къ активной роли личности въ исторіи, а не къ простому инстинкту—какъ соціальной силѣ. Для эволюціонной психологіи, говоритъ Рихардъ, основаніе инстинкта и ума одно и то-же. На чемъ же происходитъ превращеніе перваго во второй? Эволюціонная теорія полагаетъ, что къ этому ведетъ простой фактъ жизни въ обществѣ (Рихардъ, гл. VI), но, замѣчаетъ авторъ, содержится въ мірѣ общественныхъ животныхъ, среди которыхъ жизнь въ обществѣ не ведетъ къ образованію разума. [4]) Та часть ученія Та да, которая относится къ данному предмету (имѣется въ виду особенно „Соціальная Логика" Тарда), кажется автору наиболѣе слабою, причемъ онъ приходитъ къ заключенію, что разумъ вырабатывается на почвѣ индивидуальныхъ стремленій и что поэтому, говоря кратко, „ин-

[1]) Richard, op. cit., p. 183 sqq.
[2]) Гальперинъ, Очерки первобытн. права, Спб. 1893 г., passim.
[3]) Richard, op. cit p. 191.
[4]) Richard, p. 195—196.

стинктъ-явленіе коллективнаго происхожденія, разумъ-индивидуальнаго".[1]) Вслѣдствіе этого само собой ясно, что инстинктъ предшествовалъ разуму, а если такъ и если послѣдній не является простымъ продуктомъ соціальной активности, то раціональное сознаніе не должно быть смѣшиваемо съ „врожденными понятіями". Съ того времени, какъ разумъ начинаетъ получать большее значеніе, нежели инстинктъ, мѣняется основаніе общественной связи. Наблюденіе показываетъ, что общественныя связи для существъ инстинктивныхъ и обладающихъ разумомъ-не однѣ и тѣ-же и вслѣдствіе этого должно различать два рода соціальныхъ связей-раціональныя и инстинктивныя.[2]) Первыя получаютъ выраженіе въ постепенномъ „приближеніи", притяженіи (approximation graduelle); при этомъ происходитъ рядъ революціонныхъ измѣненій, и переходъ малой степени приближенія въ большую связанъ съ явленіями общественнаго прогресса, но и регресса, „задержекъ" общественнаго развитія-при чемъ съ одной стороны и подъ вліяніемъ личныхъ мотивовъ развивается разумъ, а съ другой мораль становится соціальной (Рихардъ гл. VI-XIV, стр. 212—312).

Хотя вся эта, столь кратко нами изложенная, часть труда Рихарда выполнена довольно слабо, но мы оставляемъ въ сторонѣ вызываемыя ею критическія замѣчанія, такъ какъ цѣль, ради которой мы излагаемъ содержаніе книги Рихарда—иная: привести его взглядъ на значеніе соціальнаго предвидѣнія. Къ этому вопросу, въ связи съ изложеніемъ всего ученія автора, мы и подходимъ. Идея эволюціи, говоритъ Рихардъ,[3]) не можетъ, безъ допущенія противорѣчій, привести философію къ формулировкѣ единаго закона, который былъ бы синтезомъ всего эмпирическаго знанія. Такой законъ долженъ былъ бы выводиться изъ механической теоріи, почему онъ и являлся бы низведеніемъ всѣхъ феноменовъ къ законамъ количества. Но состоянія сознанія, безъ которыхъ ни одинъ феноменъ не можетъ быть объектомъ познаванія, явленія-чисто качественнаго характера и потому, выходитъ (съ точки зрѣнія механическаго пониманія),—они научно необъяснимы. Они, такимъ образомъ, исключены изъ синтеза. Не значитъ-ли это исключить оттуда-же и самое жизнь? Начало „эволюціи" есть сведеніе къ „числу", а къ нему не можетъ быть сведено „качество". Послѣ этого общаго разсужденія авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію „генетическаго", какъ онъ его называетъ, разумѣя подъ этимъ „динамическій", процесса съ точки зрѣнія участія въ немъ „сознанія". Идея процесса эволюціоннаго недостаточна, ибо она является простой феномологіей, т. е. имѣетъ объектомъ исключительно реальное, *данное*, а не *возможное*.[4]) Внѣ всякаго сомнѣнія—наука должна вести къ предвидѣнію, а послѣднее является предвосхищеннымъ знаніемъ фактовъ, еще нереализованныхъ и потому относящихся еще къ категоріи возможностей. Но научное предвидѣніе заключается въ введеніе въ будущее дѣйствіе законовъ, извлеченныхъ изъ изслѣдованія фактовъ прошедшаго. Такого предви-

[1]) Richard, p. 210—211.
[2]) Richard, p. 213 sqq
[3]) Richard, p. 319.
[4]) Richard, p. 322.

дѣнія не въ состояніи дать эволюціонная теорія съ ея безконечной цѣпью развертывающихся звѣньевъ процесса. На смѣну простой статической теоріи должна придти динамическая теорія, основанная на генетическомъ методѣ, посредствомъ котораго возстановляется единство процесса, образующаго серію порядка гомогенныхъ феноменовъ.[1]) Знаніе полагаетъ такимъ образомъ конецъ противоположенію между наукой и исторіей, такъ какъ „порядокъ“ составляетъ философскую категорію причинности. Vere scire per causas scire. Но причина и условіе всегда должны быть отличаемы отъ обусловливаемаго. Съ точки зрѣнія опыта наука ничего не знаетъ при посредствѣ причины и необходимости. Но тѣмъ не менѣе феномологія нѣчто иное, чѣмъ простое описаніе случайностей. Случайное и необходимое составляютъ двѣ неразрывныя части понятій, ибо кто отрицаетъ или признаетъ одно, тотъ отрицаетъ или признаетъ и другое. Необходимость, въ дѣйствительности, является единственнымъ критеріумомъ случайнаго. Поэтому изъ понятія „моральнаго порядка“ должно даже исключить терминъ детерминизма, если ему должно быть приписано исключительное значеніе, какое онъ до сихъ поръ имѣетъ.[2]) Если же ему придать лишь значеніе правильной послѣдовательности, отношенія настоящаго къ прошлому, то детерминизмъ, такъ понимаемый, составляетъ первое и основное условіе моральнаго порядка. Но какъ перейти отъ знанія „законовъ“ къ знанію правилъ поведенія? Методъ историко-эволюціонный ведетъ только къ знанію законовъ эмпирическихъ, т. е для намѣченной проблемы непригодныхъ. Изъяснить законъ значитъ свести его къ наиболѣе широкому, т. е. раціональному закону, чего не можетъ сдѣлать механическое міропониманіе, въ виду незаконности сведенія качественныхъ явленій къ явленіямъ количественнымъ, доступнымъ измѣренію. [3]) Замѣтимъ, что и качественныя явленія могутъ быть измѣряемы, но какъ мы убѣдимся изо второй части настоящаго обзора (при изложеніи взглядовъ г. Челпанова), принципъ измѣренія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, который имѣется въ виду механической теоріей.

Механической школѣ противополагается идеалистическая, которая и утверждаетъ, что если механическое міропониманіе стремится „объяснить высшее чрезъ посредство низшаго“, то идеализмъ долженъ „объяснять низшее чрезъ высшее“. [4]) Но Рихардъ признаетъ и такое пониманіе міроваго порядка неправильнымъ, ибо если качество частей не опредѣляетъ качества цѣлаго, то, наоборотъ, и качество цѣлаго не опредѣляетъ качественнаго характера частей. [5]) Поэтому истина лежитъ въ объясненіи взаимодѣйствія частей. Съ послѣдней точки зрѣнія явленія міра представляютъ *систему порядка*. Развитіе послѣдняго является динамическимъ, т. е. не только каузальнымъ, но и финальнымъ, т. е. телеологическимъ. Съ этой же

[1]) Richard, p. 325.
[2]) Richard, p. 327.
[3]) Richard, p. 328 sq.
[4]) Richard, p. 330.
[5]) Richard, p. 331.

точки зрѣнія долженъ быть разсматриваемъ и порядокъ нравственный. [1]) Здѣсь возникаетъ слѣдующій существенный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ проблемъ соціальной науки: о соотношеніи между закономѣрностью и свободой, о роли личности, о возможности предвидѣнія и силахъ, необходимыхъ для достиженія предвидимаго. Это именно вопросъ о „чудовищной", по выраженію г. П. Г., „научной этикѣ", которую отвергаетъ также и г. Бердяевъ.

Наукѣ, говоритъ Рихардъ, часто ставился упрекъ въ *аморальности*, въ анетичности. Здѣсь нужна оговорка: данный терминъ должно понимать не въ смыслѣ отрицательномъ, вродѣ понятій „безнравственный, противунравственный", а въ смыслѣ безразличномъ въ отношеніи къ этикѣ. Это терминъ ни нравственнаго плюса, ни нравственнаго минуса, а этическаго нуля. Выражается это такъ: наука не только не можетъ возбудить какой либо идеалъ для активной дѣятельности, но, покоясь на принципѣ детерминизма, она не можетъ также формулировать правилъ поведенія. Чуждая по своей дефиниціи свободѣ и телеологіи, наука не можетъ дать намъ познанія о нравственномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ стать объектомъ не знанія, а вѣры. Въ этой краткой формулировкѣ, сдѣланной Рихардомъ, мы встрѣчаемся вновь со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ насъ подробно ознакомилъ г. Булгаковъ, причемъ формулировка эта и здѣсь, какъ и тамъ, приводитъ насъ отъ „науки прогресса" къ „религіи прогресса". Взглядъ г. Булгакова на религію прогресса мы изложимъ ниже, а здѣсь разсмотримъ, что говоритъ вообще о данной проблемѣ Рихардъ. Замѣтимъ только, что между Рихардомъ и Булгаковымъ существуетъ разительное сходство въ томъ, что оба они говорятъ о наукѣ вообще, а въ дѣйствительности имѣютъ въ виду „въ частности" опредѣленную школу. Различіе состоитъ въ томъ, что г. Булгаковъ имѣетъ въ виду „въ частности" историческій матеріализмъ, а Рихардъ въ частности матеріализмъ біологическій. Различіе, впрочемъ, заключается еще въ томъ, что Рихардъ ставитъ ясно вопросъ о необходимости измѣненія методы и задачи науки, т. е. стоитъ за улучшеніе способовъ выполненія задачи, тогда какъ Булгаковъ отказывается отъ компетенціи науки въ данномъ случаѣ, признавая ея неспособность въ разрѣшеніи задачи по самой природѣ науки и задачи.

Какъ же обосновываетъ свой взглядъ Рихардъ? Прежде всего онъ стремится къ болѣе ясной постановкѣ задачи. „Вѣрованія, на которыя опирается поведеніе соціальнаго человѣка (имѣется сталобыть въ виду соціальная мораль), могутъ ли быть основаны на знаніи, которыя онъ имѣетъ о порядкѣ природы? („Наука вообще" и знаніе только „порядка природы"—гносеологическая погрѣшность). Могутъ ли онѣ быть выведены изъ этого знанія? Проблема можетъ быть поставлена и иначе. „Имѣютъ ли вѣрованія, которыя господствуютъ надъ поведеніемъ, какую либо цѣну, если онѣ не имѣютъ точкой опоры знаніе мірового порядка, доказаннаго научными методами?"

[1]) Richard, p. 333. sqq.

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Рихардъ говоритъ, что философія со временъ Аристотеля различаетъ искусства отъ наукъ, полагая, что техника основана на наукѣ. Но при этомъ мыслители полагаютъ, что мораль радикально отличается отъ искусства и прежде всего по своему императиву. Полагаютъ, что мораль имѣетъ свои собственныя условія, что мораль выше космическаго порядка, независима отъ него и что техническія правила являются только вспомогательными средствами для реализаціи нравственнаго порядка. [1]) Тезисъ объ аморалитетѣ науки является отрицаніемъ ея примѣнимости къ управленію поведеніемъ человѣка. Тезисъ этотъ кажется Рихарду содержащимъ „нѣчто парадоксальное“. Кантъ, во имя котораго поддерживается тезисъ о независимости порядка нравственнаго отъ порядка міра (т. е. природы), не исповѣдывалъ въ дѣйствительности этой доктрины или даже исповѣдывалъ доктрину противоположнаго свойства. Въ доказательство Рихардъ ссылается на „критику чистаго разума“ (Рихардъ, стр. 334), что стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ указаніемъ автора на то, что ученые, видящіе основы этики Канта только въ его трудѣ „Критика практическаго разума“, съуживаютъ концепцію Канта по данному вопросу, [2]) ибо по Канту нравственность продуктъ свободы, а свобода составляетъ проявленіе разума, а не воли. Тѣмъ не менѣе Рихардъ считаетъ эмпирическій выводъ о неспособности эволюціонизма дать основы нравственности правильнымъ. Но это, говоритъ онъ, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наука будетъ оставаться статической и пока не станетъ динамической (цѣлый рядъ „динамическихъ“ доктринъ соціологіи остается внѣ разсужденій автора). Поэтому, конечно, эволюціонная мораль страдаетъ крупными недостатками. Иначе, при точкѣ зрѣнія эволюціонизма, и быть не могло. [3]) Понятно также, почему эволюціонизмъ ведетъ къ аморалитету. Такъ это и оправдалось на Ничше, который, будучи послѣдователемъ эволюціонизма, самъ объявилъ себя имморалистомъ. [4]) Въ очень краткихъ (даже слишкомъ краткихъ) чертахъ г. Файгингеръ далъ вполнѣ, по моему, правильный очеркъ характерныхъ свойствъ философіи Ничше. Такъ онъ говоритъ между прочимъ, что эволюція морали привлекала особенное вниманіе Ничше. [5]) Соединивъ дарвинизмъ съ волюнтаризмомъ Шопенгауера, что было нетрудно сдѣлать по формулѣ послѣдняго о власти воли, Ничше усвоилъ себѣ аристократичность чистой идеи Дарвина и потому неизбѣжно пришелъ къ философіи „имморализма“. Глядя въ будущее, онъ исповѣдывалъ философію безжалостнаго отношенія къ настоящему, раздѣляя мораль на этику господъ и этику рабовъ. [6]) Поддержаніе того, что „природой“ назначено къ гибели, было-бы нарушеніемъ устава природы. Нельзя сопротивляться естествен-

[1]) Richard, p. 334. Сравн. статьи Бердяева, Аскольдова и Новгородцева въ „Проблемахъ Идеализма“.

[2]) Richard, p. 346—347.

[3]) Richard, p. 334—336.

[4]) Richard, p. 337.

[5]) Гансъ Файгингеръ, Нитцше какъ философъ. Перев. съ нѣм. Москва 1902 г. стр. 38

[6]) Файгингеръ, op. cit, стр. 53 и слѣд., стр. 68.

ному отбору сильныхъ. [1]) Самый прогрессъ культуры является, по Ничше, результатомъ жестокосердія, властолюбія и эгоизма. [2]) Поэтому необходимо произвести „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей", произведя которую, Ничше „переставляетъ вверхъ ногами всѣ общепризнанные моральные критеріи" и выводитъ свою переоцѣнку изъ закона, гласящаго, что „природа хочетъ права сильнаго". [3]) Если г. Франкъ [4]) въ пространной и весьма интересной, полной глубокихъ мыслей, статьѣ характеризуетъ этическое ученіе Ничше болѣе симпатичными чертами, то это объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что для г. Франка существуетъ „свой Ничше", во-вторыхъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ міровоззрѣніи Ничше существуетъ много колебаній, въ періодъ которыхъ онъ высказывалъ противоположныя заключенія (хотябы, напримѣръ, въ отношеніи къ философіи Шопенгауера у Ничше можно отмѣтить три различныхъ періода), въ третьихъ тѣмъ, что „мятущійся духъ" Ничше заставлялъ его высказывать иногда противоположныя мнѣнія на пространствѣ одного и того-же труда; въ четвертыхъ тѣмъ, что Ничше все-же былъ глубокимъ философомъ, высказывавшимъ очень часто вѣрныя мысли, притомъ въ такой рельефной и выпуклой формѣ, что два ничшеніанца могутъ совсѣмъ не походить другъ на друга, чѣмъ я объясняю, что Ничше господина Франка совсѣмъ не тотъ, который отразился на новомъ воззрѣніи г. Бердяева. [5]) Ничше, напримѣръ, являлся поистинѣ защитникомъ личности въ ея процессѣ съ обществомъ и въ этомъ отношеніи проповѣдывалъ по существу высокую мораль. Такъ въ монографіи Алоиза Риля о Ничше, которую Файгингеръ считаетъ „единственнымъ до сихъ поръ сочиненіемъ, вполнѣ удовлетворительнымъ съ философской точки зрѣнія", говорится по данному вопросу слѣдующее. „Наше время настроено коллективистически и за своими соціальными задачами забываетъ иногда подумать *о цѣнѣ личности*. И, можетъ быть, какъ разъ истинной заслугой Нитцше и является то, что онъ указалъ нашей эпохѣ на опасности, проистекающія изъ слѣпого уравниванія, которое грозитъ измѣльчаніемъ человѣческаго типа". [6]) Въ новѣйшимъ своемъ трудѣ Риль, говоря о Ничше, замѣчаетъ, что имморализмъ Ничше, который, однако, легко понять ошибочно, ибо дѣйствительно „многія положенія Ничше бьютъ дальше цѣли", въ особенности тѣ, которыя относятся къ послѣднему времени и не отвѣчаютъ по своему существу тому, что было имъ сказано раньше (имѣется въ виду вліяніе усилившейся болѣзни послѣдняго времени),—что, говоримъ мы, имморализмъ Ничше включаетъ въ себѣ положенія высокаго этическаго достоинства. Такъ Ничше является страстнымъ противникомъ „уравненія личностей", ибо въ этомъ всеобщемъ равенствѣ содержится

---

[1]) Файгингеръ, стр. 70.
[2]) Файгингеръ, стр. 72 и слѣд.
[3]) Файгингеръ, стр. 74 и слѣд.
[4]) С. Л. Франкъ, Фр. Ницше и этика „любви къ дальнему", Проблемы Идеализма, Москва 1903 г., стр. 137-195.
[5]) Н. Бердяевъ, Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма. Проб. Идеализма, стр. 91-137, passim.
[6]) Файгингеръ, op. cit. стр. 59-60.

неправо противъ неравныхъ. Этой морали равенства, которую онъ называетъ моралью рабовъ (это то-же въ значительной мѣрѣ „свой“ Ницше), онъ и противополагаетъ мораль господъ, мораль неравенства индивидуальныхъ свойствъ, и эта „мораль рассы и привилегій“ относится не къ толпѣ, а къ немногимъ и „избраннымъ“, подымающимся изъ толпы и надъ нею. [1]) Одинъ изъ лучшихъ трудовъ о Ницше, именно трудъ проф. А. Лихтенберже, снабженъ въ русскомъ переводѣ предисловіемъ г. Невѣдомскаго, въ которомъ имѣются крайне интересныя замѣчанія о характерѣ философіи Ницше. Заимствуемъ изъ этихъ замѣчаній слѣдующее, относящееся непосредственно къ разсматриваемому нами вопросу. Ницше, говоритъ г. Невѣдомскій, отрицалъ абсолютность истины, абсолютность и общеобязательность принциповъ морали, онъ старался камень за камнемъ разрушить внутреннюю, тѣснящую наше „я“ стѣну кодексовъ и правилъ морали; хотѣлъ, какъ траву, выкосить все вокругъ нашего „я“, вокругъ нашей личности, чтобы дать ей полный просторъ и свободу, чтобы сдѣлать ее центромъ всей жизни и жизненныхъ задачъ. Этотъ безусловный индивидуализмъ Нитцше, этотъ страстный его антропоцентризмъ, красною нитью проходящій чрезъ все его мышленіе, сказывающійся въ выборѣ, постановкѣ и рѣшеніи всѣхъ практическихъ или этикофилософскихъ проблемъ—и представляетъ собою основную и самую цѣнную особенность его міросозерцанія: именно, благодаря этой особенности, онъ и является такимъ чуткимъ и внимательнымъ „адвокатомъ“ личности въ ея процессѣ съ обществамъ.[2]) Эта „основная особенность“ Ницше также стоитъ въ непосредственной связи съ его эволюціонизмомъ, обстоятельство замѣчаемое также и на философіи Спенсера. У Ницше дѣло идетъ такъ далеко, что онъ не только становится „адвокатомъ“ личности въ ея процессѣ съ обществомъ, а даже только и признаетъ одну сторону, относясь къ другой съ гордымъ презрѣніемъ, горячо протестуя противъ обращенія личности въ „орудіе“, въ функцію, въ органъ *какого-бы то ни было цѣлаго* [3]) Нужно при этомъ замѣтить, что Ницше сознаетъ, что такой крайній индивидуализмъ „невозможенъ“, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ его великимъ. Это приводитъ Ницше къ выводу о безнадежности борьбы противъ требованія „цѣлаго“, предъявляемаго къ личности въ смыслѣ „нравственнаго счета“. Отсюда у Ницше трагизмъ „великаго невозможнаго“. Ницше выражаетъ согласіе „погибнуть на великомъ невозможномъ“, лишь-бы душа вся жила, всею роскошью своихъ силъ и способностей, всею доступною человѣку полнотою жизни. [4]) Объ „этикѣ“ г. Бердяева, на которомъ болѣе всего отразилась данная сторона ученія Ницше, мы поговоримъ ниже, а здѣсь лишь замѣтимъ, что у г. Бердяева „личность—этическій

[1]) A. Riehl, Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart, Leipzig 1903, S. 223-224, 225, (книга вышла въ концѣ 1902 г.).

[2]) Лихтенберже, Философія Нитцше, перев. съ фр. Спб. 1901 г., предисл. стр. LVI и слѣд.; цитирую по книгѣ Струве, На разные темы, стр. 510.

[3]) См. Михайловскаго, Литературныя воспоминанія и современная смута, Спб. 1900 г. т. II, стр. 480 и слѣд

[4]) Михайловскій, Литература и Жизнь. Русск. Богатство 1900 г. № 2, стр. 165. (По поводу книги г. Шестова).

Нарцисъ“ совсѣмъ не стоитъ въ связи съ эволюціонизмомъ, такъ какъ, по совершенно вѣрному замѣчанію г. Михайловскаго, для Бердяева „принципъ эволюціи отравляетъ если не каждую минуту жизни, то по крайней мѣрѣ, тѣ минуты, которыя онъ посвящаетъ служенію абсолютному добру“. [1]) Это сказано послѣ появленія перваго труда г. Бердяева („Субъективизмъ и Индивидуализмъ въ общественной философіи“). Въ новой своей работѣ Бердяевъ утверждаетъ, что эволюціонизмъ проходитъ мимо нравственной проблемы, онъ не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о нравственно *цѣнномъ*, о *должномъ*, (курсивъ автора) и въ концѣ концовъ не возвышается надъ гедонизмомъ. Эволюціонизмъ можетъ только показать, *какъ нравственность* (снова курсивъ автора), т. е. какая-то вѣчная цѣнность, абсолютное долженствованіе, раскрывается въ процессѣ общественнаго развитія, но онъ не имѣетъ никакого права выводить нравственность изъ не-нравственности, изъ ея отсутствія, онъ долженъ предполагать нравственность, какъ *нѣчто данное* до всякой эволюціи и въ ней лишь развертывающееся, но не созидающееся. [2]) Эволюціонизмъ со своей ограниченностью не имѣетъ никакого значенія для этики. [3])

Послѣ всего сказаннаго становится совершенно понятнымъ, что у Ничше имморализмъ дѣйствительно связанъ съ его эволюціонизмомъ. Нужно только замѣтить, что Ничше по своему переработалъ идеи Шопенгауера, почему гедонизмъ послѣдняго чуждъ Ничше, не смотря на страстную его проповѣдь любви къ жизни. Послѣ сказаннаго мы можемъ вернуться къ оставленнымъ нами на время разсужденіямъ Рихарда. Указавъ на анетичность эволюціонизма по самой природѣ послѣдняго, Рихардъ говоритъ, что причину этого понять легко. Эволюціонизмъ формулируетъ теорію, которая имѣетъ только видъ динамическаго ученія, по существу-же является доктриною статической, такъ какъ онъ соподчиняетъ науки динамическія статическимъ. Нравственность же составляетъ совокупность измѣненій, которымъ подвергается личное сознаніе у активнаго члена человѣческаго общества, дошедшее до фазы раціонализма. Нравственность является совокупностью правилъ, наблюденіе которыхъ дѣлаетъ возможными упомянутыя измѣненія. Вотъ почему практическая мораль сливается съ теоріей воспитанія.[4]) Такимъ образомъ статическій эволюціонизмъ требуетъ поправокъ въ смыслѣ признанія законности генетическаго (динамическаго) процесса, а при такомъ положеніи дѣла наука, на почвѣ опыта, служила бы для разъясненія *возможнаго*, а не универсально-реальнаго, т. е. просто статическаго. [5]) Детерменизмъ этимъ не уничтожается, а лишь измѣняется значеніе его. И дѣйствительно-вѣра въ свободу является ничѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ возможности двухъ явленій, различныхъ и противоположныхъ. Но возможность имѣетъ много степеней (мы всегда въ изложеніи своихъ мыс-

---

[1]) Михайловскій, Литература и Жизнь. Русск. Бог. 1901 г. № 9, стр. 179.
[2]) Бердяевъ, Этич. проблема въ свѣтѣ философск. идеализма, Сборн. „Проблемы Идеализма“ стр. 103.
[3]) Бердяевъ, Op. cit. стр. 104.
[4]) Richard, op. cit. p. 337.
[5]) Richard, p. 339.

лей, въ теченіи настоящаго обзора, ставили рядомъ съ понятіемъ „возможности“, понятіе научной „вѣроятности“, какъ высшую степень первой). То, что абстрактно возможно, не всегда доступно реализаціи. Послѣдняя же *разрѣшается на почвѣ опыта.* Авторъ подъ соціальнымъ опытомъ разумѣетъ исключительно опытъ прошлаго, въ чемъ, стало быть, онъ совершенно расходится съ изложеннымъ нами въ началѣ настоящей работы взглядомъ А. Яроцкаго и въ чемъ онъ подкрѣпляетъ наши возраженія противъ этого взгляда.[1]) Но къ области изслѣдованія возможнаго будущаго относится и вполнѣ научно обоснованное примѣненіе математической теоріи вѣроятностей (см. книгу П. Некрасова), что доказывается хотя-бы практическими успѣхами, которые сдѣланы на этой почвѣ въ области страхованія и притомъ не только индивидуальнаго, но и коллективнаго.

Рихардъ еще и съ другой точки зрѣнія предостерегаетъ отъ отождествленія моральной свободы съ научнымъ индетерменизмомъ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ насъ является въ одно и то-же время и личнымъ характеромъ, и моментомъ въ исторіи и потому личность не можетъ стоять внѣ моральной солидарности и окружающей ее цивилизаціи. Воспринимая этимъ извѣстную доктрину Вундта, авторъ присоединяется къ введенію въ соціологію закона „достаточнаго основанія“. Дальнѣйшая цитата изъ труда Рихарда поясняетъ намъ, какъ должна быть связана вся совокупность отстаиваемыхъ имъ идей. Внѣ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, [2]) не законы приспособленія къ физическимъ и экономическимъ условіямъ существованія управляютъ развитіемъ соціальныхъ явленій. Это дѣлаютъ законы познаванія и чувствъ или, если угодно, „законы вѣры“ и желаній. Чѣмъ болѣе разумъ проникаетъ въ психосоціальныя явленія, за счетъ, конечно инстинкта, тѣмъ болѣе историческій детерминизмъ отличается отъ физическаго механизма; *тѣмъ менѣе знаніе прошлаго даетъ возможность предвидѣнія будущаго.* Изъ подчеркнутыхъ нами словъ можно было бы вывести заключеніе, что Рихардъ, въ разрѣзъ съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ раньше, не придаетъ знанію прошлаго значенія „опыта“. Да, если-бы мы оставили эту фразу безъ приведенія сопровождающаго ее контекста. Вотъ что говоритъ авторъ непосредственно за цитириванными уже словами. „Если опытъ прошлаго дѣйствуетъ на наши сужденія тяжестью допущенныхъ ошибокъ, то мы поучаемся изъ исторіи, что мы можемъ очистить опытъ, удалить изъ него постепенно всѣ ошибки, которыя въ прошломъ были допущены и которыя мы можемъ ослабить посредствомъ активнаго воздѣйствія. Мы познаемъ изъ исторіи, что только при условіи удаленія ошибокъ и побѣды надъ внѣшней средой становится возможнымъ прогрессъ и

[1]) Я, къ сожалѣнію, очень поздно познакомился со статьей Анатолія Леруа-Больe („De la méthode des sciences sociales“ въ La Reforme Sociale, г. XXII кн. 1), въ которой подробно трактуется вопросъ о „соціальныхъ опытахъ“ въ смыслѣ, совершенно противоположномъ взгляду г. Яроцкаго и вполнѣ сходно съ высказаннымъ мною мнѣніемъ. Ср. также мнѣніе Бауера: Les Classes sociales, Paris 1902, p. 40—41 sq.

[2]) Richard, p 341.

ослабѣваютъ факторы регресса или остановокъ развитія". Такимъ образомъ подчеркнутыя слова Рихарда должны быть поняты въ томъ смыслѣ, что одно статическое знаніе прошлаго т. е. только феномологическая наука, не въ состояніи дать возможности прогнозовъ, но что послѣдніе вполнѣ доступны для науки критической.

На этой мысли я заканчиваю изложеніе труда Рихарда (остающихся нѣсколько страницъ этого сочиненія уже не имѣютъ прямого отношенія къ занимающей насъ темѣ). Но эта же мысль приводитъ насъ къ окончательному заключенію о значеніи всей аргументаціи г. Булгакова, направленной для оправданія тезиса о томъ, что наука не то что фактически не умѣла дѣлать предсказанія будущаго, но что она по природѣ къ этому неспособна. Аргументація г. Булгакова правильна лишь по стольку, по скольку она относится къ описательной соціологіи, а не конструктивной, т. е. не къ соціологіи вообще, ибо первая не является истинной соціологіей. А что г. Булгаковъ имѣетъ въ виду исключительно соціологію описательную, видно изъ того, что онъ опредѣляетъ соціологію, какъ „науку о законахъ сосуществованія и развитія соціальныхъ явленій",[1]) тогда какъ соціологія включаетъ въ себѣ, какъ это уже неоднократно нами отмѣчено, и изученіе явленій соціальнаго долженствованія.

V.

Какъ бы то ни было, признавъ банкротство науки въ дѣлѣ соціальныхъ прогнозовъ (къ каковому вопросу мы нѣсколько позже еще вернемся), г. Булгаковъ считается съ вопросамъ уже не о „наукѣ прогресса", а о „религіи прогресса". Субъектомъ безконечнаго прогресса, говоритъ онъ, [2]) является человѣчество, которое вполнѣ играетъ роль божества въ религіи прогресса. Это въ особенности вѣрно для основателя соціологіи Огюста Конта. [3]) Почему-же, спрашиваетъ г. Булгаковъ, обожествляется именно человѣчество, почему этотъ субъектъ надѣляется свойствами божества, прежде всего вѣчностью или по крайней мѣрѣ безсмертіемъ, совершенствомъ, абсолютностью (ибо, прибавляетъ въ парантезѣ Булгаковъ, лишь при наличности этихъ свойствъ и возможно религіозное отношеніе)? Ибо, говоритъ г. Булгаковъ, видѣть высшую и послѣднюю цѣль бытія въ преходящемъ и случайномъ существованіи невыносимо для человѣка. Человѣкъ смертенъ, человѣчество безсмертно; человѣкъ ограниченъ, человѣчество обладаетъ способностью къ безконечному развитію. Живя для другихъ, человѣкъ побѣждаетъ жало смерти и сливается съ вѣчностью. [4]) По скольку авторъ говоритъ о „цѣли бытія", мы имѣемъ дѣло не съ наукой, не съ метафизикой и даже не съ религіей, а съ тѣмъ, что иногда называютъ религіей, но что является ея извращеніемъ—съ мистикой,—а потому критикѣ здѣсь дѣлать

---

[1]) Булгаковъ, Основныя проблемы теоріи прогресса, стр. 12—13.

[2]) Булгаковъ, op. cit. стр. 17.

[3]) См. III томъ его „Курса". Ср. статью А. С. Лаппо-Данилевскаго, Основные принципы соціологической доктрины О. Конта, Сборн. „Проблемы Идеализма", особ. стр. 481.

[4]) Булгаковъ, op. cit., стр. 18.

нечего. Поэтому я перехожу къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ автора, не дѣлая по поводу приведенной цитаты никакихъ другихъ замѣчаній. „Но что-же такое это человѣчество, говоритъ Булгаковъ, и отличается ли оно своими свойствами отъ человѣка? Нѣтъ, оно ничѣмъ отъ него не отличается, оно представляетъ *просто большое, неопредѣленное количество людей*, со всѣми людскими свойствами и такъ же мало получаетъ новыхъ качествъ въ своей природѣ, какъ куча камней или зерна по сравненію съ каждымъ отдѣльнымъ камнемъ и зерномъ. То, что позитивизмъ называетъ человѣчествомъ,— есть повтореніе на неопредѣленномъ пространствѣ и времени и неопредѣленное количество разъ насъ самихъ со всею нашею слабостью и ограниченностью". Имѣетъ наша жизнь абсолютный смыслъ, цѣну и задачу, ее имѣетъ и человѣчество, нѣтъ—то также безсмысленны и судьбы человѣчества. Обожествленіемъ человѣчества позитивизмъ впадаетъ въ логическій фетишизмъ, не лучше простого идолопоклонства, ибо мертвому, нами созданному объекту, приписываетъ черты живого Бога. [1]) Изъ всей означенной цитаты мы можемъ согласиться только съ положеніемъ о томъ, что смыслъ и значеніе человѣчества имѣетъ значеніе лишь въ связи со смысломъ и значеніемъ его для человѣка, но для каждаго человѣка, т. е. въ томъ числѣ и человѣка для человѣчества. Что же касается всѣхъ остальныхъ утвержденій автора по данному предмету, то въ томъ видѣ, какъ они имъ изложены, они приняты быть не могутъ. Разсмотримъ эти положенія, начиная съ перваго и основнаго.

Человѣчество, говоритъ Булгаковъ, *ничѣмъ* не отличается отъ человѣка, оно представляетъ просто большое, неопредѣленное количество людей и такъ же мало получаетъ новыхъ качествъ *въ своей природѣ*, какъ куча камней или зерна по сравненію съ каждымъ отдѣльнымъ камнемъ и зерномъ. Зачѣмъ-же „по своей природѣ"? По своей природѣ многое въ свѣтѣ одинаково, это признаютъ даже и не монисты, а между тѣмъ качественно явленія различны и даже свѣденіе качества къ количеству незаконно. Примѣръ съ кучей камней и зеренъ напоминаетъ тождественный примѣръ Спенсера, служащій у него для обоснованія мысли, что характеръ цѣлаго опредѣляется характеромъ составляющихъ его единицъ и что „однимъ словомъ, основываясь на данныхъ физики и химіи, можно положительно утверждать, что во всѣхъ явленіяхъ, представляемыхъ *неодушевленной матеріей*, природа единицъ *обусловливаетъ* извѣстное строеніе аггрегатовъ этихъ единицъ". [2]) То-же самое Спенсеръ считаетъ вѣрнымъ и для аггрегатовъ органической матеріи, въ которыхъ замѣчается „тотъ всеобщій фактъ, что единицы, изъ которыхъ состоятъ зародыши въ растительномъ и животномъ царствѣ, имѣютъ наклонность къ родовому типу аггрегаціи". „Та-же самая истина, говоритъ Спенсеръ, выражается, болѣе или менѣе опредѣленно, и въ соціальныхъ аггрегатахъ, въ какіе соединяются низшія животныя" и въ

[1]) Булгаковъ, стр. 19—20.

[2]) Спенсеръ, Соціологія, какъ предметъ изученія, перев. съ англ. Спб. 1896 г. стр. 44—45.

это обобщеніе должны быть включены и аггрегаціи людей. [1]) „Обобщеніе“ свое Спенсеръ развиваетъ иначе, нежели Булгаковъ и ведетъ оно у него для обоснованія совершенно иной идеи—именно органическаго характера общества. Но по существу своему заключеніе Булгакова не отличается отъ „обобщенія“ Спенсера: характеръ цѣлаго не отличается отъ характера составляющихъ его единицъ. Замѣтимъ, однако, что Спенсеръ значительно осторожнѣе Булгакова, ибо послѣдній рѣшительно объявляетъ, что человѣчество качественно *ничѣмъ* не отличается отъ человѣка, а представляется просто многократнымъ повтореніемъ его, тогда какъ Спенсеръ говоритъ о „наклонности“ къ родовому типу аггрегаціи для міра единицъ растительнаго и животнаго царства, и что выраженіе той-же истины „болѣе или менѣе опредѣленно“ и въ соціальныхъ аггрегатахъ. Если Спенсеръ, исповѣдуя эволюціонную теорію, можетъ такъ разсуждать, т. е. не отличать органическаго міра отъ неорганическаго и затѣмъ не отличать отъ обоихъ первыхъ міръ надъ-органическій, то вѣдь Спенсеръ монистъ и сводитъ все къ единой для всего космоса формулѣ эволюціи. Этой формулы не раздѣляетъ г. Булгаковъ и для него подобная постановка вопроса и указанное его разрѣшеніе незаконны. Органическому и эволюціонному ученію Спенсера я посвятилъ особый трудъ, въ которомъ, между прочимъ, коснулся и тезиса его о зависимости характера цѣлаго отъ характера составляющихъ его единицъ. Замѣчу еще, что этого взгляда не раздѣляетъ, и совершенно основательно, Рихардъ, какъ это видно было изъ изложеннаго мною выше, а затѣмъ Спенсеръ довольно осторожно говоритъ, что характеръ единицъ „обусловливаетъ“ характеръ цѣлаго, что далеко, и очень далеко, не обозначаетъ тождества единицъ и составляемаго ими аггрегата. А у Булгакова рѣчь идетъ именно о тождествѣ. Разница обоихъ взглядовъ легко опредѣлится, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, въ химическомъ синтезѣ характеръ, т. е. качества сложнаго тѣла, дѣйствительно обусловливается характеромъ входящихъ въ соединеніе тѣлъ (хотя, напримѣръ въ случаѣ катализа мы имѣемъ и нѣчто новое, когда процессъ идетъ иначе, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать отъ свойствъ однихъ только тѣлъ, входящихъ въ соединеніе), но что качества химически-сложнаго тѣла иногда совершенно отличны отъ качествъ составляющихъ его единицъ, пока оно снова на эти единицы не разложено. Приведу еще слѣдующія слова Томаса Гексли: „при химическомъ синтезѣ независимые элементы постепенно сочетаются въ сложные аггрегаты, гдѣ каждый элементъ сохраняетъ свою независимую индивидуальность, хотя и остается въ подчиненіи къ цѣлому“ [2])

Само собой разумѣется, что мнѣ не приходится вновь говорить по поводу вышеприведеннаго „обобщенія“ Спенсера все то, что мною уже было о немъ сказано въ другомъ мѣстѣ,[3]) въ связи съ взглядами Сигеле и критикой послѣднихъ со стороны Оболенскаго, но повторю только

[1]) Спенсеръ, op. cit., стр. 45—51.

[2]) См. Гальперина, Органическая теорія строенія и развитія общества, стр. 83—84.

[3]) Гальперинъ, op. cit., стр. 90—93.

вѣрное замѣчаніе послѣдняго, которое упустилъ изъ виду г. Булгаковъ. Соціальныя группы, говоритъ г. Оболенскій, слагаются изъ однородныхъ величинъ въ смыслѣ антропологическомъ, но въ смыслѣ психическихъ, культурныхъ и т. п. величинъ „слагаемыя“ этихъ группъ крайне разнородны. Въ силу этой разнородности Ничше, какъ мы видѣли, протестуетъ противъ „уравниванія“, а г. Булгаковъ, будучи сторонникомъ индивидуализма, говоритъ, что человѣчество является просто многократнымъ повтореніемъ человѣка. Какъ будто люди живутъ только другъ подлѣ друга, не вліяя одинъ на другого, какъ будто человѣчество, какъ соціальная величина, не столько качественно отлична отъ человѣка, что сама вліяетъ на разнородность отдѣльныхъ людей, въ смыслѣ психическихъ, культурныхъ и т. п. единицъ. Психологія „одного“ и „психологіи двухъ“ уже качественно различны и если такъ называемая психологія толпы и страдаетъ многими недостатками, то въ общемъ заключеніе о томъ, что толпа психологически не сходна съ составляющими ее единицами, совершенно вѣрно. Въ отчетномъ году это утвержденіе съ новою силой отстаивается сторонниками „соціальной психологіи“. Мы уже говорили о взглядахъ Рихарда, а теперь укажемъ на труды Тарда и Бурдо.[1]) Хотя оба труда появились въ оригиналѣ въ 1901 году, но ихъ русскіе переводы вышли изъ печати въ разсматриваемомъ нами году. Взглядовъ Торда я не привожу-они давно извѣстны читателямъ, да и въ обзорѣ литературы за 1901 г. я подробно изложилъ содержаніе статьи Тарда объ интерментальной психологіи.[2]) Лишь въ интересахъ полноты изложенія я приведу одну цитату изъ труда Тарда „Общественное мнѣніе и толпа“. Отстаивая положеніе, что въ твореніяхъ генія все индивидуально, каковое положеніе въ данной категоричности весьма спорно, Тардъ говоритъ слѣдующее. „Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что въ то время, какъ въ нравственномъ отношеніи группы способны къ двумъ противоположнымъ крайностямъ, крайней преступности и порою къ высшему героизму,—въ смыслѣ интеллектуальномъ мы не наблюдаемъ того же явленія. Масса можетъ опуститься до такой степени безумія или отупѣнія, какія невѣдомы индивидууму, взятому въ отдѣльности; и въ то же время масса лишена возможности подняться до высшаго развитія творческаго ума и воображенія. Въ нравственномъ отношеніи массы могутъ падать очень низко и подыматься очень высоко... Если намъ извѣстны случаи коллективныхъ злодѣяній, на которыя былъ бы неспособенъ индивидуумъ,.... то, съ другой стороны, мы знаемъ и о проявленіяхъ коллективнаго героизма, въ которыхъ индивидуумъ возвышается надъ самимъ собою“.[2]) Какъ далеки эти слова отъ характеристики толпы со стороны приверженца „соціологіи человѣка-звѣря“ Лебона!

Коллективная психологія, впервые поставленная на научную почву еще Штейнталлемъ и Лацарусомъ, въ первое время не поль-

---

[1]) Тардъ, Обществен. мнѣніе и толпа. Переводъ подъ ред. Когана, Москва 1902 г. Бурдо, Вопросъ о жизни. Переводъ съ фр Спб. 1902. г.

[2]) Тардъ, Обществен. мнѣніе и толпа, стр. 144. Въ оригиналѣ: Tarde, L'Opinion et la Foule, Paris 1901, p. 162. О геніѣ см. интересныя замѣчанія у Бальдуина: Введеніе въ психологію, перев. съ англ. Москва 1902 г. стр. 160 и слѣд.

зовалась значительными успѣхами и даже, въ видѣ реакціи противъ ученія о „національномъ духѣ“,—встрѣчала прямое противодѣйствіе въ наукѣ. Увлеченіе естественными науками во вторую половину XIX вѣка заставило западно-европейскую науку до начала девятидесятыхъ годовъ совершенно игнорировать эту новую дисциплину. Труды г. Михайловскаго („Герои и толпа“, „Письма къ ученымъ людямъ“ и т. п.) оставались неизвѣстными Габріелю Тарду, когда онъ въ 1892 г. поднялъ на съѣздѣ криминалистовъ вопросъ о преступной толпѣ. Вскорѣ изученіе соціальной психологіи привлекло вниманіе многихъ ученыхъ (Лебонъ, Сигеле и др.) все еще остававшихся на почвѣ изученія психологіи толпы. Вскорѣ Сигеле къ этому присоединилъ изученіе сектъ съ точки зрѣнія соціальной психологіи, а затѣмъ Тардъ и Бальдуинъ ввели въ среду изученія и психологію интерментальную, „психологію двухъ, трехъ“ и т. д. Наконецъ въ 1901 г. къ этому были присоединены психологическія данныя изъ отношеній новаго порядка—разсѣяннаго цѣлаго, публики. Оставляя въ сторонѣ ошибки различныхъ представителей „соціальной психологіи“, вродѣ сложенія и вычитанія психическихъ величинъ, тенденціи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ органицизму, односторонностей въ характеристикѣ толпы и т. п., — можно все же вывести одно заключеніе, сущность котораго сводится къ слѣдующему. Аггрегатъ несомнѣнно обусловливается характеромъ своихъ составныхъ единицъ. Этимъ опредѣляются различія въ собирательныхъ цѣлыхъ (лѣсъ, стадо животныхъ, различныя группы людей), но собирательное цѣлое даетъ и нѣчто новое, отражающееся на измѣненіи качества составныхъ частей. Даже различныя собирательныя цѣлыя одного порядка проявляютъ различныя по качеству психологическія черты. Психологическій характеръ толпы отличается отъ характера секты, а характеръ публики отличенъ отъ нихъ обоихъ. Самыя составныя части этихъ различныхъ аггрегатовъ претерпѣваютъ качественныя (съ точки зрѣнія проявленія психики) измѣненія въ зависимости отъ того, членомъ какого цѣлаго они являются. Есть люди которые никогда не бываютъ „членами толпы“, въ томъ смыслѣ, что они и въ толпѣ ведутъ себя индивидуально; но тѣ-же люди совершенно иначе ведутъ себя (психологически) какъ члены секты, партіи. Рудинъ былъ въ высшей степени „личность“, а погибъ въ „толпѣ“. Словомъ, „соединеніе особей въ агрегаты, каково бы ни было его происхожденіе, развиваетъ въ особяхъ новыя качества, какъ продуктъ совмѣстной жизни“. [1]) Жизнь соціальная, конечно, обусловлена характеромъ составныхъ частей общества и потому, напримѣръ, вполнѣ законно изученіе характера первобытной общественной жизни и на почвѣ изученія идей и чувствъ первобытнаго человѣка, но жизнь соціальная есть жизнъ надъ-органическая и потому мы здѣсь встрѣчаемъ новыя черты, которыя не должны быть упускаемы изъ виду при изученіи общества и потому же, не считая множества другихъ основаній, общество не должно быть смѣшиваемо съ организмомъ. Такое смѣшеніе, однако, часто наблюдается въ наукѣ и, что всего удивительнѣе, сторонниками качественнаго отличія между аггрегатомъ и

[1]) Карѣевъ, основные вопросы филос. исторіи. Москва 1883 г., т. II стр. 315.

составляющими его единицами. Отличіе качества изучаемаго объекта должно вести и къ отличію самой дисциплины, изучающей объектъ, иначе, т. е при такомъ монизмѣ, должна быть уничтожена самая классификація наукъ и принципомъ ея должно служить не качество изучаемаго объекта, а степень проявленія въ немъ одного и того же основнаго начала. Но тогда это уже будетъ не классификація, а „градація“ наукъ.

Всѣ послѣднія замѣчанія нужно имѣть въ виду при разсмотрѣніи точки зрѣнія на интересующій насъ предметъ недавно умершаго престарѣлаго французскаго ученаго Луи Бурдо. Будучи сторонникомъ „міроваго всеобщаго психизма“, [1]) еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Ренувріе, авторъ является въ тоже время не только органицистомъ въ извѣстной уже наукѣ формѣ, но даже „панъ-органицистомъ“: у него являются своего рода организмами не только общество и все человѣчество, но и земля и вся солнечная система и даже весь космосъ, и всѣ эти „организмы“ надѣлены „душами“, только понимаемыми иначе, нежели душа органическаго существа. Не излагая здѣсь подробностей міровоззрѣнія автора, мы полагаемъ нужнымъ выдѣлить изъ всего ученія его взглядъ на интересующій насъ въ данное время предметъ. По мѣрѣ того, говоритъ Бурдо, [2]) какъ въ іерархическомъ ряду соединяются во все болѣе сложные аггрегаты элементы, все болѣе и болѣе многочисленные и разнообразные,существа растутъ въ своей величинѣ, становятся болѣе долговѣчными и болѣе могущественными Новыя составныя силы опредѣляютъ для нихъ особаго рода дѣятельность, другія соотношенія отправленій. Уже по одному только, что отдѣльные элементы вступили во взаимное отношеніе,... необходимо возникаетъ *новое* состояніе. являются потребности собирательной и сосредоточенной дѣятельности... въ аггрегатѣ появляются тогда дѣйствія и способности, *которыхъ небыло замѣтно въ элементахъ*. Сила не выросла только количественно, но *перемѣнилась* и какъ бы преобразилась. Здѣсь происходитъ нѣчто аналогичное тому, что наблюдается въ космическихъ соединеніяхъ, гдѣ соединившіяся тѣла повидимому исчезаютъ со всѣми ихъ особенными свойствами и вмѣсто нихъ возникаетъ нѣчто новое, свойства котораго отличаются отъ свойствъ составныхъ его частей, хотя на самомъ дѣлѣ эти свойства лишь равнодѣйствующая, возникшая отъ ихъ соединенія“. Конечно, только „нѣчто аналогичное“, потому что въ обществѣ свойства частей не исчезаютъ, хотя и есть нѣчто новое и еще потому, что соціальная сегрегація не можетъ быть уподоблена ни разложенію химически сложнаго тѣла, ни смерти организма.

О толпѣ Бурдо говоритъ, что она „не составляетъ настоящаго аггрегата и остается въ состояніи неопредѣленнаго скопленія неорганическаго и аморфнаго сброда“.[3]) Иногда, однако, и въ толпѣ происходитъ временное сближеніе и тогда возникаютъ особыя явле-

[1]) Бурдо, Вопросъ о жизни. Перев. съ фр. Спб. 1901 г., passim и въ особ. стр. 211 и слѣд.

[2]) Бурдо, l. cit стр 205.

[3]) Бурдо, стр 76 Въ подлинникѣ не „сброда“, а „шумнаго собранія“, безпорядочная группа: cohue. L. Bourdeau, Le Problème de la Vie, Paris 1901, p 95.

нія симбіоза, представляющія хотя и дѣйствія личностей, но отличающіяся отъ обычныхъ и превосходящія ихъ. Тогда кажется, что толпа самопроизвольно организуется, составляетъ какъ бы нѣкоторое „тѣло“, одушевленное однимъ духомъ. Не смотря на случайность группировки, она не является одной только суммой соединенныхъ индивидовъ (слова подлинника il n'est pas seulement une somme d'individus réunis переданы переводчикомъ неправильно: „она оказывается не только суммой соединенныхъ индивидовъ“), но въ ней осуществляется особая индивидуальность составляющихъ ее существъ, какъ химическое соединеніе отличается отъ своихъ составныхъ частей.... Составныя части дѣйствуютъ другъ на друга, видоизмѣняются и взаимно подкрѣпляются, сливаясь вмѣстѣ. [1]) Начатое недавно, продолжаетъ Бурдо, изученіе психологіи толпы обнаруживаетъ глубокія измѣненія, которымъ подвергается въ этомъ случаѣ индивидуальная психологія, вслѣдствіе взаимнаго внушенія и совмѣстнаго увлеченія... Однородность (въ русскомъ переводѣ прибавлены слова „въ сборищѣ“; выходитъ—въ сборищѣ односторонность беретъ верхъ и т. д.) беретъ верхъ надъ разнородностью элементовъ и заставляетъ ихъ сообща совершать то, что отдѣльно и хладнокровно не могъ-бы совершить каждый. Въ группѣ.. отдѣльныя существа какъ бы приподняты и увлечены общимъ настроеніемъ и тогда достаточно какого нибудь жеста..., крика, чтобы, смотря по случаю, заставить ихъ совершить геройскіе подвиги или ужасныя злодѣйства, которымъ завтра они же первые будутъ удивляться. [2]) Примѣры того и другого рода поступковъ толпы можно найти у многихъ авторовъ, между прочимъ у Михайловскаго, [3]) Кржывицкаго [4]) и др. У Сигеле нечего искать примѣровъ разнаго рода, потому что съ его точки зрѣнія, въ высшей степени ошибочной, „вслѣдствіе ариѳметическаго закона психологіи“, толпа предрасположена къ злу болѣе, чѣмъ къ добру. [5])

Послѣ всего сказаннаго, мнѣ кажется, можетъ быть отвергнуто мнѣніе г. Булгакова объ отсутствіи отличія между человѣкомъ и человѣчествомъ, кромѣ разницы въ степени, т. е. что человѣчество составляетъ лишь явленіе много разъ повторенной человѣческой личности. Конечно, должно быть отвергнуто и заключеніе Бурдо о томъ, что „человѣчество“ является организмомъ [6]), и признаніе реальности общества не ведетъ къ преувеличенію значенія этой реальности вплоть до доведенія его до степени организма. Лучше всего это видно на примѣрѣ Тарда, который, признавая реальность общества, является однимъ изъ самыхъ видныхъ критиковъ органицизма. Бурдо заканчиваетъ свои разсужденія о человѣчествѣ заявленіемъ о необходимости „почтенія“ къ нему, но не въ смыслѣ фетишисткаго „поклоненія“ Огюста Конта, хотя и въ формѣ религіознаго почтенія къ

[1]) Бурдо, стр. 77 русск. перевода, стр 92-93 оригинала.
[2]) Бурдо, стр. 78.
[3]) Михайловскій. Герои и толпа. Собр. сочин. т. VI, изд. 1885 г., стр. 280 и слѣд., 293 и друг.
[4]) Л. Кржывицкій. Человѣкъ и общество. Научн. Обозр. 1898 г. № 9, стр. 1502 и слѣд.
[5]) Сигеле. Преступная толпа, Спб. 1893 (перев. съ франц.), стр. 43, 41 и др.
[6]) Бурдо, op. cit. стр. 96 и слѣд.

„таинственному существу“, одушевляющему собирательный организмъ человѣчества.[1]) Эти слова возвращаютъ насъ къ замѣчаніямъ г. Булгакова о религіи прогресса, божествомъ которой является человѣчество. Мы видѣли, что въ первой части разсужденія Булгакова много погрѣшностей, но мы сказали раньше также, что въ указаніи автора на то, что человѣчество не можетъ служить религіей прогресса, содержится вѣрная мысль, потому что „нѣтъ Бога, кромѣ Бога“ и потому абсолютизмъ объекта религіозной вѣры требуетъ выключенія понятія „человѣчества“ изъ понятія, составляющаго объектъ религіи. Кромѣ человѣчества имѣетъ „смыслъ, цѣну и значеніе“ человѣкъ и даже болѣе того, въ этомъ отношеніи г. Булгаковъ совершенно правъ, сама цѣна человѣчества имѣетъ значеніе лишь въ видахъ цѣны человѣка. Поэтому, въ окончательномъ выводѣ, дѣло должно быть переведено на иную почву, на почву этики, которая должна въ себѣ наивысшимъ образомъ объединять и „любовь къ дальнимъ“ (человѣчеству) и „любовь къ ближнимъ“ (человѣку). Какъ и въ болѣе раннихъ своихъ трудахъ, такъ и въ этомъ, я лишь намѣчаю принципы этической стороны соціологіи. Это я дѣлаю потому, что важность вопроса требуетъ самостоятельнаго изслѣдованія, каковому не можетъ быть мѣста ни въ „обзорѣ“, ни въ трудахъ, посвященныхъ какимъ либо спеціальнымъ вопросамъ соціологіи.

Принимая во вниманіе все сказанное о разсужденіяхъ г. Булгакова о религіи прогресса, мы считаемъ возможнымъ не слѣдить за дальнѣйшей аргументаціей его по данному вопросу и всецѣло присоединяемся къ его заключительному тезису о томъ, что позитивизмъ, стремясь къ положительному знанію, по самой природѣ своей не могъ дать религіи прогресса и что, пожелавъ выработать таковую, позитивизмъ кончаетъ суевѣріемъ. [2])

Послѣ изложеннаго г. Булгаковъ возвращается къ наукѣ прогресса и задается вопросомъ объ объектѣ послѣдняго. Въ чемъ, говоритъ онъ, выражается безконечный прогрессъ человѣчества? На этотъ вопросъ давались и даются различные отвѣты. Такъ прежде всего такимъ объектомъ ставится возможно большій ростъ счастія возможно большаго числа лицъ. [3]) Эту точку зрѣнія Булгаковъ считаетъ этически самой грубой и главнымъ образомъ потому, что для этого эвдемоническаго принципа не можетъ быть найденъ масштабъ. Уже одно то, что въ различныхъ случаяхъ міровой балансъ подводится различно, то съ плюсомъ, то съ минусомъ, свидѣтельствуетъ о сомнительности подобной ариѳметики. Эта затруднительность подвести *точный балансъ* объясняется невозможностью найти единицу для измѣренія радости и горя, ибо мы въ каждомъ изъ этихъ состояній имѣемъ нѣчто индивидуальное, опредѣленное не количественно, а качественно, такъ что измѣреніе здѣсь непримѣнимо. Кромѣ того авторъ считаетъ соціальный эвдемонизмъ въ сущности эпикуреизмомъ и низменнымъ по своему основанію, именно преднамѣренности

[1]) Бурдо, стр. 106.
[2]) Булгаковъ, op. cit. стр. 21.
[3]) Булгаковъ, стр. 22.

его съ одной стороны и съ другой-потому, что для человѣка „нравственная жизнь безъ борьбы и страданій невозможна“. Крестъ, по мнѣнію автора,—есть символъ страданія и освященія... и счастья. [1])

Если формула „возможно большій ростъ счастія возможно большаго числа лицъ“ не возбуждаетъ другихъ возраженій (Бердяевъ, напримѣръ, въ сущности не противникъ этой формулы, онъ только вкладываетъ въ свой „этическій универсализмъ“ иное содержаніе), то выводъ автора о грубой ошибочности и низменности ея (формулы) должно признать необоснованнымъ. Дѣло въ томъ, что качественныя явленія дѣйствительно не могутъ быть измѣрены „числомъ или временемъ“ (Булгаковъ, стр. 22), потому что не можетъ быть такой единицы времени (такого-же рода замѣчанія сдѣланы г. Челпановымъ въ отношеніи къ измѣренію явленій психическаго міра, какъ это будетъ указано во второй части этой работы), но изъ тезиса „недоступно *точному* измѣренію“ можетъ быть, безъ погрѣшностей противъ логики, выведено только заключеніе о томъ, что балансъ не можетъ быть точнымъ, но отнюдь не о томъ, что его вообще не можетъ быть или даже о томъ, что „счастіе“ вообще не имѣетъ верховнаго принципа, т. е. не доступно измѣренію. Конечно, крестъ есть символъ страданія, но я не напрасно поставилъ послѣ точекъ слова „и счастія“, которыхъ не содержится у г. Булгакова. Несущій свой крестъ не попутно, а преднамѣренно, испытываетъ физически страданія, но этически счастливъ, и навѣрное Христосъ на крестѣ, зная, что искупилъ вину человѣчества, былъ, страдая, счастливѣй всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ его распятію и наслаждался „земными страданіями“ Сына Божія.

Г. Булгаковъ не признаетъ и значенія верховнаго принципа за *состраданіемъ*, которое, по его мнѣнію, является одной изъ формъ нравственной жизни и дѣятельной любви (иначе—у Ничше), но которое неправильно, какъ это напримѣръ дѣлалъ Шапенгауеръ, считать единственною добродѣтелью. Можетъ показаться, говоритъ Булгаковъ, что устраненіе страданій, какъ таковыхъ, и есть настоящая, главная цѣль нравственной дѣятельности. Но дѣло въ томъ, что не всякое страданіе заслуживаетъ участія. Не заслуживаетъ его, напримѣръ, страданіе ростовщика, лишившагося возможности взыскать лихвенные проценты. Отсюда выясняется, что состраданіе само стоитъ подъ контролемъ высшаго начала, а потому состраданіе является началомъ подчиненнымъ. [2]) Послѣднее замѣчаніе совершенно справедливо, но въ ходъ разсужденій автора должны быть внесены поправки. Во-первыхъ, говоря кратко, здѣсь вопросъ переносится уже на иную почву: говорится не о состраданіи вообще, а о „дѣятельномъ сочувствіи“ и притомъ по схемѣ „какъ облегчить страданія“, а не вообще „облегчить-ли“. Во-вторыхъ два слова о примѣрѣ съ ростовщикомъ. Люди даже дѣлаютъ болѣе, чѣмъ говоритъ г. Булгаковъ, они борются съ ростовщиками. Но борьба не исключаетъ состраданія, если къ борьбѣ не примѣшивается, ничего не имѣющая общаго съ этикой, личная злоба, месть и т. п. Борясь съ преступни-

[1]) Булгаковъ, стр. 23.
[2]) Булгаковъ, стр. 23—24.

ками. люди употребляютъ противъ нихъ даже принудительныя мѣры и все-же къ этому властно примѣшивается чувство, заставляющее считать несущихъ наказаніе преступниковъ „несчастненькими“. И ростовщикъ заслуживаетъ состраданія, ибо, потерявъ „образъ Божій“, онъ, въ сущности, несчастенъ въ своей ослѣпляющей его страсти.. Нѣтъ, г. Булгаковъ, нужно быть добрымъ, потому что... просто нужно быть добрымъ. Доброта не нуждается въ оправданіи, она сама себѣ оправданіе. А какъ-же „борьба“ съ ростовщикомъ? Она вытекаетъ изъ того-же принципа, ибо объектами растовщической эксплуатаціи являются люди-же. По этому принципъ „непротивленія злу“ лежитъ за предѣлами этики.

Отрицаетъ г. Булгаковъ и эвдемонизмъ экономическій, [1]) заключающійся въ ростѣ потребностей, а, слѣдовательно, и удовольствій отъ ихъ удовлетворенія. Это принятіе во вниманіе исключительно чувственныхъ потребностей и удовлетворенія ихъ Булгаковъ считаетъ языческой и вполнѣ противонравственной точкой зрѣнія и, конечно, правъ, по сколько рѣчь идетъ о подобной исключительности и по скольку при этомъ „ростъ нравственныхъ и чувственныхъ потребностей“ можетъ отставать другъ отъ друга и другъ отъ друга отдѣляться. Буржуазнымъ, по мнѣнію Булгакова, является „и ученіе о классовыхъ интересахъ и о классовой борьбѣ, классовомъ эгоизмѣ и классовой солидарности, если разсматривать классовую борьбу не какъ случайное историческое средство для достиженія высшей этической цѣли, а какъ вполнѣ самостоятельный этическій элементъ“. Это потому, что „съ этической точки зрѣнія обѣ борющіяся партіи равны между собой, поскольку ими руководятъ не этическій и религіозный энтузіазмъ, а чисто эгоистическія цѣли“...[2])

Всѣ приведенныя разсужденія приводятъ Булгакова съ выводу, что эвдемоническій принципъ несовмѣстимъ съ нравственностью, ибо „страданія однихъ поколѣній являются мостомъ къ счастію другихъ“ (крестъ?) „Съ другой стороны, заключаетъ авторъ, какую этическую цѣнность представляетъ это будущее счастье, купленное чужимъ потомъ и кровью, можетъ-ли быть чѣмъ нибудь оправдана такая цѣна прогресса и этого счастія? Наши потомки представляются вампирами, питающимися нашей кровью. Строить свое счастье на несчастьи другихъ во всякомъ случаѣ безнравственно, и воззрѣніе, оправдывающее такой образъ дѣйствій, хотя бы и касательно будущаго поколѣнія, тоже безнравственно“. [3]) Сказано очень сильно, но продумано совсѣмъ не сильно. Вспомнимъ хотя-бы счастье отъ страданія на крестѣ и догму „возлюби ближняго, какъ самаго себя“, выше чего еще стоитъ требованіе о „положеніи живота своего“ за другихъ. Оправданіе цѣны прогресса? Но нравственность сама себѣ оправданіе, на то она и „категорическій императивъ.“ Это такъ сильно (мѣстами даже слишкомъ сильно) доказывается сотрудниками г. Булгакова по Сборнику „Проблемы Идеализма,“ что не

[1]) Булгаковъ, стр. 24—25.
[2]) Булгаковъ, стр. 25—26.
[3]) Булгаковъ, стр. 26.

мнѣ приходится указывать на эту сторону дѣла. Я только несогласенъ съ раздѣленіемъ „любви“ и перенесеніемъ ея то только на дальнихъ („призраки“ и „сверхлюди“ Ничше въ переработкѣ г. Франка, „обращеніе отъ настоящаго къ неяснымъ перепективомъ будущаго“ г. Новгородцева), то только на ближнихъ и даже на саморазвивающуюся личностъ („протестъ во имя суверенаго „я“, „несклоненіе человѣкомъ своей гордой головы ни передъ чѣмъ, кромѣ своего же собственнаго идеала совершенства“ г. Бердяева [1]) вмѣстѣ съ его „возвышеніемъ надъ обыденнымъ пониманіемъ долга“).

Чтобы закончить съ первою, критическою, частью труда г. Булгакова, скажемъ еще, что его не совсѣмъ удовлетворяетъ и ученіе объ *усовершенствованіи человѣчества*, какъ цѣли прогресса. [2]) Считая этотъ идеалъ выше эвдемонизма, онъ заявляетъ, что попытка его обоснованія съ точки зрѣнія позитивизма ведетъ къ большимъ трудностямъ. Утвержденіе это доказывается весьма просто, но и весьма убѣдительно. Говорить объ усовершенствованіи значитъ говорить о приближеніи или стремленіи къ нѣкоторому идеалу совершенства. А для этого нужно *напередъ* имѣть этотъ идеалъ. Тѣмъ болѣе, что усовершенствованіе мыслится какъ безконечное, слѣдовательно—ни одна изъ данныхъ ступеней развитія этимъ совершенствомъ не обладаетъ; поэтому понятіе совершенства не можетъ быть получено индуктивно изъ опыта. Поэтому же идеалъ, не вмѣщаясь въ опытѣ, можетъ быть только сверхопытнаго происхожденія. Истоптанная тропинка опыта и здѣсь съ необходимостью приводитъ насъ, заключаетъ авторъ, къ трудному и скалистому пути умозрѣнія. По скольку авторъ имѣетъ въ виду, что понятіе совершенства составляетъ „критерій“ для отношенія къ явленіямъ, т. е. для опредѣленія, на сколько онѣ приближаются къ совершенству, онъ говоритъ о „высотѣ“ идеала и по стольку онъ правъ, что наука не можетъ „создать“ идеала. Такъ, напримѣръ, попытка эволюціонистовъ „создать“ критерій совершенства въ наибольшемъ приспособленіи къ условіямъ существованія потерпѣла крушеніе, ибо „приспособленѣйшій“ не всегда значитъ „лучшій“ (ср. замѣчанія Томаса Гексли о значеніи термина fittest). Въ наше время наиболѣе приспособленными являются, напримѣръ, опортюнисты. Послѣднихъ даже эволюціонисты не включатъ въ разрядъ лучшихъ. Все это совершенно вѣрно, но если г. Булгаковъ полагаетъ, что наука не въ состояніи способствовать раскрытію идеала, его формулированію,—то съ этимъ согласиться уже нельзя (объ этомъ я высказался въ другой своей работѣ:— „Органическая теорія строенія и развитія общества“, стр. 128 и слѣд.). Впрочемъ, я полагаю, что мысль г. Булгакова и не имѣетъ такого значенія. Вѣдь онъ не отвергаетъ науку, а лишь говоритъ, что этика не можетъ черпать свои принципы изъ нея. Съ этой точки зрѣнія мы и понимаемъ мысль автора о необходимости въ данномъ случаѣ дѣлать позаимствованія у метафизики.

---

[1]) Бердяевъ, Этическ. проблема въ свѣтѣ философск. идеализма, стр. 120, 123, 129 и др.

[2]) Булгаковъ, стр. 27.

Мысль о законности метафизики становится все увеличивающимся тономъ въ трактатахъ послѣдняго времени. Выше мы уже привели взгляды подобнаго рода (сравн. напр. *В. Вундта*, Введеніе въ философію, пер. съ нѣм., Москва 1902 г. и *его-же*: Система Философіи, Спб. 1902 г.). Однимъ изъ виднѣйшихъ сторонниковъ такого взгляда во Франціи является Ренувріе (см. его „Les dilemmes de la métaphysique pure, Paris 1900; „Histoire et Solution des problèmes métaphysiques", Paris 1901). Этимъ взглядомъ проникнутъ и весь его новѣйшій трудъ. Вся, напримѣръ, первая книга этого труда называется „метафизикой персонализма". [1]) И для Ренувріе наука имѣетъ „границы познанія" и тамъ, гдѣ кончается наука, начинается сверхопытное знаніе—метафизика. [2]) И онъ, какъ и Булгаковъ, утверждаетъ, что гипотезы матеріалистовъ въ сущности являются гипотезами метафизическими, но только безсознательно для самихъ матеріалистовъ. [3]) За признаніе метафизики высказывается и Бурдо, но совершенно въ иномъ смыслѣ. Такъ какъ наше познаніе, говоритъ онъ, сколь бы далеко ни простиралось, всегда будетъ имѣть извѣстный предѣлъ, начиная съ котораго всякая достовѣрность прекращается, то существуетъ такая запредѣльная область, куда мы *никогда* не въ состояніи будемъ проникать иначе, какъ путемъ *догадокъ*; она называется вообще метафизикой". Такимъ образомъ метафизика уже не область сверхопытнаго знанія, а область догадокъ. „Между научною достовѣрностью и непроницаемымъ мракомъ тайны лежитъ область *вѣроятности*, куда можно проникнуть путемъ предположеній; она то и составляетъ достояніе метафизики". [4]) Для г. Некрасова исключеніе наукой метафизическихъ понятій изъ области изслѣдованія было причиной ошибокъ позитивизма и потому наука должна „повернуть" къ признанію законности идеализма, причемъ наиболѣе вѣрнымъ путемъ согласія идеализма съ конкретною дѣйствительностью онъ считаетъ правильно постановленную научную теорію вѣроятности, включающую и изученію случайныхъ явленій, по скольку послѣднія взаимно зависимы. [5]) По мнѣнію автора философское значеніе вѣроятности соприкасается съ категоріями причины, вліянія, необходимости и своды и затрогиваетъ также философскую категорію цѣли, которая, въ свою очередь, имѣетъ отношеніе къ категоріямъ законовъ нравственнаго и гражданскаго. [6]) И г. Струве находитъ, что „противорѣчіе идеи свободы и необходимости", составляя „безспорный фактъ" внутренняго опыта, не можетъ быть разрѣшено на почвѣ строго-критическаго разсужденія, т. е. если смыслъ понятій не мѣняется во время хода разсужденія. „Исходъ изъ этого противорѣчія, повидимому, одинъ—въ метафизикѣ" и исходъ этотъ указанъ Кантомъ, Шеллингомъ и Шопенгауеромъ, каждымъ на свой ладъ. [7])

[1]) Renouvrier, Le Personalismə etc. Paris 1903. См. особ. стр. 40-41, 87 и др., стр. 130. Ср. также стр. 356 и слѣд. и мног. друг.
[2]) Renouvrier, p. 85 sqq.
[3]) Renouvrier, p. 112.
[4]) Бурдо, op. cit. стр. 2-3.
[5]) П. Некрасовъ, op. cit. стр. 5, 15, 16 и слѣд.
[6]) Некрасовъ, стр. 25.
[7]) Струве. op. cit. стр. 488.

Отсюда—и „поворотъ“. И для Бердяева этика „неизбѣжно приводитъ къ метафизикѣ, объединяющей въ понятіи Верховнаго Блага индивидуальное духовное „я“ съ универсальнымъ духовнымъ я“, причемъ свою метафизическую точку зрѣнія г. Бердяевъ характеризуетъ какъ соединеніе *спиритуалистическаго индивидуализма съ этическимъ пантеизмомъ* [1]), что сильно напоминаетъ намъ взгляды Ренувріе (подчеркнутыя слова напечатаны у г. Бердяева курсивомъ). Г. Аскольдовъ также заявляетъ, что только метафизика и религія намѣчаютъ конечныя цѣли существованія и ведущіе къ нему пути. [2]) Но Аскольдовъ же совершенно ясно выражаетъ мысль объ отношеніи науки къ идеалу, ту мысль, которая (нужно полагать) только недосказана г. Булгаковымъ. Такъ, говоря, что „чтобы стремиться къ лучшему, вѣчному, незыблемому, прекрасному, необходимо знать, въ чемъ оно можетъ заключаться, необходимо имѣть его идею“, [3]) онъ въ то-же время стоитъ за „координацію теоретическаго и практическаго отношенія къ жизни“.[4]) Поэтому онъ и говоритъ то-же самое, что мы сказали выше о формированіи идеаловъ. „Мысль можетъ *помочь* открыть идеалъ (собственно „благо“) и уяснить, направить его на соотвѣтствующій его природѣ предметъ, но она также безсильна его породить или измѣнить по существу, какъ безсильна превратить ощущеніе цвѣта въ звукъ“.[5]) Аскольдовъ, впрочемъ, „ограничиваетъ значеніе теоріи въ данномъ дѣлѣ „ролью безпристрастнаго путеводителя между разнообразными путями жизни“, но тѣмъ не мѣнѣе считаетъ, что и это значеніе весьма велико и существенно, ибо необходимо, чтобы человѣчество ясно сознало, *куда* ведетъ избранная имъ дорога, осталась ли возможность перейти на другіе пути и какія цѣли на нихъ могутъ быть достигнуты (предвидѣніе имѣетъ дѣло съ категоріей возможнаго? „Могутъ быть достигнуты“). Къ разъясненію всѣхъ этихъ вопросовъ должна быть привлечена философская мысль“.[6])

Перечень авторовъ, признавшихъ въ разсматриваемомъ году законность метафизики, закончу ссылкой на Алоиза Риля, который, утверждая, что и матеріалистическое пониманіе исторіи включаетъ метафизику, но „плохую метафизику“, ибо она здѣсь не приведена въ систему, говоритъ, что къ метафизикѣ должно неизбѣжно привести принятіе „границъ познаванія“ (Дюбуа-Раймондъ) и что даже такой представитель точнаго знанія, какъ знаменитый физикъ Генри Гертцъ (уже умершій), признавалъ метафизику, какъ законное проявленіе потребности человѣческаго духа. [7]) Все это, однако, мало убѣдительно. Знаніе и вѣра обходятся безъ метафизики.

VI.

Послѣ сдѣланнаго нами отступленія отъ изложенія взглядовъ г. Булгакова считаемъ нужнымъ вновь вернуться къ его аргумен-

---

[1]) Бердяевъ, op. cit. стр. 113
[2]) Аскольдовъ, Философія и жизнь. „Пробл. идеал.“ стр. 204.
[3]) Аскольдовъ, op. cit стр. 208.
[4]) Аскольдовъ, стр. 209.
[5]) Аскольдовъ, стр. 201.
[6]) Аскольдовъ, стр. 202—203.
[7]) A. Riehl, Zur Einfuhrung in die Philosophie der Gegenwart, Leipzig 1903, s. 2—3.

таціи. Мы разсматриваемъ трудъ г. Булгакова съ такою подробностью, какъ потому, что самый трудъ этотъ того заслуживаетъ, такъ и потому, что вполнѣ раздѣляемъ взглядъ автора на важность обсуждаемаго имъ предмета и на то, что правильная постановка теоріи прогресса должна показать, какими средствами разрѣшимы ставимыя ею проблемы. [1]) Разсмотрѣвъ всѣ указанныя доктрины, Булгаковъ переходитъ къ анализу, „послѣдней и самой возвышенной формулы прогресса, согласно которой онъ состоитъ въ созданіи условій для *свободнаго развитія личности*“. Булгаковъ считаетъ эту формулу принадлежащею Марксу и съ точки зрѣнія связи ея со всѣмъ ученіемъ Маркса и гносеологическимъ выполненіемъ ея у Маркса онъ и развиваетъ свою аргументацію. Допустимъ, что задача поставлена правильно и разсмотримъ, какъ она выполнена. Марксъ, говоритъ Булгаковъ, заимствовалъ эту формулу у Гегеля, но „это прямое позаимствованіе у метафизики сдѣлано внѣшнимъ, механическимъ образомъ“. „Изъ живой формулы, стоявшей въ связи съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ и органически изъ него проистекавшей, получилась мертвая схема, въ которой былъ умерщвленъ ея философскій смыслъ, именно ученіе о развитіи духа къ свободѣ, т. е. самосознанію“. Неудивительно, если въ результатѣ получилось „ученіе о *прыжкѣ* изъ царства необходимости въ царство свободы (Энгельсъ), о „Vorgeschichte“, вслѣдъ за которой лишь начнется „Geschichte“. [2])

Вопросъ о значеніи „прыжка“, въ томъ видѣ, какъ это ученіе развито у Энгельса, будетъ предметомъ обсужденія второй части настоящаго обзора, тамъ-же будетъ разсмотрѣнъ и вопросъ о взаимоотношеніи между закономѣрной необходимостью и свободой, но послѣдній вопросъ такъ тѣсно связанъ съ остальными проблемами соціологіи, что мы уже неоднократно до сихъ поръ его касались (напр., при разсмотрѣніи доктрины Струве), коснемся его и теперь, въ связи съ относящимися къ данному предмету сужденіями г. Булгакова.

Марксизмъ, говоритъ Булгаковъ, беретъ разсматриваемую формулу прогресса, конечно, безъ всякаго метафизическаго содержанія. Личность здѣсь является не носительницей абсолютныхъ задачъ, надѣленною опредѣленной нравственной природой и способностями, а *всецѣло* продуктомъ историческаго развитія, измѣняющимся съ послѣднимъ. [3]) Съ моей точки зрѣнія высшее достоинство статьи г. Булгакова заключается въ глубокой и вполнѣ безпристрастной критикѣ Марксизма съ точки зрѣнія исторіософіи послѣдняго. Для автора вовсе недостаточно произнести слово „Марксизмъ“, чтобы заставить его воскликнуть „отрицаю“ или „признаю“, какъ это, къ сожалѣнію, весьма часто замѣчается среди писателей, говорящихъ объ этой замѣчательной научной доктринѣ. Г. Булгаковъ одно „признаетъ“. другое „отрицаетъ“, но дѣлаетъ это въ высшей степени объективно и поэтому даетъ лучшее доказательство того, что можно раздѣлять „основное зерно“ доктрины, не раздѣляя частностей ученія и доказывая, что принятіе однихъ не необходимо связано съ

[1]) Булгаковъ, op. cit., стр. 32.
[2]) Булгаковъ, стр 28.
[3]) Булгаковъ, стр. 29.

принятіемъ другихъ. Жаль только, что въ частности по отношенію къ значенію личности авторъ, совершенно основательно отмѣчая неправильность точки зрѣнія марксизма на личность, какъ на продуктъ *исключительно* („всецѣло“) историческаго развитія, измѣняющійся вмѣстѣ съ послѣднимъ, не отмѣчаетъ, что неправильность заключается именно въ исключительности этого воззрѣнія. Противоположеніе со стороны Булгакова такому опредѣленію личности опредѣленія, по которому она является „носительницей абсолютныхъ задачъ, надѣленною опредѣленной нравственной природой и способностями“, можетъ повести къ заключеніямъ, что послѣднее опредѣленіе также должно быть принято въ исключительномъ смыслѣ, какъ противоположеніе, а не какъ поправка къ опредѣленію Маркса Какъ будто историческое развитіе не имѣетъ никакого отношенія къ опредѣленію личности и какъ будто значеніе личности оставалось и будетъ оставаться неизмѣннымъ на всемъ пространствѣ исторіи. Если одно опредѣленіе (Маркса) является, какъ говоритъ Булгаковъ, только формальнымъ, т. е. имѣетъ въ виду только тѣло, то второе имѣетъ въ виду только духъ, оторванный отъ дѣйствительной жизни.

Весьма интересны мысли Булгакова объ идеологіи механическаго міропониманія. „Согласно основной идеѣ теоріи прогресса, говоритъ онъ, въ чемъ бы ни состояло содержаніе послѣдняго (т. е. механической теоріи вообще, а не марксистской въ частности, что едва-ли вѣрно), будущее, наступающее съ естественною необходимостью и подлежащее закону причинности, является вмѣстѣ съ тѣмъ и идеаломъ дѣятельности, т. е. долженствованіемъ, нравственнымъ приказомъ, обращеннымъ къ волѣ. Мы наталкиваемся здѣсь на основную антитезу сознанія, на противоположность между бытіемъ и долженствованіемъ“. „Наука не въ силахъ справиться съ этой антитезой“. Ибо „прежде всего, очевидно, что изъ бытія никоимъ образомъ нельзя обосновать долженствованія“ [1]) Послѣдняя мысль не возбуждаетъ никакого возраженія, если понимать ее въ смыслѣ „рожденія“ должнаго т. е. въ смыслѣ созданія, формированія идеала, а не въ смыслѣ его „объективнаго мотивированія“, какъ полагаетъ Штаммлеръ, или гораздо вѣрнѣе въ смыслѣ его „раскрытія“, какъ полагаетъ г. Аскольдовъ, или формулированія, какъ полагаютъ гг. Карѣевъ и критикъ Дюркгейма П. Ю. (Русск. Богатство 1898 г. № 11). Съ этой точки зрѣнія мы всецѣло раздѣляемъ слѣдующее положеніе Булгакова. „Какимъ образомъ изъ того, что данное событіе фактически наступитъ, можетъ слѣдовать, чтобы я долженъ былъ стремиться къ нему, какъ должному“. Я—молъ „не хочу“—будетъ этически вполнѣ законно. „Долженствованіе, продолжаетъ Булгаковъ,—сверхопытнаго происхожденія, а такъ какъ долженствованіемъ проникнута наша жизнь, то можно сказать, что и жизнь людей состоитъ изъ постояннаго *сочетанія* опытнаго и сверхопытнаго, матеріальнаго и духовнаго начала“. [2]) Долженствованіе обращается къ волѣ и потому предполагаетъ необходимымъ образомъ возможность хотѣнія, выбора, слѣдовательно и свободы воли. Въ тоже время всѣ поступки *мотивированы*, т. е. под-

[1]) Булгаковъ, стр. 29—30
[2]) Булгаковъ, стр. 30

чинены закону причинности. Философіи и предстоитъ сочетать возможность соединенія свободы воли и детерминизма... Обращаясь къ будущему, свобода воли видитъ только долженствованіе (не въ смыслѣ необходимости, т. е. „Müssen“, а въ смыслѣ должнаго съ точки зрѣнія абсолютнаго императива этическаго идеала, въ смыслѣ „Sollen“), а въ то-же время опытъ видитъ въ этомъ будущемъ только причины и слѣдствія. Философія и должна разрѣшить вопросъ о связи обоихъ членовъ антитезы и какой изъ принциповъ, свободы или необходимости, является первоначальнымъ. Вопросы эти, по мнѣнію Булгакова, могутъ быть разрѣшими только путемъ метафизическаго синтеза. [1]) Выполненіе этой задачи Кантомъ, авторъ считаетъ неудачнымъ, особенно въ виду присущаго Канту дуализма и поэтому, говоритъ Булгаковъ, всѣ усилія послѣ кантовской философіи направились къ тому, чтобы преодолѣть этотъ дуализмъ и показать конечное торжество свободы. Здѣсь мы уже подходимъ ко второй, положительной части труда г. Булгакова.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію положительной стороны взглядовъ г. Булгакова, сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Г. Булгаковъ считаетъ нужнымъ вновь отмѣтить, что хотя его взгляды со времени полемики съ Струве (въ 1896 г.. объ этомъ было уже сказано выше) по поводу конструкціи Штаммлера о сочетаніи закономѣрной необходимости и свободы и нѣсколько измѣнились, но что „относительную справедливость своей тогдашней точки зрѣнія“ онъ и теперь видитъ въ томъ, что онъ отстаивалъ господство причинности въ мірѣ опыта, тогда какъ Струве и Штаммлеръ стремились сочетать эти категоріи въ области науки, т. е. опытнаго знанія. Теперь г. Булгаковъ, признавая возможность „сочетанія“, говоритъ, что вопросъ этотъ разрѣшимъ *лишь въ области метафизики.* Авторъ полагаетъ, что, такъ какъ и воззрѣнія Струве съ тѣхъ поръ существенно измѣнились (имѣется, очевидно, въ виду предисловіе къ книгѣ г. Бердяева), то врядъ ли послѣдній сталъ бы поддерживать свою гносеологическую конструкцію. [2]) Конечно, Струве, говоря объ общеобязательности нравственнаго долженствованія въ отличіе отъ „общеобязательности сущаго“, различаетъ эти два понятія и прямо говоритъ, что нравственное долженствованіе предполагаетъ и непризнаніе этой общеобязательности. „Ты долженъ“, замѣчаетъ онъ, всегда предполагаетъ: „ты можешь и отрицать долженствованіе“. [3]) Конечно, и Струве говоритъ о гносеологической антитезѣ между бытіемъ и долженствованіемъ, [4]) причемъ заявляетъ, что обоснованіе нравственнаго закона невозможно для позитивизма и сосоставляетъ, по существу, „задачу метафизики“, [5]) а послѣдняя начинается тамъ, гдѣ кончается доступъ опытному познанію.[6]) Но, по скольку дѣло касается противорѣчія идей свободы и необходимости, Струве, говоря что „исходъ изъ

[1]) Булгаковъ, стр. 31
[2]) Булгаковъ, стр. 31 примѣч.
[3]) Струве, Предисловіе къ книгѣ Бердяева „Индив. и субъективизмъ“, стр. XXXIX.
[4]) Струве, op. cit. стр. XLVIII.
[5]) Струве, op. cit. стр. LII—LIII.
[6]) Струве, стр. XX.

этого противорѣчія, повидимому, одинъ—въ метафизикѣ, [1]) отличается по своимъ взглядамъ отъ Булгакова, что и отмѣчено въ его статьѣ „Свобода и историческая необходимость“, хотя и напечатанной впервые въ 1897 г., т. е. до предисловія Струве къ книгѣ Бердяева, но перепечатанной въ сборникѣ „На разныя темы“, появившемся позже означеннаго предисловія, именно въ 1902 г. Признавая свое „уклоненіе“ отъ взглядовъ высказанныхъ раньше (въ „Критич. замѣткахъ“, 1894 г.), Струве поддерживаетъ свое несогласіе съ г. Булгаковымъ по поводу замѣчаній послѣдняго на книгу Штаммлера, каковыя замѣчанія не вполнѣ удовлетворили его, г. Струве.[2]) Струве остается сторонникомъ критической философіи и марксизма. Остается сторонникомъ послѣдняго и Булгаковъ, но не въ отношеніи его соціологической и вообще философской доктрины. Въ отношеніи же критицизма г. Булгаковъ кантіанецъ, по скольку онъ этическій идеалистъ, тогда какъ Струве примыкаетъ къ Зиммелю, по скольку „послѣдній кантіанецъ, но лишь какъ критицистъ“. [3]) Разница громадная, потому что критицизмъ вводитъ опытъ въ сферу науки и вся роль критицизма состоитъ въ оцѣнкѣ настоящаго съ точки зрѣнія опредѣленнаго критерія. Дѣло въ томъ, что понятіе долженствованія само по себѣ недостаточно; оно должно въ каждое данное время имѣть опредѣленное содержаніе, но вывести это содержаніе изъ самаго понятія долженствованія невозможно и потому всѣ попытки этого рода безплодны. [4]) Поэтому, дѣйствуя, вслѣдствіе предписанія императива, диктуемаго долженствованіемъ (подъ дѣйствіемъ нужно, какъ мы видѣли, разумѣть и отрицаніе необходимаго долженствованія), личность должна имѣть увѣренность, или по крайней мѣрѣ, убѣжденіе, что дѣйствіе увѣнчается успѣхомъ, иначе говоря „нужно не только бороться, но и желать побѣдить“ [5]) (слова Фихте). Послѣ этого становится вполнѣ понятнымъ, что для Струве, при признаніи даже имъ законности метафизики, выходъ изъ противорѣчія законномѣрности и свободы, лежитъ все-таки не въ ней („повидимому въ метафизикѣ“), а въ области *психологіи*. [6]) Еще значительнѣе разница во взглядахъ Струве и Булгакова на отношеніе идеала къ наукѣ и наоборотъ. Струве утверждаетъ, что идеалъ „выросъ изъ условій дѣйствительности“ (точка зрѣнія, на которой сходятся и марксизмъ и русская субъективная соціологія, напримѣръ Лабріола и Михайловскій), но для каждаго дѣйствующаго субъекта, сознательно строящаго идеалъ, и для массы, стихійно или тоже сознательно къ нему стремящейся, онъ представляетъ психологическое prius по отношенію къ дѣйствительности и дѣйствующимъ въ ней силамъ (критерій уже существуетъ при критикѣ, онъ яснѣе формулируется при ней, но ею не формируется; но критерій „выросъ“ изъ дѣйствительности, такъ какъ безъ нея и вліянія ея на критикующій субъектъ нѣтъ и не можетъ быть самаго критерія). Въ научномъ

[1]) Струве, На разныя темы, стр. 488.
[2]) Струве, На разныя темы, стр. 489.
[3]) Струве, op. cit. стр. 494 примѣч.
[4]) Струве, op. cit. стр. 495.
[5]) Струве, стр. 507.
[6]) Струве, стр. 502.

изслѣдованіи дѣйствительности, продолжаетъ Струве, идеалъ ищетъ лишь признанія за собой *реальности и необходимости*... Идеалъ стоитъ внѣ науки или, если хотите выше науки, но нуждется въ научной санкціи. [1]) Логически, говоритъ Струве, все будущее также предетерминировано, какъ прошлое детерминировано. Но въ предетерминированномъ будущемъ, въ которомъ участвуютъ наши дѣйствія, есть всегда бѣлое пятно, котороя воля и свободная дѣятельность могутъ „закрасить по своему усмотрѣнію“.[2]) „Чѣмъ болѣе зачерченъ кругъ штрихами необходимости, тѣмъ научнѣе, вѣрнѣе, необходимѣе нашъ идеалъ“. Если внести въ эти разсужденія поправку, что „будущуе, въ которомъ участвуютъ наши дѣйствія“, можно считать „предерминированнымъ“ не въ смыслѣ необходимости, притомъ безусловной (причемъ, „безусловность“ уже дана въ самомъ понятіи необходимости, иначе она и не была бы „необходимостью“), а въ смыслѣ „возможности“, то тогда оба приведенныя Струве положенія могутъ быть приняты, ибо чѣмъ „закрашиваніе“ бѣлаго пятна будетъ болѣе приближать возможное къ вѣроятному, тѣмъ все необходимѣе будетъ становиться такое будущее, тѣмъ, стало быть, вѣрнѣе и необходимѣе будетъ нашъ идеалъ. Нужно полагать, что Струве не чужда идея о такомъ характерѣ небезъусловной необходимости будущаго, т. е. о характерѣ его возможности, вѣроятности, на столько, наконецъ, сильной, что она становитси почти необходимой. По крайней мѣрѣ въ слѣдующей цитатѣ мы не видимъ безусловной необходимости, а лишь относительную, т. е. даже и не необходимость. „Научнымъ, говоритъ Струве, является тотъ идеалъ, который въ своей картинѣ будущаго заключаетъ возможно больше элементовъ необходимости“.[3]) Возможно больше— значитъ не безусловно. Струве еще прибавляетъ одно замѣчаніе, которое я считаю нелишнимъ здѣсь привести: представители матеріалистическаго пониманія исторіи, справедливо настаивая на научности своего идеала, часто превращаютъ его въ *слишкомъ научный*, забывая грань лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось, и необходимостью (конечно, не абсолютной; вѣдь въ понятіе ея входятъ „наши дѣйствія“) того, что будетъ.[4])

Послѣднее замѣчаніе даетъ намъ ключъ къ разъясненію вопроса, къ которому мы уже нѣсколько разъ подходили, но на который до сихъ поръ отвѣта не дали, хотя въ замѣчаніяхъ своихъ уже до нѣкоторой степени сущность отвѣта предрѣшили. Мы видѣли, что разные представители „поворота къ идеализму“ раздѣляютъ пессимистическое отношеніе къ возможности прогнозовъ въ соціальной жизни, причемъ многіе изъ нихъ отрицаютъ за наукой способность „по самой природѣ своей“ къ такимъ прогнозамъ. А такъ какъ потребность къ предвидѣнію нужна человѣчеству, такъ какъ безъ нея люди не живутъ и не могутъ жить, то, послѣ неудачныхъ попытокъ обосновать „религію прогресса“, остался одинъ выходъ обратиться къ мета-

[1]) Струве, стр. 503—504.
[2]) Струве, стр. 504.
[3]) Струве, стр. 505.
[4]) Струве. стр. 506.

физикѣ и ею оправдать „свободу“ и тѣмъ внести въ стремленіе осуществить живущіе въ насъ идеалы активную сторону, т. е. возможность дѣйственной оцѣнки будущаго. Наука и здѣсь остается за штатомъ. Но откуда вытекаетъ такое отношеніе къ наукѣ? Для Дюбуа-Раймонда, Брюнетьера и сторонниковъ агностицизма (выдѣляя, впрочемъ, Булгакова) это отношеніе вытекаетъ изъ установленія „границъ познаванія“, вмѣсто „границъ познаннаго“ (см. объ этомъ во второй части нашего обзора). На этой почвѣ и дѣлались прорицанія о томъ, что наука „никогда не постигнетъ“ того-то и того-то. Является ли это заключеніе гносеологическимъ? То-есть вытекаетъ-ли изъ самой идеи науки, какъ логическое слѣдствіе изъ основного понятія послѣдней? Нѣтъ, и даже сторонники агностицизма этого не утверждаютъ. Они просто объ этомъ не говорятъ. И аргументація Дюбуа-Раймонда, Спенсера и Брюнетьера основана на наблюденіи. Агностицизмъ эмпирическій выводъ. Но что-же такое само непознаваемое? Де-Греефъ весьма убѣдительно доказываетъ, что это „чувство“. [1]) Чувство-же непознаваемаго есть „душевное состояніе, соотвѣтствующее періоду, умственному и соціальному. Оно—*историческое,* какъ и многія другія“, [2]) а потому возможно его превращеніе „въ новое состояніе сознанія, связанное, съ одной стороны, съ величіемъ соціальной роли философіи, съ другой—съ ея *нынѣшней* неспособностью формулировать единый и общій законъ природы“. [3]) Итакъ, агностицизмъ не вытекаетъ изъ понятія науки, а эмпирическій выводъ и, какъ таковой, нелогиченъ, ибо изъ наблюдаемаго „слабаго выполненія задачи“ не можетъ быть логически выведено заключеніе о „невыполнимости“ ея. Мы имѣемъ дѣло съ категоріей исторической, а не гносеологической. Исторія же намъ раскрываетъ и причины „слабаго выполненія задачи“, заключающіяся съ одной стороны въ неправильности и ошибочности средствъ познаванія, въ особенности въ мірѣ соціальныхъ явленій, въ которыхъ иногда къ деффектамъ средствъ самыхъ по себѣ примѣшивается деффектъ субъективнаго свойства, т. е. лежащій въ самомъ субъектѣ познаванія (я не имѣю здѣсь въ виду только интеллектуальныя качества субъекта, а и вліяніе на „познаваніе“ идеологіи субъекта; такое вліяніе идеологіи на „подборъ“ средствъ познаванія лучше всего сказывается на самомъ крайнемъ рыцарѣ объективизма, Гербертѣ Спенсерѣ), а съ другой въ неправильности постановки требованій, предъявляемыхъ къ наукѣ. Такъ, напримѣръ, неправильность соціальнаго прогноза органицистовъ служитъ типичнѣйшимъ примѣромъ слѣдствія неправильности средствъ познаванія, при отсутствіи ошибки въ постановкѣ требованія, предъявленнаго къ наукѣ. Такой же примѣръ представляетъ прогнозъ, сдѣланный Лапужемъ. Такіе примѣры можно указать и въ мірѣ представителей точной науки, какъ, напримѣръ, съ одной стороны предсказанія соціальнаго будущаго со стороны Фламаріона, положенія женщины со стороны Г-жи Ройе, Мечни-

[1]) Де-Греефъ, Положительная философія и непознаваемое. Научн. Обозр. 1899 г. № 2 и 3.

[2]) Де-Греефъ, op. cit., Научн. Обозр. 1899 г. № 3, стр. 474.

[3]) Де-Греефъ, тамъ-же, стр. 483.

кова [1]) и т. п., а съ другой предсказаніе Либиха, о которомъ рѣчь будетъ впереди (во второй части настоящаго обзора). На „слабое выполненіе задачи“ мы указывали также неоднократно и при изложеніи разсужденій Булгакова.

Примѣромъ ошибокъ второго рода является прогнозъ, сдѣланный Марксомъ и подхваченный учениками. Это именно ошибка въ постановкѣ требованія, поставленнаго наукѣ: будущее, ею предсказываемое, должно было быть необходимымъ, въ смыслѣ его непреложности. Отсюда „естественный ходъ исторіи“, внѣ активной роли личности въ этомъ ходѣ. При такой постановкѣ вопроса естественно было смѣшеніе характера будущихъ соціальныхъ событій съ будущими событіями космическими, вродѣ затмѣнія луны и т. п. Отсюда же логически вытекала и другая ошибка (когда умный человѣкъ ошибается, то онъ ошибается сильнѣй неумнаго, ибо даже въ ошибкахъ онъ логиченъ: изъ ошибочнаго основанія заключенія вытекаютъ у него съ неумолимою логикою), а именно требованіе отъ соціальныхъ предсказаній „точности“. Съ такой точки зрѣнія, напримѣръ, предсказаніе объ уничтоженіи невольничества въ Африкѣ (Гумпловичъ)— не предсказаніе, потому что соціологія не въ состояніи указать, когда именно падетъ тамъ послѣдній невольничій рынокъ. Но, говоритъ Гумпловичъ, это и безразлично, въ виду опредѣленности, съ какою соціологія, принявъ во вниманіе всѣ опредѣляющіе соціальные факторы, можетъ съ положительностью сдѣлать свой выводъ, что „это будетъ“. Десяти—и даже пятидесятилѣтія здѣсь не имѣютъ значенія, и важна увѣренность въ наступленіи событія, какъ опора въ стремленіяхъ личности къ желательному будущему. [2]) Точности соціальнаго прогноза требуетъ и г. Булгаковъ, осуждая „тенденціи“, но забывая при этомъ, что самое признаніе (а это признаніе онъ дѣлаетъ) активнаго стремленія личности къ осуществленію своихъ идеаловъ, какъ фактора этого будущаго, переводитъ послѣднее изъ категоріи необходимости абсолютной (т. е. просто необходимости) въ категорію необходимости относительной. съ ея степенями: возможностью и вѣроятностью. Вотъ, по моему, въ чемъ заключается ошибка марксизма, который, какъ выражается Струве, превращалъ свой идеалъ въ слишкомъ научный, забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось и того, что будетъ. Этой грани не забываетъ Булгаковъ, даже настаиваетъ на ней больше, чѣмъ Струве, но также, критикуя „научный идеалъ“, борется противъ идеала „слишкомъ научнаго“, какъ будто другое, истинно научное, отношеніе и немыслимо и какъ будто неточныя науки—не науки. Отъ послѣднихъ нельзя спрашивать больше того, что онѣ могутъ дать, а дать онѣ для удовлетворенія потребности сознательной дѣятельности могутъ совершенно достаточно.

Но дѣло въ томъ, что, какъ мы неоднократно отмѣчали, Булгаковъ, критикуя „науку вообще“, говорилъ въ частности о наукѣ механическаго міропониманія. Именно въ „этой наукѣ“ было выска-

[1]) Михайловскій, Литературныя воспоминанія и современная смута, т. II, стр. 330 и слѣд.

[2]) Гумѣловичъ, Соціологія и политика, стр. 97 и слѣд.

зано точное предсказаніе, даже съ обозначеніемъ „пункта во времени", хотя и безъ указанія „точнаго" пункта въ пространствѣ. Миновалъ этотъ „пунктъ", а предсказаніе не сбылось и не только не сбылось, а положеніе вещей стало какъ будто еще дальше отъ возможности условій для наступленія событія. И вотъ со всѣхъ сторонъ раздаются унылые голоса, сначала робко провозглашающіе „поворотъ" отъ матеріализма, а затѣмъ сливающіеся въ сильный хоръ. Послѣ опубликованія писемъ Энгельса разочарованіе повело къ „Бернштеніанству„ съ одной стороны и къ все болѣе и болѣе звенящей нотѣ идеализма (по почину Струве)—съ другой. Критическій поворотъ въ марксизмѣ, какъ мы указали выше, заключается, по признанію Струве, въ „попыткахъ сочетать марксизмъ съ критической философіей и въ отрицаніи тѣхъ построеній, которыя извѣстны подъ названіями Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie и, наконецъ, въ чрезвычайно осторожномъ отношеніи къ сложной и трудной проблемѣ аграрной эволюціи". Мы не станемъ здѣсь говорить о критикѣ теорій „катастрофы" и „необходимаго обѣднѣнія" со стороны Бернштейна, Прокоповича и мн. другихъ, ни о точкѣ зрѣнія Каутскаго на аграрную эволюцію, такъ какъ это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ тому предмету, который насъ въ настоящее время занимаетъ, но напомнимъ, что въ книгѣ „Капитализмъ и Земледѣліе", о чемъ было сказано выше, г. Булгаковъ относится именно осторожно къ аграрной эволюціи, не такъ, какъ къ этому вопросу до „разочарованія въ прогнозѣ" относились изслѣдователи по схемѣ Маркса. Несомнѣнно это „разочарованіе" отразилось и на разсужденіяхъ Булгакова о неспособности науки вообще къ прогнозамъ. Г. Булгаковъ не признаетъ, конечно, этого обстоятельства, ибо тогда это было бы выводомъ эмпирическимъ. Но попытка обосновать этотъ выводъ гносеологически оказалась неудачной. Это и неудивительно, ибо, гносеологически, такого вывода и нельзя было сдѣлать. Только сказаннымъ можно объяснить, что г. Булгаковъ, задавшись цѣлью говорить о „наукѣ вообще", приводитъ доводы противъ „марксизма въ частности". Еще одно замѣчаніе. Агностицизмъ г. Булгакова, якобы гносеологическій, но въ дѣйствительности эмпирическій, и отрицаніе его за наукой способности къ предвидѣнію составляютъ ни что иное, какъ пессимизмъ въ отношеніи къ компетенціи науки. Болѣе широкій пессимизмъ Шопенгауера вызываетъ слѣдующее замѣчаніе у Риля, въ связи съ противуисторизмомъ перваго. „Чтобы утвердить свой пессимизмъ, Шопенгауеръ вынужденъ былъ отрицать исторію", которая для него являлась „вѣчнымъ однимъ и тѣмъ-же" (ein ewiger Einerlei), только въ различныхъ облаченіяхъ: eadem sed aliter. [1]) Булгаковъ не отрицаетъ исторіи, даже совсѣмъ напротивъ. Его пессимизмъ поэтому необоснованъ, если не связать его съ вышеуказаннымъ „разочарованіемъ". И всегда будетъ разочарованіе, если требовать отъ соціальной науки точнаго предвидѣнія будущихъ событій, ихъ наступленія, „въ опредѣленномъ пунктѣ времени и пространства", если считать будущее необходимымъ (въ смыслѣ абсолютномъ), а не относительно необходимымъ со степенями возможности и вѣроятности, если считать идеалъ оторваннымъ отъ жизни.

[1]) Riehl, op. cit. S. 201.

Въ особенности если при этомъ въ то-же время понимать детерменизмъ въ смыслѣ относительномъ и законъ причинности считать закономъ достаточнаго основанія.

Послѣ этого отступленія мы считаемъ возможнымъ изложить положительную сторону ученія Булгакова, не дѣлая столь подробныхъ, какъ до сихъ поръ. замѣчаній относительно отдѣльныхъ частей его. Первая и основная задача, которую ставитъ себѣ теорія прогресса, говоритъ авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что исторія имѣетъ смыслъ, и историческій процессъ есть не только эволюція, но и прогрессъ. Она доказываетъ, слѣдовательно, конечное *тождество* причинной закономѣрности и разумной цѣлесообразности [1]). Задача эта оказывается непосильна позитивной наукѣ и вообще не разрѣшима средствами опыта (но не для науки вообще). Но самая задача поставлена правильно. Она, говоритъ Булгаковъ далѣе, сверхопытная, метафизическая, почему занимающаяся этой задачей дисциплина должна быть названа метафизикой исторіи [2]), которая является „раскрытіемъ абсолютнаго въ относительномъ".

Что же значитъ, спрашиваетъ Булгаковъ, найти смыслъ исторіи? Это значитъ, отвѣчаетъ онъ, прежде всего показать, что исторія есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана, что въ историческомъ процессѣ выражена *міровая, провиденціальная мысль*. Поэтому все, что только было и будетъ въ исторіи, все это необходимо для раскрытія плана, для цѣлей разума [3]). Послѣдняя мысль отзывается антропоцентризмомъ, и это обстоятельство вмѣстѣ съ „провиденціальною мыслію" историческаго процесса представляетъ фатализмъ, но гораздо болѣе слабаго порядка, чѣмъ марксистскій, потому что онъ не наученъ (послѣдній предикатъ непріемлемъ для Булгакова), не метафизиченъ, ибо онъ непознаваемъ, хотя-бы и сверхопытно и хотя-бы при этомъ опираться на авторитетъ „вѣщаго" слова Гегеля и „страшныхъ словъ" покойнаго Соловьева; наконецъ, онъ не основанъ на вѣрѣ, ибо это если и вѣра, то самаго нерелигіознаго свойства—мистицизмъ. Можно говорить о „смыслѣ" исторіи, ибо имѣется въ виду смыслъ „для кого", но говорить о мысли міровой, значитъ дѣйствительно, какъ это и дѣлаетъ Булгаковъ, „признавать, что есть въ исторіи живая и разумная сила, идущая дальше нашихъ намѣреній и ихъ направляющая" [4]). Этой „міровой, провиденціальной мысли историческаго процесса" совсѣмъ и не нужно было бы Булгакову, если бы онъ не допустилъ ошибокъ въ первой части сворго труда. Впрочемъ, эта мысль, по моему, не нужна и для пріемлемости слѣдующаго, въ существѣ вполнѣ справедливаго, положенія автора. „Абсолютное постоянно руководитъ насъ въ жизни, постоянно даетъ намъ указанія, караетъ за непослушаніе себѣ и ошибки (слѣдовало, во избѣжаніе недоразумѣнія, изложить эту фразу иначе: мы постоянно руководимся въ жизни абсолютнымъ, мы получаемъ отъ него указанія, мы испытываемъ мученія за непослу-

[1]) Булгаковъ, op. cit. стр. 32.
[2]) Булгаковъ, стр. 33.
[3]) Булгаковъ. стр. 34.
[4]) Булгаковъ. стр. 35.

шаніе требованіямъ его и за наши ошибки). Мы ежедневно и ежечасно слышимъ его властный голосъ, категорическій, суровый и неумолимый. Это совѣсть, нравственный законъ, категорическій императивъ, абсолютный характеръ котораго внѣ всякаго сомнѣнія поставленъ Кантомъ. Нравственный законъ велитъ намъ хотѣть добра, всегда и вездѣ, ради самаго добра. Абсолютный законъ добра долженъ быть и закономъ нашей жизни“ [1]). Это вѣрно: доброта не нуждается въ оправданіи, она сама себѣ оправданіе. Но далѣе. „Этотъ законъ (добра), въ примѣненіи къ историческому развитію, велитъ намъ хотѣть добра въ исторіи и своими силами *содѣйствовать* осуществленію добра, велитъ, другими словами, хотѣть *прогресса* (курсивъ автора). Прогрессъ является съ этой точки зрѣнія *не закономъ историческаго развитія, а нравственной задачей*, не бытіемъ, а абсолютнымъ долженствованіемъ“...

Итакъ, мы, наконецъ, узнаемъ, что такое прогрессъ. Это „законъ добра въ примѣненіи къ историческому развитію“. Но что такое добро? Этого авторъ не опредѣляетъ, говоря только, что его велитъ хотѣть нравственный законъ и велитъ всегда и вездѣ, ради самаго добра. Тогда, значитъ, прогрессомъ является „нравственный законъ въ примѣненіи къ историческому развитію“? Это, дѣйствительно, и говоритъ далѣе Булгаковъ [2]). Но добро и нравственность осуществляются, по вѣрному замѣчанію Булгакова (впрочемъ и всей науки, занимающейся этимъ вопросомъ), только въ конкретныхъ цѣляхъ, въ конкретной жизни, вслѣдствіе чего необходимо „наполнить, какъ выражается Булгаковъ, пустую форму абсолютнаго долженствованія конкретнымъ относительнымъ содержаніемъ, найти мостъ отъ абсолютнаго къ относительному“. Все это совершенно вѣрно, но я тогда не вижу, почему понятіе „счастіе“ не представляетъ „пустой формы абсолютнаго долженствованія, которую необходимо наполнить конкретнымъ относительнымъ содержаніемъ“. Если наука „наполняла“ этотъ пустой абсолютъ содержаніемъ эвдемоническимъ, низменнымъ, языческимъ, то это относится не къ абсолюту, а къ невѣрному выполненію задачи. Поставьте наибольшее всеобщее счастіе въ связь съ велѣніемъ нравственнаго императива и „наполняйте“ его этическимъ, а не языческимъ, относительнымъ содержаніемъ. Но, скажутъ, счастіе само понятіе относительное и потому сторонники доктрины и говорятъ о „возможно большемъ счастьи возможно большаго числа лицъ“. А добро не относительно? Вѣдь, едва Булгаковъ сходитъ „къ жизни“, какъ и онъ начинаетъ „наполнять“ пустой абсолютъ „относительнымъ содержаніемъ“. Абсолютъ никогда не можетъ быть наполненъ абсолютнымъ содержаніемъ—и благо: тогда либо исчезли бы люди, превратившись въ безстрастныхъ ангеловъ, либо жизнь остановилась-бы: некуда было бы и стремиться. Но пусть прогрессъ будетъ закономъ добра, лишь бы это былъ „нравственный законъ“. Спорить изъ-за словъ не слѣдуетъ. Но вотъ мысль Булгакова, что прогрессъ является только нравственной задачей историческаго развитія, а не его закономъ, является уже крайне спорной и здѣсь дѣ-

[1]) Булгаковъ. стр. 37.
[2]) Булгаковъ. стр. 38—39.

ло уже не только въ словахъ. Напоминаю все то, что сказалъ по этому поводу А. Яроцкій и все то, что мною было сказано объ отдѣльныхъ частяхъ его доктрины. Въ понятіи прогресса надо отличать прогрессъ качественный и количественный и прогрессъ въ распредѣленіи средствъ удовлетворенія потребностей, разумѣя послѣднія не въ смыслѣ идей Зомбарта, а въ смыслѣ потребностей экономическихъ, интеллектуальныхъ, этическихъ и эстетическихъ. Господство „справедливости“ (верховный принципъ прогресса у Лаврова и Михайловскаго)—выражается съ полнотою только при ростѣ и гармоничномъ соотношеніи всѣхъ трехъ категорій прогресса. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ является „закономъ исторіи“, только онъ до сихъ поръ болѣе выражался въ ростѣ количественныхъ и въ значительномъ ростѣ качественныхъ сторонъ своихъ, чѣмъ по всѣмъ направленіямъ и въ гармоніи соотношенія ихъ.

Но возвратимся къ разсужденіямъ г. Булгакова. Указавъ на необходимость „найти мостъ отъ абсолютнаго къ относительному“, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ. „*Здѣсь* вступаетъ въ свои права положительная наука. Она является тѣмъ арсеналомъ, въ которомъ избираетъ свое оружіе нравственная воля. Наука должна служить цѣлямъ нравственной воли. [1]) Это относится и къ соціальной наукѣ, которая также должна служить средствомъ, чтобы „оріентировать въ дѣйствительности и освѣщать добро и зло въ соціальной жизни“. Конечно, разумъ идетъ здѣсь шаткимъ путемъ: понятія добра и зла въ конкретной жизни спорны, возможны ошибки, но самое понятіе добра и зла не спорно. „Человѣкъ, въ мѣру того пониманія дѣйствительности, котораго ему удалось достигнуть и въ которомъ не послѣднюю роль играетъ наука, изъ безбрежнаго моря зла выбираетъ именно то, что можетъ и должно быть устранено теперь же и его именно силами, на чемъ ему въ данный моментъ слѣдуетъ сосредоточить борьбу. При этомъ человѣкъ не можетъ, конечно, обойтись и безъ того, чтобы не опредѣлить *вѣроятіе* (вѣдь это уже не категорія необходимости, такъ какъ-же г. Булгаковъ?) того или иного хода вещей, не заглядывать въ будущее не *предсказывать*“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ г Булгаковъ спрашиваетъ: „нужна ли для признанія обязательности нравственной задачи (т. е. задачи прогресса) *увѣренность*, что этотъ прогрессъ осуществляется *съ механической необходимостью*? нужно ли, другими словами, приподнимать завѣсу будущаго, прибѣгать къ научнымъ прорицаніямъ? Здѣсь, конечно, дѣло не въ томъ, что прорицаніе вовсе и не должно имѣть въ виду осуществленіе прогресса „съ механическою необходимостью“, хотя, если не говорить о „механичности“ (т. е. необходимости безъ вмѣшательства личности, т. е. при отрицаніи того, чтобы людямъ было присуще стремиться къ лучшему), то и въ такой формѣ на вопросъ слѣдуетъ отвѣчать скорѣе утвердительно, чѣмъ отрицательно („объективная необходимость прогресса“ по моему доказана), а въ

[1]) Булгаковъ, стр. 39.
[2]) Булгаковъ, стр. 39-40.

томъ, что вообще „нужно-ли приподымать завѣсу будущаго“? Булгаковъ говоритъ—нѣтъ, ибо „никакіе костыли не нужны для нравственнаго закона“, ибо онъ „абсолютъ“. [1]) Мы уже показали выше, что вообще не „нѣтъ“, а „да“, а въ частности „да“ и съ точки зрѣнія нравственнаго закона, ибо онъ не падаетъ изъ воздуха и самъ, безъ примѣненія его къ „конкретной жизни“, будетъ „задачей“, какъ того хочетъ и Булгаковъ, но задачей безъ рѣшенія, какъ онъ того не хочетъ. А что онъ не хочетъ. видно изъ цитированныхъ нами выше словъ его: „человѣкъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы опредѣлить вѣроятіе того или иного хода вещей, не заглядывать въ будущее, не предсказывать“. Булгаковъ идетъ далѣе и требуетъ, чтобы люди опредѣлили „историческую задачу“ времени своего и чтобы они были „сыновьями своего времени, отзывались на всѣ его призывы, понимали всѣ его задачи и боролись за ихъ разрѣшеніе“.[2]) Дѣлается такое пониманіе, признаетъ Булгаковъ, на почвѣ науки, и между прочимъ соціологіи и въ этомъ отношеніи наука имѣетъ огромное значеніе: она sine qua non нравственнаго дѣянія. Но она не имѣетъ руководящаго значенія, а служитъ лишь средствомъ, орудіемъ для высшей нравственной, внѣ ея стоящей и „отъ нея независимой“ цѣли.[3])

На ряду съ знаніемъ, говоритъ авторъ далѣе, самостоятельныя права имѣетъ вѣра. Она установляетъ религіозное отношеніе къ тѣмъ истинамъ, которыя являются продуктомъ опытнаго и сверхопытнаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ „распространяетъ область несомнѣннаго туда, куда не хватаетъ наука“. „Безъ вѣры невозможно религіозное отношеніе къ ученію, какъ бы возвышенно оно ни было“. И снова жаль, что Булгаковъ не отличаетъ вѣры интуитивной отъ раціональной; быть можетъ онъ отвѣтилъ бы тогда утвердительно на вопросъ о томъ, нужно-ли подымать „завѣсу будущаго“, усиливаетъ-ли это энергію „свободно и въ силу этическаго императива хотящей личности?“.

Говоря о философіи, Булгаковъ находитъ, что она не должна быть лишь развитіемъ „критической“ философіи (вѣроятно по адрессу Струве), а должна дать „творческій синтезъ“ всѣхъ новѣйшихъ философскихъ системъ или, по крайней мѣрѣ, „посчитаться съ ними“. Она должна не только знать „свое духовное наслѣдство“, но и переработать всѣ конечные выводы современной положительной науки. [4]) Но философія должна стоять на высотѣ своего времени и въ другомъ смыслѣ: она должна охватить не только науку, но и жизнь своего времени, понимать его запросы и такъ или иначе отвѣчать на нихъ, а не „становиться спиной“ къ нимъ. Философія должна быть выразительницей и истолковательницей соціальной борьбы нашихъ дней, а не „замыкаться отъ жизни въ кабинетѣ“ (и не обращать взоръ отъ настоящаго къ неяснымъ перспективамъ будущаго?). Это въ особенности необходимо теперь, послѣ кризиса марксизма.

[1]) Булгаковъ, стр. 37.
[2]) Булгаковъ, стр. 40.
[3]) Булгаковъ, стр. 41.
[4]) Булгаковъ, стр. 44.

Послѣдній былъ силенъ не своими научными, а своими утопическими элементами (въ этомъ, какъ мы видѣли, виновата была не наука, хотя, конечно, одной науки было мало). На смѣну соціально-политическому утопизму явился соціально-политическій реализмъ. [1]) Авторъ заканчиваетъ свою работу утвержденіемъ необходимости возрожденія идеализма и новой вѣры, новаго источника нравственнаго энтузіазма. Рѣчь идетъ не объ уступкахъ требованій практическаго характера, а о постановкѣ ихъ на высоту нравственной задачи. При этомъ „наше участіе въ борьбѣ будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ нравственнаго закона, велѣніемъ Бога“ [2]). На этомъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе выдающейся работы г. Булгакова и только прибавимъ слѣдующее: возчувственная истина—истина, но еще сильнѣй истина понятая. Прочувствовать хорошо, но мало, нужно еще и продумать и объяснить себѣ. Нужно знать, какъ правильно говоритъ г. Аскольдовъ, чтобы стремиться къ лучшему, прекраснѣйшему, вѣчному, нужно его знать, нужно имѣть его идею. Болѣе того: безсмыслено стремиться къ тому, что невозможно“.[3]) Нужно, стало быть, знать—возможно или невозможно.

VII.

Говоря о соціальномъ предвидѣніи, мы уже касались вопроса о границахъ его. Послѣднему вопросу посвященна въ отчетномъ году работа г. Е. Тарле, общія положенія которой мы всецѣло раздѣляемъ. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ сдѣланными уже по данному вопросу замѣчаніями, заставляетъ насъ остановить вниманіе читателя на этой работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ и выполненіемъ спеціальной задачи „обзора“.

Г. Тарле ставитъ вопросъ о возможности опредѣлить степень объективной основательности сужденій о будущихъ соціальныхъ событіяхъ въ связь съ „крушеніемъ“ прежнихъ, казавшихся столь обоснованными, прогнозовъ, каковое крушеніе сопровождается „суженіемъ прежнихъ широкихъ идеаловъ и мірообъемлющихъ программъ“ и „пессимистическимъ отношеніемъ къ ближайшему будущему“. Иначе говоря, вопросъ сводится къ слѣдующему: „каковы *границы* историческаго, предвидѣнія при настоящемъ положеніи общественныхъ наукъ“.[4]) Подъ означенымъ „крушеніемъ“ разумѣется, какъ это и объяснено далѣе у автора, неоправдавшійся прогнозъ Маркса и вызванное этимъ настроеніе.

Ставя вышеуказаннымъ образомъ вопросъ, г. Тарле предупреждаетъ, что предлагаемый имъ на судъ читателей очеркъ не претендуетъ на рѣшеніе, или, хотя-бы, исчерпывающее полное обсужденіе этой проблемы, а что онъ имѣетъ въ виду лишь „оттѣнить нѣкоторыя немаловажныя ея стороны“. Авторъ совершенно правильно

[1]) Булгаковъ, стр. 45.
[2]) Булгаковъ, стр. 46.
[3]) Аскольдовъ, Философія и жизнь. „Пробл. идеализма“, стр. 208.
[4]) Е. Тарле, Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія. Русск. Богатство 1902 г. № 5. стр. 41—42.

сводитъ вопросъ о знаніи будущаго къ вопросу о томъ, въ состояніи ли мы знать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ исторію самаго ближайшаго будущаго, напримѣръ исторію 1903 г. такъ, какъ мы знаемъ исторію 1901 г. Но знаемъ-ли мы, спрашиваетъ онъ. исторію 1901 г., знаемъ-ли мы вообще исторію en marche, вчерашній день исторической жизни?. Нѣтъ, отвѣчаетъ не обинуясь г. Тарле: мы ее знаемъ лишь приблизительно. Мы знаемъ отдѣльныя событія, знаемъ приблизительно соотношенія военныхъ силъ, выдающіеся факты жизни культурныхъ и немногихъ некультурныхъ странъ, отчасти и невездѣ въ одинаковой мѣрѣ, а кое-гдѣ и совсѣмъ не знаемъ,—движеніе народонаселенія и т. д. и т. д. Поэтому должно придти къ заключенію, что обществовѣдъ не владѣетъ вполнѣ всѣми нужными для него свѣдѣніями по исторіи вчерашняго и сегодняшняго дней. Поэтому, напримѣръ, обществовѣдъ, имѣя въ рукахъ возможно большее количество различнаго рода свѣдѣній объ экономическомъ, политическомъ и соціальномъ положеніи Германіи 1899 г., свѣдѣнія, обработанныхъ такъ и въ такомъ изобиліи, какъ, можетъ быть, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ,—могъ бы сказать только, что политическія, соціальныя и экономическія отношенія Германіи останутся въ 1900 г. въ прежнемъ положеніи, *если* какая нибудь внѣшняя, внѣ границъ Германіи, существующая сила не вмѣшается въ національную жизнь. Но если послѣднее произойдетъ,—ни за что ручаться нельзя. Обладая всѣми указанными свѣдѣніями, обществовѣдъ не могъ бы предсказать возстанія боксеровъ, связанныхъ съ нимъ послѣдствій въ Китаѣ и Европѣ и результаты сего хотя бы въ предѣлахъ 1900 года. Этого онъ не могъ бы предсказать—просто по незнанію китайскихъ обстоятельствъ.[1]) Здѣсь „если“ примѣшивается къ формулѣ предвидѣнія совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ у г. Нежданова, имѣющаго въ виду наступленіе уже предусмотрѣннаго результата, „если мы будемъ дѣйствовать“, такъ какъ „мы“ можемъ и не дѣйствовать по тѣмъ или другимъ мотивамъ.[2]) Нужно, стало быть, имѣть въ виду оба „если“.

По отношенію къ данному же примѣру г. Тарле замѣчаетъ, что „предвидѣніе“ было затруднено почти до невозможности (по крайней мѣрѣ для научно обоснованнаго предвидѣнія), ибо обществовѣдъ не обладалъ и не обладаетъ широкимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ даже событій, *уже происшедшихъ* (курсивъ автора). Нѣтъ обстоятельныхъ и точныхъ работъ объ экономическомъ состояніи 450 милліоннахъ китайцевъ, о бюджетѣ отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, о положеніи провинцій и т. п. Этотъ примѣръ „показываетъ всю бѣдность фактическихъ матеріаловъ, которыми *даже теперь* (курсивъ автора) располагаетъ соціологъ и которые необходимо должны служить отправною точкою при постановкѣ прогноза. „Сегодняшній день чреватъ завтрашнимъ“,—и недостаточное знаніе матери обусловливаетъ въ данномъ случаѣ полное невѣдѣніе относительно младенца. Мы подчеркнули слова „даже теперь“, по той простой причинѣ, что прежде нужные обществовѣду матеріалы были еще менѣе извѣстны

[1]) Тарле, op. cit. стр. 43.
[2]) Неждановъ, Нравственность, стр. 34—35.

и разработаны“ [1]). При этомъ г. Тарле говоритъ, что печальнѣе всего въ положеніи соціолога то, что онъ ничѣмъ не можетъ замѣнить недостаточность знаній своихъ въ современной, текущей исторіи. Аналогіи здѣсь безсильны, или почти безсильны, такъ какъ онѣ могутъ имѣть значеніе подтвержденій и иллюстрацій, но не коренныхъ доводовъ. Это потому, что „историческія событія напоминаютъ иногда другъ друга, но никогда не повторяются“. Аналогіи важны и нужны, когда соціологъ пытается вывести общественные законы, подмѣтить причинную связь, закономѣрность въ извѣстныхъ явленіяхъ, но въ прогнозахъ, гдѣ сотни и сотни никогда раньше не бывшихъ фактовъ во всей своей конкретности обступаютъ изслѣдователя, аналогіи слишкомъ часто бываютъ произвольны и нереальны. Окончательное заключеніе автора сводится къ тому, что „для того, чтобы завтрашній день исторіи обрисовался предъ нами въ *мало-мальски* конкретныхъ формахъ, рѣшительно необходимо, прежде всего, знать сегодняшній, вчерашній и непосредственно предшествующіе дни во *всей* ихъ конкретности. Это—если не единственный, то первый по важности и *совершенно ничѣмъ не замѣнимый* матеріалъ (вездѣ курсивъ автора). Мы имъ не владѣемъ въ настоящее время съ достаточной полнотою; значитъ-ли это, что историческій прогнозъ, при современномъ состояніи обществовѣдѣнія, есть абсурдъ, полный и безусловный nonsens?“ [2]) Для разрѣшенія послѣдняго вопроса, составляющаго самую суть дѣла, авторъ ставитъ слѣдующую предпосылку: необходимо, прежде всего, выяснить, что именно составляетъ обыкновенное содержаніе соціологическихъ предсказаній. Оставляя въ сторонѣ разнаго рода утопіи (вродѣ трудовъ Беллами; къ этого рода художественнымъ прогнозамъ въ отчетномъ году относятся два „соціальныхъ романа“: „Трудъ“ Эмиля Зола и „На землѣ и на Марсѣ“ Ласвица), авторъ имѣетъ въ виду случаи, когда соціологъ пытается опредѣлить, „совершенно серьезно и пользуясь пріемами логическато мышленія,—содержаніе ближайшаго будущаго исторіи своей родной земли или, даже, всего человѣчества“. Оставляются совершенно правильно въ сторонѣ и произвольныя предсказанія, цѣлый рядъ примѣровъ коихъ доказываетъ положеніе о состояніи такого рода прогнозовъ внѣ науки. Прогнозы неминуемо, говоритъ Тарле, сбиваются на афоризмы и bons-mots, если они недостаточно или вовсе не мотивированы. А это чаще всего бываетъ, когда они касаются такого рода событій, которыя совершенно (или въ значительной мѣрѣ) не поддаются соціологическому учету [3]). И эта мысль поясняется примѣрами. Затѣмъ авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. „Если, съ извѣстною терминологическою неточностью, мы условимся различать въ исторіи “состоянія“ (у П. Некрасова—„стаціонарный процессъ“) и „происшествія“ (которыя, по Некрасову, также поддаются „учету“ при условіи „изоляціи“ зависимыхъ происшествій см. *П. Некрасова*, Философія и логика науки о массовыхъ проявл. человѣч. дѣятельности, стр. 16 и слѣд., стр. 33 и слѣд., стр. 41 и слѣд., стр. 47 и др.),

[1]) Тарле, стр. 45.
[2]) Тарле, стр. 46.
[3]) Тарле, стр. 48.

если мы признаемъ, что въ исторіи „das Sein“ и „das Werden“, непрерывно и нераздѣлимо сплетаясь между собою, тѣмъ не менѣе иногда начинаютъ одно надъ другимъ доминировать,—то тогда мы категорически должны будемъ сказать, что мотивированному прогнозу больше поддаются будущія „состоянія“ даннаго общества, нежели будущія „происшествія“ (т. е. до нѣкоторой степени событія „въ опредѣленномъ пунктѣ времени и пространства“), которыя къ этимъ „состояніямъ“ приведутъ“.[1]) Это—несомнѣнно осуждаемыя г. Булгаковымъ „тенденціи“, постановленныя на надлежащую почву.

Въ чемъ же заключается причина того, что „происшествія“ въ такой малой, и притомъ лишь общей, формѣ поддаются прогнозу? Есть, говоритъ г. Тарле, слово, которымъ соціологія до сихъ поръ росписывается въ своемъ малосиліи,—слово „случай“. Этотъ-то неуслѣдимый ингредіентъ и входитъ въ гораздо большей мѣрѣ въ „происшествія“, нежели въ „состоянія“, и дѣлаетъ предсказанія „происшествій“ часто ошибочными и почти всегда немотивированными. Иногда, послѣ анализа всей совокупности условій и обстоятельствъ народной жизни, можно сдѣлать мотивированный прогнозъ ближайшаго будущаго состоянія даннаго народа, но предугадать или предсказать весь ходъ эволюціи, всѣ, или, хотя-бы, главнѣйшія звенья событій,—почти немыслимо. Быть можетъ прогрессъ *коллективной психологіи* и другихъ сопредѣльныхъ наукъ когда нибудь и измѣнитъ, хоть отчасти, подобное положеніе.[2]) Что касается *„массовыхъ* случайныхъ явленій, то, помимо помощи коллективной психологіи (на что уже указывалось выше), здѣсь возможна и помощь „ученія о вѣроятности среднихъ величинъ“, поставленнаго на научную почву. Подъ послѣдней проф. Некрасовъ разумѣетъ теорему Чебышева, обнимающую теоремы Бернулли и Пуассона, каковая теорема требуетъ, однако, соотвѣтствующихъ поправокъ. „Теорема Чебышева (причемъ нужно имѣть въ виду, что опредѣляемая ею достовѣрность есть нравственная, а не абсолютная; достовѣрное событіе—„происшествіе“—при этомъ понятіи можетъ не осуществиться, но шансы неосуществленія его безконечно малы; иначе говоря, *необходимость* наступленія этого достовѣрнаго событія не есть абсолютная) имѣетъ полную силу лишь при томъ необходимомъ условіи, *когда массовыя случайныя явленія, которыми опредѣляются случайныя числа* (т. е. числа, съ которыми связываются массовыя случайныя явленія), *оказываются попарно независимыми* [3]) (курсивъ автора). Такимъ образомъ здѣсь имѣетъ существенное значеніе условіе независимости случайныхъ явленій, которую, поэтому, и нужно изслѣдовать при повѣркѣ. Это иногда дѣлается такъ, что сложный массовый процессъ разбивается на отдѣльные *простые*, достаточно *изолированные* процессы. Таковъ, напримѣръ опытъ массоваго числа бросанія монетъ съ наблюденіемъ при каждомъ бросаніи всякой монеты вскрытія орла или рѣшетки. При этомъ по условіямъ опыта каждое бросаніе монеты представляетъ настолько изолированный по отношенію къ прочимъ бросаніямъ процессъ,

[1]) Тарле, стр. 49.
[2]) Тарле, ibidem.
[3]) Некрасовъ, op. cit. стр. 29.

что вскрытіе орла или рѣшетки въ одномъ бросаніи (конечно, при условіи вполнѣ объективныхъ пріемовъ бросанія во всѣхъ случаяхъ опыта) оказывается независимымъ случайнымъ явленіемъ по отношенію къ ходу случайныхъ явленій въ остальныхъ бросаніяхъ. Эмпирическая повѣрка помощью бросаній монетъ, прибавляетъ г. Некрасовъ, какъ мы знаемъ, всегда оправдываетъ теорему Бернулли. [1]) При примѣненіи къ случайнымъ явленіямъ теоріи среднихъ величинъ должно широко пользоваться *изоляціей* простого процесса (выдѣляемаго изъ массоваго), разумѣя подъ этимъ „дѣйствіе всякой причины, способной поддержать въ естественномъ простомъ процессѣ независимость нѣкоторыхъ свойственныхъ ему случайныхъ явленій по отношенію къ случайнымъ явленіямъ въ другихъ, сопоставляемыхъ съ нимъ, простыхъ процессахъ". Примѣръ—поддержаніе и усиливаніе со стороны власти въ благомъ направленіи естественной изоляціи жизненнаго процесса каждаго лица отъ покушеній на него и созданіе такимъ образомъ независимости смерти лица отъ многихъ обстоятельствъ жизни согражданъ. [2])

Итакъ, сложный массовый процессъ приходится разбивать на естественные простые процессы, болѣе или менѣе *изолированные* (курсивъ автора). Вслѣдствіе *неполноты* этой изолированности случайныя явленія, свойственныя каждому изъ отдѣльныхъ простыхъ процессовъ, приходится подраздѣлять на *двѣ* категоріи: *первую* о свойственныхъ данному простому процессу случайныхъ явленіяхъ, независимыхъ по отношенію къ ходу случайныхъ явленій въ остальныхъ простыхъ процессахъ и *вторую* о прочихъ случайныхъ явленіяхъ того-же процесса (вездѣ курсивъ автора). И вотъ примѣненіе теоріи среднихъ величинъ умѣстно вполнѣ лишь по отношенію къ явленіямъ первой категоріи, къ остальнымъ же „болѣе или менѣе неумѣстно". Въ этой первой категоріи имѣетъ мѣсто устанавливаемая теоріей среднихъ величинъ математическая *закономѣрность* (т. е., какъ сказано относительно теоремы Чебышева, нравственная достовѣрность, неабсолютая необходимость), почему разсматриваемый процессъ является *регулярнымъ*, а по отношенію къ явленіямъ второй категоріи онъ является уже *иррегулярнымъ* [3]) (вездѣ курсивъ автора, какъ и далѣе, если не сдѣлано оговорокъ). Если-же событія представляютъ дѣятельность живыхъ существъ, то массовый процессъ должно называть *психическимъ* и притомъ *свободнымъ* по отношенію къ взаимно—независимымъ, или почти независимымъ, случайнымъ явленіямъ. Послѣдній является въ тоже время и иррегулярнымъ по отношенію къ соотвѣтствующимъ случайнымъ явленіямъ [4]).

Укозанныя „независимыя" случайныя явленія, о которыхъ все время идетъ рѣчь, всего менѣе поддаются учету съ точки зрѣнія изученія исторіи прошлаго и совокупности всѣхъ условій жизни настоящаго; въ весьма пока еще малой степени (въ виду невыработан-

[1]) Некрасовъ, стр. 31—32.
[2]) Некрасовъ, стр. 33.
[3]) Некрасовъ, стр. 33—34.
[4]) Некрасовъ, стр. 34.

ности самой науки) онѣ поддаются учету съ точки зрѣнія коллективной психологіи. И вотъ онѣ то болѣе всего могутъ быть учитываемы на почвѣ теоріи среднихъ чиселъ, какъ это видно изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій г. Некрасова. Эти независимыя явленія, какъ сказано, изучаются, благодаря полнотѣ изоляціи ихъ отъ „вліяній“. Но, говоритъ г. Некрасовъ, въ массовомъ общественномъ стаціонарномъ процессѣ существуютъ и зависимыя случайныя явленія, благодаря неполнотѣ изоляціи, оставляющей мѣсто вліяніямъ. Къ этимъ явленіямъ теорія вѣроятности примѣнима и даетъ „мѣрило ихъ взаимной зависимости“, но теорія среднихъ величинъ не примѣнима. Здѣсь нѣтъ той регулярности, которая выражается формулами и теоремами теоріи среднихъ величинъ.

Замѣтимъ, что въ иррегулярныхъ массовыхъ процессахъ съ зависимостью однихъ явленій отъ другихъ на помощь приходятъ, кромѣ теоріи вѣроятности, тѣ именно данныя, которыя изучаются въ сиціологіи, какъ начала, добытыя изъ исторіи прошлаго и совокупности условій настоящаго, т. е. то именно, что ставится условіемъ предвидѣнія со стороны г. Тарле. Однако, и г. Некрасовъ не оставляетъ этихъ иррегулярныхъ съ зависимыми случайными явленіями процессовъ внѣ изученія. Онъ говоритъ, что здѣсь слѣдуетъ различать *степень* нарушенія взаимной стаціонарной независимости случайныхъ явленій. Если попарно эти случайныя явленія *весьма мало* зависимы или если встрѣчается даже и не весьма малая попарная стаціонарная зависимость ихъ. но какъ *весьма рѣдкое* исключеніе въ данномъ массовомъ процессѣ, то иррегулярность можно считать весьма незначительной, и возмущающее дѣйствіе зависимости въ среднемъ результатѣ можетъ оказаться столь ничтожнымъ, что дѣйствіемъ этимъ можно пренебречь, считая процессъ *почти* регулярнымъ и примѣняя къ нему съ ничтожной погрѣшностью теорію среднихъ величинъ.[1]) Въ томъ-же случаѣ, когда указанная зависимость будетъ велика и часта, то примѣненіе теоріи среднихъ величинъ будетъ грубою ошибкой. При высокомъ напряженіи взаимной зависимости случайныхъ явленій однѣ изъ нихъ могутъ превратиться въ *причину* другихъ. Тогда процессъ становится регулярнымъ, но уже не свободнымъ, а *фатальнымъ*. Процессъ же свободный, но не фатальный, является регулярнымъ при изоляціи зависимости. „Отнятіе у проявленій свободы всякихъ признаковъ регулярности, говоритъ авторъ, есть ошибка схоластики, а объясненіе этой регулярности фатальною необходимостью при отрицаніи свободы есть ошибка позитивизма“[2]) Итакъ, въ міровомъ порядкѣ регулярность выражается въ двухъ формахъ прецесса: одна связана съ категоріей причины и является *фатальной*, другая связана съ категоріей независимости и является *свободной*. И та и другая форма постигается познаніемъ состоянія массового процесса, т. е. уясненіемъ взаимодѣйствія вліяній, которыя занимаютъ промежуточныя стадіи между необходимостью и независимостью и, сочетаясь, создаютъ при однѣхъ комбинаціяхъ фатальную необходимость, а при другихъ—независимость. Поэтому,

[1]) Некрасовъ, стр. 34—35.
[2]) Некрасовъ, стр. 37.

численный статистическій методъ долженъ обратить свое вниманіе не только на среднія величины, связанныя съ ходомъ независимыхъ случайныхъ явленій (см. объ этомъ у Майо-Смита и Майра), но и на числовыя величины, измѣряющія „напряженіе и направленіе“ стаціонарныхъ вліяній [1]) Итакъ статистическій методъ имѣетъ задачей изученіе стаціонарныхъ стадій массовыхъ явленій. Нестаціонарный же массовый процессъ есть достояніе науки исторіи, которая слѣдитъ за соотвѣтственными метаморфозами, т. е. за взаимной стаціонарной зависимостью и независимостью явленій, на которыя она разлагаетъ нестаціонарный процессъ [2]). Некрасовъ даетъ и логическую схему для изслѣдованія такого естественнаго массоваго процесса, который въ ходѣ своихъ массовыхъ случайныхъ событій представляетъ ту и другую регулярность (частью фатальную, частью свободную), причемъ даетъ и ея общій планъ [3]) и намѣчаетъ ея подробности [4]). Мы здѣсь не можемъ слѣдить за всею аргументаціей автора, такъ какъ это значило бы просто перепечатать всю его книгу и такъ какъ, по существу нашей задачи, намъ необходимо было выяснить только общую сторону вопроса. Замѣтимъ еще здѣсь, что на основаніи предложеннаго имъ общаго плана, авторъ вновь приходитъ къ заключенію, что помощью теоріи среднихъ величинъ получаются математически выраженные законы по отношенію къ массовымъ стаціонарно-независимымъ случайнымъ явленіямъ. Эти законы можно, говоритъ Некрасовъ, назвать *свободными законами стаціонарнаго состоянія*, къ которымъ принадлежатъ статистическіе законы; изученіе же нестаціонарнаго процесса приводитъ къ *свободнымъ законамъ нестаціонарнаго процесса*, къ каковой категоріи принадлежатъ законы исторіи [5]). При изслѣдованіи логическихъ подробностей плана изученія массовыхъ случайныхъ явленій, Некрасовъ, будучи противникомъ крайняго эмпиризма и крайняго идеализма, высказывается за „благоразумное соединеніе умозрѣнія съ наблюденіемъ“, находя, что должно „соединять гармонически берега двухъ міровъ, изъ которыхъ одинъ заключенъ въ психическомъ мірѣ познающаго субъекта и постигается внутреннимъ опытомъ познающаго ума, а другой данъ во внѣшнемъ познаваемомъ мірѣ и проникаетъ во внутренній психическій міръ познающаго посредствомъ внѣшняго опыта“ [6]). Иначе говоря, Некрасовъ является сторонникомъ эмпиріо-критицизма, родоначальникомъ котораго былъ Рихардъ Авенаріусъ, а усердными проповѣдниками—у насъ В. В. Лесевичъ, а на Западѣ Фридрихъ Карстаньенъ и Поль Бартъ. На сколько мнѣ извѣстно, въ разсматриваемомъ году появилась только одна работа (собственно русскій переводъ ея изданъ въ отчетномъ году), посвященная изложенію основъ этой философской доктрины, это именно работа, написанная Карстаньеномъ для англійскаго журнала „Mind“ [7]). Для ознакомленія съ теоріей познанія эм-

[1]) Некрасовъ, Ibidem.
[2]) Некрасовъ, стр. 38.
[3]) Некрасовъ, стр. 40—42.
[4]) Некрасовъ, стр. 49 и слѣд.
[5]) Некрасовъ, стр. 41—42.
[6]) Некрасовъ, стр. 52.
[7]) Ф. Карстаньенъ, Рихардъ Авенаріусъ и его общая теорія познанія—эмпиріокритицизмъ, перев. съ англійск., Кіевъ 1902 г.

пиріокритицизма работа мало пригодна; статьи Лесевича и переводъ подъ его редакціей другой работы Карстаньена болѣе отвѣчаютъ запросамъ знанія.

Возвращаемся теперь къ разсужденіямъ г. Тарле. Указавъ на роль „случая“ и на „почти-немыслимость“ прогноза „происшествій“, коихъ онъ является ингредіентомъ (мы теперь понимаемъ, что эта „почти невозможность“ имѣетъ въ виду „средства исторіи“), г. Тарле замѣчаетъ слѣдующее: „мы начали это главу вопросомъ—что составляетъ обычное содержаніе соціологическихъ предсказаній? Отвѣчаемъ: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ихъ тему составляютъ какъ разъ не столько даже будущія состоянія, сколько именно происшествія, которыя къ этимъ состояніямъ приведутъ. Другими словами: не имѣя къ своимъ услугамъ достаточно матеріаловъ, достаточно разработанныхъ частныхъ дисциплинъ, не обладая, однимъ словомъ, нужными знаніями, чтобы приниматься за рѣшеніе менѣе трудной задачи, политическіе мыслители и ученые иногда брались за наиболѣе трудную проблему,—и изъ ихъ попытокъ получалось то, что должно было при подобныхъ условіяхъ получиться“ [1]). Такой именно попыткой, указываетъ г. Тарле, и былъ прогнозъ Маркса о Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie. Коренная ошибка, замѣчаетъ г. Тарле, заключалась въ томъ, что *научнаго права* (курсивъ автора) ставить такой прогнозъ (говорится о первой ея части, теоріи Zusammenbruch'a) Марксъ не имѣлъ [2]). Это (въ отношеніи первой части прогноза) замѣтилъ и самъ Марксъ, что, со свойственнымъ ему прямодушіемъ истиннаго ученаго, и заявилъ. Когда Марксъ умеръ, вторая часть прогноза (Verelendungstheorie) еще всецѣло входила въ партійное міросозерцаніе. Эта теорія, нужно сказать, стояла всецѣло въ связи съ первою (Zusammenbruch'a), какъ ея историческая и логическая предпосылка. Но и отъ нея, въ сущности, Марксъ отказался подъ вліяніемъ наблюденій фактовъ противоположнаго свойства, особенно изъ жизни англійскихъ рабочихъ. Факты и обобщенія супруговъ Веббовъ (см. ихъ труды, а также выводы Бернштейна и Прокоповича) произвели сильное впечатлѣніе, а тутъ подоспѣло посмертное опубликованіе двухъ знаменитыхъ писемъ Энгельса. Къ этому присоединились и факты аграрной эволюціи.

Все изложенное заставляетъ насъ всецѣло присоединиться къ выводу г. Тарле относительно истиннаго значенія прогноза Маркса. „Онъ не могъ, говоритъ Тарле, не ошибаться, удача здѣсь могла бы быть только частичной и безусловно случайной; онъ и ошибся, и первую часть прогноза отвергъ самъ, вторую часть отвергли очень многіе изъ его эпигоновъ“ [3]) Наука здѣсь, конечно (повторяю сказанное выше по поводу пессимизма въ отношеніи къ научнымъ прогнозамъ г. Булгакова), не причемъ: мы видимъ только слабое выполненіе задачи въ связи съ неправильной постановкой вопроса и недостаточностью развитія самой науки. Иначе говоря, причина лежитъ въ тѣхъ современныхъ несовершенствахъ соціологіи, въ связи съ вы-

[1]) Тарле, op. cit. стр. 49—50.
[2]) Тарле, стр. 53.
[3]) Тарле, стр. 55.

ясненіемъ которыхъ нами предпринятъ пересмотръ трудовъ отчетнаго года. Узнавъ причину, мы тѣмъ самымъ, какъ врачъ у постели больного, узнаемъ средство исправленія недостатковъ. Нужно расширить задачу науки включеніемъ въ нее деонтологіи, нужно исправить и даже выработать, въ связи съ расширеніемъ задачи науки, ея методъ, нужно спрашивать у науки только о томъ, на что она можетъ отвѣтить, памятуя о различіи между науками, въ которыхъ господствуетъ одна закономѣрная причинность и науками, въ которыхъ послѣдняя сочетается со свободой; нужно имѣть въ виду роль личности въ исторіи; нужно отказаться отъ соціологіи описательной и статической и признать соціологію динамическую и конструктивную; нужно имѣть въ виду характеръ историческихъ прогнозовъ и границы послѣднихъ; нужно, наконецъ, разсматривать деонтологію съ точки зрѣнія этической оцѣнки событій и состояній, но оцѣнки не оторванной отъ жизни, а дѣйственной, связанной съ обращеніемъ взора на настоящее не только ради будущаго, но и этого настоящаго и на будущее ради не только настоящаго, но и этого будущаго, а не обращать взоръ „отъ“ одного къ другому, нужно „любить“ и дѣйственно любить „и ближнихъ, и дальнихъ“....

Какъ же поступаютъ въ дѣйствительности ученые, ставъ лицомъ къ факту неудачи одного изъ казавшихся наиболѣе обоснованныхъ научно прогнозовъ? Одни, какъ мы видѣли, ошибочно отвергаютъ самую способность науки къ прогнозу и, потерявъ почву въ этомъ обоснованіи, обратились къ крайности—къ исключительно идеалистическому императиву „абсолюта“ нравственнаго закона. Другіе, какъ указываетъ г. Тарле [1]), обнаружили „рѣшительную склонность къ пророчествамъ (конечно, въ духѣ, *діаметрально противоположномъ* прежнимъ предсказаніямъ). За эти ихъ пророчества ручается... только ихъ собственное желаніе“. Каково же, по мнѣнію Тарле, истинное положеніе вопроса? „Съ значительною дозой вѣроятія можно предсказать, говоритъ онъ. только самое главное, самое общее въ соціальныхъ и политическихъ отношеніяхъ культурныхъ странъ (и то далеко не всѣхъ, ибо въ нѣкоторыхъ нѣтъ возможности собрать конкретныя данныя о положеніи вещей даже въ настоящемъ) и то лишь въ ближайшіе годы, и то съ оговоркою: „*если*“ (курсивъ автора) не случится вмѣшательства посторонней силы, не лежащей въ предѣлахъ націи и, вообще, соціальной группы, о которой идетъ рѣчь“ [2]) „Если“ мы будемъ дѣйствовать, прибавимъ мы, разумѣя координированность дѣйствій, цѣлесообразность дѣйствій, силу ихъ и принятіе въ разсчетъ противодѣйствій.

Г. Тарле дѣлаетъ еще одну существенную оговорку: „притомъ даже это урѣзанное „предсказаніе“ можетъ касаться лишь тѣхъ случаевъ, когда жизненный темпъ страны сравнительно стаціонаренъ [3]). При нестаціонарности же (уже не процесса, такъ какъ послѣдній всегда нестаціонаренъ) этого „темпа“ на помощь можетъ притти только изученіе психологіи толпы, которая, какъ мы указали выше, какъ по-

[1]) Тарле, ibidem.
[2]) Тарле, стр. 55—56.
[3]) Тарле, стр. 56.

лагаетъ также г. Некрасовъ и какъ вѣритъ и г. Тарле, „вѣроятно, съ развитіемъ своимъ, дастъ обществовѣду массу не только матеріаловъ, но и новыя точки зрѣнія и отправные пункты при постановкѣ прогнозовъ. Статистика и другія описательныя науки, съ своей стороны, будутъ дѣлать почву для нихъ все болѣе и болѣе твердой". Мы разсматриваемъ вопросъ съ обще-научной точки зрѣнія и потому вопросъ о цѣнности современной постановки дѣла является для насъ вопросомъ объ улучшеніи познавательныхъ средствъ, объ увеличеніи ихъ и о стремленіи къ совершенству самой науки, что нами и отмѣчено уже выше. Но, независимо сего, и прогнозъ въ самыхъ общихъ чертахъ (вспомнимъ примѣръ Гумпловича) является весьма цѣннымъ, хотя бы въ видахъ его бодрящихъ свойствъ.

VIII.

Приведенный мною выше выводъ о томъ, какою не должна быть соціологія, вытекаетъ изъ всего изложеннаго въ настоящемъ „обзорѣ". Чуть ли не важнѣйшею стороной этого вывода является заключеніе о необходимости расширить задачи науки включеніемъ въ нее деонтологіи, причемъ тутъ же указано, что деонтологію нужно разсматривать съ точки зрѣнія этической оцѣнки событій и состояній, связанной съ обращеніемъ взора на настоящее ради не только настоящаго, но и будущаго и на будущее не только ради настоящаго, но и ради самаго будущаго. Эта сторона дѣла не разъ уже получала свое разрѣшеніе въ теченіи настоящаго обзора, но разрѣшенія эти давались въ связи съ разсмотрѣніемъ вопроса о сочетаніи сущаго и должнаго и вопроса о соціальномъ предвидѣни. Такая постановка дѣла объясняется естественною связью данныхъ вопросовъ. Однако, желательно болѣе полное разсмотрѣніе вопроса, въ виду его важности. Я это *отчасти* и попытаюсь сдѣлать въ связи съ взглядами, относящимися къ данному предмету, высказанными въ отчетномъ году. Говорю—„отчасти", потому что вопросъ такъ важенъ и сложенъ, что сколько-нибудь исчерпывающее его разсмотрѣніе требуетъ спеціальнаго труда. Впрочемъ, я указалъ уже и раньше, что эту сторону дѣла я только *намѣчаю*. Если я не отказываюсь совершенно отъ разсмотрѣнія вопроса въ настоящемъ трудѣ, то главнымъ образомъ въ видахъ выполненія задачи „обзора".

Вопросъ о сущемъ и должномъ, о закономѣрной необходимости и свободѣ такъ же старъ, какъ стара мысль. Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать исторію вопроса, хотя на этой почвѣ, быть можетъ, изучить вопросъ было бы и удобнѣе всего и, въ смыслѣ глубины анализа проблемы, полезнѣе всего. Отчасти на эту почву поставлена въ отчетномъ году работа С. Н. Трубецкаго [1]). Должное здѣсь освѣщается съ точки зрѣнія идеала, а сознаніе идеала, говоритъ авторъ, *дано* человѣку, и въ этомъ сознаніи та сила, которая окрыляетъ его мысль, поднимаетъ ее ввысь; но это же сознаніе указываетъ ему все различіе идеала отъ того, чѣмъ онъ въ дѣйствительности облада-

[1]) С. Н. Трубецкой, Чему учитъ исторія философіи. Сборн. „Проблемы Идеализма", стр. 216-235.

етъ [1]). Такимъ образомъ, идеалъ составляетъ основу должнаго и въ то же время является критеріемъ сущаго.

Не касаясь, однако, исторіи вопроса, скажемъ только, что до послѣдняго времени господствующимъ въ наукѣ являлось направленіе, совершенно отрицавшее „свободу“ и сводившее всѣ явленія общественной жизни на принципъ закономѣрной необходимости. Это направленіе не дѣлало противоположеній между сущимъ и должнымъ, оно просто упраздняло послѣднюю категорію, превративъ ее, въ категорію естественно-необходимаго. Правда, само „направленіе“ расписывалось въ несостоятельности своей исторіософіи допущеніемъ „прыжка“ изъ царства необходимости въ царство свободы, правда— по самому существу дѣла философія эта была анетичной,—но научная критика этого направленія, исключая критики со стороны „русской школы“, обращала вниманіе не столько на эту сторону вопроса, сколько либо на экономическую доктрину, либо на политическую. Съ появленіемъ поворота къ критицизму (Штаммлеръ, Струве, Бернштейнъ, Риль и др) вопросъ переносится на иную почву: получаетъ освѣщеніе и „сочетаніе“ категорій сущаго и должнаго. Этимъ самымъ наука поставила и проблему о существѣ „должнаго“ на надлежащую почву—на почву предписаній императива этическаго свойства. У насъ, въ Россіи, эта сторона дѣла видвинута съ особою силою г. Неждановымъ, Казанскимъ, и въ недавнее время г. Бердяевымъ. Появленіе труда послѣдняго („Субъективизмъ и Индивидуализмъ въ общественной философіи“) обнаружило значительное отклоненіе автора отъ точки зрѣнія критицизма въ сторону метафизическаго идеализма. Направленіе, котораго придерживался г. Бердяевъ, подверглось критикѣ и того направленія, которому на смѣну пришелъ „поворотъ“ Штаммлера, Бернштейна, Струве и др., т. е. марксизма, какъ доктрины соціологической (см. напр. статью г. *Берсеньева* въ Русской Мысли за 1901 г. № 7) и того направленія, которое давно оспаривало односторонность и поэтому неправильность точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма (см. напр. большую работу г. *Чернова* въ Русск. Богатствѣ за 1901 г.). Міровоззрѣніе г. Бердяева не менѣе опредѣленно выражено и въ статьѣ его „Борьба за идеализмъ“, помѣщенной въ іюльской книгѣ журнала „Міръ Божій“ за 1901 г. Вопросу о соотношеніи возможнаго къ должному на почвѣ взаимоотношеній „нормъ“ къ законамъ природы посвящена въ разсматриваемомъ нами году интересная и полная глубокихъ мыслей статья Виндельбанда „Нормы и законы природы“, переведенная на русскій языкъ г. Бердяевымъ (Міръ Божій 1902 г. № 12). Находя, что нормы совершенно отличны отъ законовъ природы, Виндельбандъ тѣмъ не менѣе доказываетъ, что онѣ не противополагаются этимъ законамъ въ качествѣ чего-то далекаго и чужого, ибо каждая норма есть способъ соединенія психическихъ элементовъ, могущій при извѣстныхъ условіяхъ быть вызваннымъ необходимымъ, закономѣрнымъ процессомъ душевной жизни. (Міръ Божій, № 12, *Виндельбандъ*, стр. 118). Свобода не составляетъ произвола, а мотивированный выборъ.

Но обратимся къ г. Бердяеву и его аргументаціи.

[1]) С. Трубецкой, op. cit. стр. 225.

Въ отчетномъ году г. Бердяевъ значительно подвинулся впередъ въ намѣченномъ имъ въ 1901 г. отправномъ пунктѣ своихъ воззрѣній на этическую природу должнаго, и я считаю его концепцію на столько заслуживающею критическаго разсмотрѣнія, что полагаю нужнымъ ввести ее въ предметъ своего обсужденія. Оговариваюсь еще разъ—„новая“ точки зрѣнія заслуживаетъ детальнаго обсужденія въ спеціальномъ трудѣ, но я могу здѣсь разсмотрѣть ее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ спеціальномъ трудѣ я бы поставилъ новый трудъ г. Бердяева въ связь съ взглядами, высказанными имъ въ прежней его работѣ—здѣсь я этого сдѣлать не могу; тамъ я разсмотрѣлъ бы точку зрѣнія Бердяева въ связи со всей философіей вопроса нашего времени и слѣдилъ бы за аргументаціей автора шагъ за шагомъ,—здѣсь я этого дѣлать не въ правѣ: я пишу обзоръ соціологическихъ трудовъ и стремлюсь выяснить характеръ года въ общихъ его чертахъ, полагая, что на этой почвѣ лучше всего можетъ быть разрѣшенъ вопросъ, каково должно быть истинное положеніе науки, ея задачи, ея познавательныя средства и ея практическое значеніе.

Начавъ изложеніе своихъ взглядовъ, г. Бердяевъ съ перваго же момента ясно и опредѣленно указываетъ цѣль своей работы. „Цѣль моей статьи, говоритъ онъ,—сдѣлать опытъ постановки этической проблемы *на почвѣ философскаго идеализма*“. [1]) (курсивъ при изложеніи труда Бердяева—вездѣ, гдѣ не сдѣлано оговорокъ, принадлежитъ мнѣ). Итакъ, этическій принципъ должнаго разсматривается исключительно на указанной почвѣ, что само собой приводитъ автора къ отрицанію законности иной точки зрѣнія и къ обоснованію правильности такого отрицанія. Этика, говоритъ г. Бердяевъ, не есть соціологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущаго, это—философская дисциплина, устанавливающая нормы должнаго. [2]) Это та-же самая точка зрѣнія, которую г. Бердяевъ намѣтилъ, но развилъ въ другомъ направленіи, въ болѣе раннемъ трудѣ своемъ. [3]) „Этика, говоритъ далѣе Бердяевъ, начинается противоположеніемъ *сущаго* и *должнаго* (курсивъ автора), только вслѣдствіе этого противоположенія она возможна. Отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы. Этика въ единственно достойномъ смыслѣ этого слова не есть научное изслѣдованіе сущей нравственности, нравовъ и нравственныхъ понятій: нравственная проблема, съ которой она имѣетъ дѣло, лежитъ по ту сторону обыденной, условной житейской морали и эмпирическаго добра и зла съ ихъ печатью сущаго“. [4]) При нѣкоторой правильности послѣдней точки зрѣнія, удивительно, что Бердяевъ упустилъ ее изъ виду при указанномъ нѣсколькими строками выше опредѣленіи „должнаго“. Различая отъ

---

[1]) Бердяевъ, Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма. Сборн. „Проблемы Идеализма“, стр. 91.

[2]) Бердяевъ, op. cit. стр. 91.

[3]) Бердяевъ, Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. 58 и слѣд.

[4]) Бердяевъ, Этич. проблема въ свѣтѣ философск. идеализма, стр. 92.

„пустаго абсолюта“ этическаго идеала, т. е. принципа категоріи должнаго, условную житейскую мораль, Бердяевъ вмѣстѣ съ тѣмъ не различаетъ того, что этическое должное есть субъективное должное, т. е. съ точки зрѣнія морали, но объективно это не-должное, а возможное и потому требующее объективнаго же основанія задачи—дѣйствительно-ли субъективно должное (диктуемое императивомъ этическаго абсолюта, идеала) является объективно возможнымъ, и если нѣтъ, то вмѣсто дѣйствія наступаетъ отказъ отъ него (см. выше замѣчанія Нежданова). Что всего удивительнѣе, это то, что подобное разграниченіе этики и морали вѣдь давно сдѣлано въ наукѣ и между прочимъ тѣмъ самымъ Алоизомъ Рилемъ, труды котораго извѣстны г. Бердяеву, который рекомендуетъ одну изъ его книгъ каждому, желающему оріентироваться въ сложныхъ проблемахъ теоріи познанія. [1]) Свою точку зрѣнія Риль повторяетъ и въ отчетномъ году, говоря, что должно отличать этику отъ „науки“ морали, такъ-же, какъ мы отличаемъ искусство отъ науки объ искусствѣ. Этика даетъ морали ея цѣли, мораль же составляетъ путь къ достиженію этихъ цѣлей. И когда случается, что путь морали становится ошибочнымъ, она перестаетъ быть этической.[2]) Эту сторону вопроса, именно, что въ связи съ даннымъ различіемъ субъективно должное составляетъ объективно категорію „возможнаго“, забываетъ и г. Кистяковскій при разсмотрѣніи данной категоріи на почвѣ критики воззрѣній „русской субъективной школы соціологіи“—(см. статью г. Кистяковскаго въ сборникѣ „Проблемы Идеализма“).

Но обратимся къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ г. Бердяева. Прежде всего, говоритъ онъ, нужно разсмотрѣть этическую проблему съ гносеологической ея стороны, и тутъ мы должны признать *формальную* неустранимость (курсивъ подлинника) категоріи должнаго, о содержаніи которой пока еще нѣтъ рѣчи. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что попытки позитивистовъ и моралистовъ устранить идею должнаго и оставаться исключительно на почвѣ сущаго всегда вели къ противорѣчіямъ, ибо въ концѣ концовъ и тѣ и другіе вдавались въ оцѣнку сущаго, призывая къ тому, чего нѣтъ въ дѣйствительности, къ лучшему и высшему. [3])

Итакъ, Бердяевъ беретъ въ началѣ категорію должнаго въ ея формальной гносеологической чистотѣ. „Кантъ, говоритъ онъ, больше всѣхъ сдѣлалъ для окончательнаго утвержденія *самостоятельности* категоріи должнаго, какъ принципа, даннаго a priori нашему сознанію, и такимъ образомъ сдѣлалъ этику *независимой отъ научнаго познанія*. Это его безсмертная заслуга, и философская этика должна примыкать къ Канту. Нравственная оцѣнка сущаго съ точки зрѣнія должнаго присуща всякому сознанію: всѣ споры о добрѣ и злѣ, вся смѣна различныхъ системъ морали происходятъ въ предѣлахъ этой вѣчной функціи и тутъ нельзя стать „по ту сторону“. Итакъ, вслѣдъ за Кантомъ, прежде всего ужъ съ гносеологической точки зрѣнія, мы признаемъ самостоятельность категоріи должнаго, необходимость эти-

[1]) Бердяевъ, Субъект. и индивид. стр. 23 примѣч. 1.
[2]) Riehl, Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart. Leipzig 1903. s 175.
[3]) Бердяевъ, Этич. проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма, стр. 93.

ческой точки зрѣнія на жизнь и міръ, рѣзко отличающейся отъ точки зрѣнія научно-познавательной: нравственная проблема, проблема должнаго, не можетъ быть выведена изъ сущаго.... она автономна и не зависитъ отъ науки, отъ познанія сущаго". Но этика противополагается только положительной наукѣ, что-же касается метафизики, „то она объединяетъ этику и науку въ высшемъ сверхэмпирическомъ знаніи".[1]) Съ взглядомъ этимъ мы уже знакомы, знакомы и съ возраженіями на него и потому оставляемъ воззрѣніе это безъ замѣчаній. Одно только попутное замѣчаніе: благо! его наука не выдумываетъ, а только открываетъ. Убѣжденіе! Это непосредственная увѣренность въ правильности того или другого мнѣнія, въ правотѣ чего нибудь, это—голосъ совѣсти. Кому принадлежатъ эти слова? Новгородцеву, Бердяеву? Нѣтъ, ихъ сказалъ г. Карѣевъ.[2]) Замѣтимъ себѣ это и обратимся снова къ аргументаціи г. Бердяева.

Авторъ останавливается на различіяхъ своихъ взглядовъ со взглядами Струве, замѣчая что у нихъ только значительныя гносеологическія разногласія, но этическихъ почти нѣтъ никакихъ.[3]) Замѣтимъ и это, оттѣнивъ, что, значитъ, и при значительности гносеологическихъ разногласій можно считать себя сторонниками одного и того-же направленія. Всѣ эти замѣчанія намъ пригодятся впослѣдствіи. Здѣсь же укажемъ, что, такъ какъ взгляды Струве уже изложены и отчасти еще будутъ указаны далѣе, то данной части труда г. Бердяева я касаюсь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Г. Бердяевъ разсуждаетъ такъ. „Для теоріи познанія,—говоритъ Струве,—нѣтъ противоположности болѣе рѣзкой, чѣмъ бытіе и долженствованіе, *истинное и должное.*" „Я совершенно не могу понять, почему Струве считаетъ возможнымъ замѣнить противоположеніе бытія и долженствованія противоположеніемъ истиннаго и должнаго. Понятіе бытіе нельзя отождествлять съ понятіемъ истиннаго... Истинное съ точки зрѣнія теоріи познанія есть должное, а не сущее, хотя познавательно должное *отнюдь не тожественно съ нравственно должнымъ*, а только параллельно ему".[4]) Что послѣднее значитъ, что должно разумѣть подъ этимъ параллелизмомъ авторъ вѣроятно когда-нибудь разъяснитъ, но пока это и мало-понятно и неудобо-понятно. За то совершенно понятно, что если, „познавательно, должное отнюдь не тожественно съ нравственнно должнымъ", то одно изъ нихъ уже объективно не „должное", а *возможное,* хотя-бы субъективно оно и было (и не могло бы быть инымъ)—должнымъ. Оно объективно не абсолютно-должное, оно „Sollen, а не Müssen".

Критическія замѣчанія Бердяева о гедонизмѣ [5]) (разумѣя подъ широкимъ терминомъ его и эвдемонизмъ, утилитаризмъ и т. п.) сами по себѣ чрезвычайно интересны, но послѣ подробнаго изложенія соотвѣтсвенной части труда г. Булгакова, я считаю нужнымъ не утом-

[1]) Бердяевъ, op. cit. стр. 94 и примѣч. 2.
[2]) Карѣевъ, Мысли объ основахъ нравственности. Спб. 1895 г. стр. 32, 57 и др.
[3]) Бердяевъ, стр. 95.
[4]) Бердяевъ, стр. 95—96.
[5]) Бердяевъ, стр. 98 и слѣд.

лять вниманія читателя изложеніемъ этихъ замѣчаній. Отмѣчу только слѣдующую сторону этихъ замѣчаній. Она заключается въ тезисѣ ,что цѣль, которой ищетъ этика—не есть эмпирическое счастье людей, а ихъ идеальное нравственное совершенство и что нравственность есть самостоятельное качество души.[1]) „Нравственный законъ, говоритъ въ заключеніе этой главы Бердяевъ,—есть непосредственное откровеніе абсолютнаго,—это голосъ Божій внутри человѣка, онъ данъ для „міра сего", но онъ „не отъ міра сего"... Значеніе имѣетъ телеологическая идея прогресса".[2])

Послѣ обоснованія гносеологической самостоятельности этики Бердяевъ переходитъ къ содержанію ея и вновь примыкаетъ къ взгляду Канта. Кантъ, говоритъ онъ, призналъ абсолютную цѣнность за человѣкомъ: *человѣкъ—самоцѣль*; съ нравственной точки зрѣнія его нельзя разсматривать какъ средство, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ люди нравственно равноцѣнны... Основная идея этики есть идеи личности, единственнаго носителя нравственнаго закона. Все дальнѣйшее изложеніе, прибавляетъ авторъ, будетъ попыткой раскрыть и обосновать этическій принципъ человѣческой личности, какъ самоцѣли и абсолютной цѣнности.[3]) Пока мы еще не видимъ ничего незнакомаго для русской литературы, ничего такого, что заставляло-бы „новое" направленіе прибѣгать къ Канту и къ союзу съ метафизикой. Идея саморазвитія „я", развитія личности или расширенія свободы, какъ основа нравственности, соединенная съ признаніемъ за всѣми людьми равнаго достоинства—да вѣдь это идеи философской концепціи главы „русской субъективной школы", Лаврова [4]). Можно было бы поэтому ожидать (конечно, еслибы не существовало уже книги "Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи"), что не только „философское зерно" міровоззрѣнія г. Бердяева тожественно съ основой ученія русской соціологической школы, но что и вся доктрина составляетъ лишь то дальнѣйшее развитіе этихъ основъ, въ которомъ дѣйствительно ощущается надобность. Но нѣтъ: какъ существуетъ разница между этицизмомъ философіи Лаврова, Михайловскаго и другихъ представителей „русской школы" съ одной стороны и „критическимъ идеализмомъ" Струве съ другой, такъ существуетъ и различіе между послѣднимъ и различными сторонниками новаго поворота къ идеализму, г.г. Булгаковымъ, Новгородцевымъ и др., какъ метафизическими идеалистами и, наконецъ, между всѣми ими и г. Бердяевымъ, какъ сторонникомъ идеализма спиритуалистическаго. И философское зерно сотрудниковъ „Проблемъ Идеализма" тожественно, а между тѣмъ между ничшеніанствомъ Бердяева и Франка разница существенная, какъ существуетъ разница между воззрѣніями Булгакова и Бердяева на связь этики съ наукой и воззрѣніемъ на тотъ же предметъ Аскольдова и Жуковскаго. [5])

[1]) Бердяевъ, стр. 100.
[2]) Бердяевъ, стр. 104.
[3]) Бердяевъ, 104 и 105.
[4]) „Современныя ученія о нравственности и ея исторія". См. у Нежданова, op. cit. гл. 6, особ. стр. 148—150.
[5]) См. напр. у Д. Жуковскаго „Къ вопросу о моральномъ творчествѣ", въ Сборникѣ „Проблемы Идеализма", стр. 510.

Но вернемся къ воззрѣніямъ г. Бердяева. „Основная идея этики говоритъ онъ, есть идея личности. Что такое личность съ точки зрѣнія этики, въ какомъ отношеніи стоитъ этическая идея личности къ эмпирической личности со всѣмъ ея многообразнымъ конкретнымъ содержаніемъ, въ которомъ пестритъ смѣсь красоты съ уродствомъ, высокаго съ низкимъ? Тутъ мнѣ кажется, замѣчаетъ авторъ, выясняется тѣсная связь этики съ метафизикой, а въ концѣ концовъ и съ религіей. Въ предѣлахъ опыта, съ которымъ имѣетъ дѣло позитивная наука, этическая идея личности ускользаетъ, за эмпирической личностью мы не можемъ признать абсолютной цѣнности, въ эмпирической дѣйствительности человѣкъ слишкомъ часто не бываетъ *человѣкомъ* (курсивъ подлинника), тѣмъ человѣкомъ, котораго мы считаемъ самоцѣлью и который долженъ быть святъ". Въ послѣднихъ словахъ мы уже видимъ отклоненіе отъ того „общаго философскаго зерна", которое отмѣчено выше, мы какъ бы слышимъ вновь слова Паланта, того самаго, которому Ничше извѣстенъ только съ той его стороны, которая усвоена и г. Бердяевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ взглядъ г. Бердяева на этику. „Основная, господствующая идея этики есть идея „я", изъ нея должна быть выведена вся нравственность. Тутъ мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ отношеніи „я" и „ты"... Приматъ „ты" надъ „я", приматъ другого надъ самимъ, т. е., альтруизмъ, которымъ захотѣли въ нравственной философіи XIX в. замѣнить истинную духовную сущность человѣческой жизни,—вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны Ничше, каковой протестъ долженъ быть признанъ одной изъ крупнѣйшихъ его заслугъ. Величайшимъ торжествомъ настоящей нравственности будетъ утвержденіе примата „я" надъ „ты". [1]) Для этики оба равно-цѣнны, а между тѣмъ „ходячій альтруизмъ всегда признаетъ нравственное господство „ты" и суммы всѣхъ „ты", объединенныхъ въ понятіи не-я надъ я и этимъ упраздняетъ „я". Въ этикѣ же мы должны признать не только приматъ „я" (личности; духовной индивидуальности), но даже должны признать это „я" *единственнымъ* элементомъ этики" [2]) Здѣсь мы встрѣчаемъ ту-же односторонность въ изученіи антиноміи личности и общества, какъ и у Паланта и потому ограничиваемся замѣчаніемъ, что односторонность этого взгляда составляетъ такой-же недостатокъ, какъ и взглядъ о суверенитетѣ общества въ смыслѣ тенденціи къ обезличенію индивидуальности.

Удивляться тому, что г. Бердяевъ приходитъ къ выводу, грѣшащему односторонностью и исключительностью нечего: задатки этого лежатъ уже въ взглядахъ автора на данный предметъ, высказанныхъ раньше. Такъ, въ книгѣ своей „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи", отмѣчая то обстоятельство, что г. Михайловскій, также какъ и онъ, Бердяевъ, высказываетъ убѣжденіе, что „наука обязана дать практикѣ нужныя указанія и изучить не только существующее, но и желательное" и что „нравственнымъ критеріемъ, съ помощью котораго можно чинить судъ надъ исторіей,

[1]) Бердяевъ, стр. 108.
[2]) Бердяевъ, стр. 109.

является цѣльная, всесторонне развитая личность, полнота жизни",[1]) авторъ замѣчаетъ, что онъ *еще разъ* подчеркиваетъ свое полное согласіе съ тою мыслію Михайловскаго, что всякій человѣкъ долженъ давать нравственную оцѣнку соціальнымъ явленіямъ и никто не можетъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ". Этическая точка зрѣнія, продолжаетъ онъ, имѣетъ самостоятельную цѣнность, наряду съ генетической точкой зрѣнія. Къ соціальнымъ явленіямъ приложима не только категорія необходимости, но и категорія справедливости.[2]) Разногласіе начинается лишь въ дѣлѣ пониманія справедливости. Не признавая субъективизма идеала, въ виду отсутствія абсолютной равноцѣнности разныхъ индивидуальныхъ идеаловъ и находя, что, какъ правда-истина общеобязательна, такъ должна быть обязательна для всѣхъ и правда-справедливость,[3]) Бердяевъ находитъ, что эмпирическій идеалъ не можетъ быть единственно человѣческимъ, общеобязательнымъ.[4]) Такимъ образомъ Бердяевъ не знаетъ проповѣди субъективно-высшаго нравственнаго идеала съ цѣлью сдѣлать его идеаломъ общечеловѣческимъ (такова, напримѣръ, была проповѣдь христіанства), а полагаетъ, что отмѣчаемая имъ „личность—самоцѣль" и есть этическій абсолютъ, объективно-справедливый и потому имѣющій безусловную цѣнность, какъ должное. Эта сторона дѣла, по мнѣнію г. Бердяева, на подлежитъ доказыванію, но что безъ этого апріорнаго принципа мы „были бы нравственно слѣпы и не умѣли бы отличить въ окружающей насъ жизни справедливаго, человѣчнаго и прогрессивнаго отъ несправедливаго, безчеловѣчнаго и реакціоннаго".[5])

По этому поводу г. Михайловскій замѣчаетъ, что и его „человѣкъ", человѣческая личность есть тоже самоцѣль, которую никто не можетъ обращать въ средство, въ орудіе, въ органъ, но что упрекъ г. Бердяева въ томъ, что „субъективный идеалъ человѣка — Михайловскаго" не можетъ быть доказанъ, — относится въ равной мѣрѣ и къ г. Бердяеву съ его абсолютнымъ мѣриломъ этически-должнаго.[6]) Оба автора стоятъ на томъ, что никто не можетъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ", но расходятся въ пониманіи правды — справедивости. Оба считаютъ личность самоцѣлью, но одинъ говоритъ о „полнотѣ жизни", разумѣя наиболѣе полное развитіе индивидуальности *въ обществѣ*, не дѣлая понятій личности и общества антиномичными, а другой заявляетъ, что нравственная проблема не есть проблема стадности, какъ это, къ сожалѣнію, склонны думать не только реакціонеры, но и многіе прогрессисты; она не рѣшается ни государствомъ, ни общественнымъ процессомъ, ни судомъ людей, это—внутренняя индивидуальная проблема человѣческаго, „я" стремящагося къ идеальному совершенству".[7]) Отчего—же

[1]) Бердяевъ, Субъективизмъ и Индивид. стр. 60.
[2]) Бердяевъ, op. cti. стр. 61.
[3]) Бердяевъ, op. cit. стр. 61—62.
[4]) Бердяевъ, стр. 66.
[5]) Бердяевъ, стр. 81.
[6]) Михайловскій, Литература и жизнь. Русск. Бог. 1901 г. № 4, стр. 131—132 и слѣд.
[7]) Бердяевъ, Пробл. идеализма, стр. 112.

„индивидуальная“? Какъ будто-человѣкъ живетъ оторваннымъ отъ себѣ подобныхъ, какъ будто „индивидуальность“ высится на гордомъ постаментѣ своихъ „внутреннихъ“ идей среди безбрежной пустыни, а не кипитъ въ котлѣ окружающей его соціальной жизни. Если признаніе личности самоцѣлью, а не средствомъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ тотъ-же Бердяевъ, признаніемъ „равноцѣнности людей“, то послѣднее, а равно не—равнодушіе къ добру и злу, заключаются не въ томъ, чтобы человѣческое я было самовлюбленнымъ Нарциссомъ, хотя бы и подъ флагомъ этическаго принципа, а въ „уступкахъ“ отъ своего я ради наибольшей полноты какъ своей же жизни, такъ и жизни всѣхъ равноцѣнныхъ личностей. „Уступка“ и „полнота жизни“ мирно уживаются, если уступка сдѣлана самопроизвольно, по сознанной этичности ея. Не сознавъ всего этого и погнавшись за изгнаніемъ субъективизма, г. Бердяевъ долженъ былъ впасть въ односторонность и впалъ въ нее. Вотъ, напримѣръ, его заключеніе, говорящее само за себя. „Исходная точка зрѣнія этики можетъ быть только индивидуалистической, нравственная проблема есть проблема индивидуализма, проблема личности,но индивидуализмъ нужно *метафизически* преодолѣть и придти къ универсализму, вѣрнѣе, индивидуализмъ и универсализмъ должны гармонически соединиться въ одномъ міровоззрѣніи“ [1]) Изъ послѣднихъ словъ можно заключить что уничтоженіе антитезы между личностью и обществомъ производится на почвѣ метафизики. Такой несовершенный пріемъ является, впрочемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ основной точки зрѣнія автора, уже отмѣченной нами выше. Посмотримъ-же, какъ это примиреніе у автора выполнено.

Прогрессъ, съ философской и этической точки зрѣнія, говоритъ г. Бердяевъ, есть прежде всего освобожденіе человѣческаго я отъ внѣшнихъ путъ. [2]) Подъ „внѣшними путами“ разумѣется окружающій міръ, эмпирическая дѣйствительность, т. е. въ томъ числѣ и соціальная среда. Допустимъ, что это такъ, что прогрессъ дѣйствительно заключается въ томъ, что „свободный духъ поднимаетъ знамя возстанія противъ окружающаго міра“ и что такимъ „утоленіемъ жажды совершенства безпредѣльнымъ индивидуальнымъ развитіемъ, развитіемъ, упирающимся въ духовное безсмертіе“, достигается„ универсальное развитіе“ (Бердяевъ, стр. 115—116), но мы рѣшительно не видимъ, почему прогрессъ долженъ быть разсматриваемъ исключительно съ философской и этической точки зрѣнія и почему должна быть игнорируема точка зрѣнія соціологическая. Все, что по данному поводу говоритъ г. Бердяевъ, заключается въ слѣдующемъ его примѣчаніи къ цитированному нами мѣсту: „научно-соціологическая точка зрѣнія совсѣмъ иначе изслѣдуетъ общественное развитіе, открывая законы происходящаго“. Соціологическая точка зрѣнія дѣйствительно изслѣдуетъ и опредѣляетъ понятіе прогресса „совсѣмъ иначе“, но соціологія не ограничивается, какъ мы уже показали, открытіемъ „законовъ происходящаго“. Въ соціологіи не только и есть свѣту, что въ окошкѣ позитивизма или марксизма.

[1]) Бердяевъ, Пробл. идеал. стр. 113—114.
[2]) Бердяевъ, op. cit. стр. 116.

„Совсѣмъ иначе“ т. е. на почвѣ дѣйствительной гармонизаціи индивидуальнаго съ соціальнымъ, не дѣлая одного Молохомъ, а другого жертвой, на почвѣ соглашенія любви къ ближнимъ и любви къ дальнимъ. Еслибы г. Бердяевъ не отнесся отрицательно къ „истинной соціологіи“, которая существуетъ на ряду съ соціологіей эволюціонизма, морксизма и т. п., то ему пришлось бы отказаться отъ возстанія я противъ окружающаго міра во имя „свободнаго духа я“, а пришлось бы оправдать эти возстанія ради дѣятельной любви къ окружающей живой средѣ, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ должна выигрывать и „полнота жизни“ индивидуальнаго я. При такомъ условіи общество перестало бы быть для г. Бердяева простымъ „орудіемъ нравственнаго развитія личности“, какъ онъ это утверждаетъ. Личности, говоритъ онъ, принадлежитъ этическій (не соціологическій) примать надъ обществомъ, оцѣнка общества всегда совершается личностью въ силу присущаго ей автономнаго нравственнаго закона, взятаго не изъ общества; всякая общественная форма требуетъ оправданія съ точки зрѣнія этическаго индивидуализма. Но нравственный законъ воплощается въ жизни человѣчества путемъ общественнаго прогресса. [1]) Послѣдній-же представляетъ ни что иное, какъ осуществленіе и гарантированіе абсолютнаго естественнаго права человѣка, которое не нуждается ни въ какой исторической санкціи, такъ какъ это право есть непосредственное выраженіе нравственнаго закона, даннаго до всякаго опыта.[2]) „Воплощеніе въ жизни человѣчества нравственнаго закона путемъ общественнаго прогресса“! Мы видимъ, что г. Бердяевъ иногда сходитъ на землю и тогда говоритъ жизненно и въ значительной мѣрѣ справедливо. Не знаю только, почему онъ ограничиваетъ понятіе естественнаго права, говоря объ осуществленіи и гарантированіи естественнаго права *человѣка*, а не людей. Такого ограниченія не содержится ни въ ученіи сторонниковъ возрожденія естественнаго права, ни въ самомъ этомъ понятіи. Можно, какъ это дѣлаетъ г. Бердяевъ, отрицать „этико-правовой принципъ народнаго суверенитета“ и даже слѣдуетъ это дѣлать, но не слѣдуетъ „противополагать“ ему принципъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ. [3]) Это значитъ „разрывать правду пополамъ“ и, какъ прежде считалась правдой только правда—истина, такъ теперь—считать правдой только „правду справедливость“. А между тѣмъ г. Бердяевъ считаетъ „систему правды“, включающую гармоническое соединеніе истины съ справедливостью, „величайшей и прекраснѣйшей задачей всякаго мыслителя. [4]) Такая непослѣдовательность приводитъ нашего автора къ положеніямъ, которыя отнюдь не могутъ, съ его точки зрѣнія, считаться обоснованными. Изъ принципа неотчуждаемыхъ личныхъ правъ (даже „рабства“ предъ страданіемъ, рабства у постели больного? „Если требуется, чтобы человѣкъ жертвовалъ своимъ духовнымъ я во имя счастія другого, то это требованіе по-

[1]) Бердяевъ, стр. 116—117.
[2]) Бердяевъ, стр 117.
[3]) Бердяевъ, стр. 118.
[4]) Бердяевъ, Субъективизмъ и Индивидуализмъ, стр. 18.

ложительно безнравственно, потомучто мое духовное я имѣетъ абсолютную нравственную цѣнность, а счастіе „другого“ вещь иногда прекрасная, но не имѣетъ никакой нравственной цѣнности“—Бердяевъ, стр. 110)—для Бердяева вытекаетъ нравственный императивъ: бороться за естественное право человѣка (а не просто естественное право), не допускать надругательства надъ нимъ. Бороться за свое естественное право есть дѣло *чести* (уже чести, а не этическаго категорическаго императива; честь, а не честность, понятіе измѣнчивое, продуктъ исторіи, а съ такими категоріями вѣдь г. Бердяевъ дѣла имѣть не хочетъ) каждаго человѣка, и дѣло его *совѣсти относиться такъ же къ естественному праву другихъ людей.* Въ конкретной исторической обстановкѣ борьба за „естественное право“ человѣка принимаетъ форму борьбы за угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. [1]) Почему? На это отвѣта у г. Бердяева нѣтъ, какъ будто это и не нуждается въ объясненіи. Въ самомъ дѣлѣ, какое оправданіе можно дать факту, какъ факту? Здѣсь возможно одно констатированіе его дѣйствительности. Но констатировалъ-ли г. Бердяевъ дѣствительность? Нѣтъ, его дѣйствительность мнимая, ибо не борьба за естественное право „человѣка“ принимала въ конкретной исторической обстановкѣ форму борьбы за угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, а борьба за естественное право людей, человѣчества, просто—естественное право. Когда-же въ исторіи мы имѣемъ дѣло съ борьбой за право человѣка, то это была борьба за угнетеніе и эксплуатацію, а не противъ нея. Далѣе, откуда взялась у г. Бердяева „совѣсть“, повѣлевающая относиться такъ-же къ естественному праву другихъ? Это, значитъ, лежитъ внѣ этики? Этотъ субъективный элементъ гдѣ-же гнѣздится? Какое ему оправданіе съ точки зрѣнія недозволительности „рабства у чужого страданія“? Изгоняя субъективизмъ, г. Бердяевъ, благодаря своему глубокому уму, пришелъ роковымъ образомъ къ его законности. Но этимъ самымъ онъ расписывается въ невѣрности своего основного положенія, ради котораго онъ искалъ „объективнаго обоснованія“ своего этическаго принципа.

Въ какія формы выливается этическій принципъ у г. Бердяева, можно уже предугадать. Отмѣчая совершенно основательно неувядаемую заслугу Ничше, заключающуюся въ протестѣ его противъ мѣщанской морали во имя „суверенаго я“, г. Бердяевъ усваиваетъ себѣ односторонность и исключительность этого протеста, когда разсматриваетъ вопросъ о томъ, что отрицаетъ нравственность, что она ограничиваетъ, и что она утверждаетъ. „Она отрицаетъ, говоритъ Бердяевъ, всякое посягательство на я, она ограничиваетъ всякое проявленіе неуваженія къ его правамъ. Она утверждаетъ я, его право на самоопредѣленіе, на безконечное развитіе, его жажду силы и совершенства“. [2]) Далѣе: „относиться къ человѣку *только* съ жалостью и состраданіемъ значитъ не видѣть въ немъ равноцѣннаго себѣ человѣка, значитъ видѣть слабаго и жалкаго раба, наконецъ, это значитъ быть самому рабомъ его страданій и слабостей“. [3]) По-

[1]) Бердяевъ, Проблемы Идеализма, стр. 118.
[2]) Бердяевъ, op. cit. стр. 122.
[3]) Бердяевъ, стр. 123.

чему-же только? Развѣ любовь къ человѣку не согласуется съ состраданіемъ и съ уваженіемъ къ его личности? Развѣ всѣ великіе мученики за человѣчество только любили его, но въ то-же время видѣли въ немъ только заслуживающее жалости собраніе рабовъ, развѣ они сами становились рабами этого человѣчества? Нѣтъ, они были „рабами“, но того категорическаго веленія своего этическаго идеала, который на то и абсолютный императивъ, чтобы ему повиноваться. Съ этой точки зрѣнія и „самоцѣль“ г. Бердяева—рабъ своего категорическаго императива, каковымъ является „объективный“ этическій принципъ. На изложенномъ отрицательномъ отношеніи къ „состраданію“ Бердяевъ не останавливается. „Есть, говоритъ онъ, болѣе высокая мораль, которая будетъ соотвѣтствовать болѣе высокой ступени развитія человѣчества, она основана на возстаніи человѣческой силы, а не человѣческой слабости, она требуетъ не жалости къ рабу, а уваженія къ человѣку, отношенія къ нему, какъ къ я, она требуетъ утвержденія и осуществленія всякаго я и слѣдовательно не погашенія жизни, а поднятія ея до высшаго духовнаго состоянія. Только такая мораль соотвѣтствуетъ высокому сознанію человѣческаго достоинства“. Эти прекрасныя и высокосправедливыя мысли не совсѣмъ вытекаютъ изъ основъ міровоззрѣніе автора, что и видно изъ дальнѣйшаго разсужденія, показывающаго истинную цѣнность только-что приведенныхъ словъ въ устахъ г. Бердяева. „Нравственный законъ прежде всего требуетъ, говоритъ онъ, чтобъ человѣкъ никогда не былъ рабомъ, *хотя бы это было рабство у чужого страданія и слабости* и собственной къ нимъ жалости... Человѣческое я не должно *ни передъ чѣмъ* склонять своей *гордой* головы, кромѣ своего же собственнаго идеала совершенства“.[1]) Это уже даже больше, чѣмъ самоцѣль: это проповѣдь этическихъ Нарцисовъ. „Демоническій (вотъ видите—даже „демоническій“) протестъ личности противъ *внѣшней морали,* противъ общественнаго мнѣнія и *даже противъ всего внѣшняго міра* многимъ кажется „имморальнымъ“, но съ нашей точки зрѣнія, говоритъ Бердяевъ, это есть глубоко моральный бунтъ автономнаго нравственнаго закона, открывающаго человѣку безконечныя перспективы, противъ попользованій со стороны объективной дѣйствительности обратить человѣка въ средство и орудіе. Это бунтъ сильныхъ духомъ во имя силы духовной“. [2]) „Человѣкъ не только имѣетъ право, но даже долженъ сдѣлаться „сверхчеловѣкомъ“, такъ какъ сверхчеловѣкъ есть путь отъ человѣка къ Богу“. [3]) Таковы нравственныя ходули „новой точки зрѣнія“, уже, впрочемъ, давно знакомой изъ трудовъ „трагическаго мыслителя“, Фр. Ничше. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не отрицалъ своего имморализма... Пріобщившись идеи „сверхчеловѣка“, Бердяевъ неизбѣжно пришелъ и къ идеѣ „аристократіи духа“. „Въ верхахъ этики, говоритъ онъ, аристократію духа, поясняя въ скобкахъ, что онъ разумѣетъ именно сверхчеловѣка, можно представить себѣ только въ образѣ *духовнаго руководителя* людей, это будетъ не

[1]) Бердяевъ, ibidem
[2]) Бердяевъ, стр. 123—124.
[3]) Бердяевъ, стр. 124.

физическое, экономическое или политическое насиліе, а господство духовнаго совершенства познанія и красоты. Карлейль со своимъ культомъ героевъ, не смотря на свои ветхозавѣтныя тенденціи, былъ въ этомъ отношеніи болѣе дальнозорокъ, чѣмъ Ничше". [1]) Итакъ, мы видимъ, что г. Бердяевъ больше Ничше, чѣмъ Ничше самъ. Ну а „руководительство" не противорѣчитъ-ли идеѣ Бердяева о равноцѣнности всѣхъ личностей, которыя вѣдь тоже „сверхчеловѣки"? Или съ точки зрѣнія этическаго принципа Бердяева руководительство допустимо, какъ этическая красота, а отношеніе къ „другимъ" не этого сорта, не духовнаго руководительства, составляетъ этическое „рабство", жертву, отчуждаемость правъ со стороны морально самовлюбленной личности, хотя, конкретно, *совѣсть* и допускаетъ подобнаго рода слабость со стороны этическаго Нарциса? Нѣтъ, ужъ коли равноцѣнны не съ точки зрѣнія соціальной, а съ точки зрѣнія индивидуальной, коли все „сверхчеловѣки", то ни совѣсти, ни руководительства. А коли и совѣсть и руководительство, то и индивидуальность „героевъ" (однако, не въ карлейловскомъ смыслѣ слова) и индивидуальность всѣхъ, но не только для „каждаго изъ всѣхъ", а для всей совокупности этихъ „каждыхъ", т. е. для всѣхъ. Это— примиреніе, а то, что мы видимъ у Бердяева, составляетъ не примиреніе, а „разладъ". Борьба за „нравственную автономію человѣческой личности, за ея священное право на самоопредѣленіе" [2]) немыслимы внѣ общества.

Какъ уже не разъ отмѣчено, Бердяевъ, на ряду съ положеніями непріемлемыми, высказываетъ мысли высокой цѣнности. Таковы напримѣръ, слѣдующія положенія. „Человѣкъ есть разностное существо и онъ не долженъ терпѣть нивеллировки, долженъ протестовать противъ попытки вымуштровать его по одному шаблону, сдѣлать изъ него хориста... Равенство, которое покоится на нравственной равноцѣнности людей, въ соціальномъ отношеніи не можетъ и не должно идти дальше равенства правъ и устраненія классовъ, какъ условія фактическаго осуществленія равноправности, а въ психологическомъ не можетъ и не должно идти дальше сходства тѣхъ основныхъ духовныхъ чертъ, которыя и дѣлаютъ каждаго человѣкомъ". [3]) И наряду съ этимъ признается руководительство сверхчеловѣковъ надъ мѣщанами морали. Руководительство—то, въ смыслѣ духовномъ, пожалуй, и вѣрно, но для г. Бердяева это „разладъ" съ верховнымъ принципомъ этики, ибо „руководимые" тоже вѣдь „самоцѣли" со святымъ правомъ абсолютной этической самовлюбленности. А съ другой стороны „руководительство" не изъ-за любви, не изъ-за рабства у чужаго страданія, есть жажда власти, которую откровенно проповѣдуетъ Ничше, но которой не высказываетъ и не можетъ высказать Бердяевъ.

Соотвѣтственно со всѣмъ своимъ міровоззрѣніемъ г. Бердяевъ не признаетъ обычнаго пониманія моральнаго долга, онъ находитъ, что философская этика должна „возвыситься" надъ подобнымъ пони-

[1]) Бердяевъ, стр. 125.
[2]) Бердяевъ, стр. 126.
[3]) Бердяевъ, стр. 128.

маніемъ и выводить понятіе долга изъ понятія духовнаго „я“. Нравственный долгъ человѣка есть самоосуществленіе, развитіе своего духовнаго я до идеальнаго совершенства; слѣдовать долгу и слѣдовать своей нравственно-разумной природѣ понятія тожественныя. [1]) Противъ такой формулировки можно было бы и не возражать, еслибы „нравственно-разумная природа“ сверхчеловѣка не рекомендовала ему „гордаго непреклоненія ни передъ чѣмъ, кромѣ своего же собственнаго идеала совершенства“ и еслибы этимъ идеаломъ совершенства являлось сочетаніе индивидуальнаго съ соціальнымъ, а не обязательство стать сверхчеловѣкомъ и стремиться къ самообожествленію („путь къ Богу“), а не къ „пути къ людямъ“. Поэтому совершенно вѣрное положеніе Бердяева о томъ, что гумманность, т. е. осуществленіе „человѣка“ въ себѣ и уваженіе къ „человѣку“ въ другомъ, есть высшій долгъ и что степенью ея осуществленія прежде всего измѣряется нравственный уровень“, [2])—является оторваннымъ отъ общаго мировоззрѣнія автора. Идея долга формулирована полнѣе всего Кантомъ. „Дѣйствуй такъ, чтобы ты могъ хотѣть, чтобы твоя максима стала всеобщимъ закономъ“ или, иначе говоря: „считай хорошимъ то, что ты хочешь, чтобы считалось хорошимъ всѣми, т. е. устанавливай законъ добра, т. е. твори мораль“, [3]) вотъ чего не хочетъ г. Бердяевъ, находящійся, какъ Ничше, „по ту сторону“ всего, не вытекающаго изъ исключительнаго, внѣ-соціальнаго индивидуализма. Признавая также ошибочность формулы Канта, г. Жуковскій видитъ ее, однако, не въ томъ, что нравственность связана съ долгомъ и только съ долгомъ, а въ томъ, что формула не даетъ отвѣта на вопросъ, какъ добывается само содержаніе долга и что если это добывается дедукціей изъ какой—нибудь опредѣленной формы (какъ это и дѣлаетъ Бердяевъ), то нѣтъ творчества, устраняется всякое участіе чувствъ и страстей, вообще всего того, посредствомъ чего человѣкъ связывается съ жизнію. Нравственный человѣкъ долженъ явиться тогда сухимъ и черствымъ ригористомъ, отстраненнымъ отъ всякаго участія въ жизни“. [4]) Можно думать, что одинъ сотрудникъ сборника „Проблемы Идеализма“ говоритъ о другомъ. Но правильно-ли требованіе „участія чувствъ и страстей“, т. е. того элемента, который является болѣе всего субъективнымъ и не можетъ быть инымъ? Правильно ли относить „содержаніе должнаго“ къ „области желаній и стремленій“? Мы уже выше указали, что Кантъ выводитъ верховный принципъ этики не изъ „чистаго разума“, а изъ „практическаго разума“ и что такая постановка дѣла совершенно правильна. Эту точку зрѣнія усваиваетъ и г. Жуковскій, говоря, вслѣдъ за Кантомъ, что „категорія добра или должнаго не входятъ въ область понятій теоретическаго разума“, а въ область разума практическаго, ибо только для послѣдняго законно сужденіе съ предикатомъ хорошій или дурной. Усваиваетъ и идетъ гораздо дальше, требуя твор-

[1]) Бердяевъ, стр. 128-129.
[2]) Бердяевъ, стр. 129.
[3]) Д. Жуковскій, Къ вопросу о моральномъ творчествѣ. Пробл. Идеал., стр. 507.
[4]) Жуковскій, l. c., стр. 507-509, ср. стр. 515.

ческой, активной морали, а не самовлюбленности. [1]) Самый *процессъ* моральнаго творчества есть подборъ моральныхъ стремленій и страстей [2])—Итакъ, съ точки зрѣнія Канта и его послѣдователей поставленные выше вопросы разрѣшаются утвердительно и „участіе чувствъ и страстей“ въ постановкѣ и разрѣшеніи проблемы этики законно. Должно было бы ожидать отъ г. Бердяева, что онъ, съ своимъ стремленіемъ изгнать субъективизмъ, вывести гуманность изъ понятія гордой непреклоняющейся ни передъ чѣмъ, кромѣ идеала совершенства, т. е. своего совершенства—сверхчеловѣка, становящагося на ходули, чтобы попасть на путь къ Богу не въ той жизни, а въ этой и къ какому Богу, не къ Богу проповѣди любви и состраданія, а къ Богу—Нарцису,—что онъ, Бердаевъ, не раздѣляетъ только-что отмѣченной точки зрѣнія. А между тѣмъ вотъ что, съ присущей ему яркостью мысли, говоритъ г. Бердяевъ: Правъ былъ Кантъ, когда считалъ нравственный законъ закономъ воли, а не чувства. [3]) Но, скажутъ, во всякомъ-же случаѣ „не—чувства“. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, въ такомъ-ли видѣ должно быть изображено ученіе Канта, такъ какъ, съ точки зрѣнія содержанія „Критики практическаго разума“, можно съ г. Бердяевымъ спорить и спорить, обращаю вниманіе на положительную сторону формулы. Если нравственный законъ есть законъ воли, то гдѣ коренятся основы воли, что служитъ источникомъ воли? Является-ли она продуктомъ эмоціональной стороны разума или вытекаетъ только изъ раціональныхъ основъ? Если-бы г. Бердяевъ не игнорировалъ данныхъ психологіи и соціологіи, хотя-бы ученія объ идеяхъ—чувствахъ, то врядъ ли онъ противополагалъ бы такъ рѣшительно волю чувству. Да и кромѣ того, при такой постановкѣ дѣла, онъ долженъ отказаться отъ всего сказаннаго имъ о невозможности вывести понятіе должнаго изъ понятія сущаго. Рѣшительнѣе всего это выражено у г. Аскольдова: „Никакая надпись (т. е. выводъ изъ раціоналистическаго познанія) не можетъ убѣдить пойти на право того, кто ищетъ смерти, или налѣво того, кто хочетъ сохранить жизнь“. [4]) Конечно, и здѣсь можно замѣтить, что „хотѣніе“ все-же не лежитъ исключительно въ области чувствъ, ибо иначе никакая проповѣдь не имѣла бы никогда успѣховъ, т. е. не вліяла бы на измѣніе „хотѣнія“, но не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ, что область хотѣнія не зависитъ исключительно отъ „мысли“. А если такъ, то противоположеніе Бердяева („законъ воли, а не чувствъ“) незаконно и потому остается одно заключеніе—законность и идей, и стремленій и страстей въ нравственности, т. е соединеніе объективной правды—истины съ субъективной правдой—справедливостью, и верховнымъ принципомъ морали является уже не самовлюбленная личность, а дѣятельная, творческая любовь и къ дальнимъ, и къ ближнимъ и къ самому себѣ. Мы сознаемъ, что эти мысли требуютъ развитія, но какъ мы уже и указали, этому здѣсь не мѣсто.

---

[1]) Жуковскій. стр. 506-507, стр. 510 и слѣд.
[2]) Жуковскій, стр. 512.
[3]) Бердяевъ, стр. 130.
[4]) Аскольдовъ, Философія и жизнь. Пробл. Идеал. стр. 202.

Свой трудъ г. Бердяевъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ вопроса объ отношеніи нравственной проблемы къ свободѣ. Авторъ признаетъ царство свободы, считая аргументы противъ этого царства наивными и несостоятельными. „Мы прекрасно знаемъ, говоритъ Бердяевъ, что въ предѣлахъ опыта нельзя пробить брешь въ детерменизмѣ, что тутъ не можетъ быть большей или меньшей степени необходимости, но мы и не противополагаемъ свободы детерменизму въ смыслѣ взаимнаго исключенія, а признаемъ *параллелизмъ* міра свободы и міра необходимости". [1]) Свобода есть самоопредѣленіе духовнаго я, требованіе абсолютнаго нравственнаго закона и есть требованіе абсюлютной свободы для человѣческаго я, причемъ, однако, это пониманіе свободы не есть пониманіе „эмпирической безпричинности".[2])

Вслѣдъ за этими разсужденіями г. Бердяевъ ставитъ слѣдующій вопросъ: „каково-же отношеніе внутренней свободы къ свободѣ внѣшней, свободы нравственной къ свободѣ общественной?" (Бердяевъ, стр. 133). Авторъ, по моему въ полное опроверженіе своей основной точкѣ зрѣнія, приходитъ къ совершенно правильному заключенію о томъ, что нравственная проблема „неизбѣжно превращается въ проблему общественную, потому что человѣческая личность можетъ развиваться и наполняться многообразнымъ содержаніемъ только въ обществѣ, въ психическомъ взаимодѣйствіи съ другими людьми, въ процессѣ созиданія совмѣстной культуры". [3]) Не слѣдуетъ заблуждаться: это цитированы не слова Карѣева или Михайловскаго; это цитата изъ труда г. Бердяева. Это Бердяевъ, далѣе, говоритъ, что нельзя терпѣть безправія, что можно объяснить историческое зло, но не оправдать его. Это, далѣе, Бердяевъ говоритъ, что „новое" идеалистическое направленіе, къ которому онъ „съ гордостью себя причисляетъ", выводитъ необходимость освободительной борьбы за „естественное право" изъ духовнаго голода индивидуальной души". [4]) На сколько данное направленіе рѣшительно вступаетъ на почву метафизики и изъ нея одной выводитъ принципы этики, на сколько оно страдаетъ исключительностью и односторонностями — оно „новое", но на сколько оно стоитъ за принципъ деонтологіи, за этическую оцѣнку, за „естественное право" не человѣка, а людей,—правъ г. Карѣевъ: оно не новое.

Мы изложили съ возможными подробностями ученіе г. Бердяева, такъ какъ вопросъ, имъ обсуждаемый, слишкомъ важенъ для соціологіи. Каково же наше общее заключенія о разобранномъ трудѣ?. Кто-то сказалъ (не помню теперь—кто), что когда умный человѣкъ собьется съ вѣрнаго пути, онъ заблудитъ больше, нежели человѣкъ не умный. Это потому, что допустивъ ошибку вначалѣ, онъ дальше не можетъ разсуждать нелогично, и потому все у него наполняется ошибками. Глубокій умъ—г. Бердяевъ, крупная сила—г. Бердяевъ, —велики ошибки г. Бердяева.

---

[1]) Бердяевъ, стр. 132.
[2]) Бердяевъ, стр. 133.
[3]) Бердяевъ, стр. 133—134.
[4]) Бердяевъ, стр. 135.

IX.

Мы уже неоднократно, въ теченіе настоящаго обзора указывали, что по многимъ частностямъ „проблемъ идеализма“ сотрудники сборника, посвященнаго этому вопросу, не солидарны между собой. То-же самое нужно сказать и ничшеніанствѣ, какъ основѣ этики сторонниковъ „новаго направленія“. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна работа г. Франка [1]), но мы не можемъ касаться подробно этой работы и ссылаемся лишь на то, что объ этомъ нами уже было сказано [2]) и изъ чего я здѣсь повторяю лишь слѣдующее. Не находя основаній для этики въ наукѣ, новое направленіе (Бердяевъ и др.) ищетъ ихъ въ области метафизики, вслѣдствіе чего обнаруживается значительное различіе во мнѣніяхъ отдѣльныхъ представителей школы. Такъ, напримѣръ, и Бердяевъ и Франкъ пріобщились къ идеямъ Ничше [3]). Но въ какой значительной степени мораль одного отличается отъ морали другого! Ничше, съ своей философіей „по ту сторону добра и зла“, пришелъ къ морали сверхчеловѣка, протестующаго противъ нивеллирующаго личность коллективизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ его мораль есть протестъ противъ рабовъ; для него самое христіанство является “возстаніемъ рабовъ морали“, его ученіе есть жестокое евангеліе, проповѣдующее силу, власть безжалостную, мораль сверхъ-человѣка и поэтому для него вся жизнь, все прекрасное лежитъ „по ту сторону“, въ будущемъ: его любовь есть любовь не къ ближнимъ, а къ дальнимъ, связана съ гордою аристократической доктриной презрѣнія къ среднимъ людямъ, продукту „подбора слабыхъ“. Но все это вытекало у него все таки изъ горячей любви къ личности, къ индивидуальности.

И вотъ, послѣдователь идей Ничше, г. Бердяевъ, проповѣдуетъ культъ личности, какъ самоцѣли, съ ея святымъ требованіемъ, чтобы человѣкъ никогда не былъ рабомъ, причемъ рабствомъ онъ считаетъ и чувство состраданія. Основаніе онъ находитъ въ томъ, что всѣ личности равноцѣнны и потому этика имѣетъ въ виду не „мы“, а „я“, ибо „почему долженъ я приносить жертву въ пользу чьего-либо страданія, когда я самъ—самоцѣль?“ „Человѣческое я не должно ни передъ чѣмъ склонять своей *гордой* головы, кромѣ своего-же собственнаго идеала совершенства.“ [4]) Человѣкъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ сдѣлаться „сверхъчеловѣкомъ (!), такъ какъ сверхъчеловѣкъ есть путь человѣка къ Богу“ [5]).

Повторяетъ Ничше и г. Франкъ, но у него вы не узнаете истиннаго Ничше. Франкъ, въ противовѣсъ г. Бердяеву, признаетъ моральную систему, основанную на инстинктѣ состраданія; для него антитеза любви къ „дальнимъ и ближнимъ“ представляетъ гармоническое сочетаніе или дополненіе; для него міросозерцаніе Ничше

---

[1]) Франкъ. Фр. Ницше и этика „любви къ дальнему“, Проблемы Идеализма, стр. 137—195.

[2]) Южныя записки № 5, 1903 г., стр. 170 и слѣд.

[3]) Бердяевъ. „Пробл. Идеал.“, стр. 91—136; Франкъ, тамъ-же стр. 137—195, passim.

[4]) Бердяевъ, стр. 123.

[5]) Ib. стр. 124.

есть типичное міросозерцаніе прогрессиста, ибо оно связано съ критическимъ отношеніемъ къ настоящему положенію вещей.[1]) Поэтому любовь къ „дальнимъ“ есть любовь *творческая*, ибо она является стремленіемъ воплотить дальнее въ жизнь, преобразивъ послѣднюю сообразно „потустороннему“ идеалу. Этика любви къ „дальнему“ г. Франка не есть, какъ у Бердяева, гордая самовлюбленность личности, а этика „активнаго героизма“. [2]) Ставя еще выше „любовь къ призракамъ“, т. е. къ идеямъ, г. Франкъ замѣчаетъ, что генетически вся совокупность моральныхъ чувствъ и принциповъ выросла изъ потребностей соціальнаго быта.[3]) Это ученіе о земномъ происхожденіи идеаловъ приближаетъ г. Франка къ критикуемой его сотоварищами по сборнику „русской школѣ“ и отдаляетъ отъ взлядовъ Булгакова, Бердяева и Новгородцева. Бердяевъ, обрушиваясь на идею долга, какъ на критерій этическій, слѣдуетъ Ничше, но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ въ тѣхъ-же „Проблемахъ Идеализма“ г Жуковскій, [4]) Ничше, нападая на „понятіе долга, не понялъ того, что онъ сражается не съ долгомъ, какъ съ таковымъ, а лишь съ долгомъ, не добытымъ личностью въ процессѣ моральнаго творчества“. Г. Бердяевъ-же не могъ признать идеи долга потому, что тогда главный камень его этическаго зданія обрушился-бы.

Г. Струве, разбирая взгляды русскаго переводчика книги Лихтенберже, г. Невѣдомскаго, говоритъ между прочимъ, что „идеалъ, который указываетъ намъ Ничше и къ которому всей душой присоединяется Невѣдомскій, это—вполнѣ автономное, само себѣ служащее закономъ, все изъ себя творящее я“. [5]) Мы видѣли, что этотъ же идеалъ исповѣдуетъ г. Бердяевъ. Такого рода міровоззрѣніе, связанное съ „своего рода отрицаніемъ“ идеи долга, какъ *сверхиндивидуальной нормы* (мы видѣли, что именно такъ дѣло поставлено у г. Бердяева), Струве считаетъ „своего рода абсолютизмомъ: aut Caesar, aut nihil!“ Такого же рода замѣчанія сдѣлали и мы объ исключительности точекъ зрѣнія г.г. Булгакова и Бердяева. „Въ предисловіи къ книгѣ Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ мы уже высказались, говоритъ Струве, о двойственности морали, признающей въ одно и то же время и долгъ, и свободу, или автомность. И прежде дѣлались, и теперь повторяются попытки изгнать идею долга изъ морали. Попытки эти основаны на недоразумѣніи относительно самаго существа нравственности. Съ упраздненіемъ понятія долга, упраздняется и самая нравственность, какъ особое психическое явленіе. Упраздненіе это можетъ быть сдѣлано двоякимъ путемъ: и назадъ и впередъ. Либо человѣкъ станетъ совершенно *естественно*, т. е. безъ всякой борьбы съ другими мотивами, изъ полновластной склонности къ добру, творить его, либо онъ забудетъ о добрѣ... Какъ психическое явленіе, нравственность основана на реальномъ несовпаденіи по содержанію хотѣнія и долженство-

[1]) Франкъ, стр. 145.
[2]) Ib. стр. 153.
[3]) Ib. стр. 173.
[4]) Д. Жуковскій „Пробл. Идеал.“ стр. 510.
[5]) Струве, На разныя темы, стр. 510.

ванія. До тѣхъ поръ, пока для человѣка предложенія: „я хочу“ и „я долженъ“ будутъ расходиться по своему содержанію, останется и нравственность, останется и долгъ. Нравственность предполагаетъ извѣстную раздвоенность я на законодательствующее и подчиняющееся. Эта раздвоенность и есть расхожденіе между хотѣніемъ и долженствованіемъ“. [1]) Съ точки зрѣнія г. Струве понятіе нравственности неразрывно связано съ понятіемъ долга [2]) и при этомъ, сочетаніе необходимости и свободы приводитъ автора къ выводу о томъ, что высшее благо и человѣческая личность по существу не враждебны (т. е. не вызываютъ къ протесту, бунту въ пользу одной противъ другого), а, наоборотъ, „требуютъ одна другого“. [3])

Что всего интереснѣе, что постановка вопроса у г. Струве не требуетъ обоснованія рѣшенія на почвѣ метафизики: для разрѣшенія проблемы этики она просто ненужна.

Два года тому назадъ появились во Франціи два интересныхъ сборника, посвященныхъ вопросамъ морали: „Morale sociale“ и Questions de morale“. Часть трудовъ перваго изъ этихъ сборниковъ переведена на русскій языкъ въ 1902 г. и потому, формально, подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Мы говоримъ о сборникѣ „Соціальная Мораль“, въ коемъ переводъ сдѣланъ подъ редкціей прив. доц. А. Г. Тимофеева. Это сборникъ статей профессоровъ Свободной школы Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, русскій издатель сборника пропустилъ статьи М. Бернэ, Сореля, М. Ковалевскаго, Вюиссона, Малаперта и Доріака. Но и то, что переведено, заслуживаетъ вниманія. Мы остановимся вкратцѣ на трудахъ, вошедшихъ въ сборникъ, какъ въ виду нѣкоторой связи выраженныхъ въ немъ идей съ изложенными уже взглядами сотрудниковъ „Проблемъ Идеализма“, такъ и потому, что этотъ сборникъ можетъ быть причисленъ къ литературѣ 1902 года. Въ статьѣ „Позитивная нравственность“ Э. Дельбэ находитъ, что нравственность, разсматриваемая само по себѣ, есть спеціальнѣйшая изъ наукъ, такъ какъ единственный ея предметъ—человѣкъ, но въ то же время она и самая сложная, такъ какъ ея предметъ—самое сложное изъ всѣхъ существъ Разсматривая всѣ возраженія, направленныя противъ возведенія нравственности на степень науки и отвергая эти возраженія, авторъ находитъ, что нравственность—наука о человѣческомъ единствѣ; ея цѣль—совершенствованіе человѣка. [4]) Но для Дельбэ совершенствованіе человѣка заключается не въ идеѣ развитія личности въ смыслѣ оторванномъ отъ общества, а является „побѣдой общественности надъ индивидуальностью, альтруизма надъ эгоизмомъ“. Если, конечно, замѣтимъ мы, побѣда альтруизма надъ эгоизмомъ есть большая степень приближенія къ принципу этики, чѣмъ побѣда эгоизма надъ общественностью, то, въ свою очередь, это еще не есть дѣйствительная нравственность. Я не вижу основанія для смѣшенія *эгоизма* съ *этическимъ*

[1]) Струве, op. cit. стр. 512.
[2]) Струве, стр. 516.
[3]) Струве, стр. 520.
[4]) Дельбэ, Позитивная нравственность. Сборникъ „Соціальная Мораль“, изд. Звонарева, Спб. 1902 г., стр. 15—21.

индивидуализмомъ, и еслибы послѣдній не велъ у г. Бердяева къ такимъ крайнимъ увлеченіямъ, то мы бы признали постановку послѣдняго вполнѣ законченной. Этическій индивидуализмъ не можетъ включать противоположенія святой самоцѣли индивидуальнаго нарцисизма, какъ дѣла чести.—съ положенной внѣ верховнаго принципа этики и только къ нему внѣшнимъ образомъ приклеенной идеей отношенія къ „другимъ“ по „совѣсти“. Такая постановка дѣла составляетъ выведеніе отношенія къ другимъ за скобки этики, какъ это уже сдѣлано съ принципомъ состраданія. На неправильность такой постановки дѣла указываетъ, между прочимъ А. Дарлю.[1]) Тогоже вопроса касается и пасторъ Вагнеръ въ статьѣ, вообще не отличающейся крупными достоинствами, но тѣмъ не менѣе содержащей и не мало истинныхъ положеній. „Совѣсть, говоритъ онъ,—это не то безпринципное сужденіе, которое мы иногда формулируемъ и часто приспособляемъ ко вкусу другихъ, не то гибкое правило, которое мы прилагаемъ по нашему желанію. Это, напротивъ, выше насъ стоящее сужденіе, которому мы подчиняемся, независимо отъ насъ самихъ“.[2]) Выше насъ стоящее сужденіе—это категорическій императивъ, „которому мы подчиняемся независимо отъ насъ самихъ“—это проявленіе чувства, а не разума, это категорія „практическаго разума“. Словомъ—это категорія этики. Не внѣшнею приклеенностью должно входить въ этическій индивидуализмъ отношеніе къ „другимъ“,—а должно составлять такую же самоцѣль, какъ „святое“ развитіе личности. Замѣтимъ, что Вагнеръ считаетъ совѣсть разумомъ, приложеннымъ къ качеству нашихъ дѣйствій,[3]) что, конечно, не вѣрно. Чистый разумъ, его приложенія—лежатъ въ области логическихъ категорій доказываемаго и опровергаемаго, тогда какъ императивъ совѣсти недоказуемъ и потому неопровергаемъ.

Отстаиваемая мною идея этическаго индивидуализма, включающая, въ виду ея „этическаго“ характера, не противоположеніе индивида и общества, а ихъ согласованіе—до извѣстной степени ясно выражена въ статьѣ нашего соотечественника г. Е. Де-Роберти „Нравственность и политика“. „Личность, говоритъ онъ, остается для насъ, главнымъ образомъ, продуктомъ надъ-органическихъ процессовъ, развивающихся внѣ ея, въ другихъ личностяхъ. Личность *нельзя оцѣнить только самое по себѣ*; въ ней есть и нѣчто чужое, она представляетъ собою силу, находящуюся въ постоянномъ соотношеніи съ другими подобными силами. Поэтому мнѣ кажется нелогичнымъ, что коллективная личность, соціальная группа, можетъ стремиться поглотить отдѣльнаго человѣка, входящаго въ нее. Это былъ бы родъ саморазрушенія. Точно также общества, которыя хотятъ благоденствовать и не прекращать существованія, не могутъ уклоняться отъ благородной задачи усиливать свободу, независимость своихъ членовъ, права меньшинства, доведеннаго даже до одного индиви-

[1]) Дарлю, Общественныя и нравственныя идеи. Сборн. „Соціальная мораль“, стр. 50—51.

[2]) Вагнеръ, Въ чемъ искать разрѣшенія нравств. кризиса. Сборн. „Соц. мораль“, стр. 75.

[3]) Вагнеръ, l. c. стр. 76.

да".[1]) Отстаиваніе права меньшиства, доведеннаго даже до одного индивида, практикуется и эволюціонной этикой (См. напр. Спенсера „The Data af Etics", „Справедливость", „The man versus the staat"), но на почвѣ естественнаго отбора и борьбы за существованіе, вслѣдствіе чего филантропія, уходъ за больными и слабыми—какъ орудіе подбора не-приспособленныхъ, осуждались съ этической точки зрѣнія. Мы видѣли, что, стоя на совершенно иной почвѣ, милосердіе, состраданіе и жалость представители идеалистическаго направленія считаютъ „рабствомъ" у чужого страданія. Вспомнимъ примѣръ о состраданіи къ ростовщику и сопоставимъ этотъ примѣръ съ отношеніемъ къ Шейлоку, который вызываетъ въ насъ не только чувство презрѣнія къ паденію въ немъ человѣческой личности, но и чувство состраданія за эту потерю, особенно въ виду того, что и ему была оказана несправедливость и кромѣ того въ виду того, что Шейлокъ стоялъ не только на почвѣ морали своего времени, но и на почвѣ права своего времени.[2])

Вопросу о состраданіи съ точки зрѣнія эволюціонизма посвящена въ сборникѣ „Соціальная мораль" статья проф. Бело, и мы на ней остановимся. Нравственность, говоритъ Бело, есть нѣчто чисто-человѣческое, она постоянно создавалась человѣчествомъ для человѣчества; она не есть продуктъ разума, разсужденій, она происходитъ не изъ теоріи, но изъ болѣе или менѣе поучительнаго приспособленія.[3]) На этой почвѣ возникла и любовь къ ближнимъ, но условія жизни измѣняются—измѣняется и содержаніе морали. Совѣсть начинаетъ упускать изъ виду соціальныя условія, продуктомъ которыхъ она является, и общественную жизнь, для которой она является въ тоже время и орудіемъ и основаніемъ.[4]) Нравственное чувство становится все болѣе *внутреннимъ*, *субъективнымъ*, *индивидуальнымъ*, пренебрегающимъ своимъ происхожденіемъ и погрѣшающимъ противъ своего назначенія[5]) (курсивъ подлинника). Любовь къ ближнему измѣнила свой характеръ, она стала элементомъ личнаго и субъективнаго совершенствованія, она, стало быть, приняла вполнѣ отрицательную форму.[6]) Въ эволюціонной этикѣ это было оправданіемъ необходимости „лучше вооружаться для борьбы за существованіе", оправданіемъ необходимости „тщательно избѣгать помощи болѣе слабымъ, искусственнаго приспособленія къ жизни существъ менѣе совершенныхъ: въ противномъ-де случаѣ можно подвергнуть рассу регрессу, взвалить на общество неуравновѣшенное бремя" и т. п.[7])

По поводу такой постановки вопроса Бело заявляетъ: „Однако, мы не рѣшимся добровольно принять эти принципы, такъ какъ рис-

[1]) Де-Роберти, „Соціальная мораль", стр. 230.

[2]) См. статью Колера, Шекспиръ съ точки зрѣрія права. Переводъ съ нѣм. Спб. 1895 г., стр. 6 и слѣд. См. также въ статьѣ Шарля Жида, Справедливость и милосердіе, въ сборн. „Соціальн. мораль" стр. 171 и слѣд.

[3]) Ж. Бело, Состраданіе и естественный подборъ. „Соц. мораль", стр. 112 и 113.

[4]) Бело, l. c. стр. 115.

[5]) Бело, стр. 116.

[6]) Бело, стр. 118.

[7]) Бело, стр. 120—121.

куемъ впасть при этомъ въ грубый и низкій эгоизмъ, эгоизмъ Struggleforleifers (сторонниковъ „борьбы за существованіе“); мы считаемъ новозможнымъ отказаться отъ добродѣтели, которая, при всемъ несовершенствѣ, при всей неполнотѣ практической жизни, не можетъ служить въ будущемъ составной частью нашей нравственной природы“[1]). Уничтожить дѣйствіе состраданія: тогда слѣдовало бы начать съ самаго института правосудія, этого покровителя слабыхъ противъ сильныхъ.[2]) Перечисляя разныя формы „состраданія“, напримѣръ, образованіе, которое, будучи совершенно безплатнымъ или даваемымъ по очень низкой цѣнѣ, увеличиваетъ число лицъ, вышедшихъ изъ своего прежняго состоянія, и т. п. (состраданіе къ нищимъ напр.), авторъ замѣчаетъ, что пока состраданіе считалось чисто внутренней и индивидуальной добродѣтелью, способъ оказанія жертвы и способъ пользованія полученнымъ не имѣли никакого значенія.[3]) Но этотъ способъ пользованія и способъ оказанія жертвы скоро получаютъ значеніе съ точки зрѣнія оказанія помощи дѣйствительно достойнымъ и наилучшимъ образомъ. Послѣдній вопросъ (организація милосердія) не представляется интереснымъ для задачи настоящаго обзора, но за то тутъ-же поставленный авторомъ вопросъ о томъ, является ли состраданіе *факторомъ прогресса*, имѣетъ существенное значеніе и для правильнаго отношенія къ этикѣ эволюціонистовъ и къ проблемѣ морали „новаго этическаго индивидуализма“. По этому вопросу Бело говоритъ слѣдующее. „Даже очень бѣглый обзоръ исторіи животнаго и растительнаго міра обнаруживаетъ съ очевидностью, что *не всегда сила обезпечиваетъ сохраніе рода*“... Всѣ гиганты давно протекшихъ геологическихъ породъ исчезли, уступивъ мѣсто измельчавшимъ видамъ. „И обратно, слабость можетъ оказаться силой: басня о львѣ и комарѣ можетъ служить для выясненія этого біологическаго положенія, которое оправдывается такъ-же часто, какъ и нравственная аллегорія. Неощутимый микробъ поражаетъ человѣка“. [4]) Мысли эти не новы. Уже Томасъ Гексли указывалъ, что „приспособленнѣйшимъ“, въ зависимости отъ условій существованія, можетъ оказаться наиболѣе слабый (Гексли, О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ, перев. Березина Спб. 1897 г.; *Тимирязевъ*, нѣкоторыя основныя задачи современ. естествознанія, Москва 1895 г.) Фаже указываетъ на устойчивость простѣйшихъ при всѣхъ перемѣнахъ условій существованія (C. Fages, L'Evolution du Darwinisme biologique, Revue de l'Institut International de Sociologie, 1898, № 7) и т. п. Въ новѣйшее время Оствальдъ („Натурфилософія“, перев. съ нѣм. Спб. 1902 г.) указываетъ на причины энергетическаго свойства, повлекшія за собой вымираніе палеонтологическихъ чудовищъ.

На основаніи подобныхъ фактовъ Бело повторяетъ положеніе, высказанное еще Гексли, что „нѣтъ ничего двусмысленнѣе идей о совершенствѣ и несовершенствѣ, о силѣ или слабости, идей, которыми безпрестанно злоупотребляютъ сторонники подбора“.[5]) Такимъ

[1]) Бело, стр. 122.
[2]) Бело, стр. 123.
[3]) Бело, стр. 129.
[4]) Бело, стр. 130—131.
[5]) Бело, стр. 132.

же образомъ и „фавориты экономическаго подбора вовсе не безусловно лучшіе люди ни съ общественной, ни съ индивидуальной точки зрѣнія“. [1]) Въ человѣчествѣ интересъ рода связанъ съ интеллектуальнымъ совершенствомъ, а люди съ наиболѣе высокимъ интеллектомъ вовсе не пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ и наибольшимъ богатствомъ. [2]) Статистика показываетъ, что искусственное сохраненіе болѣе слабыхъ организмовъ, въ общемъ, не ослабило жизнеспособности. [3]) Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія мысли автора. „Мнѣ кажется, что въ балансѣ состраданія слишкомъ низко оцѣниваютъ содержаніе чувства симпатіи, которое составляетъ *фундаментъ всякой соціальной жизни*... Если... развиваютъ противоположныя чувства и поощряютъ узкій эгоизмъ struggle for life, то получается минусъ“. [4]) „Общество, помогая въ бѣдствіи, анонимнымъ авторомъ коего оно является и исправляя послѣдствія своихъ несовершенствъ и прошлыхъ несправедливостей, выполняетъ, пожалуй, не болѣе, какъ долгъ справедливости“... Но состраданіе должно быть общеобязательнымъ. [5]) Оно соціально по объектамъ и мотивамъ своего проявленія, оно соціально по своимъ задачамъ. [6]) Оно должно быть соціальнымъ и по способамъ своего проявленія. Большая часть изъ того, что сказано авторомъ объ индивидуалистической доктринѣ борьбы за существованіе, примѣнимо и къ той постановкѣ „этическаго“ индивидуализма, который нами уже разсмотрѣнъ выше.

Вопросъ о соотношеніи между справедливостью и милосердіемъ служитъ также объектомъ интереснаго изслѣдованія проф. Шарля Жида. Обративъ вниманіе на то, что форма милосердія, особенно организованнаго, является обидной для личнаго достоинства лицъ, коимъ это милосердіе оказывается и которыя вправѣ сказать: „не милосердія хотимъ мы, а справедливости“, [7]) авторъ находитъ, что оба эти понятія не являются взаимно другъ друга исключающими. Кругъ дѣйствія милосердія находится за предѣлами науки и, если у него есть отличительный знакъ, то онъ можетъ быть лишь тѣмъ же, что и у любви—повязка на глазахъ. [8]) И эволюціонисты и коллективисты ставятъ, съ точки зрѣнія науки, перегородки между справедливостью и милосердіемъ,—тогда какъ ихъ вовсе не существуетъ. [9]) И цѣлый рядъ примѣровъ приводитъ автора къ выводу, что кругъ дѣйствія справедливости безпрестанно расширяется и мало по малу подходитъ къ милосердію. [10]) На этомъ я считаю возможнымъ закончить разсмотрѣніе вопроса объ этическомъ принципѣ долженствованія, хорошо сознавая, что наша точка зрѣнія только намѣчена и что важность вопроса требуетъ дальнѣйшаго развитія,—но этому здѣсь не мѣсто.

---

[1]) Бело, стр. 133.
[2]) Бело, стр. 135.
[3]) Бело, стр. 136—137.
[4]) Бело, стр. 145—146.
[5]) Бело, стр. 146—147, стр. 147—150.
[6]) Бело, стр. 148.
[7]) Ш. Жидъ, Справедливость и милосердіе, „Соц. мораль“, стр. 153—164
[8]) Жидъ, l. c. стр. 165.
[9]) Жидъ, стр. 165—167.
[10]) Жидъ, стр. 183.

Я надѣюсь, что мнѣ еще представится случай въ другомъ трудѣ побесѣдовать объ этомъ предметѣ съ читателемъ.

Проф. В. В. Ивановскій въ статьѣ о нравственной отвѣтственности общественныхъ властей, говоритъ, что при разсмотрѣніи вопросовъ морали имѣется въ виду обыкновенно индивидуальная мораль; это потому, что нравственныя качества такъ же тѣсно связаны съ личностью, какъ и интеллектуальное развитіе. [1]) Мы видѣли, что сторонники этической оцѣнки настоящаго стоятъ именно на этой почвѣ и многіе изъ нихъ доходятъ въ своей исключительности до крайности. Пріобщившись въ общемъ правильнаго протеста Ничше за права индивидуальности, они начинаютъ превращать эту индивидуальность въ новаго Молоха и впадаютъ въ ту-же погрѣшность, въ которую впадали приверженцы противоположнаго направленія съ его религіей общества, какъ какого-то мистическаго божка, претворяющаго личность въ служебный органъ, клѣточку. Проф. Ивановскій совершенно справедливо указываетъ, что вопросы общественной морали должны находить себѣ мѣсто въ этикѣ. „Не говоря о томъ, замѣчаетъ онъ, что коренной вопросъ, гдѣ заключается источникъ личныхъ качествъ, въ индивидѣ или въ общественной средѣ, является открытымъ, мы, во всякомъ случаѣ имѣемъ право констатировать, что инвидуальныя отношенія не исчерпываютъ собою всѣхъ отношеніи жизни". Существуютъ въ жизни коллективныя организаціи, въ которыхъ индивиды сплочены началомъ солидарности и въ которыхъ характерныя особенности каждаго лица сглаживаются и подчиняются вліяніямъ, имѣющимъ свой источникъ въ солидарности интересовъ. Это, конечно, съ точки, зрѣнія Бердяева, является „отреченіемъ" отъ абсолютныхъ правъ личности, но отреченіемъ этическимъ, а не имморальнымъ, какъ полагаютъ сторонники спиритуалистическаго индивидуализма.

Проф. Ивановскій замѣчаетъ, что коллективныя организаціи дѣйствуютъ чрезъ посредство своихъ органовъ, но въ послѣднихъ дѣятелями являются люди и ихъ дѣятельность, въ смыслѣ этическомъ, подчинена правиламъ соціальной морали. [2]) Пока еще дѣятельность эта мало удовлетворяетъ даннымъ требованіямъ, и разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изъ причинъ этого явленія и посвящена работа г. Ивановскаго, но сама исторія вопроса показываетъ, что существуетъ стремленіе къ нравственному совершенству обществъ (справедливое распредѣленіе матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ) и что содѣйствіе этому стремленію возможно на пути воздѣйствія на уничтоженіе причинъ, препятствующихъ приближенію нашихъ стремленій къ существующему ихъ идеалу. [3])

Вопросъ о долженствованіи, о будущемъ, съ точки зрѣнія котораго производится оцѣнка настоящаго, долженъ быть разсматриваемъ не только съ точки зрѣнія этическаго принципа этого долженствованія, но и съ точки зрѣнія согласованія причинности и свободы и

[1]) В. Ивановскій, Нравств. отвѣтственность общественныхъ властей, Русск. Мысль 1902 г. № 8.

[2]) Ивановскій, op. cit. стр. 2—6.

[3]) Ивановскій, стр. 18.

съ точки зрѣнія самаго характера долженствованія, въ смыслѣ отнесенія его къ категоріи возможности, а не необходимости. Всѣхъ этихъ вопросовъ мы и коснулись въ настоящемъ обзорѣ, въ связи съ вопросомъ о соціальномъ предвидѣніи и о границахъ послѣдняго, а равно въ связи съ вопросомъ о значеніи соціальнаго прогресса. Все сказанное нами не требуетъ, по нашему мнѣнію, пересмотра и потому мы не подвергаемъ подробному анализу посвященную данному вопросу работу г. Кистяковскаго (въ „Проблемахъ Идеализма"), хотя сама по себѣ работа эта заслуживаетъ подробнаго критическаго разбора, тѣмъ болѣе, что за указанія автора на пробѣлы науки въ данномъ вопросѣ можно быть только благодарнымъ

Въ связи съ затронутымъ вопросомъ отмѣтимъ слѣдующее положеніе одного изъ противниковъ „субъективной школы соціологіи", всегда разсматривавшей будущее, какъ категорію возможности со всѣми ея степенями. Мы имѣемъ въ виду г. Маркелова. Въ своей статьѣ отчетнаго года, посвященной вопросу о возможной связи идеализма съ марксизмомъ (каковая связь въ смыслѣ высоты идеологіи послѣдняго и глубокой истинности многихъ изъ положеній собственно экономической доктрины, никогда не отвергалась г. г. Михайловскимъ, Карѣевымъ, В. В., Николаемъ—ономъ, Пошехоновымъ, Ратнеромъ) ,авторъ настаиваетъ на самостоятельности запросовъ духа и тѣла. Затѣмъ авторъ говоритъ, что за предѣлами эмпирическаго міра у человѣка открывается цѣлое царство свободы, которое реализуется въ *нравственномъ* (курсивъ автора) содержаніи духовной жизни. Далѣе г. Маркеловъ цитируетъ раздѣляемыя имъ слова Паульсена (Введѣніе въ философію): разсудокъ не строитъ идеаловъ, у него нѣтъ и чувства для идеаловъ. Но человѣческое сознаніе имѣетъ два направленія—мышленіе и волю (интуитивный и перцептивный разумъ Уорда), соотвѣтственно чему существуютъ и двѣ формы сознанія: причинное и телеологическое. Къ прошедшимъ событіямъ можно относиться, какъ къ явленіямъ, стоящимъ другъ къ другу въ причинной зависимости. Но какъ относиться къ событіямъ не наступившимъ, какъ мнѣ относиться къ своимъ собственнымъ поступкамъ, къ тому, чего я еще не сдѣлалъ, но намѣреваюсь сдѣлать? Я знаю, что эти поступки будутъ находиться въ извѣстной зависимости отъ тѣхъ или другихъ факторовъ, но я не могу мыслить этихъ поступковъ подъ категоріей причинности. Прежде всего эти поступки *могутъ быть, могутъ и не быть*, а, какъ таковые, они не могутъ подпадать подъ причинную зивисимость... Я выбираю изъ серіи поступковъ, которые могу совершить, такой, который болѣе всего соотвѣтствуетъ и достигаетъ поставленной мною цѣли. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что цѣль-есть реализація извѣстной идеи [1]).

Г. Маркеловъ привѣтствуетъ„ поворотъ въ марксизмѣ въ сторону идеалистической философіи", въ особенности въ формѣ, въ какой этотъ поворотъ обоснованъ г. Бердяевымъ, но находитъ, что это не является простой реакціей противъ матеріализма. Отмѣтивъ исто-

[1]) Г. Маркеловъ, Идеализмъ и Марксизмъ. Міръ Божій 1902 года № 5, стр. 232—233.

рическую заслугу той критической работы, которую произвелъ марксизмъ и которой никто изъ честно относившихся къ дѣлу никогда и не отвергалъ, авторъ находитъ, что „новое направленіе“ пришло не на смѣну марксизму, въ чемъ онъ вѣренъ, а лишь преслѣдуетъ цѣли исправленія и дополненія того, что можетъ и должно быть исправлено и дополнено. И это совершенно вѣрная мысль, но, къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, исправленіе и дополненіе не чуждо погрѣшностей въ смыслѣ односторонних увлеченій: направленіе начинаетъ впадаетъ въ „однобокость“, т. е. въ тотъ же грѣхъ, коимъ страдало исправляемое и дополняемое. Этой стороны дѣла г. Маркеловъ, однако, не замѣчаетъ и привѣтствуетъ „подготовительныя работы къ водворенію царства идеализма“ такими, какъ онѣ есть. Нужно, однако, замѣтить, что г. Маркеловъ говоритъ нѣсколько не то, что проповѣдуетъ г. Бердяевъ и что г. Маркеловъ ближе послѣдняго къ Струве и ближе къ истинѣ. Говоря объ идеалахъ, г. Маркеловъ замѣчаетъ, что идеалы могутъ быть разнообразные: политическіе, экономическіе, правовые и т. п., но что всѣ эти идеалы могутъ быть сведены къ одному общему, включающему въ себѣ всѣ эти частные элементы. Этотъ высшій идеалъ—этическій. Регулятивной идеей, указывающей человѣку путь къ нему, служитъ моральный законъ, категорическій императивъ. Этотъ законъ абсолютенъ, онъ стоитъ внѣ пространства и времени... Всѣ отдѣльныя цѣли и всѣ отдѣльные идеалы должны имѣть извѣстное отношеніе къ этому высшему идеалу, который служитъ критеріемъ въ опредѣленіи ихъ справедливости... Но *для жизнеспособности* идеала одной телеологической законномѣрности недостаточно, нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, *доказать его необходимость*. Только такой идеалъ можетъ удовлетворить насъ, который имѣетъ подъ ногами твердую *научную* почву и который получилъ, кромѣ того, санкцію справедливости. [1])

Отмѣченныя слова уже вводятъ насъ въ область научнаго обоснованія предвидѣнія и выводятъ изъ области простой вѣры въ него. Мы видѣли, что г. г. Булгаковъ и Бердяевъ находятъ, что знаніе будущаго должно обезцвѣтить наши стремленія, ослабить энергію. Изъ этого положенія г. Маркеловъ выходитъ слѣдующимъ образомъ. „Сознаніе необходимости—это уже не вѣра, а знаніе; *воля же* не можетъ жить знаніемъ—оно принадлежность разсудка. Идеалъ для человѣка это все то, что истино, прекрасно, вѣчно, что ему близко, дорого; это образъ, въ который отливается его вѣра, его воля. *Разсудокъ* признаетъ необходимость какого-нибудь явленія, воля же съ своей стороны заботится о наиболѣе справедливой формѣ этого явленія“. [2]) Не будемъ считаться съ частностями, напр., что воля раньше отнесена авторомъ не къ категоріи чувствъ, а именно „къ сознанію“, т. е къ разсудку, а теперь поступаетъ иначе,— и замѣтимъ, что научное обоснованіе желательнаго идеала ставитъ автора въ противорѣчіе съ взглядами г. Бердяева, которые, однако, онъ съ этой стороны критикѣ не подвергаетъ. Еще одно замѣчаніе: „разсудокъ признаетъ необходимость какого нибудь явленія, гово-

[1]) Маркеловъ, op.cit. стр. 237—238.
[2]) Маркеловъ, стр. 238.

ритъ г. Маркеловъ, воля же заботится о справедливой формѣ этого явленія". Авторъ не поясняетъ, какъ должно здѣсь понимать „необходимость"—въ смыслѣ-ли объективной неизбѣжности или ранѣе провозглашенной авторомъ „возможности" будущихъ явленій? Хочется считать автора послѣдовательнымъ и признать, что необходимость разумѣется въ послѣднемъ смыслѣ.

Каковъ же, однако, идеалъ автора, являющійся верховнымъ принципомъ и потому этическимъ? Такимъ идеаломъ является тотъ, который совмѣщаетъ въ себѣ объективно-необходимое его основаніе съ лучшими субъективными стремленіями человѣка. [1]) Такой стройной системой—является марксизмъ, который при свѣтѣ Кантовской философіи, и является путеводной звѣздой для своихъ адептовъ. [2]) Ничего не измѣняя въ окончательномъ выводѣ автора, подставляемъ въ вышеприведенной формулѣ, вмѣсто словъ „объективно-необходимое"—слова „объективно возможное и вѣроятное"—и полагаемъ, что это измѣненіе нисколько не можетъ вліять на измѣненіе вывода. Нужны доказательства? Онѣ эмпирическаго свойства. Выше, при разсмотрѣніи взглядовъ г. Бердяева и Новгородцева, я нѣсколько разъ отмѣчалъ родство взглядовъ этихъ авторовъ съ взглядами Карѣева, Лаврова и Михайловскаго съ одной стороны и г. г. Бердяева и Струве—съ другой. Теперь эти замѣчанія намъ пригодились въ качествѣ эмпирическаго оправданія только-что высказаннаго нами мнѣнія. Къ этому же разряду фактовъ относятся и такія обстоятельства, какъ, напримѣръ, отстаиваніе центральности экономическаго фактора безъ принадлежности къ матеріалистической школѣ (напр., Роджерсъ; *Карѣевъ*: Старые и новые этюды объ экономич. матеріализмѣ), какъ принадлежность къ послѣдней школѣ—безъ исповѣди марксизма (напр. Лоріа см. тотъ-же трудъ Карѣева) и т. п.

Отъ этихъ замѣчаній ясенъ переходъ къ слѣдующему заключенію: крайне отрицательное отношеніе представителей „поворота", какъ напр. г. г. П. Г., Бердяева, Струве, Маркелова и др., къ русской школѣ соціологіи, связанное съ „похоронами" ученія,—несправедливо. Никто не станетъ отрицать необходимости критики ученія и даже необходимости дополненій и исправленій, но говорить, „при тожественности философскаго зерна", о смерти всей школы, о томъ что все это ученіе представляетъ „поле, усѣянное мертвыми костьми" (Санинъ въ Научн. Обозр. 1898 г. № 2), значитъ не отличаться, по характеру отношенія, отъ критики той же школы со стороны г. г. Слонимскаго (Вѣстн. Евр. 1889 г. № 3 и слѣд.) и Абрамова. Не лучше, по моему мнѣнію, и критика школы со стороны г. Ранскаго (С. П. Ранскій. Соціологія Михайловскаго, Спб. 1901 г.). Тѣ-же представители „поворота" относятся къ ортодоксальному марксизму безъ всякой нетерпимости. Въ глазахъ читателя „заколачиваніе г. Михайловскаго живымъ въ гробъ", возвѣщеніе о смерти русскаго субъективизма съ оповѣщеніемъ сего urbi et orbi не съ чувствомъ прискорбія, а съ особымъ удовольствіемъ—не можетъ не казаться смѣш-

[1]) Маркеловъ, стр. 239.
[2]) Маркеловъ, стр. 239—241.

нымъ на ряду съ несомнѣнной жизнію школы, бьющей сильнымъ ключемъ неувядающей энергіи и въ особенности на ряду съ такими явленіями литературы, какъ завоеванія, сдѣланныя Уордомъ на западѣ Европы и появленіе у насъ въ томъ же году, когда вновь производились похороны школы, такихъ трудовъ, какъ г. Николаева[1]) и Новополина.[2]) При всемъ различіи„ настроеній" обоихъ авторовъ. они тожественны по исповѣданію ученій „русской школы". Мы, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь войти въ разборъ и оцѣнку этихъ трудовъ, какъ и труда, такъ рано и трагически погибшаго г. Гуковскаго,[3]) ни оригинальнаго труда, съ его самостоятельнымъ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ, г. Пекатороса, [4]) такъ какъ нами разсматриваются лишь труды собственно научнаго характера. Мы отмѣтили означенные труды лишь какъ живое доказательство нашего заключительнаго вывода о значеніи отношенія сторонниковъ поворота къ идеализму къ школѣ, которая прежде всего называется „этической" школой соціологіи. Мнѣ кажется, что даже наибольшее разногласіе указанныхъ направленій въ вопросѣ объ историческихъ судьбахъ Россіи (мы имѣемъ въ виду идеологію народничества, оставшуюся внѣ нашего разсмотрѣнія), не должно вести къ исключительности отношеній: безпристрастная критика не исключаетъ работы на общую пользу viribus unitis.

X.

Заканчивая первую, общую часть своего обзора соціологической литературы за 1902 годъ, считаю долгомъ, ради полноты послѣдняго, привести краткія указанія о появившихся въ разсматриваемомъ году трудахъ общаго характера. Въ означенномъ году появилось всего, не считая перевода небольшой книжки Лоріа, три труда, имѣющихъ назначеніе обнять весь предметъ соціологіи, т. е. указать на значеніе и задачи науки и сдѣлать очеркъ существующихъ въ наукѣ разрѣшеній основныхъ, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованія, вопросовъ. Труды эти слѣдующіе: Гроппали„ Лекціи по соціологіи", [5]) Сквилаче „Соціологическія доктрины [6]) и Лестера Уорда„ Современная соціологія". [7]) Въ трудѣ Гроппали заслуживаетъ вниманія, хотя и краткое, но достаточно ясное изложеніе основаній, по которымъ соціологія отграничивается отъ сопредѣльныхъ наукъ (біологіи, психологіи, этики, исторіи, статистики и философіи исторіи). Обзоръ соціологическихъ школъ у Гроппали крайне неполонъ (упоминаются только школы органическая, школа „подражанія" и историко-матеріалистическая), причемъ авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ историческаго матеріализма, что, впрочемъ, было извѣстно и изъ его прежнихъ трудовъ (хотя-бы, напр. „Saggi di Sociologia", съ предисловіемъ проф.

[1]) Николаевъ, *Вопросы жизни въ современной литературѣ*, Спб. 1002 г.
[2]) Новополинъ, Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ 1902 г.
[3]) Гуковскій, Новыя вѣянія и настроенія. Одесса, 1902 г.
[4]) Пекаторосъ, Современныя настороенія. Одесса 1902 г.
[5]) A Groppali, Lezioni di Sociologia, Torino 1902.
[6]) G. Squillace, Le Dottrine Sociologiche, Roma 1902.
[7]) L. Ward, Contemporary Sociology, The American Journal of Sociology 1902, Янв., Мартъ, Май.

Астураро, Миланъ 1899, см. ч. II, стр. 117 и слѣд.). Особенно интересна у Гроппали послѣдняя глава, трактующая о соціальномъ „предвидѣніи“. Предвидѣніе соціальныхъ феноменовъ авторъ считаетъ значительно ограниченнымъ и предостерегаетъ отъ фантастическихъ увлеченій, вызываемыхъ внесеніемъ идеологіи въ объективную науку. Вполнѣ раздѣляя предостереженіе автора противъ „фантастическихъ увлеченій“, не могу, однако, не указать, что внесеніе идеологіи въ науку, какъ мы показали выше, вполнѣ законно. Что же касается собственно основаній, приведшихъ Гроппали къ указанному выводу, то онѣ и у него, какъ и у другихъ писателей, высказывающихъ однородные взгляды, заключаются въ фактѣ неудачи прогноза Маркса. Слабое выполненіе задачи не можетъ дать основаній къ заключенію о невыполнимости ея.

Что касается книги Сквиллаче, то его объемистый трудъ представляется чуть-ли ни лучшимъ введеніемъ въ изученіе соціологіи, если не считать крупнаго и, при эрудиціи автора, непонятнаго недостатка—полнаго игнорированія соціологіи марксистской. Всего три раза затронута авторомъ эта соціологическая школа, но лишь мимоходомъ, какъ бы эта школа составляла совершенно незамѣтное явленіе въ наукѣ. Независимо отъ этого недостатка, книга Сквиллаче даетъ довольно полное (полнѣе для „введенія“ и не требуется) понятіе объ остальныхъ соціологическихъ школахъ. Указавъ въ предисловіи на современное несовершенное состояніе соціологіи, авторъ говоритъ, что наука эта можетъ получить и получитъ значеніе для политики, въ смыслѣ комплекса пріемовъ для обоснованія предвидѣнія и правилъ соціальнаго поведенія, когда она освободится отъ всего чуждаго истинной наукѣ и ясно и точно опредѣлить свои задачи.[1]) При перечисленіи представителей соціологіи по странамъ авторъ высказываетъ смѣлое сужденіе, вытекающее изъ незнанія дѣла, а именно, что въ Россіи (и Венгріи) соціологія совершенно не имѣетъ представителей.[2]) Новикова и Де-Роберти Сквиллаче относитъ къ французской литературѣ и, хотя знаетъ еще Абрамовскаго, Лиліенфельда и М. Ковалевскаго, но и ихъ считаетъ не-русскими писателями. Переводъ книги Михайловскаго „Что такое прогрессъ“ ему неизвѣстенъ, какъ и французскія статьи Лаврова, Карѣева, Лучицкаго и др. Во всякомъ случаѣ безъ знанія литературы страны не слѣдуетъ высказывать о ней сужденія. При перечисленіи журналовъ, посвящающихъ не мало вниманія соціологіи, пропущены многія европейскія изданія, напримѣръ „Die Anthropologisch-Politische Revue“, „Die Neue Zeit“, „Le Devenir Social“, „The Mind“ и др Интересно и довольно полно написана глава о „предшественникахъ“ научной соціологіи, но при этомъ пропущенъ такой интересный писатель, какъ Ибнъ-Хальдунъ.[3]) Обозрѣніе соціологическихъ школъ начинается съ соціологіи, основанной на физикѣ и естественныхъ наукахъ“,[4]) каковой отдѣлъ

[1]) Squillace, Le Dottrine Sociologiche, p. 14—15.
[2]) Squillace, op. cit. стр. 17.
[3]) Гумпловичъ, Ибнъ-Хальдунъ, арабскій соціологъ XIV в. Научн. Обозр. 1898 г. № 12.
[4]) Squillace, op. cit. стр. 79—245.

распадается на „соціологію механическую“ (Спенсеръ, Фискъ, Мисмеръ, Салесъ-и-Ферре, Карей, Винярскій, Парето, Де-Марини), „соціологію этно-антропологическую“ (Летурно, Гумпловичъ, Ваккаро, Лапужъ, Аммонъ, Фолькмаръ) и „соціологію географическую“ (Демоленъ, Ратцель). Для „введенія“ задача должна считаться выполненной удачно, хотя нельзя не указать на пропуски во взглядахъ Уорда на соціальную механику и на весьма неполный списокъ представителей антропосоціологіи (пропущены Клоссонъ, Ливи, Мюффангъ и др.); рядомъ съ Фолькмаромъ слѣдовало упомянуть о Топинарѣ. Краткая, но сильная критика механицизма въ соціологіи представляется вполнѣ достаточной для той задачи, которую себѣ поставилъ авторъ. [1]) Въ параграфѣ 42 (стр. 178 и слѣд.) Сквиллаче говоритъ о расѣ, какъ факторѣ психологическомъ. Для полноты нашего обзора замѣтимъ, что въ отчетномъ году въ русской литературѣ появилось интересное изслѣдованіе, посвященное спеціально данному предмету, именно переводъ съ польскаго, сдѣланный подъ редакціей автора, книги Р. В. Крживицкаго. [2]) Въ книгѣ этой авторъ, впрочемъ, касается и совокупности вліяній другихъ факторовъ—среды, климатическаго, теллурическаго и др., а равнымъ образомъ и вліянія человѣка на матеріальную среду. Особенно подробно разсмотрѣно авторомъ значеніе соціальнаго подбора, хотя недостаточно обращено вниманія на значеніе экономическаго подбора, отмѣченнаго Винярскимъ въ его критикѣ трудовъ Лапужа (см. Винярскаго: Антропо-соціологія, Научн. Обозр. 1900 г. № 1 и 2).

Въ слѣдующей главѣ (стр. 249—294) Сквиллаче разсматриваетъ біологическую школу соціологіи, смѣшивая, какъ и Дюркгеймъ, ее съ органической школой, тогда какъ біологическая школа должна быть изучаема по двумъ направленіямъ, какъ школа дарвинистская (селекціонная и школа эволюціонистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, напр. Фикъ, Вестермаркъ, Морселли. Ср. Карѣева „Введеніе въ изученіе соціологіи“) и школа собственно-органическая, въ которую входитъ и такъ называемый краузизмъ, въ основѣ своей непричастный къ дарвинизму. Что касается собственно органической школы, то списокъ ея представителей далеко у Сквиллаче неполонъ: разсматриваются главнымъ образомъ труды Шеффле и Лиліенфельда въ связи съ ученіемъ Спенсера, труды Бордье, Смолла, Винцента, Вормса и Саллиласа. О Фуллье и Изулэ упоминается вскользь, Новиковъ отнесенъ къ другой школѣ. Совершенно пропущены Піоже, Эспинасъ, Вида, Сантамаріа-де-Паредесъ и др. Къ ученію органицистовъ авторъ относится отрицательно, находя, что понятія „совершенства“ въ соціологіи и біологіи не совпадаютъ и что аналогія яленій не ведетъ къ заключенію о тождествѣ законовъ, управляющихъ этими явленіями. [3]) Кромѣ того Сквиллаче дѣлаетъ указаніе, тождественное съ указаніемъ Уорда, что школа крайне разнообразно опредѣляетъ, что такое соціальный организмъ и что является соціальной клѣточкой. [4])

[1]) Squillace, стр. 136—140.

[2]) Крживицкій, Психическія расы, Спб. 1902 г.

[3]) Squillace, стр. 292 и слѣд.

[4]) Squillace, op. cit., стр. 288 и слѣд. Ср. Ward, Contemporary Sociology въ The American Journal of sociologie, 1902, январь, стр. 484—486. Ср. указанія, сдѣл. мною въ „Органич. теоріи строенія и развитія общ.“, стр. 55—57.

Въ отдѣлѣ книги, посвященномъ психологической школѣ соціологіи (стр 297—453) и расподающемся на двѣ главы: на „соціологію психологическую“ (О. Контъ, Карле, Уордъ, Комбъ-де-Летрадъ, Тардъ, Баскомъ, Лакомбъ, Ксенополь, Лагрезилль, Алліево, Бурдо, Изулэ, Лебонъ, Теннисъ. Де-Роберти, Гиддингсъ, Фербенксъ) и „соціо-психологію“ (психологія героевъ, геніевъ и толпы), каковое дѣленіе представляется искусственнымъ, авторъ, во-первыхъ, неправильно относитъ Изулэ къ психологической школѣ, тогда какъ онъ органицистъ, во-вторыхъ пропускаетъ Адольфа Коста и Марка Бальдуина. Ученіе Конта изложено весьма поверхностно. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ отчетнаго года можно перекомендовать статью г. Лаппо-Данилевскаго въ сборникѣ „Проблемы Идеализма“. [1]) Популярное изложеніе контизма, сдѣланное въ отчетномъ году г. Оболенскимъ въ журналѣ „Самообразованіе“ (№№ 11, 12, 14, 16, 20—22), по самой задачѣ своей не можетъ считаться строго-научнымъ трудомъ. Весьма интересенъ, посвященный позитивизму очеркъ г. Гольцева. [2])

Особенное вниманіе удѣляетъ Сквиллаче ученію Тарда и тутъ-то и обнаруживается недостатокъ автора, заключающійся въ несопоставленіи взглядовъ Тарда съ взглядами Бальдуина. Это тѣмъ болѣе странно, что Сквиллаче цитируетъ тотъ именно трудъ Эллвуда (стр. 322, примѣч.), гдѣ такое сопоставленіе сдѣлано, причемъ Сквиллаче цитируетъ и указаніе Эллвуда о томъ, что Бальдуинъ формулировалъ теорію „подражанія“ вполнѣ независимо отъ Тарда (Ellwood, The theory of imitation in social psichology, въ The American Journ. of Sociology, 1901 г. май) и тѣмъ болѣе, что далѣе авторъ цитируетъ одинъ изъ трудовъ Бальдуина (Сквиллаче, стр. 418 и слѣд.). Совершенно правильно указывая на односторонность научной доктрины психологической школы соціологіи, Сквиллаче требуетъ отъ соціолога изученія всѣхъ факторовъ, вліяющихъ на жизнь и строй общества. Въ главѣ о соціо-психологіи особенное вниманіе обращено авторомъ на трудъ Мекензи, а между тѣмъ слѣдовало больше удѣлить вниманія, чѣмъ это сдѣлано, взглядамъ Мичелли и Сигеле.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги соединены различныя школы, экономическая, въ которой, однако, ничего не говорится о марксизмѣ, а о трудахъ Ле-Плэ (относящагося совершенно къ другой школѣ, къ школѣ соціальнаго синергетизма. См. о немъ трудъ Де-Виня и русское изданіе г. Побѣдоносцева „Основная конституція человѣческаго рода“, Москва 1897 г.), Функъ-Брентано, Паттена; школа статистическая и демографическая, въ которой говорится о позитивистѣ А. Костѣ и не упоминается о Кеттлэ, Майрѣ, Майо-Смитѣ и др.; школа юридическая (Ардиго, Фрагапане, причемъ пропущенъ Вадала Попале, Лапи, Позада и др.) и сюда же отнесено ученіе Фуллье о договорномъ организмѣ (Сквиллаче, стр. 485 и слѣд.) и Дюркгейма объ общественномъ раздѣленіи труда, а равно Зиммеля о соціальныхъ дифференціаціяхъ. Всѣ исключительныя теоріи авторъ находитъ недо-

[1]) Лаппо-Данилевскій, Основные принципы соціологической доктрины О. Конта. Проблемы Идеализма, стр. 392—490.

[2]) В. Гольцевъ, Этюды о позтивизмѣ Русск. Мысль 1902 г., № 8, стр 177 и слѣд.

статочными (стр. 515 и слѣд.), признавая множественность соціальныхъ факторовъ.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе многообъемлющаго труда г. Сквиллаче, который, при всѣхъ отмѣченныхъ недостаткахъ и при томъ невниманіи къ вопросу о соціальномъ долженствованіи, которое обнаруживаетъ авторъ,—является все-же однимъ изъ наиболѣе полныхъ обзоровъ существующихъ соціологическихъ доктринъ. Не такъ полно составленъ, но отличается значительно большей глубиной мыслей и широтой взглядовъ—однородный трудъ Лестера Уорда. Отмѣтивъ трудность задачи обзора существующихъ доктринъ и въ особенности трудность ихъ классифицированія, авторъ посвящаетъ весьма немного вниманія соціологіи, какъ филантропіи и соціологіи, какъ антропологіи, говоря, что онѣ собственно еще не относятся къ научной соціологіи или, скорѣе, относятся къ ней какъ астрологія къ астрономіи и т. п. [1]) Больше вниманія удѣляетъ авторъ біологической школѣ и, отмѣчая ея несомнѣнныя заслуги предъ наукой, подвергаетъ жестокой критикѣ ея односторонніе заключенія и въ особенности такъ называемый органицизмъ, [2]) считая послѣдній видомъ современнаго переживанія схоластическаго реализма (стр. 493).

Говоря объ экономической школѣ соціологіи (Уордъ, стр. 493—500), авторъ предупреждаетъ, что не имѣетъ въ виду здѣсь матеріалистической школы, а лишь писателей, вводящихъ экономическій факторъ въ рядъ самыхъ основныхъ моментовъ соціальной жизни. [3]) Не отрицая такого значенія этого момента, Уордъ оспариваетъ взглядъ на автоматичность его дѣйствія въ общественной жизни,—взглядъ, который, впрочемъ, высказанъ авторомъ и въ его предшествующихъ трудахъ.

Въ главѣ, посвященной ученію, отожествляющему соціологію съ философіей исторіи, [4]) авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ книгу Поля Барта („Философія исторіи, какъ соціологія“; есть два русскихъ перевода). Уордъ цитируетъ мнѣніе Барта о томъ, что истинная соціологія, подъ которою разумѣется соціологія позитивная, совершенно совпадаетъ съ философіей исторіи, отличаясь отъ нея лишь по имени. Что всего любопытнѣе, прибавляетъ Уордъ, что Лиліенфельдъ, точка зрѣнія коего характеризуется исключительнымъ біологизмомъ, раздѣляетъ этотъ взглядъ Барта, говоря только (чего не говоритъ Бартъ), что осуществленіе соціологіи, какъ философіи исторіи, возможно лишь при помощи примѣненія органическаго метода (Уордъ, стр. 630). Въ противовѣсъ означенному взгляду Уордъ приводитъ мнѣніе Тарда, что та позитивная соціологія, которую обосновалъ Контъ (и о которой говоритъ Бартъ) въ сущности и не является соціологіей, а философіей исторіи идей. То-же самое говоритъ и Де-Греефъ (Тардъ, Les lois Sociales, p. 123; De Greef, Introduction à la Sociologie, ч. I стр. 226; Ward, Contemporary Sociology, II, p. 630).

---

[1]) Ward, Contemporary Sociology, The American Journ. of Sociology, 1902, January p. 476 и слѣд.

[2]) Ward, ibidem стр. 482—493.

[3]) Ward, ibidem, p. 493, chap. IV.

[4]) Ward, idem, Journ. of Sociog., 1902, March, стр. 629 и слѣд.

Такъ что Бартъ сравниваетъ не соціологію съ философіей исторіи, а философію исторіи съ философіей же исторіи. Далѣе Уордъ приводитъ взгляды Тарда и Зиммеля на различіе между соціологіей и философіей исторіи, заключающееся въ томъ, что философія исторіи изучаетъ общее въ существовавшихъ и существующихъ историческихъ обществахъ, тогда какъ соціологія отвлекается отъ опредѣленныхъ историческихъ существованій и разсматриваетъ общество, какъ самостоятельное понятіе, реальное для Тарда и идеальное для Зиммеля. Къ этому Уордъ прибавляетъ еще взгляды Людвига Штейна и Леббока, отмѣчающихъ различіе методовъ обоихъ наукъ и различіе службы, отправляемой для обѣихъ дисциплинъ описательною исторіей. [1])

Въ разсмотрѣнной части трудъ Уорда могъ бы быть полнѣе такъ какъ ко времени появленія въ печати означеннаго труда уже' высказались по данному вопросу и Палантъ (Precis de Sociologie, Paris 1901), Карле (Il Comparire della Sociologia e la Filosofia de diritto въ Rivista Italiana di Sociologia 1901 № 1) и Пуллья (въ Rivista di filosofia, pedagogia e sciense affini 1901, № 1), хотя послѣдній совершенно невѣрно смотритъ на соціологію, лишь какъ на науку описательную.

Противъ отождествленія соціологіи съ философіей исторіи, а въ частности и съ философіей права, высказывается и Лоріа, говоря, что соціологія отличается отъ философіи исторіи, прежде всего, тѣмъ, что послѣдняя анализируетъ общество въ его движеніи, она же изучаетъ коллективныя установленія столько же въ ихъ движеніи, сколько и въ статикѣ. Различіе состоитъ еще и въ томъ, что соціологія касается не исключительно только историческихъ фактовъ, но точно также статистическихъ, юридическихъ, моральныхъ и вообще всѣхъ основныхъ явленій человѣческаго оощества. Далѣе, философія исторіи стремится ввести въ изслѣдованные ею факты единство, подводя ихъ подъ знамя абстрактнаго, метафизическаго, сверхчувственнаго принципа, между тѣмъ какъ соціологія никогда не взываетъ къ помощи такого принципа, не содержитъ въ себѣ ничего апріорнаго и произвольнаго, и устанавливаетъ между соціальными явленіями единство, не подчиняя ихъ какой-либо идеѣ, а подводя ихъ подъ одинъ или нѣсколько рядовъ осязаемыхъ, добросовѣстно изученныхъ и установленныхъ фактовъ. Что же касается *права*, то „изученіе естественнаго права составляетъ лишь часть той задачи, которой посвящена соціологія“.[2])

Обращаемся снова къ труду Уорда. Въ шестой главѣ онъ разсматриваетъ взглядъ на соціологію, какъ на дисциплину, не имѣющую своего отдѣльнаго объекта, а составляющую болѣе или менѣе широкій комплексъ соціальныхъ явленій. Такъ, полагаютъ, что она не является отдѣльной наукой, а пропедевтикой къ отдѣльнымъ соціальнымъ дисциплинамъ, исторіи культуры, коллективной психо-

[1]) Ward, op. cit. Journ, March 1902, p. 632 f.

[2]) Лоріа, Соціологія, ея задачи и новѣйшіе успѣхи. Перев. Прил. къ Міру Божьему 1902 г., стр. 8.

логіи и т. п. Уордъ находитъ такой взглядъ неправильнымъ, отстаивая самостоятельность соціологіи, какъ и самостоятельность объекта ея изученія, коимъ является не спеціально та или иная сторона общества, а общество вообще. Соціологія и является общею наукою объ обществѣ.[1]) Но, съ другой стороны, обществу нельзя придавать и характера самостоятельнаго бытія, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, ибо тогда общество превращается въ организмъ, что прежде всего недопустимо потому, что не индивидуумы существуютъ для блага общества, а наоборотъ-послѣднее для блага первыхъ.[2]) Въ дальнѣйшемъ Уордъ разсматриваетъ такъ называемую „описательную соціологію“ и, признавая ея необходимость и полезность, въ особенности полезность исторіи и этнографіи, какъ матерьяла для описательной соціологіи, а равно статистики,[3]) заключаетъ, что это лишь часть соціологіи, но не вся соціологія, что послѣдняя не заключается въ описаніи соціальныхъ фактовъ, а является наукой конструктивной и что поэтому ея методъ не столько аналитическій, сколько синтетическій.[4]) Къ соціологіи, какъ наукѣ о явленіяхъ общественнаго сосуществованія (Sociology as Association), авторъ относитъ прежде всего труды, вродѣ изслѣдованія Эспинаса объ обществѣ животныхъ (Однородный трудъ Перье остается внѣ изслѣдованія Уорда. Въ отчетномъ году еще появился переводъ интереснаго труда *Л Бюхнера*: Психическая жизнь животныхъ. Спб. 1902 г. Въ послѣднемъ трудѣ съ особенной полнотою собраны данныя объ организаціи общественной жизни у муравьевъ и пчелъ, а равно приведены интересныя данныя о психическомъ мірѣ пауковъ и нѣкоторыхъ видовъ жуковъ). Уордъ относитъ къ этой же категоріи трудовъ и работы Гиддингса, въ виду того, главнымъ образомъ, что основой общества для послѣдняго является инстинктъ рода, т. е., что онъ выводитъ общество изъ инстинкта, тогда какъ Уордъ выводитъ его изъ разума и чувствъ симпатіи. Ученію, которое считаетъ основой соціальной жизни „раздѣленіе труда“ (Дюркгеймъ) авторъ отводитъ немного вниманія[5]), но зато подробно останавливается на „соціологіи, какъ наукѣ о подражаніи“. Изложивъ въ общихъ чертахъ извѣстную доктрину Тарда, авторъ замѣчаетъ, что Н. К. Михайловскій въ сочиненіи „Герои и Толпа„ (причемъ ошибочно указано, что трудъ этотъ появился въ Русскомъ Богатствѣ за 1882 г., тогда какъ онъ печатался въ Отечественныхъ Запискахъ; зато вѣрно указано мѣсто этого труда въ собраніи сочиненій Михайловскаго) предвосхитилъ значительную часть идей Тарда. Соціологія, какъ наука о безсознательномъ психизмѣ, не представляетъ интереса, такъ какъ серьезныхъ представителей теперь въ наукѣ не имѣетъ. Мало интересна и критика теоріи расовой борьбы Гумпловича,[6]) которую мы поэтому и не приводимъ.

Въ цитированной уже мною книгѣ Лоріа мы также встрѣчаемъ

---

[1]) Ward, op. cit., p. 635.
[2]) Ward, p. 638.
[3]) Ward, p. 639—642.
[4]) Ward, p. 645.
[5]) Ward, idem. The American Journal of Sociology 1902, May, p. 749—751.
[6]) Ward, l. c. p. 759—762.

обзоръ существующихъ доктринъ,—весьма неполный, какъ по игнорированію многихъ соціологическихъ школъ, такъ и потому, что при обзорѣ упоминаемыхъ авторомъ докринъ не упомянуты часто самые крупные представители разсматриваемой имъ школы. Если слѣдовать дѣленію соціологіи на школы, приведенному у Лоріа, то окажется, что, кромѣ психологической, біологической, экономической и историко-сравнительной,-никакихъ другихъ школъ не существуетъ, что, конечно, явилось бы грубой ошибкой. Съ этой стороны трудъ Лоріа совершенно неудовлетворителенъ. Что же касается выполненія задачи по существу, т. е. изложенія и критики разсматриваемыхъ школъ каждой въ отдѣльности, то здѣсь, на ряду съ значительными и серьезными несовершенствами, мы встрѣчаемъ и полныя интереса и серьезности страницы. Впрочемъ, въ заключеніи своего труда Лоріа говоритъ, что его задачей было „дать хотя-бы блѣдную и недостаточную идею о томъ, что такое представляетъ новая наука соціологія), которую онъ пытался разъяснить, что она преслѣдуетъ и чему учитъ". [1]) Съ этой точки зрѣнія не будемъ предъявлять къ автору строгихъ требованій и все-же увидимъ, что мѣстами выполненіе задачи авторомъ не отвѣчаетъ и самымъ скромнымъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ труду, который хотѣлъ выполнить Лоріа

Въ своемъ изложеніи „соціологіи, основанной на психологіи", Лоріа останавливается прежде всего на предшественникѣ Огюста Конта, Сенъ-Симонѣ, а затѣмъ переходитъ къ краткому изложенію общей философіи Конта, особенно къ его классификаціи наукъ. Указавъ на рядъ важныхъ пробѣловъ въ послѣдней, напримѣръ на невключеніе въ классификацію физіологіи, которую Контъ „временно и невѣрно подчинилъ біологіи", на невключеніе политической экономіи и другихъ соціальныхъ наукъ, [2]) причемъ, однако, авторъ совсѣмъ не упоминаетъ того, что у Конта соціологія совершенно неправильно примыкаетъ непосредственно къ біологіи, тогда какъ слѣдовало, какъ это и указалъ впослѣдствіи Спенсеръ, помѣстить между біологіей и соціологіей психологію, Лоріа замѣчаетъ о іерархіи и хронологической послѣдовательности наукъ, что послѣднія вообще „не исключаютъ ихъ взаимнаго воздѣйствія на успѣхи одна другой". [3]) Изложивъ затѣмъ вкратцѣ ученіе Конта о дѣленіи соціологіи на статику и динамику, авторъ защищаетъ нападки на это дѣленіе, замѣчая, что это дѣленіе должно быть признано плодотворнымъ, хотябы „въ видѣ метода изслѣдованія". [4]) Основа общества, по Конту, —врожденныя человѣку психологическія свойства, влекущія его къ совмѣстной общественной жизни; свойства, сводящіяся къ двумъ: чувству симпатіи и стремленію дѣлать другимъ добро Но на-ряду встрѣчаются и свойства противоположнаго характера, откуда и вытекаетъ борьба между альтруистическими и эгоистическими инстинктами. Величайшія двѣ формы обобществленія состоятъ въ семьѣ и инсти-

[1]) Лоріа, Соціологія, ея задачи и новѣйшіе успѣхи. Спб. 1902 г. стр. 81.
[2]) Лоріа, op. cit. стр 15—16.
[3]) Лоріа, стр. 16.
[4]) Лоріа, стр. 16—18.

тутѣ раздѣленія труда или кооперації. Что касается факторовъ развитія, то таковыми являются недовольство, смерть и быстрое возрастаніе населенія. [1]) Но эти факторы являются вторичными; главнымъ же является развитіе идей, [2]) которое совершается по тремъ фазамъ: теологической, метафизической и положительной (позитивной). Изложивъ въ столь общихъ чертахъ соціологическую концепцію Конта, Лоріа считаетъ возможнымъ ограничить свои критическія замѣчанія указаніями не на неполноту изслѣдованія установленныхъ Контомъ началъ, а лишь указаніями на тѣ недостатки, которые вытекаютъ изъ ученія Конта—больного, тогда какъ слѣдовало имѣть въ виду Конта—здороваго.

Вслѣдъ за Контомъ удѣлено нѣсколько строкъ вниманія Кетле: Ни Вырубовъ, ни Литтре, ни новѣйшій контизмъ, даже Де-Роберти, совершенно не упомянуты. Все, что говорится о контизмѣ, ограничивается замѣчаніемъ о позитивизмѣ Герберта Спенсера и о томъ, что къ къ Конту *примыкаютъ* нѣкоторыя сужденія и теоріи Де-Греефа, что „разсужденія Тарда о подражеиіи обнаруживаютъ рѣшительное вдохновеніе контовскими идеями“ и что и „въ высшей степени интересная попытка Гиддингса дать соціологіи психологическое основаніе имѣетъ болѣе или менѣе непосредственную связь съ ученіемъ основателя позитивизма“.[3]) Болѣе или менѣе непосредственную связь съ этимъ ученіемъ имѣетъ вся соціологія, въ томъ числѣ и соціологія г. Лоріа и всѣхъ критиковъ позитивизма, но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что дѣйствительное значеніе „соціологіи на психологическомъ основаніи“ совершенно авторомъ не выяснено. Читатель, знакомясь съ этой доктриной по книжкѣ Лоріа, не получитъ ни малѣйшаго понятія ни о постановкѣ и развитіи вопроса у Тарда и Гиддингса, ни представленія даже о томъ, что школа насчитываетъ чуть ли ни больше адептовъ, чѣмъ какая-либо другая соціологическая доктрина. По поводу Бальдуина, Лакомба, Элльвуда, Сигеле, Россати, Уорда и др.—у Лоріа не говорится ни слова. Можно подумать, что контизмомъ ученіе школы совершенно исчерпывается. Въ этомъ отношеніи книжка г. Лоріа слабѣе всѣхъ другихъ введеній въ соціологію.

Значительно большими достоинствами отличаются двѣ послѣдующія главы (III и IV), посвященныя біологической школѣ соціологіи, въ которой Лоріа совершенно правильно отличаетъ біологическій органицизмъ отъ соціальнаго селекціонизма, чего, какъ мы видѣли, не дѣлаетъ, напримѣръ, Сквиллаче. Отрицая совершенно органицизмъ (излагается главнымъ образомъ органическая теорія Спенсера) и отмѣчая неопровергнутыя сторонниками этого ученія черты дѣйствительнаго отличія между біологическимъ организмомъ и соціальной организаціей, [4]) авторъ вкратцѣ останавливается на крайнихъ аналогіяхъ послѣдователей теоріи и затѣмъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что школѣ принадлежитъ крупная заслуга,

[1]) Лоріа, стр. 18 и слѣд.
[2]) Лоріа, стр. 20.
[3]) Лоріа, стр. 25
[4]) Лоріа, стр. 29—30

заключающаяся въ томъ, что она выдвинула на первый планъ біологическій моментъ общественной жизни и что момента этого нельзя игнорировать, такъ какъ онъ общъ для всѣхъ животныхъ родовъ. Но, говоритъ Лоріа, это именно и показываетъ, что не въ немъ лежатъ основы собственно соціальной жизни людей, такъ какъ, не смотря на то, что моментъ этотъ общъ для всѣхъ животныхъ родовъ, явленія соціальнаго свойства обнаруживаются только въ нѣдрахъ человѣческаго аггрегата. [1])

Это достоинство доктрины не мѣшаетъ автору сдѣлать выводъ о томъ, что ученіе Спенсера въ сравненіе съ философіей Конта является „шагомъ назадъ“ и что даже оно „антиэволюціонно“. [2]) Кажущаяся парадоксальность послѣдняго утвержденія обосновывается тѣмъ, главнымъ образомъ, что „господствующій“, по мнѣнію эволюціонистовъ, въ обществѣ универсальный законъ переживанія приспособленныхъ совершенно отвергается однимъ уже элементарнѣйшимъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности. „Послѣдняя показываетъ, что въ человѣческой борьбѣ за существованіе побѣждаютъ не лучшіе, а большею частью наиболѣе хитрые, продажные и богатые и что побѣжденные не вымираютъ, но, наоборотъ—принуждаются жить, чтобы кормить побѣдителей, услуживать имъ и поддерживать ихъ“. [3]) Въ заключеніе Лоріа снова повторяетъ, что его критика эволюціонизма не должна быть понимаема въ смыслѣ безусловнаго осужденія этого ученія, ибо біологія несомненно образуетъ фундаментальную предпосылку соціологіи. Въ такой общей формѣ замѣчаніе это совершенно справедливо: не даромъ же въ классификаціи наукъ біологія помѣщается раньше соціологіи, отдѣляясь отъ нея психологіей, индивидуальной и коллективной.

Едва-ли ни самой интересной частью книжки Лоріа является глава о вліяніи нео-дарвинизма на соціологію. [4]) Мы уже указали выше, что дарвинизмъ отразился на соціологіи и независимо отъ аналогій между обществомъ и организмомъ. Еще до новѣйшихъ теченій въ дарвинизмѣ встрѣчались основанныя на немъ соціологическія построенія. Таковы, напримѣръ труды Фика, г-жи Ройе (см. о первомъ *Карѣева*: Сущн. историч. процесса и роль личности въ исторіи“ и „Введеніе въ изученіе соціологіи“, а о второй статью *Михайловскаго* „Теорія Дарвина и Либерализмъ“ Отеч. Зап. 1871 г. № 1, а также въ „Воспоминаніяхъ“). Особенно популяренъ соціальный дарвинизмъ (до-Вейсмановскаго направленія) въ Германіи, гдѣ онъ связанъ съ именемъ Эрнеста Геккеля (см. его „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ и особенно „Anthropogenie oder Entwickelungsgeschichte des Menschen“, первое изданіе коего появилось въ Лейпцигѣ въ 1874 г.). Съ особенною силою, хотя и въ краткихъ чертахъ, отстаивается соціальный дарвинизмъ Геккелемъ въ его „Естественной исторіи творенія“, вышедшей въ отчетномъ году десятымъ, исправлен-

[1]) Лоріа, стр. 33
[2]) Лоріа, стр. 33—34
[3]) Лоріа, стр. 35
[4]) Глава IV, стр. 37—50.

нымъ изданіемъ. [1]) Не мало послѣдователей насчитываетъ это направленіе и въ Италіи, въ особенности до того времени, пока ученіе Вейсмана стало оказывать существенное вліяніе на дарвинизмъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ Вадала-Папале, [2]) хотя первый трудъ Вейсмана появился уже въ 1873 г. Къ числу сторонниковъ соціальнаго дарвинизма относятся и Мантегаца и Анжело Ваккаро (см. особенно его книгу La Lotta per l' Esistenza e i suoi Effetti nell' Umanita", Roma 1886). Наконецъ, тому же вопросу посвящены многія статьи сборника, изданнаго подъ редакціей Энрико Морселли „Carlo Darwin e il Darwinismo nelle scienze biologiche e sociali" (Milano 1892), въ которомъ уже замѣтно вліяніе идеи Вейсмана. [3]) Въ этомъ же сборникѣ помѣщена и статья Лоріа „Чарльзъ Дарвинъ и Политическая Экономія" (Сборн., стр. 165—196), обнаруживающая тенденцію, бывшую одно время въ модѣ (Энрико ферри, Вольтманъ и др.), поставить марксизмъ въ связь съ эволюціонизмомъ. Этого-же направленія придерживается начавшій издаваться въ отчетномъ году журналъ Politisch-Anthropologische Revue (редакторы—Вольтманъ и Буманъ), а въ области исторіи культуры Гелльвальдъ и Вестермаркъ.

Но вернемся къ разсужденіямъ Лоріа. Изложивъ въ краткихъ, но рельефныхъ чертахъ ученіе Ламарка, а затѣмъ и Дарвина, авторъ замѣчаетъ, что у послѣдняго органическое развитіе разсматривается какъ продуктъ дѣйствія трехъ факторовъ: окружающихъ условій, отбора и наслѣдованія. Нео-Дарвинизмъ, по почину Адольфа Вейсмана, сталъ отвергать возможность унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ признаковъ, почему факторами развитія остаются лишь дѣйствіе окружающей среды и естественный отборъ. [4]) Но такъ какъ этого недостаточно, то необходимо включеніе въ число „факторовъ" и начала „борьбы за существованіе". Послѣдняя состоитъ главнымъ образомъ въ недопущеніи панмиксіи, могущей повлечь за собой унаслѣдованіе не пріобрѣтенныхъ, а прирожденныхъ слабостей и, стало быть, создать поколѣніе регрессивнаго характера. Нео-Дарвинизмъ не замедлилъ отразиться на соціологіи, для которой (въ этой школѣ) ученіе Вейсмана стало боевымъ оружіемъ противъ другихъ наиболѣе значительныхъ и до сихъ поръ наиболе сильныхъ научныхъ теорій. [5]) Теоріи эти признали, что ужасная и кровавая борьба за существованіе и обусловленное ею уничтоженіе менѣе приспособленныхъ составляетъ неизмѣнное условіе соціальнаго развитія, цѣною котораго покупаются успѣхи человѣчества и саморавновѣсіе человѣческаго общества. Поэтому „абсолютно необходимо способствовать такъ или иначе соціальной борьбѣ, не стремясь установить покой и усмирить борьбу

[1]) E. Haeckel, Natürliche Schöpfungs-Geschichte. 10 Auflage, Berlin 1902, Bd. II, S. 701 ff.

[2]) S. Vadala-Papale, Darwinismo Naturale e Darwinismo Sociale, Roma-Torino-Firenze 1883.

[3]) См. напр. статью Морселли, Il Darwinismo e l'Evoluzionismo, стр. 287 и слѣд.

[4]) Лоріа, op. cit. стр. 38—39. Сравн. въ книгѣ проф. Залѣсскаго, Власть и право (Казань 1897 г.) всю гл. III, стр. 32 и слѣд., а также статью Лерда въ Rivista Italiana di Sociologia 1899 г., Январь, стр. 80 и слѣд.

[5]) Лоріа, op. cit стр. 41.

между живыми существами, такъ какъ отъ нея одной зависитъ развитіе и жизнь совокупности". [1])

Среди писателей этого направленія Лоріа отмѣчаетъ Морселли, Новикова (это ошибка; Новиковъ не можетъ быть причисленъ къ этой категоріи эволюціонистовъ), Гумпловича (также справедливо лишь отчасти, именно съ точки зрѣнія ученія послѣдняго о борьбѣ расъ, какъ основномъ факторѣ исторіи; но тогда слѣдовало упомянуть и нѣкоторыхъ соотечественниковъ Лоріа, напримѣръ—Северино, а изъ французскихъ ученыхъ Лебона и Ланесссана), Ваккаро, Аммона и Кидда, но разсматриваетъ только взгляды послѣднихъ двухъ, такъ какъ „они сдѣлали изъ данныхъ посылокъ наиболѣе послѣдовательные выводы". Жаль, что авторъ не говоритъ о выводахъ Лапужа и Дюркгейма: устройство особыхъ городовъ для неподходящихъ подъ соціальный селекціонизмъ не менѣе „послѣдовательно", чѣмъ критикуемыя авторомъ мѣропріятія Аммона, основанныя на признаніи верховнаго владычества соціальнаго отбора и борьбы за существованіе. Таковы выводы о торжествѣ богатыхъ, какъ лучшихъ и наиболѣе сильныхъ и о томъ, что ихъ торжество составляетъ „существенное условіе прогресса". [2]) На помощь естественному отбору долженъ придти искусственный соціальный отборъ—не въ направленіи противоположномъ послѣднему, а въ направленіи съ нимъ совпадающемъ. Для этого должны служить усиленные косвенные налоги на необходимые предметы потребленія, такъ какъ они охраняютъ высшіе и богатые классы, позволяя имъ взвалить тяжесть налоговъ на бѣдныя народныя массы; такова мѣра усиленнаго выпуска государственныхъ бумагъ, который увеличиваетъ толпу существъ, употребляющихъ свое существованіе на стрижку купоновъ и т. п. [3]) Что касается книги Кидда, снабженной предисловіемъ Вейсмана (русскому переводу предпослано небольшое вступленіе Михайловскаго о томъ, что такое „хорошая книга"), то изложеніе взглядовъ этого автора, особенно на связь эволюціонной теоріи съ теологіей, у Лоріа крайне несовершенно и потому мы его опускаемъ. Глава заканчивается краткимъ перечнемъ указаній на ошибки ученія Вейсмана, настолько опровергнутаго многими важными наблюденіями и экспериментами, что самъ виновникъ вынужденъ былъ нѣсколько разъ видоизмѣнять и смягчать свою догму. Переживаніе слабѣйшихъ, полная доказанность унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ признаковъ (путемъ опытовъ), игнорированіе того обстоятельства, что природа творитъ не спѣша и что поэтому наблюденіе въ предѣлахъ доступнаго человѣку времени и не можетъ дать ощутительныхъ результатовъ, —все это заставляетъ признать самое основаніе соціальнаго нео-дарвинизма неправильнымъ, вслѣдствіе чего падаютъ и всѣ дальнѣйшія построенія, какъ односторонніе и противорѣчащія дѣйствительности. Въ заключеніе Лоріа предостерегаетъ соціологовъ отъ „созданія собственными руками біологическихъ божковъ". [4]) По поводу критики

[1]) Лоріа. стр. 41.
[2]) Лоріа, стр. 43.
[3]) Лоріа, стр. 44—45.
[4]) Лоріа, стр. 49.

ученія Аммона должно замѣтить, что въ отчетномъ году появилась статья Владислава Гумпловича,[1]) которая наноситъ всей догмѣ Аммона весьма чувствительный ударъ и притомъ по существу дѣла и на той самой почвѣ, на которой оперируютъ представители антропосоціологіи. Этой краткой библіографической справкой мы и ограничимъ наше замѣчаніе, такъ какъ иначе намъ бы пришлось далеко отклониться отъ нашей непосредственной задачи. Отмѣтимъ еще здѣсь, что Лоріа совершенно упустилъ изъ виду, что на соціальномъ дарвинизмѣ отразился въ сильной степени и нео-ламаркизмъ, особенно въ видѣ воспріятія ученія Де-Фриза о внезапныхъ измѣненіяхъ, безъ медленныхъ переходныхъ ступеней. Это направленіе въ отчетномъ году нашло себѣ выразителя въ лицѣ Фогта и Макса Рютера.[2]) Въ указанномъ выше трудѣ Крживицкаго замѣчается тотъже недостатокъ—нео-ламаркизмъ какъ бы совершенно не существуетъ.

Что Лоріа сторонникъ соціологіи на экономической основѣ-давно извѣстно. Давно-же взгляды Лоріа подвергнуты самой сильной критикѣ (у насъ, напримѣръ, со стороны Гольцева и Карѣева, на западѣ Европы со стороны Бенедето Кроче). Ученіе Лоріа будетъ разсмотрѣно нами во второй части настоящаго труда въ связи съ его другими трудами отчетнаго года, особенно въ связи съ его докладомъ международному съѣзду соціологовъ, а здѣсь только замѣтимъ, что Лоріа высказывается противъ крайнихъ выводовъ нѣкоторыхъ сторонниковъ исповѣдуемой доктрины, какъ напримѣръ противъ мнѣнія Де-Молинари о томъ, что примитивный фетишизмъ исчезъ потому только, что нашли жертвы слишкомъ дорогими и что пришли къ мысли о необходимости другой религіи или о томъ, что переходъ отъ политеизма къ монотеизму является исключительно результатомъ разсчета, или, напримѣръ, противъ утвержденія Энгельса о томъ, что германцы практиковали сожженіе мертвецовъ потому, что владѣли огромнымъ количествомъ дешеваго горючаго матеріала и т п. Лоріа замѣчаетъ, что тѣ, кто борется съ этимъ вздоромъ, правы, но они неправы, думая, что тѣмъ самымъ они уничтожаютъ историческій матеріализмъ (который авторъ предпочитаетъ называть „историческимъ экономизмомъ"), тогда какъ въ дѣйствительности они опровергали безвкусную и смѣшную каррикатуру.[3]) Признавая реальность вліяній на соціальную жизнь моральныхъ чувствованій, правовыхъ и политическихъ фактовъ, Лоріа все-же видитъ подъ ними экономическую подкладку по схемѣ „базисъ и надстройка". Такъ, поэзія, конечно, самостоятельное явленіе, но она является „вѣрнымъ рефлексомъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній времени", искусство всегда послушно слѣдуетъ за развитіемъ экономическихъ отношеній и т. п. [4])

---

[1]) Ladislaus Gumplowicz, Anthropologie und natürchiche Auslese. Politisch-Anthropologische Revue 1902, № 2, S. 104. ff. ср. въ томъ же журналѣ (№ 3, стр. 181 и слѣд.) статью Людвига Вильзера „Zuchtvahl beim Menschen".

[2]) Vogt, Die historische Bedeutung der naturlichen Rassenanlagen и Rüther, Erbliche Entartung und Socialpolitik, Politisch-Anthropologische Revue, 1902 № 3, S. 161 ff, S. 191 ff.

[3]) Лоріа, op. cit. стр. 57.

[4]) Лоріа, стр. 58—59.

Въ главѣ „сравнительная соціологія“ авторъ изслѣдуетъ значеніе для соціологіи сравнительнаго языкознанія и сравненій этнографическихъ и колоніальныхъ.[1]) Свѣдѣнія—по необходимости кратки, ибо въ небольшомъ обзорѣ дать сколько нибудь полное изложеніе хотя бы трудовъ по сравнительной лингвистикѣ и этнографіи, невозможно. Въ особенности если еще желать при этомъ дать понятіе о положеніи дѣла въ области сравнительнаго правовѣденія. Общія же замѣчанія автора о значеніи этихъ наукъ, связанныя съ взглядами М. М. Ковалевскаго, весьма интересны и могутъ быть съ пользою прочтены всѣми, интересующимися вопросомъ. Глава о соціологическихъ изслѣдованіяхъ о семьѣ крайне недостаточна и дѣйствительно даетъ только „блѣдную и недостаточную идею“ о томъ, что представляетъ эта наука. Къ тому-же дѣло излагается такъ, какъ будто съ одной стороны совершенно не существовало трудовъ Крауза, Кунова, Гроссе и др., а съ другой-какъ будто-бы направленіе Старке-Вестермарка не раздѣлили ученыхъ на два рѣзко обособившихся лагеря, съ Старке и Вестермаркомъ и Гильдебрандтомъ въ одномъ и Колеромъ, Ковалевскимъ, Дюркгеймомъ и Тейлоромъ—въ другомъ.

Чтобы нѣсколько систематизировать все сказанное въ связи съ разсмотрѣніемъ трудовъ Гроппали, Сквилаче, Уорда и Лоріа о соціологическихъ школахъ, повторю перечисленіе послѣднихъ, сдѣланное мною въ статьѣ, посвященной разсмотрѣнію книги Х. Раппопорта „Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ“ (С.-Петербургъ 1899 г.). Вотъ это дѣленіе, по моему мнѣнію объемлющее всѣ соціологическія доктрины въ ихъ наиболѣе рельефныхъ и характерныхъ отличіяхъ.

Не считая дѣленія соціологовъ на субъективистовъ и объективистовъ, ибо это дѣленіе нормируется не по существу взглядовъ на самую науку, а лишь по способу отношенія къ ней,—укажемъ, что главныхъ направленій въ соціологіи шесть. Это именно 1) школа органическая 2) школа біологическая (Дюркгеймъ соединяетъ обѣ эти школы въ одну біологическую школу). Изъ послѣдней въ недавнее время выдѣлилось особое направленіе, стремящееся создать отдѣльную науку „антропосоціологію“ 3) матеріалистическая или діалектическая школа, 4) школа психологическая, 5) школа синтетическая, которую во Франціи называютъ школой философической и 6) историческая школа, которая въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ своихъ называется школами описательной и историко-сравнительной и которая, въ сущности, совпадаетъ по своему характеру съ школой синтетической, называемой своими противниками школой эклектической.[2])

Чтобы уже больше не возвращаться къ трудамъ общаго характера, отмѣтимъ здѣсь еще соотвѣтствующія работы отчетнаго года, пока нами не разсмотрѣнныя въ связи съ другими трудами. Прежде всего отмѣчу три неоконченныхъ работы на русскомъ языкѣ. Одна изъ нихъ принадлежитъ Марку Павловичу (псевдонимъ), въ короткое время выдвинувшемуся на почвѣ весьма интересныхъ и содер-

[1]) Лоріа, стр. 61—70.

[2]) Гальперинъ, Кое-что изъ соціологической литературы. Днѣпр. Молва 1899 г. № 5.

жательныхъ газетныхъ корреспонденцій изъ Германіи. Въ статьѣ „Объективизмъ историческаго процесса“ авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ ортодоксальнаго марксизма. Отрицая точку зрѣнія „идеаловъ“, авторъ сводитъ всѣ явленія соціальной жизни исключительно къ экономической основѣ, поясняя свою точку зрѣнія излюбленными сторонниками даннаго направленія примѣрами изъ исторіи средневѣковой Европы. [1]) Отношеніе автора къ „уступкамъ“ (Бейзенгрюнъ, Вольтманъ, Николаевъ и друг.) и къ „повороту“ (Конрадъ Шмидтъ, Штаммлеръ, Струве, Бернштейнъ и т. д.) не выяснено, что, впрочемъ, можетъ объясняется тѣмъ, что статья г. Павловича не окончена.

Въ тѣхъ-же „Вопросахъ Общественной жизни“ помѣщено начало многообѣщающей статьи г. Л. Леонидова (псевдонимъ), въ которой авторъ имѣетъ въ виду современное „безпокойное и пытливое исканіе истины, сопряженное съ заблужденіями, шатаніями изъ стороны въ сторону, изъ одной крайности въ другую, но приводящее, въ концѣ концовъ къ развитію и обогащенію теоретическаго познанія“. [2]) Образцомъ такого „шатанія мысли“ авторъ считаетъ книгу г. Бердяева „Субъективизмъ и Индивидуализмъ въ общественной философіи“. Къ сожалѣнію, статья не закончена (и на сколько мнѣ извѣстно, въ данномъ изданіи и не будетъ закончена) и обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ. Авторъ нашелъ нужнымъ для обоснованія своего взгляда на современное теченіе „поворота“ сначала дать краткое изложеніе доктрины историческаго матеріализма и содержащихся въ ней „внутреннихъ противорѣчій“,—но на этомъ и закончилъ свою работу, написанную весьма доступно и съ полнымъ знаніемъ дѣла.

То же самое нужно сказать и о неоконченной статьѣ Л. Леонова, появившейся въ первомъ нумерѣ новаго періодическаго изданія, издающейся въ Одессѣ еженедѣльной газетѣ—журналѣ „Южныя Записки“. Хотя журналъ и издается съ 1903 г., но первый номеръ его вышелъ 24 декабря 1902 г., почему мы и считаемъ возможнымъ упомянуть о немъ въ нашемъ обзорѣ. Статья эта также неокончена; [3]) по способу изложенія и общему міровоззрѣнію нужно думать, что вышеупомянутая статья Леонидова и здѣсь указываемая работа г. Леонова принадлежатъ одному и тому же лицу. Авторъ, въ указываемой статьѣ, отмѣчаетъ то обстоятельство, что „новѣйшая идеалистическая теорія одинаково отрицательно относится и къ субъективной точкѣ зрѣнія, и къ матеріалистической концепціи марксизма. Отъ перваго она отличается своею объективностью, а отъ второго своимъ идеализмомъ“. Первый отвергается въ виду того, что субъективный идеалъ исторически мѣняется, а слѣдуетъ искать идеала вѣчнаго, тѣмъ бо-

---

[1]) Маркъ Павловичъ, Объективизмъ Историч. процесса. „Вопросы Общественной жизни“, вып. VII, Одесса 1902 г., стр. 208 и слѣд

[2]) Л. Леонидовъ, Соціально-философскія замѣтки. Вопр. общ. жизни, вып. VI, Одесса 1902 г., стр. 161 и слѣд.

[3]) Л. Леоновъ, Идея прогресса въ современномъ обществознаніи. Южныя Записки, Одесса 1903 г. № 1, стр. 18 и слѣд. Судя по письму, помѣщен. въ „Одесскихъ Новостяхъ“,—статья и не будетъ закончена: авторъ вышелъ изъ числа сотрудниковъ упомянутаго органа.

лѣе, что инымъ онъ и быть не можетъ; матеріализмъ же отвергается потому, что онъ слишкомъ низко оцѣниваетъ творческую силу идеальныхъ мотивовъ. Изложивъ, затѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ, концепцію Штаммлера, авторъ обращается къ его „русскому единомышленнику“ Бердяеву, который, однако, „недоволенъ“ общественнымъ идеаломъ Штаммлера, находя, что онъ повторяетъ Канта и впадаетъ въ дуализмъ реальнаго и „умопостигаемаго“. Авторъ находитъ, что Штаммлеръ гораздо ближе къ позитивному рѣшенію проблемы прогресса, чѣмъ г. Бердяевъ, который несравненно болѣе „причастенъ къ прелестямъ умопостигаемаго“. Авторъ доказываетъ, что идеалъ Штаммлера подверженъ тому-же эмпиризму, какъ и всякій другой *субъективный* (курсивъ подлинника) идеалъ и что въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Михайловскимъ и что взгляды русскихъ критицистовъ—метафизиковъ (Струве и Бердяева) дѣйствительно объективны, но что ихъ объективизмъ покупается дорогой цѣной. Разъясненія послѣдняго утвержденія въ статьѣ не содержится, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ у автора идетъ изложеніе взгляда Струве на закономѣрность и на этомъ статья обрывается.

Въ небольшой и мало-содержательной статьѣ Альфредъ Ллойдъ занимается вопросомъ о томъ, что такое „соціальная воля“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, говоритъ авторъ, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о томъ, что такое общество. Итакъ: что такое общество? Общество—есть организмъ, [1]) отвѣчаетъ Ллойдъ. Но, говоритъ тутъ-же авторъ, общество не является въ такомъ же родѣ организмомъ, какъ уже извѣстные виды біологическихъ индивидовъ, напр. какъ амеба, слонъ или вообще какая-либо индивидуальность. Общество не потому организмъ, что имѣетъ строеніе, размѣры и взаимозависимость частей—въ этомъ отношеніи допустимы только аналогіи, и то лишь поверхностныя,—но потому, что оно представляетъ группу живыхъ существъ, природа коихъ составляетъ и его природу. Поэтому закономъ развитія общества является законъ развитія индивида, т. е эволюція. Выводъ здѣсь такъ слабо стоитъ въ связи съ посылкой, а послѣдняя поставлена и рѣшена такъ неправильно, что я не нахожу нужнымъ подвергать критикѣ разсужденія автора и сошлюсь на данную мною общую критику органицизма въ другомъ трудѣ („Органическая теорія строенія и развитія общества“, Екатеринославъ 1900 г.). Не индивиды, говоритъ далѣе Ллойдъ, „дѣлаютъ“ общество или входятъ въ общество, нѣтъ они, какъ таковые, суть общество. [2]) Отсюда слѣдовало бы заключить, что общество является лишь понятіемъ, не представляетъ реальности,—но нѣтъ: оно организмъ, стало быть „бытіе“. Итакъ, индивиды—вотъ общество. Но что-же среди нихъ представляютъ „великіе люди“? Они-подборъ индивидуальности, но не иной, какъ результатъ приспособленія, благодаря помощи окружающихъ ихъ „товарищей“.—Безъ товарищества (companionship) ни Цезарь, ни Кантъ ни Вашингтонъ не имѣли бы значенія. Такъ сильно отстаиваемое нѣкоторыми учеными значеніе „подражанія“ имѣетъ, по мнѣнію автора,

[1]) Alfred H. Lloyd, The social Will. The American Journ. of Sociology, 1902, November, p. 337.

[2]) Lloyd, op. cit. p. 338.

значеніе относительное, особенно въ виду того, что оно сводится къ познаванію путемъ воспитанія. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ разрѣшенію задачи о томъ, что такое соціальная воля. Но что-же такое воля вообще? Это активная приспособленность, какъ сознаніе рождающихся въ организмѣ стремленій. [1]) Съ точки зрѣнія указанныхъ предпосылокъ соціальная воля является во-первыхъ волей аггретата, а не всѣхъ его членовъ, иначе говоря, волеи тѣхъ индивидовъ общества, которые являются въ немъ существенными, активными и во вторыхъ—она имѣетъ предметомъ не будущіе горизонты, къ которымъ „соціальный организмъ еще не приспособился и не могъ приспособиться, не можетъ она быть сантиментальнымъ идеализмомъ,—а имѣетъ и должна имѣть въ виду лишь современную жизнь съ ея настоящими нуждами". [2]) Взглядъ—давно знакомый по трудамъ Конта, Новикова, Изулэ, Горофало и др. Своеобразный „соціальный сенсоріумъ" Ллойда создается на почвѣ приспособленія, ведущаго къ созданію „élite sociale". [3]) Что же касается отрицательнаго отношенія къ сентиментальному идеализму, то и оно выводится изъ закона приспособленія, [4]) такъ какъ приспособляться можно только къ настоящему, ибо приспособленіе къ прошлому и будущему является неприспособленностью. Практичность—вотъ лозунгъ науки для Ллойда.

За господство „élite sociale" высказывается и Георгъ Зиммель. Переведенная въ разсматриваемомъ нами году на русскій языкъ статья его, посвященная вопросу о томъ, чѣмъ обусловливается стойкость обществъ, вслѣдствіе чего (т. е. стойкости) онѣ являются реальностями,—касается между прочимъ и упомянутаго вопроса о „лучшемъ меньшиствѣ". Но Зиммель не только не органицистъ, а рѣшительный противникъ этой доктрины. Разсматривая вопросъ о томъ, что такое общество, авторъ говоритъ, что „общество несомнѣнно не такой простой объектъ, чтобы природа его могла быть выражена цѣликомъ въ одной формулѣ". Но, „суммируя всѣ спеціальныя формы ассоціаціи и всѣ силы, которыми сдерживаются объединенные элементы общества", можно его опредѣлить. [5]) Общество, говоритъ Зиммель,—всюду, гдѣ есть взаимодѣйствіе между людьми, и факты, ведущіе къ его устойчивости, даютъ право „считать общество *реально-автономнымъ*, ведущимъ жизнь, независимую отъ жизни своихъ членовъ и слѣдующимъ своимъ законамъ". Изслѣдованіе природы и эволюціи языка и нравовъ, церкви и права, политической и соціальной организаціи приводитъ къ понятію самостоятельности общества. Но, съ другой стороны, въ обществѣ не существуетъ ничего, помимо индивидовъ, но новое, даваемое обществомъ и заключающееся въ рядѣ индивидуальныхъ взаимодѣйствій,—даетъ нѣчто цѣлое, все равно какъ „цѣлымъ" является и жизнь, которая, однако, сводится къ

---

[1]) Lloyd, стр. 341.
[2]) Lloyd, стр. 344.
[3]) Lloyd, p 346 ff.
[4]) Lloyd, p. 350 ff.
[5]) Г. Зиммель, Чѣмъ обусловливается устойчивость обществъ? Научн. Обозр. 1902 г. № 2, стр. 81.

комплексу химическихъ дѣйствій и противодѣйствій. Какъ при изученіи послѣдней мы анализируемъ отдѣльные процессы, составляющіе жизнь, такъ и соціологъ долженъ познавать частные процессы, къ которымъ сводятся соціальные факты. [1])

Единство соціальнаго комплекса, говоритъ Зиммель, есть ничто иное, какъ связь его элементовъ, и эта связь сводится къ взаимодѣйствію наличныхъ силъ. Соціальное же единство связано, во первыхъ, съ территоріей, [2]) но территоріальный факторъ является вторичнымъ, помогающимъ соціальнымъ единицамъ сохранять ихъ устойчивость Но возможны общества и не обладающія этимъ факторомъ, какъ напримѣръ, маленькія общины (семьи), а равно разныя международныя ассоціаціи литераторовъ, художниковъ, ученыхъ, коммерческія и т. п. Несравненно болѣе дѣйствительнымъ факторомъ является физіологическая связь поколѣній, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ факторовъ. Далѣе, общество не включаетъ въ себѣ понятія смерти: оно кажется созданнымъ для вѣчности. „Всѣ эти явленія связаны съ пониманіемъ индивидуальности: роль личности отходитъ на второй планъ по мѣрѣ того, какъ индивидуальность является частью, выражающей и продолжающей дѣло цѣлаго. Общество тѣмъ болѣе рискуетъ, чѣмъ болѣе оно зависитъ отъ эфемерной индивидуальности. Наоборотъ, чѣмъ больше индивидуальность обезличивается, чѣмъ больше становится безъимянной, тѣмъ болѣе растетъ ея способность къ замѣщенію, къ исполненію функцій другихъ, тѣмъ болѣе она можетъ служить основой коллективной личности. [3]) Нужно имѣть въ виду, что авторъ не говоритъ о психилогическомъ обезличиваніи, о потерѣ личностью индивидуальности, а о соціальномъ демократизированіи личностей, разсматриваемыхъ какъ соціальныя цѣнности.

Стойкость общества поддерживается различными путями. Таковъ, напримѣръ, путь наслѣдственной передачи высшей власти. [4]) Другой путь состоитъ въ воплощеніи соціальнаго единства въ безличныхъ объектахъ, которые его символизируютъ. Роль этихъ символовъ еще больше, когда символы имѣютъ и сами по себѣ цѣнность и могутъ служить центрами матеріальныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. [5]) Итакъ, соціальныя формы, въ интересахъ устойчивости, группируются вокругъ одного лица, или даже вещи. Иногда онѣ опираются на органъ, образованный изъ многихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ единство группы проектируется также въ группѣ, напр. клирѣ, власти, корпусѣ офицеровъ и т. п. [6]) Образованіе такихъ группъ— только послѣдствіе раздѣленія соціальнаго труда. Единство дѣйствія —итогъ непосредственныхъ столкновеній общественныхъ дѣятелей и безмолвнаго соглашенія интересовъ; единство вѣры—результатъ потребности религіознаго общенія и т. д. Когда явились подобные ор-

---

[1]) Зиммель, l. c. стр. 82—83.
[2]) Зиммель, стр. 84.
[3]) Зиммель, стр 85.
[4]) Зиммель, стр. 86—87.
[5]) Зиммель, стр. 87 и слѣд.
[6]) Зиммель, стр. 89.

ганы, они пріобрѣтаютъ существованіе, уже независимое не только отъ членовъ организаціи, но и отъ частныхъ лицъ, которыя стремились бы стать выразителями соціальныхъ интересовъ и дать имъ функціональную организацію. Въ чемъ же заключается необходимость для сохраненія группы въ такихъ органахъ? Необходимость заключается въ опасности для самого общества отсутствія этихъ органовъ. [1]) Трудности заключаются въ неспособности толпы дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ. „Въ очень многихъ условіяхъ интересы, ввѣренные толпой меньшинству, выражаются и цѣльнѣе, и опредѣленнѣе потому, что меньшинство болѣе опредѣленно и независимо отъ численности большинства: у него больше свободы для дѣйствій, больше способности объединиться, больше точности въ самомъ дѣйствіи".

Кромѣ того у всѣхъ членовъ группы нѣтъ опредѣленной рѣшимости, такъ какъ всѣ ея элементы обладаютъ a priori одинаковымъ значеніемъ и одинаковымъ вліяніемъ. Наконецъ, третья выгода соціальныхъ организацій заключается въ лучшемъ направленіи, которое онѣ даютъ коллективнымъ силамъ. [2]) Только при организаціи можетъ получить значеніе и проявить себя наилучшимъ образомъ талантъ. Съ другой стороны, учрежденіе не можетъ сохранить свою цѣлость внѣ связи съ обществомъ и обратно. [3]) Такимъ образомъ обособленные органы какъ будто становятся субстратами прочности группъ. Процессъ прочности бываетъ двоякій—консервативный—во первыхъ и эластическій—во вторыхъ. [4]) Первый несовершененъ и опасенъ, тогда какъ пластичность соціальныхъ формъ составляетъ залогъ возможности прогрессивныхъ преобразованій. Въ особенности необходимо, чтобы отдѣльныя лица, составляющія среду органа „могли свободно циркулировать по соціальной лѣстницѣ". Такая приспособляемость служитъ только средствомъ для сохраненія группировки въ силу противодѣйствія измѣненіямъ среды, или даже приспособляемость лежитъ уже и въ самой основѣ организаціи, благодаря двойной роли оппозиціи, а именно благодаря сплоченію вслѣдствіе борьбы съ внѣшними силами, а также благодаря сплоченію на почвѣ антагонизма, раздѣляющаго элементы группы: это даетъ рельефъ единству группы, потомучто, напрягая и скрѣпляя соціальныя связи, антагонизмъ дѣлаетъ эти связи болѣе замѣтными. [5]) Борьба здѣсь ведетъ къ единству. Но нужно имѣть въ виду, что ни голодъ, ни любовь, ни трудъ, ни вѣра, ни техника, ни результаты интеллектуальной жизни сами по себѣ не факты соціальнаго характера; но ассоціація дѣлаетъ ихъ таковыми. [6])

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, трудъ Зиммеля, основныя положенія котораго развиты имъ въ рядѣ его предшествующихъ трудовъ. Мы воздерживаемся отъ критическихъ замѣчаній по поводу приведенныхъ взглядовъ Зиммеля, такъ какъ изложили его доктрину

---

[1]) Зиммель, стр. 91 и слѣд.
[2]) Зиммель, стр. 93—94
[3]) Зиммель, стр. 95 и слѣд
[4]) Зиммель, стр. 99—107
[5]) Зиммель, стр. 109.
[6]) Зиммель, стр. 111

исключительно лишь въ видахъ полноты нашего обзора. Замѣтимъ, что формально этотъ трудъ и не относится къ обозрѣваемому нами году, такъ какъ въ оригиналѣ онъ появился еще въ 1898 г. (См. Дюркгейма „L'Année Sociologique" Paris 1898, p. p. 71—109). Въ формѣ мало-удовлетворительной всѣ приведенныя нами мысли изложены въ краткой статьѣ, составленной по устнымъ лекціямъ Зиммеля и озаглавленной несоотвѣтственно съ содержаніемъ „Введеніемъ въ соціологію" [1])

На этомъ я заканчиваю первую и главную часть своего „обзора". Хотя въ разсматриваемомъ году и появились еще нѣкоторыя работы общаго характера, но разсмотрѣніе ихъ отнесено мною къ третьей части настоящаго труда, такъ какъ въ нихъ разсматривается не то, что объемлетъ общую часть всей науки, а лишь изучаются въ общей формѣ отдѣльные вопросы этой науки, какъ напримѣръ отдѣльные факторы соціальнаго развитія и т. п. Въ той же части мы разсматриваемъ (правда, въ самыхъ общихъ чертахъ) и труды по исторіи культуры и сравнительному правовѣдѣнію, по скольку эти труды имѣютъ отношеніе къ соціологіи. Вопросъ же объ историческомъ матеріализмѣ, въ виду его принципіальнаго значенія, мы выдѣляемъ въ особую часть нашего труда (вторую), къ изложенію каковой и приступаемъ.

[1]) Научн. Обозр. 1902 г. № 10, стр. 40—46.

Часть II-я

Историческій матеріализмъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ своемъ обзорѣ соціологической литературы за 1901 г. я между прочимъ указалъ, что на состоявшемся во время послѣдней всемірной выставки международномъ конгрессѣ соціологовъ былъ поставленъ въ очередь для обсужденія представителей науки изъ различныхъ странъ вопросъ о такъ называемомъ историческомъ матеріализмѣ. Я тогда-же указалъ, что труды Конгресса не были опубликованы въ соотвѣтствующемъ томѣ „Ежегодника Международнаго Института Соціологіи“, но что выпуска въ свѣтъ этого тома слѣдуетъ ожидать въ скоромъ времени. И дѣйствительно въ 1902 г. вышелъ изъ печати 8 томъ „Ежегодника“, весь посвященный интересующему насъ вопросу. Здѣсь собраны мнѣнія ученыхъ разныхъ направленій и потому разсмотрѣніе трудовъ Конгресса по данному предмету является особенно интереснымъ. Но прежде, нежели изложить труды, поставленные на обсужденіе Конгресса и замѣчанія, сдѣланныя во время диспута, считаю нужнымъ дать краткія предварительныя свѣдѣнія о существѣ вопроса и объ исторіи его до Конгресса.

Что такое „историческій матеріализмъ“, называемый иначе „матеріалистическимъ воззрѣніемъ на исторію“? Это философія, объясняющая весь ходъ исторіи человѣчества, а потому и исторію общества и отношенія его силъ одними матеріальными причинами, каковы бы ни были свойства матеріи. Такимъ образомъ матеріалистическое пониманіе исторіи есть прежде всего философія монистическая, т. е. сводящая все къ одной первоосновной причинѣ. Но въ исторіи науки извѣстенъ и монизмъ идеалистическій (въ философіи) и энергетическій или динамическій (въ натурфилософіи). Матеріализмъ составляетъ прямую противоположность этого послѣдняго направленія. Въ психологіи для него „духъ“ ничего—все „тѣло“, въ физикѣ, химіи, механикѣ, астрономіи—энергія сама по себѣ ничто, она лишь свойство матеріи, ей имманентное. Словомъ „не существуетъ, какъ бытіе, ничего, кромѣ природы“, и все чувствуемое и дѣйствующее есть проявленіе природы, какъ одно изъ свойствъ ея—вотъ лозунгъ монистическаго матеріализма. Такъ, психологія ничто безъ физіологіи мозга и нервной системы и даже первичныя движенія чувствъ и ощущеній могутъ быть сведены къ хеміо-физическимъ и механическимъ явленіямъ, каковы положительный и отрицательный хемотаксисъ, гальванотропизмъ, термотропизмъ, гелиотропизмъ и т. п. (См. труды Вагнера, Тимирязева, Шимкевича и др., а также нѣсколько иную постановку вопроса у Фамицына и совершенно иную у Бунге, Бородина, Кернера-фонъ-Мерилауна и др.). Въ отчетномъ году этому вопросу посвященъ переводъ рѣчи Бючли, помѣщенный въ Рус. Мысли №11 и 12. Матеріализмъ не мирится съ пессимизмомъ проф. Дю-Буа-Раймонда, выраженнымъ имъ (въ знаменитой рѣчи на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ 1872 г.[1]) и глася-

[1]) Рѣчь эта имѣется въ русскомъ изданіи: Э. Дю-Буа-Раймондъ. О предѣлахъ естествознанія Москва 1878 г.

щимъ, что познаніе природы имѣетъ границы, которыхъ мы не перешагнули и за предѣлами которыхъ ничего не знаемъ и знать не будемъ (ignoramus et ignorabimus). И философіи извѣстенъ агностицизмъ, или границы познаваемаго (Спенсеръ, Ле-Грефъ и т. п.), но истинная наука не видитъ своей слабости въ признаніи, что она чего либо не знаетъ, такъ какъ при этомъ она говоритъ, что она этого „еще“ не знаетъ, но это не значитъ, что она „не узнаетъ“ того, что ищетъ, если будетъ правильно и настойчиво искать. Такимъ образомъ „границы познаваемаго“ превращаются въ „границы познаннаго“. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ общеизвѣстные факты изъ исторіи научныхъ завоеваній, открывавшихъ одну за другой „тайны“ природы. Поэтому современная наука, послѣ неудачъ „атомистической“ и „молекулярной“ теорій, не остановилась предъ разгадкой проблемы „единой матеріи“, какъ и предъ разгадкой „проблемы жизни“ т. е. перехода отъ міра неорганическаго къ міру органическому и возникновенія міра духовнаго. (См популярные очерки этого рода въ трудахъ Ле-Дантека, Брусиловскаго, Вагнера, Шимкевича, Лункевича и др.). Тѣ возраженія, которыя направлены противъ естественно-научнаго матеріализма и которыя заключаются въ томъ, что никогда матеріализмъ не будетъ доказанъ лабораторнымъ путемъ, бьютъ мимо цѣли, въ виду главнымъ образомъ того, что это можетъ доказывать только „неосуществленность“ задачи (констатируется фактъ „слабаго исполненія“ ея), а не „неосуществимость“ ея. Иначе говоря, мы снова подходимъ къ смѣшенію вопроса о границахъ познанія съ вопросомъ о границахъ познаннаго. Если, напримѣръ, Либихъ съ увѣренностью заявлялъ, что химіи никогда не удастся составить въ лабораторіи ячейко или волокно мускула или вообще какую-либо изъ частей организма или самый организмъ (Homunculus-Гете?), то этимъ онъ не могъ опровергнуть матеріализма, во-первыхъ потому, что дѣло не въ „созданіи“ организма лабораторнымъ путемъ, ибо организмъ м. б. созданъ только чрезъ организмъ, во-вторыхъ потому, что дѣло заключается въ томъ, чтобы найти такую комбинацію извѣстныхъ уже наукѣ неорганическихъ тѣлъ, которыя входятъ въ составъ органическаго „тѣла“, а не организма, такую, говоримъ мы, комбинацію, которая дала бы „органическое“ соединеніе. Наконецъ, еслибы даже опыты, дѣлаемые въ этомъ направленіи и были неудачны, то это доказывало бы только, что не всѣ условія, необходимыя для „комбинаціи“, введены въ опытъ. Что сказать напримѣръ, объ условіяхъ температуры, давленія и т. п.? Или даже о совокупности условій геологическихъ временъ появленія жизни? Прежде, чѣмъ представить возраженіе противъ Либиховскаго прогноза по существу, приведемъ слова проф. Оствальда по данному вопросу. Его мнѣніе тѣмъ болѣе знаменательно, что знаменитый химикъ В. Оствальдъ является въ настоящее время сильнѣйшимъ противникомъ матеріализма и въ то-же время возсоздателемъ философіи энергетизма, т. е. монистической философіи, прямо противоположной матеріалистическому монизму. „Извѣстно, говоритъ Оствальдъ, что до настоящаго времени не удалось еще создать организмовъ изъ органическихъ веществъ; безъ зародышей *даннаго вида* они не возникаютъ.

Возникновеніе кристалловъ изъ сверхъ-устойчивыхъ растворовъ подчинено подобному же закону, растворъ глауберовой соли, пересыщенный лишь въ небольшой степени, остается безконечно долго жидкимъ, если доступъ готовыхъ зародышей глауберовой соли исключенъ (напримѣръ, въ запаянныхъ сосудахъ), и если сохраняютъ опредѣленныя границы температуры и концентраціи, то столь же невозможно, чтобы тамъ свободно появился кристаллъ глауберовой соли, какъ невозможно, чтобы свободно возникла бактерія или плѣсневой грибокъ. Въ случаѣ глауберовой соли мы имѣемъ только то различіе, что если продолжаютъ усиливать пересыщенія или понижаютъ температуру, то, въ концѣ концовъ, наступаетъ такое состояніе, въ которомъ произвольное образованіе кристалловъ происходитъ и безъ зародыша. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что невозможность образованія организмовъ изъ органическихъ веществъ, невозможность, о которую разбивались до настоящаго времени всѣ попытки этого рода, обусловлена только незнакомствомъ нашимъ съ тѣми условіями, при которыхъ нарушаются „сверхъ-устойчивыя границы“ питательнаго раствора въ отношеніи органической жизни“. [1]) Такимъ образомъ самая постановка возраженія о томъ, что химіи не удастся создать лабораторнымъ путемъ сложнаго организма, или волокно мускула или нерва и т. д. должна быть признана ненаучной. Въ виду этого возраженіе начали сводить къ невозможности доказать происхожденіе организованнаго „вещества“ изъ неорганическихъ тѣлъ. Этимъ опять таки нельзя опровергнуть вопросъ по существу: это не доказываетъ неосуществимости задачи Къ тому-же возраженіе это должно признать въ одной части совершенно опровергнутымъ фактически, а въ другой на столько почти опровергнутымъ, что дѣло выполненія задачи составляетъ только вопросъ времени. Вотъ что говорятъ факты одного порядка. Живое вещество или протоплазма представляетъ собой, съ точки зрѣнія химической, *смѣсь* бѣлковыхъ тѣлъ, въ составъ коихъ входитъ углеродъ, азотъ, кислородъ, водородъ, а также сѣра, фосфоръ, хлоръ, калій, кальцій, марганецъ, желѣзо и вѣроятно силицій и фторъ. Это такъ называемые біогенные элементы. Важнѣйшими элементами являются три газообразныхъ—азотъ, кислородъ и водородъ и четвертый твердый и неплавкій—сѣра. На вопросъ существуетъ-ли различіе въ химическомъ составѣ живой и мертвой протоплазмы, химія отвѣчаетъ, что отличіе существуетъ, но оно является не отличіемъ качественнымъ, а количественнымъ, т. е., выражаясь языкомъ химиковъ, живая протоплазма является лишь изомеромъ мертвой. Элементы тѣ-же самые, даже и количественное отношеніе ихъ то-же самое ,но расположеніе и взаимное отношеніе атомовъ, образующихъ молекулу живой протоплазмы, иное, чѣмъ въ молекулѣ мертвой протоплазмы. [2]) Сжигая растеніе съ извѣстными предосторожностями, говоритъ проф. Тимирязевъ, и улавливая улетающіе газы, мы убѣждаемся, что эта сгорающая часть растительнаго вещества состоитъ изъ четырехъ простыхъ тѣлъ: твердаго углерода и трехъ газовъ: кислорода, водорода и азота. Эта горючая составная

[1]) В. Оствальдъ, Натуръ-философія. Спб. 1902 г. стр. 253.
[2]) См. В. Шимкевича, Біологическія основы зоологіи, Спб. 1902 г. стр. 6.

часть, всегда содержащая углеродъ, что и видно по ея обугливанію предъ горѣніемъ, называется *органическимъ* веществомъ растенія. Органическимъ оно называется потому, что изъ него состоятъ всѣ организмы Прежде даже полагали, что оно можетъ образоваться только въ живыхъ тѣлахъ, въ организмахъ, что искусственно въ лабораторіи можно получать только менѣе сложныя по составу тѣла, изъ которыхъ состоитъ мертвая, неорганическая природа Но это убѣжденіе поколеблено успѣхами современной органической химіи; въ настоящее время химикъ уже въ состояніи *приготовлять* множество тѣлъ, образованіе которыхъ прежде считалось тайной живого организма. [1]) Итакъ, факты (хотя-бы, напримѣръ, искусственное образованіе мочевины) говорятъ противъ разбираемаго нами возраженія. Значеніе всего сказаннаго мы сейчасъ опредѣлимъ, но раньше обратимся къ фактамъ другого порядка.

Дѣло не только въ образованіи органическихъ тѣлъ лабораторнымъ путемъ, но въ попыткахъ образованія искусственныхъ клѣтокъ, этихъ простѣйшихъ носителей бѣлковыхъ веществъ. Конечно, опыты должны производиться на почвѣ комбинацій углеродистыхъ соединеній, такъ какъ бѣлокъ образуется исключительно на счетъ послѣднихъ. Для полноты изложенія вопроса считаю нужнымъ сдѣлать отступленіе въ совершенно спеціальную область органической химіи, но, имѣя въ виду задачу нашего обзора, исключаю изъ изложенія все, требующее отъ читателя спеціальныхъ знаній. „Неумѣнье получать органическія соединенія иначе, какъ изъ тканей организмовъ, было поводомъ къ возникновенію предположенія, что углеродистыя соединенія образуются съ силу новыхъ законовъ, подъ вліяніемъ *жизненной силы*, присущей организмамъ“. [2]) Это былъ почти тотъ-же флогистонъ, для изгнанія котораго изъ умовъ ученыхъ нуженъ былъ геній и глубокій умъ Лавуазье. Это былъ переводъ на новый языкъ суевѣрнаго ученія о „флюидахъ“. Въ 1828 году Вёлеръ получилъ искусственнымъ путемъ мочевину, т. е. вещество, находящееся въ мочѣ человѣка и млекопитающихся и въ небольшомъ количествѣ въ крови, въ лимфѣ и т. п. Первый опытъ полученія вещества, вырабатываемаго организмомъ животныхъ, первый удавшійся опытъ химическаго синтеза, получаетъ особенно высокій интересъ, въ виду уничтоженія этимъ фактомъ самаго представленія о необходимости „жизненной силы“. [3]) Мочевина представляетъ послѣдній продуктъ превращеній азотистыхъ бѣлковыхъ веществъ въ организмѣ и потому полученіе ея искусственнымъ путемъ (помимо способа Вёлера, современная химія знаетъ и другіе способы—Реньо, Натансона, Базарова и др.) пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Бѣлковыя вещества составляютъ наиважнѣйшую составную часть клѣтокъ растеній и животныхъ и изъ простѣйшихъ углеродистыхъ соединеній вырабатываются (синтезируются) исключительно клѣтками растеній Животные организмы не образуютъ бѣлковыхъ веществъ изъ простыхъ углеродистыхъ соединеній, а получаютъ ихъ, воспринимая выработанныя

[1]) К Тимирязевъ, Жизнь растенія, Москва 1899 г. стр 34—35.
[2]) Н. Меншуткинъ, Лекціи органической химіи, Спб. 1897 г. стр. 1.
[3]) Меншуткинъ, l. c., стр. 532.

уже растеніями вещества. Бѣлковыя тѣла, входящія въ составъ протоплазмы, чрезвычайно разнообразны и еще мало изучены, но современная наука различаетъ главнымъ образомъ два рода протоплазмы: прозрачную, состоящую изъ такъ-называемыхъ глобулиновъ и зернистую или волокнистую, состоящую изъ богатыхъ фосфоромъ альбуминовъ. [1]) Растеніе питается газообразными, жидкими и минеральными веществами и, благодаря наличности хлорофила, *создаетъ* при дѣйствіи свѣтовыхъ лучей углеводы (крахмалъ, сахаръ, клѣчатку). Присоединяя азотъ почвы, растеніе создаетъ бѣлковыя вещества. Такимъ образомъ функція растенія—это вѣчный синтезъ. [2]) Итакъ, въ образованіи растенія принимаютъ участіе земля, вода и воздухъ; растеніе синтезируетъ простѣйшія углеродистыя соединенія и вырабатываетъ бѣлковыя вещества Животныя, питаясь растительною пищей, усвояютъ готовыя бѣлковыя соединенія путемъ химическаго анализа. [3]) Изъ изложеннаго видно, что вопросъ о лабораторномъ приготовленія бѣлковыхъ веществъ сводится къ вопросу о приготовленіи альбумина, глобулина, фибрина, а затѣмъ клеевыхъ веществъ, (каковъ, напр. желатинъ). Органическая химія находится на пути подобныхъ приготовленій: по крайней мѣрѣ путемъ анализа всѣ эти вещества разложены на неорганическіе элементы, а опытами Бертло, Ванъ-т'Гоффа, Данилевскаго и др. уже получены и разныя бѣлковыя вещества, хотя современная химія и признаетъ ихъ еще пока „мертвыми". Но разъ это изомеры живыхъ бѣлковъ, то дѣло полученія живого вещества очевидно становится лишь вопросомъ времени и условій производства опытовъ.

Въ вышедшей въ истекшемъ году новой книгѣ проф. Шимкевича мы встрѣчаемъ слѣдующее разсужденіе по поводу интересующаго насъ вопроса. „Полученіе въ 1828 г. Велеромъ мочевины изъ совершенно неорганическаго изомернаго съ ней вещества (ціано-кислаго аммонія) составило первый шагъ въ смыслѣ разрушенія виталистической точки зрѣнія. Гофмейстеръ (1896 г.) получилъ мочевину изъ бѣлка, т. е. тѣмъ путемъ, какимъ онъ образуется въ организмѣ. Главная сущность вопроса сводится, однако, къ полученію искусственнымъ путе ъ бѣлковъ и протоплазмы. Однако, самое строеніе бѣлковыхъ веществъ настолько сложно, что доселѣ неясно химикамъ. Щюценбергеру удалось получить синтетически бѣлковое вещество, но изъ продуктовъ распаденія самаго бѣлка. Однако, многое заставляетъ думать, что вопросъ о синтетическомъ полученіи бѣлка—вопросъ времени. Виталисты ставятъ другой вопросъ, получимъ ли мы синтетически *живой* бѣлокъ, *живую* протоплазму и отвѣчаютъ на него отрицательно. Но отрицательный отвѣтъ здѣсь также гадателенъ, какъ и положительный... Во всякомъ случаѣ, надо отмѣтить, что условія, при какихъ происходятъ химическія реакціи въ организмѣ, иныя, чѣмъ тѣ, съ какими мы имѣемъ дѣло въ нашихъ опытахъ." [4])

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію обоснованія матеріализма въ

[1]) Шимкевичъ, Біологическія основы зоологіи, Спб. 1902 г. стр. 6.

[2]) Шимкевичъ, l. c., стр. 15.

[3]) Ср. Тимирязева, Жизнь растенія; Шимкевича. Популярные біологич. очерки. Спб. 1898 г. и Біологич. основы зоологіи, Спб. 1902 г.

[4]) В Шимкевичъ. Біологич. основы зоологіи, стр. 25.

области біологіи и физіологіи. Современная наука, задавшись раскрытіемъ проблемы жизни и оставляя въ сторонѣ, какъ спорныя, теоріи „пангенезесиса“, „физіологическихъ единицъ“ и т. п., вступила и здѣсь на почву лабораторныхъ опытовъ. Таковы, напримѣръ, опыты Бючли. Исходя изъ того, что построеніе протоплазмы соотвѣтствуетъ микроскопически тончайшей пѣнѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что содержаніе камеръ обыкновенной пѣны есть воздухъ, тогда какъ содержаніе камеръ пѣны плазматической—есть водяная жидкость, Бючли пришелъ къ заключенію, что если бы удалось искусственно получить такую пѣну, то она вѣроятно обнаружила бы многія свойства, тождественныя съ особенностями живой плазмы. Первые опыты были неудачны, въ виду техническихъ особенностей, но вскорѣ получились и результаты, блестяще оправдавшіе ожиданія Бючли. Искусственныя пѣнистыя капли текли амебовидно въ окружающей ихъ каплѣ воды, между маслянистымъ тѣстомъ массы и водой начинался живой и правильный диффузіонный обмѣнъ и т. д. Объясненіе этого явленія сводится къ разложенію замѣченныхъ „дѣйствій“ на чисто физическія явленія, связанныя съ измѣненіемъ поверхностнаго натяженія, т. е. въ области явленій капилярности. [1]) Но тѣ-же явленія поверхностнаго натяженія объясняютъ намъ и большинство движеній живой плазмы, напримѣръ, амебы. [2]) Такимъ образомъ въ окончательномъ выводѣ біологія стремится, путемъ сравненія, *объяснить* строеніе живой плазмы законами, управляющими строеніемъ мертвой плазмовидной пѣны. Иначе говоря жизненныя явленія объясняются путемъ исключенія особенной „жизненной силы“ (воскрешенной въ трудахъ новѣйшихъ виталистовъ; Бунге, Бородинъ и др.) съ одной стороны и разложеніемъ ихъ на явленія химическія, физическія и механическія—съ другой. Мы сказали „объяснить“—это потому, что, по совершенно вѣрному замѣчанію многихъ мыслителей „знать, значитъ понимать“. Такъ Майеръ говоритъ: „разъ фактъ извѣстенъ со всѣхъ сторонъ, то онъ тѣмъ самымъ уже и объясненъ“; извѣстный физикъ Кирхгоффъ, мнѣніе котораго раздѣляетъ и знаменитый Эрнстъ Махъ, говоритъ, что „задача механики (а слѣдовательно и естествознанія, стремящагося вполнѣ законно свести естественныя явленія на механику) заключается въ томъ, чтобы происходящія въ природѣ движенія описать возможно полнѣйшимъ и простѣйшимъ образомъ“. [3]) Оставляя въ сторонѣ интересныя возраженія противъ значенія „искусственныхъ смѣсей“ Делажа и Гертвига, укажемъ только, что особенное значеніе имѣетъ слѣдующее замѣчаніе послѣдняго. „Протоплазма не есть понятіе химическое, а морфологическое, протоплазма не есть химическое вещество какой угодно сложности, но смѣсь многихъ химическихъ веществъ, „которыя мы должны себѣ представлять, какъ мельчайшія частички, соединенныя между собой

---

[1]) См. напр. Брусиловскаго, Современ. теоріи строенія живого вещества. Русск. Бог. 1898 г. № 1—3.

[2]) См. въ книгѣ Ле-Дантека, Живое вещество. Переводъ съ французск. Москва 1898 г.

[3]) Брусиловскій, Совр. теоріи строенія жив. вещ. Русск. Богат. 1898 г. № 2, стр. 59.

въ одно удивительно сложное цѣлое... Ибо существенныя ея (протоплазмы) качества, въ которыхъ проявляется ея жизнь, основываются именно на *опредѣленной организаціи*... Протоплазматическое тѣло, по разрушеніи организаціи, на которой основана его жизнь, не есть протоплазматическое тѣло". [1]) Замѣчаніе это полно значенія для освѣщенія цѣлаго ряда важнѣйшихъ изъ спорныхъ вопросовъ матеріализма, но въ настоящее время насъ занимаетъ только одна сторона сущности этого замѣчанія: это указаніе на то, что, разлагая живое вещество, состоящее изъ химическихъ тѣлъ, на величины химическія и механическія, мы уничтожаемъ особую организацію этихъ величинъ, т. е. самое живое вещество. Отсюда нужно полагать, что синтезъ никогда не дастъ этого вещества, ибо не возсоздастъ этой „опредѣленной организаціи". Будущее науки дастъ отвѣтъ на это замѣчаніе, но пока скажемъ только, что это нисколько не исключаетъ законности разложенія сложнаго явленія „жизнь" на болѣе простыя химическія и физико-механическія явленія. Все дѣло только въ томъ, чтобы такое разложеніе дало „описаніе" жизни. Впрочемъ, біологія отвѣчаетъ на замѣчанія подобнаго рода возраженіями, что отмѣчаемыя критикой отличія составляетъ отличія не по существу дѣла, а лишь по *степени* проявленія одного и того-же начала въ двухъ различныхъ категоріяхъ явленій. Проще говоря, здѣсь отвергается различіе *качественнаго* характера и признается только различіе количественное. Это, конечно, весьма важно, ибо если между двумя явленіями (напримѣръ опредѣленною смѣсью химическихъ веществъ живою и такою-же смѣсью неживой) существуетъ различіе лишь количественнаго свойства, то по существу это явленія одного и того же порядка, а не различныхъ, *по природѣ* порядковъ. Количественное различіе, такимъ образомъ, не опровергаетъ научнаго монизма.

Различіе количественное, а не качественное! — одно изъ любимыхъ возраженій сторонниковъ научнаго и философскаго монизма. Это аргументъ логическаго характера и требуетъ отъ логической же обоснованности. Такую обоснованность мы, однако, рѣдко встрѣчаемъ. Вмѣсто нея обыкновенно приводятъ основанія по существу признаковъ самаго отличія и такимъ образомъ уходятъ отъ разрѣшенія вопроса, который, однако, желательно было и предположено было рзрѣшить. Вотъ, напримѣръ, какъ, опровергается, съ этой точки зрѣнія замѣчаніе Делажа. „Явленія живой матеріи или жизненныя явленія, въ цѣлой совокупности своей, отличны отъ явленій безжизненной матеріи. Откидывая, какъ негодное, предположеніе объ особенной жизненной силѣ, пребывающей въ живомъ веществѣ, усматривая полную теоретическую и практическую возможность создать синтетически продукты жизнедѣятельности организма и, такимъ образомъ, установить *непрерывность вещества вообще*—и живого, и мертваго,—прибѣгаютъ, для объясненія различія между ними, къ структурѣ живаго вещества и высказываютъ слѣдующее основное положеніе: въ то время какъ жизненныя явленія должны быть обусловлены *какъ физико-химической природой веществъ*, входящихъ въ составъ живой матеріи, *такъ и организаціей ея*,.,. явленія безжизнен-

[1]) Цитировано у Брусиловскаго, тамъ-же стр. 76.

ныя стоятъ въ причинной связи съ *одной* лишь физико-химической природой, а никакъ не съ „организаціей“ минеральнаго или органическаго (но неживого) вещества“. Но дѣло, при правильности этого замѣчанія, въ томъ, что, оно не имѣетъ значенія, ибо строеніе живого вещества неоднородно, тогда какъ химически опредѣленное вещество, въ виду всегда самой себѣ равной структурности (тождественность химическихъ частицъ),—однородно. [1]) Итакъ, дѣло уже сводится къ различію въ однородномъ характерѣ существа одного явленія и неоднородномъ характерѣ другого. Съ перваго-же взгляда видно, что это уже различіе качественнаго характера, а не только количественнаго. Но это, если смотрѣть на оба явленія, сравниваемыя одно съ другимъ безотносительно, т. е. не въ отношеніи къ чему-то третьему. Если же существуетъ это „третье“, количество котораго даетъ въ одномъ случаѣ „однородность“, а въ другомъ (при увеличеніи въ степени, или при дифференцировкѣ въ степени-же)—даетъ „разнородное“, тогда различіе въ качествѣ становится различіемъ въ „степени“. Этимъ третьимъ и является въ приведенной цитатѣ „непрерывность вещества вообще“, т. е. единая матерія, съ которой связанъ законъ о постоянствѣ матеріи (законъ Лавуазье),

Съ точки зрѣнія приведенныхъ разсужденій для насъ становится вполнѣ понятнымъ стремленіе Бючли объяснить причину движеній протоплазмы причинами движеній мыльной пѣны (искусственныхъ смѣсей). Иначе говоря, въ науку вносится физико-химическій механизмъ, носящій облаченіе матеріализма. [2]) Къ тому же самому выводу современное естествознаніе подходитъ и съ другой стороны. Это такъ называемыя явленія хемотаксиса, цитотаксиса, реотаксиса, гидротаксиса и т. п. (опыты Сакса, Ру, Пфеффера и др.) и заключающіяся въ притягиваніи (положительные хемотаксисъ-хемотропизмъ, реотаксисъ-реотропизмъ и т. д.) организма разными моментами химическими, свѣтовыми и т. п. и отталкиваніе ихъ такими же моментами (отрицательный термотаксисъ-термотропизмъ, гальванотаксисъ-гальванотропизмъ и т. п.). Иначе говоря, цѣлесообразныя, жизненныя движенія простѣйшихъ организмовъ сводятся къ движеніямъ, подчиненнымъ исключительно законамъ физико-химической механики. [3]) Не останавливаясь на этомъ, самомъ по себѣ весьма интересномъ вопросѣ, а равно и на спорѣ сторонниковъ біологическаго механизма (Виноградовъ, Тимирязевъ, Вагнеръ и др.) съ сторонниками неовитализма (Бунге, Бородинъ, Кернъ-фонъ-Мерилаунъ и отчасти Фамицынъ), такъ какъ сдѣланное нами, въ интересахъ нашей непосредственной задачи, отступленіе въ область естественно-научнаго монистическаго реализма итакъ уже разрослось сверхъ нашего ожиданія,—замѣтимъ здѣсь, что механическое міровоззрѣніе нашло себѣ значи-

---

[1]) Брусиловскій, l. c. Русск. Бог. 1898 г. № 2, стр. 78—79.

[2]) См. подробно у Брусиловскаго, l. c. Русск. Бог. 1898 г. № 3 и у Фамицына въ „Мірѣ Божьемъ“ за 1898 г.

[3]) Н. Виноградовъ, Біологическій механизмъ и матеріализмъ. Вопр. Философіи и психологіи, 1897 г. Описанія явленій хемотропизма и т. п. и ихъ значенія см. у В. Шимкевича: Популяр. біологич. очерки, Спб. 1898 г. стр 70 и слѣд., его же Біологич. основы зоологіи, Спб. 1902 г. стр. 24.

тельную поддержку въ сказанномъ развитіи химіи, біологіи и физіологіи.

Но что-же все это обозначаетъ? Выводъ, конечно, напрашивается самъ собой. Все въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ сводится къ единой матеріи и ея свойствамъ. „Міръ состоитъ изъ атомовъ и пустого пространства"—въ этомъ положеніи, говоритъ Ф. Ланге, согласуются матеріалистическія системы древняго и новаго времени, какъ ни различно видоизмѣнялось постепенно понятіе атома, какъ ни различны теоріи о возникновеніи пестрой и богатой вселенной изъ такихъ простыхъ элементовъ. [1]) Знаменитыя изслѣдованія Бойля, Ньютона, Дальтона, Гей-Люссака и Берцеліуса положили прочное основаніе научному матеріализму (по содержанію сначала атомизму, а потомъ теоріи молекулъ). Отдѣльные голоса представителей энергетики (Майеръ, Гельмгольцъ и др.) заглушались общимъ хоромъ возгласовъ о томъ, что сила, энергія не есть нѣчто первоклассное, самосущее, а производное—это только *свойство матеріи*. Въ виду этого законъ „сохраненія силы" не получалъ первенствующаго значенія предъ закономъ „сохраненія матеріи" и, не смотря на труды Э. Маха, предъ солидностью которыхъ преклонялись даже его противники, [2]) наши новѣйшіе матеріалисты, по справедливому замѣчанію Ланге, неохотно занимались закономъ сохраненія силы. [3]) Но не будемъ заходить такъ впередъ и оставимъ монистическое ученіе энергетизма пока въ сторонѣ.

II.

Матеріализмъ отразился и на на состояніи психологіи и философіи. Постановка дѣла въ этихъ отрасляхъ знанія ясна сама собой и мы считаемъ возможнымъ не касаться этого вопроса въ настоящемъ введеніи къ изученію экономическаго матеріализама, по скольку послѣдній отразился въ литературѣ отчетнаго года. Интересующіеся вопросомъ могутъ найти указанія въ трудахъ Ланге [4]) Челпанова, [5]) Виноградова, [6]) Бельтова, [7]) Тимирязева [8]) и мног. друг. Вкратцѣ скажемъ, что и здѣсь все сводится къ матеріи, которая такимъ образомъ, дѣйствительно является „единой". Здѣсь также все сводится къ положенію, что различіе между живымъ и не-живымъ сводится къ различію, чисто физическому, къ различію въ ихъ молукулярной динамикѣ. Говоря словами Гельмгольца, „жизнь либо когда-либо *возникла*, либо она современна матеріи". Въ философіи это выражается фор-

[1]) Ф. А. Ланге, Исторія матеріализма. Спб. 1899 г. стр. 465 и слѣд. Въ отчетномъ году вышло новое, исправленное нѣмецкое изданіе перваго тома (до Канта).

[2]) См. переводы трудовъ Маха въ Научн. Обозр. 1897 г № 3, 4 и 5, 1898 г. № 10, 1899 г. № 1.

[3]) Ланге, Исторія матеріализма, стр. 493.

[4]) Ланге Исторія матеріализма.

[5]) Челпановъ, Къ вопросу о матеріализмѣ. Міръ Божій 1897 г. № 8.

[6]) Виноградовъ, Біологич. механизмъ и матеріализмъ, Вопросы филос. и психол. 1897 г.

[7]) Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Спб. 1895 г.

[8]) Тимирязевъ, Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія, Москва 1895 г.

мулой „не духъ произвелъ матерію, а духъ имманентенъ матеріи“, онъ ея свойство. Теоріи эти нашли въ дарвинизмѣ особенно сильное обоснованіе, такъ какъ дарвинизмъ все сводилъ къ спонтанейному пріобрѣтенію измѣненій и расхожденію признаковъ, укрѣпляемому закономъ наслѣдственности. Поправки, внесенныя въ дарвинизмъ Лефризомъ, не измѣнили дѣла въ этомъ отношеніи, а указаній, вродѣ брошеннаго вскользь Н. К. Михайловскимъ замѣчанія о томъ что нерѣдко пріобрѣтеніе полезныхъ измѣненій зависѣло не только отъ случайныхъ измѣненій, вызванныхъ условіями среды, и именно не активнаго приспособленія къ ней, — а также и отъ „активнаго“ приспособленія,—я, къ сожалѣнію. въ спеціальной литературѣ (кромѣ труда Мориса Вагнера) не встрѣчалъ. Допускаю. что это можетъ доказывать не отсутствіе подобныхъ изслѣдованій, а пробѣлъ въ моихъ знаніяхъ. и потому опускаю эту мысль изъ хода разсужденій, признавая однако-же, что мысль эта могла бы имѣть весьма серьезное значеніе для освѣщенія истинной природы матеріализма.

Обратимся еще на нѣкоторое время къ философской сторонѣ вопроса. „Матеріализмъ, говоритъ Н. Бельтовъ, есть прямая противоположность *идеализма* Идеализмъ стремится объяснить всѣ явленія природы, всѣ свойства матеріи тѣми или иными свойствами духа. Матеріализмъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ старается объяснить психическія явленія тѣми или другими свойствами матеріи, той или другой организаціи человѣческаго или вообще животнаго тѣла... Матеріализмъ и идеализмъ исчерпываютъ важнѣйшія направленія философской мысли. Правда, рядомъ съ нимъ почти всегда существовали тѣ или другія *дуалистическія* системы, признававшія духъ и матерію за отдѣльныя самостоятельныя субстанціи. Дуализмъ никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно на неизбѣжный вопросъ о томъ, какимъ образомъ эти двѣ отдѣльныя субстанціи, не имѣющія между собой ничего общаго, могутъ вліять одна на другую. *Поэтому* (курсивъ нашъ) наиболѣе послѣдовательные и наиболѣе глубокіе мыслители всегда склонялись къ монизму, т. е. къ объясненію явленій съ помощью какого-нибудь одного основного принципа“. [1]) Экономическій матеріализмъ есть только частный случай всеобщаго матеріалистическаго монизма

Итакъ, отрицаніе дуализма въ философіи основано на томъ, что послѣдній „никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно на неизбѣжный вопросъ, какимъ образомъ двѣ отдѣльныя субстанціи, *не имѣющія между собой ничего общаго*, могутъ вліять одна на другую“. Почему при этомъ полагается, что дуализмъ исходитъ яко-бы изъ того, что два принимаемыхъ имъ начала „не имѣютъ между собой ничего общаго“—остается безъ объясненія. Удовлетворимся, однако, пока этимъ замѣчаніемъ и перейдемъ къ дальнѣйшей характеристикѣ монизма, а затѣмъ посмотримъ, какъ объясняетъ матеріалистическій монизмъ взаимоотношеніе матеріи и силы (духа).

Въ отчетномъ году появилась въ русской соціологической литературѣ работа г. Н. Гайдарова, посвященная разсмотрѣнію „соціаль-

[1]) Бельтовъ, l. c. стр. 1 и 2.

наго монизма“ Штаммлера, книга котораго составляетъ попытку внесенія поправокъ въ ученіе марксизма. Книга Штаммлера появилась на нѣмецкомъ языкѣ въ 1896 г., переведена на русскій языкъ (переводъ не оконченъ) въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (за 1897 г.) и въ 1899 году вышла отдѣльнымъ изданіемъ. [1]) Основная мысль Штаммлера заключается въ томъ, что правовой элементъ присущъ всякому общественному явленію и потому не можетъ быть отдѣленъ отъ него. Такимъ образомъ право имѣетъ самостоятельный характеръ и хотя и испытываетъ вліяніе экономики, но въ свою очередь вліяетъ на нее. Вотъ мысль Штаммлера, легшая въ основу его „соціальнаго монизма“ въ отличіе отъ матеріалистическаго монизма Маркса. Монизмъ, говоритъ г. Гайдаровъ, есть приведеніе различныхъ явленій къ одному и тому же основному началу. Отдѣльныя явленія, подлежащія объединенію, могутъ при этомъ играть различную роль; поэтому могутъ быть различные виды монизма. Если необходимо привести къ одному началу два различныхъ явленія, то при этомъ мыслимы четыре случая. Возможно, во-первыхъ, что одно изъ явленій есть начало основное, а второе является его частнымъ случаемъ, одной изъ его модификацій. Второй случай: основное начало есть второе явленіе, а первое является его модификаціей. Третій случай: оба явленія составляютъ двѣ неразрывныя стороны одного и того же начала, свойства котораго исчерпываются этими двумя явленіями. Но возможенъ и четвертый случай: оба явленія составляютъ два неотдѣлимыхъ свойства какого-то третьяго начала, сущность котораго состоитъ не въ суммаціи ярко выраженныхъ свойствъ этихъ двухъ явленій, а въ чемъ-то среднемъ между ними, изъ каковаго средняго онѣ и выдѣлились. Спиритуалистическая система философіи построена по первому типу: основное начало есть „духъ“ (напр. у Гегеля), а „матерія“ является его частной модификаціей. Матеріалистическая система построена какъ разъ по противоположному, второму типу: „духъ“ есть частное, преходящее состояніе въ „матеріи“. Система психо-физіологическаго параллелизма (ученіе Фехнера, Вундта и засимъ большинства современныхъ психологовъ), сдѣлавшая громадные успѣхи и въ области философіи природы (Нуаре, Геккель), подходитъ къ третьему типу: матерія и духъ суть лишь двѣ стороны одного и того-же и немыслимы другъ безъ друга. Наконецъ, система сведенія духа и матеріи къ одной, лежащей въ ихъ основѣ „абсолютной субстанціи“ (Шеллингъ), въ которой они оба утратили свои отличительныя черты, составляетъ четвертый типъ монизма. Система Маркса составляетъ второй типъ монизма. [2]) Система же его „учениковъ“ приближается къ третьему типу. Къ послѣднему приближается и система дуализма. Поэтому этотъ типъ и представляетъ для насъ болѣе всего интереса.

Посмотримъ, какъ разрѣшается вопросъ о соотношеніи обоихъ началъ въ философской система монизма вообще и въ частности въ

---

[1]) Р. Штаммлеръ, Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, Спб. 1899 г. Перев. не полный, онъ доведенъ только до IV-ой книги.

[2]) Гайдаровъ, Рудольфъ Штаммлеръ и его теорія соціальнаго монизма. Русское Богатство 1902 г. № 10.

третьемъ изъ отмѣченныхъ типовъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между монистическимъ матеріализмомъ и динамизмомъ (или спирутализмомъ, сенсуализмомъ, идеализмомъ, энергетизмомъ и т. п.): въ обѣихъ системахъ ходъ разсужденій одинъ и тотъ-же: одно начало включаетъ въ себѣ другое и это другое не является самостоятельной субстанціей, а лишь свойствомъ перваго. Но что такое „свойство“ какого либо начала? Вѣдь оно проявляется вовнѣ? Да, отвѣчаютъ, напримѣръ, матеріалисты, какъ форма перваго. Итакъ, дѣло сводится къ соотношенію „содержанія“ къ „формѣ“, „протяженности“ къ „мышленію“ (см. объ этомъ у Ланге, Геккеля, Оствальда, Штаммлера, Гайдарова и др.). Съ этой точки зрѣнія матерія и сила составляютъ одно и то-же, являющееся „различнымъ“ только съ тої точки зрѣнія, съ которой мы ихъ разсматриваемъ, т. е. субъективно, а не сами по себѣ (какъ здѣсь не вспомнить о Кантѣ?).

Разсматриваемымъ вопросомъ очень много занимался знаменитый зоологъ Эрнестъ Геккель, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ коего „Natürliche Schöpfungs-Geschichte“ вышелъ въ отчетномъ году десятымъ изданіемъ. Знаменитый авторъ „целюлярной психологіи“ сводитъ всѣ явленія развитія къ закону, установленному до него, но имъ съ наибольшею полнотой формулированному, о томъ, что исторія развитія индивида повторяетъ исторію развитія вида (онтогенезисъ и филогенезисъ). Исторія же развитія видовъ низводитъ психо-физіологическія явленія на физико-химическія и механическія, чѣмъ устраняется перерывъ въ происхожденіи міра органическаго изъ міра неорганическаго. [1]) Ученіе Геккеля наиболѣе послѣдовательно проводится въ соціологіи П. Л. Лиліенфельдомъ (есть и другіе, напримѣръ Морселли, Перетти) и хотя трудъ, который мы имѣемъ въ виду, появился почти 30 лѣтъ тому назадъ, но современное развитіе науки ни въ чемъ не можетъ измѣнить взглядовъ автора, что, впрочемъ, видно и изъ того, что взгляды эти онъ повторяетъ и въ новѣйшихъ своихъ трудахъ (какъ, напримѣръ, въ своей „Соціальной Паталогіи“, вышедшей въ 1896 году). Лиліенфельдъ къ тому-же монистъ.

Отвергая идеалистическое воззрѣніе на сущность явленій и признавая реальность таковыхъ, Лиліенфельдъ высказывается, однако, и противъ строго-матеріалистической философіи, которая стремится свести рѣшительно всѣ вопросы творенія къ проявленіямъ матеріи, а между тѣмъ послѣдняя, по мнѣнію автора, составляетъ простую подстановку (?) понятія творенія. [2]) Какъ и Геккель, Лиліенфельдъ динамистъ и вотъ что говоритъ онъ объ интересующемъ насъ соотношеніи силы и матеріи съ точки зрѣнія философіи монизма. Явленія природы проявляются въ видѣ силы и матеріи. Матерію мы познаемъ только по ея проявленіямъ и воздѣйствіямъ на нашъ организмъ. Такъ, сила сцѣпленія, держащая въ извѣстномъ соотношеніи другъ

[1]) Haeckel, Natürliche Schöpfungs-Geschichte, 10 Auflage, Berlin 1902 Bd. I und II; особенно т. II, послѣдн. глава.

[2]) P. Lilienfeld, Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft, Bd. I. Mitau 1873, S. 7.

къ другу атомы тѣла, дѣлаетъ матерію намъ доступной посредствомъ ощущенія осязанія о величинѣ, формѣ и т. п. Матерія, которая не обнаруживаетъ во внѣ силы, не существуетъ для насъ. Отсюда матерія—есть сила. То-же говорятъ Ланге [1]) и Оствальдъ. [2]) Такимъ же образомъ понятіе силы безъ матеріи намъ не доступно. [3]) Этого уже не говорятъ ни Ланге, ни Оствальдъ, ни Махъ. Итакъ, говоритъ Лиліенфельдъ, матерія и сила ничто иное, какъ два состоянія, двѣ формы одной субстанціи, ничто иное какъ движеніе Различіе въ дѣйствіи органическихъ силъ отъ дѣйствія силъ неорганическихъ состоитъ въ цѣлѣсообразномъ движеніи матеріи и чѣмъ оно цѣлесообразнѣе, тѣмъ совершеннѣе органическая жизнь, тѣмъ выше ея внутренняя и внѣшняя спеціализація, а затѣмъ и капитализація силъ. [4]) Все, стало быть, сводится къ различію количественнаго характера, а не качественнаго. Аргументъ, намъ уже знакомый.

Итакъ, опредѣляетъ-ли монизмъ соотношеніе духа и матеріи? Нѣтъ, ибо онъ сводитъ ихъ къ одному чему-то общему; либо одно субстанція, а другое ея эманація, какъ свойство этой субстанціи, либо оба составляютъ проявленіе чего-то третьяго, что ведетъ къ параллелизму обоихъ началъ безъ взаимнаго вліянія другъ на друга, либо оба начала сводятся къ чему-то третьему, которое характеризуетъ и первое и второе. При такомъ положеніи дѣла законенъ вопросъ: если содержаніе не испытываетъ вліянія формы, если все различіе сводится къ степени отраженія общаго начала въ обоихъ явленіяхъ, а не къ качеству этого отраженія, то данныя жизни, въ данномъ широкомъ смыслѣ слова, подтверждаютъ ли столь широко теоретизированное сведеніе всѣхъ явленій „подъ одно“? Штаммлеръ, напримѣръ, основательно доказываетъ, что форма соціальной жизни, право,—испытываетъ вліяніе ея содержанія—экономики (это мнѣніе Штаммлера, ибо онъ все-же марксистъ), но, съ другой стороны, эта форма оказываетъ вліяніе на содержаніе—т. е. на экономику. Въ мірѣ органическомъ форма матеріи играетъ громадную роль въ отношеніи ея содержанія. Возьмите одну и ту-же матерію въ двухъ разныхъ формахъ, состоящую изъ двухъ частей водорода и одной части кислорода, возьмите ее въ состояніи жидкомъ (вода) и твердомъ (ледъ) и пропустите чрезъ нихъ одинаковой силы гальваническій токъ и получите совершенно различные эффекты. На незаконность аргументаціи „разница только въ степени, а не въ качествѣ“ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ. [5]) Здѣсь замѣчу, что для монистовъ эта аргументація вообще недопустима, такъ какъ одно допущеніе подобнаго аргумента составляетъ признаніе дуализма, коего монизмъ является прямымъ антагонистомъ: вѣдь съ точки зрѣнія монизма „качество“ вообще не имѣетъ значенія, для послѣдовательнаго монизма оно даже не существуетъ, ибо все сущее есть *степень* большаго или меньшаго

---

[1]) Ланге, Исторія матеріализма, стр. 494 и др.
[2]) Оствальдъ, Натуръ-философія, стр. 132—133 и др.
[3]) Lilienfeld, op. cit., S. 55
[4]) Lilienfeld, op cit. S. 56—58.
[5]) См. Гальперина, Органическая теорія строенія и развитія общества, Екатеринославъ 1900 г.

проявленія одного какого-либо начала. Качества для мониста нѣтъ, есть только степень. Тогда и не слѣдуетъ пользоваться аргументаціей, которая сама по себѣ должна быть признана ошибочной. Попробуемъ стать на почву разсужденій строгаго монизма, т. е будемъ разсматривать отличія качественныя какъ различные виды одного начала (матеріи или силы—въ данномъ случаѣ все равно). Что такое различные виды? Различаться одно явленіе отъ другого можетъ лишь тогда, когда въ немъ, по сравненію съ другимъ, есть нѣчто „новое". Пусть это новое заключается въ большей консистенціи того-же единнаго начала, но оно „новое". [1]) А разъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ, то мы входимъ и въ область новыхъ свойствъ и, стало быть, игнорировать эти свойства и сводить ихъ въ окончательномъ счетѣ на нѣтъ— нелогично и незаконно.

Исходя изъ всего сказаннаго, я нахожу, что въ правѣ съ новой силой повторить то, что я уже высказалъ печатно десять лѣтъ тому назадъ, подкрѣпивъ тогда свое мнѣніе цитатами изъ трудовъ Кольцова и Михайловскаго. Въ существующихъ опытахъ построенія системы соціологіи, писалъ я, [2]) повторяется одинъ общій пріемъ—построенія по одному организаціонному принципу, который принимается за *единственный и исключительный* primus agens въ дѣлѣ образованія юридическихъ (и обще-соціологическихъ) нормъ. Ученые избираютъ тотъ или другой принципъ и, принявъ его за primus agens, излагаютъ систему первобытной (соціальной) жизни, какъ то или иное проявленіе указаннаго организаціоннаго принципа. Я тогда пришелъ къ заключенію и доказательству его посвятилъ весь свой трудъ, начатый еще въ 1884 году, что въ соціальной жизни дѣйствуетъ не одна какая-либо первопричина, а цѣлый рядъ движущихъ основъ и что, хотя одной изъ нихъ и является экономика, но ей не можетъ быть приписано значеніе базиса, по отношенію къ которому всѣ остальныя соціальныя силы имѣютъ значеніе только надстройки. Поворотъ къ идеализму, описанный въ первой части настоящаго обзора, служитъ лучшимъ доказательствомъ справедливости этой мысли и односторонности матеріализма, сознанной въ настоящее время и сторонниками марксизма. Я не говорю уже объ историческомъ значеніи „Бернштеніанства".

Съ матеріалистическимъ монизмомъ я, собственно говоря, могъ бы уже и покончить, чтобы перейти къ разсмотрѣнію собственно „экономическаго" матеріализма, но, имѣя въ виду, что настоящая работа наша представляетъ собой не столько критику разбираемыхъ научныхъ направленій, сколько „обзоръ" трудовъ по интересующей насъ наукѣ и главнымъ образомъ обзоръ трудовъ 1902 г., причемъ отступленія для трудовъ предшествующихъ лѣтъ дѣлались нами только въ интересахъ представленія болѣе полной картины вопроса, по скольку она отразилась въ трудахъ отчетнаго года, мы считаемъ для себя обязательнымъ остановиться еще вкратцѣ на опубликованной въ этомъ году наиболѣе полной и грандіозной попыткѣ

[1]) См. матеріалистическія разсужденія о „новомъ" у Л. Е. Оболенскаго, Исторія мысли, Спб. 1901 г., стр. 343 и слѣд.

[2]) С. Гальперинъ, Очерки первобытн. права, Спб. 1893 г. стр. 2—3.

обхвата всѣхъ явленій міра съ точки зрѣнія одного научнаго принципа, противоположнаго матеріалистической философіи. Я имѣю въ виду трудъ проф. Лейпцигскаго Университета, Вильгельма Оствальда „Натуръ-философія“. Трудъ этотъ, я увѣренъ, не останется безъ глубокаго вліянія на трудахъ соціологическаго свойства. Хотя взгляды Оствальда уже извѣстны міру ученыхъ по отдѣльнымъ его работамъ, но въ цѣльномъ видѣ систематической доктрины философія Оствальда становится достояніемъ науки только въ разсматриваемомъ году. Философія Оствальда—есть философія энергетики и основана на предварительныхъ работахъ Юліуса Роберта Майера, Гельмгольца, Эрнста Маха и др.

„Сопоставленіе понятій „матерія“ и „духъ“, говоритъ Оствальдъ, всегда наталкивалось на значительныя затрудненія. Простое и естественное устраненіе подчиненіемъ обоихъ понятій понятію энергіи кажется мнѣ великимъ пріобрѣтеніемъ: я не сомнѣваюсь, что въ будущемъ развитіи философіи будутъ сдѣланы новые шаги въ этомъ направленіи и... зіяющая пропасть, которая со времень Декарта не перестаетъ раздѣлять матерію и духъ, будетъ заполнена“. [1]) Опуская общую часть книги, относящуюся вообще къ теоріи познанія, займемся существомъ ученія Оствальда. Авторъ ссылается на „классическую“ форму Аристотелевой мысли о „субстанціи“. Въ каждомъ предметѣ онъ принималъ нѣчто неизмѣняемое, что онъ называлъ его субстанціей, и кромѣ того нѣчто измѣнчивое, самаго разнообразнаго рода чему придано было названіе акциденцій. Соглашаясь съ этой формулировкой, Оствальдъ ставитъ слѣдующіе вопросы: 1) что составляетъ самое общее въ явленіяхъ внѣшняго міра, что, слѣдовательно, есть *самая общая субстанція?* и 2) чѣмъ отличаются явленія внѣшняго міра другъ отъ друга и, слѣдовательно, что есть самая общая акциденція? „Отвѣтъ на эти два вопроса можетъ быть данъ при современномъ состояніи нашихъ знаній въ одномъ словѣ. Это слово есть *энергія.* Энергія есть самая общая субстанція, такъ какъ она есть то, что существуетъ во времени и пространствѣ. Она же есть самая общая акциденція, такъ какъ она есть то, что можетъ быть различаемо во времени и пространствѣ“. [2])

Субстанція физики и химіи XIX столѣтія носитъ особое имя *матеріи.* Это, такъ сказать, остатокъ отъ выпариванія, который получился послѣ того, какъ многія субстанціи XVIII столѣтія, въ особенности теплородъ, электрическая и магнитная матерія, свѣтъ и нѣкоторыя другія потеряли съ теченіемъ времени характеръ субстанцій... Трудно вполнѣ опредѣленно установить, что въ настоящее время понимается подъ словомъ „матерія“. Дѣло въ томъ, что, какъ только пытаются установить точныя опредѣленія, то оказывается, что въ большинствѣ случаевъ знаніе этого понятія предполагается заранѣе, и о матеріи судятъ, какъ о чемъ-то само собой разумѣющемся. Тѣмъ не менѣе *свойства* матеріи (т. е. „субстанція“ опредѣляется не сама по себѣ, а по ея свойствамъ) опредѣлены достаточно ясно. Это прежде всего понятіе массы, т. е. (въ данномъ спеціальномъ случаѣ)

[1]) В. Оствальдъ, Натуръ-философія. Пер. съ нѣм. Москва 1902 г. стр. 5—6.
[2]) Оствальдъ, op. cit., стр. 109.

опредѣленіе матеріи въ количествѣ. Далѣе, матеріи свойственны опредѣленныя кечественныя различія, обусловленныя существованіемъ 70-80 элементовъ, которые не могутъ превращаться другъ въ друга. Затѣмъ матеріи свойственны притяженіе въ пространствѣ и ограниченіе формой. Далѣе, матеріи приписывается непроницаемость и, наконецъ, неразрушимость. Сюда причисляются еще нѣкоторыя другія общія свойства, которыя, однако, не относятся къ сущности понятія матеріи. Таковы инерція, тяжесть, дѣлимость и скважность. Къ чему же были направлены эти опредѣленія? Очевидно, что съ помощью ихъ стремились собрать и выдѣлить рядъ общихъ свойствъ, присущихъ вещамъ внѣшняго міра. Требованіемъ опредѣленной ограниченности и осязаемости, которыя все болѣе связывали съ понятіемъ вещества, было получено ограниченіе, относящееся къ вещамъ, обладающимъ массой и вѣсомъ. Но этимъ были исключены многія, весьма важныя явленія, какъ, напримѣръ, явленія свѣта и электричества. Эти явленія совершаются, повидимому, въ пространствѣ, *свободномъ отъ матеріи*, доходя отъ звѣздъ и солнца до земли и на этомъ пространствѣ не связанныя ни съ чѣмъ матерьяльнымъ. Правда, пытались заполнить этотъ грубый пробѣлъ принятіемъ *нематеріальной матеріи*, т. е. такой матеріи, которая не обладаетъ вышеуказанными свойствами, но, наоборотъ, можетъ быть *носителемъ* нѣкоторыхъ другихъ свойствъ или состояній. Эта матерія есть такъ называемый эѳиръ. [1])

Но всѣ попытки формулировать свойства эфира по аналогіи съ извѣстными свойствами матеріи привели къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Въ концѣ столѣтія былъ, какъ извѣстно, открытъ законъ неизмѣняемости общаго вѣса тѣлъ. Съ этихъ поръ стали называть субстанціей или матеріей только вѣсомыя вещи. Между тѣмъ вѣсомыя вещества ничуть не являются единственными веществами, которыя получаются при всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Свойство сохраненія, т. е. свойство не уничтожаться и не создаваться вновь, присуще и нѣкоторымъ другимъ невѣсомымъ величинамъ. Таково, напримѣръ, количество электричества, которое также не можетъ быть измѣнено никакимъ извѣстнымъ процессомъ, если складывать положительныя и отрицательныя количества, принимая во вниманіе ихъ знакъ. Наконецъ, существуетъ еще величина, которая называется работой или энергіей, и сохраненіе которой извѣстно и признано съ середины XIX столѣтія. И она, слѣдовательно, должна быть отнесена къ вещамъ, которыя не уничтожаются и не могутъ быть созданы. Всѣ понятія этихъ, подлежащихъ сохраненію, величинъ за исключеніемъ понятія энергіи, находятъ лишь весьма ограниченное примѣненіе въ явленіяхъ природы. Единственно только энергія встрѣчается во всѣхъ безъ исключенія извѣстныхъ явленіяхъ природы или, другими словами, *всѣ явленія природы могутъ быть подчинены понятію энергіи*. Это понятіе, слѣдовательно, оказывается наиболѣе способнымъ разрѣшить проблему, заключающуюся въ понятіи субстанціи и не разрѣшенную еще понятіемъ матеріи.[2]) Законъ превращенія

[1]) Оствальдъ, стр. 111—112.
[2]) Оствальдъ, стр. 113.

энергіи, заключающійся въ томъ, что одна работа можетъ быть превращена въ другую, связанный съ пріемами измѣренія работы (дины, эрги), приводитъ къ выводу, что энергія есть работа или все, что изъ работы возникаетъ и въ нее превращается. [1])

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изображенію весьма интересной „энергетической картины міра“. Лишь послѣ того, какъ прошло 50 лѣтъ со времени открытія закона энергіи, былъ серьезно изслѣдованъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся между собой матерія и энергія. Въ противовѣсъ мнѣнію, принятому вначалѣ, что онѣ— равнозначныя понятія, мало-по-малу развивалось воззрѣніе, что отношеніе между ними еще тѣснѣе, а именно, что онѣ не раздѣлимы. Долго не рѣшались понимать энергію безъ матеріи или по крайней мѣрѣ полагали, что матерія является *носителемъ* различныхъ энергій. Авторъ, однако, полагаетъ, что картина міра можетъ быть дана и объяснена, пользуясь исключительно энергетикой, безъ помощи „носителя“ энергіи. Прежде всего при этомъ возникаетъ слѣдующая проблема. „При нашемъ обычномъ созерцаніи міра мы прежде всего видимъ твердыя тѣла доступныя осязанію. Рядомъ съ ними существуютъ еще жидкія и газообразныя тѣла, которыя вмѣстѣ съ первыми и составляютъ то, что мы называемъ матеріей или веществомъ. Какъ понимать намъ матерію и тѣла съ точки зрѣнія энергетики? Авторъ отвѣчаетъ, что работа, или энергія, поглощенная упругимъ тѣломъ, зависитъ отъ его формы и, потому, называется энергіей формы. Фактъ сохраненія формы твердымъ тѣломъ есть ни что иное, какъ необходимое слѣдствіе закона сохраненія энергіи. [2])

Форму твердаго тѣла можно измѣнять не только сгибаніемъ или крученіемъ, но и всестороннимъ сжатіемъ. Оно при этомъ остается геометрически себѣ подобнымъ и получаетъ только меньшій объемъ. Этому соотвѣтствуетъ опредѣленная величина работы и такъ какъ послѣдняя здѣсь зависитъ отъ объема, то соотвѣтствующая энергія называется энергіей объема. Далѣе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится энергія формы, находятся всегда и другія энергіи. Осязаемыя тѣла, обладаютъ также вѣсомъ и массой, хотя, наоборотъ, пространства, обладаютъ вѣсомъ и массой, не всегда обнаруживаютъ осязаемое содержаніе, какъ, напримѣръ, у газовъ, въ которыхъ это свойство становится замѣтнымъ только при особыхъ условіяхъ. На вопросъ, почему энергія формы является всегда совмѣстной съ энергіей тяжести, отвѣтить не трудно. „Представимъ себѣ, говоритъ Оствальдъ, что существуетъ такое тѣло, которое не имѣетъ тяжести, т. е. удаленіе котораго отъ земли можетъ совершиться безъ работы. Въ такомъ случаѣ это тѣло исчезло бы изъ круга нашего зрѣнія.. Не было бы причинъ для возвращенія этого тѣла на землю. Поэтому все то, что остается на землѣ, должно имѣть тяжесть, и во всемъ нашемъ обиходѣ мы можемъ найти только такія ограниченныя области энергіи, которыя въ то же время содержатъ энергію тяжести. Существуетъ только одно исключеніе изъ этого правила. Это исключеніе въ нѣкоторомъ смыслѣ составляетъ лучистая энергія: она свободна отъ

[1]) Оствальдъ, стр. 118.
[2]) Оствальдъ, стр. 124.

тяжести и тѣмъ не менѣе мы знаемъ о ея присутствіи на землѣ. Но лучистая энергія посѣщаетъ нашу землю только на мигъ и тотчасъ же снова удаляется въ міровое пространство, если она не превращается въ другія формы энергіи, которыя опять связаны съ энергіей тяжести“ [1])

Такого же рода разсужденія могутъ быть приведены относительно другихъ родовъ энергіи. И именно совмѣстное существованіе различныхъ энергій есть необходимое условіе того, что мы вообще знаемъ что нибудь объ нихъ. У насъ есть только свѣдѣнія о пространствахъ, гдѣ эти энергіи встрѣчаются совмѣстно; онѣ могутъ существовать и отдѣльно, но такія энергіи не могутъ переходить на наши чувства или измѣрительные приборы и поэтому не входятъ въ составъ нашей картины міра. Что затѣмъ касается „загадки“ тяготѣнія, то она, по Оствальду, разрѣшается въ фактъ энергіи разстоянія. [2]) Съ энергетической точки зрѣнія должна быть разсмотрѣна и теплота, что и составляетъ предметъ изученія термодинамики, которую Оствальдъ называетъ „чистой энергетикой“. [3])

Съ той же точки зрѣнія разсматриваются и другіе роды энергіи (электрическая, магнитная), причемъ оказывается, что самымъ важнымъ результатомъ этого изученія является разложеніе матеріи на пространственно соподчиненный комплексъ извѣстныхъ энергій. Мыслители всѣхъ направленій не переставали указывать на противоположность и все-же неотдѣлимость матеріи и ея силъ, но даже очень смѣлые мыслители не рѣшались пренебречь однимъ факторомъ въ пользу другого. Сохраненіе этого „нежелательнаго“ дуализма обусловлено, конечно, прежде всего тѣмъ, что неизвѣстна была причина, почему различныя „силы“ должны оставаться пространственно связанными, если онѣ не удерживаются какимъ-нибудь „носителемъ“, независимымъ отъ нихъ. Но эта причина, не могущая быть указана a priori, убѣждаетъ насъ a posteriori въ томъ, что мы сознаемъ только такія сочетанія энергіи, въ которыхъ эта связь существуетъ. Отсюда не слѣдуетъ, что могутъ быть случаи, когда этой связи нѣтъ... Но тогда мы только не познаемъ этого явленія. [4])

Если законъ сохраненія энергіи, или первый основной принципъ энергетики, даетъ намъ объясненіе объ отношеніяхъ, въ которыхъ находятся опредѣленныя количества энергіи при *превращеніи* ихъ другъ въ друга, то этотъ принципъ не разъясняетъ вопроса о томъ, какія условія должны быть выполнены для того, чтобы вообще могло наступить превращеніе энергіи. Для формулировки второго принципа энергетики, отвѣчающаго на данный вопросъ, служатъ изслѣдованія, начатыя еще Галилеемъ о случаяхъ безразличнаго и устойчиваго равновѣсія. Въ окончательномъ выводѣ для сего служитъ законъ, формулированный наиболѣе полно Гельмомъ, а именно: для того, чтобы что-либо произошло въ существующихъ энергіяхъ, должны существовать различія въ степени интенсивности. Стало-быть, если

[1]) Оствальдъ, стр. 132—133.
[2]) Оствальдъ, стр. 143.
[3]) Оствальдъ, гл X, особ. стр. 159.
[4]) Оствальдъ, стр. 180.

такихъ различій нѣтъ, ничего не можетъ произойти. Затѣмъ, путемъ послѣдовательныхъ разсужденій, мы приходимъ къ заключенію, что только такія энергіи могутъ сохраняться въ видѣ пространственно-обособленныхъ и стало быть доступныхъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ явленій, которыя, будучи связаны съ другими энергіями, образуютъ *сложное равновѣсіе*, въ которомъ внезапныя измѣненія (скачки) интенсивности одной формы уравновѣшиваются такими же измѣненіями интенсивности другой формы. А отсюда уже понятно, что потребность въ „носителѣ“ различныхъ энергій исчезаетъ и одновременно исчезаетъ „матерія“, уступая мѣсто энергіи. [1])

Оставляя въ сторонѣ разсужденія автора спеціальнаго характера и сокращая передачу его крайне интереснаго труда въ виду того, что намъ предстоитъ по возможности скорѣе перейти къ изложенію предмета, составляющаго непосредственный объектъ настоящей части нашего обзора, замѣтимъ, что проф. Оствальдъ, слѣдуя Майеру, разрѣшаетъ вопросъ о „причинности“ явленій,—съ точки зрѣнія энергетики, чрезвычайно остроумно. Еще Майеръ выставилъ положеніе, что причина количественно равна слѣдствію, и что для того, чтобы наступило слѣдствіе, причина должна быть истраченной (д. б. истрачена энергія, въ видѣ работы). Такимъ образомъ законъ причинности становится тождественнымъ съ закономъ превращенія и сохраненія энергій. Поэтому безъ эквивалентнаго превращенія одной или нѣсколькихъ формъ энергіи въ другія ничто совершиться не можетъ.

Объясненіе жизни съ точки зрѣнія энергетики становится, въ виду предшествующихъ разсужденій, понятнымъ само собой. Характернымъ признакомъ всѣхъ живыхъ существъ является потокъ энергіи. Происходящій здѣсь процессъ большею частью называется именемъ обмѣна веществъ. Но, если въ неорганическихъ образованіяхъ происходятъ только такія измѣненія энергіи, которыя обусловлены ихъ свойствами и окружающей средой и въ этихъ измѣненіяхъ нельзя замѣтить никакой тенденціи, направленной къ сохраненію энергіи или созданію ея вновь, то у живыхъ существъ дѣло обстоитъ иначе. Они обладаютъ способностью *удерживать* извѣстныя состоянія даже въ томъ случаѣ, когда воздѣйствія среды измѣняются, напримѣръ измѣняется температура. Въ этой способности самосохраненія мы должны усмотрѣть самое существенное свойство живыхъ существъ. [2]) Живыя существа обладаютъ такимъ свойствомъ, что сами пріобрѣтаютъ тотъ запасъ энергіи, который имъ необходимъ для сохраненія своего стаціонарнаго состоянія. Фактъ размноженія организмовъ можно считать новымъ существеннымъ признакомъ жизни. Но и это новое явленіе Оствальдъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ разсматривать, какъ часть самосохраненія. Съ точки зрѣнія примѣненія энергіи къ живымъ существамъ оказывается, что исходной формой для всѣхъ другихъ дѣятельностей является *химическая* энергія. Въ этомъ энергетика сходится съ матеріализмомъ и потому это не требуетъ подробнаго объ-

---

[1]) Ibidem стр. 194.
[2]) Оствальдъ, стр. 229—230.

ясненія. Но откуда-же организмы получаютъ эту энергію? Одни (растенія) питаются лучистой энергіей, другіе (всѣ прочіе организмы) химической энергіей. Лучистая энергія, имѣющая здѣсь форму солнечнаго луча, превращается растеніемъ въ химическую энергію, которая и накопляется здѣсь въ формѣ химическихъ соединеній (бѣлки). Энергія эта накопляется и между прочимъ извѣстна въ формѣ запасовъ сохраненной энергіи—каменнаго угля. Дальнѣйшій „круговоротъ жизни“ понятенъ и мы на немъ не будемъ останавливаться. Существуетъ нѣсколько средствъ (собственно три) регулированія скорости химическихъ р акцій, изъ коихъ одно средство всего болѣе употребляется организмами и только въ послѣднее время начинаетъ примѣняться въ техникѣ. Причина послѣдняго явленія объясняется тѣмъ, что научное изслѣдованіе этого средства появилась лишь въ самое послѣднее время. Это средство называется катализомъ и заключается въ ускореніи реакціи, благодаря присутствію другихъ веществъ, не подвергаемыхъ измѣненію (хотя иногда и это случается), но вліяющихъ такъ, что какъ будто изъ-за нихъ измѣняется единица времени, необходимой для реакціи.

Затѣмъ проф. Оствальдъ замѣчаетъ, что въ общихъ разсужденіяхъ относительно условій накопленія и траты энергій у живыхъ существъ мы не разъ наталкиваемся на *новое понятіе*, которое въ неорганическомъ мірѣ намъ не встрѣчалось—это именно понятіе *цѣлесообразности*. [1]) Допущеніе „созданія“ организмовъ по принципу обладанія организмами особымъ „духомъ“, руководящимъ ихъ дѣйствіями въ отношеніи новыхъ и непривычныхъ явленій, оказалось ненаучнымъ и потому наука искала новыхъ объясненій этого рода явленій. Самой плодотворной идеей въ этомъ отношеніи оказалась идея *самодѣятельнаго подбора* (сравн., однако, выше замѣчанія Михайловскаго) того, что наиболѣе приспособлено къ даннымъ условіямъ вслѣдствіе исчезанія всего неприспособленнаго или нецѣлесообразнаго. Примѣненіе дарвинизма къ энергетикѣ жизни составляетъ обоснованіе данной мысли Оствадьда. Далѣе авторъ прилагаетъ ученіе объ энергетикѣ къ психеѣ и съ этой точки зрѣнія изучаетъ раздражимость и память. Это именно распространеніе раздраженія по нерву и затѣмъ не распространеніе дѣйствующей энергіи по нерву непосредственно, а обладаніе нервомъ на всемъ его протяженіи способностью *превращать* сообщенную ему энергію самаго различнаго рода въ нѣкоторую неизвѣстную намъ энергію, которую должно назвать *энергіей нервной*. Такимъ же образомъ въ духовныхъ процессахъ возникаетъ и подвергается различнымъ превращеніямъ особый родъ энергіи, который авторъ называетъ „духовной“ энергіей. [2]) Далѣе Оствальдъ говоритъ: „Новѣйшее ученіе психо-физическаго параллелизма исходитъ изъ допущенія, что каждому духовному явленію соотвѣтствуетъ явленіе физическое и, по скольку это допущеніе могло быть провѣрено, оно постоянно подтверждалось. Матеріалисты, съ своей стороны, принимаютъ, что духъ есть только дѣйствіе матеріи, и для подтвержденія этого весьма распространеннаго міровоззрѣнія

[1]) Оствальдъ, стр. 243.
[2]) Оствальдъ, стр. 276.

приводится значительное число фактовъ опыта. Энергетика можетъ удовлетворить и тѣхъ и другихъ, потомучто „физическое явленіе“ и „дѣйствіе матеріи“ въ нашемъ смыслѣ не что иное, какъ измѣненіе энергіи. [1])

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, ученіе совершенно противоположное матеріализму. Я не отрицаю того, что эта, грандіозная по своему обхвату, концепція еще далеко не вполнѣ обоснована, въ особенности въ части соотвѣтствія ея съ нѣкоторыми основами термодинамики, напримѣръ съ закономъ Карно—это часть наиболѣе слабо обоснованная,—полагаю, что приверженцамъ „энергетики“ придется считаться въ весьма сильными возраженіями спеціалистовъ, [2]) но тѣмъ не менѣе для насъ эта концепція важна, какъ критика исключительнаго матеріализма. Я сказалъ выше, что исторія энергетики должна оказать вліяніе на труды обще-философскаго и соціологическаго характера, не говоря уже о трудахъ спеціальнаго свойства. Къ числу послѣднихъ можно отнести популярное изложеніе основъ физическихъ наукъ со стороны Дж. Клерка Максвелля. [3]) Прежде всего теорія энергетики отразилась на трудахъ психо-физіологическихъ. Такъ, напримѣръ, проф. Бахметьевъ напечаталъ въ отчетномъ году интересную работу о сѣдалищѣ души. [4]) Какъ извѣстно, во взглядахъ на значеніе „души“ ученые раздѣляются на два лагеря: немногочисленныхъ представителей витализма (покойный Вирховъ, Риндфлейшъ, Бунге, Бороздинъ и др.) и представителей реализма или взгляда механистическаго, т. е. матеріалистическаго. По мнѣнію проф. Бахметьева къ послѣднему направленію принадлежитъ по крайней мѣрѣ 95 % всѣхъ ученыхъ. Для представителей психо-физическаго матеріализма явленіе анабіоза, или явленія, когда животный или растительный организмъ, не проявляющій никакихъ признаковъ жизни, при благопріятныхъ условіяхъ опять оживаетъ, [5]) считалось однимъ изъ доказательствъ ихъ гипотезы о механическихъ основахъ психеи. Проф. Бмахметьевъ настаиваетъ на томъ, что анабіоза въ абсолютномъ смыслѣ, т, е. въ смыслѣ дѣйствительнаго оживанія, т. е. наступленія условій, при которыхъ мертвая комбинація механохимическихъ моментовъ становится живой.—не существуетъ, ибо анабіозъ сводится лишь къ тому, что жизнь клѣтки можно довести до извѣстнаго минимума, причемъ жизнь ея будетъ тлѣть, [6]) но это все-таки будетъ жизнь, а не сочетаніе механо-химическихъ моментовъ. Въ статьѣ о „сѣдалищѣ души“ проф. Бахметьевъ задается слѣдующимъ вопросомъ: „если анабіоза не существуетъ, то можетъ быть онъ можетъ существовать, если удастся приготовить синтетически клѣтку съ ея содержимымъ въ томъ смыслѣ, какъ это

[1]) Оствальдъ, стр. 292—93.

[2]) См. напр. М. Планка, Лекціи по термодинамикѣ, перев. съ нѣм. Спб. 1900 г. стр. 69 и др.

[3]) Максвелль, Матерія и движеніе, перев. съ англ. Спб. 1899 г., особ. стр. 101 и слѣд.

[4]) Н. Бахметьевъ, Сѣдалище души. Научн. обозр. 1902 г. №№ 9 и 10.

[5]) Бахметьевъ, Анабіозъ. Научн. Обозр. 1900 г. № 1, стр. 17; Шимкевичъ, Біологич. основы зоологіи, стр. 11.

[6]) Бахметьевъ, Анабіозъ, стр. 28.

характеризуетъ извѣстный ботаникъ Ю. Саксъ, т. е. въ смыслѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній и опредѣленнаго распредѣленія молекулъ этихъ соединеній. (Вспомнимъ все сказанное выше по поводу прогноза Либиха). Вопросъ сводится къ слѣдующему: можетъ ли искусственно приготовленная клѣтка тотчасъ же послѣ своего приготовленія „зажить“ жизнію своихъ подругъ, происшедшихъ естественнымъ путемъ, или въ такую клѣтку нужно сначала „вдунуть душу, а иначе сѣдалище останется „бездушнымъ?“. [1]) Ища „сѣдалища души“, т. е. того элемента, гдѣ она „появляется“, наука спускается отъ человѣка къ клѣткѣ, отъ клѣтки животной, къ клѣткѣ растительной, а въ послѣдней перестаетъ считаться съ протоплазмой и придаетъ рѣшающее значеніе ядру. Но и ядро состоитъ изъ различныхъ веществъ и ядрышка, а эти изъ молекулъ, молекулы же изъ атомовъ. Гдѣ же находится теперь сѣдалище „дифференціальной души“ (названіе, отличающее эту „душу“ отъ души высокоорганизованнаго вещества, которая представляетъ интегралъ отдѣльныхъ „клѣточныхъ душъ“. Ср. въ моей „Органической теоріи строенія и развитія общества“ отзывъ о рѣчи Геккеля, изложенной въ брошюрѣ „Клѣточныя души и душевныя клѣтки“, Кіевъ 1880 г.). Рядъ интересныхъ опытовъ, произведенныхъ проф. Бахметьевымъ въ разбираемой нами статьѣ и опубликованныхъ имъ еще впервые въ 1900 г. въ запискахъ Императорской Академіи Наукъ, приводитъ автора къ слѣдующему отвѣту на поставленный вопросъ. Аналогіи между явленіями рожденія, [2]) питанія и роста, [3]) борьбы за существованіе и даже между явленіями „анабіоза“ (? слѣдовало избрать другое наименованіе) кристалловъ и другихъ организмовъ приводитъ къ необходимости расширить нижніе предѣлы понятія о жизни и перенести пограничные столбы между организованными и неорганизованными тѣлами, Но куда? спрашиваетъ проф. Бахметьевъ, [4]) и отвѣчаетъ, что „сѣдалище души“ должно быть перенесено въ жидкую неорганизованную молекулу. При этомъ, однако, является вопросъ, представляетъ ли такая жидкая молекула *недѣлимое* въ смыслѣ „сѣдалища души?“ На это авторъ отвѣчаетъ, что разъ мы вынуждены разломать стѣну, отдѣлявшую царство животныхъ и растеній отъ царства минеральнаго, то нѣтъ причинъ останавливаться и на комплексѣ газовыхъ молекулъ, представляющихъ молекулу жидкую. Однако, попытки объяснить всѣ эти явленія только механическимъ движеніемъ, хотя бы даже и путемъ допущенія гипотезы эфира, оказались неудачными и это обстоятельство привело проф. Оствальда къ орицанію матеріи, какъ таковой. Далѣе проф. Бахметьевъ говоритъ „утвержденіе, что всѣ природныя явленія можно свести въ послѣднемъ счетѣ на механическія, нельзя даже назвать удобной рабочей гипотезой: она представляетъ чистую ошибку“. [5]) Отсюда авторъ приходитъ къ выводу, что „жизнедѣятельность“ присуща матеріи до

---

[1]) Бахметьевъ, Сѣдалище души. Научн. Обозр. 1902 г. № 9, стр. 1.
[2]) Бахметьевъ, Сѣдалище души, Научн. Обозр. 1902 г. № 10, стр 23.
[3]) Тамъ-же, стр. 24.
[4]) Тамъ-же, стр. 37.
[5]) Тамъ-же, стр. 38.

мельчайшихъ ея раздѣленій; если же измѣнится взглядъ на матерію, соотвѣтственно идеѣ Оствальда, то душа будетъ тогда фигурировать въ одномъ изъ отдѣловъ энергетики, но опять таки какъ „вездѣсущее“. (Сравн. интересный очеркъ *Бючли*: Механизмъ и витализмъ“, Русская мысль 1902 г. №№ 11 и 12).

Оставляя въ сторонѣ крайнюю спорность личнаго взгляда автора, выражающагося въ формулѣ „жизнедѣятельность присуща матеріи (или энергіи) до мельчайшихъ ея подраздѣленій“, скажемъ, что подрывъ „исключительнаго матеріализма“ замѣчается во всѣхъ отдѣлахъ науки. Фактъ весьма знаменательный. Фактъ этотъ получаетъ особое значеніе въ виду того, что проявляется эта тенденція въ лагерѣ самыхъ матеріалистовъ, такъ какъ „поворотъ“ въ сторону идеализма провозглашенъ именно ими. Вѣдь для не-матеріалистовъ это не „поворотъ“, а простое развитіе болѣе раннихъ, никогда ими не оставлявшихся вглядовъ Укажемъ еще на одинъ „подрывъ“ исключительнаго матеріализма, на этотъ разъ въ области чистой психологіи. Проф Г. И. Челпановъ, въ статьѣ „Объ измѣреніи псхическихъ явленій“, [1]) задается вопросомъ: „можно ли измѣрить психическія явленія“? И отвѣчаетъ, что измѣрить можно (и даже показываетъ, какъ производится это измѣреніе) и что на этомъ основаніи многими учеными сдѣланъ выводъ, что если психическія явленія можно измѣрить, то это показываетъ, что явленія психическія обладаютъ матеріальной природой. Нашъ авторъ, однако, думаетъ, что, хотя психическія явленія въ самомъ дѣлѣ измѣряются, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать того вывода, который обыкновенно дѣлается, [2]) Проф. Челпановъ доказываетъ, что психическія явленія дѣйствительно могутъ быть измѣряемы, но понятіе „измѣренія“ въ примѣненіи къ этимъ явленіямъ употребляется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ примѣненіи къ явленіямъ физическимъ. Процессъ измѣренія состоитъ въ сравненіи измѣряемаго явленія съ другимъ, которое мы называемъ *единицей* (напримѣръ, калорій—единица теплоты, лошадинная сила для измѣренія силы машины и т. п.). Разумѣется необходимо, чтобы единица измѣренія отличалась устойчивостью и опредѣленностью; необходимо, чтобы самый процессъ измѣренія былъ опредѣленный и точный. Съ этой именно точки зрѣнія долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о возможности измѣренія психическихъ процессовъ. Существуетъ-ли такая единица мѣры и какъ она примѣняется къ процессу измѣренія психическихъ явленій? При измѣреніи должно отличать интенсивность, силу процессовъ, главнымъ образомъ ощущеній, и быстроту или скорость психическихъ процессовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пріемы измѣренія совершенно различны. И вотъ при измѣреніи интенсивности психическихъ процессовъ самъ собой возникаетъ вопросъ: а гдѣ-же та единица, при помощи которой мы могли бы опредѣлить,

---

[1]) Міръ Божій 1899 г. № 1 и 2. Статья эта вошла въ трудъ Челпанова „Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ соврем. ученій о душѣ“ Спб. 1900 г., Лекціи 14 и 15.

[2]) Челпановъ, Объ измѣреніи психич. явленій, Міръ Божій 1899 г. № 1, стр. 149.

что одно ощущеніе больше другого во столько-то разъ? Такой единицы нѣтъ. Можно только сказать, что одно ощущеніе интенсивнѣе другого (напримѣръ, ощущеніе пушечнаго выстрѣла въ сравненіи съ пистолетнымъ), но сказать, во сколько разъ одно ощущеніе сильнѣе другого, мы совершенно не въ состояніи. Числовыя единицы здѣсь примѣнены быть не могутъ. Послѣ описанія спеціальной стороны дѣла, не имѣющей значенія для задачи настоящаго обзора, авторъ заключаетъ, что измѣреніе возможно, но что отсюда нельзя сдѣлать выводъ о матеріальной природѣ психическихъ явленій. [1]) Положеніе, что психическіе процессы обладаютъ матерьяльной природой, потому что можетъ быть измѣрена ихъ скорость, грѣшитъ противъ логики, ибо здѣсь не замѣчается двусмысленность выраженій „измѣрять мѣрами протяженности *пространственной*“ и „мѣрами протяженности *временной*“. Между явленіями, совершающимися въ пространствѣ и явленіями, совершающимися только во времени, существуетъ различіе, которое совершенно не дозволяетъ отождествлять ихъ другъ съ другомъ. Итакъ, измѣреніе психическихъ явленій не даетъ права отождествлять ихъ съ явленіями физическими. Въ виду субъективнаго характера времени, измѣренія при помощи временной протяженности совсѣмъ не доказываютъ этого тождества. Сказать, что психическія явленія измѣряются единицами времени, значитъ другими словами сказать, что они совершаются въ сознаніи, что они имѣютъ только субъективную реальность, т. е, что они не матерьяльны. [2]) Поэтому нужно придти къ выводу, что психическіе процессы параллельны физическимъ (Фехнеръ).

Замѣтимъ, что проф. Челпановъ, становясь рѣшительно на сторону противниковъ матеріализма, заявляетъ по поводу спора проф. Оствальда противъ самаго понятія матеріи, которое онъ считаетъ метафизическимъ, что „къ какимъ бы выводамъ не приходили химики, будутъ-ли они принимать энергію вмѣсто матеріи или наоборотъ, для насъ это безразлично; мы въ томъ и другомъ случаѣ будемъ имѣть дѣло съ явленіями, совершающимися въ пространствѣ; къ нимъ всецѣло примѣнимы категоріи протяженности, и энергія всегда останется отличной отъ психическихъ явленій, къ которымъ категоріи протяженности не примѣнимы и которыя ничего общаго съ физической энергіей не имѣютъ“. [3]) Это, стало быть, отрицаніе исключительнаго матеріализма и исключительнаго энергетизма, хотя въ то-же время авторъ находитъ и доказываетъ, что законъ сохраненія энергіи отнюдь не противорѣчитъ теоріи взаимодѣйствія между физическими и психическими явленіями. [4]) Приведя точку зрѣнія Зигварта и Штумфа, заключающуюся въ признаніи на ряду съ физической энергіей энергіи *психической*, которая можетъ превращаться въ физическую и наоборотъ, каковое признаніе стоитъ въ логической связи съ закономъ сохраненія энергіи, проф. Челпановъ

---

[1]) Челпановъ, op. cit. Міръ Божій 1899 г. № 2, стр. 125 и слѣд.

[2]) Челпановъ, op. cit. Міръ Божій 1899 г. № 2, стр. 134. Ср. его-же „Мозгъ и душа“, стр. 143 и слѣд. и друг.

[3]) Челпановъ, Мозгъ и душа, стр. 151, примѣч.

[4]) Тамъ-же, стр. 334—338, 341.

замѣчаетъ, что этотъ взглядъ сходенъ съ взглядомъ Оствальда на энергію. Не отвергая этого ученія по существу, авторъ находитъ, однако, что въ виду того, что толкованія Зигварта и Штумфа основаны на нашемъ незнаніи физическихъ процессовъ, находящихся въ связи съ психическими, онъ предпочитаетъ толкованіе, при которомъ законъ сохраненія энергіи остается нетронутымъ и которое основывается, главнымъ образомъ, на логическомъ анализѣ *понятія причинности*. Обыкновенно кажется. говоритъ проф. Челпановъ, что причинное отношеніе въ мірѣ физическомъ въ высшей степени просто и понятно, а причинное отношеніе между психическимъ и физическимъ совсѣмъ не понятно. Если движущійся шаръ, встрѣчая на пути другой, приводитъ его въ движеніе, то мы говоримъ, что движеніе перваго является причиной движенія втораго. Но если вслѣдъ за волевымъ рѣшеніемъ возникаетъ движеніе руки, то кажется, что причинное отношеніе между однимъ и другимъ не понятно. Въ дѣйствительности же одно не болѣе понятно другого: болѣе того, мы понимаемъ причинность перваго явленія потому, что уже знакомы со вторымъ. Это соображеніе показываетъ, что у насъ собственно нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность причиннаго отношенія между физическимъ и психическимъ, что собственно и характерно для взаимодѣйствія. Затѣмъ нужно замѣтить, что въ обиходной жизни мы подъ словомъ причина обыкновенно понимаемъ *одно* изъ предшествующихъ условій какого-нибудь дѣйствія, часто забывая, что каждое дѣйствіе опредѣляется цѣлымъ *рядомъ* условій, изъ которыхъ мы выбираемъ одно какое-нибудь для удобства. Строго говоря, каждая причина есть, такъ сказать, *частичная* причина, каждое дѣйствіе всегда опредѣляется *совокупностью* причинъ. [1]) Примѣненіе такого же рода мыслей къ явленіямъ соціологическаго характера заставило меня 10 лѣтъ тому назадъ придти къ выводу, что причинность въ мірѣ соціальныхъ явленій не можетъ быть сведена къ одному какому-либо, такъ сказать ячеичному началу и что въ соціологіи должно быть допущено многообразіе дѣйствующихъ силъ. [2])

Приводимъ еще слѣдующія слова проф. Челпанова: „Вообще слѣдуетъ признать, что провести монистическій принципъ вполнѣ послѣдовательно оказывается дѣломъ довольно труднымъ (только? я думаю невозможнымъ). Въ „Системѣ философіи“ Вундта признается органическая *цѣлесообразность* и объясняется тѣмъ, что воля, разумѣется міровая, вмѣшивается въ теченіе естественныхъ явленій и опредѣляетъ ихъ. Вообще Вундтъ не находитъ возможнымъ объяснять органическую жизнь механическими причинами и признаетъ *вмѣшательство воли* въ нее. Если такой выдающійся писатель, какъ Вундтъ, не могъ провести послѣдовательно принципа монизма, то это ясно указываетъ на недостаточность самого принципа и потому, кажется, что въ настоящее время на вопросъ, что можно считать болѣе правильнымъ, монизмъ или дуализмъ (или даже плюрализмъ?), слѣдовало бы отвѣтить, что дуализмъ, признающій матеріальный и

[1]) Тамъ же, стр. 339.

[2]) С. И. Гальперинъ, Очерки первоб. права, Спб. 1893 г., стр. 3 и слѣд.

особенный духовный принципъ, во всякомъ случаѣ лучше объясняетъ явленія, чѣмъ монизмъ. [1])

III.

Какъ видимъ изъ всего сказаннаго, отмѣченный выше поворотъ къ идеализму, сказавшійся даже на представителяхъ марксизма, стоитъ въ значительномъ соотвѣтствіи съ только что цитированнымъ мнѣніемъ проф. Челпанова. На той же почвѣ стоитъ и извѣстный психологъ Александръ Бэнъ. [2]) Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о соотношеніи каузальнаго и финальнаго началъ въ общественной жизни. Многіе марксисты, оказывается, дѣлаютъ уступки и въ этомъ отношеніи. Такъ, Штаммлеръ заявляетъ, что тамъ, гдѣ „причины и слѣдствія“ отказываются служить намъ, мы имѣемъ полное право прибѣгнуть къ помощи телеологическихъ формъ мышленія и вмѣсто понятій: „причина и слѣдствіе“, взять, какъ орудіе для научнаго построенія, понятія „цѣль и средства“. [3]) Введеніе понятія „цѣли“ весьма знаменательно для школы, исходившей изъ ученія объ исключительномъ господствѣ причинности въ соціальной жизни. Правда, здѣсь мы видимъ еще только начало уступокъ, но все-же это уже „подрывъ“ подъ ученіе монистическаго матеріализма и притомъ подрывъ въ лагерѣ самихъ марксистовъ. Я не вхожу здѣсь въ критику этой части ученія Штаммлера со стороны г. Гайдарова, потому что считаю это несущественнымъ для принятой много на себя задачи, замѣчу только, что возраженія г. Гайдарова [4]) не сводятся къ отрицанію самого принципа законности телеологіи въ мірѣ соціальныхъ явленій, а лишь направлены къ установленію соотвѣтствія между цѣлью и средствомъ съ одной стороны и причиной и слѣдствіемъ съ другой. Гораздо больше интереса для выполняемой нами задачи имѣетъ другая работа, разсматривающая проблему о соотношеніи между „свободой и исторической необходимостью“ въ связи съ ученіемъ Штаммлера и критикой этого ученія со стороны проф Булгакова. Я имѣю въ виду соотвѣтствующую работу г. П. Струве, впервые напечатанную еще въ 1897 г., но вновь изданную въ году, обзоръ трудовъ коего входитъ въ нашу непосредственную задачу. [5]) Разсмотрѣвъ вопросъ о свободѣ съ философской точки зрѣнія, г. Струве затѣмъ говоритъ: „заслугу Штаммлера я вижу, между прочимъ, въ ясной постановкѣ противорѣчія между свободой и необходимостью. Такая постановка была важна для критики и самокритики матеріалистическаго пониманія исторіи, которое... истолковываетъ свободу, какъ „познаніе необходимости“. [6]) Въ послѣднемъ смыслѣ понимаемая „свобода“ заключается въ томъ, что познаніе людьми объективной необходимости даннаго хода раз-

[1]) Челпановъ, Мозгъ и душа, стр 343—344. Ср. по этому вопросу еще: Н. Умова, Физико-механич. модель живой матеріи. Русск. Мысль, 1902 г. № 2, особ. стр. 1, 4, 9 и 14—15, а также: Бючли, Механизмъ и витализмъ. Русск. Мысль 1902 г. №№ 11 и 12.

[2]) А. Бэнъ, Душа и тѣло, 3 русск. изданіе, Кіевъ 1900 г., особ. стр. 25 и слѣд.

[3]) Гайдаровъ, Рудольфъ Штаммлеръ и его теорія, Русск. Богат. 1902 г. № 10, стр. 42.

[4]) Гайдаровъ, op. cit. стр. 54—55.

[5]) П. Струве, На разныя темы. Спб. 1902 г., стр. 487 и слѣд.

[6]) Струве, op. cit., стр. 500.

витія общества ведетъ къ свободѣ цѣлесообразной дѣятельности въ данномъ направленіи. Это, какъ видимъ, начало уступокъ, въ томъ-же смыслѣ, какъ это сдѣлано Штаммлеромъ, для котораго цѣлесообразность заключается въ *объективно-мотивированномъ* поступкѣ.

Въ указанномъ отношеніи я не вижу особенной разницы между взглядами Струве и сторонниковъ „субъективной“ или „этической“ соціологіи. Послѣдніе, настаивая на активной роли идеаловъ въ ходѣ историческаго процесса, не приписываютъ этимъ идеаламъ какого-то метафизическаго значенія и трансцедентнаго происхожденія: для нихъ это идеалы „земные“ (Михайловскій), т. е. мотивированные на почвѣ изученія существующей жизни. Замѣтимъ, что г. Струве еще болѣе сближается въ своихъ взглядахъ съ противниками монистическаго матеріализма и приближается въ значительной мѣрѣ къ сторонникамъ „поворота“ къ идеализму, въ слѣдующихъ своихъ разсужденіяхъ. „Прежде всего необходимо, говоритъ онъ, ясно представить себѣ, *о какомъ* необходимомъ или неизбѣжномъ ходѣ вещей идетъ рѣчь при вопросѣ о возможности активной дѣятельности, исходящей изъ ученія объ опредѣленномъ ходѣ вещей. Говорится о *будущемъ*, которое по отношенію къ настоящему представляетъ *идеалъ*. Утверждается естественная необходимость этого будущаго. Матеріалистическое пониманіе исторіи въ его примѣненіи къ современной намъ жизни и является именно попыткой показать историческую необходимость опредѣленнаго соціальнаго идеала. Но этотъ идеалъ выведенъ изъ соціально-экономической дѣйствительности („земное“ происхожденіе идеала!). Это вѣрно и въ то-же время невѣрно. Идеалъ, конечно, выросъ изъ условій дѣйствительности, но онъ... представляетъ для каждаго психологическій prius по отношенію къ дѣйствительности и дѣйствующимъ въ ней силамъ. Идеалъ при этомъ ищетъ признанія за собой реальности и необходимости. Идеалъ остается тѣмъ-же, какимъ онъ былъ раньше, при отсутствіи своего научнаго обоснованія. Измѣнился лишь взглядъ на условія его реализаціи. Самъ же идеалъ стоитъ внѣ науки или даже выше ея, хотя и нуждается въ научной санкціи.[1]) Такимъ образомъ идеалъ является *научнымъ*, когда въ своей картинѣ будущаго заключаетъ возможно больше элементовъ необходимости.[2]) Матеріалисты виноваты въ томъ, что, справедливо настаивая на научности своего идеала, они часто превращаютъ его въ „слишкомъ научный“, забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ. Авторъ затѣмъ заключаетъ, что онъ не страшится упрековъ за допущеніе „сравнительной свободы“ и что матеріалистическое пониманіе исторіи не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать? Этотъ вопросъ *рѣшается* въ другой инстанціи—интересовъ и идеаловъ, оно говоритъ лишь: какъ дѣлать.[3]) Еще немного уступки—и мы прійдемъ къ признанію активнаго *вліянія* идеаловъ на дѣйствительную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ къ признанію активной роли личности въ исторіи, разумѣя эту роль, конечно, не въ смыслѣ произвола „свободно-хотящей“ личности.

[1]) Струве, стр. 503—504. Ср. сказанное объ этомъ въ моей „Органической теоріи строенія и развитія общества“.

[2]) Струве, стр. 505.

[3]) Струве, стр. 507.

Далеко-ли отъ „новаго курса“ марксистовъ къ слѣдующимъ разсужденіямъ. „Если мы обратимся къ наукамъ, изслѣдующимъ явленія неорганическаго міра, то увидимъ, что тутъ всегда изслѣдованіе отправляется отъ изученія данныхъ *въ настоящемъ* условій, такъ что каждое явленіе опредѣляется наличностью тѣхъ условій, которыя дѣйствуютъ въ данное время“. „Если мы обратимся къ явленіямъ органическаго міра, то тамъ замѣтимъ совершенно другое, а именно: тамъ изученіе отдѣльныхъ явленій немыслимо безъ разсмотрѣнія послѣдовательнаго *развитія*. Если въ наукѣ объ явленіяхъ органическаго міра отбросить ученіе объ ихъ генезисѣ, то останется одна номенклатура“. „Такимъ образомъ неорганическій міръ опредѣляется настоящимъ, а органическій настоящимъ и прошедшимъ“. „Обратившись отъ міра органическаго и неорганическаго къ міру общественныхъ явленій, необходимо прежде всего посмотрѣть, опредѣляются ли явленія въ этой сферѣ настоящимъ или прошедшимъ, или *тѣмъ и другимъ вмѣстѣ*, или, наконецъ, чѣмъ-нибудь *новымъ*“? (мы сказали бы: *еще* чѣмъ нибудь новымъ). „Несомнѣнно, что общіе законы, управляющіе явленіями неорганическаго и органическаго міра, одинаково примѣняются и къ явленіямъ общественной жизни“. Но рядомъ съ ними стоитъ третій элементъ—элементъ будущаго, такъ какъ человѣку свойственно создавать идеалы и изъ-за нихъ бороться. [1])

На изложенномъ я считаю возможнымъ закончить критику монизма вообще и въ частности монистическаго матеріализма. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію „частнаго случая“ послѣдняго (Бельтовъ)—матеріализма экономическаго, считаю долгомъ, въ видахъ выполненія задачи „обзора“, остановиться, въ самыхъ краткихъ чертахъ, на одномъ трудѣ отчетнаго года, на которомъ отразилась ученіе о монистическомъ энергетизмѣ. На этомъ и закончится изслѣдованіе собственно монизма. Съ принятой нами точки зрѣнія на монизмъ, само собой понятно, что научное обоснованіе указываемаго труда должно быть признано неудачнымъ. Я говорю о недавно вышедшей книгѣ Винченцо Перетти „О естественной исторіи соціальнаго развитія человѣческаго рода“. [2]) Авторъ дарвинистъ и находится подъ большимъ вліяніемъ проф. Морселли, который рѣшительно становится въ ряды приверженцевъ біологической школы соціологовъ. Перетти находитъ, что факты соціальнаго и антропологическаго свойства должны быть разложены на факты свойства біологическаго, въ смыслѣ теоріи трансформизма, обоснованной Дарвиномъ. [3]) Будучи приверженцомъ философскаго монизма, Перетти высказывается за сведеніе всѣхъ явленій природы къ единой космической „энергіи“. [4]) Авторъ всецѣло принимаетъ законъ развитія въ смыслѣ повторенія при развитіи индивидуальномъ явленій развитія видоваго (онтогенезисъ повторяетъ филогенезисъ), причемъ замѣчаетъ, что этотъ законъ примѣнимъ и къ сферѣ духовной жизни, въ которой

[1]) Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, Спб. 1894 г., стр. 202—205.

[2]) V. Peretti, Storia naturale dello Sviluppo sociale del Genero Umano. Città di Castello, 1902

[3]) Peretti, стр. 7 и слѣд.

[4]) Peretti, стр. 9, 13, 331 и слѣд.

существующая, по сравненію съ жизнію біологической, разница не составляетъ отличія качественнаго, а лишь различіе въ количествѣ энергіи. Аргументъ старый, но, не смотря на это, очень слабый, какъ было показано выше. Новое принимается за не-новое и формула готова. Это очень просто, но и очень невѣрно.

Но прослѣдимъ далѣе за воззрѣніями Перетти. Эргенетическій монизмъ приводитъ его, въ связи съ принятымъ имъ законамъ біологической эволюціи, къ выводу, что соціальная наука, опираясь на законы эволюціи, убѣждаетъ въ томъ, что общество развивается „фатально“ какъ живой организмъ и что не во власти людей измѣнить ходъ такого развитія. Подобно тому, какъ міръ царства растительнаго и животнаго, человѣкъ и человѣческое общество не пришли къ формѣ высшаго развитія, пока не прошли чрезъ всѣ серіи низшихъ формъ. [1]) Повторивъ затѣмъ ученіе біологіи о происхожденіи видовъ и человѣка и придя къ заключенію, основываясь на извѣстныхъ разсужденіяхъ Спенсера, что и общество есть такой же организмъ, какъ и всякій біологическій индивидуумъ и также состоитъ изъ „клѣточекъ“, Перетти заключаетъ, что, если общество —такой же организмъ, какъ и организмъ животный, то оно должно подчиняться однороднымъ съ животными организмами законамъ; [2]) поэтому и въ мірѣ соціальномъ должна господствовать закономѣрная причинность, а не финальность. Какъ и всѣ другіе органицисты, Перетти считается съ вопросомъ о томъ, что должно считать „соціальной клѣточкой“; таковой для него является индивидъ. [3]) Дальнѣйшее изложеніе представляетъ ходъ развитія семьи и общества съ точки зрѣнія отстаиваемой теоріи о томъ, что соціальное развитіе является только эволюціей въ смыслѣ господства законовъ приспособленія къ условіямъ существованія, естественнаго и полового подбора. Вполнѣ соотвѣтственно съ однородной, но значительно серьезнѣй обставленной, работой Вестермарка, авторъ отвергаетъ первобытный семейный и брачный коммунизмъ и даетъ бѣглый обзоръ формъ брака, причемъ, однако, расходится съ представителями своей школы въ вопросѣ о формахъ примитивнаго родства, [4]) а также и въ вопросѣ о первенствѣ матернитета предъ патріархатомъ. Отмѣтивъ эту маленькую непослѣдовательность, связанную съ принятіемъ всего критикуемаго Вестермаркомъ ученія о бракѣ путемъ похищенія, о значеніи религіознаго гетеризма, замѣтимъ, что авторъ, послѣдовательности ради, вынужденъ отвергнуть теорію экономистовъ о томъ, что происхожденіе собственности должно быть приписано экономической основѣ. Онъ это и дѣлаетъ [5]) и приписываетъ начало собственности инстинкту самосохраненія въ борьбѣ за существованіе, какъ моменту біологическому. При этомъ авторъ оказывается въ противорѣчіи съ своей же собственною точкой зрѣнія, ибо для соціолога-дарвиниста само общество составляетъ форму естественнаго отбора: все его значеніе сводится къ со-

[1]) Peretti, стр. 15, 61, 118 и слѣд.
[2]) Peretti, стр. 26 и слѣд.
[3]) Peretti, стр. 66.
[4]) Тамъ-же, стр. 79.
[5]) Тамъ-же, стр. 98 и слѣд.

храненію вида. Жизнь индивида въ группѣ гарантируетъ ему прочное существованіе только при полной общности интересовъ. Сознанная сила солидарности привела къ замкнутости первичныхъ временныхъ группъ и создала изъ группировокъ временныхъ постоянныя соціальныя образованія, внутри коихъ все было общее. Съ этого времени „борьба за существованіе“ могла проявляться только внѣ-группы, а не внутри ея (См. *мои* „Очерки первобытн. права“).

Дальнѣйшее изложеніе автора по данному вопросу мало интересно, какъ по краткости таковаго, такъ и по слишкомъ большой извѣстности описываемыхъ имъ явленій. Любопытно, что русскій староста фигурируетъ въ описаніи автора, какъ президентъ міра. [1]) Происхожденіе частной собственности, развитіе ея въ феодальный періодъ, происхожденіе классовъ—все это насильно пристегивается къ принципу трансформизма, какъ это, впрочемъ, уже было сдѣлано авторомъ и раньше, въ его трудѣ о „Дарвинизмѣ и земледѣліи“, вышедшемъ въ 1886 году. Самая экономика сводится къ законамъ исключительно біологическаго свойства [2]) и въ окончательномъ выводѣ къ явленіямъ энергіи. [3]) Развитіе гражданской жизни основано на раздѣленіи труда, которое авторъ отождествляетъ съ физіологическимъ раздѣленіемъ функцій. [4]) Съ біологической же точки зрѣнія разсматриваются психо-физическія явленія, происхожденіе искусствъ, морали, языка и религіи (первая религія была „религіей страха“; въ этомъ авторъ слѣдуетъ мнѣнію проф. Людвига Штейна. [5]) Съ большимъ правомъ авторъ могъ бы назвать Штейнметца или Липперта, или Жюльена Венсона). Какъ мораль покоится на основахъ біологическаго свойства, такъ покоится на нихъ и право. Авторъ пользуется при этомъ трудомъ Летурно объ „Эволюціи права“, [6]) не замѣчая чисто психологической основы разсматриваемой дисциплины, хотя и подходитъ вплотную къ этой сторонѣ дѣла. Государство, конечно, разсматривается какъ организмъ, какъ естественное произведеніе человѣческой природы, ибо человѣкъ по природѣ—существо политическое, [7]) причемъ принимается и ученіе о соціальномъ чувствилищѣ (сенсоріумъ), согласно ученія нашего извѣстнаго соотечественника, Я. А. Новикова. [8]) Въ дальнѣйшемъ авторомъ дается попытка согласованія принятаго имъ воззрѣнія съ ученіемъ Огюста Конта, причемъ, однако, дается широкое мѣсто значенію „идеи“, какъ соціальной силы, [9]) а также приводится новая классификація наукъ съ точки зрѣнія космической энергіи, какъ организаціоннаго принципа. Такъ, механика относится къ движенію, геометрія къ протяженію, ариѳметика къ количеству, астрономія къ тяготѣнію, физика къ молекулярному движенію, химія къ энергіи сродства, біологія къ энергіи жизни, соціологія

[1]) Peretti, стр. 101.
[2]) Peretti, стр. 124 и слѣд.
[3]) Peretti, стр. 131, 139 и др.
[4]) Peretti, гл. 32 и заключ. въ началѣ гл. 33, стр. 175; сравн. стр. 199 и слѣд.
[5]) Peretti, op. cit., стр. 226 и слѣд.
[6]) Peretti, стр. 251—253 и слѣд.
[7]) Peretti, стр. 289.
[8]) Peretti, стр. 310—312.
[9]) Peretti, стр. 321 и слѣд.

и *идеологія* (міръ надъ-органическій) къ обществу и сознанію. По этой классификаціи къ области наукъ органическихъ относятся біологія, соціологія и идеологія. [1])

Нѣкоторыя слабыя стороны монистическихъ воззрѣній автора мы уже отмѣтили при самомъ изложеніи его взглядовъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о его самой крупной ошибкѣ, заключающейся въ принятіи имъ ученія органической школы соціологіи, что, впрочемъ, стоитъ въ связи съ увлеченіемъ автора соціальнымъ дарвинизмомъ. Критикѣ органицизма я посвятилъ особый трудъ (Органическая теорія строенія и развитія общества, Екатеринославъ 1900 г.), въ которомъ, по условіямъ задачи, разобрано ученіе органической школы лишь въ отношеніи соціальной статики; въ отношеніи же соціальной динамики возраженія противъ этой школы лишь намѣчены. Не здѣсь, конечно, мѣсто, для развитія этихъ возраженій, но онѣ должны быть сведены къ тому, что факты историческаго прогресса обществъ прямо показываютъ на активную роль личности въ процессѣ соціальнаго прогрессированія, на зависимость культурнаго развитія и отъ условій среды, и отъ условій экономическаго свойства и отъ условій психическаго и этическаго свойства. Съ другой стороны исторія, въ смыслѣ описанія соціальныхъ опытовъ, всецѣло противорѣчитъ тому пути развитія обществъ, который начертанъ органицистами. Тамъ, гдѣ на пространствѣ историческихъ судебъ народовъ, соціальная жизнь приближалась къ органической, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ государствахъ Востока, тамъ культурная жизнь не развивалась, а застывала, тамъ былъ не прогрэссъ, а разложеніе или, въ лучшемъ случаѣ, остановка развитія. Наконецъ, даже тотъ путь, который очерченъ Перетти для обоснованія истинности принятой имъ доктрины, невѣренъ и строго научной критикой отвергается. Это путь поворота къ патріархальной теоріи, которая только искусственно замаскирована новымъ названіемъ. Перетти, въ концѣ концовъ, является приверженцемъ Старке и Вестермарка. Но доктрина Старке давно дискредитирована критикой М. М. Ковалевскаго, а главныя части аргументаціи Вестермарка подверглись весьма сильной критикѣ со стороны ученыхъ самыхъ различныхъ школъ, какъ напримѣръ, Кунова, Колера, Дюркгейма и др. (сравн. мои указанія въ „Трудахъ Екатер. Юридич. Общества“ за 1898 г., по поводу моего доклада „Къ вопросу объ аналогіи между преступникомъ и первобытнымъ человѣкомъ“ и по поводу сдѣланныхъ мнѣ возраженій, основанныхъ исключительно на трудѣ Э. Вестермарка). Здѣсь замѣчу, что хотя Гроссе и Гильдебрандтъ пришли по вопросу о начальной формѣ семьи къ тому же заключенію, какъ и Вестермаркъ, но ихъ разсужденія основаны совершенно на иныхъ началахъ и потому здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсужденія объ этихъ трудахъ. Это будетъ много сдѣлано во второй части моего труда „Органич. теорія строенія и развитія общества“, которую, если другія срочныя занятія тому не помѣшаютъ, я намѣренъ выпустить въ свѣтъ не въ продолжительномъ времени. Спѣшу оговориться, во

[1]) Peretti, стр. 327.

избѣжаніе недоразумѣній, что ни Гроссе, ни Гильдебрандтъ не относятся къ числу органицистовъ, но разбору ихъ трудовъ мною буотведено мѣсто при изученіи сущности общества не по его структурѣ, а по исторіи его происхожденія, въ связи съ соотвѣтствующимъ ученіемъ проф. Вагнера.

Разъ затронувши вопросъ объ органической школѣ соціологіи, я считаю нужнымъ указать на тѣ возраженія, которыя сдѣланы противъ нея въ отчетномъ году. Дѣлаю я это не въ видахъ подкрѣпленія моего отрицательнаго отношенія къ этой школѣ, а въ видахъ полноты предпринятаго „обзора“. Сказанной оговоркой я подкрѣпляю необходимость своего, въ достаточной мѣрѣ затянувшагося, отступленія отъ непосредственнаго предмета изслѣдованія настоящей части „обзора“.

Въ упомянутой мною выше книгѣ Фаусто Сквиллаче вопросу объ органической школѣ, называемой авторомъ біо-аналогической, посвящена отдѣльная глава, [1]) въ которой авторъ излагаетъ ученія различныхъ представителей школы. Отрицательное отношеніе автора къ этой школѣ основано на непослѣдовательности частностей ученія съ общимъ его основнымъ принципомъ, [2]) на полной безполезности ея, въ особенности въ виду недостатковъ аналогическаго метода, [3]) примѣняемаго школой крайне односторонне и, наконецъ, на томъ, что школа эта игнорируетъ психологическую основу общества. а также является видомъ монизма, кот рый самъ по себѣ считается авторомъ необоснованнымъ.

Въ отчетномъ году обзору соціологическихъ доктринъ посвящена также работа извѣстнаго соціолога Лестера Уорда, [4]) въ которой органическая школа критикуется въ лицѣ ея главнѣйшихъ представителей. Отмѣтивъ, что понятіе объ органическомъ характерѣ общества крайне старо (Аристотель, Гоббесъ и др.), Уордъ останавливается на основныхъ чертахъ ученія Спенсера и тѣхъ возраженіяхъ, которыя представилъ послѣднему Гексли. Оригинальная сторона критики Уорда состоитъ въ остроумной мысли сопоставить мнѣнія различныхъ ученыхъ о томъ, что такое соціальная клѣтка, въ чемъ заключается органическая связь частей общества, что такое соціальное чувствилище и т. п. При этомъ получается такое различіе мнѣній, одно другое исключающихъ, что кредитъ къ научной солидности тооріи совершенно падаетъ. [5]) Замѣчу только, что имена Тарда и Бернэ попали въ списокъ Уорда только по недоразумѣнію и что Уордъ перечисляетъ далеко не всѣхъ органицистовъ (не указаны, напримѣръ, Піоже, Изуле, Вида, Санта-Маріа-ди-Парадесъ и друг.). Уордъ считаетъ органическую теорію ненаучной и заявляетъ, что она представляетъ остатокъ или даже возвращеніе старой „схолостики реализма“. [6])

[1]) F. Squillace, Le Dotrine Sociologiche, Roma 1902, p. 249—294.
[2]) Squillace, стр. 283 и слѣд., 288 и слѣд.
[3]) Squillace, стр. 293.
[4]) Leaster Ward, Contemporary Sociology. The American Journal of Sociology 1902, January, March, May.
[5]) Ward, op. cit. The American Journal of Sociology, Январь 1902 г. стр. 484—486.
[6]) Ward, тамъ-же, 493.

На этомъ отступленіи, вызванномъ задачами нашего обзора, мы считаемъ возможнымъ закончить какъ критику монизма вообще, въ смыслѣ философскомъ, такъ и обоихъ его проявленій—монистическаго матеріализма и монистическаго энергетизма, такъ и построенныхъ на этой почвѣ соціологическихъ трудовъ общаго характера, и переходимъ къ „частному случаю“ (Бельтовъ) матеріализма, а именно матеріализму экономическому. Намъ при этомъ предстоитъ опредѣлить, въ краткихъ чертахъ, основы экономическаго матеріализма, къ чему мы и приступаемъ.

IV.

Не мало существуетъ въ литературѣ трудовъ, посвященныхъ систематическому изложенію ученія экономическаго матеріализма, и труды такіе написаны и сторонниками и противниками этого соціологическаго направленія. Таковы труды Масарика, Карѣева, Вольтмана, Бернштейна, Бельтова и др. Намъ здѣсь нѣтъ надобности касаться подробностей вопроса, такъ какъ иначе нашъ „обзоръ“ былъ-бы трудомъ, посвященнымъ исключительно данной соціологической доктринѣ и притомъ не только въ смыслѣ обозрѣнія работъ 1902 года, а всѣхъ трудовъ этого рода въ ихъ полной совокупности. Задача наша иная, и потому мы касаемся вопроса лишь по стольку, по скольку это необходимо для освѣщенія работъ, посвященныхъ экономическому матеріализму въ отчетномъ году. Поэтому-же, хотя было-бы и нетрудно цитировать Маркса и Энгельса по ихъ собственнымъ трудамъ,—я этого не дѣлаю.

Мы уже знаемъ изъ изложеннаго выше, что экономическій матеріализмъ есть только частный случай монистическаго матеріализма вообще. Экономическій матеріализмъ имѣетъ значеніе только въ отношеніи общества. Матеріальной основой общества, и притомъ исключительной, является экономика. Исключительной, потомучто тогда это не было-бы монизмомъ, а такимъ именно является ученіе экономическаго матеріализма, связаннаго съ именами Маркса и Энгельса. Итакъ, что такое собственно „экономическій матеріализмъ“? Сущность его весьма точно и опредѣленно очерчена проф. Карѣевымъ. „Сущность экономическаго матеріализма, говоритъ онъ, сводится къ двумъ положеніямъ: по первому основа *всей* культурно-соціальной жизни есть не что иное, какъ экономическая структура общества, а по второму-весь историческій процессъ долженъ получить свое объясненіе изъ борьбы, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ“.[1]) Такимъ образомъ историческій матеріализмъ, какъ историческая философія, содержитъ два краеугольныхъ положенія: одно относится къ соціальной статикѣ и стремится доказать, что основой общественнаго строя является экономика, которая и считается „базисомъ“ общественной жизни, надъ которымъ воздвигается идеологическая надстройка, каковая находится въ полной зависимости отъ своего экономическаго основанія и, какъ надстройка, не можетъ вліять на „основу“ и другое,—отно-

[1]) Н Карѣевъ, Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ, Спб. 1896, стр. 49.

сящееся къ соціальной динамикѣ и формулирующееся такъ: экономическая основа въ динамикѣ общества сказывается въ классовой борьбѣ, но борьбѣ не идеологической, а на почвѣ экономическихъ интересовъ. Такова именно точка зрѣнія Маркса и Энгельса, хотя въ цѣльномъ видѣ основатели этого міровоззрѣнія нигдѣ ея не развили". [1]) Вотъ, напримѣръ, наиболѣе ранняя формулировка вопроса со стороны Маркса и Энгельса. „Соціальныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами... Съ измѣненіемъ послѣднихъ мѣняются и соціальныя отношенія. Исторія всего общества вплоть до нашихъ дней есть исторія борьбы классовъ".[2]) Правда, позже Энгельсъ внесъ поправку въ послѣднее положеніе, въ томъ смыслѣ, что формула „исторія всего предшествовавшаго общества представляетъ исторію борьбы классовъ" относится собственно къ *письменно* переданной исторіи, [3]) но эта поправка превращаетъ „законъ" соціальной динамики въ простое эмпирическое обобщеніе, чѣмъ подрывается въ корнѣ основа самаго ученія, а во-вторыхъ самое обобщеніе по существу представляетъ очень много слабыхъ сторонъ. Но объ этомъ послѣ. Пока же продолжимъ анализъ основныхъ положеній марксизма въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ излагались до эпохи замѣтныхъ „уступокъ".

Характерныя черты марксизма, какъ историко-философской доктрины, не исчерпываются вышеприведенными двумя положеніями, опредѣляющими основы соціальной статики и динамики. Сюда еще должно быть отнесено примѣненіе Марксомъ къ изученію соціальныхъ явленій діалектическаго метода, заимствованнаго имъ у Гегеля. Но если у Гегеля діалектика обосновывала его крайній идеализмъ, базисомъ котораго являлось положеніе о единосущной субстанціи „Великаго Духа", причемъ весь реальный міръ являлся простой эманаціей этого „духа", то у Маркса содержаніе историческаго процесса совершенно иное: У Гегеля имъ заимствована только форма этого процесса. Форма эта заключается въ знаменитой логической тріадѣ Гегеля, которою такъ увлекались крайніе гегеліанцы сороковыхъ годовъ. Діалектика Гегеля представлялась особенно важной для марксизма, такъ какъ послѣдній членъ тріады (синтезисъ) обосновывалъ научно идеологію марксизма, а это научное обоснованіе, взамѣнъ утопической идеологіи, было главной задачей Маркса. Но что было у Маркса естественнымъ наслѣдіемъ занятій нѣмецкою философіей, то у „учениковъ" превратилось въ правовѣрную догму. Представляются-ли, однако, идеологія марксизма и экономизмъ, въ смыслѣ исторіософіи, необходимо—связанными съ одной стороны съ діалектическимъ эволюціонизмомъ, а съ другой стороны съ матеріалистическимъ монизмомъ и обратно—принятіе экономической основы строенія общества связаноли необходимо съ идеологіей марксизма? Ученики полагаютъ, что—да (см. рядъ статей русскихъ „учениковъ" въ Русскомъ Богатствѣ старой редакціи, въ Новомъ Словѣ, Началѣ и одно время въ Мірѣ

---

[1]) Масарикъ, Философскія и соціологическія основанія Марксизма, перев. съ нѣм., Москва 1900 г. стр. 85 и слѣд.

[2]) Вольтманъ, Истор. матеріализмъ, пер съ нѣм., Спб. 1901 г. стр. 125—127.

[3]) См. у Вольтмана, op. cit., стр. 165.

Божьемъ и Научномъ Обозрѣніи). Факты говорятъ—нѣтъ. Нѣкоторые факты, на ряду съ обобщеніемъ таковыхъ, приведены проф. Карѣевымъ. „Историко-философская теорія Маркса, говоритъ онъ[1]) была ничѣмъ инымъ, какъ внесеніемъ въ діалектическій эволюціонизмъ идеалиста Гегеля—чисто матеріалистическаго содержанія, но ни гегеліанское отождествленіе исторіи съ діалектическимъ процессомъ не требуетъ непремѣнно экономическаго ея пониманія, такъ какъ у Гегеля этотъ процесъ понимался въ чисто идеалистическомъ смыслѣ; ни признаніе экономики за основу исторической жизни, въ свою очередь, не требуетъ непремѣннаго разсмотрѣнія исторіи съ точки зрѣнія діалектическаго процесса, какъ это доказывается примѣромъ Роджерса (англійскаго ученаго, вполнѣ независимо отъ Маркса, отыскивавшаго экономическое обоснованіе исторіи), не имѣющаго ничего общаго съ гегельянствомъ, и какъ это было пояснено однимъ изъ сторонниковъ ученія, который указалъ на то, что гегелевскій принципъ оказалъ вліяніе лишь на форму, а не на содержаніе ученія Маркса. [2]) Во-вторыхъ у самаго Маркса нужно строго различать исторіологическую концепцію и экономическое ученіе съ иллюстраціями послѣдняго. Мы можемъ признавать вѣрною экономическую сторону ученія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы, съ нашей точки зрѣнія, былъ вѣренъ взглядъ Маркса на всю исторію, какъ на продуктъ однихъ экономическихъ отношеній, и наоборотъ, согласіе съ тѣмъ, что весь историческій процессъ вполнѣ объяснимъ при помощи однихъ экономическихъ отношеній, еще не обязываетъ принимать экономической теоріи Маркса, какъ это случилось съ Лоріа, [3]) который является экономическимъ матеріалистомъ, но не только не марксистъ (въ смыслѣ идеологіи), а даже антагонистъ Маркса“. То-же, самое, какъ и указалъ Карѣевъ, говоритъ Вейзенгрюнъ. [4])

Но не смотря на то, что діалектика составляетъ только форму историческаго процесса, не опредѣляя его содержанія, марксисты считаютъ эту форму неразрывно связанной съ существомъ ученія и не только въ виду научнаго оправданія идеологіи марксизма, но и гносеологически. Теорія антитезовъ и контрастовъ (у Гегеля положеніе или тезисъ логически ведетъ къ отрицанію положенія или антитезису, затѣмъ логически наступаетъ отрицаніе отрицанія, или синтезисъ, который, какъ отрицаніе второго члена тріады, можетъ быть только его противоположностью, т. е аналогомъ тезиса, но аналогомъ по формѣ, обогащеннымъ новымъ содержаніемъ) ведетъ сама собой къ увѣнчанію историческаго міровоззрѣнія Маркса, выражающагося въ „Zusammen-Bruchs'Theorie“. Вотъ, напримѣръ, взглядъ одного изъ

---

[1]) Карѣевъ, Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ, стр. 50.

[2]) Вейзенгрюнъ. То-же сдѣлано и Вольтманомъ. Одна изъ послѣднихъ брошюръ Вейзенгрюна (Конецъ Марксизма, перев. съ нѣм. Кременчугъ 1900 г.) особенно интересна, но я работами этого автора пользоваться не буду, такъ какъ это повело бы меня къ необходимости войти въ детальное обсужденіе вопросовъ, затронутыхъ имъ и Бернштейномъ, что вывело бы меня далеко за предѣлы задачи.

[3]) О немъ будетъ сказано ниже.

[4]) Вейзенгрюнъ, Конецъ Марксизма, стр. 17.

наиболѣе крупныхъ представителей Марксизма (не считая, конечно, Каутскаго, Кунова, Плеханова, Лафарга и т. п.). „Истинная критика общества, говоритъ проф. Антоніо Лабріола, [1])—оно само. Покоясь на антитезахъ и контрастахъ, самостоятельно и внутри себя оно создаетъ свое противорѣчіе (оно? какъ?), надъ которымъ, наконецъ, одерживаетъ верхъ, переходя въ новую фазу существованія. Разрѣшителемъ современныхъ антитезъ является классъ производителей, независимо отъ того, извѣстно это, или нѣтъ, самымъ производителямъ (значитъ, не „оно", не общество, а „классъ производителей"; значитъ на вопросъ „какъ отвѣчается: „спонтанейно", т. е. хотя-бы и незная своей роли"... Въ этомъ переходѣ отъ критики субъективной мысли (т. е. идеализма, ученія объ активной роли личности въ исторіи), воображающей себя въ силахъ дѣлать поправки въ естественномъ ходѣ вещей (если ходъ вещей „естественъ", то поправокъ дѣйствительно дѣлать нельзя. Но таковъ-ли ходъ вещей? Здѣсь подлежащее доказыванію принимается за доказанное.) Къ пониманію самокритики (т. е антитезиса и затѣмъ „отрицанія отрицанія", т.е. синтезиза), совершаемой обществомъ надъ самимъ собою въ своемъ *неизмѣнномъ* процессѣ,—въ этомъ переходѣ и состоитъ *діалектика исторіи*, которую Марксъ и Энгельсъ, какъ матеріалисты, заимствовали изъ идеализма Гегеля" Положеніе марксизма, что экономическія противорѣчія—лишь моменты развитія капитализма предполагаетъ существованіе *въ самихъ условіяхъ* капитализма отрицанія этихъ противорѣчій, а на капитализмъ заставляетъ смотрѣть, какъ на необходимую стадію общаго историческаго процесса. [2]) Связь марксизма съ Фейербахомъ, Сенъ-Симономъ, Лассалемъ и т. п. мы оставляемъ внѣ разсмотрѣнія.

Однако, далеко не такъ, оказывается, смотрѣлъ на вопросъ ближайшій сотрудникъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, судя по тому, что объ этомъ говоритъ Э. Бернштейнъ. [3]) Послѣдній находитъ, что въ гегелевской логикѣ противоположностей кроется великая въ научномъ отношеніи опасность, именно опасность произвольныхъ построеній. Наиболѣе изъ опасныхъ построеній, произвольныхъ и имѣющихъ значеніе соціальнаго самообмана, является основанная на примѣненіи „діалектики исторіи" Марксовская—Zusammenbrucsh'Theorie. Уже въ письмахъ по поводу „хода вещей" въ Россіи Марксъ заявлялъ, что онъ не марксистъ и не настаиваетъ на значеніи этого его вывода (Zusammenbruch). Мы сказали, что теорія о спонтатейномъ „разрывѣ оболочки" (отрицаніе отрицанія) является наиболѣе изъ опасныхъ построеній, основанныхъ на принятіи діалектики, и мы на этомъ настаиваемъ. Вѣдь съ точки зрѣнія діалектики, и именно въ виду ея матеріалистическаго содержанія, исторія превращается въ „естественный ходъ вещей", въ которомъ общество (или классъ про-

---

[1]) А. Лабріола, Къ вопросу о матеріалистич. взглядѣ на исторію, перев. съ фр. Петерб. 1898 г., стр. 45.

[2]) А. Лабріола, Историческій матеріализмъ и философія (письма къ Сорелю). Перев. съ франц. Спб. 1900 г. стр. 15.

[3]) Э. Бернштейнъ, Соціальныя проблемы, перев. г. Когана, Москва 1901 г. стр. 39 и слѣд,

изводителей) создаетъ внутри себя противорѣчіе не путемъ воздѣйствія на ненормальныя или пусть и нормальныя, но противорѣчущія данному идеалу условія жизни, а спонтатейно, ибо „дѣлать поправки“ въ естественномъ ходѣ вещей немыслимо. Послѣдовательный марксистъ поэтому относится отрицательно къ роли личности въ исторіи; онъ признаетъ только „объективно-мотивированный“ поступокъ. Ну, а если форма процесса (діалектика) или его содержаніе невѣрно, если приходится дѣлать уступки, идя отъ монизма экономики къ „допущенію“ вліяній идеологіи на „базисъ“? Развѣ тогда спонтатейный „Zusammenbruch“ не самообманъ, опасный потому, что личность, объективно повѣривъ въ наступленіе разрыва оболочки путемъ „саморазвитія отрицанія“, откажется отъ „вмѣшательства“, ибо оно все равно „ни къ-чему“? Вѣдь призналъ же самъ Энгельсъ ошибочность прогноза о наступленіи „противоположности“ капитализма. [1]) Не смотря на то, что г. Оболенскій въ своей критикѣ нео-марксизма, не захватываетъ предмета во всей его глубинѣ, должно признать, что онъ совершенно правъ, говоря о тождествѣ діалектики марксистовъ съ метафизикой. [2]) Критика теоріи Zusammenbruch'а, съ точки зрѣнія противорѣчія его тѣмъ самымъ экономическимъ основамъ, на которыхъ построена теорія марксизма, сдѣлана г. Прокоповичемъ, [3]) которой мы здѣсь не касаемся, но которая приводитъ автора къ выводу, вполнѣ согласному съ „поворотомъ“ къ идеализму: не ждать самоотрицанія, связаннаго съ ухудшеніемъ положенія трудящагося класса, нужно, а нужно бороться съ общественнымъ зломъ, стремиться къ улучшенію соціальнаго уровня жизни. Въ этомъ и заключается не разъ упоминаемая въ настоящемъ „обзорѣ“ постановка проблемы объ „оцѣнкѣ“ настоящаго идеалами будущаго, оцѣнкѣ, ведущей къ активной роли личности въ исторіи.

Вопросу о значеніи діалектики посвящена въ текущемъ году очень интересная работа г. Делевскаго. [4]) Авторъ, на основаніи изслѣдованія спеціальнаго характера, въ разсмотрѣніе котораго входить здѣсь не приходится, заключаетъ, что въ концѣ изслѣдованія онъ можетъ вполнѣ рѣшительно утверждать, что математика по своему духу и содержанію является полнымъ отрицаніемъ и опроверженіемъ діалектики. Послѣдняя—одинъ изъ тѣхъ элементовъ, которые сильно вредятъ всему тому, что есть цѣннаго въ ученіи Маркса и Энгельса. [5]) Какъ вообще въ матеріализмѣ есть много вѣрнаго и цѣннаго, такъ зерно истины содержится и въ діалектикѣ. Послѣдняя содержитъ въ себѣ ту-же идею, которая содержится въ великомъ принципѣ „развитія“ и въ этомъ отношеніи діалектика стоитъ въ законной связи съ эволюціонизмомъ. Но въ этомъ и заключается философская опасность діалектики, такъ какъ не-легко замѣтить рѣзкаго отличія въ изображеніи процесса развитія въ діалектической схемѣ съ одной

[1]) Бернштейнъ, op. cit. стр. 44—45.
[2]) Л. Оболенскій, Изложеніе и критика идей нео-марксизма, Спб. 1899 г. стр. 31—32.
[3]) С. Н. Прокоповичъ, Къ критикѣ Маркса, Спб. 1901 г., стр. 237 и слѣд.
[4]) Ю. Делевскій, Діалектика и математика, Русск. Богатство 1902 г. № 6.
[5]) Делевскій, op. cit. стр. 174.

стороны и въ теоріи эволюціи съ другой. По совершенно вѣрному замѣчанію Бернштейна, сдѣланному въ отвѣтъ на критику цитированнаго труда Бернштейна со стороны Каутскаго, при споръ противъ діалектическаго матеріализма „вопросъ ставится не о допущеніи или отрицаніи діалектическаго способа изслѣдованія (идеи „развитія"), но объ относительной цѣнности выставленныхъ для него Гегелемъ *формулъ*, о границахъ ихъ примѣнимости". [1]) Такимъ образомъ споръ идетъ не столько противъ содержанія идеи (т. е. „развитія", хотя и въ этомъ отношеніи, для міра соціальныхъ явленій, требуются поправки, въ смыслѣ измѣненія простого понятія „развитіе" въ телеологическое понятіе „прогресса"), сколько противъ формы ея, т, е. о томъ, какъ должно понимать выраженіе „непрерывное измѣненіе" (Энгельсъ) въ примѣненіи къ соціальной жизни.

Бернштейнъ, какъ и въ книгѣ своей „Проблемы соціализма", вновь утверждаетъ, что діалектика облекаетъ свое содержаніе въ такую провдоподобную внѣшность, что она становится опасной. „Было бы очень плохо, говоритъ онъ, для ученія Маркса, если бы оно не могло существовать безъ того, что я назвалъ въ своей книгѣ предательскимъ элементомъ діалектики". [2]) Далѣе, по поводу утвержденія Каутскаго, что *движущей силой* всякаго развитія являетси борьба *противорѣчій* (т. е. тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, какъ „отрицаніе отрицанія"), Бернштейнъ замѣчаетъ, что борьба противорѣчій не является движущей силой *всякаго* развитія и что совмѣстное дѣйствіе родственнѣхъ силъ является также великимъ двигателемъ развитія. [3]) Далѣе авторъ находитъ, что формула эволюціи, выработанная естествознаніемъ (Спенсеръ, Дарвинъ, Геккель и т. п.), „нисколько не находится въ противорѣчіи, съ ученіемъ Гегеля о развитіи; она лишь выражаетъ мысль Гегеля въ новой формѣ, которая меньше ведетъ къ недоразумѣніямъ и ошибочнымъ выводамъ, чѣмъ законы Гегеля "[4]) Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о связи марксизма съ эволюціонизмомъ, на каковой связи настаиваютъ многіе марксисты, какъ напримѣръ, Энрико Ферри, Бебель, Вольтманъ и мног. другіе. Этого мы вкратцѣ коснемся нѣсколько ниже, а пока остановимся еще на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ о діалектикѣ. Послѣдняя содержитъ въ себѣ крайне важное начало и именно мысль о томъ, что въ историческомъ процессѣ одни явленія приходятъ на смѣну другихъ путемъ отрицанія первыхъ Но что значитъ отрицаніе? Какимъ путемъ оно является? Отрицаніе не есть нѣчто самодовлѣющее, рождающееся само по себѣ: оно понятно только какъ членъ въ общей цѣпи, въ которой оно составляетъ среднее звѣно. Отрицаніе стоитъ въ связи съ тѣмъ, *что* отрицается и въ этомъ смыслѣ (для случая соціальнаго процесса) отрицаніе является съ характеромъ „земнаго" явленія. Итакъ, среднему звѣну, отрицанію, предшествуетъ „данное состояніе" общественной жизни. Но отрицаніе по существу является не чѣмъ

---

[1]) Бернштейнъ, Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, перев. съ нѣм. Спб. 1902 г. стр. 323,

[2]) Бернштейнъ, Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, стр. 329.

[3]) Бернштейнъ, op. cit. стр. 329—330.

[4]) Бернштейнъ, op. cit., стр. 331—332.

иным, какъ критикой. Критика есть дѣятельность мысли субъекта надъ мыслимымъ объектомъ и потому, философски, она не является ни моментомъ исключительно субъективнымъ (критицизмъ Канта), ни исключительно объективнымъ, а моментомъ эмпиріо-критическимъ (Авенаріусъ). Въ нѣкоторыхъ философскихъ трудахъ указанная антиномія субъективнаго и объективнаго отношенія къ явленіямъ называется противоположеніемъ методовъ творческаго и научнаго. Послѣдній имѣетъ своей основой исключительную *причинность*, эволюціонистическій детерминизмъ, другой-принимаетъ въ отношеніи историческихъ фактовъ привхожденіе элемента активнаго воздѣйствія личности на ходъ общественнаго развитія. Одинъ методъ не знаетъ *этическихъ* категорій и говоритъ лишь о томъ, что есть и должно наступить, не въ смыслѣ нужнаго этически, а необходимо-должнаго (у нѣмцевъ это противоположеніе естественно необходимаго „Müssen“ и этически-необходимаго „Sollen“); другой, напротивъ, ставитъ обязательныя нормы, говоритъ о томъ, что *долженствуетъ* быть. [1]) До сихъ поръ антиномія этихъ двухъ методовъ разрѣшалась на почвѣ взаимно-отрицательнаго ихъ отношенія: идеалъ не допускалъ эволюціонизма, эволюціонизмъ идеала. Философія эмпиріомкритицизма является прямымъ исходомъ изъ этого положенія, ибо, гносеологически, ея ученіе сводится къ формулѣ, которая въ наиболѣе простомъ видѣ гласитъ слѣдующее: „мыслить возможно лишь въ связи съ мыслимымымъ объектомъ; мыслимый объектъ существуетъ лишь въ связи съ познающимъ его субъектомъ“. Эта мысль выражается еще и въ слѣдующей формѣ: „Принципъ явленія, какъ объекта мысли, *скрыто* содержитъ въ себѣ понятіе мыслящаго субъекта“. [2])

Послѣ всего сказаннаго наша мысль о томъ, что отрицаніе, формальная сторона идеи развитія у Гегеля и марксистовъ, должно быть разсматриваемо лишь въ связи съ отрицаемымъ, получаетъ новое значеніе: оно дѣйствительно есть законное развитіе „настоящаго“ въ „будущее“, какъ критика этого настоящаго на почвѣ изученія послѣдняго, т. е. какъ эмпиріо-критицизмъ. Но критика связана логически съ критеріумомъ: мы опредѣляемъ наше положительное или отрицательное отношеніе къ явленію лишь въ связи съ тѣмъ, чѣмъ по нашему это явленіе *должно быть*. Такимъ образомъ отрицанію предшествуетъ звѣно „настоящаго“ и стоитъ это отрицаніе настоящаго въ неразрывной связи съ критеріумомъ своимъ, т. е. съ новымъ звѣномъ логической цѣпи—деонтологіей. Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что всѣ три звѣна цѣпи (не долженствующія, однако, быть понимаемыми въ смыслѣ связи послѣдовательныхъ ступеней, а въ смыслѣ сосуществующихъ началъ) логически связаны и составляютъ одно цѣлое, заключающееся въ томъ, что „развитіе“ состоитъ въ оцѣнкѣ настоящаго на почвѣ идеаловъ будущаго. Отсюда же слѣдуетъ, что

---

[1]) Абрамовскій, „Психологическія основанія соціологіи“ и „Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія“, перев. съ франц. Москва 1900 г., стр. 8—9.

[2]) Абрамовскій, op. cit. стр. 18, См указанные въ первой части настоящаго „обзора“ труды Карстаньена. Объ этомъ писалъ также В. Лесевичъ (въ журн. Русск. Мысль).

идеалы не „создаются“ настоящимъ, а изученіе настоящаго (т. е. наука) помогаетъ формулировкѣ идеаловъ. Болѣе подробно я этого вопроса здѣсь не касаюсь, такъ какъ уже высказался по этому поводу выше, а также и въ другой своей работѣ. [1]) Само собой понятно, что съ точки зрѣнія связи отрицанія съ объектомъ его путемъ критики этого объекта, т. е. съ точки зрѣнія „земнаго“ происхожденія идеаловъ, мы не согласны съ формулой г. Абрамовскаго, по которой „идеалъ свободенъ отъ всякой феноменальной причинности“. [2])

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ, что діалектика Маркса-Гегеля, содержа вѣрное и истинное зерно, даетъ невѣрную и неполную форму освѣщенія этого вѣрнаго и истиннаго и потому, въ усвоенномъ марксистами видѣ, не можетъ быть принята, а въ виду опасности, отмѣченной выше, должна быть совершенно оставлена. Впрочемъ, объ этомъ еще скажемъ нѣсколько словъ дальше, а пока вернемся къ связи формулы развитія по методу діалектическому съ формулой развитія въ смыслѣ эволюціонизма. Эта сторона дѣла весьма мало выражена въ литературѣ отчетнаго года и потому на этомъ вопросѣ мы остановимся лишь мимоходомъ. Г. Делевскій, въ цитированной уже нами выше статьѣ „Діалектика и математика“, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Анти-Дюринга“ Энгельса (такъ сокращенно называется одинъ изъ главнѣйшихъ трудовъ Энгельса „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“) „Природа является пробою для діалектики, и мы должны отдать справедливость новѣйшему естествовѣдѣнію, что оно для этой пробы доставило крайне богатый, съ каждымъ днемъ умножающійся матерьялъ и тѣмъ доказало, что въ природѣ, въ послѣдней инстанціи, все происходитъ діалектически, а не метафизически“. [3]) Г. Делевскій относится отрицательно къ способу пониманія діалектики со стороны Энгельса, въ виду той „чрезмѣрной правильности“, которая вносится имъ въ міръ явленій, правильности, соединяемой въ данномъ случаѣ съ цѣлесообразностью. Такое распространеніе цѣлесообразной правильности одновременно на всю внѣшнюю природу, на міръ одушевленный и безжизненный, на человѣческую исторію и на область мысли заставляетъ a priori подозрѣвать присутствіе въ подобномъ міровоззрѣніи элементовъ антропоморфической телеологіи“. [4]) Насъ остановило это замѣчаніе не столько въ виду его справедливости въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ ранѣе высказанную нами мысль, что сколько разныя научныя направленія ни стремятся гнать телеологію за дверь, она врывается все-же къ нимъ въ окно, сколько въ виду отмѣченной здѣсь связи діалектики, а съ нею и марксизма, съ эволюціонизмомъ. Мы уже видѣли, что связь эта допустима лишь въ томъ смыслѣ, на сколько, напримѣръ, самъ Дарвинъ поставилъ въ связь отдѣльныя ученія, касавшіяся идеи „развитія“ съ своею науч-

---

[1]) Гальперинъ, Органическая теорія строенія и развитія общества. Екатеринославъ 1900 г., стр. 128—130. Ср. также стр. 11. Сравн. подобное же отношеніе къ вопросу у Прокоповича: Къ критикѣ Маркса, Спб. 1901 г., стр. 232.

[2]) Абрамовскій, op. cit., стр. 7.

[3]) Делевскій, Діалектика и математика. Русск. Бог. 1902 г. № 6, стр. 146.

[4]) Делевскій, op. cit., стр. 146—147.

ной теоріей. Между Ламаркизмомъ и Дарвинизмомъ существуетъ несомнѣнно связь и все-же эти двѣ доктрины не могутъ быть отождествляемы. То-же нужно сказать и о связи діалектики съ теоріей эволюціи. Многіе марксисты настаивали на такой связи. О попыткѣ Энрико Ферри я сказалъ въ другомъ мѣстѣ (Органич. теорія строенія и развитія общества, стр. 100—101). Что же касается собственно связи діалектики марксизма съ эволюціонизмомъ, то съ особенной силой неправильность пониманія этой связи доказалъ проф. Масарикъ. [1]) Впрочемъ, эту связь отвергаетъ и ортодоксальный марксистъ, Каутскій. Борьба за существованіе, въ смыслѣ явленія біологическаго, не можетъ быть отождествляема съ борьбой экономической и въ особенности соціальной. [2]) Какъ извѣстно, говоритъ Масарикъ, Дарвинъ воспринялъ законъ Мальтуса и обобщилъ его въ законъ борьбы за существованіе, Марксъ и Энгельсъ признаютъ дарвинизмъ, но отвергаютъ ученіе Мальтуса. [3]) Вполнѣ, однако, справедливо отвергаетъ естественно-историческое объясненіе соціальнаго процесса Бернштейнъ. Онъ утверждаетъ, что въ послѣднемъ выступаетъ на первый планъ понятіе „цѣли“, ибо соціологія прежде всего спрашиваетъ „для чего“? [4]) Мы видѣли, что въ этомъ именно и заключается поворотъ къ идеализму. Мы видѣли на примѣрѣ труда Перетти, что примѣненіе къ соціологіи исключительно метода біологіи ведетъ къ заключеніямъ ошибочнаго характера. Важно еще замѣтить, что марксизмъ совершенно не видитъ той эволюціи въ самыхъ основныхъ идеяхъ Дарвина, Спенсера, Геккеля, которая произошла на глазахъ современнаго движенія научной мысли. Не говоря здѣсь о поправкахъ, внесенныхъ въ вопросъ о происхожденіи видовъ со стороны Де-Фриза, мы имѣемъ въ виду указанія на то, что процессъ переживанія покоится отнюдь не только на борьбѣ за существованіе въ смыслѣ борьбы активной или хотя бы въ смыслѣ прямого дѣйствія естественнаго отбора, а и на почвѣ ассоціаціи въ борьбѣ за жизнь, основанной на солидарности, а не на конкурренціи, въ смыслѣ обобщенія идей Мальтуса и въ особенности нео-мальтузіанства. [5]) Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя я имѣлъ въ виду сдѣлать по поводу связи марксистской діалектики съ эволюціонизмомъ. А теперь вернусь, какъ я и обѣщалъ это сдѣлать, къ вопросу о необходимости отказаться отъ пользованія „діалектическимъ методомъ“ въ той формѣ, какъ онъ изложенъ у Гегеля и отъ него заимствованъ Марксомъ.

Мы не разъ указывали въ теченіи настоящаго изложенія на то, что наше время знаменуется „поворотомъ“ къ идеализму почти по всей линіи современной науки. Поворотъ этотъ связывается съ лозунгомъ „назадъ къ Канту“, а иногда и „назадъ къ Гегелю“ (Новгородцевъ). По поводу послѣдняго лозунга проф. Петражицкій замѣчаетъ

[1]) Масарикъ, Философскія и соціологич. основанія марксизма. Перев. съ нѣм. Москва 1900 г., стр. 48 и слѣд.

[2]) Масарикъ, op. cit., стр. 161 и слѣд.

[3]) Масарикъ, op. cit., стр. 272 и слѣд. Сравн. Вольтмана, Теорія Дарвина и соціализмъ, перев. съ нѣм., Спб. 1900 г., стр. 299 и слѣд.

[4]) Бернштейнъ, Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, стр. 119—120.

[5]) См. интересную работу C. Fages, L'Evolution du Darwinisme biologique. Revue International de Sociologie, 1898, № 7

слѣдующее. Что обозначетъ эта діалектика, обоснованная Гегелемъ и заимствованная у него Марксомъ, эта „интересная тріада, на основаніи которой получается пророчество относительно будущаго, какъ синтезъ предыдущихъ ступеней діалектическаго развитія"? Эта и другія тріады, созданныя яко-бы по началамъ „діалектической методы", ничего общаго съ этими началами, кромѣ чисто внѣшняго трехчленнаго шаблона, не имѣютъ. Нѣтъ въ нихъ ни антитезисовъ, ни тѣмъ менѣе синтезисовъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу положеній, хотя и повторяются часто слова „отрицаніе", „противорѣчіе", „высшее единство" и т. п. Мѣсто антитезисовъ занимаютъ въ дѣйствительности названія любыхъ предметовъ, въ какомъ-либо отношеніи отличающихся отъ того, что названо въ „тезисѣ", т. е. не прямыя отрицанія тезисовъ, а лишь явленія, съ ними несогласныя, что не одно и то-же. Антитезисы этихъ тріадъ покоятся на сплошномъ, такъ сказать, систематическомъ принятіи *любыхъ* различій и противопоставленій по такимъ различіямъ за „антитезисы", отрицанія, противорѣчія, т. е. на храническомъ и упорномъ смѣшеніи понятій. Уже потому, что вещи, кажущіяся Гегелю и гегельянцамъ антитезисами, вовсе не антитезисы, а нѣчто совершенно иное, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы ихъ „синтезисы" были подлинными діалектическими синтезисами противорѣчій. Мѣсто послѣднихъ занимаютъ и ихъ роль болѣе и или менѣе удачно играютъ названія какихъ-либо третьихъ предметовъ, имѣющихъ какія-либо общія черты съ тѣмъ, что было названо „тезисомъ" и съ тѣмъ, что автору заблагоразсудилось противопоставить ему въ качествѣ „антитезиса". [1]) Поэтому проф. Петражицкій находитъ, что нужно не слѣдовать лозунгамъ „Zurück", а идти впередъ, такъ какъ истинная философія (права), какъ теорія, такъ и политика (права), у насъ не позади, а впереди. „Не назадъ, заключаетъ онъ, къ Канту, и тѣмъ менѣе къ Гегелю, а дружно, соединенными силами впередъ къ свѣту!".

Таково направяеніе современной науки, которое мы и привѣтствуемъ, полагая, что „свѣтъ" заключается въ замѣнѣ понятія „соціальная эволюція" понятіемъ „соціальный прогрессъ" и въ введеніи въ соціологію этической деонтологіи, въ смыслѣ признанія ея активнаго вліянія на ходъ соціальнаго развитія.

V.

Закончивъ съ отмѣченными сторонами историческаго матеріализма, по скольку онѣ были обсуждаемы въ литературѣ отчетнаго года, переходимъ къ дальнѣйшему изученію особенностей матеріализма экономическаго, не забывая уже отмѣченныхъ нами сторонъ, именно объясненія соціальной статики въ смыслѣ исключительнаго господства экономики, какъ базиса соціальной жизни, по отношенію къ которому всѣ остальныя явленія составляютъ лишь „надстройку" и объясненія соціальной динамики въ смыслѣ проявленія той же экономики въ формѣ классовой борьбы. Замѣтимъ, что очень скоро, подъ напоромъ научной критики, марксизмъ сдѣлалъ рядъ уступокъ и,

[2]) Петражицкій, Къ вопросу о возрожденіи естественнаго права и нашей программѣ. Право 1902 г., № 43.

напримѣръ, призналъ, что классовая борьба не имѣла мѣста въ первобытную эпоху жизни народовъ и что съ другой стороны на ряду съ экономикой, которая фигурируетъ то съ точки зрѣнія производства, то съ точки зрѣнія техники ея, т. е. орудій производства, была поставлена и другая сторона, какъ базисъ жизни общества, именно „производства людей“. Это было сдѣлано Энгельсомъ путемъ усвоенія имъ извѣстнаго труда Моргана о первобытномъ обществѣ. [1]) Если по этому поводу въ научной литературѣ было замѣчено, что это составляетъ измѣненіе всей доктрины въ смыслѣ отмѣны господства исключительной экономики, такъ какъ по крайней мѣрѣ семья оказалась не имѣющей экономическаго происхожденія, [2]) то г. Бельтовъ находитъ, что это составляетъ не измѣненіе основныхъ взглядовъ, а лишь ихъ „дополненіе“ [3]) „Въ данномъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, говоритъ г. Бельтовъ, измѣнились ли взгляды Энгельса въ силу вносимыхъ въ нихъ „дополненій“; былъ-ли онъ дѣйствительно вынужденъ признать, рядомъ съ развитіемъ „производства“, дѣйствіе другого фактора, будто-бы „равносильнаго“ первому? Легко отвѣтить на этотъ вопросъ всякому, у кого есть хоть маленькая охота отнестись къ нему внимательно и серьезно.“ [4]) Внимательное и серьезное отношеніе разрѣшается тѣмъ, что семья создана „общими условіями жизни вида. Человѣкъ, говоритъ г. Бельтовъ, лишь постепенно выдѣлился изъ животнаго міра и въ теченіи долгаго времени отношенія человѣкообразныхъ самцовъ къ человѣкообразнымъ самкамъ, а равно и отношеніе тѣхъ и другихъ къ ихъ человѣкоподобнымъ дѣтямъ опредѣлялось общими условіями жизни этого вида, не имѣющими къ орудіямъ труда никакого отношенія. Отчего зависѣли тогда „семейныя“ отношенія нашихъ предковъ? Объяснить это должны натуралисты. Лишь съ момента появленія орудій труда начинается дѣлоисторика, который долженъ показать, какъ и почему измѣнились семейныя отношенія нашихъ предковъ въ связи съ развитіемъ ихъ производительныхъ силъ, какъ развивалась семья въ зависимости отъ экономическихъ отношеній. Но понятно, продолжаетъ авторъ, историку придется считаться не съ одной только экономіей, ибо люди размножались и до пріобрѣтенія орудіями труда рѣшающаго значенія въ жизни. При этомъ изслѣдователю придется взять готовое объясненіе этого вопроса изъ біолотіи и затѣмъ пополнить это объясненіе тѣми измѣненіями, которыя были внесены въ теченіе *историческаго* періода подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, вслѣдствіе измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ. Вотъ только это и говоритъ Энгельсъ, поэтому „кажется“, что Энгельсъ ничего не измѣняетъ въ своемъ первоначальномъ взглядѣ на зна-

[1]) F. Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats, 4 Auflage, Stuttgart 1892. Есть нѣсколько русскихъ переводовъ (напр., 2 изданіе, Спб. 1894). Книга Моргана переведена на нѣм. языкъ Эйхгоффомъ при содѣйствіи Каутскаго: L. Morgan, Die Urgesellshaft, Stuttgart 1891 Съ этого изданія сдѣланъ русскій переводъ: Морганъ, Первоб. общество, Спб. 1900 г.

[2]) Карѣевъ, Старые и новые этюды объ экономич матер. стр. 133, 220 и др.

[3]) Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, стр. 136-137.

[4]) Бельтовъ, ibidem стр. 137-138.

ченіе производительныхъ силъ въ исторіи человѣчества и поэтому неправы г. г. Вейзенгрюнъ, Карѣевъ и Михайловскій, утверждая, что онъ его „измѣнилъ“. [1])

Изъ приведеннаго разсужденія останавливаетъ на себѣ вниманіе „серьезное“ отношеніе автора къ дѣлу, выражающееся въ томъ, что въ зоологическій періодъ жизни человѣка семейныя отношенія опредѣляются „общими условіями жизни вида“. При этомъ „общія условія жизни“ не опредѣляются и за опредѣленіемъ ихъ рекомендовано обратиться къ натуралистамъ. Но въ такомъ случаѣ незаконно противоположеніе періода жизни „до появленія орудій производства“, управляемаго „общими условіями жизни“—періоду „исторической“ жизни, управляемому „условіями производства“. Во-первыхъ противополагать можно лишь то, что опредѣлено. Во-вторыхъ „общія условія жизни“ ничего не опредѣляютъ. Въ третьихъ, съ точки зрѣнія марксизма, общія условія жизни и являются условіями производства и поэтому оба періода, зоологическій и историческій, для марксиста управляются одними и тѣми-же условіями. Въ четвертыхъ, если условія производства и общія условія жизни не одно и то-же, какъ утверждаетъ Бельтовъ, то экономика не является единственнымъ факторомъ и исторической жизни. Но всего этого мало. Г. Бельтовъ слишкомъ произвольно ставитъ грань между жизнію зоологической и исторической. Справки у натуралистовъ, которыя рекомендуетъ авторъ, показываютъ, что „историческая“ жизнь появляется со времени начала жизни соціальной, а послѣдняя коренится не въ условіяхъ производства, ибо „производство“ появляется гораздо позже начала общественной жизни: само производство есть продуктъ соціальной жизни. Но и помимо всѣхъ этихъ соображеній, для обоснованія положенія, что семья объясняется экономическими отношеніями, необходимы положительныя доказательства, взятыя изъ исторіи семьи. Г. Бельтовъ это сознаетъ и „обращается къ посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей“. [2]) Для этого онъ цитируетъ два мѣста изъ книги Жиро-Телона „Les origines de la famille“, появившейся въ 1874 г. (есть русскій переводъ), изъ которыхъ оказывается, что женевскій ученый связываетъ возникновеніе „обособленныхъ семейныхъ группъ“, внутри первобытной орды, съ ростомъ богатства племени и что переходъ отъ системы женскаго родства къ системѣ родства мужескаго въ особенности ознаменовался столкновеніями юридическаго характера на почвѣ права собственности. [3]) Остановимся пока на этихъ ссылкахъ. Оправдываютъ-ли онѣ мысль г. Бельтова? Нисколько, ибо, во-первыхъ, Жиро-Телонъ ставитъ въ связь не вообще исторію семейныхъ отношеній съ ростомъ богатства внутри орды, а лишь „обособленіе семейныхъ группъ“, каковое обособленіе, по ученію Жиро-Телона, возникло въ эпоху срав-

[1]) Бельтовъ, op. cit стр. 138-140.
[2]) Бельтовъ, op. cit стр 140.
[3]) Бельтовъ, op. cit стр. 140-141. Ко времени появленія книги г. Бельтова Жиро-Телонъ выпустилъ въ свѣтъ новое, совершенно переработанное изданіе своего труда, потребовавшаго и новаго заглавія: Les origines du Mariage et de la famille, Génève et Paris 1884.

нительно позднихъ историческихъ моментовъ жизни народовъ и потому эта связь не можетъ распространяться на всю болѣе древнюю, однако-жъ очень и очень продолжительную, соціальную (post—зоологическую) ихъ жизнь. Во-вторыхъ переходъ отъ женской филіаціи къ мужской Жиро-Телонъ ставитъ въ связь не съ экономикой, а съ правомъ. Но, скажутъ сторонники экономическаго матеріализма, „съ правомъ-на почвѣ собственности". Допустимъ на время. Но переходъ къ мужской филіаціи на столько позднее событіе что о немъ даже сохраняются воспоминанія въ народныхъ преданіяхъ (миѳъ объ Орестѣ, напримѣръ, См. труды Бахофена, Жиро-Телона, Даргуна, М. Ковалевскаго и др.). Такъ у египтянъ установленіе моногаміи, связанной съ мужской филіаціей, приписывается Менесу, у индійцевъ—Светакету, у аѳинянъ-Кекропсу, у китайцевъ—Фу-и и т. п. [1]) Конечно, эти свидѣтельства народной памяти не могутъ быть понимаемы въ прямомъ смыслѣ, но онѣ являются доказательствомъ того, что моногамная семья и переходъ къ агнатическому родству были плодомъ долгаго историческаго развитія и что этимъ явленіямъ предшествовалъ гораздо большій періодъ соціальной, т. е., по Бельтову, послѣ-зоологической жизни, когда существовали и иныя формы брака и иныя формы родства. Такимъ образомъ обращеніе г. Бельтова къ „посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей" оказывается неудачнымъ.

Но и этого мало. Я считаю неправильнымъ приписываніе тому или другому автору цѣлой научной концепціи на основаній трехъ фразъ, взятыхъ изъ его трудовъ, внѣ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ автора. Жиро-Телонъ дѣйствительно говоритъ то, что указано въ приведенныхъ г. Бельтовымъ цитатахъ, но онъ, отнюдь, не придаетъ при этомъ исключительнаго значенія экономикѣ: она у него только содѣйствующее развитію института начало, а не его основывающее. Иначе говоря, это основа не правообразующая, а правопереобразующая. Филіація по женской линіи основана у Жиро-Телона на естественности физіологической связи (даже въ прямомъ смыслѣ; см. его разсужденія о культѣ пуповины) и (въ чемъ онъ слѣдуетъ за Бахофеномъ, подъ общимъ вліяніемъ котораго написаны всѣ труды Жиро-Телона) на религіозномъ началѣ. Переходъ же къ агнатному родству составляетъ уничтоженіе стараго физіологическаго начала и появленіе видоизмѣненій въ религіозномъ культѣ. [2]) причемъ присоединяется усиливающееся вліяніе экономическихъ началъ. „Усиливающееся вліяніе" экономическихъ началъ—одно дѣло, а „исключительное" ихъ значеніе—совершенно другое.

Обращеніе къ „посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей" не ограничивается, однако, у г. Бельтова ссылками (неудачными, какъ оказалось при ближайшемъ анализѣ) на трудъ Жиро-Телона. Онъ ссылается еще на Макъ-Леннана и именно на его мнѣніе о вліяніи

[1]) I. Bachofen, Das Mutterrecht, 2 Auflage, Basel 1897, S. 21. G. Wilken, Over de Primitive vormen van het Huwelijk en den Oorsprong van het Gezin, Amsterdam 1881, стр. 6-7.

[2]) Giraud-Teulon, Les origines du Mariage et de la Famille, p. 348 sqq. et p. 427 sqq.

экономики на примитивное убійство дѣвочекъ. Правда, г. Бельтовъ тутъ-же указываетъ, что Энгельсъ относится очень отрицательно къ изслѣдованіямъ Макъ-Леннана и что взглядъ Макъ-Леннана кажется и ему, г. Бельтову, очень неудовлетворительнымъ, но что для него важно то, что Макъ-Леннанъ грѣшитъ тѣмъ-же грѣхомъ, въ которомъ упрекаютъ Энгельса. [1]) Намъ кажется, что въ такомъ случаѣ и не слѣдовало ссылаться на взглядъ Макъ-Леннана. Въ самомъ дѣлѣ этотъ ученый объяснялъ переходъ отъ эндогаміи къ экзогаміи исключительно съ точки зрѣнія экономики. При ближайшемъ изученіи вопроса со стороны цѣлаго ряда ученыхъ оказалось, что теорія Леннана невѣрна, какъ въ отношеніи сдѣланныхъ имъ выводовъ, такъ и въ отношеніи принятыхъ имъ основаній, такъ и съ точки зрѣнія фактовъ. [2])

Итакъ, пока ни одно изъ обращеній къ посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей не оправдало принятаго г. Бельтовымъ взгляда о томъ, что семейныя отношенія въ post—зоологическій періодъ жизни людей складывались подъ исключительнымъ вліяніемъ экономики и что, стало быть, принятіе Энгельсомъ за основу соціальной жизни также и „производства людей“ не составляетъ будто-бы „измѣненія первоначальнаго его взгляда“. Но послѣ обращенія къ посредничеству Жиро-Телона и Макъ-Леннана г. Бельтовъ восклицаетъ: „Продолжать ли намъ наши выписки, цитировать-ли Липперта, Моргана? Мы не видимъ въ этомъ надобности: кто читалъ ихъ, тотъ знаетъ, что въ этомъ отношеніи они такіе же грѣшники, какъ Макъ-Леннанъ или Энгельсъ. Не безъ грѣха въ этомъ отношеніи и Спенсеръ, соціологическія воззрѣнія котораго не имѣютъ ничего общаго съ экономическимъ матеріализмомъ“. [3]) Допустимъ, что ссылка г. Бельтова на Липперта, Моргана и Спенсера правильна. Но это только и доказывало бы, что и эти ученые ошибаются. Однако, эта ссылка въ большей части невѣрна и ошибочность этой ссылки ясна именно для тѣхъ, кто не только читалъ труды этихъ авторовъ, но и вчитывался въ нихъ. Собственно доказывать, что ссылка на Спенсера неудачна, является излишнимъ въ виду оговорки, сдѣланной г. Бельтовымъ. Однако, можно сказать, что семейныя отношенія играютъ у Спенсера роль учрежденія, направленнаго къ сохраненію вида, причемъ экономика имѣетъ только подчиненное значеніе. [4]) Признавать, что экономика является одной изъ силъ, вліяющихъ на развитіе семьи, не значитъ признавать, что „производство людей“ основывается исключительно на экономическихъ условіяхъ жизни. Это не мѣшаетъ повторять, такъ какъ стремленіе смѣшать эти два понятія замѣчается въ наукѣ очень часто. Ну, а Липпертъ? Здѣсь ссылка г. Бельтова представляется въ значительной мѣрѣ обоснованной. Однако, и у

[1]) Бельтовъ, op. cit., стр 141.

[2]) См. критику взглядовъ Леннана у Спенсера (Основ. соціологіи, т. II, ч 3, стр. 678—680), Мэна (Др. законъ и обычаи), Ефимова, Очерки древнеримскаго родства и наслѣдованія, М. Ковалевскаго, Первоб. право, Москва 1886 г. вып. 1, стр. 112—117. Гальперина, Очерки первоб. права, стр. 24 и слѣд.

[3]) Бельтовъ, op. cit., стр. 142.

[4]) См. напр. у Спенсера, Основ. соціологіи, русск. изданіе 1876—1877 г., стр. 664 и слѣд.

Липперта экономика имѣетъ значеніе лишь доминирующее, но отнюдь не исключительное. Такъ, разсматривая примитивное родство по женской линіи (Липпертъ идетъ даже слишкомъ далеко: онъ не только принимаетъ за доказанное примитивный матернитетъ, т. е. женскую филіацію, но и примитивный матріархатъ, т. е. женовластіе, въ чемъ онъ слѣдуетъ за отстаиваемою Бахофеномъ первобытною гинайкократіею,—т. е. за ученіемъ, почти совершенно недоказаннымъ, если не считать исключительныхъ свидѣтельствъ, историческихъ и этнографическихъ, объ амазонствѣ),—Липпертъ находитъ, что оно коренится въ началахъ материнской любви и въ физіологическомъ фактѣ продолжительнаго кормленія дѣтей молокомъ матери. [1]) Весьма недвусмысленно выражается Липпертъ въ предисловіи къ своему труду: всемогущимъ двигателемъ прогресса является у него стимуль *самосохраненія*, каковой стимулъ дѣйствуетъ одновременно и на способы питанія, и формы труда, и на организацію хозяйства, на приготовленіе и изобрѣтеніе орудій, на искусство рѣчи, на самую умственную дѣятельность, на организацію общества, нравственныя идеи, идеалы и формы культа. [2])

Оказывается, вопреки мнѣнія г. Бельтова, что „продолжать выписки“ было-бы очень полезно. Остается трудъ Моргана, на которомъ основано и самое сочиненіе Энгельса. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить, что Морганъ зачисленъ г Бельтовымъ въ сторонники „экономизма“ лишь по недоразумѣнію По совершенно вѣрному замѣчанію Масарика, у Моргана факторъ „производства“ является только однимъ изъ факторовъ культуры и притомъ условнымъ. „Въ дѣйствительности Морганъ различаетъ историческіе періоды на основаніи четырехъ факторовъ: изобрѣтенія и открытій, строя семьи и племени и, наконецъ, отношеній собственности. Морганъ не придаетъ всѣмъ этимъ факторамъ одинаковаго значенія; наибольшую роль у него играютъ семейныя отношенія, тогда какъ при характеристикѣ періодовъ у Энгельса этотъ факторъ подчиненный. Морганъ раздѣляетъ эти четыре фактора на нѣсколько категорій: строй жизни—общественныя учрежденія—языкъ—семья—религія—домашняя жизнь—архитектура—собственность. Наконецъ, Морганъ считаетъ движущими силами исторіи идеи и стремленія“. [3])

Итакъ, всѣ обращенія къ посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей оказались неудачными. Нужно замѣтить, что, если бы г. Бельтовъ не ограничилъ своего „обращенія“ трудами Жиро-Телона, Макъ-Леннана, Моргана, Липперта и Спенсера (Энгельсъ еще знаетъ и Бахофена), а обратился-бы также и къ другимъ трудамъ по данному вопросу, вышедшимъ до 1895 г. (годъ появленія книги г. Бельтова), напримѣръ Фридрихса, Бернгефта, Гелльвальда, Леббока, Уэка, Физона и Гойита, Ковалевскаго, Кулишера, Летурно, Поста, Бастіана, Вилькена, Старке, Даргуна, Робертсона-Смитта, Вестермарка, Колера,

[1]) Lippert, Die Geschichte der Familie, Stuttgart 1884, s. 20—21. Въ русск. переводѣ (Спб. 1897 г.), стр. 17 и слѣд.

[2]) Lippert, op. cit., s. 2—4; въ русск. перев. стр. 1 и 3.

[3]) Масарикъ, Философск. и социолог. основанія Марксизма. Москва 1900 г., стр. 306, примѣч.

Кунова, Каутскаго,—то въ большинствѣ трудовъ онъ нашелъ бы совершенно иное отношеніе къ дѣлу, чѣмъ у Энгельса; а хотя Каутскій, Куновъ, Винярскій, а впослѣдствіи и Краузъ, и придерживаются экономики, какъ исключительной основы первобытной семьи, то за-то именно у Каутскаго и Кунова г. Бельтовъ встрѣтилъ бы (особенно у Кунова) отрицательное отношеніе къ многому, изъ того что Морганъ считаетъ доказаннымъ (напр., по вопросу о групповомъ бракѣ).

Все до сихъ поръ сказанное относится къ семьѣ. Г. Бельтовъ дѣлаетъ справки у „спеціальныхъ изслѣдователей“ и по вопросу о коммунизмѣ общественнаго быта первобытныхъ племенъ и при этомъ цитируетъ одинъ изъ трудовъ М. М. Ковалевскаго, указываетъ мимоходомъ на книгу Н. Зибера „Очерки первобытной экономической культуры“ и заключаетъ, что въ первобытномъ обществѣ рѣшающее значеніе имѣетъ только экономика, именно организація производства. Изъ примитивнаго коммунизма начинаютъ выдѣляться предметы личнаго присвоенія по тому же принципу, именно предметами индивидуальнаго обладанія являются тѣ предметы, относительно которыхъ первобытный человѣкъ приходитъ къ мысли объ индивидуальной собственности „вслѣдствіе примѣненія своихъ индивидуальныхъ силъ къ производству предмета“. Такими „предметами производства“ являются прежде всего „оружіе, одежда, пища, украшеніе и т. п., прирученныя животныя“. [1]) Ссылку на трудъ г. Ковалевскаго я считаю неудачной, ибо г. Бельтовъ забываетъ отмѣтить, что М. М. Ковалевскій, придавая большое значеніе экономикѣ, что совершенно правильно, не приписываетъ ей, однако, исключительнаго значенія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ трудовъ г. Ковалевскій прямо говоритъ: „трудовое начало, въ которомъ ошибочно было бы видѣть древнѣйшую основу семейнаго общенія, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ облегченія выдѣловъ все большее и большее значеніе“.[2]) Къ свѣдѣнію марксистовъ добавимъ, что на международномъ конгрессѣ соціологовъ 1900 года М. М. Ковалевскій замѣтилъ, что всѣмъ марксистамъ онъ долженъ сдѣлать упрекъ въ преувеличеніи значенія принципа, самого по себѣ вѣрнаго и плодотворнаго, именно принципа о вліяніи экономическихъ условій на политическую структуру обществъ, причемъ, однако, марксисты игнорируютъ другія стороны общественной жизни [3]).

Что касается затѣмъ труда покойнаго проф. Н. Зибера, то, во-первыхъ по поводу него тотъ же М. Ковалевскій говоритъ слѣдующее. „Имѣя своимъ исходнымъ началомъ принципъ родоваго и и семейнаго общенія, собственность на движимость развивается не благодаря лишь одному процессу раздѣленія труда въ предѣлахъ кровныхъ сообществъ, какъ ошибочно думаетъ г. Зиберъ, а по мѣрѣ паденія въ средѣ родственниковъ сознанія ихъ кровнаго единства“[4]).

---

[1]) Бельтовъ, op. cit стр. 149—151.

[2]) М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ, т. I, Москва 1886 г., стр. 333—334.

[3]) Annales de l'Institut International de sociologie, tome VIII, Paris 1902, p. 121—122.

[4]) М. Ковалевскій, Соврем. обычай и древн. законъ, т. I, стр. 128.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) я разобралъ подробно этнографическій матерьялъ, собранный г. Зиберомъ, и доказалъ, что выводъ его, въ своей исключительности, не соотвѣтствуетъ историческимъ и этнографическимъ даннымъ. Теперь-же сдѣлаю еще одно замѣчаніе по поводу разсужденій г. Бельтова. Приведя цитату изъ труда Ковалевскаго „Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété“ (есть русскій переводъ) о томъ, что индивидуальная собственность на движимость въ первобытныя времена связана съ примѣненіемъ индивидуальныхъ силъ къ производству предмета и не замѣтивъ, что это обстоятельство стоитъ въ связи не съ первобытнымъ коммунизмомъ, а съ совершенной противоположностью послѣдняго, г. Бельтовъ заключаетъ, что предметами личнаго „присвоенія“ становятся раньше всего оружіе, одежда, пища, украшеніе и т. п. [2]) Что, однако, разумѣетъ г. Бельтовъ подъ индивидуальнымъ присвоеніемъ пищи? И почему. тогда какъ г. Ковалевскій, на разсужденіи коего основано заключеніе г. Бельтова, говоритъ объ индивидуальномъ „обладаніи“ предметами, г. Бельтовъ замѣняетъ этотъ юридическій признакъ, отмѣчающій по существу процессъ длительный, признакомъ „присвоенія“? Обладаніе пищей обозначаетъ величину экономическую, запасъ пищевыхъ продуктовъ; присвоеніе пищи не имѣетъ ничего общаго съ экономикой, а въ особенности съ производствомъ. Но быть можетъ г Бельтовъ имѣетъ въ виду именно обладаніе пищей, а не присвоеніе ея? Можетъ быть, но онъ этого не говоритъ. Впрочемъ, если-бы онъ это сказалъ, то ему пришлось бы объяснить цѣлый рядъ фактовъ, извѣстныхъ эмбріологіи права, вродѣ слѣдующихъ. Каффры во время охоты убиваютъ совершенно безполезно столько дичи, что большая ея часть гніетъ на лугахъ и въ лѣсахъ; [3]) тоже самое дѣлаютъ и многіе другіе народы (факты см. у Лихтенштейна, Мунцингера, Вайца и др.)

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что обоснованіе строя и развитія семьи на почвѣ одной экономики не выдерживаетъ испытанія съ точки зрѣнія фактовъ. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, что „производство людей“ является несомнѣннымъ отступленіемъ отъ кореннаго взгляда экономическаго матеріализма, что-бы объ этомъ ни говорили марксисты. Нужно замѣтить, что попытки обоснованія исторіи семьи на почвѣ экономики сдѣланы послѣ Энгельса Винярскимъ, Куновымъ, Краузомъ, Гроссе и Гильдебрандтомъ, но мы этихъ трудовъ не касались, потому-что имѣли въ виду лишь тѣ работы по исторіи семьи и исторіи права и культуры вообще, которыя могли бы быть извѣстными г. Бельтову (т. е. вышедшія до 1895 г.), такъ какъ данный вопросъ нами разсмотрѣнъ лишь въ связи съ главной темой: отступилъ-ли марксизмъ отъ своей исключительной точки зрѣнія или нѣтъ. Въ отчетномъ-же году трудовъ по исторіи семьи (кромѣ разсматриваемаго въ третьей части настоящаго обзора труда Шюртца и небольшихъ работъ Томаса, Мацарелла и Липперта) не появлялось и

---

[1]) С. И. Гальперинъ, Очерки перев. права, С-Пет. 1893 г, стр. 30—31; стр. 42 и слѣд.

[2]) Бельтовъ, l. c., стр. 150.

[3]) Приведено мною въ „Очеркахъ первоб. права“, стр. 35.

потому я считаю невозможнымъ разсмотрѣть вопросъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ того заслуживаетъ.

VI.

Послѣ всего сказаннаго мы приходимъ къ убѣжденію, что вполнѣ правы г. г. Вейзенгрюнъ, Масарикъ, Бернштейнъ, Карѣевъ и Михайловскій, что въ трудѣ Энгельса нужно видѣть уступку со стороны Марксизма, уступку, въ которой марксизмъ отказывается отъ исключительнаго главенства экономики въ строѣ и движеніи соціальной жизни. Мы видѣли раньше, что такія же уступки сдѣланы были и въ области признанія вліянія идеи на ходъ историческаго процесса и даже со стороны Маркса (въ письмѣ къ Михайловскому) и Энгельса (въ письмахъ, опубликованныхъ послѣ его смерти) въ отношеніи „необходимости“ самоотрицанія капитализма безъ вмѣшательства активныхъ личныхъ силъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ предсталъ экономическій матеріализмъ на судъ международнаго конгресса соціологовъ.

Первымъ докладчикомъ по вопросу о соціальной философіи марксизма явился извѣстный марксистъ Казиміръ Келлесъ-Краузъ, [1]) который въ своемъ краткомъ изложеніи доктрины прежде всего указываетъ на трудность задачи въ виду того, что ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни ихъ главные ученики—Каутскій, Плехановъ, Лабріола, не дали ни одного труда, въ которомъ была бы систематически изложена философія матеріалистической, или, какъ г. Краузъ считаетъ предпочтительнѣй,—моно-экономической, концепціи соціологіи. [2]) Понятіе жизни людей, говоритъ г. Краузъ, составляетъ результатъ трехъ факторовъ—самого человѣка, природы и общества. Моментъ группировки совершенно измѣняетъ отношеніе между живымъ существомъ и природой: группировка создаетъ искусственную среду, которая приходитъ въ отношенія между человѣкомъ и средой природной и совершенно измѣняетъ вліянія послѣдней и именно направляетъ ихъ на пользу перваго Ассоціація ведетъ къ воздѣйствію человѣка на природу. Но ассоціація не опредѣляется только заботой о защитѣ и производствѣ: она ведетъ также къ изобрѣтенію орудій производства, этихъ искусственно созданныхъ и усиленныхъ орудій по образцу естественныхъ, которыя и даютъ возможность человѣку воздѣйствовать на физическую среду его. Изолированный человѣкъ не былъ въ состояніи совершенствовать орудія производства и довести ихъ до состоянія, идущаго за предѣлы крайняго несовершенства: общество и орудія производства становятся нераздѣлимыми, являются взаимно другъ друга обусловливающими и образуютъ единую искусственную среду, которая и становится между человѣкомъ и его физической средой. Хотя, послѣ тѣхъ замѣчаній общаго характера, которыя нами сдѣланы объ исторіософіи марксизма, мы могли бы, въ особенности въ виду того, что это значительно расширяло бы задачи „обзора“, и не касаться частностей, съ которыми мы не согласны,

[1]) Annales de l' Institut Insernational de Sociologie, tome VIII, Paris 1902, p. 49-95

[2]) Annales etc., p. 51

однако-жъ по временамъ мы будемъ дѣлать отступленія отъ этого общаго правила настоящей работы. Такое отступленіе сдѣлаемъ мы и здѣсь. Краузъ самъ заявляетъ, что лишь соціальная жизнь ведетъ къ усовершенствованію орудій производства, которыя, однако, существуютъ и до-того, но въ несовершенномъ видѣ, и такимъ образомъ орудія производства не создаютъ соціальной жизни, а вытекаютъ изъ нея (и даже не самыя орудія, а лишь ихъ усовершенствованіе)—и однако-же немедленно эти орудія производства превращаются въ начало, создающее соціальную жизнь. Краузъ совершенно не замѣчаетъ этого противорѣчія и спокойно кладетъ только-что отмѣченное положеніе въ основу всего своего доклада.

Однако, обратимся къ дальнѣйшей аргументаціи докладчика. Человѣкъ приспособляется къ условіямъ существованія, говоритъ Краузъ (связь съ біологической эволюціей), посредствомъ измѣненія орудій производства на почвѣ обобществленія таковыхъ. Исторія началась только съ того момента, когда орудія производства и защиты стали производиться соціально. Съ этого момента не измѣнились ни физическая среда, ни физическая организація человѣческой расы (послѣднее утвержденіе невѣрно: соціальная жизнь несомнѣнна отразилась на „физической организаціи человѣческой расы“. Ср. хотя-бы разсужденія объ этомъ Б. Кидда); только общество измѣнилось, и его измѣненія, его исторія, стало быть. обязана „всецѣло“ измѣненію орудій производства. [1]) Орудія же производства, орудія вообще, въ связи съ вліяніемъ физической среды, опредѣляютъ и способы производства (это одна изъ основныхъ мыслей Маркса, также подвергшаяся научной критикѣ, на которой, однако, мы пока не нашли нужнымъ остановиться). Способы производства мѣняются отъ первобытныхъ до нашихъ дней и оказываютъ исключительное вліяніе на строй и жизнь общества. Въ примитивное время это такъ, потому что вся умственная и эмоціональная дѣятельность людей въ обществѣ, не исключая и явленій, обозначаемыхъ терминами „искусство“, „философія“ и „религія“ (конечно, говорится о первобытныхъ искуствѣ, мышленіи и культѣ), имѣютъ единственною цѣлью сохраненіе жизни и удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей и даже позже, новыя модификаціи въ этихъ явленіяхъ не рождаются прежде, чѣмъ не появляются измѣненія въ экономическихъ условіяхъ жизни. Словомъ, мораль, право, политика, религія, искусство, наука-всѣ имѣютъ утилитарное происхожденіе и существованіе и потому онѣ не могутъ противорѣчить способамъ производства, а должны, наоборотъ, къ нимъ приспособляться.[2])

Не отвергая значительной доли правды въ воззрѣніи на утилитарный характеръ искусства, культа, науки и т. п. (въ экономическомъ матеріализмѣ вообще много вѣрнаго и цѣннаго), считаю нужнымъ указать, что археологія, сравнительная миѳологія, сравнительное языкознаніе и культура, какъ и исторія религіи и науки, показываютъ, что, какъ нынѣ, такъ и отъ момента происхожденія отмѣченныхъ Краузомъ сторонъ духовной жизни народовъ, онѣ (эти стороны) имѣютъ и имѣли не только утилитарное значеніе, а и an und

[1]) Annales etc., томъ 8, стр. 55-56.
[2]) Annales etc, томъ 8, стр. 57-58.

für sich, какъ потребность удовлетворенія влеченіямъ познаній и удовольствій. Рисунки на костяхъ мамонта, оленя и другихъ животныхъ временъ каменнаго вѣка, какъ и рисунки какихъ-нибудь современныхъ эскимосовъ имѣли цѣлью не только удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей человѣка (см. труды Тейлора, Леббока, Шюртца, Нидерле, Гроссе и др.,) но и потребностямъ эстетическаго свойства, весьма рано проснувшимся въ первобытномъ человѣкѣ. Совсѣмъ не утилитарнаго происхожденія первобытные орнаменты на посудѣ и т. п. Первобытные танцы и пѣсни имѣли несомнѣнно и утилитарное значеніе—воодушевленія бойцовъ и устрашенія непріятеля (Кулишеръ, Бюхеръ и др.), но имѣли и значеніе эстетическаго свойства (Шрадеръ, Тейлоръ и др.), Первобытное мышленіе и въ особенности первобытный культъ—совершенно не стоятъ въ связи съ экономикой, а что касается ихъ утилитарнаго значенія, то такого нельзя признать за первобытнымъ одухотвореніемъ явленій природы; страхъ и стремленіе постичь непонятное и освѣтить его съ точки зрѣнія понятнаго въ данное время и при данныхъ условіяхъ (Штейнметцъ, Спенсеръ, Липпертъ),—также не имѣютъ утилитарнаго характера.

Съ другой стороны я не вижу у Крауза оправданій для вывода, что утилитарный характеръ отмѣченныхъ имъ сторонъ духовной жизни велъ къ необходимости приспособленія ихъ къ способамъ производства. Мнѣ кажется, что исторія первобытной культуры оправдываетъ одновременное „приспособленіе“ способовъ производства къ потребностямъ такихъ сторонъ духовной жизни, какъ искусство, религіозный культъ, связанные съ послѣднимъ ритуалы и т. п. По крайней мѣрѣ доисторическая археологія и исторія культуры, какъ и сравнительная этнографія и лингвистика (см. напр. замѣчательный трудъ проф. Шрадера)—позволяютъ сдѣлать заключеніе, идущее въ разрѣзъ съ категоричностью вывода Крауза.

Обратимся, однако, далѣе къ разсужденіемъ Крауза. Исходя изъ вышеотмѣченной идеи и связавъ ее съ положеніемъ, что съ способами производства необходимо соподчинены раздѣленіе труда и распредѣленіе богатствъ, Краузъ находитъ, что такимъ образомъ основой общественной жизни является экономическая организація даннаго времени и что соотношеніе между нею и духовными явленіями жизни общества составляютъ отношенія между базисомъ и надстройкой, между содержаніемъ и формой. Съ этой точки зрѣнія соціальные феномены должны быть распредѣлены согласно ихъ формальному (т. е. второстепенному, подчиненному) порядку и являться въ отношеніи орудій производства—вторичными, третичными и т. д. Авторъ и предлагаетъ подобное распредѣленіе. Вотъ, по Краузу, его три главныхъ члена: 1) экономика, 2) мораль и право [1]) и именно мораль и право собственности, семьи, власти—или вообще говоря правилъ всякой активности (т. е соціальной телеологіи) и 3) наука, искусство, религія и философія, „соціальная логика“.[2])

[1]) Мы уже знаемъ, что этой „формѣ“ максистъ Штаммлеръ придаетъ самостоятельное значеніе.

[2]) Casimir de Kellès—Krauz, Qu'est ce que le materialisme économique? Въ „Annales de l'Institut International de Sociologie, t. VIII, Paris 1902, p. 60—62.

Далѣе Краузъ останавливается на слѣдующемъ вопросѣ: „каковаже дѣйствительная, а не аллегорическая (?) роль „соціальной формы“ въ отношеніи „содержанія“, надстройки въ отношеніи базиса?“ Это, отвѣчаетъ авторъ, отношеніе средства къ своей цѣли. Удовлетвореніе біологическихъ потребностей является цѣлью экономической дѣятельности (напримѣръ, убиваніе громадныхъ количествъ дичи, такъ что большая часть ея остается гнить въ лѣсахъ и на поляхъ ?), а для этой дѣятельности средствами являются: мораль, какъ средство гарантіи соотвѣтствующаго функціонированія дѣятельности и ея устойчивости; право, какъ средство охраненія морали; власть—какъ средство упроченія и дѣйствіи права и т. д.[1]) Нужно признаться, довольно широкій взглядъ на мораль, право, власть, а затѣмъ и на науку.

Всѣ эти „средства“ подчинены каждое своей цѣли, а всѣ послѣдующія, прямо и косвенно, всѣмъ предыдущимъ и, въ послѣднемъ счетѣ, своей основной цѣли—экономикѣ (а не біологическимъ потребностямъ, которыя, по Краузу, являются цѣлью экономики, какъ послѣдняя является средствомъ этихъ потребностей ?). Это подчиненіе еще упрочивается благодаря раздѣленію труда и раздѣленію классовъ, обстоятельства, которыя и создаютъ науку и политику, и искусства и т. п. и которыя *затѣмъ* становятся, и то лишь для лицъ, имъ себя посвятившихъ, уже не только средствомъ по отношенію къ другому, являющемуся цѣлью, а и цѣлью сами по себѣ: наука для ученаго, искусство для художника и т. д. А для не-художника, для не-литератора, г. Краузъ, искусство является только „средствомъ“, имѣетъ только утилитарное значеніе? Но г. Краузъ такимъ вопросомъ не задается и продолжаетъ: такимъ образомъ науки и искусство становятся „незаинтересованными“ и пріобрѣтаютъ, въ отношеніи къ „базису“ или „содержанію“ соціальной жизни,—исвѣстнаго рода независимость (срав. съ уступкой въ пользу „извѣстнаго рода независимости‘ идеологической надстройки со стороны Вейзенгрюна, Николаева и даже Лабріола). Эта независимость проявляется прежде всего — и въ особенности — въ формѣ сопротивленія противъ тенденціи эволюціоннаго и трансформистскаго характера со стороны соціальнаго содержанія (сирѣчь—экономики) Соціальная форма здѣсь проявляется какъ родъ покровительственной и консервативной оболочки, коры: она задерживаетъ трансформацію самого „содержанія“, все равно какъ обледѣненіе препятствуетъ прогрессу охлажденія и т. п. [2]) Но тутъ выступаютъ на сцену орудія производства: подъ стремленіемъ къ полученію большихъ результатовъ съ наименьшими усиліями, подъ стремленіемъ къ большей продуктивности, техническая основа общества преобразуется, не смотря на сопротивленіе формы (а доказательства „сопротивленія формы“ преобразованію собственно техники? Вѣдь здѣсь говорится именно о техникѣ производства, а не о способѣ его). Тогда наступаетъ время, въ которое „форма“ опаздываетъ въ сравненіи съ развитіемъ содержанія. Идеологія, вся надстройка

[1]) Krauz, тамъ-же стр. 62—63.
[2]) Краузъ, тамъ-же, стр. 63.

расходится съ прогрессомъ содержанія, пока эта идеологія (мораль, даже наука, право и т. п.) не становится „переживаніемъ“. А между тѣмъ техническій базисъ продолжаетъ свое развитіе, пока, въ концѣ концовъ, противорѣчіе между нимъ (базисомъ) и формой не достигаетъ такого напряженія, что оболочка уступаетъ или лопается и форма приспособляется къ новому содержанію-постепенно или путемъ катастрофы (антитезисъ, синтезисъ и Zusammenbruch, какъ членъ тріады?). Само собой разумѣется, что это приспособленіе начинается прежде всего въ категоріи феноменовъ, которые являются непосреднымъ началомъ надстройки, такъ что въ другихъ слояхъ надстройки это движеніе отдается гораздо позже. [1]) Не нужно только понимать этотъ процессъ такъ, что всякое измѣненіе въ способахъ производства отражается на надстройкѣ по восходящей линіи „этажей“ послѣдней—напротивъ: это отраженіе происходитъ по путямъ весьма сложнымъ и различнымъ.

Краузъ далѣе замѣчаетъ, что экономическій матеріализмъ не разсматриваетъ „соціальную форму“, „идеологію“, какъ простой эпифеноменъ и не представляетъ себѣ роль ея въ отношеніи экономическаго базиса въ роди того, какъ бы это было рѣкой, текущей подо льдомъ (!). Напротивъ, экономическій матеріализмъ признаетъ за идеологіей относительную независимость, даже силу обратнаго воздѣйствія на основу. Это обратное воздѣйствіе легко усмотрѣть въ консервативныхъ и задерживающихъ движеніяхъ, проявленіяхъ идеологіи. Но это въ то-же время не единственная сторона воздѣйствія идеологіи на экономическій базисъ. Несоотвѣтствіе содержанія и оболочки ведетъ часто къ уничтоженію послѣдней путемъ катастрофъ. Измѣненія отношеній между формой и содержаніемъ происходятъ всегда, но это не составляетъ двухъ явленій, а лишь двѣ стороны одного и того-же явленія, стороны взаимно другъ-друга обусловливающія. Все равно, какъ при сжиганіи свѣчи—таяніе стеарина обусловливаетъ пламя, а послѣднее, въ свою очередь, обусловливаетъ таяніе стеарина. Причина въ соціальномъ процессѣ становится постоянно слѣдствіемъ и обратно-слѣдствіе становится причиной. Таковъ наиболѣе общій смыслъ знаменитой и такъ называемой „мистической“ гегеліано-марксистской діалектики. Отсюда понятно, что жизнь соціальная единна, что экономическая эволюція не можетъ быть понятна безъ эволюцій права или философіи, и обратно и что, вообще, ни одинъ порядокъ феноменовъ не можетъ быть изолированъ отъ другихъ, иначе какъ лишь путемъ абстракціи, нужной для особенныхъ цѣлей изслѣдованія. Но, производя подобное абстрагиваніе и классификацію феноменовъ, не нужно забывать сосуществованія этихъ феноменовъ и того, что они всѣ покоятся на экономической основѣ. При этомъ нужно замѣтить, что никакая инновація въ порядкѣ явленій формальныхъ (надстройки) не можетъ воспріять силы, если она не соотвѣтствуетъ состоянію экономическаго базиса. [2])

Затѣмъ Краузъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о классахъ и о проявленіи экономики въ классовой борьбѣ (соціальная динамика

[1]) Краузъ, op. cit., стр. 64—65.
[2]) Краузъ, op. cit., стр. 66—68.

марксизма). Въ первобытную эпоху коммунистическаго строя нѣтъ еще классовъ, но имѣются уже дѣленія, большей частью опредѣляемыя біологическими силами. Съ появленіемъ индивидуальной собственности наступаетъ расчлененіе общества—впервые на господъ и рабовъ, а затѣмъ вообще на собственниковъ и экспропріированныхъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ эти классы расчленяются, и общество включаетъ уже не два, а много классовъ. Когда законъ самъ признаетъ эти классы, они становятся „состояніями“ и „кастами“.

Классы становятся базисомъ для всей соціальной надстройки, которая дѣлается также классовой. Съ развитіемъ техники одинъ классъ усиливается, другой ослабѣваетъ и такимъ образомъ классовый антагонизмъ обостряется. Дѣленіе на классы кладетъ глубокій и характерный отпечатокъ на всю общественную жизнь. Оно влечетъ за собой необходимымъ образомъ борьбу классовъ. Каждый классъ вырабатываетъ свою концепцію морали, права, науки, искусства, философіи, однимъ словомъ свое міровоззрѣніе. Все общество, такъ сказать, дѣлается классовымъ—оно, въ каждое данное время, является результатомъ различныхъ классовыхъ тенденцій, дѣйствующихъ одна на другую подъ различными углами зрѣнія. Въ этомъ и заключается „приспособленіе“ соціальной формы къ своему содержанію. Это приспособленіе происходитъ двумя способами—безсознательнымъ приспособленіемъ, или во всякомъ случаѣ-безличнымъ, не на почвѣ сознанной финальности, и, во вторыхъ, сознательно, на почвѣ опредѣленныхъ стремленій. Общество съ развитымъ классовымъ расчлененіемъ по необходимости идетъ по второму пути развитія, то есть на почвѣ финальности классоваго характера, и такая сознательная борьба длится, пока не завершится діалектическій циклъ исторіи („скачекъ“ въ неклассовую организацію по терминологіи Энгельса). Это завершеніе, какъ синтезисъ діалектики, имѣетъ свой праобразъ въ исторіи въ первобытномъ не-классовомъ строѣ общества. [1])

Послѣднее разсужденіе приводитъ автора къ заключенію о необходимой связи экономическаго матеріализма съ соціализмомъ. [2]) Затѣмъ Краузъ дѣлаетъ еще нѣкоторыя замѣчанія, которыя представляются существенными для задачи настоящаго обзора и на которыхъ, поэтому, мы и остановимся. Но прежде оговоримся, что мы не дѣлали замѣчаній на все ученіе марксизма о соціальной динамикѣ, какъ „борьбѣ экономическихъ классовъ“, но что мы еще остановимся ниже на этомъ вопросѣ, послѣ того какъ изложимъ взглядъ на этотъ предметъ извѣстнаго итальянскаго соціолога А. Лоріа. А теперь возвратимся къ Краузу. „Марксизмъ, говоритъ онъ, [3]) въ прямое противорѣчіе со взглядами тѣхъ, которые съ нимъ незнакомы основательно, *не является догмой*; было бы даже преувеличеніемъ сказать, что онъ является системой. Это *методъ* изслѣдованія, или, скорѣе, методъ, несущій всегда зерно предпосылокъ и совокупность характерныхъ заключеній; это способъ отношенія къ соціальной жизни и ея познаванія съ цѣлью ее объяснить и ее направлять (роль личности въ

[1]) Краузъ, op. cit., стр. 70—75.
[2]) Краузъ, op. cit., стр 76 и слѣд.
[3]) Краузъ, op. cit., стр. 82—83.

исторіи?). Въ такомъ видѣ матеріализмъ помѣщается въ современной научной атмосферѣ, все равно какъ и позитивизмъ. Но марксизмъ превосходитъ эклектизмъ послѣдней школы; онъ отказывается отъ простого констатированія явленій, но ищетъ, и полагаетъ, что отыскалъ, тотъ основной процессъ, который ведетъ эти явленія. Это не значитъ, что экономическій матеріализмъ является методомъ исключительнымъ: ни одинъ (?) марксистъ не станетъ претендовать на то, чтобы объяснять всѣ феномены данной эпохи и данной страны исключительно явленіями экономическаго свойства, потому что всякій марксистъ знаетъ о существованіи причинъ аллотопическихъ и аллохроническихъ (иного характера, собственно чужого—и иного времени). Но это не имѣетъ значенія, потому что съ точки зрѣнія экономическаго монизма,—соціальная форма, послѣ долгаго періода развитія, лишенная своего экономическаго базиса, должна совершенно и безслѣдно исчезнуть и потому, что даже природа человѣческая можетъ совершенно реорганизоваться".

Замѣтимъ, что признаніе автора о томъ, что марксизмъ не составляетъ ни догмы, ни системы, а является лишь медотомъ изслѣдованія соціальной жизни—не ново въ наукѣ, Такое признаніе сдѣлано уже до того профессоромъ А. Лабріола. По этому поводу Бенедето Кроче замѣчаетъ совершенно основательно, что марксизмъ является опредѣленнымъ воззрѣніемъ, но не методомъ. У него есть свой методъ, но онъ не составляетъ неотъемлемаго метода марксизма. Марксизмъ есть воззрѣніе, но не методъ. [1]) Замѣчаніе вполнѣ вѣрное—и потому воззрѣніе о томъ, что марксизмъ не является догмой, должно быть отвергнуто. Правильна-ли эта догма, не какъ экономическая доктрина, а какъ историческое воззрѣніе—это другой вопросъ. Но отрицать за нимъ значеніе философской доктрины невозможно.

Слѣдующее интересное замѣчаніе Крауза заключается въ томъ значеніи, которое онъ придаетъ живо обсуждаемому въ наукѣ вопросу о динамическомъ характерѣ „идеи", которая будто-бы игнорируется матеріализмомъ, о значеніи индивидуальности, тиранизируемой фатализмомъ марксистовъ. Матеріализмъ, говорятъ многіе, выводитъ „идею" изъ „факта", что является абсурднымъ съ точки зрѣнія теоріи познанія, каковому заключенію слѣдуетъ противоположить „психологическую" теорію общества. Краузъ находитъ, что все это является простымъ „недоразумѣніемъ", ибо марксистская соціологія также по существу соціологія „психологическая", какъ и всякая другая; она только не видитъ въ идеѣ и фактѣ двухъ отдѣльныхъ и противоположныхъ моментовъ. Марксизмъ, какъ и другія соціологическія ученія, признаетъ, что общество состоитъ изъ индивидовъ и что ничто не является соціальнымъ, что не проходитъ чрезъ индивидовъ, въ индивидуальныхъ „душахъ". Основной „фактъ" марксистской соціологіи—экономика—не менѣе психологиченъ, чѣмъ философская или артистическая идея. Вопросъ только перемѣщенъ: дѣло идетъ о порядкѣ появленія и іерархіи различныхъ психическихъ функцій соціальнаго человѣка. Въ этомъ порядкѣ функція экономи-

[1]) B. Croce, Sulla Concezione Materialistica della storia, Napoli 1896, p. 9.

ческая сама собой является основной.[1]) Поэтому и „поворотъ къ Канту“, такъ прошумѣвшій въ послѣднее время, вовсе не знаменуетъ собой „кризиса марксизма“[2]) Возможно, что философія будущаго будетъ иной, чѣмъ философія марксизма (философія метода?), но объ этомъ пока судить невозможно. Только съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія философіи будущаго, можно говорить о томъ, что кризисъ марксизма настанетъ и даже непремѣнно настанетъ (не будетъ классовъ въ виду „скачка“?).[3]) Наконецъ, марксизмъ не амораленъ, т. е. не отрицаетъ значенія этики и даже имѣетъ свою этику, что-бы объ этомъ ни говорили противники марксизма.[4])

Только-ли „противники“ отрицаютъ значеніе этики для соціологіи „закономѣрной необходимости“? Нѣтъ, это дѣлаютъ, и притомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, сами сторонники марксизма и даже самый послѣдовательный изъ нихъ, наименѣе увеличивающій значеніе „марксистскихъ законовъ“—Марксъ самъ. Но несмотря на анетичность доктрины, какъ философіи, она проникнута насквозь этической идеологіей. Здѣсь повторилось то-же самое, что случилось, какъ мы указали выше, съ имморализмомъ Ничше, конечно со значительною разницей въ качествѣ исповѣдуемыхъ идеаловъ; то же самое, что случилось съ соціологами-объективистами, все ученіе коихъ насквозь проникнуто той или другой идеологіей. Идеологія властно заявляетъ свои права, не желая признавать искусственнаго Прокустова ложа имморальнаго объективизма[5])

По поводу доклада Крауза Я. А. Новиковъ напомнилъ, что уже не разъ историческій матеріализмъ высказывался въ конгрессахъ общества и между прочимъ высказался въ 1898 году и сторонникъ его г. Келлесъ-Краузъ. Но въ какихъ различныхъ значеніяхъ является эта доктрина теперь и въ 1898 году! Теперь, по собственному признанію Крауза, доктрина эта не претендуетъ на значеніе исключительной субстанціи соціологіи. Она является лишь особой исторической точкой зрѣнія, методомъ изысканія. Тутъ мы уже весьма близки къ тому, чтобы столковаться. Съ этой точки зрѣнія и я, говоритъ Новиковъ, скорѣе сторонникъ историческаго матеріализма, чѣмъ его противникъ.[6]) Это, замѣтимъ, говоритъ авторъ, политико-экономическія воззрѣнія котораго (высказанныя въ книгѣ „Les gaspillages des sociétés modernes, Paris 1894) были подвергнуты такой строгой критикѣ со стороны Бернштейна.[7])

VII.

Слѣдующій докладъ, посвященный историческому матеріализму, принадлежитъ Ахилу Лоріа, совсѣмъ не марксисту по идеологиче-

[1]) Краузъ, op. cit. стр. 86.
[2]) Краузъ, стр. 87.
[3]) Краузъ, стр. 88.
[4]) Краузъ, стр. 89 и слѣд.
[5]) Проблема имморализма, въ связи съ взглядами Ничше служитъ предметомъ небольшой, но весьма интересной статьи Паланта. G. Palante, Moralisme et Immoralisme, Revue Philosophique, 1902 № 9, p.p. 242—248.
[6]) Annales etc. t. 8, p. 93—94.
[7]) Бернштейнъ, Очерки изъ теоріи и исторіи соціализма, перев. съ нѣм. Спб. 1902 г., стр 102—114.

скимъ воззрѣніемъ и экономической сторонѣ его взглядовъ, но убѣжденному сторонніку экономизма, какъ единственной движущей причины историческаго процесса. Имя Лоріа чрезвычайно популярно и труды его пользуются большимъ спросомъ среди читателей. На ряду съ этимъ мы констатируемъ весьма рѣзкое отношеніе къ нему со стороны критиковъ самыхъ разнообразныхъ лагерей. Такъ, напримѣръ, Бенедетто Кроче считаетъ Лоріа плагіаторомъ и когда Лоріа возразилъ, что „въ сущности идея Маркса совсѣмъ не ему (Марксу) принадлежитъ", то Кроче заявилъ, что въ такомъ случаѣ Лоріа „обокралъ вора". [1]) Задавшись цѣлью выяснить причины успѣха Лоріа и того, что онъ успѣлъ „угодить и нашимъ и вашимъ", Кроче находитъ, что однимъ онъ угодилъ именно тѣмъ, что совершилъ плагіатъ, наличность котораго доказалъ Энгельсъ, а другимъ—тѣмъ, что явился противникомъ страшной для нихъ идеологіи марксизма.[2]) Столь же отрицательно, хотя и въ вполнѣ сдержанныхъ выраженіяхъ, относится къ Лоріа Гроппали, который считаетъ этого писателя одностороннимъ и потому неизбѣжно приходящимъ къ ошибочнымъ разсужденіямъ и выводамъ. [3]) Это, замѣтимъ, говоритъ рѣшительный сторонникъ экономическаго матеріализма. Мы далѣе увидимъ, что и Краузъ относится крайне критически къ доктринѣ Лоріа. Изъ соотечественниковъ Лоріа можно отмѣтить еще въ качествѣ сурового критика его г. Валенти (Valenti, Giornale degli Economisti, Roma 1899. Цитировано у *Вильфредо Парето*: Les systemes socialistes Paris 1902, Tome second, p. 297). Въ Россіи весьма отрицательно отнеслись къ взглядамъ Лоріа гг. Герценштейнъ, Гольцевъ и Карѣевъ.

Въ чемъ-же, однако, заключаются взгляды Лоріа? Впервые эти взгляды были высказаны имъ въ 1886 г. въ книгѣ „La teoria economica della constituzione politica". Съ экономической точки зрѣнія книга эта и была подвергнута критикѣ М. Я. Герценштейна (Русская Мысль 1887 г., № 7). На Западѣ книга была встрѣчена именно такъ, какъ указалъ проф. Кроче: трудъ пользовался успѣхомъ. Но виной послѣдняго, по моему мнѣнію, служили причины иного характера, такъ какъ въ то время о плагіатѣ еще никто не говорилъ. Дѣло въ томъ, что Лоріа несомнѣнно талантливый писатель; его языкъ простъ и увлекателенъ, а предметъ, имъ обсуждаемый всегда пользовался вниманіемъ читателей. Къ тому же конецъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія былъ временемъ разцвѣта матеріализма вообще и экономическаго матеріализма въ частности. Наконецъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Карѣевъ, до появленія книги Лоріа не было въ литературѣ экономическаго матеріализма ни одного сочиненія, въ которомъ исторіософія этой школы была бы изложена въ цѣльномъ, систематическомъ видѣ.[4]) Основателямъ доктрины, Марксу и Энгельсу, было не до того, и Энгельсъ самъ при-

---

[1]) Б. Кроче, Историческій матеріализмъ и марксисткая экономія, перев. съ итал. Спб. 1902 г., стр. 32, 12.

[2]) Кроче op. cit стр. 45—49.

[3]) A. Groppali, Saggi di Sociologia. Milano, 1899, p. 145 и слѣд.

[4]) Карѣевъ, Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ стр. 136—137.

знавалъ, что они не успѣли изложить свое міровоззрѣніе въ видѣ цѣльнаго философскаго труда, тѣмъ болѣе, что иногда имъ приходилось и перестраивать это міровоззрѣніе въ отдѣльныхъ его частностяхъ.

Въ 1893 году трудъ Лоріа былъ изданъ на французскомъ языкѣ [1]) и авторъ значительно его дополнилъ и расширилъ, а также снабдилъ его антикритикой. Затѣмъ Лоріа вновь изложилъ свои взгляды въ 1897 г. [2]) и, наконецъ, въ отчетномъ году выпустилъ въ свѣтъ новое италіанское изданіе своихъ „Экономическихъ основъ соціальнаго строя". [3]) Послѣдняя книга Лоріа распадается на отдѣльныя части—во первыхъ онъ изучаетъ мораль, основой которой считаетъ экономику; во вторыхъ съ той же точки зрѣнія изучается право и въ третьихъ политика. Нужно, однако, замѣтить, что Лоріа, говоря объ обществѣ вообще, ибо окончательный его выводъ о „соціологіи на экономической почвѣ" касается именно „общества вообще", анализируетъ тѣмъ не менѣе для доказательства своихъ взглядовъ лишь опредѣленный типъ общества, именно общество капиталистическое. Впрочемъ, Лоріа понимаетъ весьма своеобразно общество „капиталистическое"; таковымъ для него является не только современное общество, внутренняя сущность котораго была раскрыта Марксомъ съ такой безпощадной логикой, но и общество феодальное и даже общество, организованное на почвѣ рабовладѣльческаго хозяйства.

Каждое общество, говоритъ Лоріа, характеризуется рѣзкимъ раздѣленіемъ его на два класса, изъ которыхъ одинъ классъ получаетъ, „ничего не дѣлая", все больше и больше доходовъ, а другой классъ, гораздо многочисленнѣй перваго, работаетъ постоянно, но не живетъ, потомучто получаетъ постоянно ничтожное вознагражденіе, едва достаточное для пропитанія, но совершенно недостаточное для жизни въ человѣческомъ смыслѣ слова. Такого рода раздѣленіе общества на классы не есть необходимый постулатъ природы, а составляетъ результатъ разныхъ историческихъ причинъ и потому это раздѣленіе должно въ будущемъ развитіи общества непремѣнно исчезнуть. Но откуда-же появилось раздѣленіе общества на два указанныхъ выше класса? Здѣсь мы встрѣчаемся со второй оригинальной чертой воззрѣній Лоріа (первая, какъ мы видѣли, заключается въ оригинальномъ пониманіи капиталистическаго строя). Все дѣло, по Лоріа, заключается въ свободѣ или несвободѣ земли. Пока послѣдняя свободна, капиталистическая собственность немыслима: всякій могъ обрабатывать землю въ свою пользу и являлся естественнымъ и изолированнымъ производителемъ капитала. Объединеніе такихъ производителей происходитъ либо по насилію, либо путемъ ассоціаціи. Установленіе рабства было первымъ моментомъ раздѣленія на классы, а переходъ рабства къ крѣпостничеству сдѣлалъ трудъ производительнѣй и въ то же время привелъ къ увеличенію цѣнности земельныхъ владѣній и къ все большей и большей ихъ несвободѣ. На почвѣ дальнѣйшей несвободы земли и увеличенія населенія раздѣ-

[1]) A. Loria, Les bases économiques de la constitution sociale Paris 1893.
[2]) Loria, Problèmes sociaux contemporains, Paris 1897.
[3]) Loria, Le basi economiche della constituzione sociale, 3-a ed. Torino 1902.

леніе классовъ все болѣе и болѣе обостряется и когда свбодной земли болѣе не остается, патріархальныя отношенія патрона къ работнику падаютъ, и рабочій попадаетъ въ положеніе, при которомъ онъ можетъ существовать только путемъ продажи своего труда. Само собой понятно, что узурпація земли, а затѣмъ и возникновеніе капиталистической собственности нуждаются въ упроченіи своего положенія. Поэтому-то и оказывается, что мораль, право и политическое устройство охраняютъ въ сущности не все общество, а лишь капиталистическій строй. Поэтому мораль, право и государственное устройство являются органическими продуктами капиталистической собственности. Всѣ они, и мораль, и право и политика являются необходимой надстройкой надъ экономическими отношеніями, которыя только и являются сущностью общества. Поэтому только изученіе этой сущности, т. е. экономической основы общества, даетъ возможность объяснить сложный механизмъ соціальной жизни. Такую-же роль занимаетъ и религія, которая преслѣдуетъ тѣ-же цѣли, что и мораль, право и политика капиталистическаго общества.

Всѣ положенія свои Лоріа доказываетъ „справками“ изъ области исторіи, но, какъ и слѣдовало ожидать, слѣдовало въ виду явной натянутости всей теоріи,—факты оказываются понятыми неправильно, а иногда и подогнанными къ излюбенной схемѣ. [1]) Вообще Лоріа по своему передѣлалъ всю проблему Энгельса о соотношеніи экономики и политики. Эта проблема составляетъ центральный пунктъ его Анти-Дюринга и эту-же именно часть и перевелъ Бернштейнъ на французскій языкъ. [2]) Послѣ появленія Анти-Дюринга и изложенія его содержанія покойнымъ Зиберомъ въ „Словѣ“—у насъ данная проблема весьма живо обсуждалась въ полемикѣ Русанова и Кольцова (Дѣло 1881 г. № 3, 5 и 10). Вопросъ этотъ вновь поставленъ на очередь въ книгѣ г. Катаева [3]), которой я подробно не обсуждаю, потомучто она появлялась лишь въ 1903 году.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обращаюсь къ изложенію взглядовъ Лоріа, высказанныхъ имъ предъ международнымъ конгрессомъ соціологовъ. Лишь въ новѣйшее время, говоритъ Лоріа, было сознано, что государственная политика, историческое развитіе и основы общественной морали не опредѣляются соціальными сверхъопытными идеями, а вытекаютъ изъ прозаическаго подъ-основанія экономическихъ отношеній. [4]) Возникаетъ, однако, вопросъ—имѣются-ли раціональные аргументы въ доказательство зависимости соціальныхъ феноменовъ отъ экономическихъ отношеній. „Вотъ, говоритъ Лоріа, проблема, которая *остается до сихъ поръ неразрѣшенной* и которую во что бы то ни стало, если желаютъ прочно и научно обо-

[1]) См. замѣчанія Карѣева, op. cit. стр 144, 148, 149—150 и др.; Гольцева, Соціологія на экономической основѣ. Русск. Мысль 1893 г. г. № 11, стр. 145 и слѣд. Pareto, op cit. p. 296—297 т. II.; ср. Кроче. op. cit. стр. 60 и др.

[2]) Engels, La Force et l'Economie dans le développement social, съ предисл. Э. Бернштейна. Le Devenir Social 1896, p. p. 548—560, 658—666, 724—760,844—872.

[3]) Катаевъ, Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія, Москва 1903 г., стр. 156 и сл.

[4]) Loria, Les Fondements rationnels du Matérialisme historique Annales de l' Institut Intern. de Sociologie, tome VIII. p. 98—99.

сновать новую соціологическую доктрину, слѣдуетъ разрѣшить". [1]) Итакъ послѣ двадцати лѣтъ труда, послѣ неустаннаго повторенія одной и той-же мысли и приведенія доказательствъ въ пользу ея,— авторъ отстаиваемаго взгляда считаетъ „проблему до сихъ поръ неразрѣшенной". Здѣсь авторъ либо несправедливо скроменъ, либо ненадлежаще ставитъ вопросъ. Вѣрно, конечно, послѣднее. Ибо Лоріа подъ проблемой понимаетъ вопросъ объ исключительномъ главенствѣ экономики, о значеніи ея въ качествѣ базиса, по отношенію къ которому все остальное является надстройкой. Въ этомъ видѣ проблема остается дѣйствительно неразрѣшенной, но виной этому не качество средствъ разрѣшенія, а неправильная постановка самой задачи: она неразрѣшима, ибо самое заданіе неправильно. Если же подъ проблемой разумѣть особую важность экономическаго начала, то авторъ ошибается: въ этомъ видѣ задача давно рѣшена, и притомъ рѣшена въ пользу признанія экономики однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ факторовъ соціальной жизни. [2])

Какъ бы то ни было, Лоріа одной фразой уничтожаетъ все значеніе своихъ прежнихъ трудовъ въ смыслѣ доказательной ихъ силы для отстаиваемой имъ доктрины. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что на конгрессѣ были имъ представлены новыя, „раціональныя", и на этотъ разъ совершенно убѣдительныя, доказательства теоріи объ экономикѣ—базисѣ соціальной жизни и политикѣ, правѣ и морали, какъ суперструктурѣ, зависящей отъ этого базиса и вмѣстѣ съ нимъ измѣняющейся. Вотъ эти раціональныя доказательства. Экономическіе факторы прежде всего свойствены только людямъ и факторы эти самые простые изъ всѣхъ явленій въ сферѣ человѣческаго агрегата. [3]) Затѣмъ экономическія явленія—первичныя по времени, они предшествуютъ всѣмъ остальнымъ соціальнымъ феноменамъ. Древняя мудрость прекрасно это понимала, выработавъ давно извѣстный афоризмъ: primum vivere, deinde philosophari. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что какой-либо феноменъ можетъ быть и проще другого, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не являться источникомъ его. Точно также и одно то, что данный феноменъ хронологически предшествуетъ другому, не доказываетъ еще, чтобы первый былъ причиной второго, но такое заключеніе можетъ и должно быть выведено относительно обладающаго свойствами наибольшей простоты и пріоритетомъ по времени экономическаго фактора, разъ только мы обратимъ вниманіе на скрытую сущность структуры экономическаго феномена. Въ самомъ дѣлѣ, въ корнѣ экономическихъ отношеній, въ томъ видѣ, какъ онѣ рождаются на всѣхъ историческихъ фазахъ развитія человѣческаго общества, всюду и всегда мы видимъ одно постоянное и неизмѣнное явленіе—именно раздѣленіе общества *на два класса,* совершенно и ради-

[1]) Loria, op. cit. p. 100.

[2]) Послѣдняго не отвергаетъ даже г. Катаевъ, новѣйшій критикъ марксизма и главн. образомъ его исторіософіи. См. Н. Катаева: Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія, Москва 1903 г.

[3]) Loria, op. cit., p. 100—101. Не представилъ новыхъ раціональныхъ доказательствъ и г. Осадчій, серьезный и вдумчивый защитникъ матеріалистической доктрины марксизма, въ своей книгѣ „Общественный бытъ и проекты его улучшеній въ XIX столѣтіи". Москва 1902 г.

кально различныхъ, а именно классъ меньшинства, обладающій средствами и не работающій, и классъ большинства, лишенный всякой собственности и работающій лишь въ пользу собственниковъ. Оставляя въ сторонѣ изысканіе причинъ происхожденія этого дѣленія, мы все-же можемъ сказать, что одно несомнѣнно: это дѣленіе не является дѣломъ природы,—оно является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ процесса, исключительно созданнаго людьми на почвѣ узурпаціи земли, и потому оно можетъ и не существовать. Еслибы это дѣленіе было произведеніемъ природы, то не могло бы существовать никакихъ силъ, способныхъ его уничтожить. Но такъ какъ оно происхожденія искусственнаго, то несомнѣнно должны существовать средства для его уничтоженія и средства эти даны существомъ причины, породившей самое явленіе, т. е. дѣленіемъ на два указанныхъ класса. [1])

Какъ видимъ, „раціональныя“ доказательства доктрины совсѣмъ не новы, а составляютъ буквальное повтореніе тѣхъ самыхъ доводовъ, которые сведены авторомъ въ вышеотмѣченномъ признаніи его на— нѣтъ. То-же нужно сказать и относительно дальнѣйшей аргументаціи Лоріа. Здѣсь мы видимъ снова вѣру и мораль въ роли слугъ меньшинства собственниковъ. Странна, конечно, не эта мысль, но то, что вѣра и мораль разсматриваются исключительно съ этой точки зрѣнія, что обнаруживаетъ въ авторѣ полное непониманіе христіанской морали и превратное представленіе объ историческихъ фактахъ. Къ тому-же, все это не новыя доказательства доктрины, а простое повтореніе старыхъ, двадцать лѣтъ кряду на разные лады развиваемыхъ доводовъ. То-же нужно сказать и о взглядѣ Лоріа на право. [2]) Страхъ предъ охранительными предписаніями религіи и морали, говоритъ Лоріа, былъ недостаточенъ для порабощенія одного класса на службѣ другому, и вотъ пришло на помощь право съ его принудительными предписаніями и принудительной силой наказаній. Нужна была болѣе практическая санкція системѣ присвоенныхъ меньшинствомъ правъ, и его дало право. Послѣднее, такимъ образомъ, является простой эманаціей экономической организаціи, и потому съ измѣненіемъ послѣдней измѣняется и первое. Вслѣдствіе этого философіей права является политическая экономія.

Здѣсь Лоріа принимаетъ одно изъ дѣйствительныхъ явленій за единственное и дѣлаетъ ту-же ошибку, которую дѣлаютъ и многіе другіе писатели, остающіеся односторонними, не смотря на прямую очевидность. „Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ исторіи мысли промаховъ, говоритъ Михайловскій, состоитъ въ томъ, что изслѣдователь, сосредоточивъ вниманіе на одной какой-нибудь сторонѣ дѣла, не хочетъ или не можетъ, если не охватить предмета съ другихъ сторонъ, то, по крайней мѣрѣ, допустить, что эти другія стороны существуютъ“. [3]) Въ другомъ мѣстѣ по поводу построеній системы первобытнаго права (что примѣнимо и къ построенію системы соціологіи) я писалъ слѣдующее. Въ существующихъ опытахъ построенія системы первобытнаго права повторяется одинъ общій пріемъ—построенія по

[1]) Loria, p. 102—106.
[2]) Loria, p. 106 sqq.
[3]) Михайловскій, Сочиненія, т. VI, Спб. 1885 г. стр. 323.

одному организаціонному принципу, который принимается за *единственный* и *исключительный* primus agens въ дѣлѣ образованія юридическихъ и обще-соціологическихъ нормъ. Ученые избираютъ тотъ или другой принципъ и, принявъ его за primus agens, излагаютъ систему первобытной (прибавимъ теперь „и вообще соціальной“) жизни, какъ то или иное проявленіе указаннаго организаціоннаго агента. Сославшись на полныя глубокой истины замѣчанія Кольцова („Къ вопросу объ экономикѣ и политикѣ“, „Дѣло“ 1881 г. № 5, стр. 3—4) о несправедливости подобнаго пріема и на вышеприведенное разсужденіе Михайловскаго, я замѣтилъ, что жизнь общественная такъ многообъемлюща, отношенія общественныя такъ многообразны, что положительно нѣтъ возможности отыскать *одно* какое-либо начало, которое было бы ячеечной, такъ сказать, основой и на которой развились эти общественныя отношенія. [1])

Сознаетъ недостатокъ увлеченія односторонностями и Лоріа, ибо онъ замѣчаетъ, что часто вредятъ „новой доктринѣ“, преувеличивая до крайности значеніе экономическаго фактора. Въ доказательство подобныхъ преувеличеній онъ приводитъ два примѣра:—одинъ, составляющій объясненіе, данное де-Молинари переходу отъ политеизма къ монотеизму, какъ результату экономическаго разсчета, и другой—это объясненіе Энгельсомъ сожиганія мертвецовъ у германцевъ и перехода къ погребенію въ виду истребленія лѣсовъ. [2]) Де-Молинари и Энгельсъ! Нужно очень поверхностно знать и того и другого, чтобы сопоставлять эти имена, а еще болѣе, чтобы зачислить перваго въ ряды марксистовъ. Впрочемъ, такія сопоставленія для Лоріа не новость. То-же имъ было сдѣлано и въ другихъ трудахъ, гдѣ сопоставлялись де-Молинари и Марксъ, Энгельсъ, Гумпловичъ и де-Греефъ. „Марксъ и де-Молинари!—восклицаетъ Кроче—[3]) Энгельсъ и де-Греефъ! Это называется излагать исторію идеи (т. е. марксизма)! Подобнымъ образомъ можно придти къ выводу, что идеи не имѣютъ исторіи и что *всѣ* идеи существовали *всегда*“. Крайне интересно было бы знать, что сказалъ бы Лоріа относительно попытки объяснить экономикой происхожденіе современной Германской имперіи, причемъ всѣ идеальныя и націоналистскія стремленія сводились бы на простое выраженіе вліянія одной экономической основы даннаго времени. Вѣроятно, подобную попытку Лоріа назвалъ бы „exagération“ и поступилъ бы правильно. А между тѣмъ, это сдѣлалъ Энгельсъ [4]), и марксисты находятъ, что сдѣлалъ совершенно резонно.

Лоріа не отрицаетъ значенія моральныхъ чувствъ, значенія факторовъ юридическихъ и политическихъ, какъ не отрицаютъ ихъ теперь и многіе другіе сторонники экономическаго матеріализма, напримѣръ, марксистъ Лабріола. Эта „уступка“ дѣлается даже и съ такимъ допущеніемъ, что „надстройка“, получивъ жизнь, начинаетъ

---

[1]) Гальперинъ. Очерки первобытн. права. Спб. 1893 г. (книга вышла осенью 1892 г.), стр. 2—7.

[2]) Loria, op. cit., p. 112. Ср. сказанное нами выше на стр. 163 настоящ. труда.

[3]) Кроче. Историческій матеріализмъ и марксистская экономія, стр 50—52.

[4]) Энгельсъ. Сила и экономика при созданіи современной Германской имперіи (перев. съ нѣм.) „Научное Обозр.“ 1898 г. № 5, стр. 885 и слѣд.

вліять на „основу“, причемъ иногда, какъ это мы видѣли у Крауза, это вліяніе считается только задерживающимъ развитіе экономики; но все-же всѣ эти факторы только „слуги“ (выраженіе Каутскаго) экономическаго базиса. [1]) Лоріа сильно возстаетъ противъ обвиненія „новой доктрины“ въ фатализмѣ, соціальномъ квіетизмѣ и буддизмѣ, доказывая, что она, наоборотъ, побуждаетъ къ дѣятельности. [2]) Послѣднее вѣрно, но въ этомъ и состоитъ одно изъ противорѣчій, которыя заключаются въ марксизмѣ, какъ доктринѣ теоретической и какъ ученіи практическомъ.

Мы изложили все, что сказалъ Лоріа на конгрессѣ соціологовъ, желая дать доказательство вѣрности исповѣдуемой имъ теоріи. Мы видѣли, что ничего новаго онъ не сказалъ, а повторилъ старое, относительно котораго самъ призналъ, что при наличности всѣхъ прежнихъ трудовъ проблема остается до сихъ поръ неразрѣшенной. Даже вопросъ о классахъ и значеніи классовой морали, права и политики имъ поставленъ не на надлежащую почву. Мы видѣли выше, что у Маркса и Энгельса и ихъ учениковъ вопросъ и ставится шире и рѣшается глубже. Мы и остановимся нѣсколько на этой постановкѣ вопроса, но предварительно отмѣтимъ, что вслѣдъ за докладомъ Лоріа слѣдующіе участники конгресса высказались противъ доктрины исключительнаго значенія экономики, т. е. значенія ея какъ основы соціальной жизни, въ отношеніи которой все остальное, вся идеологія является только надстройкой: М. Ковалевскій, [3]) Де-Ла-Грассери,[4]) Адольфъ Костъ, [5]) Абрикосовъ, [6]) и Теннисъ. [7]) Особенно рѣшительно высказался Костъ, который заявилъ, что человѣкъ не только ѣстъ, или не только думаетъ или чувствуетъ,—но все вмѣстѣ; жизнь сложна и факторовъ этой жизни много. Историческаго матеріализма Костъ не видитъ ни въ прошломъ, ни въ будущемъ; онъ имѣетъ основанія только въ настоящемъ. Поэтому обобщать его въ явленіе всеобъемлющаго характера ненаучно.

Перейдемъ, однако, къ изложенію краткихъ замѣчаній о динамической сторонѣ исторіософіи марксизма, т. е. къ положенію, что экономика выражается въ ходѣ исторической жизни въ формѣ классовой борьбы. Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ прямо говоритъ, что до сихъ поръ *вся* исторія (въ четвертомъ изданіи книги „Die Entwicklung des Socialismus“ прибавлено ограниченіе: „за исключеніемъ эпохъ первобытнаго состоянія“) была исторіей классовой борьбы, и эти борющіеся классы всякій разъ порождались условіями производства и обмѣна, т. е. *экономическими* условіями своей эпохи. Въ современномъ обществѣ—это классовая борьба между капиталистическими владѣльцами средствъ производства и лишенными капитала производителями, наемными рабочими; эта борьба наклады-

[1]) Loria, op. cit. p. 112—113.
[2]) Loria, op. 115—116.
[3]) Annales de l'Instit. Intern. de Sociologie т. 8, стр. 121—122.
[4]) Ibidem, p. 126.
[5]) Ibidem, p. 129—132.
[6]) Ibidem, p. 133—134.
[7]) Ibidem, p. 135.

ваетъ на современное общество свою печать. Исходнымъ пунктомъ этой борьбы является противоположность классовыхъ интересовъ. [1]) Этого рода воззрѣніе встрѣчается весьма часто въ трудахъ Маркса (Предисловіи къ „Манифесту“, къ „18 брюмера“, къ „Критикѣ полит. экономіи“, въ I и III томахъ „Капитала“) и еще чаще у Энгельса, особенно же въ его Анти-Дюрингѣ. Съ этой точки зрѣнія, полагаетъ Лабріола, можетъ и должна быть изложена „научная“ исторія. [2])

Но что-же такое классъ? Мы видѣли, что у Лоріа дѣленіе общества на классы, причемъ признаетъ онъ лишь два класса, производится очень просто: съ одной стороны классъ меньшинства, которое живетъ, но не работаетъ, и съ другой—классъ большинства, которое работаетъ, но не живетъ, по крайней мѣрѣ человѣческою жизнію. Всѣхъ не подходящихъ подъ эту схему Лоріа считаетъ членами „непроизводительнаго“ класса. Марксъ дѣлитъ современное общество на три класса: собственниковъ одной только рабочей силы, собственниковъ капитала и собственниковъ земли, соотвѣтственными источниками доходовъ которыхъ является рабочая плата, прибыль и рента; слѣдовательно, тремя обширными классами современнаго общества, основывающагося на капиталистическомъ способѣ производства, являются наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы. [3]) Такимъ образомъ, у Маркса раздѣленіе на классы основано на источникѣ ихъ доходовъ. А между тѣмъ, куда же отнести литераторовъ, врачей, чиновниковъ и т. п.? Вѣдь и они живутъ трудомъ. Вопросъ этотъ рѣшается весьма просто—это все представители непроизводительнаго класса. [4]) Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что тогда какъ Лоріа исходитъ изъ своеобразнаго пониманія капиталистическаго строя, почему и говоритъ о классахъ въ „обществѣ вообще“, Марксъ имѣетъ въ виду лишь классовую организацію общества, основаннаго на капиталистическомъ способѣ производства. Весьма понятно, что попытки „учениковъ“ распространить понятіе о классовой организаціи на предшествующія эпохи исторической жизни людей оказались совершенно неудачными. Болѣе значенія имѣютъ подобныя попытки въ дѣлѣ объясненія историческихъ событій эпохи зарожденія капитализма, [5]) но и здѣсь ошибка изслѣдованія заключается въ преувеличеніи „значенія экономики вообще и въ частности—въ преувеличеніи значенія класса“. У Маркса вопросъ о классовой борьбѣ поставленъ на научную почву, но тѣмъ не менѣе допущены погрѣшности, не могущія не вести къ ошибкамъ практическаго свойства. А этихъ ошибокъ слѣдуетъ всѣми силами избѣгать, такъ какъ за практическія ошибки въ дѣлѣ направленія соціальныхъ теченій приходится слишкомъ дорого расплачиваться.

[1]) Бернштейнъ. Проблемы соціализма, перев. Когана. Москва 1901 г. стр. 25—26.

[2]) Лабріола Къ вопросу о матеріалистич. взглядѣ на исторію, перев съ фр. Спб. 1898 г. стр. 82—87.

[3]) Марксъ. Капиталъ, т. III. Спб. 1896 г. стр. 733.

[4]) Марксъ. Капиталъ, т. II. См. Прокоповича. Къ критикѣ Маркса. Спб. 1901 г. стр. 160—161.

[5]) Ср., напр, Каутскаго,—Классовыя противорѣчія въ 1789 г., русск. пер. 1902 г.

Когда экономическіе матеріалисты говорятъ о классахъ, то имѣютъ въ виду при теоретическомъ анализѣ исключительно *экономическое* понятіе ихъ. Поэтому классами являются дѣленія по принципу экономическому—источнику дохода съ одной стороны и производительности—съ другой. Когда затѣмъ дѣло переносится на динамическую почву, то все еще вначалѣ имѣется въ виду экономическая сторона дѣла—классы являются противоположностями съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ: каждый стремится увеличить норму своей прибыли, что должно вести къ уменьшенію нормы прибыли другого класса На этой почвѣ создается солидарность, о которой сказано выше (при разсмотрѣніи труда А. Яроцкаго). Но какъ только дѣло переносится на соціальную почву, происходитъ путанница, благодаря тому, что въ основаніе берется лишь значеніе класса экономическаго, а не класса соціальнаго, вслѣдствіе чего и приходится прибѣгать къ созданію новой „внѣклассовой“ группы—непроизводительныхъ работниковъ. Бенедетто Кроче говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Въ какомъ смыслѣ вѣрно общее положеніе, что исторія есть борьба классовъ? Я сказалъ бы, пожалуй, что исторія есть борьба классовъ, 1) *если существуютъ классы*, 2) *если они имѣютъ антагонистическіе интересы* и 3) *если у нихъ есть сознаніе этого антагонизма*. Согласитесь, утвержденіе, что исторія есть борьба классовъ лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ борьба классовъ, было-бы довольно забавно. Въ дѣйствительности классы много разъ не имѣли антагонистическихъ интересовъ и очень часто на сознавали ихъ... Что касается возможности отсутствія классовъ въ будущемъ строѣ, то это уже, по меньшей мѣрѣ, составляетъ допущеніе того, что это не есть явленіе, внутренне присущее историческому развитію“. [1]) Всѣ перечисленные „если“ имѣютъ весьма существенное значеніе, въ особенности же имѣетъ значеніе „прыжокъ“ изъ царства необходимости въ царство свободы, приводящій къ выводу, что то, что считается „закономъ соціальнаго развитія“, не является имъ, такъ какъ предполагаемая исторія будущаго должна покоиться не на немъ, а на принципѣ всеобщей солидарности. Такимъ образомъ, „законъ“ является не всеобщимъ, т. е. не закономъ. Къ тому-же приводитъ и исторія до-капиталистическаго строя, ибо нельзя въ прошлой организаціи общества видѣть дѣленіе на „экономическіе“ классы, какъ нельзя ихъ видѣть въ современной жизни многихъ народовъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ культуры. Первобытная жизнь по отношенію къ каждому отдѣльному члену неоднородна, жизнь первобытнаго человѣка весьма разностороння въ смыслѣ его дѣятельности и объема участія существующихъ въ предѣлахъ группы правъ. Членъ примитивной группы самъ и жилище свое строитъ, и оружіе свое изготовляетъ, и пищу себѣ добываетъ и т. п. Въ этомъ отношеніи всѣ члены группы ему равны. Его вожди и жрецы не пользуются внѣ времени отправленія своихъ функцій никакими преимуществами и мало чѣмъ отличаются отъ остальныхъ членовъ группы. Выдѣленіе класса воиновъ и жрецовъ происходитъ не на экономической почвѣ и весьма часто связано съ чисто расовыми различіями. Вотъ нѣсколько образчиковъ положенія перво-

[1]) Кроче. Историч. матеріализмъ и марксистская экономія, стр. 141—142.

бытнаго вождя. „У насъ нѣтъ вождей, да намъ они и не нужны,—мы всѣ равны; у насъ каждый--король“, говорятъ туркмены. Вождь отдѣльной орды у ботокудовъ обыкновенно есть вмѣстѣ съ тѣмъ храбрѣйшій и сильнѣйшій въ своемъ племени. Тѣмъ не менѣе члены орды независимы отъ него и ни въ чемъ, кромѣ его спеціальнаго круга дѣлъ, какъ вождя, ему не подчиняются. Да и въ набѣгахъ часто отдѣльные члены орды не повинуются своему вождю, а дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію. Въ русской лѣтописи мы читаемъ: „нынѣ, княже, не можемъ терпѣть насилія твоего,—поѣди отъ насъ... Не хотимъ тебѣ; или идемъ весь Новгородъ прогонитъ тебя“. [1])

Съ возникновеніемъ рабовладѣльческой системы хозяйства появляется уже и дѣленіе на экономическіе классы. Но классъ рабовъ не былъ классомъ соціальнымъ и до позднѣйшаго времени никакой классовой борьбы не происходило. Классъ этотъ не имѣлъ никакого вліянія на строй политической жизни и во всякомъ случаѣ отразился на нормахъ права лишь настолько, насколько право касалось нормировки положенія рабовъ. Остальныя стороны правовой жизни оставались этой стороной дѣла незатронутой. Рабовладѣльческій строй жизни римлянъ имѣлъ весьма полно систематизированное право, которое цѣликомъ было усвоено Европой въ періодъ рецепціи римскаго права. А между тѣмъ, строй средневѣковой Германіи былъ совсѣмъ не одинаковъ съ строемъ Рима періода Институцій Гая и Юстиніана. Между тѣмъ, долгое время Германія жила римскимъ правомъ и даже считала, что иначе жить не можетъ, такъ какъ ея время, будтобы, не было временемъ возможности новаго законодательства. Начала римскаго права отразились и на всѣхъ современныхъ кодексахъ, вплоть до новѣйшихъ Швейцарскаго и Германскаго Гражданскихъ Уложеній и проекта русскаго гражданскаго кодекса. Мы видимъ, такимъ образомъ, что принятіе одной изъ дѣйствительныхъ чертъ морали, права и политики за исключительную ихъ черту неправильно и ведетъ къ тому, что задачи активной дѣятельности выполняются ложно: всѣ усилія прилагаются къ воздѣйствіямъ на предполагаемую основу въ убѣжденіи, что остальное само собой приложится, а это „остальное“ не только обнаруживаетъ живую самостоятельность, но и самымъ рѣшительнымъ образомъ воздѣйствуетъ на предполагаемую основу. Дайте неимущему одни только матеріальныя средства, и отъ одного этого вы еще не получите истиннаго члена группы. Нужно, напримѣръ, еще просвѣтить его душу, воспитать въ немъ высокій этическій идеалъ. Это „само собой не приложится“, отъ измѣненія базиса не измѣнится суперструктура.

Вернемся къ вопросу о классахъ. Какъ мы уже сказали, анализъ производится на почвѣ экономики и создается поэтому понятіе класса экономическаго. Это понятіе переносится цѣликомъ въ соціологію, и борьба экономическихъ классовъ изображается какъ борьба классовъ соціальныхъ. По какому праву? По тому, что считается, что все соціальное является экономическимъ. Но вѣдь это значитъ при-

[1]) Цитировано въ моихъ „Очеркахъ первоб. права“, гдѣ приведены еще многіе однородные факты. См. стр. 68—70.

знать доказаннымъ то, что еще только предполагалось доказать. Впрочемъ, въ видѣ доказательствъ иногда ссылаются на солидарность классовъ между собой, но при этомъ почти всегда, вмѣсто классовъ „землевладѣльцевъ, предпринимателей и рабочихъ“, фигурируютъ „аристократы, буржуа и пролетаріи“. Понятія вторыхъ классовъ не всегда покрываютъ понятія первыхъ Аристократы большею частью землевладѣльцы, но не потому они аристократы, что землевладѣльцы, а потому землевладѣльцы, что аристократы. Не здѣсь, конечно, вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи дворянства, [1]) но что дворянство происходитъ въ большинствѣ случаевъ изъ сословія служилаго—обстоятельство вполнѣ признанное въ наукѣ, какъ признано и надѣленіе служилаго сословія землей, уже какъ сословія. [2])

Какъ экономическій классъ аристократія не существуетъ. Нужно-ли ссылаться на извѣстные труды объ „оскудѣніи“ этого класса (Атава-Терпигоревъ, Кривенко), на указанія самаго плачевнаго состоянія многихъ лицъ, въ жилахъ которыхъ течетъ „синяя кровь“ многихъ аристократическихъ поколѣній. Аристократы являются „сословіемъ“, но не классомъ. Различіе громадно, ибо сословіе является учрежденіемъ юридическимъ, а не экономическимъ. Что сказать о солидарности членовъ разсматриваемаго сословія? Прежде всего замѣтимъ, что въ вопросѣ о солидарности членовъ сословія, какъ въ другихъ случаяхъ членовъ класса, нужно различать двѣ стороны: солидарность между собой безотносительно къ третьимъ лицамъ, не членамъ сословія, и ту-же солидарность по отношенію къ другимъ сословіямъ и классамъ. Весьма часто указываютъ на международную солидарность членовъ аристократіи. Это, конечно, фактъ, но фактъ, допускающій многочисленныя исключенія. Не говоря о такихъ примѣрахъ, какъ несолидарность съ сословіемъ многихъ его высшихъ членовъ, примкнувшихъ къ движенію противусословному (лучшее доказательство самъ Краузъ), не говоря объ этомъ потому, что единичные случаи не могутъ измѣнить общаго вывода,—нельзя не указать, что дѣленіе въ парламентскихъ партіяхъ совершенно почти не основано на сословномъ принципѣ, и даже не только въ странахъ, гдѣ юридическое дѣленіе населенія уничтожено въ признаніи единственнаго сословія—„гражданъ“, но и тамъ, гдѣ право цѣпко держится сословныхъ перегородокъ. Но если еще можно говорить о нѣкоторой солидарности членовъ сословія между собой, то лишь по отношенію ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ сословію. Это солидарность съ точки зрѣнія охраненія чистоты крови. Хотя и здѣсь американскіе доллары произвели большую нивелировку. Что касается политической солидарности аристократовъ, то и она опять-таки проявляется лишь въ отношеніи „не-своихъ“. Какъ только мы приглядимся къ вопросу о

---

[1]) Отчасти этого вопроса въ отчетномъ году касается Липпертъ. См. Zeitschrift für Socialwissenschaften 1902 S. 917 ff

[2]) См, напр., Павлова-Сильванскаго—Государевы служилые люди. Спб. 1898 г. passim. ср. Letourneau, L' Evolution politique, Paris 1890 p. 424 sqq. Ср. литературу вопроса у Ѳ. Леонтовича—Исторія русскаго права, вып. I, Варшава. 1902 г. стр. 87—100.

солидарности аристократовъ между собою,—безотносительно „не къ своимъ“,—мы тотчасъ-же встрѣчаемся въ исторіи съ войной аристократическихъ домовъ, съ взаимоистребленіемъ, съ мѣстничествомъ и грызотней изъ-за власти. Теперь дѣло, конечно, не выражается такъ, какъ въ эпоху своеволія бароновъ, графовъ, воеводъ и бояръ, но солидарности на основаніи простой принадлежности къ сословію не видно. И виной этому, во-первыхъ, экономическій факторъ, во-вторыхъ, различія исповѣдныя, различія въ политическихъ воззрѣніяхъ, въ происхожденіи и, наконецъ, въ дурманѣ жажды къ власти. Что еще сказать о солидарности собственно землевладѣльцевъ? Между собой у нихъ не царитъ сплоченности, пока дѣло не касается „своего“ вопроса по отношенію къ защитѣ его отъ поползновеній, имѣющихъ въ виду общественныя пользы. Поведеніе аграріевъ германской парламентской партіи лучше всего показываетъ, что это солидарность на время опредѣленной, преслѣдуемой партіей, задачи. О международной солидарности землевладѣльцевъ, конечно, никто не говоритъ.

Еще въ большей мѣрѣ все сказанное относится къ пресловутой солидарности предпринимателей (какъ класса экономическаго) и буржуа (какъ класса соціальнаго). Здѣсь видна солидарность всякій разъ, какъ надо отвоевать что-либо у потребителей и просить правительственнаго протекціонизма, или когда нужно устроить синдикаты или трёсты или противостоять домогательствамъ рабочаго класса. Но и то не всегда это происходитъ въ сферѣ всего класса, а большею частью группируется по отраслямъ производства. Однако, и при такой постановкѣ вопроса дѣло не обходится безъ разительныхъ исключеній. Такъ, напримѣръ, г. Туганъ-Барановскій представилъ рельефное доказательство несолидарности класса предпринимателей въ отношеніи рабочихъ въ Россіи, а полнаго ихъ соперничества. Описывая исторію фабричнаго законодательства въ Россіи и разсматривая вліянія, подъ которыми это законодательство складывалось, Туганъ-Барановскій говоритъ, что весьма существеннымъ факторомъ развитія русскаго фабричнаго законодательства было и остается *соперничество* центральныхъ (преимущественно московскихъ и владимірскихъ) фабрикантовъ съ фабрикантами западной окраины Россіи... Фабриканты Петербургскаго и Лодзинскаго районовъ высказывались за ограниченіе рабочаго дня, за запрещеніе ночной работы женщинъ и малолѣтнихъ и т. п., а въ то-же время фабриканты центральнаго района энергично протестовали противъ всякаго вмѣшательства власти въ условія рабочаго договора [1]) Нужно-ли говорить, что безотносительно, на почвѣ внутреннихъ отношеній, классъ буржуазіи солидаренъ только съ точки зрѣнія увеличенія прибыли, но съ этой же точки зрѣнія и весьма не солидаренъ? Конкуренція—основа совершенной экономической дѣятельности...

Казалось бы, что болѣе всего солидарны между собой рабочіе. Но и здѣсь нужно отличать экономическій классъ рабочихъ отъ соціальнаго класса пролетаріевъ. Послѣднихъ главнымъ образомъ и касается тезисъ о классовой соціальной борьбѣ. Но не даромъ Марксу

[1]) Туганъ-Барановскій. Законодательство по охранѣ труда въ Россіи Сборникъ Водовозовой: Законодат. охрана труда. Спб. 1901 г. стр. 256—257 и др.

и Энгельсу приходилось неоднократно перестраивать свои воззрѣнія и надежды на этотъ классъ. [1]) Этого класса, какъ класса соціальнаго, еще не существуетъ. Солидарность рабочихъ есть солидарность антагонизма въ отношеніи работодателей и антагонизма исключительно экономическаго. Въ соціальной солидарности этого класса весьма быстро разочаровались многіе и пришли къ выводу, что эта солидарность—дѣло будущаго. Какова же его солидарность, какъ класса экономическаго? Вотъ что объ этомъ говоритъ г. Прокоповичъ. Рабочій классъ не представляетъ изъ себя однороднаго цѣлаго. Онъ подраздѣляется на группы съ разными, не общими интересами. Эта соціальная дифференцировка въ средѣ рабочихъ обусловливается, во-первыхъ, различіями въ уровнѣ ихъ жизни. Каутскій говоритъ о малокультурныхъ рабочихъ съ низкимъ уровнемъ жизни: „Въ странахъ, куда они приходятъ на заработки, эти рабочіе являются помѣхой соціальному развитію. Они приходятъ изъ экономически-отсталыхъ, бѣдныхъ странъ, обладаютъ, поэтому, меньшими потребностями, болѣе невѣжественны и болѣе покорны... Они поставляютъ наиболѣе послушныхъ понижателей заработной платы и съ большимъ трудомъ поддаются профессіональной организаціи“... Соціально-политическое значеніе труда женщинъ во многомъ тождественно съ значеніемъ труда малокультурныхъ рабочихъ. Такъ какъ женщинѣ вообще не приходится содержать семьи,—напротивъ, ее въ значительной мѣрѣ содержитъ семья, то она довольствуется болѣе низкою заработною платой и этимъ понижаетъ уровень жизни рабочихъ-мужчинъ. Дешевые рабочіе,—мужчины и женщины,—ведутъ двоякую конкуренцію съ болѣе культурными дорогими рабочими: или, переселяясь въ центры промышленности, вытѣсняютъ культурныхъ рабочихъ, мѣшаютъ развитію рабочаго движенія, или-же привлекаютъ къ себѣ, въ отсталыя мѣстности, промышленныя заведенія изъ промышленныхъ центровъ. [2]) Далѣе, рабочіе заинтересованы въ развитіи національной промышленности. Поэтому съ *экономической* точки зрѣнія догматъ интернаціонализма рабочаго оказывается несоотвѣтствующимъ современной дѣйствительности. Но и въ предѣлахъ одной страны интересы рабочихъ различныхъ мѣстностей далеко не солидарны. Условія труда въ одной и той-же профессіи, но въ различныхъ мѣстностяхъ, сильно разнятся между собою; это показываетъ, что улучшеніе условій труда фактически носитъ въ значительной мѣрѣ локальный характеръ. [3])

Изслѣдованія жизни рабочихъ, особенно супруговъ Уеббъ (Беатрисы, урожденной Потеръ, самостоятельно изслѣдовавшей многія стороны жизни рабочаго класса, а затѣмъ и въ сотрудничествѣ съ своимъ супругомъ, извѣстнымъ писателемъ Сиднеемъ Уеббъ), показали, что особенно дифференцирующее значеніе имѣютъ профессіональныя различія рабочихъ. Такъ, напримѣръ, Уеббъ приходитъ къ заключенію, что рабочій классъ нельзя разсматривать какъ нѣчто однородное: „Даже самое поверхностное изученіе міра профессіональ-

[1]) См. объ этомъ у Бернштейна: Проблемы соціализма, стр. 31 и слѣд.
[2]) Прокоповичъ, Къ критикѣ Маркса, стр. 161—162.
[3]) Прокоповичъ, op. cit. стр. 162—163.

ныхъ союзовъ убѣждаетъ, что традиціонное включеніе всѣхъ занятыхъ ручнымъ трудомъ лицъ въ понятіе „рабочій классъ“ является чуть не смѣшною нелѣпостью. Вмѣсто категорій политической экономіи „капиталиста“ и „рабочаго“, въ профессіональныхъ союзахъ мы находимъ полное признаніе и даже обостреніе почти безконечнаго дробленія промышленнаго міра на отдѣльные классы, изъ которыхъ каждый обладаетъ своими обычаями, своимъ уровнемъ жизни, своими особенными спеціализированными способностями и особенными потребностями и, поэтому, требуетъ своей особенной ренты, какъ результата особаго положенія и особыхъ способностей“ (*Веббъ*, теорія и практика трэдъ-уніонизма, т. I, стр. 96, 106, 110. Цитировано у Прокоповича). Это различіе интересовъ, говоритъ Прокоповичъ, приводитъ къ ихъ противоположности, *антагонизму*. Такъ, развитіе профессіональнаго движенія невыгодно неквалифицированнымъ рабочимъ, стоящимъ внѣ его. Чѣмъ лучше организованы высшія отрасли промышленности, тѣмъ труднѣе въ нихъ доступъ, тѣмъ ожесточеннѣе конкуренція въ сферѣ труда простого качества. Профессіональные союзы только концентрируютъ все на меньшемъ и меньшемъ пространствѣ зло безработицы и нищеты, но не уничтожаютъ его. Поэтому развитіе профессіональнаго движенія среди высоко-стоящихъ рабочихъ естественно вызываетъ протестъ и недовольство среди низшихъ слоевъ рабочаго класса. [1])

То-же говоритъ и Бернштейнъ. Современный рабочій классъ, замѣчаетъ онъ, отнюдь не является однородной, одинаково-несвязанной въ отношеніи собственности, семьи и т. д. массой, какъ это предполагаетъ коммунистическій манифестъ (Маркса-Энгельса). Въ самыхъ передовыхъ отрасляхъ фабричной промышленности существуетъ цѣлая іерархія дифференцированныхъ рабочихъ, между отдѣльными группами которыхъ чувство солидарности очень слабо. И это справедливо не только, какъ думаетъ Куновъ, въ отношеніи рабочихъ англійскихъ, но и всѣхъ другихъ и въ частности нѣмецкихъ. Механикъ высшей категоріи и таскальщикъ угля, ученый маляръ, разрисовывающій комнаты, и носильщикъ, рѣзчикъ или модельщикъ и кочегаръ обыкновенно ведутъ далеко неодинаковый образъ жизни, и далеко неодинаковы ихъ потребности. Тамъ, гдѣ борьба за существованіе не приводитъ ихъ къ взаимнымъ столкновеніямъ, фактъ, что они всѣ наемные рабочіе, можетъ какъ ни-какъ стереть въ ихъ умахъ эти различія, а сознаніе, что они одинаково борются съ капиталомъ, можетъ вызвать чувство взаимной живой симпатіи... Но отъ этой политической или соціально-политической симпатіи далеко еще до экономической солидарности, и эта разница можетъ быть нейтрализована подъ дѣйствіемъ сильнаго гнета, но, по мѣрѣ прекращенія его, она снова въ концѣ концовъ обнаруживается въ томъ или въ другомъ видѣ. [2]) Такимъ образомъ разсчетъ на экономическій классъ рабочихъ невѣренъ—вниманіе должно быть перенесено на классъ соціально-политическій, а послѣдній пока еще не сформировался.

---

[1]) Прокоповичъ, стр. 164.
[2]) Бернштейнъ. Проблемы соціализма, стр. 154, 156—157 и др.

Несмотря на то, что г. Осадчій смотритъ шире другихъ марксистовъ на значеніе „общественныхъ классовъ“, [1]) но и онъ въ концѣ концовъ основой соціальной динамики считаетъ классъ экономическій и такимъ образомъ повторяетъ ошибку ортодоксальныхъ марксистовъ, состоящую въ введеніи элемента частнаго (экономическаго) въ процессъ болѣе общій—соціальный, безъ надлежащей оговорки о необходимомъ видоизмѣненіи динамической силы класса, и не только оговорки, но и безъ дѣйствительнаго измѣненія элемента исключительно экономическаго въ элементъ соціальный; „послѣдній же, разъ его вводятъ, и совершенно правильно, въ одинъ изъ ингредіентовъ соціальной динамики, долженъ быть понимаемъ уже и не только въ смыслѣ соціальномъ, но въ смыслѣ соціально-политическомъ (Прокоповичъ и др.). Въ ошибку противоположной крайности впадаетъ г. Катаевъ, [2]) такъ какъ разсматриваетъ классъ только какъ понятіе политическое (хотя для Англіи онъ доказываетъ его происхожденіе на почвѣ экономико-политической борьбы расъ и національностей). Такая ошибка тѣмъ болѣе удивительна, что въ заключительной главѣ своей книги, лучше всего обоснованной, онъ смотритъ на динамическое значеніе классовъ значительно шире. Не менѣе ошибоченъ и средній взглядъ г. Артура Бауэра, [3]) для котораго классъ является ингредіентомъ соціальнымъ, зависящимъ отъ профессій и образа жизни, но не политическимъ, почему его дѣленія являются безжизненными, классы фигурируютъ лишенными активности. Впрочемъ, виной этому погоня автора за изгнаніемъ телеологіи изъ области соціальныхъ наукъ. Какъ мы видѣли выше, г. Прокоповичъ подходитъ ближе къ истинѣ.

Г. Прокоповичъ настаиваетъ на необходимости различенія экономическихъ отношеній капиталистическаго строя отъ экономическихъ условій жизни рабочихъ, а класса экономическаго отъ класса соціальнаго. Динамическое значеніе, въ смыслѣ активной силы соціальнаго развитія, имѣютъ факторы соціально-политическіе. [4]) Такимъ образомъ, и теоретическій анализъ и историческій опытъ показываютъ, что простое „самоотрицаніе“ однихъ экономическихъ отношеній другими и выраженіе этого отрицанія на почвѣ борьбы только экономическихъ классовъ составляютъ ошибку, исправленіе которой составляетъ самую существенную задачу науки.

VIII.

Мнѣ остается изложить въ краткихъ чертахъ еще нѣкоторыя воззрѣнія на экономическій матеріализмъ, высказанныя въ разсматриваемомъ мною году, чтобы закончить вторую часть своего обзора.

Извѣстный бельгійскій соціологъ Гильомъ де-Грефъ разсматриваетъ въ своемъ докладѣ международному съѣзду соціологовъ историческій матеріализмъ съ философской точки зрѣнія. Опредѣливъ

---

[1]) Т. Осадчій. Общественный бытъ и проекты его улучшенія въ XIX столѣтіи. Москва 1902 г., стр. 44 и слѣд.

[2]) Н. Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. (Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ). Москва 1903 г.

[3]) A. Bauer. Les classes sociales. Analyse de la vie sociale. Paris 1902 г.

[4]) Прокоповичъ, стр. 165 и слѣд.

свою точку зрѣнія на соціологію вообще, которую онъ считаетъ соціальной философіей [1]), де-Греефъ ставитъ слѣдующій вопросъ: что слѣдуетъ вообще понимать подъ матеріализмомъ, а затѣмъ уже—что слѣдуетъ понимать подъ матеріализмомъ историческимъ? Матерію опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: это все то, что по природѣ своей можетъ производить ощущенія въ нашихъ органахъ чувствъ. Это опредѣленіе правильно, но если такъ, то звукъ, написанное или произнесенное слово, какимъ бы то ни было образомъ выраженная мысль—являются столь же матеріальными, какъ и тѣла. Не очевидно-ли отсюда, что понятіе матеріи является чистой абстракціей. Кто не можетъ замѣтить, что это понятіе необходимо включаетъ въ себѣ и идею движенія, силы? Сила и матерія неотдѣлимы, обѣ онѣ являются абстракціями, идеологическими этикетками, обозначающими одно и то-же, но лишь съ разныхъ точекъ зрѣнія, т. е. смотря по тому, разсматриваемъ ли мы явленіе со стороны его внѣшнихъ проявленій или со стороны его сути, въ его существованіи въ пространствѣ или во временной послѣдовательности,—въ его статикѣ или въ его динамикѣ. Нѣтъ матеріи безъ свойствъ, какъ и нѣтъ свойствъ безъ матеріи. Отдѣленіе пассивнаго начала—матеріи отъ активнаго—силы невозможно, развѣ въ цѣляхъ научнаго абстрагированія. То же самое нужно сказать о явленіяхъ изъ міра психическаго. Нельзя отдѣлять тѣло отъ духа. Одна метафизика могла попытаться сводить всю феноменизацію то къ матеріи, то къ силѣ, откуда и возникли абсолютные идеализмъ и матеріализмъ,—системы столь же древнія, какъ и ложныя, системы односторонніе, мало—помалу уступившія мѣсто всеобщему научному знанію, т. е. знанію синтетическому. [2]) Выше мы достаточно подробно касались этого вопроса, а здѣсь лишь прибавимъ, что въ послѣднее время тезисъ о психо-физическомъ параллелизмѣ все болѣе и болѣе выигрываетъ въ наукѣ. Въ весьма популярной формѣ состояніе вопроса этого изложено въ двухъ рѣчахъ извѣстнаго психолога, проф. Штумпфа, опубликованныхъ въ отчетномъ году. [3]) Настаивая на возможности согласованія „психическаго съ механическимъ“ и соотвѣтствіи психики съ энергетикой, авторъ оспариваетъ возможность „отдѣленія“ духа отъ тѣла и vice versa [4]) и настаиваетъ на невозможности объясненія психическихъ явленій съ точки зрѣнія одной только причинности [5]).

Но обратимся къ разсужденіямъ де-Греефа. Ошибка метафизики, говоритъ онъ, заключается въ попыткѣ объяснить ирреальное, попыткѣ разрѣшить несуществующую проблему. Радикальное рѣшеніе проблемъ соціальной жизни стало возможнымъ только послѣ основанія психифизіологіи и соціологіи и именно потому, что лишь въ области этихъ наукъ проявляется очевиднымъ образомъ постоянное

[1]) De-Greef. Le matérialisme historique. Annales de l'Inst. Intern. de Sociologie, tome VIII, p. 137 sqq.

[2]) De-Greef, op. cit. p. 143—144.

[3]) C. Stumpf. Leib und Seele Der Entwicklungsgedanke in der gegenwärtigen Philosophie, Leipzig 1893 (книга вышла въ ноябрѣ 1902 г.)

[4]) Stumpf, l c. s 15, 18—19, 21, 24 f, 27.

[5]) Stumpf, s. 34 f.

отношеніе между матеріей и силой, тѣломъ и духомъ, идеей и фактомъ. [1]) Итакъ, идеализмъ и матеріализмъ, въ качествѣ исключительныхъ доктринъ, являются метафизическими теоріями и вслѣдствіе этого внѣ-научными. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что эти теоріи также невѣрны, какъ невѣрно объясненіе всѣхъ психическихъ явленій только съ точки зрѣнія души. Притязаніе матеріалистической школы быть одной только школой детерминистской не можетъ быть пріемлемымъ: идеалистъ можетъ быть такъ-же детерминистомъ, какъ и матеріалистъ. [2]) Матеріалистическій взглядъ на исторію является только гипотезой, выведенной изъ болѣе общей гипотезы матеріалистической философіи, невѣрной самой по себѣ.

Но что, однако, понимается въ настоящее время болѣе спеціально подъ именемъ школы Маркса, подъ именемъ историческаго матеріализма? Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть теорію, по которой структура и жизнь обществъ опредѣляются прежде всего экономической структурой и жизнію ихъ. По Марксу и его ученикамъ первоначальнымъ факторомъ не является даже вся экономика, а прежде всего производство и еще спеціальнѣе—техника производства. Признающіе первенство экономическаго фактора и являются матеріалистами. Къ нимъ, поэтому, относится все то, что объ этой доктринѣ было сказано. [3]) Но, съ другой стороны, экономика является моментомъ не исключительно матеріальнымъ. Это не чисто матеріальный или неорганическій моментъ. Соціалисты и громадное число соціологовъ, и до и послѣ Маркса, приписывали экономическому фактору роль главнаго агента соціальнаго развитія, но не единственнаго. Относительная оригинальность Маркса,—относительная потому, что въ этомъ отношеніи у него были предшественники,—заключалась въ томъ, что онъ приписалъ этому фактору исключительное значеніе, значеніе первичнаго фактора, на которомъ основана вся соціальная жизнь. Главнымъ образомъ имѣется при этомъ въ виду техника производства. Но что такое техника? Вѣдь это не только матеріальное понятіе, а также понятіе „знанія“, „идеи“. Здѣсь, какъ видимъ, экономическій матеріализмъ впадаетъ въ противорѣчіе, котораго онъ не въ состояніи разрѣшить. [4]) Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ всего сказаннаго, что въ послѣднее время въ разсматриваемой школѣ проявились движенія, идущія вразрѣзъ съ ея первоначальной концепціей. Окончательное заключеніе объ экономикѣ должно быть сведено къ тому, что она не является ни чисто матеріалистической, ни идеалистической.—она составляетъ явленіе соціальное. Ни одинъ феноменъ соціальный не является чисто неорганическимъ,—онъ всегда представляетъ комбинацію моментовъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ съ прибавленіемъ чего-то еще „особаго“, являющагося продуктомъ этой высшей комбинаціи. [5])

Ошибка марксизма, говоритъ де-Греефъ, состояла въ томъ, что

---

[1]) De-Greef, op cit. p. 145.
[2]) De-Greef, p. 146—147,
[3]) De-Greef, p. 149 sqq.
[4]) De-Greef, p. 161.
[5]) De-Greef, p 163—165.

изъ двухъ неразрывно связанныхъ сторонъ явленія, силы и матеріи онъ принялъ одну изъ нихъ—матерію за единственную, за существо явленія и поэтому другую сторону его—мораль, право и политику считалъ и считаетъ не существомъ явленія, а формой его, зависящей отъ существа, которымъ, однако, считается не дѣйствительное его существо, а лишь вторая сторона этого существа. Правда, въ послѣднее время доктрина марксизма стала менѣе категоричной, какъ это видно, между прочимъ, изъ двухъ писемъ Энгельса, писанныхъ въ 1890 и 1894 годахъ и опубликованныхъ въ октябрѣ 1895 г. въ Socialistiche Akademiker. Въ этихъ письмахъ Энгельсъ допускаетъ, что идеологическій факторъ можетъ оказывать сильное вліяніе на характеръ исторической борьбы. Съ этой поры детерминизмъ школы перестаетъ быть одностороннимъ, а дѣлается сложнымъ, составнымъ.[1]) Въ заключеніе, говоритъ де-Греефъ, объясненіе исторіи, чтобы быть интегральнымъ и положительнымъ, должно быть соціологическимъ. Точка зрѣнія экономическая является болѣе важной и наиболѣе общей, и значеніе экономическаго фактора всегда таковымъ и будетъ. Но съ одной только экономической точки зрѣнія исторія не можетъ быть объяснена, да и само понятіе экономики, какъ момента матеріальнаго, неполно, ибо оно содержитъ въ себѣ и моменты идеологическіе. [2])

Въ связи съ взлядомъ де-Греефа на природу экономики стоятъ соотвѣтственные взгляды Тарда, [3]) которые имъ были первоначально выражены въ 1895 г., а затѣмъ особенно подробно развиты въ 1902 г. въ трудѣ, посвященномъ спеціально данному вопросу. Первоначальные взгляды Тарда на интересующій насъ предметъ извѣстны уже русской читающей публикѣ изъ краткаго перевода, сдѣланнаго подъ редакціей А. Е. Оболенскаго и снабженнаго предисловіемъ послѣдняго. Напомню самое существенное по данному предмету. „Тардъ дѣлаетъ, говоритъ г. Оболенскій, оригинальный шагъ, котораго можно было ожидать a priori: онъ выступаетъ на защиту умственнаго труда, который и выдвигаетъ впередъ сравнительно со всѣми другими факторами производства и цѣнности. Онъ доказываетъ, что богатство націй состоитъ не изъ тѣхъ предметовъ, которые сбережены и образуютъ такъ называемый *капиталъ* (предметы, назначенные на дальнѣйшее производство,—по опредѣленію теперешней политической экономіи). Эти запасенные предметы, во-первыхъ, могутъ въ любой данный моментъ потерять всякую цѣнность (напр., запасы каменнаго угля потеряли-бы всякую цѣнность, если-бы былъ изобрѣтенъ такой новый источникъ теплоты, который развивалъ-бы гораздо большее количество теплоты при значительно меньшихъ издержкахъ добыванія или производства); во-вторыхъ, ссылаясь на Джона-Стюарта Милля, онъ показываетъ, что опытъ исторіи научилъ насъ, какъ быстро можетъ возобновляться утраченный капиталъ, напр., послѣ разрушительной войны и т. п.“ [4]) Не является, по мнѣнію Тарда, и

[1]) De-Greef, p. 165—175.
[2]) De-Greef, p. 183—184.
[3]) G. Tarde. La Logique, Paris 1895 p.p. 339—392.
[4]) Тардъ. Реформа политич. экон. Спб. 1889. Введеніе Обленскаго, стр. 4—5.

трудъ источникомъ богатства, ибо стоитъ себѣ вообразить, что какая-нибудь катастрофа разрушила бы не только запасенные предметы, но и всякую память о тѣхъ изобрѣтеніяхъ, которыя примѣняются при всякомъ производствѣ, обо всѣхъ изобрѣтенныхъ орудіяхъ, чтобы понять, что быстрое воспроизведеніе капитала и предметовъ потребленія зависитъ главнымъ образомъ не отъ самаго капитала и не отъ простого труда чернорабочаго или физическаго работника, а отъ всей суммы прежнихъ открытій или изобрѣтеній, составляющихъ продукты *умственнаго* труда или продукты *изобрѣтательности*.[1]) „Производительность страны, а стало быть и ея богатство, зависитъ отъ изобрѣтательности (тѣсно связанной, очевидно, съ знаніями всего уже изобрѣтеннаго и открытаго) и, во-вторыхъ, отъ переимчивости, способности подражанія, что несомнѣнно связано также съ извѣстной степенью знаній, культурности и т. п. Итакъ, истинный капиталъ націй,—это изобрѣтенія, трудъ-же, особенно трудъ физическій, есть только актъ *подражанія*: работникъ только воспроизводитъ то, что придумано ранѣе другимъ или другими, воспроизводитъ до мелочей не только предметъ, но и всѣ пріемы его производства. Капиталъ, насколько онъ поддерживаетъ или направляетъ въ этомъ смыслѣ работника, является только факторомъ подражательности". [2]) Далѣе, Тардъ находитъ, что въ экономику входятъ многіе моменты идеологическаго свойства. Напримѣръ, глава политической экономіи о „распредѣленіи богатствъ" представляетъ собою просто-на-просто цѣликомъ науку идеальнаго права,—интегральную формулу справедливости. Здѣсь экономистъ получаетъ юриста тому, чему, собственно, долженъ бы учить юристъ,—смыслу и основаніямъ права собственности, его желательнымъ ограниченіямъ и предѣламъ [3]) Цѣнность, трудъ являются эманаціей изобрѣтательности и подражаній [4]) и т. п.

Конечно, Тардъ въ своей исключительной односторонности впадаетъ въ многочисленыя ошибки и изъ-за отстаиваемой идеи забываетъ чисто экономическую сторону дѣла, изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса, но несомнѣнной заслугой его является то, что онъ выдвинулъ на первый планъ сторону вопроса, совершенно игнорируемую экономистами, которые, поэтому, также ошибаются: они изъ за-лѣса не видятъ деревьевъ. Кромѣ Тарда, указалъ на связь экономики съ идеологіей также и Штаммлеръ, но, во-первыхъ, онъ выдвинулъ лишь одну изъ идеологическихъ свойствъ экономики, именно правовую, а во-вторыхъ, онъ разсматриваетъ идеологію не какъ составную часть самой природы экономики, а лишь какъ формальную сторону послѣдней. [5])

Что касается спеціальнаго труда Тарда, появившагося въ обозрѣваемомъ нами году, то въ нашу задачу не можетъ входить подробное его изложеніе, тѣмъ болѣе, что, изложивъ выше основанія воз-

---

[1]) Тардъ, Реформа политич. экономіи, стр. 5.
[2]) Ibidem стр. 6.
[3]) Ibidem стр. 31.
[4]) Тардъ, l. c. стр. 41, 45 и слѣд.
[5]) Stammler. Wirtschaft und Recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung. Leipzig 1896, s. 188 ff., особенно 1,99 ff., s. 314 ff., s 557 f. и др.

зрѣній автора, мы тѣмъ самымъ уже опредѣлили и сущность его взглядовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ политической экономіи. Мы поэтому ограничимся передачей взглядовъ Тарда въ нѣсколькихъ словахъ. Повторивъ сначала свои общіе соціологическіе взгляды на значеніе изобрѣтеній, подражаній и противодѣйствій, на значеніе индивидуальной и соціальной ломки и телеологіи и прибавивъ рядъ соображеній по поводу предложенной Штейнметцомъ классификаціи соціальныхъ типовъ [1]), Тардъ разсматриваетъ понятіе цѣнности съ точки зрѣнія соціальныхъ законовъ, т. е. съ точки зрѣнія подражаній и изобрѣтеній [2]), причемъ, однако, уже не такъ рѣшительно говоритъ, что цѣнность является „только“ продуктомъ умственнаго труда. Далѣе: какъ понятіе цѣнности, такъ и понятіе денегъ не является исключительно объектомъ экономики, ибо деньги являются не только мѣриломъ богатства, но и мѣриломъ желаній и вѣрованій, [3]) а желанія и вѣрованія входятъ въ самую природу экономики. [4]) Комбинаціей желаній и вѣрованій являются потребности, [5]) столь подробно обсуждаемыя экономистами, какъ главное основаніе анализируемыхъ ими хозяйственныхъ явленій. О томъ, что трудъ включаетъ понятія психологическаго свойства, говорить подробно не приходится. Этого не отвергаютъ и экономисты, но они обращаютъ вниманіе лишь на производимое трудомъ чувство утомленія, тогда какъ весьма важнымъ ингредіентомъ является и чувство скуки, надоѣданія. [6]) Что же касается собственно чувства утомленія, то, кромѣ того утомленія, которое имѣютъ въ виду экономисты и которое является результатомъ трудовой дѣятельности, нужно еще отличать утомленіе вниманія, это новое и тонкое мученіе, неизвѣстное старымъ представленіямъ объ адскихъ мученіяхъ,—оно введено лишь со времени появленія мануфактурнаго производства. Здѣсь Тарду слѣдовало бы отмѣтить, что не только психическіе моменты вклиниваются въ природу экономики, но послѣдняя, въ свою очередь, порождаетъ и новыя психическія явленія. Но этого замѣчанія Тардъ не дѣлаетъ. Въ трудѣ Тардъ отличаетъ, что, впрочемъ, дѣлаютъ всѣ мыслители, экономисты и не-экономисты, трудъ умственный отъ физическаго, но при этомъ основательно настаиваетъ, что трудъ физическій всегда по природѣ своей есть и трудъ умственный, и если машинизмъ низводитъ участіе умственной дѣятельности рабочаго при отправленіи имъ своей работы до minimum'а, то все-же это качество не уничтожается совершенно, а съ другой стороны—это явленіе не лежитъ въ самой природѣ труда, а есть обстоятельство, принесенное извнѣ. Умственный трудъ (не въ смыслѣ профессіи) выше физическаго и по времени предшествуетъ послѣднему. Правда, ходъ развитія не вездѣ одинаковъ (въ этомъ отношеніи Тардъ повторяетъ свои взгляды, давно высказанные имъ въ „Les transformations du droit“ и не пользующіеся признаніемъ въ наукѣ), ибо здѣсь много

[1]) Tarde. Psychologie Economique. Paris 1902. Tome premier. p. 49 sqq.
[2]) Tarde, op. cit. p. 63 sqq.
[3]) Tarde, p. 77 sqq.
[4]) Tarde, p. p. 151. sqq.
[5]) Tarde, l. c. p. 202 sqq.
[6]) Tarde, p. 280 sqq.

зависитъ отъ условій окружающей среды, вліянія расовыхъ моментовъ и т. п. [1]), но въ общемъ можно сказать, что пріоритетъ принадлежитъ изобрѣтенію, за которымъ уже слѣдуетъ подраженіе или противодѣйствіе. Относительно значенія „капитала“ Тардъ повторяетъ [2]) все то, что имъ было сказано въ „La logique sociale“ и что, вкратцѣ, нами передано выше, но, конечно, развиваетъ свои мысли подробнѣе и полнѣе, хотя вновь впадаетъ въ односторонности своей исключительной точки зрѣнія, несмотря на высказываемое мѣстами сознаніе, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло прежде всего и больше всего съ категоріей экономическаго характера.

При опредѣленіи понятія цѣнности Тардъ имѣетъ въ виду субъективные психологическіе моменты интереса, съ одной стороны, и объективные психическіе моменты—удовлетвореніе желаній,—съ другой. Истинную же цѣну имѣетъ изобрѣтеніе, и съ этой точки зрѣнія экономическое опредѣленіе цѣнности страдаетъ неполнотою. [3]) Психологическая сторона конкуренціи, какъ постоянной борьбы между производителями, съ одной стороны, и потребителями—съ другой, и психологическая сторона кризисовъ, какъ періода острой борьбы [4])—понятны сами по себѣ и хотя содержатъ много интересныхъ страницъ, но изложеніе ихъ не можетъ войти въ задачу нашего обзора. То-же нужно сказать и о значеніи экономическихъ „представленій“, заключающихся въ физіологическомъ, психологическомъ и соціальномъ условіяхъ изобрѣтеній и приспособленій, а также въ индустріальномъ и коммерческомъ изображеніяхъ и подражаніяхъ и ихъ развитіи. [5]) Съ точки зрѣнія приспособленія разсматривается и одно изъ средствъ его—собственность, [6]) а обмѣнъ и ассоціація даютъ Тарду поводъ къ развитію началъ отстаиваемой имъ интерментальной психологіи. [7])

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, вытекающихъ изъ чрезмѣрнаго увлеченія Тардомъ психической стороной экономическихъ явленій, книга Тарда является весьма интереснымъ и цѣннымъ дополненіемъ къ приведеннымъ нами выше воззрѣніямъ де-Греефа на значеніе экономики для строя и развитія общества.

Послѣ сдѣланнаго мною отступленія возвращаюсь снова къ трудамъ международнаго съѣзда соціологовъ. Лестеръ Уордъ высказалъ свой взглядъ на экономическій матеріализмъ въ нѣсколькихъ всего словахъ. Хотя, говоритъ онъ, предметъ и не изученъ имъ съ надлежащею полнотою, но, насколько онъ знакомъ съ данною доктриною, онъ считаетъ ее односторонней. Доктрина эта основана на весьма важной истинѣ, именно, что благопріятныя матеріальныя экономическія отношенія составляютъ необходимое условіе соціальнаго прогресса. Уордъ полагаетъ, что школа даже недостаточно оцѣнила зна-

---

[1]) Tarde, p. 265 sq.
[2]) Tarde, p. 330—380
[3]) Tarde, op. cit., tome second p. 11 sqq.
[4]) Tarde, томъ II, стр. 57 sqq. стр. 139—188.
[5]) Tarde, т. II, стр. 230 sqq., 278 sqq.
[6]) Tarde, т. II, стр. 298 sqq.
[7]) Tarde, т. II, стр. 346 и слѣд., стр. 384—до конца. Ср. мой „Обзоръ соціолог. литер. за 1901 г.“, стр. 41 и слѣд.

ченіе экономическаго фактора съ этой точки зрѣнія. Но ошибка школы заключается въ томъ, что основнымъ факторомъ соціальной жизни и соціальнаго развитія она считаетъ только экономику, тогда какъ столь же основное значеніе имѣютъ и другіе факторы—среда, населеніе, стремленіе къ удовольствіямъ и т. п. [1]) Объ отдѣльныхъ соціальныхъ факторахъ подробнѣе будетъ сказано въ третьей части настоящаго обзора, почему этого вопроса въ его подробностяхъ и частностяхъ я здѣсь и не касаюсь. Прибавлю здѣсь, что и Уордъ, какъ и Тардъ, Де-Греефъ и Кроче, находитъ, что экономика включаетъ въ себѣ, по самой природѣ своей, и факторъ интеллектуальный. [2])

Противъ доктрины экономическаго монизма высказался и Шарль Лимузенъ, который, между прочимъ, замѣтилъ, что вообще монистическая концепція ложна какъ въ философіи, такъ и въ соціологіи. Монизмъ покоится на невозможномъ постулатѣ, именно, что можно образовать гетерогенное изъ гомогеннаго, образовать нѣсколько разныхъ субстанцій на почвѣ одной—единственной. [3]) Но такое основаніе ложно. При помощи матеріи и энергіи можно образовать безчисленное множество комбинацій, съ одной же матеріей или съ одной силой вы не получите никогда ничего, кромѣ—въ одномъ случаѣ матеріи, въ другомъ—силы, всегда себѣ самимъ подобныхъ. То-же самое вѣрно и для соціологіи. И здѣсь не существуетъ единаго основного фактора, коего всѣ другія силы были бы только производными свойствами или формами. Вотъ, для примѣра, факторъ расовый. Народы находятся на различныхъ стадіяхъ культуры. У всѣхъ этихъ народовъ различныхъ расъ дѣйствуютъ въ одинаковой мѣрѣ потребности жизни, тотъ-же матеріализмъ (primum vivere, deinde philosophari); какимъ-же образомъ при дѣйствіи одного и того же экономическаго фактора всѣ эти народы не пришли въ одно и то же время къ одинаковымъ ступенямъ культуры? Стало быть, нужно было, чтобы въ однихъ случаяхъ экономическій факторъ не дѣйствовалъ съ тою же силою, какъ въ другихъ, чтобы онъ вызывалъ неодинаковыя здѣсь и тамъ идеи объ улучшеніи культурныхъ условій. Скажутъ, что всѣ народы, въ концѣ концовъ, станутъ культурными (этого, напримѣръ, съ точки зрѣнія соціальныхъ эволюціи и диссолюціи, не допускаетъ Спенсеръ),—допустимъ; но все же окажется, что дѣйствіе экономическаго фактора неодинаково—то оно быстрѣй, то оно медленнѣе. Что же облегчаетъ или затрудняетъ его дѣйствіе? Скажутъ—климатическія условія. Но это уже будетъ новый факторъ. Скажутъ—расовыя,—опять новый факторъ. Да, возразятъ, пожалуй, говоритъ далѣе Лимузенъ, слѣдуетъ допустить, что этническій факторъ имѣетъ значеніе, но онъ является по преимуществу факторомъ пассивнымъ, тогда какъ матеріалистическій факторъ является активнымъ. Ну, а развѣ нѣтъ фактора религіознаго, фактора исключительно соціальнаго и въ высшей степени активнаго, являющагося первоначальнымъ источникомъ всѣхъ искусствъ и даже

[1]) Annales de l'Inst. Intern. de Sociologie, tome VIII, p. 185.
[2]) Ward, ibidem p. 186.
[3]) Limousin, ibidem p. 191.

философіи? [1]) Ниже мы покажемъ, что этническій факторъ дѣйствительно является факторомъ второстепеннымъ, вліяющимъ лишь отчасти на существо развитія, а въ большей степени собственно на темпъ его; въ другомъ мѣстѣ [2]) я показалъ, что и факторъ религіозный не можетъ быть поставленъ рядомъ съ другими психическими факторами развитія. И тѣмъ не менѣе въ окончательномъ выводѣ Лимузенъ совершенно правъ, ибо разъ расовый элементъ и религія имѣютъ значеніе агентовъ, преобразующихъ жизнь, то, хотя эти агенты и „рангомъ“ ниже другихъ, ихъ игнорировать отнюдь не слѣдуетъ, какъ нельзя и считать ихъ факторами производными отъ экономики.

Самостоятельное и серьезное значеніе придаетъ Лимузенъ и морали и, наконецъ, заключаетъ, что исторія не является матеріалистской, какъ полагаетъ Марксъ, и психологическій анализъ человѣка подтверждаетъ это заключеніе. Люди группировались въ общества, потому что ихъ къ этому влекло чувство общественности (невѣрно: чувство общественности развилось на почвѣ опыта, на почвѣ предварительной группировки въ временныя ассоціаціи), потому что они чувствовали себя счастливѣе, будучи соединенными въ общества, нежели будучи изолированными. Здѣсь центръ вниманія обращается на самое чувство, а не на матеріалистическія условія группировки. Въ ассоціаціи были найдены, конечно, выгоды матеріальнаго свойства, но и выгоды психическаго, моральнаго свойства. [3]) Общества являются результатомъ человѣческихъ чувствъ, а не одного человѣческаго чувства—потребности желудка. [4])

Слѣдующій докладъ конгрессу былъ сдѣланъ сторонникомъ доктрины историческаго матеріализма, проф. А. Гроппали. [5]) Указавъ на философское значеніе теоріи и на связь ея съ Гегелемъ, а согласно съ взглядами нѣкоторыхъ сторонниковъ ея—съ Гольбахомъ (авторъ указываетъ на подобное мнѣніе г. Вериго; можно прибавить также Бельтова), а также на связь многихъ идей Маркса съ взглядами Конта, Гроппали переходитъ къ существу вопроса. Первый вопросъ, возникающій при обсужденіи философіи марксизма, является вопросомъ о томъ, представляетъ-ли изъ себя эта доктрина законченную научную систему или она является только ученіемъ, ограничивающимся задачей выяснить рабочему классу необходимость новой соціальной эры. На этотъ счетъ существуютъ, говоритъ Гроппали, самыя различныя воззрѣнія. Такъ, съ одной стороны Кроче настаиваетъ на томъ, что марксизмъ представляетъ только сумму новыхъ данныхъ, новыхъ опытовъ, входящихъ въ область сознанія историка, а съ другой—Джентили и еще болѣе Лабріола и Чіапелли признаютъ, что историческій матеріализмъ представляетъ собой черты истинной философіи исторіи, какъ методъ изысканія ея законовъ [6])

[1]) Limousin, ibidem p 192—193.
[2]) Гальперинъ Очерки первобытн. права, гл. II.
[3]) Limousin, ibidem p. 194—195.
[4]) Jdem p 196.
[5]) A. Groppali, De la place que le matérialisme historique occupe dans la philosophie et dans la sociologie contemporaines. Annales etc. т. 8, стр. 197—235.
[6]) Groppali, op cit p. 204.

Здѣсь считаю нужнымъ отмѣтить рядъ допущенныхъ авторомъ ошибокъ и пробѣловъ. Не говоря уже о томъ, что не одинъ Кроче высказалъ взглядъ на то, что марксизмъ не является цѣльной научной системой, что это признали и сами Марксъ и Энгельсъ и что въ другомъ мѣстѣ и самъ Гроппали указалъ на то, что еще болѣе отрицательный отзывъ объ этой сторонѣ марксизма сдѣлалъ Зомбартъ [1]) (именно въ трудѣ послѣдняго „Socialismus und Soziale Bewegung in XIX Jahrhundert, Jena 1896),—не говоря объ этомъ, должно замѣтить, что неправильно утверждать, что Лабріола „въ особенности" настаиваетъ на томъ, что марксизмъ представляетъ собой законченную философскую доктрину, тогда какъ, какъ мы указали уже выше, онъ считаетъ историческій матеріализмъ только методомъ. И самъ Гроппали примыкаетъ къ этому воззрѣнію, которое, стало быть, ему знакомо. Поэтому его утвержденіе въ отношеніи Лабріола представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Я не могу сказать ничего о трудѣ Джентили и Чіапелли, которыхъ у меня нѣтъ, но у самого Гроппали, въ только что цитированной статьѣ, посвященной именно книгѣ Чіапелли, я нахожу указанія на то, что Чіапелли является критикомъ отстаиваемой Гроппали доктрины, правда, критикомъ вполнѣ объективнымъ, но тѣмъ не менѣе указывающимъ не только на ошибки доктрины по существу отстаиваемыхъ ею положеній, но и на пробѣлы, наличность каковыхъ уже лишаетъ доктрину значенія цѣльной философской системы. Такъ, Чіапелли указываетъ на неправильность игнорированія этическаго элемента и автономіи личности, которые имѣютъ, однако, большое значеніе въ реальномъ процессѣ исторіи. [2]) Гроппали оспариваетъ справедливость этихъ указаній, [3]) но это уже вопросъ существа, а въ данномъ случаѣ мы указываемъ на странность отнесенія Чіапелли къ числу писателей, признающихъ за соціологической доктриной марксизма значеніе законченной философской системы. Указывать на неправильность отождествленія, какъ это дѣлаетъ Гроппали, философской доктрины съ методомъ научнаго изысканія, я думаю, нѣтъ надобности.

Гропали присоединяется къ воззрѣнію на марксизмъ, какъ на методъ научнаго изслѣдованія исторіи, какъ на средство интерпретаціи, орудіе объясненія соціальной жизни. И такъ какъ историческій матеріализмъ не болѣе, какъ методъ, то онъ и не отвѣтственъ за тѣ „метафизическія ошибки, которыя заключаются во введеніи въ косныя экономическія категоріи, въ пустыя и безкровныя схемы, живыхъ теченій, текучихъ и активныхъ процессовъ исторіи".[4]) Нужно-ли говорить, что пустыя и мертвыя схемы, косныя экономическія категоріи, въ которыя втискивается текучій процессъ исторіи, составляетъ пріемъ Лоріа, труды котораго Гроппали считаетъ талантливыми

[1]) Groppali A proposito di una recente publicazione sul Materialismo storico. Estratto del periodico: Rivista di storia e filosofia del diritto. Palermo 1897, p. 3. Статья эта вошла цѣликомъ въ трудъ Гроппали „Saggi di sociologia", p. 117 sqq.

[2]) Groppali. A proposito etc. p. 9.

[3]) Groppali, op. cit стр. 12 и слѣд.

[4]) Groppali, въ Annales de l'Institut International du Sociologie, t. VIII, r. 204—205.

и плодотворными и болѣе систематически излагающими доктрину историческаго матеріализма, нежели это сдѣлали даже Марксъ и Энгельсъ. [1]) Взглядъ этотъ не новъ, но только прежде Гроппали не забывалъ указать на то, что взгляды Лоріа крайне односторонни, а не только схематичны, какъ онъ замѣчаетъ теперь. [2])

Гроппали характеризуетъ историософическую доктрину марксизма, какъ реалистическую, критическую и діалектическую или эволюціонную. Мы видѣли выше, что эта характеристика вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и что въ то-же время доктрина является вполнѣ монистическою. [3]) Далѣе Гроппали указываетъ на стремленія, одно время господствовавшія среди сторонниковъ доктрины, связать ее съ эволюціонизмомъ (Энрико Ферри, Вольтманъ и др.). Авторъ совершенно правильно указываетъ, что между обоими доктринами лежитъ цѣлая пропасть. [4]) Того-же мнѣнія придерживается, какъ и указываетъ авторъ, также Каутскій (Darvinismus und Marxismus, Neue Zeit, № 23, 1894—1895), Лабріола и онъ самъ (Groppali—saggi di sociologia p. 137—143). Гроппали забываетъ указать на Спенсера и его знаменитое письмо по поводу книги Ферри (см. указаніе въ моей „Органич. теоріи строенія и развитія общества), на Гарофало (Garofalo, La Superstition Socialiste, Paris 1895) и на Циглера и Масарика (см. его Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, Wien 1899 s. 51—52. Сравн. мою „Орг. теорію строенія и развитія общества", стр. 100—101).

Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній Гроппали интересны, хотя и не новы, ибо содержатся въ его другихъ трудахъ, слѣдующія. Историческій матеріализмъ не отвергаетъ вообще значеніе дѣйствія идей, а лишь отказывается признать ихъ самостоятельное происхожденіе (аутогенезисъ), но разъ идея проявлялась среди соціальныхъ и данныхъ условій, она также пріобрѣтаетъ силу и реализируется въ соціальной жизни тѣми или иными проявленіями и вліяніями. То-же самое должно быть сказано объ элементахъ этическомъ, правовомъ и т. д. Этого никогда не отвергали ни Марксъ, ни Энгельсъ, какъ это, между прочимъ, доказывается и смысломъ опубликованнаго послѣ смерти Энгельса письма его, относящагося къ 1890 году. [5])

Что касается вопроса автономіи личности, то ея не отвергаетъ марксизмъ, онъ только приписываетъ личности служебное значеніе[6]). Гроппали выражается осторожно; Каутскій болѣе рѣшителенъ. Онъ говоритъ, что, конечно, личность участвуетъ въ ходѣ историческихъ событій, но не какъ ихъ господинъ, а какъ ихъ послушный рабъ.

Что касается упрека марксизму въ имморализмѣ, то онъ несправедливъ въ виду несомнѣнной высоты идеала, исповѣдуемаго сторонниками доктрины. Этой стороны школы не отвергаетъ даже такой

---

[1]) Groppali, op cit. 205.
[2]) См., напр., Groppali-Saggi di sociologia, Milano 1899, p. 143 и др.
[3]) Ср. Groppali, въ Annales etc. т. VIII, p. 206—210.
[4]) Groppali, op. cit. p. 217—222.
[5]) Groppali, op. cit. p. 226.
[6]) Groppali, p. 227.

ея критикъ, какъ Вильфредо Парето[1]). Вопроса этого мы уже касались выше и потому не развиваемъ его здѣсь подробнѣй. Замѣтимъ только здѣсь, лишь въ видахъ полноты обзора, что даннаго вопроса касается и Кроче въ связи со взглядами на этотъ вопросъ проф. Лабріола. „Лабріола, говоритъ Кроче, съ своимъ обычнымъ остроуміемъ бичуетъ тѣхъ, кто сводитъ исторію къ вопросу *совѣсти* или *ошибки въ разсчетѣ* (курсивъ подлинника). Онъ приводитъ два аргумента: 1) что, по Марксу, соціальный вопросъ не есть вопросъ моральный (прибавлю въ скобкахъ, что вопросъ этотъ издавна весьма оживленно дебатировался въ научной литературѣ) и 2) что произведенный имъ анализъ капитализма привелъ къ установленію законовъ, регулирующихъ данное общество, но въ то-же время не къ установленію факта кражи, какъ утверждали нѣкоторые (намекъ на полемику съ Прудономъ). Авторы, желавшіе внести этицизмъ въ доктрину, въ сущности порывались добавить соли въ супъ".[2]) Кроче совершенно вѣрно замѣчаетъ, что кажущійся нравственный индифферентизмъ имѣетъ у Маркса весьма опредѣленный и понятный смыслъ. Разъ тотъ или другой процессъ устанавливается научными данными какъ естественно-необходимый, то нравственное сужденіе о немъ не имѣетъ никакого смысла. Рабовладѣльцы, феодалы и т. д., съ одной стороны, рабы крѣпостные, рабочіе—съ другой, при естественно необходимомъ процессѣ, не могутъ не быть тѣмъ, что они суть, не могутъ не выполнить функціи, предназначенной имъ самой природой вещей (ссылка на Анти-Дюрингъ Энгельса, стр. 303). Наши осужденія были бы осужденіемъ неизбѣжнаго, подобными тому проклятію „грубой силы, скрыто повелѣвающей къ всеобщему вреду", который изрекъ Леонарди. Но похвала или порицаніе могутъ относиться къ доброй или злой волѣ, а не противъ факта, котораго не хотѣлъ никто, но которому подчинились всѣ, потому что это не могло быть иначе. Марксъ называлъ это безсиліемъ морали, что равносильно безполезности ставить вопросы, которые нелѣпы уже по той причинѣ, что ничьи усилія не разрѣшатъ ихъ.[3]) Поэтому вполнѣ послѣдовательны были моралисты, исключавшіе возможность изученія соціальной жизни по принципу этической ея оцѣнки; можно было писать о теоріи познанія по Марксу, но писать о принципѣ этики по Марксу было бы, какъ думаетъ Кроче, безусловно безразсуднымъ. [4]) Но разъ историческій процессъ перестаетъ пониматься, какъ исключительно процессъ каузальный, но и какъ процессъ финальный, телеологическій, разъ допускается комбинація исторической необходимости съ исторической свободой (см. въ первой части этого обзора взгляды Штамлера, Струве, Бернштейна и всѣхъ сторонниковъ „поворота"), то вопросъ объ этической оцѣнкѣ этого процесса властно заявляетъ притязаніе на признаніе своей законности. Такъ и поступаетъ современная наука, хотя, къ сожалѣнію, прибѣгаетъ при этомъ къ помощи

---

[1]) Groppali, p. 228, 234 и др.

[2]) Кроче. Историческій матеріализмъ и марксистская экономія, стр. 167—168.

[3]) Кроче, op. cit. стр. 169—170 и дальше.

[4]) Кроче, стр. 176.

метафизики, что является совершенно излишнимъ. Средостѣнное положеніе занимаетъ одинъ лишь Лоріа, который считаетъ историческій процессъ не естественно-необходимымъ и въ то-же время не признаетъ верховнаго принципа этической оцѣнки.

По поводу историческаго матеріализма высказались еще три участника международнаго конгресса соціологовъ—проф. Фердинандъ Пулья, де-Роберти и Рене Вормсъ и всѣ три—въ отрицательномъ смыслѣ. Пулья говоритъ, что доктрина историческаго матеріализма невѣрна въ обоихъ своихъ основаніяхъ: въ точкѣ зрѣнія на причину развитія человѣчества и въ способѣ объясненія борьбы классовъ. Въ первомъ отношеніи ошибка заключается въ принятіи экономическаго фактора за единственный агентъ соціальной жизни, тогда какъ соціальныя преобразованія совершались то подъ воздѣйствіемъ идеаловъ религіозныхъ, то политическихъ и т. п. Причины соціальныхъ явленій весьма сложны и дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что часто ихъ трудно отдѣлить одну отъ другой. Причины соціальныхъ явленій могутъ быть относимы къ тремъ категоріямъ: причины мезологическія, причины внутреннія или, лучше, внутрисоціальныя и причины антропологическія, въ томъ числѣ и расовыя. Факторъ экономическій имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе, но онъ не единственный. Это, кромѣ того, факторъ очень сложный, и если разсмотрѣть его элементы, то можно видѣть и на немъ вліяніе условій климатическихъ, вліяніе религіозныхъ вѣрованій и т. п. Столь же ошибочны взгляды доктрины и на соціальную борьбу. Исторія народовъ подтверждаетъ біологическую теорію борьбы за существованіе, но наряду съ этимъ подтверждаетъ и борьбу за прогрессъ. Борьба ведется не только на личной почвѣ, но и на почвѣ соціальной. Исторія даже не подтверждаетъ того, чтобы борьба была именно классовой. Быть можетъ, этому виною является неудачно избранный терминъ—„классъ“, но мы видимъ, что борьба является скорѣе борьбой партій, борьбой, въ которой чувство ненависти переплетается съ высокимъ стремленіемъ къ уничтоженію несправедливыхъ привиллегій, къ равенству, т. е. во всякомъ случаѣ къ явленіямъ и учрежденіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ классами. Въ виду всего сказаннаго историческій матеріализмъ не можетъ быть принятъ ни какъ философская концепція историческихъ явленій, ни какъ научный методъ изслѣдованія этихъ явленій. [1])

Г. де-Роберти отмѣтилъ прежде всего громадное значеніе телеологіи, совершенно игнорируемой ортодоксальнымъ марксизмомъ, а затѣмъ пришелъ къ выводу, что вся теорія представляется только гипотезой, включающей большое число ошибокъ. Прежде всего она принимаетъ слѣдствіе за причину, такъ какъ сама экономика есть слѣдствіе желаній и стремленій. Школа стремится обосновать свою гипотезу путемъ логическимъ и историческимъ. Логическая сторона ученія весьма слаба. Она сводится къ неопредѣленной аналогіи съ питаніемъ организма—primum vivere, deinde philosophari. Конечно, прежде нужно питаться; конечно, прежде жизнь органическая—безъ

[1]) Puglia въ Annales etc. t. VIII, p. 237—241.

нея не можетъ и быть жизни соціальной. Но жизнь органическая еще не является жизнью соціальной, она досоціальна (prés ociale); жизнь же соціальная не совпадаетъ съ жизнью органическою—въ ней есть новое, и это „новое", отличающее отъ жизни питанія, и образуется новыми факторами, которые, отличаясь отъ прежняго, не являются уже только экономическими. Что касается исторической или экспериментальной стороны доктрины, то исторіей доказывались самыя противоположныя утвержденія. Стоитъ только по своему изложить ходъ освѣщающихъ событіе моментовъ, чтобы „доказательство" было на лицо. При своихъ экспериментахъ доктрина матеріализма всегда упускаетъ изъ виду факторы идеологическіе—знаніе, вѣрованія, эстетическія стремленія, мораль и т. п. Экономическій факторъ не является единственнымъ факторомъ соціальной жизни; держаться только этого фактора не значитъ обогащать науку, а приводить ее къ обѣднѣнію. [1])

Рене Вормсъ, отдавая должное доктринѣ историческаго матеріализма, именно указаніе ея на главенствующее значеніе для соціальной жизни экономики вообще и въ частности орудій производства, находитъ, что односторонность составляетъ единственный недостатокъ школы. По мнѣнію Вормса, соціальная жизнь опредѣляется образованіемъ „соціальныхъ тѣлъ", состоящихъ изъ человѣческихъ существъ и ихъ среды. Мысль Вормса понятна для всякаго, кто знакомъ съ его доктриной органицизма. Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ и экономику, [2]) что для насъ въ настоящемъ случаѣ не представляетъ интереса.

Засѣданія конгресса были заключены предсѣдателемъ его, Я. А. Новиковымъ, который на этотъ разъ не высказалъ своего мнѣнія, выраженнаго имъ на конгрессѣ раньше, послѣ доклада Крауза. Конгрессъ констатировалъ, что „уступки" сдѣланы съ обѣихъ сторонъ: марксизмъ перестаетъ все болѣе и болѣе быть ортодоксальнымъ, сторонники идеологіи перестаютъ огульно отрицать все въ марксизмѣ, все болѣе и болѣе признавая въ немъ наличность здоровыхъ и плодотворныхъ научныхъ положеній.

„Уступки", какъ мы видѣли, идутъ со всѣхъ сторонъ Здѣсь рядомъ съ Жоресомъ стоятъ Вейзенгрюнъ, Николаевъ, сами Марксъ и Энгельсъ, Конрадъ Шмидтъ, Штаммлеръ,—а затѣмъ наступаетъ эпоха „поворота" къ критицизму (Штаммлеръ, Струве, Бернштейнъ и др.) и къ идеализму (Булгаковъ, Трубецкой, Бердяевъ, даже Туганъ-Барановскій и др.), причемъ, какъ при всякой реакціи, не обходится безъ крайностей, каковыми въ данномъ случаѣ являются метафизика и увлеченіе тою стороною ницшеіанства, которая, содержа здоровое зерно, даетъ весьма нездоровые ростки. [3]) Г. Осадчій совершенно справедливо замѣчаетъ, что „уступки" должны были произойти въ силу условій жизни и онѣ и произошли „по мѣрѣ

[1]) E. de-Roberty въ Annales, т. VIII, p. 243—264.

[2]) René Worms въ Annales etc. p. 265—270.

[3]) См. объ этомъ, между прочимъ, у Новополина—Въ сумеркахъ литературы и жизни, Харьковъ 1902 г. стр. 180 и слѣд., особ. стр. 195—197.

того, какъ реформаторы изъ области теорій приближались къ практической жизни". [1])

IX.

Уже послѣ конгресса были присланы въ международный институтъ соціологіи нѣкоторыя работы, посвященныя экономическому матеріализму и опубликованныя въ „Анналахъ" Института. Этихъ работъ, а также взглядовъ проф. Парето и Туганъ-Барановскаго, я вкратцѣ и коснусь. Для полноты обзора слѣдовало бы посвятить самостоятельное изслѣдованіе не разъ цитированному мною труду Кроче, но этого я не сдѣлаю только потому, что все наиболѣе существенное изъ взглядовъ этого мыслителя мною уже изложено, а въ остальномъ я не вижу ничего такого, что не было бы сказано другими критиками доктрины. Наконецъ, у Кроче содержится много замѣчаній совершенно спеціальнаго характера, которымъ здѣсь не мѣсто. Не могу не пожалѣть, что обстоятельства, внѣ моей воли лежащія, не дали мнѣ возможности высказаться о небольшомъ, но весьма интересномъ трудѣ сторонника доктрины, проф. Зелигмана.[2]) Послѣ этого небольшого вступленія перехожу къ обозрѣнію намѣченныхъ выше трудовъ.

Историческій матеріализмъ, говоритъ Альфредъ Фуллье, является либо трюизмомъ, либо софизмомъ. Если сторонники доктрины утверждаютъ только, что экономическія условія оказываютъ значительное вліяніе на соціальное движеніе, вслѣдствіе солидарности или взаимозависимости соціальныхъ явленій—они утверждаютъ вещь самое по себѣ понятную. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ трюизмомъ. Если же они превращаютъ потребности матеріальнаго свойства въ доминирующія надъ всѣми остальными и даже эти всѣ остальныя, мораль, знаніе, право и т. д., объясняющія—то полуистина становится гигантскимъ софизмомъ. [3]) Какъ нельзя найти чистый духъ ни среди изолированныхъ людей, ни среди обществъ, въ которыя люди группируются, такъ точно нельзя въ людяхъ видѣть одни тѣла безъ чувствъ и думъ. Желудокъ всегда будетъ имѣть своего управителя въ мозгѣ. [4]) То, что экономисты называютъ основаніемъ (infrastructure), вовсе не является чисто экономическимъ (ср. выше разсужденія де-Греефа и Тарда), и всѣ безсознательные факторы не являются факторами непремѣнно экономическими. Количество соціальныхъ соединеній, ихъ плотность, подвижность, качество самыхъ соединеній, ихъ гомогенность или гетерогенность, ихъ простота или сложность, степень ихъ дифференцировки или однообразія—вотъ родъ факторовъ не экономическаго свойства и вполнѣ объективныхъ. Съ другой стороны, феномены подражанія и изорѣтенія не должны быть оставляемы безъ вниманія. Наконецъ, сама техника является

[1]) Осадчій. Общественный бытъ и проекты его улучшенія въ XIX столѣтіи. Москва 1902 г., стр. 134.

[2]) Edwin Seliman. The economic interpretation of history. The Columbia University Press. 1902.

[3]) A Fouillée. Le matérialime historique et la force des idées. Annales t. VIII, p. 275 sq.

[4]) Fouillée, p. 277.

совокупностью практическихъ *идей* о лучшихъ средствахъ достиженія той или иной продукціи. [1]) Нельзя не замѣтить, что многіе изъ отмѣченныхъ Фуллье явленій не являются „факторами“ соціальной жизни, а лишь ея условіемъ, какъ, напримѣръ, количественный характеръ соціальнаго цѣлаго или его плотность. Гомогенность или гетерогенность общества вліяетъ не столько на соціальное развитіе по существу, сколько на темпъ развитія, на быстроту или медленность развитія. Наконецъ, многіе изъ отмѣченныхъ Фуллье моментовъ испытываютъ самое серьезное вліяніе экономики, напримѣръ, плотность населенія, соціальныя дифференцированія и т. п.,—и потому служить въ качествѣ противуположенія экономическому фактору не могутъ. Въ стремленіи критиковать ученіе историческаго матеріализма не слѣдуетъ забывать того, что въ немъ есть вѣрнаго и вполнѣ научно обоснованнаго.

Фуллье не является индетерминистомъ, но, по его мнѣнію, детерменизмъ не является только экономическимъ, это—также детерменизмъ психологическій, соціологическій, универсальный. Истинный детерменизмъ долженъ считаться со *всѣми* условіями (курсивъ автора), могущими опредѣлять волю, индивидуальную или коллективную. Этого не дѣлаетъ, однако, марксизмъ. *Все,* что вліяетъ на чувства и импульсы, вліяетъ и на дѣйствія и на движеніе человѣчества. Вотъ въ чемъ заключается истинный принципъ науки. Очевидно, стало быть, что матеріальныя потребности не являются единственными, могущими вліять на наши чувства: homo oeconomicus не является всѣмъ человѣкомъ. Итакъ, матеріальныя потребности не являются единственными факторами исторіи; *идеи* также являются *силами* (въ этомъ заключается сущность ученія Фуллье, развитаго имъ въ рядѣ трудовъ, главнымъ образомъ—въ „L'Evolutionisme des Idées-Forces“, Paris 1890 и въ „La Psychologie des Idées—Forces“ т. I и II, Парижъ 1893 г.). Поэтому историческій матеріализмъ представляетъ только одну сторону исторіи; историческій идеализмъ представляетъ другую, болѣе внутреннюю и болѣе господствующую. [2])

Научныя, философскія, религіозныя идеи часто играютъ въ исторіи болѣе важную роль, нежели потребности матеріальныя. Будь послѣднія единственными двигателями исторіи, то, оставаясь по существу всегда одними и тѣми-же, онѣ не дали бы толчка къ развитію; лишь въ связи съ развитіемъ интеллекта и идей создаются новыя потребности, новыя стремленія, новые соціальные горизонты и все болѣе высокій идеалъ. Только на этой почвѣ создался прогрессъ. Идея является не только чѣмъ-то производнымъ,—она сама является очагомъ свѣта, тепла и движенія. [3]) Какъ всякая схоластическая система, марксизмъ является истиннымъ въ томъ, что онъ утверждаетъ, и невѣрнымъ въ томъ, что онъ отрицаетъ. [4])

Въ небольшой замѣткѣ Тарда марксизмъ критикуется съ точки зрѣнія его односторонности. Одной изъ основныхъ ошибокъ истори-

[1]) Fouillée, p. 278.
[2]) Fouillée, p. 279—280.
[3]) Fouillée, p. 281.
[4]) Fouillée, p. 282

ческаго матеріализма, говоритъ затѣмъ Тардъ, является то, что онъ полагаетъ, что человѣкъ всегда вѣритъ въ то, во что онъ желаетъ вѣрить. Это противорѣчитъ самому элементарному психологическому наблюденію. Если бы это было такъ, никогда не существовало бы соціальныхъ взрывовъ. Наиболѣе эластичныя, т. е. наименѣе матеріальныя, потребности, потребности наиболѣе интеръ-спиритуальныя, —это тѣ, которыя болѣе всего содѣйствуютъ продукціи индустріальной, артистической, литературной, научной. Потребности же чисто матеріальныя ведутъ лишь къ производству стаціонарному. [1]) Все болѣе и болѣе въ человѣчествѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, желудокъ подчиняется разсудку, а не наоборотъ.

Противъ историческаго матеріализма высказался и испанскій ученый Эдуардъ Санцъ-и-Эскартенъ, пріобрѣвшій сначала извѣстность, какъ историкъ, а затѣмъ, въ особенности послѣ труда, посвященнаго вопросу объ индивидѣ и значеніи соціальныхъ реформъ съ точки зрѣнія индивидуализма, [2])—и какъ соціологъ. Специфическая окраска автора (онъ философъ-католикъ) не всегда вредитъ научности его выводовъ, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ авторъ совершенно свободенъ отъ примѣси мистицизма. Въ своей небольшой отмѣткѣ, присланной Международному Институту Соціологіи, Санцъ-и-Эскартенъ говоритъ, что соціальная жизнь начинается только тогда, когда человѣкъ становится homo sapiens. До того жизнь человѣка является исключительной областью антропологіи и біологіи, съ этого момента— начинается область исторіи и соціологіи. Для послѣдней науки является несомнѣннымъ, что экономическій факторъ отразился на характерѣ нравовъ, законовъ и идей людскихъ. Древнія организаціи, феодальный режимъ, современный политическій порядокъ имѣютъ несомнѣнно весьма сильные корни въ способахъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Но и факторы другихъ порядковъ, идеальные, религіозные, политическіе участвовали въ созданіи историческихъ этаповъ и организацій человѣчества. Нужно признать громадное значеніе экономическаго фактора, но рядомъ съ нимъ должно дать мѣсто и другимъ факторамъ, коимъ часто первый даже подчиненъ. Болѣе того: можно утверждать, что въ будущемъ высшій элементъ природы будетъ имѣть все болѣе и болѣе возрастающее вліяніе на управленіе обществъ. То, что въ доктринѣ содержится вѣрнаго, несомнѣнно восторжествуетъ, но эта трансформація несомнѣнно не будетъ результатомъ одного экономическаго фактора, дѣйствующаго въ силу одной своей внутренней мощи, а также, и въ особенности, результатомъ силъ идеальныхъ и этическихъ, признанныхъ и потому властныхъ, и тогда исполнятся слова пророка: et veritas liberabit vos. [3])

Имя Винярскаго упоминается не разъ въ настоящемъ очеркѣ. Политико-экономъ и соціологъ, Винярскій сочетаетъ въ себѣ ориги-

---

[1]) Tarde. Quelques mots sur le Matérialisme historique, Annales t. VIII, p.p. 283—289.

[2]) Sanz y Escartin L'Individu et la Réforme sociale, tradui de l'Espagnol Paris 1898, passim и въ особ. гл. I.

[3]) Sanz y Escartin. Du Facteur économique dans l'organisation Sociale, Annales de l'Inztitut International de Sociologie, t. VIII, p. 291—294.

нальнымъ образомъ приверженность къ матеріализму съ отрицательнымъ отношеніемъ къ школѣ Маркса-Энгельса, съ одной стороны, и экономизмъ съ механизмомъ—съ другой. Въ механикѣ онъ матеріалистъ, несмотря на то, что въ динамической сторонѣ дѣла опирается главнымъ образомъ на энергетическіе законы. Несмотря на то, что взгляды Винярскаго и въ частности весь вопросъ о „соціальной механикѣ" заслуживаютъ подробнаго анализа, какъ однѣ изъ характерныхъ чертъ „современной соціологіи", и что вслѣдствіе сего подобный анализъ долженъ былъ-бы войти въ настоящій обзоръ, въ которомъ я стремлюсь дать посильный очеркъ всего, чѣмъ характеризуется состояніе соціальной науки,—я вынужденъ ограничиться весьма краткимъ очеркомъ взглядовъ г. Винярскаго вообще и вопроса о „соціальной механикѣ"—въ частности, такъ какъ эта сторона вопроса заслуживаетъ отдѣльнаго труда и такъ какъ подробное изложеніе указанной доктрины слишкомъ обременило бы и безъ того затянувшуюся работу мою. Кое-что о соціальной механикѣ, въ связи съ взглядами другого ея приверженца, Лестера Уорда, было указано мною въ другомъ мѣстѣ настоящаго обзора. Нѣкоторое представленіе о соціальной механикѣ могутъ дать слѣдующія строки, написанныя мною въ обзорѣ соціологической литературы за 1901 годъ, которыя я и считаю возможнымъ здѣсь повторить. Разбирая трудъ Уорда „Очерки соціологіи (Lester Ward, Outlines of Sociology, New Iork 1898, русскій переводъ 1901 г.), я указалъ при изложеніи главы седьмой этой книги слѣдующее.

Научная идея, говоритъ, Уордъ, выражается словомъ „законъ" и заключается въ однообразіи движенія. Къ послѣднему примѣнима новѣйшая доктрина механики, заключающаяся въ такъ называемой „теоріи единицъ" (Уордъ, стр. 115). Сила проявляется неодинаково: существуетъ четыре проявленія силы. А именно, простѣйшее или моментъ, равный произведенію массы на величину измѣненія скорости или ускоренія; далѣе сила проявляется въ видѣ энергіи, равной половинѣ произведенія массы на квадратъ скорости (это сила кинетическая) и, наконецъ, работа или количество потребленной энергіи.

Въ широкомъ смыслѣ слова есть только одна сила и лишь въ виду различныхъ способовъ ея проявленія признано удобнымъ признавать нѣсколько силъ. Законъ соотношенія силъ или сохраненія энергіи показываетъ, что всѣ различныя формы всемірной силы превратимы одна въ другую (см. объ этомъ также въ „Психич. факторахъ цивилизаціи" Уорда). Для соціальной жизни сила проявляется въ формѣ желанія (отсюда главенство аффективныхъ силъ), умъ же представляется силой, направляющей дѣятельность человѣка (значеніе аперцептивныхъ силъ). Силы въ соціальной жизни направляются на сохраненіе и воспроизведеніе рода. Это существенныя силы; несущественными же силами являются силы эстетическія, нравственныя и интеллектуальныя.—Дѣленіе на существенныя и несущественныя силы, въ виду крайняго субъективизма этого дѣленія, является у Уорда ненаучнымъ. Съ нашей, напримѣръ, точки зрѣнія направляющая роль этическихъ и интеллектуальныхъ силъ (телеологія и деонтологія) относится безусловно къ числу силъ существенныхъ.

Слѣдующая глава (VIII-ая) посвящена вопросу о механикѣ общества. [1]) Авторъ находитъ, что законы біологіи, психологіи и соціологіи могутъ быть подчинены математическимъ правиламъ. Уордъ въ этомъ отношеніи вполнѣ сходится съ взглядами Винярскаго, который это прямо и заявилъ (см. Annales de l'Institut International de Sociologie, томъ VII, стр. 229 и слѣд.), прислав на международный конгрессъ соціологовъ, гдѣ обсуждался докладъ Уорда о соціальной механикѣ, письменное объясненіе, въ которомъ оспариваетъ свой пріоритетъ высказанныхъ Уордомъ положеній. Уордъ отвѣтилъ, что узналъ о взглядахъ Винярскаго лишь въ іюнѣ 1900 г., а, между тѣмъ, его трудъ о соціальной механикѣ появился въ американскомъ журналѣ соціологовъ еще въ сентябрѣ 1896 г Нужно замѣтить, однако, что основной трудъ Винярскаго появился на французскомъ языкѣ еще въ 1894 году. [2]) Часть этого труда имѣется и въ русскомъ изложеніи [3]) въ журналѣ „Научное Обозрѣніе".

Обращаемся, однако, къ изложенію главы, остановившей на себѣ наше вниманіе. Самъ основатель соціологіи, Контъ, по вѣрному замѣчанію Уорда, отождествлялъ соціологію съ „соціальной физикой" и находилъ аналогію между соціальными и физическими явленіями (то же дѣлалъ въ свое время Кеттле, а теперь Майо-Смитъ, Майеръ и друг.). Основной агентъ соціальной жизни, какъ и показано раньше, есть *желаніе*, т. е. аффективная сторона ума. Съ точки зрѣнія соціальной механики (науки о соц. силахъ) воля, какъ воплощеніе психической и соціальной энергіи, представляетъ динамическій дѣятель. Отсюда само собой понятно дѣленіе соціальной механики на статику и динамику. (По почину А. Конта, въ наукѣ поднятъ споръ противъ этого дѣленія. Споръ этотъ отразился и на дебатахъ четвертаго международнаго съѣзда соціологовъ. Однако, дѣленіе это удерживается и признано большинствомъ ученыхъ цѣлесообразнымъ). Если соціальная статика опредѣляется какъ „равновѣсіе соціальныхъ силъ" (Уордъ, стр. 139), то соціальная динамика есть наука о соціальныхъ перемѣнахъ (Уордъ, стр. 145). Динамика изучаетъ соціальный прогрессъ. Послѣдній можетъ быть *генетическимъ* или *теличесскимъ* (telos, telesis —цѣль). „Ниже человѣческой стадіи прогрессъ имѣетъ исключительно генетическій характеръ и называется развитіемъ. Въ первобытномъ состояніи людей онъ бываетъ преимущественно генетическимъ, но начинаетъ уже становиться теличесскимъ. На высшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія онъ становится преимущественно теличесскимъ. Переходъ отъ генетическаго прогресса къ теличесскому *всецѣло* вызывается развитіемъ интеллекта. И бываетъ пропорціоналенъ этому развитію" (Уордъ, стр. 147—148). Такимъ образомъ и Уордъ, какъ и ранѣе отмѣченные нами авторы,

---

[1]) Этому же вопросу посвященъ докладъ Уорда и интересные дебаты по поводу этого доклада во время четвертаго международнаго съѣзда соціологовъ. См. Annales de l'Institut Intern. de Sociologie, Tome VII, p.p. 164—237.

[2]) Winiarsky. La méthode mathematique dans l'économie politique et la Sociologie. Paris 1894.

[3]) Винярскій. Математич. методъ въ политической экономіи. Научн. Обозр 1897 г. № 12.

признаетъ законность телеологіи, причемъ онъ измѣняетъ прилагательное „телеологическій“ въ болѣе короткое „телическій“. Существуетъ, по Уорду, два вида телезиса или теліческаго прогресса— телезисъ индивидуальный и коллективный. Послѣдній существуетъ пока только въ теоріи, такъ какъ общество по большей части является безсознательнымъ цѣлымъ (стр. 150). Такимъ образомъ, соціальная динамика распадается на соціальную генетику и телику (терминъ проф. Смолла).

Взгляды Уорда на соціальную механику изложены въ отчетномъ году весьма подробно и доступно въ ст. г. Е. и Б. въ „Русской мысли“.

Что касается собственно взглядовъ Винярскаго, то первые его труды относятся къ 1894—1897 г. г. и всѣ трактуютъ собственно вопросы политико экономическіе. Таковы его: „La méthode mathématique dans l' économie politique et dans la Sociologie“ Paris 1894: „Deux théories d' équilibre économique“, помѣщенная въ Revue Jnternationale de Sociologie 1896 г. № 12 и „Etude critique sur le III-me vol. du „Capital“ de Marx“, помѣщенная въ Revue d'économie politique, Paris 1897. Основныя воззрѣнія Винярскаго, изложенныя въ его первомъ по времени трудѣ, извѣстны русской читающей публикѣ благодаря статьѣ г. Винярскаго, помѣщенной въ „Научномъ Обозрѣніи“ (1897 г. № 12), гдѣ авторъ весьма сжато и опредѣленно выразилъ свою точку зрѣнія. Въ статьѣ, посвященной разбору „двухъ теорій экономическаго равновѣсія“, Винярскій разбираетъ двѣ различныя школы: одну—Маркса, считающую основой цѣнности трудъ, и другую—полагающую, что основой ея является полезность, собственно рѣдкость [1]).

Критикуя ученіе Маркса о трудовомъ началѣ цѣнности (въ этомъ отношеніи Винярскій сходится во взглядахъ съ Парето, а отчасти съ Бернштейномъ; ничего общаго, однако, критика Винярскаго не имѣетъ съ критикой Юліуса Вольфа и Оппенгеймера или Слонимскаго), Винярскій оперируетъ почти исключительно на почвѣ математическихъ данныхъ и въ концѣ концовъ доказываетъ неправильность трехъ абстракцій, служащихъ предпосылками трудовой теоріи цѣнности. Такъ, говоритъ онъ, абстрагированіе различныхъ рядовъ труда и сводимость ихъ къ человѣческой работѣ— средней продуктивности и напряженности—примѣнимо только къ продуктамъ машиннаго производства, но совершенно не можетъ имѣть примѣненія къ продуктамъ труда, требующихъ спеціальныхъ знаній и талантовъ. [2]) Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе чисто экономическихъ вопросовъ, напримѣръ, вопроса объ общественно-необходимомъ времени производства и т. п., и мы коснулись даннаго вопроса только для того, чтобы выяснить лишь существо воззрѣній Винярскаго. Что касается теоріи цѣнности, основанной на предѣльной степени полезности (гл. образомъ теорія

[1]) L. Winiarski. Deux théories d' équlibre économique. Revue Intern. de Sociologie 1896, № 12, p. 904 sq.

[2]) Winiarski, op. cit. p. 914 sqq. То-же самое говоритъ и В. Парето.

Вальраса и Джеванса), то Винярскій высказываетъ себя полнымъ сторонникомъ этой доктрины, [1]) связывая ее въ то-же время съ началами механики, которыя, по мнѣнію автора, вполнѣ примѣнимы къ соціологіи. Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи объ отожествленіи этого ученія съ старымъ механическимъ воззрѣніемъ на общество, на смѣну которому пришло воззрѣніе органическое, въ чемъ и заключается, по вѣрному замѣчанію Коркунова, историческая заслуга органической школы. [2])

Въ статьѣ своей „Математическій методъ въ политической экономіи", Винярскій, доказывая необходимость подобнаго метода и указывая на тѣ выгоды, которыя вносятся этимъ методомъ въ науку, переходитъ къ изложенію теоріи предѣльной полезности, какъ основанія цѣнности. [3]) Относительное напряженіе нашего желанія по отношенію къ различнымъ предметамъ есть ключъ къ теоріи цѣнности, говоритъ Винярскій (Научн. Обозр. 1897 г. № 12, стр 5). Такимъ образомъ, вопросъ экономическій переносится на психологическую почву, въ чемъ Винярскій обнаруживаетъ духовное свое родство съ Вильфредо Парето. Интенсивность желанія растетъ несоразмѣрно раздраженію; послѣднее должно расти въ геометрической прогрессіи, чтобы первое расло въ прогрессіи ариѳметической (законъ Фехнера). Поэтому интенсивность желанія имѣетъ предѣлъ, за которымъ полезность объекта уже не увеличивается. Поэтому предѣльная полезность и является элементарной полезностью. (Grenznutzen по нѣмецкой терминологіи—Бемъ-Баверкъ,—рѣзкость, rareté по терминологіи Вальраса). Съ этой точки зрѣнія изучается Винярскимъ и механизмъ обмѣна, причемъ оказывается, что непосредственной причиной цѣнъ, по скольку имѣется въ виду только обмѣнъ, можно считать элементарную полезность, которую, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ полезностью вообще. [4]) Но такъ какъ для истиннаго выясненія цѣнности недостаточно остановиться на условіяхъ потребленія и обмѣна, то Винярскій изучаетъ и условія производства и накопленія богатствъ. [5]) Взгляды автора по даннымъ вопросамъ сами по себѣ интересны, но не имѣютъ прямого отношенія къ соціологіи и къ тому-же не являются необходимыми для того, чтобы выяснить собственно соціологическую доктрину автора. Я поэтому этихъ взглядовъ и не излагаю.

Психологическая сторона цѣнности не является только индивидуальной. Сравненіе продолжительности и напряженія впечатлѣній возможно и между нѣсколькими лицами Эджвортъ (Edgeworth. Mathematical psychics, London 1882) полагаетъ, что общественная эволюція все болѣе приближаетъ насъ къ такому состоянію, въ которомъ такія сравненія становятся возможными. Она дѣлаетъ насъ все болѣе похожими другъ на друга, истребляя личности, слишкомъ отклоня-

---

[1]) Winiarski, op. cit. p. 917—930.
[2]) Коркуновъ. Лекціи по общ. теоріи права, стр. 190 и слѣд.
[3]) Винярскій. Математическій методъ въ политич. экономіи. Научн. Обозр. 1897 г. № 12, стр. 4 и слѣд.
[4]) Винярскій, op. cit. стр. 7—12.
[5]) Винярскій, op. cit. стр. 13—20.

ющіяся отъ средняго типа. Отсюда возникаетъ теорія экономическаго равновѣсія, „самое обширное обобщеніе, какое сдѣлала до сихъ поръ политическая экономія“. [1]) Винярскій не замѣчаетъ, что „предположеніе“ Эджворта превратилось у него въ доказанную истину. А между тѣмъ, это положеніе весьма и весьма спорно. Поэтому спорно и право на признаніе указаннаго обобщенія „самымъ обширнымъ изъ сдѣланныхъ политическою экономіей“. Самое обширное! Можетъ быть, и самое глубокое и самое обоснованное? Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что г. Винярскій вслѣдъ за указаннымъ утвержденіемъ говоритъ: „оно *напоминаетъ* теорію равновѣсія раціональной механики“, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что дѣйствующія въ экономическомъ агрегатѣ силы—суть силы психологическія. Изъ того, что только „напоминаетъ“, кажется, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о тождествѣ, а, между тѣмъ, Винярскій ихъ дѣлаетъ. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ весьма осторожно выражается, когда говоритъ, что „очень можетъ быть, что удастся примѣнить къ политической экономіи общій законъ сохраненія энергіи, если будетъ доказано, какъ это утверждаетъ профессоръ Эджвортъ, что пріятное и непріятное ощущеніе суть только субъективныя выраженія энергіи. „Какъ бы то ни было, продолжаетъ Винярскій, экономическая система *должна быть понимаема* какъ агрегатъ молекулъ (личностей), изъ которыхъ каждая движима стремленіемъ пріобрѣтенія самой большой полезности и удерживаема противоположными силами лишеній“. [2]) Съ одной стороны, „кажется“ и „можетъ быть“, а съ другой—„должна быть понимаема какъ агрегатъ молекулъ“. Едва-ли это значитъ обосновать столь категорическое положеніе.

Ученіе Винярскаго о равновѣсіи агрегата, какъ соціальной статикѣ, и измѣненіи условій равновѣсія и элементарныхъ полезностей и издержекъ производства, какъ процессѣ соціальной динамики—понятны сами собой, хотя замѣтимъ, что онѣ только „напоминаютъ“ механическія понятія, а не являются съ ними тождественными. Я понимаю, если Оствальдъ вправѣ отождествлять психику съ энергетикой, ибо для него, кромѣ энергіи, ничего не существуетъ, но для Винярскаго, для котораго энергія и матерія—двѣ субстанціи самостоятельныя, отождествленіе психики съ механической энергіей незаконно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ заявляетъ, что „пріятное и непріятное ощущенія, быть можетъ, являются только субъективными выраженіями энергіи“, но что это еще не доказано. Кромѣ того, если вдуматься въ послѣднюю мысль, то окажется, что ощущенія не являются продуктомъ внутренней дѣятельности организма, а лишь составляютъ рефлексъ отъ внѣшняго воздѣйствія энергіи, неизвѣстно откуда берущейся, что заодно противорѣчитъ и второму закону термодинамики и вообще закону о постоянствѣ энергіи и является чѣмъ-то мистическимъ, вродѣ творенія ex nihilo по схемѣ Ренувріэ. Заключенія Винярскаго о невозможности полнаго состоянія равновѣсія и о дѣленіи политической науки, какъ и механики, на чистую

[1]) Винярскій, стр. 20.
[2]) Винярскій, стр. 21.

и прикладную, [1]) не нуждается въ подробномъ развитіи, почему мы его и не касаемся.

Если вначалѣ Винярскій обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на экономическую сторону дѣла, то затѣмъ все болѣе и болѣе отдавался своей идеѣ „соціальной механики“. Одинъ за другимъ появляются его труды, посвященные данному вопросу. [2]) Здѣсь Винярскій развиваетъ подробно тѣ-же взгляды, которые были нами уже изложены выше. Все сводится къ преобразованіямъ соціальной энергіи, и съ этой точки зрѣнія соціологія не должна заниматься изученіемъ причинъ и слѣдствій, а только опредѣленіемъ мотивовъ, которые заставляютъ людей дѣйствовать, т. е. опредѣленіемъ желаній, удовольствій и страданій, являющихся категоріями, доступными измѣренію (объ этомъ см. выше взгляды Челпанова). Всѣ феномены являются слѣдствіемъ превращенія энергіи, которая изъ химической и біологической превращается въ психическую и соціальную. Такимъ образомъ, основаніемъ соціальной механики являются индивидуальныя желанія, а взаимосочетаніе разныхъ индивидуальныхъ стремленій и уравненіе полезностей съ подобнымъ же состояніемъ дѣятельности по принципу наименьшихъ усилій, состояніемъ издержекъ производства—ведетъ къ соціальному равновѣсію, которое, однакоже, никогда не бываетъ полнымъ, и, наконецъ, значительное измѣненіе взаимносвязанныхъ ингредіентовъ соціальной механики ведетъ къ движенію. Въ этомъ смыслѣ соціальная механика дѣлится на соціальную статику и динамику.

Гроппали, изложивъ подробно воззрѣнія Винярскаго и отчасти сблизивъ съ ними идеи Парето, подвергъ теорію Винярскаго серьезной критикѣ, [3]) на что Винярскій отвѣтилъ нѣсколькими замѣчаніями въ защиту своего метода и въ защиту описательной науки въ сравненіи съ „наукой причинъ и слѣдствій“. Затѣмъ Винярскій дѣлаетъ нѣсколько основательныхъ упрековъ своему критику, замѣчая, между прочимъ, что онъ всегда обращалъ серьезное вниманіе не только на соціальную статику, какъ полагаетъ Гроппали, но и на динамику. [4]) Интереса эта полемика для насъ не представляетъ, и мы упомянули о ней только для полноты библіографическихъ свѣдѣній. Съ этою же цѣлью упомянемъ, что авторы, касающіеся вопроса о соціальномъ движеніи съ точки зрѣнія механики, напрасно игнорируютъ серьезный трудъ г. Оріу, [5]) въ которомъ содержится не мало заключеній, въ большей мѣрѣ пріемлемыхъ, чѣмъ механицизмъ Винярскаго.

Въ своемъ небольшомъ докладѣ объ историческомъ матеріализмѣ, присланномъ Международному Институту Соціологіи, Винярскій говоритъ, что историческому матеріализму принадлежитъ заслуга

[1]) Винярскій, стр. 22—23.

[2]) Winiarski. Essoi sur la mécanique sociale. Revue Philosophique 1898 № 2, особ. стр. 382 и слѣд.; L'Energie sociale et ses mensurations, Revue Philosophique 1900 № 2—3. См. также Annales etc. т. VII, Paris 1901.

[3]) Groppali. Essois récents de sociologie pure. Revue Intern. de Sociologie 1900, № 6 p. 423 sqq., № 7 p. 487 sqq.

[4]) Winiarski, Revue Intern. de Sociologie 1900 № 10 p. 718 sqq.

[5]) M. Hauriou. Leçons sur le Mouvement social, Paris 1899.

открытія нѣкоторыхъ эмпирическихъ соціальныхъ закономѣрностей въ зависимости соціальныхъ феноменовъ отъ феноменовъ экономическихъ. Винярскій не отрицаетъ этой заслуги, но тѣмъ не менѣе считаетъ узкой и, съ точки зрѣнія раціональной, не имѣющей значенія, благодаря, главнымъ образомъ, усвоенной діалектической методѣ. Матеріализмъ можетъ быть научно обоснованъ не діалектически, а лишь въ качествѣ *соціальной механики*. Основной принципъ механики, именно принципъ наименьшаго усилія, является въ дѣйствительности принципомъ чисто экономическимъ, и все дѣло заключается въ примѣненіи его къ жизни соціальной, чтобы такимъ образомъ дать экономическое и въ то-же время раціональное объясненіе исторіи.[1]) Какъ это далеко отъ „кажется“ и „можетъ быть“! Экономическій принципъ рѣзкости, инновації господствуетъ въ обществѣ, онъ здѣсь приспособляется на всемъ пространствѣ жизни посредствомъ превращенія энергіи Это динамическая сторона принципа наименьшаго усилія. Съ другой стороны, этотъ принципъ производитъ равновѣсіе между различными сторонами соціальной жизни, нарушаемое постоянно новыми изобрѣтеніями. Это статическая сторона того же принципа наименьшаго усилія. [2]) Въ обществѣ существуетъ статическая экономика, охватывающая всѣ области соціальной жизни, заставляющая эти области стремиться къ состоянію взаимнаго уравновѣшиванія подъ дѣйствіемъ общаго принципа наименьшаго усилія. Такимъ образомъ, всѣ соціальные факторы имѣютъ въ статикѣ общественной одинаковое значеніе. Въ динамикѣ общества дѣло обстоитъ иначе. Принципъ наименьшаго усилія не полагаетъ никакихъ границъ нашимъ стремленіямъ, но предполагаетъ постоянно возрастающую возможность усовершенствованія, постоянно возрастающій и безконечный прогрессъ, все болѣе и болѣе совершенныя приспособленія, которыя вызываютъ необходимость все болѣе и болѣе тонкаго интеллекта. Поэтому прогрессъ интеллигентности и является центральнымъ двигателемъ соціальнаго прогресса. Принципъ наименьшаго усилія реализуется все лучше и лучше посредствомъ прогресса интеллекта, а однимъ изъ путей этого прогресса является усовершенствованіе экономической техники. Извѣстная интеллигентность уже видна въ религіи, эстетикѣ, морали, правѣ, политикѣ и т. п, но онѣ частью окружены сверхъестественными фантомами, а отчасти переживаніями изъ животной и первобытной эпохи, т. е. онѣ въ значительной мѣрѣ импульсивны и потому являются несовершенно приспособленными. Въ техническихъ изобрѣтеніяхъ интеллектъ становится болѣе приспособленнымъ, менѣе импульсивнымъ, болѣе разсудочнымъ. [3]) Послѣднія разсужденія отличаютъ Винярскаго отъ Уорда, приписывающаго роль соціальнаго агента уму индуктивному, а уму перцептивному—лишь роль направляющаго руководителя. Но оба, Винярскій и Уордъ, хотя послѣдній въ меньшей степени, грѣшатъ игнорированіемъ направляющей и движущей силы этическихъ идеаловъ.

---

[1]) Winiarski. Le Matérialisme historique et la Mécanique sociale. Annales etc. t. VIII. p. 295—296.

[2]) Winiarski, ibidem p. 296.

[3]) Winiarski ibidem p. 298—299.

Если, говоритъ Винярскій, техника и экономика имѣютъ большое вліяніе съ точки зрѣнія прогресса на другія стороны соціальной жизни (что предчувствовалъ, въ весьма неопредѣленной формѣ, но не умѣлъ раціонально объяснить—историческій матеріализмъ), то это потому, что это области наименѣе импульсивныя, области, гдѣ человѣческая логика можетъ проявляться наиболѣе совершеннымъ образомъ. Итакъ техника и экономика имѣютъ значеніе лишь какъ выраженіе интеллектуальнаго прогресса человѣчества, и поэтому лишь въ этомъ прогрессѣ должно искать источникъ всего соціальнаго прогресса (здѣсь Винярскій оказывается зараженнымъ идеями Бокля и Дрэпера). Если прогрессъ интеллектуальный проявляется *практически* въ техникѣ и экономикѣ (курсивъ автора), то наилучшее приспособленіе къ явленіямъ и наиболѣе точная логика реализуются *теоретически* въ наукѣ. [1]) Сама техника не является ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ научной мысли, являющейся лишь надлежащимъ приспособленіемъ къ опредѣленной цѣли. [2]) Съ точки зрѣнія принципа наименьшихъ усилій мы видимъ іерархію потребностей и изобрѣтеній. Потребности интеллектуальныя и техническія изобрѣтенія, а также экономическая активность являются именно тѣми приспособленіями, которыя способны осуществить наилучше принципъ наименьшихъ усилій—minimum minimorum, т. е. то, что человѣчество постоянно дѣлаетъ и гдѣ оно расходуетъ наиболѣе интеллигенціи и куда направляются и безсознательно, и сознатетьно—на почвѣ науки—всѣ остальныя активныя соціальныя силы и изобрѣтенія, на каковой почвѣ всѣ эти силы и классифицируются соціальной механикой. [3]) Что же касается послѣдней, то она является ничѣмъ инымъ, какъ экономическимъ объясненіемъ развитія обществъ: она является историческимъ экономизмомъ. На этомъ лишь пути историческій матеріализмъ изъ теоріи метафизической (?!), односторонней, становится теоріей научной, раціональной и охватывающей соціальныя явленія не только съ ихъ технической стороны, но и со стороны біологической, такъ какъ обѣ эти стороны объединяются въ теоріи наименьшаго усилія и энергетики. [4])

Теорія г. Винярскаго даетъ ему права на подобныя заключенія. Основанныя на предположеніи доказанности того, что само подлежитъ еще доказыванію (равновѣсіе и проч.), игнорирующая этическіе принципы соціальной жизни, довольствующаяся поверхностными аналогіями съ явленіями и законами механики („напоминаетъ“ и т. д.), извращающая понятіе цѣнности, не считающая нужнымъ доказать, что психика есть та-же энергія, и въ то-же время считающая, что ощущенія являются не сами энергіей, а лишь отраженіемъ внѣшняго дѣйствія энергіи, неизвѣстно откуда берущейся,—теорія г. Винярскаго едва-ли долго будетъ занимать вниманіе науки.

Главу эту закончу краткой передачей помѣщенной въ „Анналахъ“ Международнаго Института Соціологіи статьи г. Крауза, являющейся

[1]) Winiarski, p. 299—300.
[2]) Winiarski, p. 300.
[3]) Winiarski, p. 300—301.
[4]) Winiarski, p. 305.

изложеніемъ репликъ на представленныя на конгрессѣ возраженія противъ доктрины историческаго матеріализма. Краузъ не раздѣляетъ взгляда Лоріа на то, что агентомъ, опредѣляющимъ соціальную жизнь, является не состояніе техническаго производства, а степень занятія земли, дающая начало къ образованію классовъ по источникамъ дохода (рента и прибыль, съ одной стороны, и заработная плата—съ другой). Во-первыхъ, говоритъ Краузъ, существованіе класса не-собственниковъ является фактомъ *организаціи* экономической, и именно „экономическаго права“ (?). Такимъ путемъ, оказывается, право объясняется правомъ, а не экономикой. Съ другой стороны, возникновеніе класса не-собственниковъ Лоріа приписываетъ насилію (это стоитъ въ связи съ взглядомъ Лоріа на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ процессомъ естественно-необходимымъ, а искусственнымъ, созданнымъ людьми и потому могущимъ быть измѣненнымъ), т. е, иначе говоря, Лоріа приписываетъ его не экономическому фактору и поэтому впадаетъ въ ту самую ошибку, которую допустилъ Дюрингъ и которая была такъ блестяще опровергнута въ 1878 году Энгельсомъ въ его Herren Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“. [1]) Краузъ не отвергаетъ значенія занятія свободныхъ земель и въ особенности значенія сосѣдства земель не занятыхъ, но значеніе это не распространяется далѣе вліянія на эмиграцію и колонизацію. [2]) Затѣмъ Краузъ указываетъ на неправильное пониманіе Лоріа значенія „капитализма“, на то преувеличенное (?) значеніе, которое послѣдній придаетъ непосредственному, телеологическому и сознательному дѣйствію факторовъ моральныхъ, правовыхъ и вообще изъ области соціальной надстройки на экономическую основу, причемъ Лоріа совершенно не замѣчаетъ безсознательнаго, косвеннаго, безличнаго ихъ дѣйствія. [3]) Краузъ настаиваетъ на всеобщности экономическаго детерминизма въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ и потому отвергаетъ „прыжокъ“ въ царство свободы (Энгельса), отвергаетъ идеи Вейзенгрюна и Николаева о томъ, что въ будущемъ интеллектуальный факторъ развѣнчаетъ факторъ экономическій, ибо хотя будущее и будетъ царствомъ большей свободы, но послѣдняя не перестанетъ опредѣляться экономической основой. [4]) Возражонія о преувеличеніи значенія матеріальныхъ факторовъ Краузъ считаетъ недоразумѣніемъ и упрекаетъ Фуллье, Тарда, Лимузена, Пулья и Коста въ томъ, что они не серьезны, когда думаютъ, что доктрина историческаго матеріализма сводитъ все къ одной потребности, грубымъ выраженіемъ которой являются потребности желудка. [5]) Тотъ-же упрекъ дѣлается и Новикову, причемъ Краузъ не обходится безъ сарказма, совершенно ослабляющаго то вѣрное, что въ упрекѣ его содержится. А вѣрное заключается въ томъ, что неортодоксальный марксизмъ сталъ дѣлать уступки, тѣ самыя, которыя не хочетъ признавать Краузъ, и тѣ, о которыхъ онъ, знакомый и съ нѣмецкой и съ русской литературой, счелъ нужнымъ

[1]) Replique par M. Casimir de Kellès-Krauz dans les Annales de l'Institut International de Sociologie, t. VIII p. 307—309.

[2]) Krauz, ibidem p. 309.

[3]) Krauz, p. 309—310.

[4]) Krauz, p. 310—312.

[5]) Krauz, p. 312—314.

почему-то умолчать. Я имѣю въ виду хотя-бы труды Штаммлера, Вольтмана и Струве. Противъ указаній на значеніе психологическихъ факторовъ соціальнаго развитія (де-Греефъ, де-Роберти и др.) Краузъ говоритъ, что самое противоположеніе незаконно (это онъ уже и раньше высказалъ въ критикѣ взглядовъ Карѣева; см. Krauz „L'inventeur de la crise du marxisme“ въ Revue socialiste 1900 decembre. Ссылка у Крауза въ „Annales“ стр. 316. Да и терминъ „матеріализмъ“ неправильно понятъ критиками доктрины. Марксъ его узналъ не какъ характеристику всего существа своего ученія, а какъ реакцію противъ идеализма нѣмецкой философіи. Этого Краузу не слѣдовало говорить въ виду общеизвѣстности того, что доктрина считаетъ себя именно по существу матеріалистической, а не только въ виду противоположенія идеализму нѣмецкой философіи, объяснявшей явленія съ точки зрѣнія метафизическаго пониманія міра и души. „Мы не отрицаемъ, говоритъ Краузъ, и никогда не забываемъ, что все, что соціально, является психическимъ и проходитъ въ индивидуальныхъ душахъ—и этого не отрицалъ и Марксъ еще въ 1847 г., когда писалъ объ этомъ въ „нищетѣ философіи“ (есть неполный и безъ имени автора русскій переводъ, Кіевъ 1898 г.), что соціальныя отношенія также производятся людьми, какъ кровля, ленъ, и т. п., и что тѣ же люди, которые производятъ разные продукты и соціальныя отношенія, являются также творцами принциповъ идей, категорій и т. п.“ [1]) Краузъ могъ бы еще привести мысль Маркса, изложенную въ „Капиталѣ“, что каменщикъ прежде, чѣмъ выстроить домъ, носитъ „идею“ его въ головѣ. Итакъ Краузъ этого всего не отрицаетъ. Но какъ же понимается роль „творца“ принциповъ, идей и т. п. въ соціальной жизни? Здѣсь точку на *i* поставилъ Каутскій: этотъ творецъ не господинъ своихъ твореній, а послѣдній ихъ слуга; господиномъ же является экономическая основа этики „твореній“. Далѣе Краузъ не считаетъ психическую сторону экономики (Уордъ, Тардъ, де-Роберти и др.) *пресоціальной*: камень, палка, какъ орудіе—отнюдь не продукты идеологіи,—наоборотъ, сначала это необдуманное, непредусмотрѣнное изобрѣтеніе, вытекающее непосредственно изъ источниковъ біологическихъ, какъ средства самохраненія. [2]) Совершенно невѣрное утвержденіе, что доказывается чисто подражательнымъ характеромъ первичныхъ орудій: молотокъ—рука и сжатый кулакъ, лопата—рука и гребущая землю кисть, палка—замѣна опоры и искусственный рычагъ, взамѣнъ приложенія естественнаго рычага, всей руки и т. п. Что касается вообще изобрѣтеній (отвѣтъ Тарду, Вормсу и Винярскому), то, конечно, говоритъ Краузъ, они имѣютъ громадное значеніе. Но какія изобрѣтенія? Именно экономическія вообще и экономическій психизмъ въ частности. [3]) Соціальную механику Краузъ считаетъ простымъ переложеніемъ на языкъ цыфръ существенныхъ принциповъ экономическаго матеріализма [4]) и, наконецъ, заключаетъ, что критии

[1]) Krauz, p. 317.
[2]) Krauz, стр. 320.
[3]) Krauz, стр. 321.
[4]) Krauz, стр. 324—325.

сдѣлали рядъ „поправокъ“ къ марксизму, когда онъ совершенно въ нихъ не нуждается, ибо все поправленное содержалъ въ себѣ еще задолго до поправокъ.

Справедливы-ли „реплики“ г. Крауза—судить читателю. Я думаю, что предложеннаго нами матеріала и замѣчаній, сдѣланныхъ нами попутно съ изложеніемъ взглядовъ тѣхъ или другихъ сторонниковъ и противниковъ доктрины—вполнѣ для этого достаточно. Не могу не пожалѣть, что Краузъ не сказалъ ни слова о „поворотѣ“, такъ характеризующемъ современную соціологію. Интересно также было бы знать, что сказалъ бы Краузъ по поводу утвержденія такого недавняго сторонника школы, какъ Туганъ-Барановскій, заявившаго, что зданіе, сооруженное Марксомъ (и Энгельсомъ), трещитъ и расползается по всѣмъ швамъ и что на смѣну ему приходитъ „новое“ или даже, какъ замѣтилъ Михайловскій, новѣйшее направленіе.

X.

Вильфредо Парето, профессоръ Лозанскаго университета, политико-экономъ либеральной школы, авторъ, отличающійся глубокимъ умомъ, большой эрудиціей и пользующійся заслуженнымъ именемъ также и какъ соціологъ (обѣщанный имъ общій курсъ соціологіи еще не вышелъ), написалъ въ 1902 году большой двухъ-томный трудъ, посвященный подробному изученію системъ соціализма Трудъ этотъ, однако, не вплететъ новыхъ лавровъ въ вѣнокъ славы Парето, какъ ученаго, развѣ прибавитъ къ его имени, какъ писателя, еще одинъ эпитетъ, изъ за котораго едва-ли стоило написать около тысячи печатныхъ страницъ, а именно—названіе писателя остроумнаго. Дѣло, конечно, не въ общемъ направленіи автора, которое, однако, само по себѣ вызываетъ серьезныя критическія замѣчанія, а въ томъ ненаучномъ его отношеніи къ разбираемымъ имъ доктринамъ, котораго онъ раньше не обнаруживалъ. Впрочемъ, трудъ Парето остановилъ на себѣ наше вниманіе лишь въ связи съ доктриною марксизма, и потому мы все, выходящее за предѣлы этого вопроса, можемъ оставить безъ обсужденія. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ словахъ передадимъ суть того, что говоритъ Парето вообще о разбираемой имъ доктринѣ.

Въ обширномъ введеніи, составляющемъ передачу воззрѣній автора, изложенныхъ въ его „Курсѣ политической экономіи“,—трудѣ, создавшемъ весьма прочную славу за авторомъ, Парето останавливается на силахъ, дѣйствующихъ въ исторіи. Признавая главною силой психическія личности, а среди нихъ аристократію, сначала рожденія, а потомъ духа (élite) и находя, что послѣдняя то слабѣетъ, то вновь усиливается, Парето приходитъ къ заключенію, что соціальное развитіе представляетъ собою волнистую кривую, въ которой фазисы подъема падаютъ и вновь подымаются безконечною волною, причемъ волны эти являются различными и по высотѣ и по длительности. Припысывать значеніе причинъ развитія то религіознымъ чувствамъ, то исключительно экономикѣ, какъ послѣднее дѣлаетъ историческій матеріализмъ, значитъ заниматься иллюзіями. Истинная наука должна помнить пестроту общественной жизни и

изучать эту жизнь во всемъ ея разнообразіи. Какъ уже указано выше, соціальное развитіе представляетъ собою волнистую кривую. Поэтому невозможно соціальное предвидѣніе: тамъ, гдѣ, видя опускающуюся волну и изучивъ движеніе, приходишь къ заключенію, основанному на вполнѣ научныхъ пріемахъ, что волна должна еще опускаться или распластываться по плоскости, она вдругъ, и менѣе всего тамъ, гдѣ этого ждешь, вздымается въ гору, и ея взлетающая вверхъ линія не позволяетъ ни видѣть, ни предугадать, что творится за предѣлами видимой, т. е. уже реальной, черты. Таково дѣйствіе соціальныхъ силъ и въ частности направляющей и возбуждающей силы аристократіи духа. [1]) Такимъ образомъ, значеніе направляющее имѣютъ лишь силы реальныя, а не рисующіеся человѣчеству идеалы, въ которые можно вѣрить даже съ религіознымъ энтузіазмомъ, но которые не могутъ быть доказаны научно. Все сказанное относится, по мнѣнію Парето, и къ соціализму, воскресшему съ такой силою въ нашу эпоху „упадка мужества“ и „расцвѣта“ или даже „маніи сентиментализма“. Какъ вѣра, какъ благожелательное для человѣчества стремленіе, соціализмъ принесъ громадную пользу, укрѣпивъ силы обездоленныхъ и пробудивъ къ нимъ вниманіе, въ которомъ долго и незаслуженно имъ отказывали, но какъ наука, соціализмъ такого значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ: никогда наука не движетъ и не вдохновляетъ массъ. [2])

Первая глава труда Парето составляетъ, собственно говоря, второе введеніе, ибо касается общихъ основаній соціальной организаціи. Будучи сторонникомъ научнаго детерминизма, Парето предостерегаетъ отъ смѣшенія этого направленія съ матеріализмомъ, ибо послѣдній представляется не наукой, а религіей, такъ какъ преслѣдуетъ разрѣшеніе задачъ, выходящихъ за предѣлы науки. Научный детерминизмъ не утверждаетъ абсолютной необходимости соціальныхъ однообразностей, онъ констатируетъ только зависимость явленій и утверждаетъ, что если мы этой зависимости не видимъ, то это не значитъ, что ея не существуетъ, а что мы ея не знаемъ. Такой детерминизмъ не представляется теорематичнымъ, т. е. такимъ, который, по выраженію Навилля (Naville, Nouvelle crassification des sciences, Paris 1901, p. 132—133; цитировано у Парето на стр. 76), ничего не знаетъ. Наука не должна придерживаться абсолютныхъ и потому пустыхъ схемъ, она должна быть описательной. Поэтому же наука не можетъ дѣлать никакихъ заключеній отъ прошлаго къ будущему, ибо, хотя послѣднее предетерминировано, но мы его не знаемъ и знать не можемъ; мы можемъ лишь судить о будущемъ, какъ о вѣроятномъ, но не какъ о необходимомъ. [3]) Въ этихъ взглядахъ Парето нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ взглядами на будущее, изложенными нами въ первой части настоящаго обзора, ибо

---

[1]) Воззрѣнія Парето на „аристократію“ развиты имъ подробно въ статьѣ Un' applicazione de teorie sociologiche, помѣщ. въ Rivista italiana di sociologia 1900 г., іюль—августъ. Критику ея см. у Oda Olberg „Eine theorie der socialen Umwalzung, socialistische Monats—Hefte 1902, № 6, s. 432—437.

[2]) Vilfredo Pareto. Les systèmes, Paris 1902, tome I, p. 1—73.

[3]) Pareto, op. cit. t. I, p. 74—78

если и мы разсматривали будущее съ точки зрѣнія вѣроятности, то для насъ будущее составляетъ категорію возможности, тогда какъ Парето относитъ его къ категоріи необходимости. Будущее, по его мнѣнію, необходимо и предопредѣлено, но только мы не можемъ его предвидѣть и потому можемъ о немъ судить только, какъ о вѣроятномъ. Здѣсь вѣроятность не есть дѣйствительное качество объекта, а зависитъ отъ качествъ субъекта. Между тѣмъ, мы находимъ, что будущее есть по своему существу вѣроятное, доступное изученію на почвѣ историческаго опыта и научной постановки теоріи прежнихъ чиселъ и математической теоріи вѣроятности.

Парето обосновываетъ свою мысль о будущемъ еще на почвѣ извѣстнаго положенія Спенсера о томъ, что характеръ цѣлаго опредѣляется характеромъ составляющихъ его частей, о чемъ мы уже имѣли случай высказаться выше. Возраженія, сдѣланныя на этотъ тезисъ, Парето считаетъ неубѣдительными, такъ какъ результатъ дѣйствія частей не долженъ быть непремѣнно ихъ суммой. [1]) Авторъ не замѣчаетъ, что въ такой формѣ тезисъ, будучи правильнымъ, не можетъ служить основаніемъ ни для какихъ выводовъ и въ особенности для предетерминированности будущаго: результатъ дѣйствія частей—не сумма ихъ—составляетъ нѣчто новое и, въ виду разнообразія самыхъ частей и разнохарактерности ихъ дѣйствія, не можетъ быть аналогомъ механической равнодѣйствующей нѣсколькихъ силъ, а потому и не является необходимо такимъ или инымъ. Онъ можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятнымъ, причемъ необходимость будетъ математической функціей вѣроятнаго, и потому зависящимъ отъ качества, степени и свойства координаціи силъ и точекъ приложенія дѣйствій и противодѣйствій и степени напряженія тѣхъ и другихъ, а равно отъ количества и свойства „мертвыхъ“ точекъ.

Въ дальнѣйшемъ Парето борется противъ концепціи абсолютной необходимости, опровергая ее на почвѣ признанія психики, какъ главной движущей силы соціальнаго развитія. Экономику онъ считаетъ не основой психики, а ея результатомъ, о чемъ, впрочемъ, уже было сказано выше. Сведеніе всего соціальнаго къ экономикѣ знаменуетъ ненаучное упрощеніе анализа, отъ чего послѣдній нисколько не выигрываетъ. Поэтому всѣ системы, исходящія изъ такого упрощенія, облегчаютъ свою задачу, но ея не разрѣшаютъ. Во всякомъ случаѣ, на этой почвѣ нельзя рѣшить проблему объ организаціи будущаго строя (Парето, стр. 103). Все, что можетъ и должна дѣлать наука, это оставаться на почвѣ опытовъ, каковыми являются факты исторіи, а не подчинять эти факты верховному принципу идеала, къ тому же измѣнчиваго и не постояннаго. Въ этомъ заключается основная ошибка всѣхъ соціалистическихъ системъ. [2])

При разсмотрѣніи соціалистическихъ системъ Парето классифицируетъ ихъ довольно своеобразно. Такъ, для него существуетъ

[1]) Pareto, op. cit. t. I, p. 80 sq.
[2]) Pareto, op. cit. t. I, p. 81—108.

система реальная, религіозная, теоретическая, метафизико-коммунистическая, метафизико-этическая, селекціонная, смѣшанныя системы и научныя. Къ числу послѣднихъ относятся ученіе Томаса Мора, Фурье, Прудона, Тюнена, Маркса и Энгельса и ихъ эпигоновъ. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ означенныхъ системъ, какъ онѣ изложены у Парето, какъ равно не можемъ мы здѣсь указать, въ чемъ заключается критика этихъ системъ со стороны автора. [1]) Это вопросъ, хотя и интересный, но спеціальный. Мы остановились на трудѣ Парето только съ цѣлью ознакомленія съ его взглядами общаго характера, съ одной стороны, и съ его возраженіями противъ доктрины историческаго матеріализма—съ другой. Отмѣчу, впрочемъ, что часть труда, именно часть главы IV о системахъ реальныхъ и вся пятая глава о системахъ религіозныхъ принадлежитъ не Парето, а его сотруднику г. Ракка. [2]) Нельзя не указать, что нерѣдко Парето замѣняетъ научную критику поверхностными замѣчаніями, [3]) которыя, кромѣ остроумія, никакими другими достоинствами не обладаютъ. Далѣе, разсматривая ученіе о коммунизмѣ первобытныхъ отношеній, Парето находитъ выводы науки (въ частности, напр., взгляды Генриха Кунова и др.) неправильными, ибо на ряду съ чертами коммунистическаго свойства существовали черты неравенства классовъ, рабство, платежъ податей и т. п. [4]) Это значитъ критиковать во что-бы то ни стало. Научная доктрина первобытнаго коммунизма вовсе не считаетъ его идеальнымъ, а, во-вторыхъ, примѣсь чуждыхъ основной идеѣ явленій не уничтожаетъ самой идеи. Къ тому же нѣкоторыя изъ указанныхъ авторомъ явленій (напримѣръ, платежъ податей) даже не являются обстоятельствомъ, противорѣчащимъ идеѣ. Касаясь теоретическихъ системъ соціализма, Парето находитъ, что всѣ онѣ въ сущности являются системами религіозными, понимая послѣдній терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. [5]) Марксизмъ, напримѣръ, воодушевляетъ многихъ, никогда и не читавшихъ трудовъ Маркса. Такъ, существуютъ энтузіасты-католики, никогда не читавшіе евангелія, а если и читавшіе, то не вдумывавшіеся въ него. Интересно слѣдующее разсужденіе Парето. Между соціалистами, говоритъ онъ, имѣются филантропы и люди, воодушевленные чистою любовью къ ближнему, но есть и много такихъ, для которыхъ идея коллективизма служитъ въ настоящее время только формой, которая прикрываетъ ихъ жадность, ихъ индивидуалистическое стремленіе присвоить себѣ чужое добро. Въ настоящее время тѣ, кто слѣдуютъ этимъ чувствамъ, взываютъ громко къ идеѣ „солидарности“, весьма модной въ наше время и замѣнившей прежній лозунгъ „братства“,—

---

[1]) По той же причинѣ мы не входимъ въ разсмотрѣніе труда г. Е. Тарле „Обществ. воззрѣніе Томаса Мора въ связи съ экономич. состояніемъ Англіи, С.-Пб. 1901 г.“ и соотвѣтственныхъ частей въ трудахъ г. г. Туганъ-Барановскаго: „Очерки изъ новѣйшей политич. экономіи, С.-Пб. 1903 г.“ стр. 91 и слѣд. и Осадчаго: „Обществ. бытъ и проекты его улучшенія въ XIX стол. Москва 1902 г.“ стр. 106—139.

[2]) Pareto, p. 200 sqq.

[3]) Напр. на стр. 152—153.

[4]) Pareto, t. I, p. 186 sqq., 192 sqq.

[5]) Pareto, t. I, p. 262—268.

взываютъ къ идеѣ коллективизма, а если бы наступило осуществленіе этой идеи, они стали бы взывать къ принципамъ анархіи или къ подобнымъ ей прелестямъ. Единственный режимъ, могущій ихъ удовлетворить, это тотъ, который далъ бы имъ возможность пользоваться всѣми сущими и всѣми возможными благами, безъ малѣйшаго съ ихъ стороны труда. Уже и теперь соціалисты и анархисты протягиваютъ другъ другу руку....[1])

Понятію свободы, проповѣдуемой соціализмомъ, авторъ противопоставляетъ воззрѣніе либераловъ, покоящееся на чисто гедонистическомъ принципѣ, [2]) о чемъ было достаточно сказано въ первой части настоящаго обзора. Во всякомъ случаѣ нельзя отказать автору въ талантѣ, съ которымъ онъ выступаетъ какъ адвокатъ доктрины либерализма. Нельзя того-же сказать о критикѣ автора, относящейся къ извѣстной трудовой теоріи цѣнности, [3]) гдѣ—на ряду съ вѣрными замѣчаніями, напримѣръ, о томъ, что эта теорія слишкомъ упрощаетъ условія созданія цѣнности, которая зависитъ отъ цѣлаго ряда условій, совершенно чуждыхъ труду,—авторъ прибѣгаетъ самъ къ софизму, упрекнувъ предварительно въ этомъ грѣхѣ критикуемую имъ теорію. [4])

Въ главѣ о системахъ метафизическаго коммунизма Парето разсматриваетъ извѣстныя воззрѣнія Платона и Аристотеля, а равно гипотезу о миновавшемъ „золотомъ вѣкѣ“ и въ то-же время упрекаетъ многихъ современныхъ ученыхъ (напримѣръ, Лафарга—т. II, стр. 30 и слѣд.) въ „идеализаціи коммунизма дикарей“. Доктрина Руссо и энциклопедистовъ смѣняется бабувизмомъ, весьма живо и остроумно критикуемымъ авторомъ. [5]) Разборъ метафизически-этическихъ системъ, гдѣ фигурируютъ даже такіе „соціалисты“, какъ Бастіа и де-Молинари, даетъ, однако, автору поводъ къ глубокой и весьма сильной критикѣ катедръ—соціализма. Это чуть ли не лучшее мѣсто труда Парето. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же о критикѣ идей Лассаля, Родбертуса и Марло (Винкельблеха). Попутно Парето останавливается на упрекѣ, дѣлаемомъ политической экономіи въ игнорированіи ею этическаго фактора. Этотъ упрекъ авторъ отвергаетъ на почвѣ критики понятія и существа „естественнаго права“, какъ будто второе совпадаетъ по содержанію съ первымъ, да и самое естественное право критикуется съ точки зрѣнія старой, давно и навсегда отжившей доктрины, причемъ Парето, разбирая, напримѣръ, трудъ такого сторонника новаго естественнаго права, о каковой школѣ было подробно сказано въ первой части настоящаго обзора, какъ Менгеръ, совершенно не замѣчаетъ разницы между новой и старой школами естественнаго права. [6])

Въ высшей степени объективно и потому вполнѣ научно отношеніе Парето къ теоріи соціальнаго селекціонизма (Аммона, Лапужа

---

[1]) Pareto, t. I, p. 313—314.
[2]) Pareto, t. I, p. 320 sqq.
[3]) Pareto, t. I, p. 332—333 sqq.
[4]) См. Pareto, t. I p. 336.
[5]) Pareto, t. II p. 38 sqq.
[6]) См., напр., у Pareto, l. c. t. II, p. 88 sqq, 98 sqq, 109 и др.

и др.), но только рѣшительно непонятно, какое отношеніе имѣютъ собственно ихъ ученія къ соціалистическимъ системамъ. Въ третьей части настоящаго обзора читатели найдутъ изложеніе доктринъ упомянутыхъ писателей и тогда раздѣлятъ мое недоумѣніе. Можно было-бы думать, что Парето имѣетъ въ виду бывшее одно время въ модѣ приведеніе во внутреннюю связь марксизма съ дарвинизмомъ (г. Черновъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ, [1]) что зародышъ аналогіи между Марксомъ и Дарвиномъ можно найти у самого Маркса въ его „Капиталѣ“, т. I;· аналогіи этой придерживался и Энгельсъ, особенно въ своей надгробной рѣчи надъ могилой Маркса);—но оказывается, что Парето объ этомъ ничего не говоритъ. Въ этой-же главѣ говорится о сенъ-симонистахъ. При такомъ сопоставленіи можно только поставить знакъ удивленія, но зато по существу того, что говорится, Парето является во всеоружіи научнаго знанія и глубокаго анализа.

Я пропускаю безъ возраженій критику „смѣшанныхъ“ системъ соціализма, но рекомендую познакомиться съ образчикомъ аргументаціи автора въ примѣчаніи къ стр. 175 второго тома, и рядомъ съ этимъ Парето даетъ примѣры самаго тонкаго анализа и глубоко вѣрныхъ критическихъ замѣчаній, какъ, напримѣръ, замѣчаніе о смѣшеніи соціалистами понятій „капиталистъ“ и „предприниматель“. [2]) Въ этой главѣ Парето вновь критикуетъ современный лозунгъ солидарности, указывая на то, что при этомъ часто разумѣется не солидарность чистаго вида, а солидарность ради борьбы. [3]) Въ научныхъ системахъ соціализма у автора фигурируютъ главнымъ образомъ утопіи Томаса Мора и ученія Фурье и Прудона, а затѣмъ доктрина Тюнена, по поводу которой Парето излагаетъ теорію экономическаго равновѣсія, изложенную уже нами выше при разсмотрѣніи взглядовъ Винярскаго. [4]) Особенно достается отъ автора Лоріа; въ критикѣ его взглядовъ Парето чрезвычайно логиченъ, хотя и не обходится безъ сарказмовъ, полныхъ излишней ѣдкости. [5]) Подробностей мы не касаемся, такъ какъ о доктринѣ Лоріа достаточно сказано выше.

Вся остальная часть книги (т. II стр. 323—456) посвящена изложенію идей историческаго матеріализма и критикѣ послѣдняго. Мы и остановимся на этой части труда Парето, отмѣчая главнымъ образомъ самое существенное. Иначе поступить, значило бы просто пересказать своими словами всѣ полтораста страницъ книги Парето —задача мало интересная и мало благодарная.

„Капиталъ“ Маркса, говоритъ Парето, является евангеліемъ соціализма, и нужно признать, что эта книга обладаетъ въ громадной степени чертами, которыя можно встрѣтить во всякой священной книгѣ. Марксисты говорятъ обыкновенно съ пренебреженіемъ о тѣхъ, которые не понимаютъ Маркса, но такъ какъ въ этомъ пониманіи

---

[1]) Викторъ Черновъ. По поводу новой книги объ экономич матеріализмѣ (по пов. Бернштейна). „Русск. Бог“ 1899 г. № 9/12, стр 158, примѣч.

[2]) Pareto, op. cit. t. II, p. 178 sqq

[3]) Pareto, p. 221 sq

[4]) Pareto, t. II, p. 287 sqq.

[5]) Pareto, t. II, p. 297 sqq.

они и сами другъ съ другомъ не согласны, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что люди, которые имѣли несчастіе не вполнѣ понять то, что хотѣлъ сказать Марксъ, заслуживаютъ снисхожденія. [1]) Парето приводитъ затѣмъ образчики разнорѣчія въ пониманіи утвержденій Маркса между двумя глубокими знатоками его: Лабріола и Сореля. Затѣмъ авторъ подвергаетъ серьезной критикѣ экономическую сторону ученія Маркса, причемъ въ значительной мѣрѣ примыкаетъ къ взглядамъ Юліуса Вольфа и Зомбарта. Вліянія критическихъ идей Бемъ-Баверка на взгляды автора не видно. Отмѣтивъ, что предсказанія, сдѣланныя въ свое время Марксомъ и Энгельсомъ, не оправдались, Парето говоритъ, что кризисы смягчились, обѣднѣніе уменьшилось, карликовое производство не уничтожилось, и возрастающая централизація богатствъ не оправдалась. На это все обратилъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе также и Бернштейнъ. Ему было указано, что если-бы даже это и было правдой, ему не слѣдовало ея сказать. Правда, еще до него это доказывалъ и убѣдительно доказалъ проф. Юліусъ Вольфъ (Socialismus und Kapitalistische Gesellschaftsordnung, 1892), но по крайней мѣрѣ онъ, что и было въ значительной мѣрѣ основательнымъ, признавалъ значеніе борьбы классовъ, той борьбы, которая составляетъ столько же теоретическій выводъ, сколько религіозную догму марксизма. Понятно, говоритъ Парето, что Бернштейну, желающему сохранить связь съ своею партіей, не слѣдовало касаться этой стороны доктрины. Вполнѣ естественно поэтому, что конгрессъ въ Любекѣ осудилъ Бернштейна, причемъ и характеръ тезисовъ конгресса и его резолюція удивительно напоминаютъ судилища Ватикана. Конгрессъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ, т. е. съ точки зрѣнія защитниковъ религіозной догмы. Но теоретически... теоретически дѣло касается соціологической доктрины марксизма, которую Парето разсматриваетъ не въ данномъ мѣстѣ, а послѣ изложенія экономической доктрины марксизма и критики ея. [2])

Признавая оригинальность экономической доктрины Маркса, Парето оттѣняетъ ея несимметричность и безсистемность,—замѣчаніе, которое, впрочемъ, до него дѣлали многіе, напримѣръ, Кроче. Здѣсь не мѣсто входить въ критику марксовой теоріи цѣнности и вообще всей его экономической доктрины, такъ какъ трудъ нашъ касается исключительно соціологіи и наукъ, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ съ ней соприкасаются, причемъ эти послѣднія науки мною разсматриваются лишь по стольку, по скольку это входитъ въ задачи самой соціологіи. Конечно, и политическая экономія непосредственно соприкасается съ соціологіей, но знаніе ея составляетъ лишь условіе правильнаго пониманія вопросовъ соціологіи, а не составляетъ ея непосредственнаго существа. Поэтому, несмотря на высокій интересъ критическихъ замѣчаній Парето, напримѣръ, по поводу вопроса объ „общественно необходимомъ количествѣ труда“ и о переводѣ труда одного качества въ другой, [3]) по вопросу о зна-

[1]) Pareto, t. II, p. 323.
[2]) Pareto, t. II p. 327—330; сравн. стр. 383 и слѣд.
[3]) Pareto, t. II p. 364 sqq

ченіи „кристаллизованнаго труда“, [1]) о сверхъ-стоимости [2]) и т. п., я вынужденъ оставить эту часть труда Парето внѣ обозрѣнія. Это дѣло спеціальной критики, которой, впрочемъ, всѣ взгляды Парето давно извѣстны. На томъ же основаніи я не касаюсь соотвѣтствующихъ частей книгъ Бернштейна („Проблемы соціализма“ и „Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма“), Туганъ-Барановскаго („Очерки изъ исторіи политич. экономіи“—„Міръ Бож.“ 1902 г.; трудъ этотъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ), Кроче („Историч. матеріализмъ и марксистская экономія“), Струве [3]) и въ особенности весьма интереснаго новаго труда Вернера Зомбарта. [4]) Въ послѣднемъ особенно интересны взгляды автора на причины возникновенія капитализма, причемъ нужно замѣтить, что причины эти, по Зомбарту, въ значительной мѣрѣ психологическаго свойства. Стремленія къ накопленію Зомбартъ называетъ экономическимъ раціонализмомъ и въ освѣщеніи послѣдняго снова выдвигаетъ на первый планъ психологическіе моменты. Правда, Зомбартъ критикуетъ и матеріалистическое пониманіе исторіи, но не въ этой части труда Зомбарта лежатъ его достоинства. Во всякомъ случаѣ его критическіе взгляды не прибавляютъ ничего новаго къ тому, что по этому поводу въ разныхъ мѣстахъ настоящаго обзора уже было сказано. Послѣ этого небольшого, вызваннаго необходимостью, отступленія обратимся вновь къ труду Парето, именно къ его критикѣ соціологической доктрины Маркса.

Въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи, говоритъ Парето, мы встрѣчаемся съ двумя формулировками: популярной (вульгарной) и научной. Согласно первой, доктрина заключается въ объясненіи всей соціальной жизни одними экономическими условіями; исторія каждаго народа опредѣляется лишь этими условіями. Весьма часто эта формулировка прибавляетъ къ тезису слова „въ послѣднемъ счетѣ“, желая такимъ образомъ избѣжать возраженій, которыя такъ естественно подымаются противъ подобнаго пониманія исторіи. Экономическія условія опредѣляютъ остальныя. Но эти послѣднія не вліяютъ развѣ въ свою очередь на эти условія? Почему остальныя условія являются производными? Развѣ не очевидно, что въ отношеніи образованія обществъ онѣ являются предсуществующими? Въ дѣйствительности дѣло происходитъ не такъ: одни и другія условія находятся не въ простомъ подчиненіи одни отъ другихъ, не въ прямой зависимости, а въ зависимости *взаимной*. Мы встрѣчаемся съ обычной ошибкой, заключающеюся въ томъ, что взаимно-зависимыя явленія разсматриваются такъ, что одни изъ нихъ являются только причиной, другія—только слѣдствіемъ. Слова-же „въ послѣднемъ счетѣ“ ничего не обозначаютъ. До какой эпохи нужно дойти, чтобы быть увѣреннымъ, что „счетъ“ является „послѣднимъ“? Допустимъ, что желаютъ объяснить явленія современной Франціи. Нужно-ли подыматься въ глубь временъ древней Галліи, или до временъ архео-

[1]) Pareto, t. II, p. 371.
[2]) Pareto, t. II p 376 sqq.
[3]) Струве. На разныя темы, напр. стр. 37 и слѣд., 427 и слѣд. и др.
[4]) Sombart. Der moderne Kapitalismus, Bd. I und II, Leipzig 1902.

логическихъ или даже дойти до эпохи, въ которую человѣка еще не существовало? Мы знаемъ очень мало, почти ничего не знаемъ о первобытномъ человѣкѣ въ нашихъ территоріяхъ, и потому представляется крайне ненаучнымъ, чтобы не сказать больше, объяснять извѣстные, проходящіе предъ нашими глазами феномены посредствомъ неизвѣтныхъ, а иногда и гадательныхъ явленій прошлаго. Если, чтобы открыть „послѣдній счетъ“ явленій, мы должны подыматься все выше и выше, то мы должны будемъ дойти до гипотетитеской формаціи туманностей и высказать заключеніе, что въ нихъ потенціально уже покоилось все то, что потомъ произошло на землѣ (можно подумать, что Парето въ это время уже былъ знакомъ съ тѣмъ, что еще должно было появиться изъ-подъ пера Ренувріе). Столь общія предположенія ровно ничего не выражаютъ. [1]) Ту-же мысль, но по другому поводу, высказалъ Лаландъ (я ее привожу лишь потому, что выражена она сильнѣе и рельефнѣе, нежели у Парето) — „мыслить неопредѣленными идеями значитъ не мыслить, а грезить, и наилучшій пригрезившійся опытъ менѣе поучителенъ, чѣмъ самое скромное дѣйствительное наблюденіе“. [2])

Многіе сторонники историческаго матеріализма (напримѣръ, Лабріола и Сорель) возставали противъ вульгарной формулировки доктрины, настаивая, что она явилась дѣломъ „учениковъ“, недостаточно понявшихъ „учителя“; но Парето совершенно основательно замѣчаетъ, что и самъ Марксъ не чуждъ подобной концепціи и что, наконецъ, виноватъ самъ авторъ доктрины, не изложившій ее настолько полно и опредѣленно, чтобы не дать полнаго основанія къ неправильному его пониманію. [3])

Что касается научной формулировки доктрины историческаго матеріализма, то она несомнѣно носитъ характеръ научной теоріи. Она сливается съ историческимъ детерменизмомъ, т. е. признаніемъ полной законосообразности общественныхъ явленій и потому является объективной и научной философіей исторіи Но такого рода воззрѣніе не является ни новымъ, ни революціоннымъ, какъ думаютъ многіе адепты школы. Если иногда такое пониманіе исторіи и является неполнымъ, то этому бываетъ виною главнымъ образомъ не неполнота метода изслѣдованія, а то, что многіе авторы дозволяютъ себѣ быть увлеченными идеями, циркулирующими въ обществѣ, въ которомъ они живутъ, тѣми или другими страстями или предвзятыми мнѣніями, даже иногда не сознавая того. Это настолько вѣрно, что многіе сторонники доктрины не замѣчаютъ, что у ихъ учителя, Маркса, термины цѣнность, сверхъ-стоимость, излишекъ труда, степень эксплоатаціи труда, „послѣдняя инстанція“ экономическихъ условій и т. п.—являются простымъ *вербализмомъ*, т. е. формальными выраженіями (Лабріола). Это также идеологія, какъ и подобныя же концепціи старыхъ авторовъ. Указаніемъ на то, что у Маркса и Энгельса были предшественники, Парето не думаетъ умалить ихъ за-

[1]) Парето. т. II, стр. 386—389.

[2]) André Lalande. La Dissolution opposée à e' Évolution dans les sciences physiques et morales, Paris 1899 p. 21.

[3]) Парето, т. II, стр. 389.

слуги, заключающіяся въ категорической формулировкѣ и постановкѣ въ первую очередь идей, бывшихъ до того неопредѣленными и крайне смутными. Заслуга тѣмъ болѣе велика, что еще и въ наше время многіе историки, напримѣръ, Тьери, Сабатье, объясняютъ историческія явленія исключительнаго на почвѣ значенія человѣческихъ идей. [1])

Научная формулировка экономическаго матеріализма вполнѣ примыкаетъ къ матеріалистической концепціи экономическаго дарвинизма, что многими и было замѣчено, но тогда, какъ первая служитъ основаніемъ для оправданія соціализма, вторая является сильнымъ средствомъ для опроверженія сентиментальнаго или этическаго соціализма, какъ это лучше всего видно изъ доктринъ Аммона, Лапужа, Лебона и др. А между тѣмъ, доктрина *классовой борьбы* все-таки сближаетъ марксизмъ съ дарвинизмомъ. Идея классовой борьбы является глубоко вѣрной, и нужно удивляться той энергіи и силѣ, которыя употребилъ Марксъ, чтобы защищать эту идею. [2]) Идея классовой борьбы должна быть въ свою очередь разсматриваема съ точки зрѣнія формулировки вульгарной и научной. Первая заключаетъ въ себѣ дѣленіе всего общества на два класса—капиталистовъ и пролетаріевъ. Вульгарная идея борьбы этихъ классовъ заключается въ тезисѣ необходимой „побѣды“ второго класса надъ первымъ. При этомъ забываютъ, что борьба является въ дѣйствительности взаимной и что если пролетаріи борются противъ „капиталистовъ“, то послѣдніе борются противъ пролетаріевъ. Часто дѣлаютъ противъ вульгарной концепціи классовой борьбы возраженіе, которое является въ дѣйствительности ничтожнымъ, именно, что упомянутые классы не являются строго разграниченными, содержа множество переходныхъ ступеней, и потому незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Съ подобной точки зрѣнія не существуетъ предметовъ дорогихъ и дешевыхъ, людей старыхъ и молодыхъ и т. п. [3]) Научная формулировка классовой борьбы признала множественность классовъ и множественность формъ ихъ борбы, а также и то, что эти различныя формы имѣютъ и разныя значенія съ точки зрѣнія преуспѣянія вида.

Эти разные способы борьбы являются способами конкуренціи, и не слѣдуетъ забывать, что послѣдняя есть одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ подбора, какъ для индивидовъ такъ и для соціальныхъ организмовъ. Нѣкогда военная конкуренція истребила значительное число политическихъ, болѣе или менѣе несовершенныхъ, организацій. Въ настоящее же время эта форма конкуренціи значительно потеряла въ своей силѣ среди цивилизованныхъ народовъ и сохранилась лишь среди народовъ некультурныхъ. Что касается результатовъ конкуренціи экономической, то таковые хорошо извѣстны. Если дойдетъ дѣло до уничтоженія ея, то нужно будетъ ее замѣстить какимъ либо другимъ орудіемъ подбора, потому что иначе на-

---

[1]) Парето, т. II, стр. 389—392.

[2]) Парето, т. II, стр. 393 sqq. Противъ справедливости этой идеи ополчается г. Катаевъ и мѣстами не безъ успѣха: Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія, Москва 1903 г., passim, особ. стр. 38—121, 130—142 и др.

[3]) Парето, т. II, стр. 402—403.

ступитъ быстрое паденіе всякой экономической организаціи. [1]) Извѣстно, что доктрины государственнаго и муниципальнаго соціализма отстаиваютъ обязанность государства или общины явиться въ роли общественнаго предпринимателя или управителя общественнымъ хозяйствомъ, причемъ доказывается, что государство или муниципалитетъ могутъ всецѣло занять мѣсто предпринимателя. Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что государство или община будутъ управлять предпріятіями хуже, нежели частное общество. Допустимъ, говоритъ авторъ, что это возраженіе невѣрно и что управленіе будетъ въ обоихъ случаяхъ одинаково хорошо и тѣмъ не менѣе чрезъ нѣкоторое время всѣ общественныя предпріятія, не будучи подвергнуты дѣйствію подбора, должны будутъ отстать отъ частновладѣльческихъ предпріятій. [2]) Это утвержденіе авторъ доказываетъ гипотетическими и реальными примѣрами (Нов. Зеландія), причемъ послѣдніе по меньшей мѣрѣ заключаютъ въ себѣ выводы поспѣшные. Нельзя, кромѣ того, не замѣтить, что примѣръ Новой Зеландіи не является чистымъ, въ виду крайней своеобразности мѣстной организаціи.

Само собой разумѣется, что конкуренція не является единственной формой соціальной борьбы, есть и другія формы; но безъ этой жизнь общества немыслима. Борьба за существованіе царитъ не только въ отношеніяхъ между индивидами, но и между разными группами индивидовъ, и каждая группа въ этой борьбѣ можетъ разсчитывать только на свои силы. Вотъ почему вѣрно, что „эмансипація“ рабочихъ можетъ быть только дѣломъ самыхъ рабочихъ. Но есть и другая сторона вопроса, которую всецѣло игнорируютъ и которая также состоитъ въ томъ, что защита групповыхъ интересовъ можетъ быть дѣломъ лишь данной группы. Мы говоримъ, замѣчаетъ Парето, о буржуазіи. [3]) Многое изъ того, что говоритъ Парето, не выдерживаетъ серьезной критики, но я умышленно излагалъ взгляды автора безъ всякихъ критическихъ замѣчаній, предоставляя эти взгляды всецѣло суду читателя. Только замѣчаніе его о необращеніи вниманія на интересы группы буржуазіи заставляетъ меня сдѣлать небольшое отступленіе. Авторъ изображаетъ дѣло такъ, что будто бы все общественное вниманіе только и сосредоточено на интересахъ рабочихъ. Какъ это не похоже на то, что говоритъ намъ исторія законодательствъ объ охранѣ труда, хотя-бы, напримѣръ, изображеніе развитія нашего отечественнаго законодательства г. Туганомъ-Барановскимъ. [4]) Ну, такъ это говоритъ Туганъ-Барановскій, скажутъ... Что-жъ? Источникъ вполнѣ надежный и серьезный, тѣмъ болѣе, что говоритъ онъ объ историческихъ фактахъ, дѣйствительность которыхъ нисколько не зависитъ отъ личнаго отношенія автора къ дѣлу. Впрочемъ, вотъ что говоритъ одинъ изъ русскихъ фабричныхъ инспекторовъ по вопросу о „центрѣ вниманія“ къ той или другой сторонѣ

[1]) Парето, т. II, стр. 404—405.
[2]) Парето, т. II, стр. 405—408, 437.
[3]) Парето, т. II, стр. 408—409.
[4]) Туганъ-Барановскій въ Сборникѣ Водовозовой „Законодательная охрана труда“ Спб. 1901 г., 252 и слѣд. Ср. Туганъ-Барановскаго, Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, т. I, Спб. 1898, стр. 360 и слѣд.

изъ разсматриваемыхъ г. Парето классовъ. „Какъ ни странно", говоритъ Дементьевъ, „но обыкновенно, когда у насъ говорятъ о фабричной промышленности, то видятъ лишь одну сторону дѣла. Говорятъ о желательномъ развитіи фабричной промышленности для удешевленія продуктовъ производства, выгоднаго для всего населенія, для конкурренціи съ другими государствами на иностранныхъ рынкахъ, выгоднаго и для самихъ рабочихъ и фабрикантовъ (доставленіе заработковъ и прибыли), и въ политическихъ цѣляхъ и т. д. и т. д. Говорятъ такъ, какъ будто процвѣтаніе фабрикъ есть цѣль сама по себѣ и однозначуще съ общественнымъ благосостояніемъ. Но никто не задается вопросомъ: какою-же цѣною достается это кажущееся благосостояніе. Что выиграло населеніе, бросивъ свой домъ, свое убогое хозяйство и поставивъ себя въ полную зависимость отъ современной фабрики съ ея машинами?" (Дементьевъ: Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ, стр. 251—252).

Далѣе Парето разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Подлежащая разрѣшенію проблема не заключается только въ томъ, чтобы знать, существуетъ ли борьба классовъ или нѣтъ. Чтобы рѣшить только эту задачу, стоитъ бросить взглядъ на исторію. Здѣсь возникаетъ еще другой, болѣе сложный и болѣе трудный вопросъ, а именно о средствахъ борьбы и объ отношеніяхъ, въ которыхъ эти средства находятся къ дѣлу преуспѣянія общества. Внѣ всякаго сомнѣнія въ отношеніи средствъ борьбы общества значительно прогрессировали, какъ въ отношеніи борьбы между индивидами, такъ и между обществами и націями. Употребленіе въ дѣло прямой силы все болѣе и болѣе исчезаетъ и замѣняется другими средствами. Если замѣна въ международныхъ отношеніяхъ и отчасти въ борьбѣ классовъ еще далека отъ совершенства, то борьба между отдѣльными индивидами уже почти совершенно не рѣшается физической силой. [1]) Соціализмъ въ своемъ воззрѣніи на классовую борьбу видитъ только интересы рабочаго класса, признаетъ за нимъ только права, но не обязанности: предприниматель обязанъ строго соблюдать рабочій договоръ, не имѣетъ права ни понижать платы, ни уничтожать договоръ. Рабочіе же могутъ дѣлать все, что угодно—требовать прибавокъ, измѣненія разцѣнокъ, бросать работу и т. п. [2]) Парето, однако, не указываетъ, гдѣ именно существуютъ подобные законы.

Иначе смотритъ на дѣло либеральная доктрина. Она признала необходимость борьбы классовъ и только считаетъ своею задачей содѣйствовать смягченію ея силы, исчезновенію изъ нея всякаго варварства. Она желала бы и здѣсь ввести то, что уже введено для случая международныхъ войнъ. Не странно-ли что борьба съ иностранцами подчинена извѣстнымъ привиламъ гуманности, а война между согражданами предоставлена полному варварству? Существуетъ международное право, регулирующее отношенія между чужими другъ другу народами и нѣтъ никако права, регулирующаго отношенія между борящимися классами. Либеральная школа желала

[1]) Парето, op. cit. т. II, стр. 409—410.
[2]) Парето, т. II, стр. 410—416.

бы еще большаго. Она хотѣла бы, и въ этомъ заключается ея главный принципъ, чтобы правленіе оставалось чуждымъ борьбѣ классовъ, чтобы оно только касалось задачи приведенія этой борьбы въ извѣстныя границы, т. е не допускало-бы насилія, а предоставляло бы все борьбѣ мирной—кто сильнѣе, но безъ насилія, тотъ пусть и преуспѣваетъ. Здѣсь нѣтъ никакой утопіи (еще-бы;)—все должно быть сведено къ чисто экономической мирной борьбѣ. Но увы! говоритъ Парето, въ наше время общества не только не приближаются къ этому „идеалу“, а, наоборотъ, удаляются отъ него. Новые Тредъ-Уніоны въ Англіи требуютъ вмѣшательства государства и оно слѣдуетъ этому призыву. И повсюду государство вмѣшивается въ существо борьбы (а не только въ форму ея, что только и можетъ быть, съ точки зрѣнія либеральной доктрины, допустимо) классовъ съ цѣлью противоположенія волѣ одного класса воли другого и такимъ образомъ отнимаетъ у однихъ гражданъ ихъ свободу въ пользу другихъ. Нужно, впрочемъ, продолжаетъ Парето, имѣть въ виду одно препятствіе, имѣющее силу какъ въ отношеніи борьбы между народами, такъ и въ отношеніи разныхъ классовъ среди одного народа и именно, что ни одна изъ борющихся сторонъ не можетъ подать первая примѣръ разоруженія, безъ того, чтобы немедленно не сдѣлаться жертвой побѣды другой стороны. Поэтому нельзя въ этомъ дѣлѣ ждать внезапной перемѣны: можно лишь надѣяться на постепенное улучшеніе дѣла. [1])

Борьба классовъ съ теченіемъ времени усложняется и развѣтвляется. Мы замѣчаемъ дѣленія не только общества на классы, но и внутри классовъ. Въ классѣ буржуазіи мы видимъ и мелкую буржуазію, требующую покровительства противъ крупной торговли, кооперативныя общества и т. п.—всѣ борющіеся за свои отдѣльные интересы и упрекающіе противниковъ въ конкуренціи нелояльнаго характера. Въ Германіи, напримѣръ, въ самой буржуазіи отщепляется цѣлый классъ аграріевъ, находящійся въ борьбѣ съ остальными членами буржуазіи. Имѣется также-внутри групповая борьба и среди „пролетаріата“. Не говоря уже о борьбѣ представителей различныхъ политическихъ воззрѣній, такова борьба между рабочими, организованными въ товарищества и неорганизованными. Принципы равенства, братства и солидарности великолѣпны, когда сравниваютъ рабочихъ съ буржуа, но ихъ совсѣмъ не хотятъ примѣнять въ отношеніяхъ между „сознательными пролетаріями“ и „пролетаріями несознательными“. Да и среди „сознательныхъ“ замѣчается „подборъ“—члены Тредъ-Уніоновъ обнаруживаютъ тенденцію къ превращенію въ обыкновенныхъ буржуа. Эта тенденція констатирована Сиднеемъ и Беатрисой Уеббами. Это лишь частный случай общаго феномена образованія „лучшихъ“ (élite). Итакъ, противорѣчіе между принципомъ и дѣйствительностью разительно. Но съ точки зрѣнія объективной должно придти къ выводу, что виной этого противорѣчія является не дѣйствительность, а принципъ, потому что онъ ложенъ, а факты вполнѣ разумны. Рабочіе-организованные дѣйствительно выше рабочихъ неорганизованныхъ; они представляютъ „отборныхъ“ рабочихъ

[1]) Парето, т. II, стр. 416—419.

(élite). Это доказывается всѣми реальными фактами, подтверждающими, что они лучше и успѣшнѣе отстаиваютъ свои интересы въ экономической борьбѣ. На столько лучше и успѣшнѣе, что это обстоятельство заставило въ свою очередь лучше вооружиться „патроновъ“ и прибѣгнуть къ синдикатамъ и трестамъ, имѣющимъ цѣлью бороться противъ рабочихъ организацій. Тресты, конечно, и ѣютъ дурную сторону, потомучто они подымаютъ цѣны товаровъ и налагаютъ неповинно контрибуцію на общество, стоящее внѣ борьбы, но они имѣютъ и хорошую сторону, ибо составляетъ мирную, т. е. лучшую, форму борьбы классовъ. [1])

Многіе думаютъ, что можно было-бы создать условія, при которыхъ могла бы исчезнутъ борьба классовъ (Энгельсъ: переходъ къ не-классовому обществу). Это, несомнено, иллюзія, говоритъ Парето. Борьба классовъ является только одной изъ формъ общей борьбы за существованіе. То, что считаютъ „конфликтомъ между капиталомъ и трудомъ“, является только одной изъ формъ классовой борьбы. Въ средніе вѣка можно было думать, что если прекратится религіозная борьба, то общество станетъ совершенно умиротвореннымъ. Но эта борьба ичезла, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ явленій соціальной жизни,—и что-же? на смѣну ей пришла борьба соціальная Предположите, что коллективизмъ осуществился, что „капиталъ“ болѣе не существуетъ и что, стало быть, не будетъ никакихъ „конфликтовъ“ съ трудомъ,—но тогда исчезнетъ только одна борьба классовъ и на смѣну ей явится другая. Появятся конфликты между разными родами трудящихся, между представителями умственнаго труда (intellectuels) и труда физическаго, между разными политическими партіями, между представителями и представляемыми, между реформаторами и консерваторами и т. п. Вѣдь коллективизмъ не уничтожитъ индивидуальности и личныхъ оттѣнковъ. Борьба за жизнь или за счастье—является всеобщимъ феноменомъ для живыхъ существъ и все, что мы о ней въ дѣйствительности знаемъ, заставляетъ насъ придти къ выводу, что она является однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ сохраненія и улучшенія расъ Поэтому невѣроятно, чтобы эта борьба прекратилась или чтобы такое прекращеніе было для общества благопріятнымъ. Противъ основанія этого фактора мы ничего сдѣлать не можемъ; все, что мы можемъ, это содѣйствовать къ измѣненію нѣкоторыхъ формъ проявленія этого фактора. [2])

Таково содержаніе труда Парето. Мы слишкомъ подробно останавливались на односторонніхъ возрѣніяхъ на значеніе біологической борьбы за существованіе въ примѣненіи ея къ жизни общества (см. напр. выше замѣчанія о трудѣ Перетти и ниже о трудахъ антропосоціологіи), на ошибкахъ во взглядахъ на значеніе классовой борьбы, чтобы здѣсь, по поводу книги Парето, повторять все сказанное или подробнѣе развивать выраженные уже нами взгляды. Съ научной точки зрѣнія взгляды Парето являются необоснованными и напоминаютъ то „съ одной и другой стороны“ либерализма, которое такъ

[1]) Парето, т. II, стр. 419—445.
[2]) Парето, т. II, стр 447—456.

ѣдко было осмѣяно въ русской литературѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ статьѣ г. Горшкова: „Медовый мѣсяцъ русскаго либерализма“. Что же касается собственно критики взглядовъ марксизма на классовую борьбу, то ея Парето не далъ, предложивъ вмѣсто этого свое собственное пониманіе этой борьбы. Все, что можно было по поводу этого „пониманія“ сдѣлать—это отмѣтить его, какъ одно изъ явленій современной соціологіи и на этомъ съ данной концепціей закончить, что я и дѣлаю.

XI.

Переходъ отъ Парето къ Туганъ-Барановскому можетъ показаться нѣсколько неожиданнымъ, но дѣло въ томъ, что послѣднимъ авторомъ я заканчиваю вторую часть своего труда, пропустить же книгу Парето я считалъ невозможнымъ, какъ въ виду интереса ея, такъ и въ виду возможной полноты обозрѣнія всего того, чѣмъ характеризуется современная соціологія. Сдѣлавъ это краткое замѣчаніе, перехожу къ изложенію послѣдняго труда Туганъ-Барановскаго, на сколько этотъ трудъ имѣетъ отношеніе къ соціологіи. Къ послѣдней же собственно относятся лишь нѣсколько страницъ книги г. Туганъ-Барановскаго, все же остальное въ этой книгѣ относится къ исторіи и догмѣ политической экономіи.

Какъ и г. Струве, Туганъ-Барановскій считаетъ нужнымъ указать, что, хотя онъ и не „мѣнялъ фронта“, но что тѣмъ не менѣе онъ не можетъ отрицать того, что его общее міросозерцаніе испытало за послѣднее время перемѣну. Онъ „никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса, но еще недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь“. Г. Туганъ-Барановскій избѣгалъ называть себя марксистомъ, но общественное мнѣніе признало его таковымъ—и онъ не протестовалъ противъ этого. Дальнѣйшее развитіе его взглядовъ привело его, однако, мало-по-малу, къ „полному разрыву съ ортодоксальнымъ марксизмомъ“, который, по глубокому убѣжденію автора, сдѣлалъ свое дѣло и „никакой будущности не имѣетъ“. Поэтому „величайшей задачей соціальной мысли нашего времени“ авторъ считаетъ „критическое преодолѣніе марксизма, долженствующее повести къ созданію новой соціальной системы, въ которую войдетъ много элементовъ марксизма, но въ переработанномъ, очищенномъ и преобразованномъ видѣ“. [1])

Такимъ образомъ и г. Туганъ-Барановскій „поворачиваетъ“ къ идеализму и сознается въ этомъ столь же прямо и открыто, какъ и Бернштейнъ и Струве. Такое открытое признаніе слѣдуетъ привѣтствовать, какъ высокую степень добросовѣстности писателя. „Поворачиваетъ“ и г. Булгаковъ, но тѣмъ не менѣе сочетаетъ свой идеализмъ съ почти нетронутымъ марксизмомъ, но его „марксизмъ“ послѣднихъ годовъ далеко не тотъ, какимъ онъ былъ раньше. Я думаю, что подъ историческимъ матеріализмомъ Булгакова, формулированнымъ въ 1899 г. въ статьѣ „Хозяйство и право“, не под-

[1]) М. Туганъ-Барановскій, Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи, Спб. 1903 г. (печатались въ 1902 г. въ Мірѣ Божьемъ), предисловіе стр. V—VI.

пишется ни одинъ изъ ортодоксальныхъ учениковъ. [1]) Такъ точно и въ настоящее время правовѣрные марксисты едва-ли признаютъ, какъ это было съ Туганъ-Барановскимъ, „своимъ“ г. Булгакова. Что-же? Это случается. Напримѣръ, Бердяева не признали „своимъ“ ни народники, ни марксисты, а г. Неждановa—признали и тѣ, и другіе. Что касается въ частности г. Туганъ-Барановскаго, то, не считая его воззрѣній на необходимость прохожденія русской жизни чрезъ горнило капитализма, онъ во всемъ остальномъ обнаруживаетъ духовное родство съ русской соціологической школой.

Указавъ на то, что доктрина историческаго матеріализма не пользовалась при жизни Маркса признаніемъ со стороны ученыхъ и даже не была предметомъ сколько-нибудь серьезнаго изученія и критики, г. Туганъ-Барановскій отмѣчаетъ, что впослѣдствіи интересъ къ ней значительно увеличился. Соціальная теорія марксизма можетъ похвалиться обширной литературой, качество которой, къ сожалѣнію, оставляетъ желать лучшаго. Весьма часто доктрина извращалась и притомъ не только врагами ея, но и сторонниками, такъ что Марксъ вынужденъ былъ съ ироніей сказать: „moi, je ne suis pas marxiste“. Энгельсъ призналъ, что извращеніе теоріи ея сторонниками и врагами произошло отчасти по винѣ его и Маркса, ибо они „должны были, въ спорѣ съ противниками, подчеркнуть важность оспариваемаго ими основного принципа и не всегда имѣли подходящій случай, время и мѣсто для того, чтобы отмѣтить должное значеніе остальныхъ *взаимодѣйствующихъ* моментовъ“. [2]) Какъ видимъ, здѣсь признается „взаимодѣйствіе“ соціальныхъ моментовъ, а не простое отношеніе всѣхъ ихъ къ одному, какъ слѣдствіе къ причинѣ. А между тѣмъ такого именно взгляда придерживается г. Булгаковъ въ вышеуказанной статьѣ, говоря, что ссылка на „взаимодѣйствіе“ упраздняетъ самый объектъ науки. [3]) Правда, г. Булгаковъ отрицаетъ „сведеніе“ всѣхъ факторовъ (т. е. въ послѣднемъ счетѣ?) къ одному—экономикѣ, но придерживается точки зрѣнія, отличіе которой отъ только-что указанной прекрасно опредѣляется малороссійской поговоркой: „не вмеръ Данило, а болячка задавила“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ слѣдующее. Человѣкъ борется за свое существованіе общественно, и формою этой борьбы является „соціальный способъ производства“ (т. е. хозяйство—см. Булгакова: Хозяйство и право, стр. 144 и слѣд.). Одинъ общественный способъ производства съ необходимостью смѣняется другимъ. Но общественная жизнь человѣка не исчерпывается борьбой за существованіе, не „сводится“ къ одной экономической дѣятельности, а имѣетъ много сторонъ, *непосредственно* съ производствомъ не связанныхъ“. Итакъ, „не сводится“. Но тогда каково же отношеніе этихъ „сторонъ“, несвязанныхъ „непосредственно“ (почему же только непосредственно?) съ производствомъ, къ послѣднему? А вотъ: „измѣненіе всѣхъ этихъ

[1]) Булгаковъ, Хозяйство и право. Сборникъ общихъ юридич знаній, подъ ред. Гамбарова Спб. 1899 г., стр. 137 и слѣд.

[2]) Туганъ-Барановскій, Очерки изъ новѣйшей исторіи полит. экон., стр. 304—307.

[3]) Булгаковъ, Хозяйство и право, стр. 153—154.

сторонъ общественной жизни стоитъ въ *причинной зависимости* отъ борьбы за жизнь, отъ измѣненій соціальнаго способа производства". [1]) Это дѣйствительно далеко отъ „взаимодѣйствія" соціальныхъ факторовъ; но эту „даль" г. Туганъ-Барановскій считаетъ „извращеніемъ" соціологической доктрины марксизма, въ которомъ неповиненъ Марксъ. Повиненъ или неповиненъ другое дѣло, и Туганъ-Барановскій, Парето и мног. друг. мѣстами признаютъ, что повиненъ, но важно то, что въ формулѣ г. Булгакова истина является искаженной, иначе не говорилось бы объ „искаженіи" того, что въ марксизмѣ считается вѣрнымъ (и что дѣйствительно является вѣрнымъ). Когда на такое-же извращеніе указывалъ Черновъ, [2]) то это встрѣтило суровый отпоръ въ томъ самомъ лагерѣ, который теперь говоритъ то-же самое.

„Извращеніе или неизвращеніе"—рѣшить весьма и весьма трудно, такъ какъ у Маркса и Энгельса можно найти нѣкоторыя данныя и за то, и за другое воззрѣніе. Въ своихъ возраженіяхъ Каутскому Бернштейнъ довольно рѣшительно заявилъ, что изъ Маркса можно сдѣлать источникъ доказательствъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Хотя Оппенгеймеръ находитъ, что это вѣрно, [3]) но въ столь рѣшительной и общей формѣ эту фразу можно объяснить только полемическимъ задоромъ. Въ общемъ это утвержденіе невѣрно, что не можетъ не быть яснымъ для того, кто изучалъ Маркса, но въ отношеніи соціологической доктрины Маркса эта фраза можетъ только обозначать, что, въ виду того, что Марксъ и Энгельсъ не успѣли дать полную систему своихъ соціологическихъ взглядовъ, у нихъ въ этомъ отношеніи можно найти взгляды и въ пользу односторонняго экономизма, и въ пользу признанія другихъ соціальныхъ моментовъ и даже вліянія ихъ на самую экономику. Впрочемъ, объ этомъ было уже выше говорено подробно. Г. Туганъ-Барановскій приводитъ „классическія" мѣста изъ сочиненіи Энгельса и Маркса, въ коихъ опредѣляется ихъ соціологическая доктрина, и совершенно основательно замѣчаетъ, что эти мѣста страдаютъ неясностью и неполнотой и что правъ Масарикъ, „авторъ въ общемъ довольно слабой книги" (цитированной нами выше), когда говоритъ, что считающееся „классическимъ" опредѣленіе теоріи Маркса (въ предисловіи къ его „Критикѣ политич. экономіи") всего менѣе заслуживаетъ этого названія, такъ какъ ему недостаетъ самого существеннаго для того, чтобы быть классическимъ: точности и ясности. [4]) Далѣе г. Турганъ-Барановскій доказываетъ, что въ пресловутыхъ „производительныхъ силахъ" Маркса должно видѣть только образное выраженіе, а не дѣйствительное пониманіе самостоятельности этихъ силъ въ точномъ смыслѣ слова, т. е. внѣ дѣйствія людей. Марксъ признаетъ силой человѣка, но только, полагаетъ онъ, люди

---

[1]) Булгаковъ, op. cit. стр. 148—149.

[2]) В. Черновъ Типы психическаго и соціальнаго монизма. Русск. Бог. 1899 г. № 1.

[3]) Oppenheimer. Die Kriese im Marxismus Zeitschrift für Socialwissenschaft 1899, s. 595.

[4]) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политич. экономіи, стр. 307—309.

дѣйствуютъ на ходъ исторіи не непосредственно, а чрезъ посредство искуственной матеріальной среды. Поэтому „единственнымъ средствомъ придать понятію „матеріальныхъ производительныхъ силъ“ вполнѣ опредѣленное содержаніе, заключается въ отожествленіи этого понятія съ понятіемъ *матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда* (курсивъ автора). Матеріальныя условія хозяйства отнюдь не неподвижны и не представляютъ собою чего-то стоящаго внѣ общественнаго развитія. Матеріальная обстановка хозяйства не есть пассивный продуктъ физико-химическихъ силъ внѣшней природы, но непрерывно развивающійся и видоизмѣняющійся историческій продуктъ *самого человѣческаго общества*“. [1]) Эти матеріальныя условія труда не слѣдуетъ смѣшивать съ соціальными условіями труда, а строго ототличать отъ нихъ, ибо хозяйственный трудъ происходитъ не только въ матеріальной обстановкѣ, но и въ соціальной, почему хозяйство и должно быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ—съ технической и съ соціальной. Но съ точки зрѣнія историческаго матеріализма соціальная сторона хозяйства имѣетъ не основной, а производный характеръ: она опредѣляется матеріальной стороной хозяйства, которая играетъ роль господствующаго момента не только соціальнаго хозяйства, но и всей соціальной жизни. Такова, заключаетъ Туганъ-Барановскій, основная идея матеріализма. [2])

По поводу приведенной формулировки нашъ авторъ замѣчаетъ, что не слѣдуетъ слишкомъ съуживать понятія хозяйственной техники. Соціальный матеріализмъ отнюдь не утверждаетъ, что изобрѣтеніе новыхъ орудій производства есть единственный двигатель историческаго прогресса. (На примѣрѣ Крауза мы видѣли, что онъ именно это и утверждаетъ). Несостоятельность этой послѣдней точки зрѣнія, говоритъ Туганъ—Барановскій, очевидна уже изъ того, что только въ новѣйшее время промышленныя изобрѣтенія слѣдуютъ быстро другъ за другомъ—въ прежнія историческія эпохи цѣлыя столѣтія приходили безъ всякихъ существенныхъ перемѣнъ въ орудіяхъ труда, и тѣмъ не менѣе исторія человѣчества не стояла на мѣстѣ“. Такъ, возникновеніе мануфактуры отнюдь не было вызвано какимъ-либо промышленнымъ изобрѣтеніемъ или измѣненіемъ орудій труда. По своимъ орудіямъ труда мануфактура мало отличалась отъ ремесла. А между тѣмъ она измѣнила и самые пріемы работы, сдѣлавъ возможнымъ раздѣленіе труда между отдѣльными рабочими. Поэтому Энгельсъ имѣлъ полное право назвать „раздѣленіе труда и соединеніе многихъ частичныхъ рабочихъ въ одной мануфактурѣ новой производительной силой“—это было въ то же время значительнымъ возрастаніемъ производительности. [3])

Другое „классическое“ опредѣленіе соціальнаго матеріализма, принадлежащее Энгельсу и изложенное въ его Анти-Дюрингѣ, гласитъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ положеніе, что производство, а вслѣдъ за нимъ и обмѣнъ продуктовъ, есть основаніе всего общественнаго строя. Этимъ опредѣляется и раздѣле-

[1]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 309—311.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 311—312.
[3]) Туганъ-Барановскій, стр. 312.

ніе продуктовъ и раздѣленіе на классы. Поэтому „послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи соотвѣтствующей эпохи“ (Анти-Дюрингъ стр. 286). Опредѣленіе это съ формальной стороны, говоритъ Туганъ-Барановскій, довольно значительно отличается отъ опредѣленія Маркса. Вмѣсто „производительныхъ силъ“ мы встрѣчаемъ, въ качествѣ „послѣднихъ причинъ“, „способы производства и обмѣна“. Авторъ считаетъ это простымъ недосмотромъ, ибо страницей дальше у Энгельса говорится о „конфликтѣ между производительными силами и способомъ производства“, причемъ конфликтъ вызывается измѣненіемъ указанныхъ силъ, что, въ свою очередь, ведетъ къ измѣненію способовъ производства. Поэтому эти способы нельзя считать *послѣдними* причинами общественныхъ перемѣнъ. Далѣе: у Энгельса фигурируютъ въ качествѣ „послѣднихъ причинъ“ уже не только способы производства, но и обмѣна, безъ всякаго объясненія, въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся оба эти момента. [1]) Какова же основная мысль приведенныхъ опредѣленій? Вотъ она: „матеріальныя условія хозяйственнаго труда—вотъ послѣдняя причина соціальнаго строя“. Но этого мало. Выраженіе указанныхъ условій въ данную эпоху составляетъ дѣйствующее право послѣдней. Каждой опредѣленной ступени производительности труда соотвѣтствуетъ опредѣленная форма правового строя. Пока эта форма даетъ просторъ развитію внутренняго строя соціальнаго хозяйства, до тѣхъ поръ нѣтъ конфликта между сущностью соціальной жизни и ея формой. Но рано или поздно такой конфликтъ наступаетъ, и тогда право является тормазомъ для развитія хозяйства. Конфликтъ этотъ разрѣшается на почвѣ катастрофы (отмѣченная выше Zusammenbruchstheorie). Въ общественномъ сознаніи этотъ конфликтъ принимаетъ форму *классовой борьбы*. Въ эту концепцію не укладывается жизнь доисторическаго общества, почему послѣдняя и не подлежитъ объясненію съ точки зрѣнія соціальнаго монизма. Теорія примѣняется только къ классовому обществу, почему и отстаивается, что исчезнованіе классовъ въ будущемъ поведетъ къ царству свободы. [2])

Если теорія примѣнима только къ „классовому“ обществу, то она уже не является „общимъ историческимъ закономъ“, какъ, однако, на этомъ настаиваютъ сторонники историческаго матеріализма. Выше мы также показали, что „классовое“ общество понятіе неопредѣленное, въ виду спутанности самого понятія „класса“ и въ виду подстановки понятія чисто экономическаго въ формулу движенія развитія болѣе широкаго и разнообразнаго, именно соціальнаго. Выше было также достаточно сказано о теоріи Zusammenbruch'a и я считаю удобнымъ здѣсь только указать на слѣдующее. Въ своей книгѣ противъ Бернштейна Каутскій говоритъ, что у Маркса и Энгельса будто-бы не существуетъ особой „теоріи крушенія“ и что ее, какъ и самый терминъ, изобрѣлъ Бернштейнъ. Туганъ-Барановскій

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 313.
[2]) Туганъ-Барановскій, 314—316.

опровергаетъ это путемъ приведенія цитатъ изъ подлинниковъ. [1]) Съ другой стороны Каутскій замѣняетъ понятіе „краха“ понятіемъ „декомпозиціи“, распаденія, что представляется крайне неопредѣленнымъ, разъ не указываетъ ни силы, ни средства, ни способа развитія процесса. [2]) Г. Туганъ-Барановскій сводитъ доктрину историческаго матеріализма къ тремъ положеніямъ. Во первыхъ „со времени распаденія общества на классы соціальная жизнь и соціальное развитіе опредѣляются, *въ конечномъ счетѣ*, состояніемъ и развитіемъ матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Во вторыхъ, каждой ступени производительнаго труда соотвѣтствуетъ опредѣленная форма права (ср. постановку этого вопроса—съ одной стороны у Лоріа и съ другой у Штаммлера и г. Осадчаго, а также обмѣнъ мнѣній по поводу послѣдняго между Струве и Булгакавымъ). Развитіе производительности труда приводитъ къ конфликту между матеріальными условіями производства и правомъ, каковой конфликтъ завершается „крушеніемъ“ (или „докомпозиціей“, по Каутскому). Наконецъ, въ третьихъ, въ общественномъ сознаніи конфликтъ выражается борьбой классовъ, составляющей *все содержаніе міровой исторіи* (курсивъ нашъ) съ тѣхъ поръ, какъ общество распалось на классы. [3])

Г. Туганъ-Барановскій критикуетъ разсматриваемую доктрину, разбирая всѣ три, отмѣченные только-что, основные ея тезисы. Но прежде всего онъ замѣчаетъ, что все разсматриваемое ученіе стремится къ достиженію полнаго *соціальнаго монизма* (ср. указанный выше трудъ г. Гайдарова). Въ качествѣ такового, оно противопоставляется идеалистическому пониманію исторіи. Для марксизма это вѣрно и по существу: это доктрина матеріалистическая, причемъ экономизмъ является лишь „частнымъ случаемъ“ матеріализмъ вообще, и исторически: доктрина родилась на почвѣ реакціи противъ господства нѣмецкаго научнаго идеализма. Въ настоящее время все болѣе и болѣе намѣчается рѣшительный „поворотъ“ къ идеализму—мѣстами къ научному (Мичели, Петражицкій, Уордъ, Зиммель и др.), но въ большинствѣ къ метафизическому съ признаніемъ верховенства этики, но „отторванной“ отъ научно обоснованнаго предвидѣнія. На послѣдней почвѣ это ни „противопоставленіе“, ни „сочетаніе“, а какое-то метафизическое „разграниченіе“, какъ это было показано въ первой части настоящаго труда. Между тѣмъ противопоставленія и „разграниченія“ (кромѣ необходимаго для научныхъ цѣлей абстрагированія, т. е. такого разграниченія, которое допускается лишь теоретически, не забывая, что въ дѣйствительности „разграничиваемое“ является „слитымъ“) не можетъ и не должно быть. Г. Черновъ совершенно основательно замѣчаетъ что оба элемента (матеріальный и идеалистическій) слиты въ одномъ нераздѣльномъ процессѣ развитія. Вслѣдъ за Жоресомъ, г. Черновъ находитъ, что исторія есть одновременно и процессъ, совершающійся по механическому закону, и стремленіе, осуществляемое сообразно закону идеала, чѣмъ пере-

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 426—427 и примѣч. на стр. 427.

[2]) Ср. Сореля, Les polémiques pour l'interprétation du Marxisme. Bernstein et Kautsky. Revue Intern. de Sociologie 1900 № 5, p. 360—361.

[3]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 316.

кидывается мостъ отъ экономическаго матеріализма къ телеологической теоріи Уорда. [1]) Этотъ „мостъ“ значительно отличается отъ того, который попытался перекинуть отъ одного научнаго берега къ другому г. Оболенскій, отличается потому, что отъ крайнихъ воззрѣній Бельтова къ другому берегу, хотя-бы приближенному путемъ критицизма Струве,—моста, да и вообще пути нѣтъ. [2]) Что же касается объясненія идеализма, какъ лишь практическаго вопроса, какъ необходимости только мышленія, лежащей въ основаніи всякой реалистической гипотезы (Гефдингъ) и въ дѣйствительности не существующаго, [3]) то такое отношеніе къ дѣлу, заключающееся въ простомъ устраненіи того, что противорѣчитъ отстаиваемому взгляду, легко и удобно, но ненаучно и поэтому съ такимъ взглядомъ считаться не приходится: онъ „современной соціологіи“ не характеризуетъ.

„Примиреніе“ экономическаго матеріализма и историческаго идеализма не слѣдуетъ понимать, говоритъ г. Черновъ, и я къ этому всецѣло присоединяюсь, въ смыслѣ „отмежеванія“ каждому изъ нихъ отдѣльной области („разграниченія“, какъ говорятъ авторы сборника „Проблемы идеализма“), въ смыслѣ указанія, что одна часть историческихъ явленій подчинена экономической необходимости, а другая—направляется чистой идеей. Матеріалистическое воззрѣніе нельзя поставить по одну сторону перегородки, а идеалистическое—по другую,—ихъ примиреніе должно заключаться въ слитіи (мы бы сказали: сочетаніи) въ одно цѣлое, подобно тому, какъ въ органической жизни человѣка слита механическая дѣятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства. [4])

Какъ-же относится къ данному предмету г. Туганъ-Барановскій? Считаетъ-ли онъ, какъ де-Греефъ, Парето и мног. другіе—идеализмъ и матеріализмъ двумя сторонами одного и того-же существа, считаетъ-ли онъ ихъ двумя параллельными сущностями, считаетъ-ли, что одна изъ нихъ (идеальная) является лишь эманаціей другой, или что это самостоятельныя силы, находящіеся либо въ состояніи взаимоподчиненности, либо взаимозависимости? Нашъ авторъ по поводу книги Лабріола говоритъ, что послѣдній считаетъ экономику и идеологію не различными предметами, а однимъ и тѣмъ-же обществомъ, разсматриваемымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Для обоснованія такого воззрѣнія, говоритъ Туганъ-Барановскій, нужно, повидимому, выйти изъ круга соціальнаго взаимодѣйствія, ибо пока мы находимся въ этомъ кругу, до тѣхъ поръ никакой отдѣльный соціальный моментъ не можетъ быть признанъ *единственно господствующимъ* моментомъ общественнаго развитія. Самъ этотъ якобы господствующій моментъ подпадаетъ вліянію другихъ моментовъ.

---

[1]) В. Черновъ, Типы психологическаго и соціальнаго монизма. Русск. Богатство 1899 г. № 1, стр. 67.

[2]) Л Оболенскій, Изложеніе и критика идей нео-марксизма, Спб. 1899 г. стр. 76 и слѣд.

[3]) І. Давыдовъ, Что же такое экономическій матеріализмъ. Харьковъ 1900 г.

[4]) Черновъ, op. cit. стр. 67 и слѣд.

Какъ выходъ изъ заколдованнаго круга соціальнаго взаимодѣйствія были привлечены къ дѣлу „саморазвивающіяся“, всемогущія „матеріальныя производительныя силы“—эти какъ бы особыя внѣшнія силы, стоящія выше соціальнаго взаимодѣйствія и потому опредѣляющія послѣднее, не будучи имъ опредѣляемыми. Но, говоритъ авторъ, понятіе „матеріальныхъ производительныхъ силъ“ сводится къ понятію матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Условія же эти, согласно всей концепціи марксизма, даются не непосредственно внѣшней природой, а создаются человѣческимъ обществомъ. Матеріальная обстановка труда есть, слѣдовательно, *продуктъ* историческаго развитія общества, т. е. она *подчиняется* воздѣйствію всѣхъ тѣхъ соціальныхъ моментовъ, изъ которыхъ слагается жизнь и развитіе общества. Экономика, такимъ образомъ, не только причина, но и продуктъ общественнаго развитія и то, что Марксъ называетъ, развитіемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ,—сплошь и рядомъ исходитъ изъ неэкономическихъ сферъ соціальной жизни. Достаточно указать на роль государства и науки въ качествѣ факторовъ промышленнаго прогресса, чтобы сдѣлать это несомнѣннымъ.[1])

Очевидно, считаясь съ послѣднимъ обстоятельствомъ, сторонники историческаго матеріализма прибѣгаютъ къ уже извѣстному намъ аргументу, что если ближайшія причины экономическихъ и соціальныхъ перемѣнъ весьма часто исходятъ не изъ сферы хозяйства, то *конечныя* („въ послѣднемъ счетѣ“, „въ послѣдней истанціи“) причины всегда коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ соціальнаго хозяйства. Мы уже знаемъ, какъ сильно раскритиковалъ Парето аргументъ о „послѣднемъ счетѣ“ соціальной причины. То-же самое говоритъ объ этомъ аргументѣ, не выводящемъ даже насъ за предѣлы „соціальнаго взаимодѣйствія“, и г. Туганъ-Барановскій. Понятіе „послѣдней инстанціи“, говоритъ онъ, до крайности неопредѣленно. Конечно, его нельзя объяснять хронологически, ибо, по словамъ самого Энгельса, историческій процессъ есть сложный результатъ взаимодѣйствій множества факторовъ. Споръ о „послѣдней“ причинѣ соціальныхъ явленій есть споръ о томъ, что появилось раньше—курица или яйцо. [2])

Далѣе авторъ считаетъ „конкретный историческій анализъ“ причинъ историческихъ событій отнюдь не пригоднымъ для разрѣшенія проблемъ, выдвигаемыхъ соціальнымъ матеріализмомъ. Эта непригодность была мною доказана десять лѣтъ тому назадъ на почвѣ изученія многихъ явленій древнѣйшей правовой жизни народовъ (см. мои „Очерки первобытнаго права“ С-пб. 1893 г. гл. III, IV и passim). Г. Туганъ-Барановскій находитъ, что подобное, т. е. на почвѣ конкретнаго историческаго анализа причинъ историческихъ событій, обоснованіе историческаго матеріализма вообще недостаточно и необходимо для этого обоснованіе историко—философское, каковаго ни Марксъ, ни Энгельсъ не дали. Но, говоритъ онъ, еслибы даже историческія объясненія Маркса и Энгельса (то-же

[1]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 316—317.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 317—319.

можно сказать и о другихъ марксистахъ, напр. о Каутскомъ, о Рожковѣ—„Жизнь“ 1900 г.) были несравнено сильнѣе и глубже обоснованы, нежели это есть на самомъ дѣлѣ (см. хотя-бы попытку подобнаго основанія у Струве въ Научн. Обозр. 1898 г. № 4), все же, по только-что указанной причинѣ, они не могли бы составить требуемаго доказательства. [1])

Научное обоснованіе соціальнаго матеріализма должно исходить, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, изъ строго опредѣленнаго понятія хозяйства, а между тѣмъ, по вѣрному замѣчанію Штаммлера, матеріалистическое пониманіе исторіи совершенно отказывается отъ опредѣленія соціальнаго хозяйства. [2]) Штаммлеръ дѣйствительно говоритъ, что сторонники историческаго матеріализма никогда не говорятъ и даже не пытаются опредѣлить, что они точно понимаютъ подъ „экономическимъ феноменомъ“, что должно разумѣть подъ движеніемъ матеріи соціальной жизни и что обозначаютъ столь часто упоминаемыя „хозяйственныя отношенія“, что нужно понимать подъ общественнымъ хозяйствомъ или экономическими способами производства. [3]) Самъ Штаммлеръ, опредѣливъ соціальную жизнь, какъ „внѣшнимъ образомъ упорядоченную совмѣстную жизнь людей“ [4]) даетъ опредѣленіе хозяйству, какъ „конкретному проявленію извѣстнымъ образомъ урегулированной совмѣстной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей“, [5]) причемъ требуетъ различенія естественнаго хозяйства отъ *соціальнаго*, считая, что *самостоятельной* законномѣрности послѣдняго не существуетъ и что зависитъ она отъ формы соціальной жизни,—отъ права. [6]) Туганъ-Барановскій полагаетъ, что „замѣчательная критика соціальнаго матеріализма, представленная Штаммлеромъ, чрезвычайно пострадала отъ совершенной несостоятельности даннаго имъ опредѣленія хозяйства“... Критику взгляда, по которому отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности считается *родъ потребности*, г. Туганъ-Барановскій считаетъ совершенно правильной, ибо, прежде всего, нельзя провести демаркаціонную линію между потребностями низшими и высшими, но и опредѣленіе хозяйства со стороны Штаммлера неудовлетворительно: съ нимъ не согласится ни одинъ экономистъ. Этотъ аргументъ ad autoritatem мало, конечно, убѣдителенъ, но не въ этомъ теперь дѣло. Насъ интересуетъ положительная сторона воззрѣній автора. А воззрѣнія эти состоятъ въ томъ, что хозяйствомъ называется совокупность планомѣрныхъ, основанныхъ на разсчетѣ дѣйствій человѣка, направленныхъ на созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей. [7]) Я не говорю здѣсь о томъ, что это опредѣ-

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 319
[2]) Ibibem.
[3]) R. Stammler. Wirtschaft und Recht nach der Materialistischen Geschichtsauffassung, s. 78—79.
[4]) Stammler, op. cit. s. 90. Въ русскомъ переводѣ стр. 81. Ср. также въ оригиналѣ стр. 108, 121 ff, въ русск. пер. стр. 97, 108 сл.
[5]) Stammler, op. cit. s. 157, въ русск. пер. стр. 141.
[6]) Stammler, §§ 34—40, s. 188 ff., въ русск. перев. стр. 169 сл. сл.
[7]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 319—321.

леніе нуждается въ развитіи понятія „нашихъ потребностей“ и что послѣднія авторъ раньше ставитъ въ связь съ ученіемъ австрійской школы (Туганъ-Барановскій, стр. 206 и слѣд.) о предѣльной полезности въ хозяйствѣ, а въ послѣднемъ видитъ главнымъ образомъ производство товарное [1])—доктрина намъ уже знакомая въ изложеніи г. Винярскаго,—но это опредѣленіе нисколько не помогаетъ „укрѣпленію“ соціальнаго матеріализма, а съ другой стороны „планомѣрность“ является понятіемъ слишкомъ растяжимымъ и къ тому-же авторъ говоритъ о планомѣрности не координированной, не планомѣрности „многихъ“ или „всѣхъ“, и потому его опредѣленіе не затрагиваетъ понятія хозяйства „соціальнаго“, а вѣдь только о немъ и должно было говорить въ виду свойства обсуждаемой авторомъ темы. Хотя г. Булгаковъ обращаетъ исключительное вниманіе на эту именно сторону дѣла и потому исключаетъ понятіе „хозяйственнаго разсчета“, [2]) лежащаго, какъ мы видѣли, въ основаніи формулы г. Туганъ-Барановскаго, но, увлекшись идеей „борьбы“, не внесъ свѣта въ остающуюся невыясненною сторону доктрины. Одинъ „соціальный способъ производства“ не составляетъ всего „соціальнаго хозяйства“, одна борьба классовъ, да еще не являющихся организованными, ни единными, не составляетъ всей соціальной жизни, ни всего ея выраженія.

Установивъ свое понятіе хозяйства, г. Туганъ-Барановскій приступаетъ къ критической оцѣнкѣ соціальнаго матеріализма, по поводу которой г. Слонимскій замѣчаетъ, что авторъ повторяетъ многое изъ того, что излагалось уже другими, напримѣръ, имъ, г. Слонимскимъ, въ его статьяхъ, изданныхъ въ 1898 г. отдѣльной книжкой подъ названіемъ „Экономическое ученіе Карла Маркса“, каковыя статьи вызвали въ свое время рѣзкія нападки „нашихъ марксистовъ“ и въ томъ числѣ самого г. Туганъ-Барановскаго. [3]) Замѣчаніе это въ значительной степени вѣрно, какъ въ отношеніи „пріема“, оказаннаго г. Слонимскому (впрочемъ, не одними только марксистами; гораздо лучшій пріемъ встрѣтила себѣ книга за-границей, послѣ появленія ея нѣмецкаго перевода), такъ и въ томъ отношеніи, что многое изъ того, что говорятъ теперь „поворачивающіе“ писатели, говорили прежде писатели, ни отъ чего въ другую сторону не повернувшіе. Такъ, напримѣръ, въ частности г. Слонимскій говоритъ, что если капиталистическое производство есть только временная историческая форма, осужденная на исчезновеніе, то и его законы могутъ быть лишь временными, условіями и „никакой общей теоретической силы имъ приписать нельзя;“ [4]) что Марксъ относилъ къ капиталу то, что примѣнимо лишь къ капитализму, т. е. впадаетъ въ тотъ самый софизмъ, который поддерживали буржуазные экономисты, вызывавшіе негодо-

---

[1]) См. по этому поводу замѣчанія г. Слонимскаго, Научныя иллюзіи. Вѣстн. Евр. 1903 г. № 2, стр. 756, 760 и др.

[2]) Булгаковъ, Хозяйство и право Сборн. Общихъ юрид. знаній, издан. подъ редакціей Гамбарова, стр. 149.

[3]) Слонимскій, Научныя иллюзіи. Вѣстн Евр. 1903 г. № 2, стр. 765—766.

[4]) Слонимскій, Экономич. ученіе Карла Маркса, Спб. 1898 г., стр. 2. Ср. Катаева: Къ вопросу о теоріи соціальн. развитія, Москва 1903 г.

ваніе Луи-Блана [1]) и т. п., и т. п. Но вернемся къ „критической оцѣнкѣ“ историческаго матеріализма, предлагаемой г. Туганъ-Барановскимъ. Прежде всего вниманіе автора останавливается на не разъ уже упоминавшемся въ настоящемъ „обзорѣ“ афоризмѣ „primum vivere, deinde philosophari“. Это, говоритъ Туганъ-Барановскій, дѣлаетъ яснымъ, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, отожествляетъ хозяйство съ производствомъ и обмѣномъ *лишь части* продуктовъ труда, а именно продуктовъ, служащихъ потребностямъ физіологическимъ, что, конечно, несостоятельно. Не существуетъ ни одной общественной потребности, отъ самой низшей до самой высшей, въ удовлетвореніе которой хозяйство не играло бы никакой роли. Играетъ оно ее и при удовлетвореніи потребностей эстетическихъ (архитектура и т. п.), военныхъ (нужны орудія и проч.) и т. п. [2]) Поэтому Марксъ и Энгельсъ были глубоко неправы, ограничивая задачи хозяйства узкимъ кругомъ потребностей въ „непосредственныхъ средствахъ жизни“ и поэтому должно придти къ выводу, что хозяйство занимаетъ *центральное положеніе* въ соціальной жизни. Отъ этого центра идутъ по радіусамъ линіи приложенія возможныхъ видовъ соціальнаго труда. Не должно, конечно, отожествлять всю соціальную жизнь съ хозяйствомъ, ибо радіусы совпадаютъ съ центромъ (то-же говоритъ и Булгаковъ) только въ своемъ отправномъ пунктѣ, а затѣмъ могутъ чрезвычайно удаляться отъ него, отъ чего роль хозяйственнаго труда въ удовлетвореніи соціальныхъ потребностей разнаго рода становится весьма различной—всего большей на почвѣ физіологическихъ и всего меньше на почвѣ духовныхъ потребностей. [3]) Послѣднее замѣчаніе относится въ равной мѣрѣ и къ воззрѣніямъ проф. А. А. Исаева. [4])

Признавая громадное значеніе экономическаго фактора соціальной жизни, доходящаго *временами* до доминирующаго надъ остальными, я не могу признать его постоянной центральности, такъ какъ это уже будетъ не „взаимодѣйствіе“, которое поставилъ Туганъ-Барановскій въ отправной уголъ своихъ воззрѣній, а „подчиненіе“. О какихъ либо „радіусахъ“, скрещивающихся въ общемъ центрѣ, въ соціальной жизни рѣчи быть не можетъ, какъ вообще о графическомъ ея изображеніи: здѣсь, если угодны метафоры, можно говорить о самыхъ разнообразныхъ линіяхъ, то зависящихъ одна отъ другой, то параллельно бѣгущихъ, то взаимно перекрещивающихся, переплетающихся и т. п. Нѣтъ, нѣтъ: жизнь соціальная сложнѣе, нежели та мѣрка, которою думаютъ подмѣнить прямолинѣйность соціальнаго матеріализма, оставаясь при этомъ въ сущности также „экономическими матеріалистами“, только менѣе систематичными и послѣдовательными, въ виду желанья преклониться предъ новой и властной волной жизни, держась въ то-же время за старыя теченія.

Какъ будто не замѣчая такого „средостѣнія“, г. Туганъ-Барановскій, въ общемъ весьма глубокій мыслитель и знатокъ дѣла, гово-

---

[1]) Слонимскій, op. cit. стр. 9. Ср. затѣмъ критику цѣнности на стр 22—23 и др., напр. 89.

[2]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 322.—325.

[3]) Туганъ-Барановскій, стр. 324—328.

[4]) A. Issaieff, Socialpolitische Essais, Stuttgart 1902.

ритъ: „отношеніе хозяйства къ другимъ моментамъ соціальной жизни нельзя разсматривать какъ простое отношеніе причины къ дѣйствію. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ *несомнѣнное взаимодѣйствіе*, въ которомъ причина становится слѣдствіемъ, а слѣдствіе причиной". [1]) Хорошо взаимодѣйствіе между „центромъ", и „радіусами" или даже (новая фигура автора) лѣстницы съ низшими и высшими ступенями!

Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ ученію о „классахъ". Современное общество, говоритъ онъ, слагается изъ классовъ—общественныхъ группъ, глубоко различающихся по своимъ экономическимъ интересамъ и по своему экономическому благосостоянію. Экономическія различія должны сопровождаться и дѣйствительно сопровождаются различіями образованія, мнѣній, нравовъ, вѣрованій, вообще всего облика даннаго класса. Бѣдные классы являются и наиболѣе невѣжественными, но не потому они бѣдны, что невѣжественны, а наоборотъ—невѣжественны потому, что бѣдны. Чрезмѣрно продожительный рабочій день есть желѣзная стѣна, отрѣзывающая рабочаго отъ цивилизаціи. Классовая борьба особенно обостряется при капиталистическомъ строѣ общества и становится лозунгомъ рабочаго класса. Никогда до того борьба не имѣла такого обнаженнаго экономическаго характера. [2])

Но капиталистическая организація хозяйства, заключая въ себѣ условія, благопріятствующія обостренію экономической, классовой борьбѣ, въ то же время ведетъ къ поднятію производительности общественнаго труда и поэтому имѣетъ тенденцію ослаблять въ жизни человѣка значеніе чисто экономическихъ моментовъ. Чѣмъ полнѣе удовлетворяются потребности въ средствахъ къ жизни, тѣмъ менѣе роковой характеръ получаетъ конфликтъ экономическихъ и неэкономическихъ интересовъ. Потребности духовнаго порядка, хотя и менѣе настоятельныя, все болѣе и болѣе и глубже и глубже начинаютъ захватывать душу. Эта тенденція къ паденію господствующей роли хозяйственнаго момента оказываетъ и теперь уже свое дѣйствіе. Капитализмъ не вѣченъ, и въ нѣдрахъ его происходитъ многозначительная эволюція, направленная въ сторону смягченія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе острыхъ классовыхъ противоположностей. Образуется кромѣ того новый классъ интеллигентныхъ работниковъ, не принадлежащій цѣликомъ ни къ капиталистическому, ни къ рабочему классу и образующій, по замѣчанію Каутскаго, общественную группу, легко склоняющуюся къ тому, чтобы возвыситься надъ классовою и сословною ограниченностью, чтобы проникнуться идеалистическими порывами и явиться выразителями не временныхъ и обособленныхъ интересовъ, а постоянныхъ интересовъ всего общества въ его совокупности. Вліяніе этого класса должно ослаблять грубость и рѣзкость классовой борьбы. [3])

Хотя г. Туганъ-Барановскій значительно ушелъ отъ идеи „классовой борьбы", свойственной чистымъ марксистамъ, а таже и тѣмъ изъ нихъ, кто соединяетъ эту идею съ идеей борьбы біологической,

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 328.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 329—333.
[3]) Туганъ-Барановскій, стр. 333—334.

хотя, далѣе, Туганъ-Барановскій выгодно также отличается отъ соотвѣтственныхъ взглядовъ Парето, но и онъ не обходится отъ промаховъ мысли, истекающихъ, повидимому, изъ простого недосмотра. Въ самомъ дѣлѣ и онъ въ основу своего взгляда кладетъ экономическое понятіе класса и примѣняетъ величину чисто экономическаго характера къ явленію болѣе обширному, а именно соціальному, являющемуся не только экономическимъ, а еще и политическимъ, правовымъ, моральнымъ, національнымъ (въ данное время) и т. п. Экономическое понятіе класса несомнѣнно существуетъ, существуетъ и борьба, но „классовая борьба“ не является „борьбой классовъ“, т. е. борьбой соціально-политической. Въ этой борьбѣ „классы“ не дѣйствуютъ, какъ цѣльныя силы, ибо въ средѣ каждаго класса нѣтъ внутренней солидарности, требующейся для соціальной борьбы; здѣсь нѣтъ партіи, которая бы совпадала съ экономически—обособленной группой. Если, напримѣръ Бауеръ, [1]) и поддерживаетъ „расчлененіе“ общества на классы, то во всякомъ случаѣ онъ болѣе обращаетъ вниманія на соціальное значеніе классовъ, нежели на ихъ исключительно экономическій характеръ. Впрочемъ, наука мало можетъ выиграть отъ того способа изученія общества (по классамъ), которое рекомендуетъ авторъ. Частныя замѣчанія автора гораздо болѣе глубоки и цѣнны, нежели его общая доктрина.

Я уже выше имѣлъ случай указать на соотвѣтствующіе взгляды Уеббовъ, Прокоповича, Бернштейна и Парето. Здѣсь отмѣчу, что Бернштейнъ недавно, въ своей статьѣ „Классовая борьба, какъ догматъ и дѣйствительность“, составляющей отвѣтъ на статью Каутскаго („Бернштеннъ о теоріи стоимости и о классахъ“ Neue Zeit 1898—1899), доказываетъ, что дѣйствительность совершенно не отвѣчаетъ догмату. Онъ также отмѣчаетъ и то, что и для Каутскаго очевидно, что въ условіяхъ существованія рабочихъ имѣются различія. Бернштейнъ же, по моему, вполнѣ доказалъ, что, впрочемъ, извѣстно было и такъ всѣмъ, кто близко видѣлъ жизнь рабочихъ, которую имѣютъ полную возможность наблюдать люди, живущіе въ центрѣ фабричныхъ, заводскихъ и вообще крупныхъ промышленныхъ районовъ,—что современные рабочіе не представляютъ однородной не связанной семьей, ни собетвенностью, массы и что, наоборотъ, здѣсь существуетъ цѣлая іерархія дифференцированныхъ группъ рабочихъ, между которыми чувство солидарности весьма умѣренно. [2])

Стоитъ, затѣмъ, вспомнить о крупныхъ столкновеніяхъ въ Америкѣ „своихъ“ рабочихъ съ „кули“, французскихъ рабочихъ на югѣ Франціи съ италіянскими, нашихъ—съ бельгійскими рабочими на югѣ Россіи, столкновеній, происшедшихъ не на почвѣ національныхъ мотивовъ, а исключительно экономической вражды, чтобы понять цѣну „соціально-политическаго“ класса рабочихъ. Экономическій

[1]) Arthur Bauer. Les classes sociales, Analyse de la vie sociale, Paris 1902 A. Bauer—Essai de classification des faits sociaux. Revue Internationale de Sosiologie 1901 № 12.

[2]) Бернштейнъ. Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма, С.-Пеб. 1902 г. стр. 357 и слѣд. Бернштейнъ. Соціальныя проблемы, перев. г. Когана, Москва 1901 г. стр. 201 и слѣд.

классъ совсѣмъ не войско. Поэтому—правда, что хозяйство очень крупный соціальной факторъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ (на голодный желудокъ и идеалы—то въ голову не пойдутъ, а сердце.... чего добраго и озвѣрѣетъ), но невѣрно, что „хозяйство есть та связь, которая соединяетъ въ одно цѣлое внѣшнюю матеріальную среду съ внутренней, соціальной средой". [1])

Но г. Туганъ-Барановскій ослабляетъ нѣсколько значеніе хозяйства, замѣчая, что „господствующая роль его въ общественной жизни имѣетъ тенденціи (слово, котораго не любитъ г. Булгаковъ) падать по мѣрѣ соціальнаго прогресса" и въ этомъ своемъ признаніи видитъ полный разрывъ свой съ соціальнымъ матеріализмомъ. [2]) А затѣмъ онъ выставляетъ на видъ и то, что идетъ на смѣну прежнихъ его воззрѣній: „мѣсто хозяйственнаго момента заступаютъ другіе, не матеріальные, а *идеальные* моменты соціальной жизни, пріобрѣтающіе все большее значеніе *въ качествѣ движущихъ силъ* (вездѣ курсивъ нашъ) общественнаго развитія." [3]) Итакъ, это поворотъ къ идеализму, но, чего нельзя не привѣтствовать, въ этомъ „поворотѣ" авторъ обходится безъ помощи метафизики, которая, какъ я указалъ выше, не нужна. Правда, нашъ авторъ все еще придерживается того, что соціальный матеріализмъ—истина, но называетъ онъ его „неполной истиной", [4]) не замѣчая того, что истина неполная уже и не—истина, а истина, которая въ то-же время забываетъ о справедливости, является „истиной, разорванной пополамъ".

Сказавъ затѣмъ еще, что г. Туганъ-Барановскій относится критически къ знаменитымъ теоріямъ „обнищанія" и „крушенія", но признаетъ вполнѣ правильны ъ прогнозъ Маркса, впрочемъ заимствованный имъ у своихъ предшественниковъ, особенно у Фурье, о концентраціи и централизаціи промышленнаго капитала, и что затѣмъ нашъ авторъ присоединяется къ мнѣнію о томъ, что въ вопросѣ о развитіи земледѣлія прогнозъ Маркса не оправдался, такъ что совершенно правъ былъ г. Слонимскій, когда настаивалъ на томъ, что вся теоретическая концепція марксизма сложилась на почвѣ изученія промышленности, но отнюдь не земледѣлія и, наконецъ, что Туганъ-Барановскій не признаетъ правильнымъ отмѣченное нами выше ученіе Штаммлера о сочетаніи необходимости со свободой, [5]) —я думаю, что этимъ я, сколько было возможно, подробно передалъ „новый курсъ" міровоззрѣнія такого крупнаго мыслителя нашего времени, какъ г. Туганъ-Барановскій, окончательно примыкающій къ тезису о томъ, что „верховнымъ вождемъ въ соціальной борьбѣ является соціальный идеалъ, а не соціальное предвидѣніе". [6]) Насчетъ „предвидѣнія" я сказалъ уже достаточно, а на счетъ „идеала" подчеркиваю отличіе автора отъ Булгакова и Бердяева: г. Туганъ-Барановскій не имѣетъ въ виду идеалъ личности—самоцѣли, ни

[1]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 335
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 338—339.
[3]) Туганъ-Барановскій, стр. 340.
[4]) Туганъ-Барановскій, стр. 342—344.
[5]) Туганъ-Барановскій, стр. 408—431.
[6]) Туганъ-Барановскій, стр. 431.

передъ чѣмѣ инымъ гордо непреклоняющей своей головы, какъ предъ самимъ собой,—онъ имѣетъ въ виду „идеалъ соціальный". Онъ, далѣе, имѣетъ въ виду и нравственный „долгъ" и „борьбу за идеализмъ". [1])

Итакъ, мы и здѣсь видимъ разрывъ съ историческимъ матеріализмомъ, „поворотъ" къ идеализму, указанія на ошибки марксизма и на неудачу прогнозовъ Маркса и Энгельса. Что касается неудачи прогноза въ аграрномъ вопросѣ, то на это я уже указалъ и выше, именно когда ссылался на соотвѣтствующіе взгляды г. Булгакова. Защиту доктрины съ точки зрѣнія испытанія ея справедливости въ приложеніи къ земледѣлію взялъ на себя Каутскій, [2]) а также одинъ изъ наиболѣе глубокихъ умовъ изъ лагеря русскихъ неомарксистовъ, В. Ильинъ, [3]) но послѣдняя книга не ослабляетъ общаго значенія неоспоримыхъ фактовъ живучести мелкаго хозяйства, фактовъ, признаваемыхъ даже для Западней Европы и даже со стороны Каутскаго, какъ не ослабляютъ факта существованія кустарей бокъ о бокъ съ крупными фабриками замѣчанія Ильина о кустарной промышленности. [4]) Что-же касается собственно книги Каутскаго, то, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, она страдаетъ партійной односторонностью, желаніемъ во-что-бы то-ни стало оправдать идею, заранѣе принятую авторомъ. Въ такомъ именно смыслѣ и сдѣланы о ней замѣчанія спеціальною критикой, напр. Полемъ Эрнстомъ (въ „Die Gegenwart" отъ 16 Сент. 1899 г.) и Максомъ Шиппелемъ, [5]) авторомъ весьма сильно написанной книги „Современная бѣдность и современное перенаселеніе", переведенной въ отчетномъ году на русскій языкъ. Шиппель совершенно обосновано указываетъ на наличность прогресса въ экономическихъ условіяхъ жизни вообще и сельско-хозяйственной въ частности, [6]) что, конечно, еще не рѣшаетъ вопроса о неравномѣрности распредѣленія и объ условіяхъ искорененія такихъ аномалій, какъ голодный тифъ и смерть отъ голода, на ряду съ умопомрачительной роскошью. Разрѣшится-ли этотъ вопросъ на почвѣ, указываемой г. Новиковымъ (въ вышецитированной статьѣ „Соціальныя противорѣчія"), заключающейся въ томъ, что не дурно то, что „мы" много тратимъ, а дурно то, что „мы мало производимъ"—рѣшать не берусь, но замѣчу только, что для того, что-бы много производить, нужно имѣть „чѣмъ" и „изъ чего" производить... Что же касается собственно аграрнаго вопроса, то его здѣсь разсматривать не приходится, и я отсылаю интересующихся къ соотвѣтствующей части книги Гертца. [7])

Теоріи имѣютъ также свои „судьбы". Объявленный недавно „кри-

---

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 432—433.

[2]) Каутскій, Аграрный вопросъ, перев съ нѣм. Харьковъ 1899 г. passim.

[3]) В. Ильинъ, Развитіе капитализма въ Россіи, Спб. 1899 г., стр. 3, 30 сл. сл., стр. 114 сл. сл. и др.

[4]) Ильинъ, Экономическіе этюды и статьи, Спб. 1899 г. стр. 113 и сл.

[5]) Ф. Гертцъ, Вопросы аграрной политики. Перев. съ нѣм. Харьковъ 1901 г. Предисл. отъ издателя.

[6]) Шиппель, Современная бѣдность и современное перенаселеніе, Спб. 1902 г. стр. 22—23 и др.

[7]) Гертцъ, Вопросы аграрной политики, Харьк. 1901 г. стр. 112 и слѣд.

зисъ марксизма", столь сурово встрѣченный въ лагерѣ сторонниковъ доктрины, становится все болѣе и болѣе общимъ лозунгомъ. Г. Туганъ-Барановскій говоритъ, что „застывшая догма марксизма" начинаетъ уступать „напору жизни". „Величественное теоретическое зданіе, воздвигнутое Марксомъ, даетъ одну трещину за другой, обваливается и если пока держится, то лишь потому, что еще не созрѣла новая соціальная система, долженствующая замѣнить ветшающій марксизмъ. Но уже ясно общее направленіе соціальной мысли ближайшаго будущаго (а вѣдь это „предвидѣніе", г. Туганъ-Барановскій!). Гармоническое соединеніе, въ единой стройной концепціи, соціальной практики съ соціальной теоріей (къ чему г. Слонимскій [1]) относится крайне отрицательно), практическаго идеализма съ теоретическимъ идеализмомъ—вотъ великая задача, которая поставлена временемъ. По своимъ философскимъ предпосылкамъ новая доктрина *должна явиться прямой противоположностью соціальному матеріализму* (вотъ даже какъ!)... Но марксизмъ, если сойдетъ со сцены, то лишь для того, чтобы войти въ составъ новыхъ ученій, которыя воспользуются неумирающими элементами марксизма, чтобы сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ на пути къ рѣшенію великихъ соціальныхъ проблемъ нашего времени, не рѣшенныхъ закончившимся XIX вѣкомъ и оставленныхъ имъ въ наслѣдіе начинающемуся столѣтію". [2])

Не знаю, заговоритъ-ли теперь г. Санинъ о „полѣ, усѣянномъ мертвыми костьми", объявитъ-ли г. Струве urbi et orbi о томъ, что марксизмъ волею его сторонниковъ помре и т. п., какъ это дѣлалось, безъ всякаго, однако, основанія, по отношенію къ русской субъективной школѣ, но знаю, что многое изъ того, что говоритъ г. Туганъ-Барановскій, говорили и представители означенной школы. Многое изъ этого они-бы сказали и теперь, но..... какой тогда поднялся-бъ шумъ!

[1]) Слонимскій, Научныя иллюзіи. Вѣстникъ Евр 1903, № 2, стр. 768—769.
[2]) Туганъ-Барановскій, op. cit. стр. 434.

Часть III-я.

Отдѣльные вопросы соціологіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ послѣдніе годы Международный Институтъ Соціологіи сталъ публиковать не только работы, доложенныя во время съѣздовъ („Annales“. Ихъ вышло до сихъ поръ восемь томовъ) и пренія, вызванныя докладами, но и отчеты о засѣданіяхъ института, вслѣдствіе чего читатель получаетъ возможность знакомиться съ обсуждавшимися предметами и всѣми преніями участниковъ института по каждому отдѣльному вопросу. Въ 1902 г. произведенъ пересмотръ вопроса о значеніи отдѣльныхъ факторовъ соціальнаго развитія. Съ краткаго изложенія докладовъ и преній по этимъ вопросамъ я и начну третью часть своего обзора. Долженъ, однако, сдѣлать ранѣе небольшую библіографическую справку. Первымъ обсуждалось соціологическое значеніе фактора „населеніе“. Докладчикъ, г. Морисъ Ле-Гуи, изложилъ въ засѣданіи института взгляды на этотъ предметъ Адольфа Коста. Послѣдній до 1899 г. былъ извѣстенъ болѣе какъ экономистъ и статистикъ, ярый сторонникъ позитивизма. Въ 1899 г. появился трудъ Коста „Основанія объективной соціологіи“, составляющій крупный вкладъ въ интересующую насъ науку. Считая соціологію наукой явленій и полагая, что такая именно наука можетъ быть весьма полезной для провѣрки наукъ объ идеяхъ, онъ рѣшительно заявляетъ, что основа соціологіи должна быть не психологической и субъективной, а объективной и опытной. [1]) Но тутъ-же съ Костомъ случилось то-же, что случилось и съ другими противниками телеологіи: говоря о томъ, что соціальная наука должна имѣть дѣло только съ фактами, онъ ставитъ вопросъ—„но съ какими?“ И отвѣчаетъ: нѣсомнѣнно съ тѣми, которые являются наиболѣе важными, которые составляютъ условіе нашей соціальной жизни, каковыми является сравнительное изученіе народовъ. [2]) Такимъ наиболѣе важнымъ факторомъ не являются „избранные“ (élite), не историческія личности, ибо—во первыхъ—ихъ мало, а во вторыхъ интеллигентность и общественность—понятія не равнозначущія и даже несовпадающія, [3]) тѣмъ болѣе, что въ обществѣ эти избранные не могутъ считаться чувствилищемъ на манеръ мозга въ индивидуальномъ организмѣ, каковая аналогія не допустима наукой, какъ и все ученіе органицистовъ. [4]) Что-же является соціальнымъ факторомъ? Для этого авторъ прежде всего находитъ нужнымъ, по удаленіи изъ предмета изслѣдованія „идеологіи“, установить множественность законовъ развитія, причемъ находитъ, что соціальные феномены складываются изъ трехъ элементовъ: управленія, вѣрованій и производства, каковые элементы взаимно содѣйствуютъ установленію солидарности. [5]) И вотъ, говоритъ Костъ, каждый изъ этихъ элементовъ развивается не посредствомъ „мисти-

[1]) A. Coste, Les principes d'une Sociologie objective, Paris 1899 p. I sqq.
[2]) A. Coste, op. cit. p. III.
[3]) A. Coste, op. cit. p. 12—23.
[4]) Coste, p. 39 sqq.
[5]) Coste, p. 92—93.

ческой силы идеологіи", а посредствомъ возрастанія соціальныхъ проявленій на почвѣ раздѣленія труда: раздѣленія власти, экономическаго раздѣленія труда. Но какая же сила ведетъ къ только-что изложеннымъ явленіямъ, что составляетъ „соціальный двигатель"? Какъ физикъ не довольствуется описаніемъ скоростей паденія тѣлъ, а даетъ доказательства силы тяготѣнія, какъ двигателя описываемаго явленія, такъ долженъ поступать соціологъ. Такимъ „двигателемъ" является въ соціологіи „населеніе". Цивилизація родилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли, съ особенно благопріятными для того условіями, затѣмъ стала группироваться по городамъ, населеніе коихъ и гуще сельскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе активно. Образованіе крупныхъ центровъ городскаго поселенія знаменуетъ собой и наибольшее развитіе цивилизаціи: гдѣ ихъ не было, тамъ не было и послѣдней. Итакъ, двигатель общественной жизни—это *численное* возростаніе членовъ общества, которое и опредѣляетъ развитіе послѣдняго. Ни великіе люди, ни великія открытія сами по себѣ не имѣютъ значенія, ибо это значило бы признать за случаемъ значеніе господина соціальныхъ явленій. Итакъ, общественная жизнь движется благодаря увеличенію населенія и прогрессивной концентраціи послѣдняго въ большихъ центрахъ.[1]) Подробное обоснованіе мысли автора составляетъ содержаніе всего дальнѣйшаго труда его, какъ и труда послѣдующаго. изданнаго въ 1900 году: „L'Exspérience des peuples et les prévisions qu'elle autorise". Трудъ этотъ составляетъ продолженіе предыдущаго и разсматривается въ немъ вопросъ о характерѣ соціологіи (съ точки зрѣнія автора, отмѣченный выше), о развитіи управленія и производства и значеніи раздѣленія функцій и труда, причемъ отмѣчается особенно важное соціологическое значеніе городовъ [2]) и причемъ, въ концѣ концовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что почва, климатъ, раса не проявляютъ своего дѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не способствуютъ „населенію" сдѣлаться двигателемъ соціальнаго развитія. Лишь въ связи съ ростомъ и централизаціей населенія они получаютъ значеніе. Словомъ, это факторы соціальнаго развитія, тогда какъ населеніе является двигателемъ послѣдняго. [3]) Это доказывается исторически, путемъ сравненія цивилизацій, созданныхъ бѣлыми расами съ цивилизаціями, основанными другими расами. Съ другой стороны для доказательства идеи автора служитъ „могущество государствъ, измѣряемое путемъ сравненія элементовъ ихъ населенія". Въ этомъ отношеніи цифры показываютъ, что густота населенія и наибольшая его централизація (сравнивается населеніе столицъ, большихъ городовъ съ числомъ жителей свыше 50000 и малыхъ городовъ и деревень) даютъ страны съ наивысшей культурой. [4]) Наука, изучающая съ точки зрѣнія цифръ могущество государствъ и степень обществен-

[1]) Coste, p. 95—103. Ср. статистич. данныя о распредѣленіи центровъ поселеній во Франціи на стр. 110. Ср. взгляды на тотъ же предметъ М. Ковалевскаго. См. объ этомъ замѣчанія В. Чернова, Русск. Бог. 1899 г. № $^{9}/_{12}$ стр. 181 и слѣд.

[2]) Coste, L'Expérience des peuples. Paris 1900, livre B. passim, p. 238 sqq., p. 508. sqq. и др.

[3]) Coste, L'Expérience des peuples, p. 588 sqq.

[4]) Coste, op. cit. p. 593.

ности націй называется у Коста „соціометріей“.

Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе Коста. Цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній заставилъ его въ 1901 г. выступить печатно въ защиту отстаиваемой имъ идеи, каковой задачѣ и посвящена статья „Факторъ населеніе въ соціальномъ развитіи“. [1]) Выдѣливъ центральный пунктъ своей доктрины, Костъ отстаиваетъ его съ новой силой и въ то-же время указываетъ, что въ его взглядахъ общаго и отличнаго съ взглядами Огюста Конта, Дарвина, Ферри, Лоріа, Дюркгейма, причемъ, однако, населеніе называется уже не „двигателемъ“ соціальнаго развитія, а факторомъ его, т. е. сводится на то же положеніе, какъ и почва, климатъ и т. п. Авторъ, далѣе, признаетъ, что прогрессъ человѣчества носитъ характеръ психологическій, причемъ считаетъ, что въ этомъ отношеніи правы и Контъ, и Де-Роберти и Тардъ. [2]) Признавая, затѣмъ, значеніе теоріи соціальнаго селекціонизма, авторъ находитъ, что она недостаточео оттѣняетъ, какъ происходитъ подборъ въ населеніи и вновь приходитъ къ заключенію объ исключительномъ значеніи для соціальнаго прогресса возрастанія населенія и особенно населенія городскаго съ централизаціей послѣднаго въ большихъ городахъ, источникахъ культуры.

Въ только-что изложенномъ видѣ теорія Коста дебатировалась въ засѣданіяхъ Международнаго Института Соціологіи, но уже въ отсутствіи автора ея, такъ какъ въ Ноябрѣ 1901 года, слишкомъ рано для своихъ лѣтъ, Костъ умеръ. Въ засѣданіи института 11 Декабря 1901 г. г. Морисъ Ле-Гуи изложилъ вкратцѣ взглядъ Коста „на двигатель соціальной эволюціи“, каковымъ, какъ мы уже знаемъ, является населеніе. [3]) Отмѣтивъ къ докладѣ то, что Костъ считалъ „двигателемъ“ соціальнаго развитія, референтъ указалъ, что Костъ опирался въ развитіи своего взгляда на ученія другихъ авторовъ, но что, въ то время какъ для Адама Смита и Огюста Конта населеніе играетъ въ развитіи общества роль, хотя и важную но акцессорную, у Коста оно имѣетъ значеніе главнаго двигателя соціальнаго прогресса. Такъ, Адамъ Смитъ считаетъ основнымъ принципомъ соціальнаго прогресса раздѣленіе труда. Но послѣднее имѣетъ значеніе только въ связи съ возможностью обмѣна, а эта возможность обусловливается развитіемъ городскихъ поселеній. Такимъ же образомъ и Контъ, выдвигая значеніе населенія, имѣлъ въ виду, (въ своей доктринѣ хода развитія по тремъ фазамъ—теологической, метафизической и позитивной) направленіе соціальнаго движенія и совсѣмъ не показалъ, что является двигателемъ развитія. Значительно большую роль играетъ населеніе въ трудахъ Дарвина, Ферри, Лоріа и Дюркгейма. [4]) Ученіе Дарвина сводится къ теоріи борьбы за существованіе и приспособленія путемъ естественнаго отбора и наслѣд-

[1]) Coste, Le facteur Population dans l'évolution sociale, Revue Intern. de Sociologie 1901 № 8—9.

[2]) Coste, Le facteur Population, p 581.

[3]) Société de Sociologie de Paris Revue Int de Sociol. 1902, № 1, p. 55 sqq.

[4]) Подробно объ этомъ см. у Коста въ статьѣ „Le facteur population dans l'évolution sociale“—Revue International de Sociologie, 1901 № 8—9. Книга Дюркгейма вышла въ 1902 г. вторымъ изданіемъ.

ственной передачи пріобрѣтенныхъ признаковъ. Отсюда Дарвинъ дѣлаетъ выводъ, что увеличеніе населенія и измѣняемость признаковъ опредѣляютъ историческій ходъ человѣчества. Послѣдователи Дарвина видятъ въ увеличеніи населенія серьезный факторъ соціальной эволюціи, первый въ смыслѣ безконечнаго прогресса человѣчества и вторичный въ смыслѣ періодическихъ возвратовъ соціальныхъ феноменовъ (синтезисъ къ тезису). Болѣе всего приближается къ взглядамъ Коста доктрина Дюркгейма (изложенная въ его „Общественномъ раздѣленіи труда“, появившемся въ 1898 г.; есть русскій переводъ). Трудъ этотъ былъ незнакомъ Косту при выходѣ въ свѣтъ его книги „Начала объективной соціологіи“, но впослѣдствіи Костъ призналъ родство своихъ взглядовъ съ идеями Дюркгейма. Но всѣ предшествующія теоріи Костъ считаетъ неполными. Во-первыхъ онѣ не обясняютъ причины возрастанія населенія и во вторыхъ не указываютъ тѣхъ путей, по которымъ это возрастаніе производитъ эволюцію. Что касается перваго вопроса, то, по Косту, дѣло заключается въ необходимости извѣстнаго состоянія соціальной организаціи, безъ которой одно возрастаніе населенія значенія не имѣетъ. Относительно второго вопроса Костъ доказываетъ необходимость извѣстной комбинаціи населенія въ городахъ. Такъ въ Китаѣ и Индіи, странахъ весьма населенныхъ, города представляются лишь конгломератомъ изолированныхъ деревень — и потому эти города не способствуютъ прогрессу. Въ Европѣ, напротивъ, различные элементы населенія взаимно смѣшиваются, и прогрессъ получаетъ активную силу. [1])

Итакъ, дѣло заключается не въ одномъ только увеличеніи населенія и концентраціи его въ городахъ, а еще, и главнымъ образомъ, въ той организаціи, которая допускаетъ и способствуетъ скрещенію разныхъ слоевъ населенія, каковое скрещеніе особенно доступно въ предѣлахъ городскихъ поселеній, гдѣ къ тому-же населеніе и наиболѣе разнообразно. Скрещиваніе должно быть понимаемо не только въ смыслѣ половомъ, въ смыслѣ метисажа, но и въ смыслѣ духовномъ—скрещиванія традицій. Послѣднее въ соціальномъ мірѣ является аналогомъ плодотворности скрещиваній въ мірѣ органическомъ. Въ этомъ мірѣ скрещиваніе ведетъ къ образованію разновидностей, которыя являются наиболѣе приспособленными къ окружающимъ условіямъ и, благодаря этому, устойчивыми и выживающими. Скрещиваніе традицій даетъ человѣчеству и орудіе къ наиболѣе разностороннему приспособленію, что и выражается, между прочимъ, въ спеціализаціи функцій. Такое скрещиваніе производится наиболѣе полно и широко въ городскихъ поселеніяхъ, почему они и являются лабораторіями, въ коихъ вырабатываются скрещенія расъ и умовъ, тѣми очагами, въ которыхъ осуществляются тѣ теченія подражаній, проявленія коихъ описаны Тардомъ. Въ нихъ именно рождаются тѣ изобрѣтенія, изъ коихъ экономисты образуютъ источникъ всякаго прогресса.

На помощь и въ подкрѣпленіе идей Коста приходитъ исторія съ ея фактами и на почвѣ этихъ идей образуется наука соціометрія, [2])

[1]) Revue Int. de Sociologie 1902, № 1, p. 57.

[2]) О соціометріи см. у Коста: Les principes d'une Sociologie objective, p. 106—168.

измѣряющая степень соціальности націй. Мѣриломъ послѣдней служитъ численная величина населенія и концентрація его по городамъ. Таковъ, замѣчаетъ Ле-Гуи, скелетъ системы Коста.

Что факторъ „населеніе“ имѣетъ существенное значеніе, понятно само по себѣ: внѣ этого фактора нѣтъ и общества. Но численность сама по себѣ не играетъ той роли, которую ей приписываетъ Костъ. Достаточно указать на сравнительную (по отношеніи, напримѣръ къ метрополіи или къ другимъ колоніямъ Англіи) малочисленность населенія въ Англійской колоніи въ Ново-Зеландіи. А между тѣмъ на сколько выше прогрессъ общества тамъ, нежели въ метрополіи и другихъ колоніяхъ. Я ссылаюсь на многочисленныя описанія послѣдняго времени тѣхъ порядковъ, которые безъ шуму воцарились въ Новой Зеландіи. Хотя въ послѣднее время встрѣчались и указанія на отрицательныя стороны „новыхъ порядковъ“, [1]) но эти отдѣльныя указанія не ослабляютъ общаго впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать соціальнаго значенія численности населенія страны. Но здѣсь имѣетъ значеніе не численность сама по себѣ, а въ виду, того, что большая численность составляетъ условіе большаго разнообразія элементовъ населенія. Спѣшу оговориться, что подъ разнообразіемъ я разумѣю не классовое или кастовое, а психологическое разнообразіе. Извѣстный антропологъ Л. Крживицкій касается въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ [2]) интересующаго насъ вопроса и излагаетъ свой взглядъ, внѣ знакомства съ трудами Коста (по крайней мѣрѣ онъ ихъ не касается). „По мѣрѣ того, какъ народъ подвигается, говоритъ Крживицкій, по пути культурнаго прогресса, отъ дикости къ варварству, отъ варварства къ цивилизаціи, его духовный обликъ усложняется, т. е. въ народѣ появляются болѣе разнообразные эмоціональные типы и степени напряженія опредѣленной способности. Это вполнѣ понятно. Во-первыхъ, число членовъ въ цивилизованномъ народѣ несравненно больше, чѣмъ въ варварскомъ, а тѣмъ болѣе въ дикомъ племени... *Уже одно громадное число членовъ*, свойственное цивилизованнымъ обществамъ, *служитъ причиной большей ихъ* дифференціаціи... Вмѣстѣ съ развитіемъ количественныхъ размѣровъ данной этнической группы, возрастаетъ и разнообразіе ея психики“. Это зависитъ какъ отъ отклоненій отъ средней нормы, болѣе частыхъ при усиливающемся числѣ индивидовъ нормы, а также отъ закрѣпленія уклоненій въ потомствѣ, комбинирующемъ свойства обоихъ родителей и, наконецъ, отъ усиливающихся раздѣленія труда и конкуренціи.“ [3]) Здѣсь мы не останавливаемся на хорошо извѣстныхъ отрицательныхъ сторонахъ вліянія раздѣленія труда и свободной конкуренціи, ибо, по ходу нашего изложенія, выясненію этихъ сторонъ здѣсь и не мѣсто.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ заключеніе, что ростъ населенія и концентрація всего населенія въ городахъ имѣютъ значе-

---

[1]) См напр. F. Oppenheimer, Das Australische Arbeiterparadies. Zeitschrift für Socialwissenschaft 1902 № 1 S. 29 ff.

[2]) Л. Крживицкій, Психическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Перев. съ польскаго подъ родакціей автора, Спб. 1902 г., стр. 206 и слѣд.

[3]) Крживицкій, op. cit. стр. 207—215. Сравн. Brinton. The Basis of Social Relations. A. Study in Ethnic Psychologie New York 1902.

ніе главнымъ образомъ не со стороны количества населенія самого по себѣ, а со стороны его *качества*. Это соображеніе на столько безспорно, что не удивительно, если въ преніяхъ, послѣдовавшихъ вслѣдъ за докладомъ Ле-Гуи, эта сторона вопроса была выдвинута прежде всего. Но при этомъ, какъ увидимъ, было выдвинуто такое качество „населенія", которое само по себѣ не можетъ претендовать на исключительное вниманіе соціологіи. Это именно вопросъ о расѣ. Первымъ оппонентомъ явился Шарль Лимузенъ. Не отрицая того, что въ изложенной теоріи вѣрно, а именно, что существованіе городовъ, и особенно большихъ городовъ, составляетъ факторъ эволюціи, т. е. цивилизаціи, потомучто въ данномъ случаѣ „эволюція" является синонимомъ „прогресса", [1]) г. Лимузенъ замѣчаетъ, что онъ не является вѣрнымъ дарвинистомъ и что въ природѣ, наряду съ законами, содѣйствующими совершенствованію видовъ, дѣйствуютъ и законы, способствующіе ихъ регрессированію. Законъ эволюціи или прогресса не является объективно-доказаннымъ (ср. приведенные въ первой части настоящаго обзора взгляды А. Яроцкаго) и не проявляется въ столь всеобщей формѣ, какъ это полагаютъ многіе. Такой прогрессъ можетъ быть констатированъ только для *бѣлой расы*. Негры Африки не дали начала для автохтонной цивилизаціи. Всѣ народы, населяющіе этотъ громадный материкъ, находятся въ одномъ и томъ же состояніи въ теченіи вѣковъ. Руины бывшей когда-то цивилизаціи, открытой въ южной Африкѣ, нельзя приписать предкамъ обитающихъ тамъ теперь каффровъ: она внѣшняго происхожденія. Есть основаніе думать, что она должна быть приписана египтянамъ. Съ другой стороны въ Африкѣ видны вліянія мусульманъ и миссіонеровъ, но все это не туземнаго происхожденія. Можно, далѣе, констатировать, что негры, доведенные до извѣстной степени цивилизаціи, регрессируютъ, какъ только ихъ предоставить самимъ себѣ. То-же повторяется и для многихъ другихъ расъ, кромѣ бѣлой, а равнымъ образомъ и для расъ, состоящихъ изъ метисовъ, напримѣръ для малайцевъ. Хотя Китай и Индія проявляютъ черты цивилизаціи, но послѣднія не прогрессируютъ, остановились въ своемъ развитіи. Такъ, индусы, стоящіе выше китайцевъ, не ушли далеко впередъ со временъ Асоки, одного изъ первыхъ буддисткихъ царей, жившаго въ VI вѣкѣ до христіанской эры Несомнѣнно, въ XIX вѣкѣ Индія прогрессировала, но это уже должно быть приписано англичанамъ завоевателямъ страны. Могутъ указать на Японцевъ, какъ народъ дальняго Востока—который обнаружилъ замѣтный прогрессъ въ своей соціальной жизни Но этотъ прогрессъ заимствованъ въ недавнее время въ Европѣ и Америкѣ, благодаря наличности многихъ умовъ, познавшихъ высшій характеръ цивилизаціи и ея пользы для страны. Въ этомъ отношеніи японцы дѣйствительно проявили изумительную пластичность. Но все это не доказываетъ, что японцы могли выработать свою цивилизацію сами по себѣ и что, предоставленные самимъ себѣ, они ее бы сохранили. Пока японцы только превосходные ученики.

Итакъ, говоритъ Лимузенъ, законъ соціальнаго прогресса не яв-

[1]) Revue Intern. de S ciologie 1902, № 1, p. 59.

ляется всеобщимъ; онъ проявляется, въ качествѣ автохтоннаго, лишь въ части странъ, населенныхъ бѣлой расой. Противники теоріи, по которой способность къ цивилизаціи составляетъ вопросъ расы, опираются на фактъ, что разныя европейскія расы цивилизовались не одновременно а однѣ позже другихъ. Возраженіе это не имѣетъ значенія, потомучто различныя европейскія расы не являются *истинными расами*, а только вѣтвями одного и того-же корня, дифференцированными по разнымъ мѣстамъ жительства и сохранившими основныя черты общаго этническаго корня. Различія между отдѣльными европейскими націями не могутъ быть сравнены съ различіями между расами бѣлой, черной, желтой и красной.

Затѣмъ Лимузенъ переходитъ къ вопросу о значеніи концентраціи населенія въ большихъ городахъ. Кое-что въ этомъ вѣрнаго, но не все, говоритъ Лимузенъ При прочихъ равныхъ условіяхъ несомнѣнно, что цивилизація развивается болѣе въ городахъ, нежели по деревнямъ. Доказательствомъ этому служитъ французскій языкъ, въ которомъ слова вѣжливость, понятливость, приличіе (politesse, urbanité, courtoisie) происходятъ отъ словъ городъ, дворъ (въ смыслѣ центра вращенія „придворныхъ“) и т. п. Вліяніе городовъ легко понять: здѣсь отношенія между людьми болѣе частое и болѣе многочисленное. Въ городѣ возможно сближеніе весьма отдаленныхъ элементовъ. Примѣромъ служитъ международное общество соціологовъ, которое возможно было основать въ такомъ громадномъ центрѣ, какъ Парижъ. Но и здѣсь много значитъ личная иниціатива. Въ данномъ случаѣ она должна быть приписана г. Рене Вормсу, постоянному секретарю общества, который открылъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ курсъ соціологіи и который и далъ первый толчекъ къ образованію международнаго общества соціологіи, а также и международнаго соціологическаго института. И вотъ здѣсь то и проявляется соціальное значеніе городовъ: въ нихъ необходимымъ образомъ должно встрѣчаться больше людей иниціативы, чѣмъ въ мѣстахъ небольшихъ поселеній.

Что касается увеличенія раздѣленія труда и спеціализаціи функцій въ большихъ городахъ, то, въ общемъ, тезисъ этотъ совершенно вѣренъ. Итакъ, съ указанныхъ точекъ зрѣнія Костъ совершенно правъ, отстаивая положеніе о громадномъ значеніи для общественнаго прогресса большихъ городовъ, которые онъ считаетъ очагами соціальныхъ двигателей. Но спору подлежитъ, является ли выдвинутый имъ принципъ единственнымъ или даже главнымъ и двигателемъ, или просто факторомъ цивилизаціи, какъ и другіе факторы. Вотъ, напримѣръ, Китай. Здѣсь много большихъ городовъ, съ населеніемъ, принадлежащимъ къ одной и той же расѣ, кастоваго устройства—и между тѣмъ страна не прогрессируетъ. Сила развитія здѣсь остановилась. Итакъ, недостаточно, чтобы населеніе концентрировалось въ большихъ размѣрахъ по городамъ, чтобы этимъ уже проявился „двигатель эволюціи“. Наконецъ, преимущество, съ точки зрѣнія культуры, большихъ городовъ невѣрно и исторически, ибо въ прошломъ мы видимъ незначительные города Греціи, независимые и оказывающіе гораздо большее цивилизаторское вліяніе, нежели,

напримѣръ, громадные центры поселеній Персіи. Италія конца среднихъ вѣковъ и временъ Возрожденія, раздѣленная на маленькія республики или небольшіе сеньораты, обладала и небольшими столицами, которыя были очагами весьма интенсивной культуры. То-же должно быть сказано о небольшихъ университетскихъ городахъ современности.

Итакъ, населеніе и города, будучи факторомъ развитія обществъ, не являются единственными и даже главными факторами. Таковымъ является раса, въ смыслѣ психическомъ. Еще общѣе—главный факторъ прогресса *человѣкъ самъ*. И какъ имѣются различные виды животныхъ, отличныхъ по физическимъ, интеллектуальнымъ и чувственнымъ способностямъ, какъ имѣются различные по способностямъ индивиды въ предѣлахъ одной и той же народности, такъ существуютъ и человѣческія расы, обладающія различными физическими и психическими качествами. Къ числу такихъ качествъ относится и способность къ измѣненію своего соціальнаго состоянія и способность эта кажется принадлежащей исключительно бѣлой расѣ, точнѣе той части ея, которая населяетъ Европу и которая отсюда вышла, чтобы основать новыя цивилизаціи на другихъ материкахъ.

Такимъ образомъ мы видѣли, что само собой напрашивавшееся возраженіе на теорію Коста было сдѣлано на первыхъ же порахъ: видвинутъ моментъ качества населенія. Правильно-ли или неправильно этимъ качествомъ считаютъ расовый признакъ—другое дѣло, и мы ниже коснемся этого вопроса, но здѣсь мы только отмѣчаемъ данное явленіе, какъ стоящее въ связи съ изучаемымъ нами вопросомъ.

Г. Моненъ въ своихъ возраженіяхъ противъ теоріи Коста выдвинулъ соображеніе о томъ, что густота населенія не является необходимымъ показателемъ прогресса. Примѣромъ служитъ Греція и Македонія, причемъ населеніе второй не превышаетъ населенія первой. Населеніе является (собственно густота населенія) не столько двигателемъ цивилизаціи, сколько *результатомъ ея*. Далѣе Костъ въ своемъ соціометрическомъ сопоставленія соціальности различныхъ странъ не принимаетъ во вниманіе колоній и вообще его цифры болѣе имѣютъ значеніе показателя силы общественности, нежели степени цивилизаціи. Съ точки зрѣнія эволюціи прогрессивное значеніе имѣютъ изобрѣтенія и ихъ распространенія. Костъ обращаетъ вниманіе лишь на послѣднее; но нужно чтобы сначала родились зерна, чтобы изобрѣтенія явились, а затѣмъ уже возможно ихъ распространеніе. Затѣмъ, другой оппонентъ, г. Куаку заявилъ, что факторъ „раса“ вовсе не играетъ той роли, которую ей приписалъ г. Лимузенъ. Такъ, напримѣръ, цивилизація Гаити, являясь цивилизаціей черной расы, вполнѣ сравнилась съ культурой бѣлыхъ народовъ Европы и Америки. и если она еще не вполнѣ развилась, то это зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, давящихъ на Гаити. Рене Вормсъ отмѣтилъ, что Костъ исключилъ изъ соціологіи факты, называемые имъ идеологическими, т. е. факты, образующіе индивидуальную духовную величину. Если это имѣть въ виду, то теорія Коста пріемлемѣе, чѣмъ полагаетъ Лимузенъ. Но само собой понятно, что, что-

бы объяснить соціальную жизнь во всей ея цѣлости, слѣдуетъ присоединить къ фактору „населеніе“ другіе факторы, какъ, напримѣръ, факторъ „интереса“ (т. е. экономики), факторъ изобрѣтеніе и т. п. Къ этому мнѣнію присоединился г. Жоржъ Лафаргъ, указавшій еще на значеніе геоографической конфигураціи занимаемой населеніемъ страны (факторъ теллурическій).

Такимъ образомъ пренія по докладу г. Ле-Гуи выдвинули сразу двѣ стороны вопроса—недостаточность количественнаго значенія фактора населенія, необходимость обращенія вниманія на качественный характеръ его (въ данномъ случаѣ неправильно выдвинуто на первый планъ лишь качество расы) и съ другой стороны одновременное дѣйствіе другихъ факторовъ—интереса, изобрѣтеній и почвы. Этимъ самымъ не единственный, а лишь главный, „двигатель“ соціальнаго прогресса низведенъ, какъ и слѣдовало, на степень простого „фактора“ послѣдняго.

Въ слѣдующемъ засѣданіи общества (8 Января 1902 г.; отчетъ помѣщенъ во 2 номерѣ Revue Internationale de Sociologie) дебаты продолжались. Была прочитана записка Арреа (автора интересной книги „Les croyances de demain“), въ которой онъ настаиваетъ на томъ положеніи, что внѣ всякаго сомнѣнія, что, въ послѣднемъ счетѣ, двигателемъ эволюціи является человѣкъ самъ, но что истинно соціальнымъ факторомъ является группа и что съ этой точки зрѣнія густота населенія пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Но она не можетъ служить единственнымъ мѣриломъ цивилизаціи, если не сводить научные пріемы къ опасному машинизму. На томъ, что густота населенія не является двигателемъ цивилизаціи, а ея произведеніемъ, настаивалъ и Габріель Тардъ. [1]) Кромѣ того Костъ не обратилъ вниманія на эмиграцію при избыткѣ населенія. Само по себѣ увеличеніе населенія ведетъ не къ цивилизаціи, а къ обѣднѣнію, къ тому, что соціальное состояніе дѣлается все печальнѣе. Много людей и мало идей—вотъ черты увеличенія населенія самого по себѣ. Затѣмъ г. Фирменъ отмѣтилъ, [2]) что слово двигатель въ отношеніи населенія употреблено неправильно, ибо, дѣйствительно, увеличеніе его составляетъ результатъ цивилизаціи и что поэтому необходимо употреблять терминъ „факторъ“ цивилизаціи. Исторія констатируетъ, что населеніе уменьшается тамъ. гдѣ слишкомъ развиты интеллектуальныя работы. Вотъ первое послѣдствіе, производимое факторомъ „населеніе“. Лалѣе цивилизація, какъ наибольшее развитіе моральныхъ и матерьяльныхъ благъ, не можетъ проявиться въ небольшихъ группахъ (?). Въ разсѣянномъ обществѣ невозможна организація охраны безопасности. Безъ густоты населенія соціальныя связи становятся по необходимости слабыми. Затѣмъ населеніе является экономическимъ факторомъ То-же нужно сказать и о значенія населенія для развитія подражанія, какъ соціальной силы. Раса значенія не имѣетъ, ибо, напримѣръ, египетская раса, происходящая изъ Эѳіопіи, раса черная, а между тѣмъ она дошла до замѣчательныхъ ступеней цивилизаціи Послѣднее положеніе вызвало возраженіе со стороны

[1]) Revue Inrern de Sociologie, 1902 № 2, p 139—141.
[2]) Ibidem p. 141

Шарля Лимузена, которой повсюду видитъ только бѣлую расу въ качествѣ цивилизаторской. Что касается Египта, то основателями его цивилизаціи были не негры и не копты. Барельефы и виды древностей изображаютъ намъ типы древнѣйшихъ насельниковъ Египта. Среди нихъ встрѣчаются, правда, негры—эѳіопы, но это рабы, плѣнники, а не египтяне—цари, воины или жрецы. Послѣдніе три класса изображены всюду—мужчины красными (вѣроятно искусств. цвѣтъ лица), а женщины—совершенно бѣлыми. Съ другой стороны, говоритъ Лимузенъ, если считать, что цивилизація Египта исходитъ изъ Эѳіопіи, современной Абиссиніи, то послѣдняя, не смотря на нѣкоторыя черты, свойственныя расѣ негровъ и обязанныя вѣроятно метисажу, считается вѣтвью бѣлой расы. Къ тому же вопросъ о происхожденіи цивилизаціи Египта въ настоящее время крайне споренъ. Въ книгѣ Рейнаха „Le Mirage Oriental“ изложены мнѣнія послѣдняго времени, среди которыхъ съ большей обоснованностью высказывается взглядъ о европейскомъ происхожденіи цивилизаціи Египта. Въ окончательномъ выводѣ раса является двигателемъ общественнаго развитія и въ смыслѣ общественнаго прогресса такимъ двигателемъ является *бѣлая* раса. Двигатель цивилизаціи коренится въ физіо-психическихъ свойствахъ расы.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о дальнѣйшихъ разъясненіяхъ фактора расы въ засѣданіяхъ международнаго общества соціологіи, изложимъ въ самихъ крайнихъ чертахъ современное положеніе вопроса о соціальномъ значеніи расы. Расовой философіи исторіи, говоритъ Крживицкій, не достаетъ часто основныхъ знаній по антропологіи. „Раса“ является понятіемъ *неопредѣленнымъ* и *неустойчивымъ*, чѣмъ-то среднимъ между „этнической расой“, т. е. культурной единицей, и физической расой. Когда рѣчь касается расовой противоположности двухъ народовъ, надо часто подъ этимъ подразумѣвать культурную противоположность ихъ. [1]) Къ сожалѣнію, и тамъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія въ основательномъ знаніи антропологіи, мы часто встрѣчаемся съ преувеличеніемъ значенія этого фактора, имѣющаго, въ ряду другихъ факторовъ, ограниченное значеніе. Такое значеніе этого фактора, отмѣчено докладомъ г. Де-Роберти на Международномъ Конгрессѣ соціологовъ 1900 г. и преніями, возбужденными докладомъ. [2]). Густавъ Ле-Бонъ, сторонникъ „расовой соціологіи“ (его соціологія, по мѣткому выраженію русскаго критика [3]), является „соціологіей человѣка-звѣря“), признаетъ, что среди цивилизованныхъ народовъ нѣтъ болѣе естественныхъ расъ, но только расы искусственныя, образованныя историческими условіями. [4]) Г. Фуллье замѣчаетъ, что, благодаря смѣшенію расъ и идейному общенію между народами, въ каждой націи можно встрѣтить индивидовъ, которые могли бы въ такой же степени служить представителями какъ своего, такъ и сосѣдняго народа, какъ по физическому,

---

[1]) Крживицкій, op. cit. стр. 196.

[2]) См. Annales de l' Institut Intern. de Sociol. t. VII, Paris 1901.

[3]) Н. Кудринъ. Очерки соврем. франціи, С.-Пеб 1902 г. гл. III (перепеч. изъ Русск. Богатства).

[4]) Le Bon, Lois psychologiques be l'évolution des peuples. Paris 1894, p. 186.

такъ и по моральному типу. [1]) Г. Новиковъ говоритъ слѣдующее по поводу ученія объ исключительномъ значеніи, приписываемомъ расѣ, какъ фактору цивилизаціи. Прежде всего раса, говоритъ онъ, является со значеніемъ физіологическимъ. Раса составляетъ извѣстную совокупность морфологическихъ чертъ. Но какихъ? Здѣсь начинаются неопредѣленность и противорѣчія. Для однихъ все опредѣляется черепнымъ указателемъ (объ этомъ см. ниже), для другихъ опредѣляющее значеніе имѣетъ цвѣтъ кожи, строй волосъ и разныя другія черты, избираемыя вполнѣ произвольно. Ученые до сихъ поръ ищутъ основанія для классификаціи расъ, но почва все еще ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ. Если разсматривать вопросъ съ широкой точки зрѣнія, то раса является аналогомъ животнаго вида, т. е. является, до извѣстной степени, субъективной категоріей нашего познанія, безъ внѣшней реальности. Природа единна. Виды происходятъ одинъ отъ другого посредствомъ медленныхъ дифференціацій. Этимъ объясняется такое различіе въ существующихъ въ наукѣ дѣленіяхъ человѣчества на расы. Нѣкоторые антропологи насчитываютъ, напримѣръ, до 150 различныхъ человѣческихъ расъ. Съ другой стороны спеціалисты утверждаютъ, что различіе по цвѣтамъ кожи не имѣетъ значенія, что все дѣло въ устройствѣ черепа. Такой неустойчивый моментъ не можетъ имѣть того исключительнаго значенія, которое многіе (Новиковъ имѣетъ въ виду Фагэ, Ле-Бона, Аммона, Лапужа и Клоссона) ему придаютъ. [2])

Особеннаго вниманія заслуживаютъ взгляды представителей антропо-соціологіи и мы ниже на нихъ остановимся. Правда, мы не можемъ изложить эти взгляды во всей ихъ подробности, какъ потому, что это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ спеціальную область антропосоціологіи, такъ и потому, что въ разсматриваемомъ году трудовъ представителей этой новой науки не появилось (по крайней мѣрѣ я такихъ не знаю), и были напечатаны лишь замѣчанія критическаго свойства,—но, съ другой стороны, оригинальныя построенія этой школы не могутъ быть игнорируемы. Поэтому мы и коснемся ученія этой школы въ связи съ тѣми критическими замѣчаніями, которыя по поводу нея были въ разсматриваемомъ году сдѣланы. Отчасти въ связи съ только что сказаннымъ, отчасти же въ виду самостоятельнаго значенія книги г. Крживицкаго, я считаю нужнымъ остановить на ней вниманіе читателя, хотя бы на нѣкоторое время. Книга эта вполнѣ того заслуживаетъ.

Занявшись вопросомъ объ этнической психологіи (наука, основанная Лацарусомъ и Штейнталемъ, но поставленная на ненадлежащую почву особаго „національнаго духа“, которой не мало вниманія посвятили Ле-Бонъ, Фуллье, и др.), Крживицкій начинаетъ изслѣдованіе свое съ замѣчанія, что духовныя различія среди человѣчества болѣе разнообразны, чѣмъ физическія. Психическія разновидности выступаютъ какъ самостоятельныя цѣлыя и потому мы вполнѣ справедливо можемъ говорить о *психическихъ расахъ*, какъ

[1]) А. Фуллье, Психологія французскаго народа. Перев. съ фр. Спб. 1899 г стр 7. Сравн. разсужд. на стр. 25 и слѣд.

[2]) Novicow, L'Avenir de la Race blanche. Paris 1897, p. 73—77.

говоримъ о физическихъ. [1]) То-же самое говоритъ и А. Фуллье. [2]) „Каковъ бы ни былъ механизмъ образованія физическихъ разновидностей человѣческаго рода, говоритъ далѣе Кржвицкій, нельзя сомнѣваться, что окружающая *климатическая среда* имѣла значительное вліяніе на ихъ возникновеніе. Всѣ разнообразныя теоріи происхожденія человѣческихъ расъ признаютъ, что климатъ представляетъ собою очень дѣятельный факторъ въ процессѣ возникновенія существующихъ физическихъ расъ". [3]) Только этимъ можно объяснить, что человѣческія расы присобляются къ вліянію климатической среды. Неподатливость негра къ болѣзнямъ, которымъ подвергается блондинъ, перенесенный въ жаркую среду, а также воспріимчивость негра къ легочнымъ болѣзнямъ, лишь только онъ попадаетъ въ умѣренный поясъ—одно изъ доказательствъ вліянія климатической среды. Такимъ же образомъ и цвѣтъ кожи находится въ зависимости отъ этого фактора. „Количественный ростъ пигмента повидимому дѣлаетъ тѣло менѣе проницаемымъ и уменьшаетъ дѣйствіе слишкомъ непріязненнаго вліянія химическихъ лучей на ткани." [4]) Рядъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ, доказываетъ, что человѣкъ въ физіологическомъ отношеніи сжился съ климатической средой и вообще съ матеріальными условіями своего быта... Обжорство или воздержанность въ ѣдѣ, выносливость къ холоду и жару, къ невзгодамъ верховой ѣзды—все это явленія приспособленія".[5])

Расы образуютея на почвѣ анатомической и физіологической формаціи, причемъ это сначала продуктъ самой ранней эпохи антропологической исторіи человѣческаго рода, а затѣмъ продуктъ скрещиваній, изъ коихъ удержались только наиболѣе стойкія, благодаря близости смѣшивающихся расъ и благопріятныхъ внѣшнихъ условій. Но на почвѣ физіологической формаціи появляется у цивилизованныхъ народовъ еще дальнѣйшее звѣно—психическая формація. „Матеріальная среда, *созданная человѣкомъ*, возрастаетъ, произволъ силы природы встрѣчаетъ систематическое сопротивленіе, возникаютъ все болѣе сложныя общественныя отношенія. Непостредственная зависимость человѣческаго существа отъ природы становится все меньше, человѣкомъ все болѣе начинаютъ управлять *общественныя силы*, произведеніе его собственныхъ рукъ. Чтобы прожить въ этой средѣ, имъ же созданной, человѣкъ долженъ обладать опредѣленными духовными качествами.Эта среда преобразовывается съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ климатъ остается тотъ-же, а вмѣстѣ съ этой перемѣной нанаступаетъ измѣненіе въ духовной физіономіи соотвѣтствѣнныхъ вѣтвей человѣческаго рода". [6]) Такимъ образомъ нужно отличать расу физическую отъ психической. Если первая представляетъ категорію, сравнительно стойкую по своей природѣ (антропологія констатируетъ фактъ постоянства физическихъ типовъ въ продолже-

---

[1]) Кржвицкій, I. c. стр. 5.
[2]) Фуллье, Психологія фр. народа, стр. 41 и др.
[3]) Кржвицкій, стр. 9—10.
[4]) Кржвицкій, стр. 13
[5]) Кржвицкій, стр 17.
[6]) Кржвицкій, стр. 19—20.

ніе всей нынѣшней геологической эпохи, доказательствомъ чему служатъ и остеологическіе признаки и художественные памятники древнихъ цивилизацій), то нельзя того же сказать о духовныхъ свойствахъ народовъ. Матерьяльныя условія быта, а именно источники пропитанія и качество съѣстныхъ припасовъ, а еще болѣе общественныя отношенія, вліяющія на психику народа, подлежатъ безпрестанной и очень рѣзкой эволюціи. [1]) Подъ вліяніемъ подбора, производимаго общественной средой, мускулы становятся болѣе или менѣе сильны, измѣняются, пожалуй, ростъ, размѣры рукъ, величина мозга. Но не смотря на все, негръ остается негромъ.... Не затрачивая антропологическихъ чертъ, эволюція матеріальныхъ условій дѣйствуетъ глубоко на духовную физіономію группы, среди которой она происходитъ. [2]) Какъ не вспомнить здѣсь цифръ, приводимыхъ совсѣмъ не партійнымъ писателемъ, г. Дементьевымъ! Вѣсъ, размѣръ груди, ростъ—все измѣняется подъ вліяніемъ условій фабричнаго труда и притомъ измѣняется различно въ текстильныхъ и не-текстильныхъ производствахъ. [3])

Но обратимся снова къ разсужденіямъ г. Крживицкаго. „Подъ вліяніемъ совокупности факторовъ правовыхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, экономическихъ, темпераментъ и наклонности преобразовываются въ направленіи, указанномъ общественнымъ строемъ. Данная группа пріобрѣтаетъ духовныя свойства, находящіяся въ гармоніи со всей сферой общественныхъ отношеній ... Такимъ образомъ *возникаетъ* психическая раса". [4]) Подъ вліяніемъ этого физическая раса распадается на различныя обособленныя психическія группы. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, психическія расы представляютъ продуктъ духовной дифференціаціи, происходящей на почвѣ анатомическо-физической общности и сходства. Впрочемъ, сюда еще присоединяется историческое прошлое. „Хотя данное племя оставило прежніе источники пропитанія, напр. вмѣсто пастушества начало заниматься земледѣліемъ, все-таки послѣдствія прежняго образа жизни не исчезаютъ окончательно изъ человѣческой природы. Напротивъ, нѣчто остается и входитъ, какъ основной элементъ, въ составъ дальнѣйшей племенной психики. Такое же наслѣдіе оставляютъ и учрежденія прежнихъ временъ и вообще общественныя отношенія, а также историческое прошлое народа, его бѣдствія и удачи". [5]) Мысль автора вполнѣ понятна и вѣрна. За доказательствами недалеко ходить: стоитъ оцѣнить значеніе монгольскаго ига или крѣпостничества для психики разныхъ слоевъ русскаго народа.

Но на ряду съ психическими свойствами, находящимися въ зависимости отъ соціальной среды, существуютъ и черты нейтральныя. Такъ, поэтическія и артистическія способности, музыкальный

---

[1]) Крживицкій, стр. 23—24.

[2]) Крживицкій, стр 24.

[3]) Дементьевъ Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва 1897 г, гл. IV. См. таблицы на стр. 211, 217, 219, 222, 223, 229, 231 и др.

[4]) Крживицкій, стр. 24—25.

[5]) Крживицкій, стр. 26—27.

слухъ, метафизическое воображеніе—не находятся въ зависимости отъ природы, источниковъ существованія, формъ общежитія и даже степени культуры (положеніе это весьма спорное). Такъ, знатоки восхищаются „простымъ артизмомъ“ европейскихъ кочевниковъ ледниковой эпохи; сюда же относится примѣръ скульптурныхъ способностей папуасовъ и отсутствія артистическихъ тонкостей (съ европейской точки зрѣнія?) у цивилизованныхъ китайцевъ. Родственныя этническія группы могутъ отличаться своими духовными особенностями, напримѣръ музыкальными способностями. Крживицкій ссылается на недостатокъ музыкальности у гуцулловъ и на удовлетворительную гармонію хоровъ у родственныхъ имъ лемковъ, венгерскихъ русиновъ и у полонянцевъ. [1])

Затѣмъ Крживицкій останавливается на вопросѣ объ индивидуальныхъ отклоненіяхъ отъ характера этнической группы и замѣчаетъ, что эти отклоненія у цивилизованныхъ народовъ, состоящихъ иногда изъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ членовъ, проявляясь спорадически, не производятъ осязательнаго вліянія на духовную эволюцію народа. Напротивъ, у австралійскаго племени, которое въ самомъ лучшемъ случаѣ состоитъ изъ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, иногда даже нѣсколькихъ сотенъ, всякое индивидуальное отклоненіе сильно вліяетъ. [2]) Поэтому дифференціаціи физическихъ расъ прекрасно обрисовываются на нижнихъ ступеняхъ культуры, когда этническая группа еще немногочисленна, обыкновенно замкнута въ себѣ и когда, кромѣ того, простота общественнаго строя не создала еще духовной дифференціаціи, проистекающей изъ раздѣленія труда и передачи общественныхъ функцій спеціальнымъ сословіямъ. [3])

Психическая раса, разсуждаетъ далѣе авторъ, представляетъ историческую категорію, неустойчивую и легко измѣняющуюся въ сравненіи съ физической расой. Въ первобытную эпоху, вслѣдствіе простоты общественныхъ отношеній и низкаго уровня техники, природа сильно господствуетъ надъ человѣкомъ и его духовнымъ складомъ и, благодаря ея однообразію въ предѣлахъ племенной территоріи, психика племени отличается такимъ же характеромъ. Отдѣльныя особи не отличаются рѣзкими особенностями. Вообще во время дикости и низшаго варварства „психическая раса“ сливается въ одно съ этнической группой. [4]) Вскорѣ мѣстныя группы начинаютъ различаться, по мѣрѣ спеціальнаго разъединенія и отличій въ исторической судьбѣ, но единство группы сохраняется. Затѣмъ технической прогрессъ удаляетъ уже человѣка отъ непосредственнаго воздѣйствія мертвой и органической среды, развитіе же раздѣленія труда вмѣстѣ съ дифференціаціей народа на классы подвергаютъ его давленію разнообразныхъ общественныхъ факторовъ. Каждая группа народа, обособленная по занятіямъ и обязанностямъ, начинаетъ принимать особенную духовную физіономію. Подобное же вліі-

[1]) Крживицкій. стр. 27—28.
[2]) Крживицкій, стр. 28—29.
[3]) Крживицкій, стр. 32.
[4]) Крживицкій, стр. 35—36.

яніе оказываетъ *городская жизнь*, придавая горожанину духовный обликъ съ множествомъ чертъ, отсутствующихъ у деревенскаго жителя. Работа на фабрикахъ создаетъ расу рабочихъ, отличающуюся отъ торгово-городской. Все это особыя психическія расы, расы „общественныя". Сумма этихъ вліяній, слѣдовательно и исчезнованіе мелкихъ мѣстныхъ группъ, и разнообразіе общественной среды, уничтожаютъ психическое единство, свойственное этнической группѣ на низшихъ ступеняхъ культуры. Психическая раса перестаетъ сливаться съ этнической группой. Отсюда исчезновеніе мѣстныхъ чертъ и нивеллированіе психическихъ физіономій народовъ. Фуллье замѣчаетъ, что подъ вліяніемъ современнаго развитія, каждый французъ становится менѣе похожъ на остальныхъ своихъ земляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напр. ближе къ англичанину, чѣмъ его предки. [1]) Конечно, это относится только къ промышленно-городской средѣ. Профессіональный типъ поглощаетъ психическія мѣстныя расы. Тѣмъ не менѣе духовная общность народа остается и особенно проявляется въ дѣйствіяхъ толпы: поведеніе толпы, состоящей изъ итальянцевъ будетъ различно, нежели поведеніе толпы, состоящей изъ голландцевъ. [2]) Нужно замѣтить, что въ толпѣ обнаруживаются не только врожденные элементы національнаго духа, но выступаютъ также черты, свойственныя обычной культурѣ народа и воспринятыя каждымъ членомъ изъ окружающей среды съ первыхъ же шаговъ его жизни. [3])

Психическая раса не отличается однообразіемъ, какъ нельзя признать и тезиса объ устойчивости національныхъ типовъ въ продолженіе исторіи (Крживицкій, стр. 51—59). Что же касается вопроса о духовной наслѣдственности, на которой такое постоянство можетъ покоиться, то Крживицкій совершенно основательно замѣчаетъ, что этотъ вопросъ еще очень мало обработанъ. [4]) Что касается способа физическихъ и психическихъ измѣненій, то онъ бываетъ двоякимъ, а именно: трансмутація и подборъ. По мѣрѣ развитія общественнаго строя и побѣды надъ природой подборъ, присущій опредѣленной этнической группѣ, начинаетъ все болѣе происходить подъ непосредственнымъ вліяніемъ *общественныхъ* условій, т. е. соціальной среды. [5]) Такое значеніе имѣютъ общественныя учрежденія, строй семьи, военный подборъ и т. п. Подборъ, какъ факторъ измѣненій, происходящихъ въ эмоціональномъ составѣ народа, дѣйствуетъ быстро и сильно. Въ жизни человѣческихъ обществъ подборъ является самой могущественной пружиной антропологическаго прогресса, какъ физическаго, такъ и психическаго. Когда-же условія складываются неблагопріятнымъ образомъ, подборъ приводитъ данную группу къ быстрому оскуденію и упадку. [6]) Такое, напримѣръ, погубное вліяніе оказалъ подборъ подъ вліяніемъ инквизиціи въ Испаніи: послѣд-

[1]) Крживицкій, стр. 39—40, 47.
[2]) Крживицкій, стр. 48—49.
[3]) Крживицкій, стр. 49—50.
[4]) Крживицкій, стр. 59.
[5]) Крживицкій, стр. 61—63
[6]) Крживицкій, стр. 66.

ній систематически лишалъ испанскій народъ свободомыслящихъ элементовъ по 1000 людей ежегодно въ періодъ времени съ 1471 по 1781 г. Этимъ инквизиція не только понижала умственный уровень испанцевъ, но и истребляла антропологическое богатство будущихъ поколѣній Подборъ, производимый монастырями въ Европѣ и безбрачіемъ католическаго духовенства имѣлъ и имѣетъ также серьезное значеніе.

Итакъ механизмъ перерожденій, происходящихъ въ психикѣ народа, коренится въ подборѣ. Подборъ является регуляторомъ, исключающимъ изъ общества элементы. долженствующіе исчезнуть по той или другой причинѣ. Условія дѣйствія подбора въ первобытную эпоху и въ періодъ цивилизаціи не одинаковы: переходя все болѣе въ рядъ моментовъ среды соціальной, онѣ болѣе доступны регулированію и потому подборъ все болѣе и болѣе становится искуственнымъ. Вслѣдствіе этого „*создавъ* новую, постоянно дѣйствующую среду, можно было бы племенной психикѣ придавать произвольныя черты“ [1]) Это весьма важное положеніе подкрѣпляетъ тезисъ объ активной роли личности въ историческомъ процессѣ, роли, которую до послѣдняго времени марксизмъ либо отрицалъ, либо, какъ это напримѣръ теперь дѣлаетъ г. Туганъ-Барановскій, сводилъ лишь на возможность содѣйствія тому ходу вещей, который является необходимымъ, и необходимость и неизмѣнность коего личность познала.

Изложимъ здѣсь вкратцѣ взгляды г. Крживицкаго на образованіе и классификацію „спеціальныхъ психическихъ расъ“. Послѣднія авторъ разсматриваетъ въ связи съ ихъ географической средой (въ связи съ знаніемъ „географической мезологіи“). Ассимилирующее дѣйствіе среды на представителей различныхъ физическихъ типовъ вполнѣ понятно и составляетъ предметъ подробнаго изученія спеціальной науки—антропологіи (см. труды Топинора, Тейлора, Ранке и др.), а также исторіи культуры (см. напр. Дрепера, Корша и др.). Помимо отличій по странамъ свѣта, здѣсь интересно отмѣтить еще слѣдующія отличія. Во-первыхъ слѣдуетъ выдѣлить „горныя расы“. Жизнь въ горахъ, говоритъ Крживицкій, накладываетъ яркую печать на человѣка. Скотоводство у горцевъ создаетъ два центра труда: семейный и пастушескій, которые вліяютъ на всю общественную организацію. Жизнь въ горахъ вліяетъ даже на тѣлосложеніе жителей, ляжки и икры отличаются крѣпкими мускулами, тѣло ловкостью и упругостью Характерныя особенности горной этнологіи—общественное разнообразіе и изолированность. [2]) Далѣе: всѣ горцы—неисправимые разбойники, грабящіе жителей равнинъ (Крживицкій, стр. 115 Ср. труды М. Ковалевскаго, Шанаева, Пфафа, Сталинскаго, Дубровина и др. о кавказскихъ горцахъ). Далѣе—„въ сельской жизни господствуетъ общинная демократія, значеніе вождей не велико, народная воля выше ихъ повелѣній“; „обычаи предковъ господствуютъ всесильно надъ живымъ поколѣніемъ“; горецъ является въ полномъ значеніи un homme coutumier“. [3]) Отвага, консерватизмъ, пас-

[1]) Крживицкій, стр. 71.
[2]) Крживицкій, стр. 114.
[3]) Крживицкій, стр. 116.

сивность въ виду подчиненія традиціи и т. п.—знакомыя черты горца. Въ эпоху денежнаго хозяйства горецъ превращается въ бережливаго и сдержаннаго дѣльца. [1]) Такимъ же образомъ имѣютъ свои характерныя черты расы степныя и приморскія. [2]) На характеръ народовъ вліяетъ и жизнь по берегамъ рѣкъ, обстоятельство полнѣе всего развитое въ наукѣ Л. И. Мечниковымъ. [3]) Стоитъ вспомнить значеніе разлитій Нила для жизни египтянъ, чтобы понять все значеніе рѣки для народа (см. *Дрепера*, Ист. Цивилизаціи). Характеръ колонизаціи русскихъ славянъ также опредѣляется этимъ факторомъ (Сергѣевичъ, Леонтовичъ и др.). Нѣсколько подробнѣе мы остановимся на расахъ общественныхъ и въ томъ числѣ на городскихъ. „Разбирая психическія расы, возникшія подъ вліяніемъ условій окружающей среды, намъ пришлось, говоритъ Крживицкій, изслѣдовать дѣйствіе, охватывающее цѣлую данную этническую группу, и даже сумму такихъ группъ, живущихъ въ предѣлахъ обособленной, изолированной мезологической территоріи. Отдѣльный народъ выступаетъ тамъ какъ психическая единица, созданная средой, или, вѣрнѣе, какъ совокупность разнообразныхъ элементовъ, соединенныхъ нѣкоторой общностью духа. Это возможно до тѣхъ поръ, пока структура общественнаго строя проста т. е. когда въ ней не дифференцировались профессіи и классы, и вообще группы населенія, находящіяся въ различныхъ общественныхъ условіяхъ. Но коль скоро соціальная дифференціація достигнетъ извѣстнаго развитія въ народѣ, онъ распадается на части, отличающіяся различной психикой". [4])

Прежде всего здѣсь выдѣляется раса *земледѣльческая*. При переходѣ отъ кочевой къ осѣдлой жизни психика человѣка глубоко измѣняется. Природа систематически дрессируетъ земледѣльца: учитъ его терпѣнію, послушанію, пассивности, учитъ тому, чтобы онъ доискивался причины причинъ. [5]) Представители антропосоціологіи (напр. Лапужъ) приписываютъ эти черты земледѣльческой расѣ брахицефаловъ (короткоголовыхъ). Земледѣліе, говоритъ далѣе Крживицкій, пріучаетъ человѣка къ труду съ разсчетомъ на результаты въ будущемъ, дѣлаетъ его терпѣливымъ и послушнымъ, уничтожаетъ воинственность и своеволіе, однимъ словомъ—исполняетъ роль приручителя. Типъ земледѣльца тяжеловѣсный. [6]) Экономическій подборъ *капитализма*, на ряду съ увеличеніемъ интенсивности труда, ведетъ къ новымъ чертамъ, столь хорошо извѣстнымъ по описаніямъ всѣхъ авторовъ, занимавшихся такъ называемымъ соціальнымъ вопросомъ (Уеббы, Ланге, Геркнеръ, Дементьевъ, Туганъ-Барановскій и мног. др.)

Наконецъ, наше вниманіе останавливаютъ на себѣ „городскія расы" Много разъ, говоритъ Крживицкій, подчеркивался отрицательный под-

---

[1]) Крживицкій, стр. 119.
[2]) Крживицкій, стр. 119—127.
[3]) Крживицкій, стр. 127 и слѣд.; Л. Мечниковъ, Цивилизація и великія историческія рѣки. Спб. 1898. г.
[4]) Крживицкій, стр. 143.
[5]) Крживицкій, стр. 145.
[6]) Крживицкій, стр 146.

боръ, совершаемый большими городами среди современныхъ обществъ. Въ XIX вѣкѣ города возрастаютъ очень быстро. Парижъ насчитывалъ въ 1789 г. около 650 тысячъ жителей, въ 1836 г. уже 900, теперь же 3-4 милліона. Въ большой городъ стремятся самые энергичные и болѣе предпріимчивые элементы изъ провинціи. Такъ, все что во Франціи чувствуетъ потребность въ большомъ жизненномъ центрѣ, стремится въ столицу. Съ этой точки зрѣнія можно разсматривать большіе города, какъ насосы, вытягивающіе психическую силу изъ общества. Но, собирая значительное количество людей на небольшомъ пространствѣ, города лишаютъ человѣка естественныхъ условій здороваго органическаго развитія. Жизнь сосредоточивается въ борьбѣ и соревнованіи, въ горячкѣ возбужденія и чрезмѣрномъ употребленіи наркотическихъ средствъ, не смотря на большую слабость организма. Города служатъ центрами „нервнаго вѣка“. Смертность въ городѣ больше, чѣмъ въ деревнѣ, ростъ тѣла ниже, вѣсъ меньше. Увеличивающееся количество самоубійцъ и безумцевъ служитъ тоже доказательствомъ отрицательнаго вліянія городской жизни. Плодовитость уменьшается и еслибы, напримѣръ, уроженцы Парижа вступали въ браки лишь между собой, потомство же продолжало бы оставаться въ стѣнахъ города и размножалось съ тою же скоростью, то населеніе не только не увеличивалось бы, а напротивъ быстро убывало бы, причемъ въ каждомъ поколѣніи рождались бы физически болѣе слабыя дѣти. Городская группа заключаетъ въ себѣ многочисленныхъ intellectuels (cérébreaux). Свойства ея передаются по наслѣдству и укрѣпляются подборомъ. Типомъ городской расы являются евреи, на которыхъ вѣковая среда не преминула оказать свое вліяніе. Сдѣлавшись городской расой, евреи соединили въ себѣ всѣ положительныя и отрицательныя особенности, неразрывныя съ жизнію въ такихъ условіяхъ. Духовныя свойства современнаго еврея—главнымъ образомъ особенности городской расы. Одно изъ этихъ свойствъ—нервность. [1])

Такимъ образомъ на ряду съ отмѣченнымъ выше культурнымъ значеніемъ концентраціи населенія въ большихъ городахъ, мы видимъ, что эта концентрація богата и весьма и весьма серьезными отрицательными чертами. И тѣмъ не менѣе до сихъ поръ находятся ученые, отстаивающіе эвгенизмъ городскаго населенія и рекомендующіе мѣропріятія, направленныя на подборъ, имѣющій цѣлью оградить „чистоту“ расы. Здѣсь я имѣю въ виду „законъ Аммона“, могущій назваться съ равнымъ правомъ „закономъ Лапужа“. Хотя по данному предмету литература отчетнаго года и не обладаетъ замѣтными трудами, но связь этого предмета со всѣмъ предшествующимъ изложеніемъ заставляетъ насъ удѣлить ему нѣкоторое вниманіе.

Еще задолго до основанія новой науки („антропосоціологіи“) во Франціи появился трудъ Гобино о неравенствѣ человѣческихъ расъ („Essai sur l'inégalité des races humaines“, Paris 1853). Основныя положенія труда Гобино сводятся къ тому, что неравенство расъ, изъ скрещенія коихъ происходитъ народъ, является моментомъ, объясня-

[1]) Крживицкій, стр. 151—155.

ющимъ весь ходъ развитія народовъ, что чѣмъ чище основная раса, тѣмъ прочнѣе основы государственной и духовной жизни народа и что, наконецъ, наиболѣе чистой и благородной расой является германская. [1]) Того-же воззрѣнія держались до Гобино также Клеммъ (въ своей извѣстной „Всеобщей исторіи культуры"), Карусъ, Гарвей и Витерсгеймъ. Однако, Гобино принадлежитъ несомнѣнная заслуга, заключающаяся въ построеніи цѣлаго міровоззрѣнія на основѣ неравенства расъ и еще въ томъ, что въ число расовыхъ признаковъ имъ включены духовныя свойства народности. Но при этомъ недостаткомъ Гобино является его рѣзко отрицательное отношеніе къ ученію Дарвина, которое только и могло бы служить научной почвой для обоснованія имъ своихъ взглядовъ. [2]) Можетъ быть этимъ и должно быть объяснено то невниманіе представителей науки (до 1884 г.), которое было оказано труду Гобино. По крайней мѣрѣ Аммонъ отмѣчаетъ, что, за исключеніемъ нѣкотораго вниманія въ Германіи (со стороны Рата де Шрекенштейна), книга Гобино не пользовалась успѣхомъ. Аммонъ думаетъ, что это произошло вслѣдствіе неподготовленности умовъ къ воспріятію ученія Гобино. [3]) Мы полагаемъ, что это невѣрно и что виной этому страшное увлеченіе дарвинизмомъ, начавшееся нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія книги Гобино. Въ 1884 г. вышло второе (посмертное—Гобино умеръ въ 1882 г.) изданіе книги Гобино, оказавшее (по собственному признанію автора) большое вліяніе на Ваше де Лапужа, который съ 1886 г. сталъ печатать въ Revue d'Anthropologie рядъ статей, посвященныхъ развитію идей Гобино, но при этомъ на совершенно новой почвѣ, въ виду принятія новаго основанія для дѣленія человѣчества на расы. Основаніе во Франціи новой науки (антропосоціологіи) относится къ 1887 г., когда въ Revue d'Anthropologie появилась работа Лапужа о депопулизаціи Франціи. Одновременно съ этимъ въ Германіи стали появляться однородные труды Аммона, причемъ взгляды его съ взглядами Лапужа совершенно тождественны. Основы взглядовъ этихъ авторовъ изложены: Лапужемъ въ „Les sélection sociales" (Paris 1896) и „L'Arien, son rôle sociale" (Paris 1899) и Аммономъ въ „Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen" (Jena 1895) и въ „Die naturliche Auslese beim Menschen" (Jena 1893), а также въ краткомъ изложеніи сущности всей науки въ статьѣ „Die Geschichte einer Idee" (Rundschau der Deutschen Zeitung 1896), переведенной на французскій языкъ проф. Муффаномъ (Revue Int. de Sociologie 1898 № 8). Тотъ-же Муффанъ изложилъ ученіе школы (т. е. Аммона и Лапужа и нѣкотор. другихъ, напримѣръ Ливи, Коллиньона, Рипплея и др.) въ отдѣльной статьѣ, составляющей сводку библіографическихъ матерьяловъ по антропосоціологіи къ 1898 году. [4])

[1]) L. Wilser, Gobineau und seine Rassenlehre. Politisch-Anthropologische Revue 1902, № 8, S 593—595.

[2]) Wilser, op. cit. S. 596.

[3]) O. Ammon, Histoire d'une idée. L'Anthroposociologie. Revue Internationale de Sociologie 1898 № 3, p. 150.

[4]) Muffang, L'Antroposociologie въ изданіи Дюркгейма: L'Année Sociologique, Paris 1898 p. 519—533.

Сущность теоріи сводится къ тому, что современные народы Европы не представляютъ чистыхъ расъ, но образовались въ теченіи вѣковъ на почвѣ смѣшеній различныхъ антропологическихъ элементовъ, причемъ рангъ народа, въ смыслѣ его значенія для цивилизаціи, опредѣляется количествомъ преобладанія *арійской* крови въ немъ. Подъ именемъ арійцевъ Лапужъ понимаетъ не ту народность, которую наука выводитъ изъ Азіи, а всѣ народности, обладающія высокимъ ростомъ, голубыми глазами, свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и лица и, что всего важнѣе, такимъ черепнымъ указателемъ, который дѣлаетъ эти народности расой долихоцефаловъ, т. е. длиноголовыхъ. Высокіе длиноголовые блондины съ бѣлой кожей и голубыми глазами—вотъ эвгеническая раса блондиновъ. Раса эта выводится изъ сѣвера Европы и чистѣйшими ея представителями являются шведы. Взглядъ, къ которому присоединяются Ретціусъ, Арбо, Вильзеръ и многіе другіе. [1]) Ширина указателя черепа опредѣляется посредствомъ наибольшей ширины послѣдняго, помноженной на 100 и дѣленной на его наибольшую длину. Результатъ даетъ цифры, варіирующія между 70 и 96. Термины долихоцефалъ и брахицефалъ употребляются то въ абсолютномъ, то въ относительномъ смыслѣ. При ширинѣ указателя ниже 80 и до этой цифры—говорятъ о долихоцефалахъ, отъ 80 до 85—это мезатицефалы, мезоцефалы и свыше 85 брахицефалы. Но терминъ „мезоцефалы“ содержитъ еще долихоидовъ и брахоидовъ, смотря потому, ближе ли цифра къ 80 или къ 85. Кромѣ того существуютъ еще и другія промежуточныя дѣленія. Съ этой точки зрѣнія Лапужъ устанавливаетъ слѣдующія главныя европейскія расы: Homo Europaeus—блондинъ, долихоцефалъ, высокаго роста; Homo Alpinus—брюнетъ, брахицефалъ, низкаго роста; Homo Mediterraneus, включающій разновидности Homo Contractus, Acrogonus—долихоцефалы, брюнеты низкаго роста и т. п. [2]) Количество арійской крови въ различныхъ народахъ не во всѣ эпохи одно и тоже, что зависитъ отъ дѣйствія соціальнаго подбора. Такъ различныя народности Галліи принадлежали къ арійской расѣ и представляли наиболѣе сильное сопротивленіе римлянамъ, пока почти не изсякли послѣднія капли благородной крови, послѣ чего Галлія впала въ состояніе наиболѣе неподвижной и пассивной провинціи Рима. Лишь новыя нашествія арійцевъ (Норманновъ, Франковъ, Вестготовъ) дали Галліи возможность воспрянуть и стать активной. Точно такимъ же образомъ почти всѣ великіе люди исторіи, люди иниціативы, были высокими длиноголовыми блондинами. Аммонъ, раздѣляя взгляды Лапужа, совершенно основательно связываетъ ихъ съ идеями Ничше. [3])

Исторія, говоритъ Лапужъ, показываетъ, что въ Европѣ раса длиноголовыхъ, высокихъ блондиновъ была всегда господствующей. Въ теченіи времени она смѣшалась съ другими расами, брюнетами и короткоголовыми, что понизило достоинство происшедшихъ отъ

---

[1]) См. Вильзера статью въ Politisch-Anthropologische Revue 1902 № 8 p. 597 ff

[2]) Lapouge, Les selections sociales, Paris 1896, p.p. 13—30.

[3]) Ammon, L'histoire d'une idée. Revue Intern. de Sociologie 1898 № 3, p. 150—151.

скрещиваній народностей. Соціальный подборъ дѣйствовалъ неуклонно въ этомъ направленіи и почти уничтожилъ „чистоту“ расы. Съ этой точки зрѣнія *вся исторія* является лишь борьбой расъ и въ этомъ смыслѣ она представляется ничѣмъ инымъ какъ процессомъ біологической эволюціи. [1]) Но слѣдуетъ отличать подборъ естественный отъ соціальнаго. Если первый является чистымъ и способствуетъ развитію „наиболѣе сильнаго и наилучше одареннаго“ (мы уже указали выше, что fittest не значитъ „лучшій“), то соціальный подборъ весьма часто (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ—большею частью) велъ къ торжеству слабой посредственности и къ исчезновенію элементовъ высшихъ, эвгеническихъ. Соціальный подборъ распадается на рядъ частныхъ подборовъ—военный, политической, религіозный и т. д. Военный подборъ въ періоды первобытной жизни народовъ, какъ и теперь у дикарей, ведетъ къ приспособленію наиболѣе сильныхъ. Война была всеобщимъ занятіемъ и требовала соотвѣтственныхъ воспитанія и упражненія; хилые-дѣти и старики даже истреблялись. [2]) Но у народовъ цивилизованныхъ война быстро истребляетъ народы, ей предавшіеся. Европейскія войны за 100 лѣтъ стоили 13.000.000 жителей (а по другимъ исчисленіямъ до 20.000.000). Война не подымаетъ уровень расы и побѣдителя. Каждый годъ воинскіе наборы отзываютъ отъ народовъ лучшіе элементы, способные создать и лучшее поколѣніе, элементы, находящіеся въ цвѣтѣ силъ, и оставляютъ размножаться элементы, наиболѣе хилые, неспособные къ военной службѣ. До завоеванія Галліи она насчитывала до 6 милліоновъ народонаселенія, состоявшаго изъ короткоголовыхъ и длиноголовыхъ. Чуть ли не милліонъ погибъ въ войнахъ съ Цезаремъ и столько же продано въ рабство. Погибали преимущественно энергичные блондины. Такимъ же образомъ въ крестовыхъ походахъ погибали блондины, а когда они гибли, короткоголовые берегли свои силы и побѣждали при помощи пассивнаго выжиданія. [3]) Далѣе военная служба возвращаетъ молодыхъ людей въ гражданскую жизнь, тронутыхъ сифилисомъ и мальтузіанствомъ и приноситъ дегенерацію въ окружающее ихъ населеніе. Съ другой стороны болѣзни и слабость ведутъ къ безплодію.

Подборъ политическій также изъемлетъ изъ жизни наиболѣе предпріимчивый эвгеническій элементъ и ведетъ къ покровительству пассивныхъ брахицефаловъ. Не менѣе пагубенъ подборъ религіозный, примѣромъ коего служатъ ужасы испанской инквизиціи и постоянное разрушительное дѣйствіе безбрачія католическаго духовенства. Часто такую же вредную роль играетъ и подборъ нравственный, поощряющій въ жизни оппортюнистскую посредственность и дающій ей возможность преуспѣвать. Еще важнѣе вліяніе экономическаго подбора, съ особенною силою дѣйствующаго въ городахъ. Послѣдній вопросъ особенно развитъ Аммономъ. Послѣдній воспользовался измѣреніями, произведенными въ нѣкоторыхъ городахъ Великаго Герцогства Баденскаго—при пріемѣ молодыхъ людей на военную службу,

[1]) Muffang, op. cit. p. 522.
[2]) Lapouge, op. cit. p. 210 sqq; Muffang, op. cit. p. 523.
[3]) Ср. Кряживицкаго, op. cit. стр. 165.

а также измѣреніями въ учебныхъ заведеніяхъ. Оказалось, что долихоцефалія, съ показателемъ менѣе 80, встрѣчалась чаще въ городахъ, нежели въ деревняхъ, что брахицефалія, отъ 85 и выше, была въ городахъ весьма рѣдкой, причемъ процентное отношеніе оказалось столь постояннымъ, что Аммонъ нашелъ, что о случайности не можетъ быть рѣчи, какъ равно и объ ошибкѣ въ наблюденіи. Такъ, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ—городѣ было 37,5% долихоцефаліи съ черепнымъ указателемъ ниже 80, а въ Гейдельбергѣ—деревнѣ только 17 %. Въ Карлсруе отношеніе было 33 % къ 13. Наоборотъ, брахицефалія въ Гейдельбергѣ—городѣ выражалось 4 %, а въ Гейдельбергѣ—деревнѣ вь 25 %; въ Карлсруе отношеніе брахицефаліи было 16 къ 32 %. Измѣренія, произведенныя Вильзеромъ въ этихъ городахъ и Маннгеймѣ и Аммономъ въ Лэррахъ дали одни и тѣже результаты. Такимъ образомъ населеніе городовъ оказалось болѣе длиноголовымъ, нежели близь лежащихъ деревень. [1]) Тѣ-же данныя констатировали во Франціи Лапужъ и до него Дюранъ-де-Гро. Оставалось объяснить фактъ большей длиноголовости городскаго населенія. Непосредственное вліяніе города на измѣненіе строенія черепа, конечно, пришлось удалить изъ числа причинъ явленія, тѣмъ болѣе, что измѣренія, произведенныя вь школахъ, показали, что черепной указатель мало измѣняется между 12 и 20 годами, а послѣ того, кромѣ рѣдкихъ исключеній, совершенно не мѣняется.

Послѣднее положеніе не безспорно. Такъ, напримѣръ, существуютъ доказательства того, что черепной указатель увеличивается въ Европѣ съ возрастомъ индивидуума. Въ Тиролѣ, напр.:

черепной указатель	74—80	80—87	87.
на 10 новорожденныхъ	—	50%	37,5%.
„ 156 дѣтей	5,1%	35,3	37,4.
„ 198 взрослыхъ	6,1	19,2	59,4.

„Но въ противоположность этому у бушменовъ и эскимосовъ встрѣчается обратный фактъ: короткоголовость въ дѣтствѣ и длиноголовость у взрослыхъ. Значитъ всѣ заключенія спорны. Съ другой стороны, Вирховъ нашелъ во Фризіи черепа короткоголовые съ лицевымъ характеромъ длиноголовыхъ... Время для заключеній не настало". [2])

Въ замѣчательной книгѣ Георга Ганзена „О трехъ ступеняхъ развитія народонаселенія" отстаивается взглядъ о „теченіяхъ" въ населеніи въ связи съ условіями жизни и въ особенности хозяйства. Тенденція излишка населенія къ большимъ городамъ, привносъ новыхъ слоевъ въ предѣлы города, выживаніе въ послѣднемъ только приспособленныхъ, метисажъ съ туземными жителями и полное сліяніе съ ними пережившихъ, ведущее къ исчезновенію признаковъ, привнесенныхъ извнѣ—таковы главныя черты этихъ теченій. [3]) Всѣ

[1]) Ammon, op. cit. p.p. 152—153; Muffang, op. cit. p. 525 sq.; Кржевицкій, op. cit стр. 171 и слѣд.: Винярскій, Антропо-Соціологія. Научн. Обозр. 1900 г. № 1, стр. 12, 15—16; № 2, стр. 200 и слѣд.

[2]) Винярскій, op. cit. Научн. Обозр. 1900 г. № 1, стр. 6—7.

[3]) G. Hansen, Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen und Altern der Völker nachzuweisen. Munchen 1889, S. 89—145.

эти черты связаны съ ростомъ городовъ, каковой ростъ растворяетъ черты привходящей группы (собственно тѣхъ изъ нея, которые оказываются приспособленными), вслѣдствіе чего послѣдняя переходитъ во вторую группу, послѣ чего послѣдняя, путемъ подбора, нивеллируется, и такимъ образомъ создается третья ступень съ характеромъ городской группы, причемъ среднее состояніе стремится сохранить въ борьбѣ свою устойчивость. [1])

По собственному признанію Аммона [2]) взглядъ Ганзена далъ ему ключъ къ объясненію подмѣченнаго имъ явленія преобладающей долихоцефаліи городскаго населенія. Привлекающая сила городовъ, тяжкія условія жизни перенаселенной провинціи сдѣлали то, что эмиграція изъ деревни въ городъ все увеличивалась. Конечно переселеніе требуетъ подвижности, активности, предпріимчивости и менѣе консервативной привязанности къ мѣсту. Такими характерными чертами обладаютъ блондины—долихоцефалы и поэтому въ переселеніяхъ и принимаютъ участіе главнымъ образомъ они. Затѣмъ болѣе присобляются къ горячкѣ городской жизни также только они, а сравнительно болѣе брахицефальные индивиды либо погибаютъ въ борьбѣ, либо прозябаютъ не давая потомства, либо возвращаются, когда еще возможно, въ деревню;—словомъ долихоцефальность города акцентуируется. Вотъ, въ краткихъ чертахъ, законъ Аммона, который можетъ быть также названъ закономъ Лапужа Аммонъ находитъ, что классовая организація современнаго общества является прекраснымъ орудіемъ въ цѣляхъ поддержанія эвгеническихъ слоевъ, т. е. чистыхъ представителей расы долихоцефаловъ (по Лапужу—что то-же Арійцевъ). Всѣмъ этимъ выводамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ изслѣдованія Клоссона и Колиньона во Франціи, которые установили, напримѣръ, слѣдующую таблицу ширины черепнаго указателя:

	городъ	деревня
Бордо . . .	79,58	81,81.
Ла-Рошель .	81,45	82,37.
По	82,16	84,11.
Байона . . .	80,52	82,46.
Тарбъ . . .	85,06	86,85. [3])

Цѣлый рядъ подобныхъ таблицъ приведенъ въ трудѣ Лапужа, по поводу которыхъ авторъ полагаетъ, что отрицательное отношеніе къ селекціонизму со стороны антропологовъ, и въ томъ числѣ Топинара, должно пасть. [4])

Въ то время какъ Аммонъ считаетъ городской подборъ прогрессивнымъ факторомъ, Лапужъ относится крайне отрицательно къ метиссажу и проповѣдуетъ необходимость мѣропріятій къ охраненію чистоты расы. Урбанизмъ уничтожаетъ эвгенистовъ и остающіеся нѣсколько десятковъ милліоновъ ихъ (по Лапужу 30 милліоновъ) должны быть сохранены путемъ огражденія отъ скрещиванія съ брахицефалами. Въ Америкѣ даже уже образовались общества, стремящіяся къ подобной цѣли.

[1]) Hansen, op. cit. S. 145 ff., S. 166 ff. и др., S. 235 ff.
[2]) Ammon, L'histoire d'une idée, p. 154
[3]) Ammon, op. cit p 163.
[4]) Lapouge. Les sélections sociales, p. 372. См. таблицы на стр. 373—401.

Послѣ всего сказаннаго возвратимся къ тому изложенію данныхъ и выводивъ антропосоціологіи, которое имѣется у Крживицкаго. Лапужъ, говоритъ онъ, исходитъ изъ слѣдующихъ предположеній. 1) Короткоголовый европеецъ въ среднемъ существо пассивное, трудолюбивое, бережливое, предусмотрительное, не совершающее ничего наобумъ и сильно привязанное къ родной землѣ. Онъ способенъ, но рѣдко обнаруживаетъ самостоятельный умъ. Его умственный кругозоръ очень узокъ, но онъ настойчиво преслѣдуетъ свои цѣли. Будучи недовѣрчивымъ, онъ взвѣшиваетъ каждое слово. Онъ человѣкъ традиціи и здраваго разсудка, не довѣряетъ прогрессу и т. п. 2) Длиноголовый блондинъ имѣетъ болѣе значительныя потребности и трудится безпрерывно надъ ихъ удовлетвореніемъ Онъ легче пріобрѣтаетъ, чѣмъ сберегаетъ, и вообще расточителенъ. Будучи предпріимчивъ, онъ рѣшается на все; онъ отваженъ, вступаетъ въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, не разсчитывая на выгоду. Весь земной шаръ его отечество. Прогрессъ для него врожденая страсть и т. д. 3) Метисъ обоихъ этихъ типовъ находится въ неустойчивомъ равновѣсіи. Въ душѣ его инстинкты обѣихъ расъ не дѣйствуютъ одновременно и влекутъ его въ различныя стороны. Результатомъ всего этого является общественное и историческое безплодіе. [1])

Чертами длиноголоваго блондина Лапужъ надѣляетъ Homo Europaeus, какъ арійца, выводя его изъ Скандинавіи и побережья Балтійскаго моря. Поэтому Лапужу приходится отвергнуть все ученіе антропологіи и сравнительнаго языкознанія (въ антропологіи, напримѣръ, Мортилльe). Мортилльe полагаетъ, что арійцы были брахицефалами и происходили изъ Азіи. Это совсѣмъ не подходитъ для Лапужа. Онъ, не приводя прочныхъ доказательствъ, просто отвергаетъ несогласные съ его теоріей взгляды и изъ всѣхъ антропологовъ отдаетъ предпочтеніе Вирхову. [2]) Произвольно сгруппированныя черты психическихъ свойствъ длиноголовныхъ и короткоголовыхъ не останавливаютъ антропосоціологовъ отъ поспѣшныхъ, но рѣшительныхъ выводовъ. Такъ, создавъ гипотетическія черты „длинноголоваго“ арійца и подмѣтивъ, что въ исторіи брали перевѣсъ не столько умственныя способности, сколько активность характера и обиліе иниціативы, Лапужъ находитъ, что нигдѣ люди иниціативы, историческіе піонеры (герои) не встрѣчаются такъ часто, какъ среди длинноголовыхъ блондиновъ. „Homo europaeus, т. е. бѣлолицый и голубоглазый долихоцефалъ, всегда снабжалъ исторію вожаками. Лишь тѣ народы выбились изъ мрака и запечатлѣли свое имя на страницахъ исторіи, среди которыхъ онъ составлялъ значительный процентъ. [3]) При совмѣстной жизня съ короткоголовыми, длинноголовые блондины представляютъ собою активное начало: они вожди, а короткоголовые—армія. Блондины исполняютъ функцію моз а и нервовъ въ общественномъ организмѣ, короткоголовые и метисы играютъ роль мышцъ и костей. [4])

[1]) Крживицкій, op. cit. стр. 163—164.
[2]) Lapouge. L'Aryen et son rôle sociale, Paris 1899, passim.
[3]) Крживицкій, стр. 164.
[4]) Крживицкій, стр. 165.

Топинаръ въ цѣломъ рядѣ трудовъ своихъ поддерживаетъ тезисъ, который онъ такъ сильно отстаивалъ на Московскомъ международномъ конгрессѣ, а именно, что не существуетъ расъ французской, англійской, германской и т. д., но лишь помѣси, съ тѣмъ или другимъ преобладаніемъ чертъ одной какой-либо этнической группы. Что же касается дѣленія расъ по черепнымъ указателямъ и вопроса, основаннаго на этомъ дѣленіи, о будущности расы долихоцефаловъ, то Топинаръ находитъ самую постановку вопроса безсмысленной. И ту и другую мы, говоритъ онъ, встрѣчаемъ повсюду, и на обѣихъ берегахъ Рейна и по обѣ стороны Ламанша, и въ долинахъ и въ горахъ. Черепной указатель самъ по себѣ не характеризуетъ ни одной расы, но тѣ, кто держатся этого дѣленія, видятъ еще дальше. Они имѣютъ въ виду расы сѣверныхъ блондиновъ, относительно долихоцефальныя, съ особыми психологическими чертами (описанными выше), а съ другой стороны—кельтическія расы—относительно брахицефальныя съ иными психологическими чертами. Это дѣленіе одностороннее, какъ и дѣленіе на расы эгоистическія и альтруистическія. Раса не объясняется одной какой-либо чертой, а должна быть понимаема и объясняема съ точки зрѣнія соціальной.

Г. Новиковъ замѣчаетъ, что уже на зарѣ исторіи брахицефалы и долихоцефалы жили совмѣстно на территоріи теперешней Франціи. Уже со временъ неолитической эпохи Европа была населена четырмя различными расами. Три изъ нихъ населяли Англію и еще и теперь тамъ живутъ, такъ что можно встрѣтить дѣтей отъ однихъ родителей, изъ коихъ одно приближается къ типу брахицефала, другое—къ типу длинноголового. Нельзя, говоритъ авторъ, возвести ничего прочнаго на столь подвижной почвѣ. [2]) Нельзя вообще считать расу главнымъ факторомъ цивилизаціи—само понятіе расы весьма непостоянно. [3]) По поводу приверженцевъ подобныхъ теорій Новиковъ иронически замѣчаетъ: въ вопросахъ умственнаго развитія они забываютъ пустяки—только соціальные факторы! [4]) Несомнѣнно, говоритъ Фуллье, что расовые вопросы все болѣе и болѣе отступаютъ на второй планъ, по мѣрѣ роста цивилизаціи, и что одновременно съ этимъ увеличивается значеніе соціальной и исторической среды. [5]) Видѣть въ эволюціи обществъ лишь борьбу расъ среди болѣе или менѣе благопріятной географической обстановки, говоритъ далѣе Фуллье, значитъ—замѣчать только одну сторону вопроса, наиболѣе примитивную, наиболѣе относящуюся къ періоду чисто животной жизни; это значитъ вернуться въ область зоологіи и антропологіи. [6]) Отношеніе Фуллье къ теоріи Лапужа и Аммона—сдержанно ироническое: считая теорію имѣющею научное значеніе, авторъ говоритъ, что ее можно принять, пока не будетъ доказано противное,—какъ принимаютъ лекарство, пока оно помогаетъ. [7])

[1]) P. Topinard. L'Anthropologie et la science sociale, Paris 1900, p. 549 и слѣд.
[2]) Novicow, L'Avenir de la race blanche, p. 74—75.
[3]) Novicow, p. 76.
[4]) Novicow, p. 91.
[5]) Фуллье. Психологія Фр. народа, стр. 29.
[6]) Фуллье, стр. 42.
[7]) Фуллье, стр. 76.

Г. Винярскій, изложивъ дѣленіе расъ, предложенное Лапужемъ, и его защиту европейскаго (гиперборейскаго) происхожденія арійцевъ, говоритъ, что все это остается, впрочемъ, отчасти еще въ области гипотезъ.Если арійцы—длинноголовые, бѣлокурые происходятъ изъ Европы, то откуда пришли короткоголовые брюнеты? Изъ Азіи. Но этому противорѣчатъ археологическія находки, сдѣланныя въ Россіи. Гипотеза Лапужа о томъ, что эта раса произошла путемъ многочисленныхъ скрещиваній, не объясняетъ дѣла, а затемняетъ его. [1]) Какъ проблема о происхожденіи арійцевъ трудна, показываетъ лучше всего замѣчательный трудъ И. Тейлора „Происхожденіе Арійцевъ и доисторическій человѣкъ". Выводя также арійцевъ съ сѣвера, авторъ во всякомъ случаѣ осторожнѣе Лапужа и Ретціуса. Здѣсь мы пока еще находимся въ области гипотезъ, на которыхъ строить выводы практическаго свойства нельзя. Тоже самое говоритъ и г. Винярскій. Относительно длинноголовыхъ и короткоголовыхъ видно лишь одно, что мы въ области гипотезъ, гдѣ нѣтъ ничего вполнѣ надежнаго, и на которыхъ нельзя обосновать догматъ мнимаго превосходства длинноголовыхъ блондиновъ. [2]) Такимъ же образомъ ничего нельзя сказать о совершенствѣ типа „средиземныхъ длинноголовыхъ брюнетовъ" (Homo Mediterraneus), встрѣчающагося по всему побережью Средиземнаго моря, вплоть до Новороссіи (Полтавской губ.), Кавказа и въ Англіи. Далѣе, удачный типъ метиса можетъ представлять высшій біологическій типъ, чѣмъ его составные элементы. Время для заключеній, не настало. Метисажъ даетъ много положительныхъ результатовъ. [3]) Все, что говоритъ Лапужъ объ ужасахъ метисажа неприменимо къ такому прочному типу, какъ часто встрѣчаемый въ Россіи и Польшѣ метисъ—короткоголовый блондинъ. Онъ развивается и процвѣтаетъ. Безплодіе,—легко сказать! Ни Польшѣ, ни Россіи не грозитъ вымираніе населенія. Короткоголовые блондины, русскіе и польскіе, крѣпки и здоровы [4]) Далѣе Винярскій разсматриваетъ уже извѣстное намъ ученіе Аммона и Лапужа о различнаго рода подборахъ и находитъ узкимъ ихъ пониманіе эвгенизма и крайне неправильнымъ различеніе классовъ по признаку антропологическому, тогда какъ классъ есть продуктъ не только естественнаго подбора, но и соціальнаго, экономическаго, основаннаго не на заслугѣ, а на удачѣ, на случайностяхъ наслѣдства и т. п. [5]) То-же самое нужно сказать и о профессіональномъ подборѣ, въ особенности о раздѣленіи населенія на жителей деревни и города. Но созданіе новыхъ поколѣній не дѣло города—это дѣло тѣхъ, которые остаются въ деревняхъ. Въ городахъ создаются гибельныя условія жизни, влекущія за собой истощеніе и вырожденіе. [6]) Окончательное заключеніе автора таково, что безъ сомнѣнія раса играетъ въ соціальной эволюціи громадную роль, но она не есть единственный факторъ ея, ни даже главный. Происходитъ постоянное взаимодѣй-

[1]) Винярскій, op. cit. Н. Обозр. 1900 г. № 1, стр. 5.
[2]) Винярскій, l. c. стр. 5—6.
[3]) Винярскій. стр. 7 и слѣд.
[4]) Винярскій, стр. 9.
[5]) Винярскій, стр. 13—14.
[6]) Винярскій, op. cit. Научн. Об. 1900 г. № 2, стр. 200—201.

сівіе и реакція различныхъ факторовъ другъ на друга, результатомъ чего въ каждую данную минуту является состояніе соціальнаго равновѣсія. Цѣлая серія подобныхъ равновѣсій составляетъ соціальную динамику. Невѣрно, что исторія народовъ сводится къ исторіи его евгенестическихъ элементовъ и что въ судьбѣ народа масса не принимаетъ никакого участія. Неосновательно ставить факторъ—расу на первое мѣсто, какъ и экономическій и всякій другой. Поэтому и всѣ планы антропотехники, приводимые Лапужемъ и состоящіе въ искусственномъ размноженіи длинноголовыхъ блондиновъ съ цѣлью осчастливить человѣчество, могутъ быть разсматриваемы какъ чистѣйшая химера. [1])

Относясь болѣе сочувственно къ научнымъ работамъ Лапужа и Аммона, г. Крживицкій находитъ, однако, что то, что Лапужъ считаетъ результатомъ стихійнаго давленія евгенистовъ-блондиновъ, могло отчасти быть исторической случайностью, [2]) что большая роль, чѣмъ фактору антропологическому, должна быть приписана общественнымъ условіямъ жизни и что вообще результатъ дѣятельности многихъ факторовъ нельзя объяснить исключительно дѣйствіемъ одного изъ нихъ. [3]) Что касается описаннаго выше „закона Аммона“, то многіе факты подорвали предполагаемую простоту расовыхъ отношеній. Такъ, у Лапужа встрѣчаются слѣдующая пропорція между указателемъ ширины черепа пришельцевъ и родного департамента:

Происхожденіе	У ш. ч. пришельцевъ.	У ш. ч. родного департам.
Côtes du Nord	82, 4	83, 6.
Finistère	81, 6	82, 0.
Morbihan	83, 4	82, 1.
Loire	84, 0	83, 8.
Manche	83, 6	83, 1.
Mayenne	83, 0	84, 1.
Sarthe	83, 5	83, 8. [4])

По поводу этой таблицы Лапужъ вводитъ въ свою теорію поправку, принимающую во вниманіе значеніе „общественныхъ“ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ эмигрируютъ далеко не лучшіе и не самые подвижные. Самые пути сообщенія не требуютъ теперь такой смѣлости духа и рѣшительности, какія требовались прежде. Многіе эмигрируютъ изъ подражанія. [5])

Однако, это далеко не единственное исключеніе (въ указанной выше таблицѣ департаменты Морбигана, Луары и Манша дали цифры обратныя закону Аммона) и многія изслѣдованія (Ливи въ Италіи, Олориза въ Испаніи и Беддо въ Англіи) обнаружили факты совершенно противоположные или безразличные. Объ изслѣдованіяхъ Ливи г. Крживицкій говоритъ слѣдующее. „Ливи напечаталъ результатъ своихъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ на 300000 сол-

[1]) Винярскій, op. cit. стр. 213—216. Ср. отзывъ Михайловскаго въ Русск. Богат. 1898 г.

[2]) Крживицкій, стр. 170.

[3]) Крживицкій, стр. 171, 198.

[4]) Крживицкій, стр. 177.

[5]) Крживицкій, стр. 177—178.

датахъ въ 1896 г. Онъ нашелъ, что законъ Аммона подтверждается въ сѣверной Италіи, въ которой населеніе принадлежитъ къ Альпійской расѣ, т. е. короткоголовое. Но совсѣмъ иное замѣчается въ Южной Италіи, гдѣ средиземная раса, т. е. длинноголовые брюнеты, составляютъ главный элементъ народонаселенія. По большей части горожане тамъ болѣе короткоголовые, чѣмъ крестьяне. Это замѣчается и среди учащейся молодежи. [1]) Аммонъ, Лапужъ и Муффанъ объясняютъ это явленіе главнымъ образомъ тѣмъ, что средиземный брюнетъ, хотя и пригоденъ къ городской жизни, но не отличается ни достаточной выдержкой, ни достаточной интеллигенціей для того, чтобы превратить городъ въ центръ культуры и прогресса. Эту роль исполняетъ короткоголовый, находящійся въ данномъ случаѣ въ томъ же положеніи по отношенію къ средиземному типу, въ какомъ находится длинноголовый блондинъ по отношенію къ нему самому. [2]) Это объясненіе, однако, убиваетъ всю теорію о соціальномъ преимуществѣ длинноголовыхъ. Впрочемъ, нужно сказать, что и въ Испаніи нѣкоторыя города (напр. Гренада и Валенція) дали цифры обратныя закону Аммона. Въ Англіи, говоритъ Беддо, нѣтъ никакой замѣтной разницы между жителями города и деревни, а среди высшихъ сословій здѣсь даже больше короткоголовыхъ, нежели долихоцефаловъ. [3]) Объясненіе Аммона о томъ, что факты Беддо не имѣютъ значенія, такъ какъ касаются лишь „нѣсколькихъ десятыхъ“ (разница въ ширинѣ черепнаго указателя лишь въ нѣсколькихъ десятыхъ), крайне недостаточно, ибо и выводы о населеніи Парижа въ сравненіи съ сосѣдними департаментами и другихъ французскихъ городовъ въ сравненіи съ окресностями, а равно и Милана—съ провинціей также основаны на разницахъ въ нѣсколько десятыхъ. [4]) Выводъ Крживицкаго объ основныхъ принципахъ „антропосоціологической школы“ заключается въ томъ, что обобщенія ея идутъ далѣе, чѣмъ это допускается требованіями научнаго метода; школа часто обращается съ фактами небрежно и забываетъ, что общество представляетъ собой нѣчто большее, чѣмъ простое соединеніе особей различнаго типа въ одномъ и томъ же соціальномъ организмѣ. То, что школа приписываетъ одному фактору, является результатомъ многихъ факторовъ. [5])

Однимъ расовымъ характеромъ не объяснить различій въ положеніи такихъ вѣтвей кельтической расы, какъ жители Уельса, Шотландіи и Ирландіи, тѣмъ болѣе, что и среди ирландцевъ соціальная физіономія феніанъ и гомъ-рулеровъ не одинакова. Никакой черепной указатель, ни другой расовый признакъ не объяснитъ самъ по себѣ отличій въ историческихъ судьбахъ трехъ вѣтвей одной и той же этнической группы—великоросовъ, бѣлоросовъ и малоросовъ. Поэтому правъ г. Крживицкій, когда говоритъ, что раса не рѣшаетъ

---

[1]) Крживицкій, стр. 179—180; Ammon, Histoire d'une idée. p. 167 sqq. Muffang, l. c. p. 529.
[2]) Крживицкій, стр. 180—181.
[3]) Крживицкій, стр. 181
[4]) Крживицкій, стр. 181—182.
[5]) Крживицкій, стр. 184—185 и слѣд.

вопроса ни о сущности учрежденій, ни объ ихъ исторической послѣдовательности, но является потенціальнымъ резервуаромъ историческихъ орудій. [1]) Съ развитіемъ цивилизаціи раса все болѣе и болѣе теряетъ динамическое значеніе, уступая мѣсто всей совокупности соціальныхъ условій. Однако, ея значеніе уменьшается, но не исчезаетъ. Особенно сильно ея вліяніе не на сущность, а на темпъ соціальнаго развитія народности. А если такъ, то столь страшная для вейсманиста въ антропологіи,—Лапужа, панмиксія не можетъ имѣть вреднаго вліянія, тѣмъ болѣе, что историческіе факты (вопреки утвержденій Вестермарка) показываютъ устойчивость метисажа, когда онъ не происходитъ между представителями весьма отдаленныхъ расъ, его плодовитость и благотворное вліяніе. Къ тому же идея космополитизма не требуетъ антропологической нивеллировки.

Чтобы не возвращаться болѣе къ теоріямъ антропосоціологіи, замѣтимъ здѣсь, что Вилльямъ Рипплей, раздѣляя ученіе о превосходствѣ высокихъ длиноголовыхъ блондиновъ, считаетъ современныя расы Европы основными и вообще раздѣляетъ многіе выводы Лапужа и Аммона, но при этомъ приписываетъ роль главнаго фактора не расѣ, а физической средѣ, подъ вліяніемъ которой формируется и самая раса. [2]) Сочиненія Аммона (Die Natürliche Auslese beim Menschen. Jena 1893 и Zur Anthropologie der Badener, Jena 1899) подверглись особенно сильной критикѣ со стороны Владислава Гумпловича, [3]) но работа эта спеціальнаго характера и мы ограничиваемся только указаніемъ на нее. Особенное значеніе имѣетъ указаніе автора на крайнюю ненаучность выводовъ, основанныхъ на ничтожномъ количествѣ наблюденій.

II.

Факторы этническій („населенія“) и расовый требуютъ, мы это сознаемъ, болѣе детальнаго изслѣдованія, но это уже выходитъ за предѣлы нашей задачи, которая состоитъ въ томъ, чтобы въ общемъ видѣ представить новѣйшія теченія въ соціологіи и въ частности— какъ эти теченія отразились въ трудахъ 1902 года. Впрочемъ, этихъ факторовъ намъ еще придется коснуться, а пока перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ. Въ февральскомъ засѣданіи Соціологическаго общества въ Парижѣ была доложена работа проф. Франца Шрадера (слѣдуетъ отличать отъ извѣстнаго историка и лингвиста О. Шрадера), въ которой референтъ остановилъ вниманіе общества на серьезномъ значеніи иныхъ факторовъ соціальнаго развитія, кромѣ факторовъ антропологическаго, этническаго и экономическаго. [4]) Докладчикъ остановился подробно на значеніе факторовъ теллуриче-

[1]) Крживицкій, стр. 194.

[2]) W. Rippley, The races of Europe: a sociological study, New-Iork 1899, passim. О трудѣ Рипплея „Ethnic influence in vital statistics“ (1896 г.) см. у Аммона, l. c. стр. 165—166.

[3]) Ladislaus Gumplowicz, Anthropologie und natürliche Auslese. Politisch-Anthropologische Revue 1902, № 2, S 105 ff.

[4]) Revue Internationale de Sociologie 1902 № 3; продолженіе преній въ засѣд. 12 Марта см. въ Revue Int. de Sociolog. 1902 № 4. p. 284 sqq. Сравн. замѣчанія о физической и духовной средѣ проф. Смолла въ „The scope of Sociology, The American Journal of Sociology 1902, September, p. 197 seq.

скаго (земли и ея строенія) и климатологическаго. Значеніе этихъ факторовъ съ особеною силою выдвигается ламаркизмомъ, но не отрицается дарвинизмомъ и всѣми другими антропологическими соціологическими школами. Его касается, какъ мы видѣли выше, и Крживицкій, а особенно настаиваютъ на его значеніи Ратцель и Овелакъ. Я не считаю нужнымъ излагать это ученіе, такъ какъ оно не составляетъ отличительной черты современной соціологіи и такъ какъ то предпочтительное значеніе, которое придается иногда теллурическому фактору, не составляетъ убѣжденія современныхъ ученыхъ. Укажу, впрочемъ, что вопросъ о значеніи почвы для развитія общества подробно развитъ Ратцелемъ въ статьѣ „Le sol, la Société et l'Etat" (L' Année Sociologique, Дюркгейма, III, Paris 1900), въ статьѣ „Земля и населеніе" (Rivista Italina di Sociologia 1898 № 2), а въ статьѣ Эмиля Вормса „Соціологическій теллуризмъ" (Revue Intern. de Sociologie 1899 г. № 11 и 12) читатель найдетъ подробное развитіе основныхъ взглядовъ приверженцевъ даннаго ученія.

Шрадеръ отмѣтилъ также значеніе ряда космическихъ факторовъ —планетарнаго, уранического и вообще космическаго, имѣя въ особенности въ виду значеніе климатовъ. Съ особенною силою Шрадеръ нападаетъ на крайне неосмотрительное отношеніе людей къ климату, выражающееся въ ужасномъ истребленіи лѣсовъ. Онъ находитъ, что мы не только, какъ говоритъ Новиковъ (Les Gaspillages des sociétés modernes, Paris 1894), много тратимъ, но мы даже просто уничтожаемъ источники дальнѣйшаго существованія

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ небольшой, но очень интересной статьѣ отчетнаго года г. Новиковъ настаиваетъ не столько на томъ, что мы много тратимъ (наоборотъ, мы можемъ тратить больше), но что мы *мало производимъ*. Это одна изъ причинъ нищеты. Другая заключается въ томъ, что мы другъ у друга слишкомъ много отнимаемъ. Въ особенности много вредитъ милитаризмъ. [1])

Итакъ, мы видѣли, что соціальное развитіе совершается подъ совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ факторовъ, среди которыхъ выдѣляются мезологическія и космическія условія, факторы этническій, расовый, вліяніе предшествующей исторіи и совокупность факторовъ соціальной среды. Вопросу о соотношеніи расы и физической среды посвященъ интересный докладъ Рауля де-ла-Грассери, заслушанный Парижскимъ соціологическимъ обществомъ въ засѣданіи 9 Апрѣля 1902 г. [2]) Не отрицая вліянія другихъ факторовъ на соціальную жизнь, онъ считаетъ эти два наиболѣе общими и изъ нихъ факторъ расовый главнымъ: онъ является для націй тѣмъ-же, чѣмъ наслѣдственность является для индивида. [3]) Но при этомъ для соціологіи не важно, состоитъ ли данная нація изъ долихо,—мезати—или брахицефаловъ, ибо расы антропологическія почти повсюду, благодаря скрещеніямъ, замѣщены расами соціологическими; отличительнымъ

[1]) Новиковъ, Соціальныя противорѣчія. Вопросы Обществ. Жизни. Одесса 1902 г. № 1, стр. 18 и слѣд.

[2]) Revue Internationale de Sociologie 1902 № 5.

[3]) Ibidem p. 359.

признакомъ коихъ является различіе рѣчи. [1]) Расовыя симпатіи и антипатіи, патріотизмъ и т. п.—все это черты соціологическихъ расъ, имѣющія рѣшительное вліяніе на ходъ развитія того или другого общества. Мы видимъ, что Грассери принимаетъ результатъ за причину, что, впрочемъ, въ исторіи и случается, но не случается, чтобы результатъ сталъ исключительной причиной послѣдующихъ явленій. Послѣ всего сказаннаго выше нѣтъ необходимости подробно останавливаться на разсужденіяхъ докладчика. Пространственно Грассери разсматриваетъ въ качествѣ соціальной мезологіи не только теллурическія условія, но и самую соціальную среду, называя ее факторомъ періантропическимъ. [2]) Послѣдній факторъ является не только въ видѣ вліянія сосуществующихъ людей, ихъ стремленій и учрежденій, но и вліяній предыдущихъ поколѣній, т. е историческихъ традицій и всѣхъ историческихъ судебъ народа. Всѣ эти факторы дѣйствуютъ, взаимно другъ на друга вліяя, но главнымъ все же является факторъ этническій. [3])—Возраженія Рене Вормса, Тарда и другихъ—сводились въ существѣ къ умаленію значенія расоваго фактора и въ общемъ не дали ничего новаго противъ того, что было уже изложено выше. Впрочемъ, укажу, что особенно было отмѣчено, что факторъ населенія важенъ не самъ по себѣ, а лишь потенціально, какъ источникъ иниціативъ, подражаній и противорѣчій. Приэтомъ отмѣчено было также (со стороны Жоржа Попилльо), что человѣкъ измѣняетъ не только соціальную, но отчасти и физическую среду и что это обстоятельство недостаточно отмѣчено при изученіи соотношенія между расовымъ и теллурическимъ факторами.

Въ слѣдующемъ засѣданіи общества (майскомъ) разсмотрѣнъ вопросъ объ „интересѣ“, какъ двигателѣ соціальнаго развитія. [4]) Докладчикомъ явился Жюль Флери. Человѣкъ, говоритъ Флери, по природѣ своей избѣгаетъ зла и стремится къ благу. Двигателемъ въ этомъ направленіи является его интересъ. Послѣдній является великимъ двигателемъ для индивида и въ этомъ интересѣ человѣкъ ищетъ общества себѣ подобныхъ. Соціальная жизнь обязана своимъ происхожденіемъ индивидуальному интересу. Въ обществѣ интересъ ведетъ къ обмѣну, интересу же обязано происхожденіе стремленій къ изобрѣтеніямъ. Такимъ образомъ общество не только зарождается, но и прогрессируетъ на почвѣ индивидуальнаго интереса.

Въ своихъ возраженіяхъ докладчику Артуръ Бауэръ заявилъ, что прежде всего, для правильнаго рѣшенія проблемы, необходимо точно опредѣлить значеніе употребляемыхъ терминовъ. Два термина, употребляемыхъ докладчикомъ, „соціальная эволюція“ и „интересъ“, совершенно имъ не опредѣлены. Что такое соціальная эволюція? Часто говорятъ, что это прогрессъ. Но прогрессъ обозначаетъ поступательное движеніе на пути къ опредѣленной цѣли. Но какой? Здѣсь не высказывается ничего опредѣленнаго, а въ виду различія соціальныхъ классовъ, и не можетъ быть ничего опредѣленнаго: иде-

[1]) Ibidem p. 360.
[2]) Ibidem p. 369.
[3]) Ibidem p 383.
[4]) Revue Intern. de Sociologie 1902 № 6.

алы слишкомъ различны. Когда біологи говорятъ объ эволюціи, они имѣютъ дѣло съ опредѣленнымъ понятіемъ. У соціологовъ этого нѣтъ. [1]) Доказательствомъ ошибочности взглядовъ Бауера служитъ все содержаніе первой части настоящаго труда. Въ частности—классовая мораль не можетъ быть верховнымъ принципомъ прогресса, ибо принципъ этотъ этическій и поэтому абсолютенъ и всеобъемлющъ,

Понятіе интереса неопредѣленно. Если его употребляютъ въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, то подъ одну этикетку подводятъ различнаго рода чувствованія. Если же его употребляютъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. обозначаютъ имъ стремленіе къ жизненнымъ удобствамъ, стремленіе къ богатству, то создаютъ предположеніе, нуждающееся къ провѣркѣ. Къ этому доказательству и сводится вся доктрина марксизма. Оппонентъ разсматриваетъ интересъ съ точки зрѣнія соціальныхъ классовъ и находитъ, что въ классахъ коммерческихъ, промышленныхъ, крестьянъ, рабочихъ и т. п экономическій интересъ является дѣйствительно господствующимъ. Господствующимъ, но не единственнымъ, такъ какъ и здѣсь часто экономическіе стимулы побѣждаются самолюбіемъ, мотивами чести, независимости, властвованія, идеальныхъ удовольствій и любви въ ея многообразныхъ формахъ. [2]) Съ другой стороны существуютъ классы, совершенно не руководствующіеся экономическимъ стимуломъ. Примѣръ въ классѣ политиковъ представляетъ Ришелье. Итакъ, если соціальная жизнь движется подъ вліяніемъ нѣсколькихъ факторовъ.—ихъ нужно строго различать, а не смѣшивать въ одномъ, ничего не опредѣляющемъ терминѣ „интереса“.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ былъ съ особою настойчивостью выдвинутъ тезисъ о соціальномъ значеніи идеологіи, какъ двигателѣ общественнаго развитія, даже объ „утопизмѣ“, какъ двигателѣ, вызывающемъ вѣру и дѣятельность членовъ общества. Словомъ, здѣсь сказалось то-же отношеніе къ исключительному матеріализму, которое уже не разъ было отмѣчено въ нашемъ изложеніи. (См. замѣчанія Лимузена, Гриманелли и др. Revue Internationale de Sociologie 1902 № 6, p.p. 472—478).

Въ слѣдующемъ (іюньскомъ) засѣданіи разсмотрѣнъ былъ факторъ „изобрѣтенія“, какъ двигатель соціальнаго развитія. Докладчикомъ явился Габріель Тардъ. [3]) Теорія Тарда объ изобрѣтеніяхъ хорошо извѣстна читающей публикѣ и потому я изложеніе доклада Тарда опускаю. Замѣчу только, что въ настоящемъ докладѣ авторъ классицифируетъ изобрѣтенія, дѣля ихъ на теоретическія и практическія, на безконечныя (каковы, напр. научныя) и исчерпывающіяся. Изобрѣтеніе всегда окружено лучами подражаній и въ свою очередь составляетъ оригинальную комбинацію подражаній. Далѣе, индивидуальное и соціальное могутъ быть абстрагированы, но не фактически отдѣлены, ибо индивидуальное включаетъ въ себѣ соціальное, а послѣднее содержитъ индивидуальное. Какъ въ индивидѣ многое складывается подъ вліяніемъ факторовъ соціальныхъ, такъ общество

[1]) Revue Intern. de Sociol. 1902 № 6. p. 469.
[2]) Idem стр. 470
[3]) Revue Intern. de Sociol. 1902 № 7, p. 562 sqq.

движется благодаря активной дѣятельности личностей. Конечно, послѣднимъ вносится въ историческій процессъ понятіе случайности, но послѣдняя, не въ качествѣ слѣпой игры, дѣйствительно играетъ громадную роль въ ходѣ развитія общества.

Въ возраженіяхъ противъ доклада Тарда, послѣдовавшихъ лишь въ Ноябрѣ, [1]) Фернанъ Форъ касался лишь частностей вопроса. Такъ, напримѣръ, онъ замѣтилъ, что, если Тардъ находитъ, что индивидуальная иниціатива не сильнѣе другихъ дѣйствующихъ силъ, то она не можетъ считаться уже силою, направляющею эволюцію. Форъ находитъ, что и личный и соціальный факторъ имѣютъ одинаковое значеніе взаимнодѣйствующихъ соціальныхъ силъ, другъ друга обусловливающихъ, безъ всякаго перевѣса одного надъ другимъ. По временамъ, правда, одинъ факторъ выдвигается надъ другямъ, но въ общемъ они дѣйствуютъ взаимно и нельзя считать главнымъ только одинъ изъ нихъ. Изъ возраженій Тарда отмѣтимъ, что иниціатива не всегда принадлежитъ геніямъ и что слѣдуетъ отличать его теорію отъ доктрины великихъ людей, развитой Кузеномъ, Карлейлемъ и др. Вообще точка зрѣнія Тарда приблизилась совершенно къ ученію Михайловскаго о „геройхъ“. Этого не отмѣтилъ г. Тарле въ своей статьѣ, посвященной данной сторонѣ соціологической доктрины Михайловскаго. [2])

Замѣтимъ, что въ отчетномъ году въ Парижскомъ соціологическомъ обществѣ была еще доложена работа проф. Жюстена Дево, въ которой онъ настаиваетъ на необходимости различенія между понятіями „соціальный факторъ“ и „соціальный двигатель“, тогда какъ эти понятія часто смѣшиваются. [3]) Съ этой точки зрѣнія населеніе, въ смыслѣ количественномъ, не является факторомъ прогресса (авторъ употребляетъ понятія прогрессъ и эволюція, какъ синонимы), а лишь условіемъ его. [4]) Факторами прогресса служатъ тенденціи населенія (эгоизмъ и альтруизмъ), т. е. въ окончательномъ выводѣ идеи. Онѣ то и являются двигателями общественнаго развитія.

Вопросу объ основаніи общественности посвящена въ отчетномъ году небольшая статья Артура Эллайна, въ которой онъ, находя, что на первомъ планѣ стоитъ видъ, а индивидъ лишь на второмъ, доказываетъ затѣмъ, что инстинкты, направленные на сохраненіе вида и составляютъ „основу“ соціальной жизни. [5]) Поэтому на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о переживаніи и приспособленіи и практическое приложеніе его въ видѣ воспитанія, которое является „продолженіемъ рожденія“. Индивидъ—въ смыслѣ величины соціальной, является абстракціей. Значеніе имѣютъ лишь между-индивидуальныя отношенія; совокупность послѣднихъ и составляетъ жизнь общества. Всякій индивидъ въ обществѣ является партнеромъ, Socius, Theilne-

---

[1]) Revue Internat. de Sociol. 1902 № 12, p. 909 sqq.

[2]) Е. Тарле, Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи, въ сборникѣ „Литературное Дѣло“ Спб. 1902 г, стр. 34—54.

[3]) Revue Internat. de Sociol. 1902 № 8—9, p. 660 sqq.

[4]) Idem p. 667.

[5]) A. Allin, The Basis of Sociality, The American Journal of Sociology 1902, July p. 76 f.

mer. Закономъ общества, кромѣ взаимоотношеній членовъ его, являются также борьба за существованіе, подчиненная первымъ отношеніямъ. [1]) Изъ совокупности сказанныхъ условій вытекаетъ раздѣленіе труда или дифференціація частей и взаимное содѣйствіе послѣднихъ на почвѣ сохраненія вида. Каждый дѣлаетъ свое дѣло, а въ результатѣ получается дѣло общественное. Благодаря этому общество являетъ не просто черты сосуществованія индивидовъ (Nebeneinander), а органическаго взаимоотношенія ихъ (Miteinander; авторъ вообще питаетъ пристрастіе къ нѣмецкимъ терминамъ). Вся же жизнь общества является борьбой частей въ интересѣ цѣлаго (Kampf der Theile im Interesse des Ganzen). Культура—продуктъ взаимоотношеній спеціализированныхъ частей общества. [2])

Въ небольшой замѣткѣ г. Лахтина удѣляется вниманіе „страданію“, какъ психическому фактору эволюціи. Въ общемъ заключеніе автора таково. Прогрессивная эволюція, путемъ которой происходитъ усложненіе и усовершенствованіе формъ жизни, совершается со всею непреложностью закона Но, хотя прогрессивная эволюція и ведетъ къ будущему, которое быть можетъ, не будетъ знать, что такое зло, въ настоящемъ ея неизбѣжнымъ спутникомъ является страданіе. По своей сущности страданіе есть отвращеніе отъ актовъ, разрушающихъ жизнь; оно неизбѣжно, потомучто предупреждаетъ о близости началъ, губящихъ жизнь и тѣмъ сохраняетъ цѣлость организмовъ. Смутное сознаніе лучшаго грядущаго, которое должно будетъ освѣтить и оправдать всѣ жертвы въ настоящемъ, можно прослѣдить въ большинствѣ религіозныхъ вѣрованій... Благодаря тому, что страданіе является основнымъ факторомъ прогресса, оно не только не подавляетъ сознанія, не доводитъ человѣчество до отчаянія, но, напротивъ того, служитъ основаніемъ для міросозерцанія, полнаго радостныхъ ожиданій и свѣтлыхъ чаяній. Здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаруживается та тѣсная связь, какая существуетъ между настоящимъ и будущимъ Человѣчество отказывается отъ настоящаго во имя будущаго, которое принадлежитъ не ему, а его потомству, т. е. здѣсь совершается отреченіе отъ индивидуальной жизни во имя видовой жизни. [3])

Вмѣсто критическихъ замѣчаній на отдѣльныя части всей мысли автора, сошлюсь на все, что было мною сказано въ первой части настоящаго труда и этимъ закончу изложеніе даннаго вопроса.

Отмѣтимъ здѣсь, что въ отчетномъ году напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“ статья г. Е. Б. о соціальной механикѣ Лестера Уорда. [4]) Статья эта, составляетъ простой пересказъ доклада Уорда, сдѣланнаго имъ на Международномъ Соціологическомъ Конгрессѣ 1900 года.[5]) Этому вопросу удѣлено вниманіе и въ „Очеркахъ Соці-

[1]) Allin, op cit. p. 79 ff.

[2]) Allin, l. c. 84.

[3]) Лахтинъ, Страданіе, какъ психическій факторъ эволюціи Научное Обозрѣніе 1902 г. № 2, стр. 30—31.

[4]) Е. Б. Соціальная механика Лестера Уорда. Русск Мысль 1902 г. № 10. стр. 94—106.

[5]) Annales de l'Institut International de Sociologie, Tome VII, Paris 1901, p. 163—237.

ологіи“ Уорда, вышедшихъ въ русскомъ переводѣ въ 1901 г. Трудъ этотъ мною разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ [1]) и потому здѣсь я взглядовъ Уорда не касаюсь. Къ тому же вопросъ о соціальной механикѣ, на сколько это возможно въ предѣлахъ спеціальной задачи настоящаго труда, мною выясненъ во второй части этого „обзора“.

Въ небольшой, но весьма содержательной статьѣ г. Новиковъ оспариваетъ весьма распространенное мнѣніе о томъ, что женщины по своимъ способностямъ, дарованіямъ, организаціи—ниже мущины (мы увидимъ ниже, что въ новѣйшее время высказанъ еще и взглядъ на незначительность женщины въ смыслѣ соціальнаго элемента). Авторъ не видитъ никакихъ біологическихъ основаній для признанія законности этого взгляда и отстаиваетъ ту, совершенно вѣрную, мысль, что „подчиненность“ женщины не является естественнымъ фактомъ, а составляетъ результатъ различныхъ соціальныхъ условій—высокаго почтенія къ занятіямъ воинскимъ, пренебреженія къ труду, ставшему удѣломъ женщинъ, дальнѣйшаго порабощенія женщины въ періодъ исторической жизни народовъ, узурпаціи политическихъ правъ со стороны представителей „сильнаго пола“ и т. п. [2]) Авторъ приходитъ къ выводу о необходимости „освобожденія“, или точнѣе, раскрѣпощенія женщины. Послѣднему вопросу посвящена новая и чрезвычайно интересная книга г. Новикова—„L'affranchissement de la Femme“... но это уже трудъ 1903 года.

Того-же вопроса касается въ отчетномъ году и Гастонъ Рихардъ въ своей не разъ цитированной мною книгѣ о біологическомъ и соціальномъ эволюціонизмѣ. Авторъ находитъ утвержденіе о болѣе слабомъ развитіи мозга женщины въ сравненіи съ мозгомъ мужчины невѣрнымъ и основаннымъ на ошибкахъ въ методѣ сравненія. Принимая же во вниманіе отношеніе вѣса мозга къ вѣсу всего тѣла, нужно даже, говоритъ Рихардъ, слѣдуя Гевелокъ-Эллису, придти къ выводу совершенно противоположному, чѣмъ какой обыкновенно дѣлается.[3]) Сравнительный и историческій очеркъ положенія женщины мы находимъ въ крайне интересномъ трудѣ Поля Жида, [4]) но, къ сожалѣнію, я вынужденъ оставить его внѣ своего обозрѣнія, такъ какъ это слишкомъ отвлекло бы меня въ сторону. Впрочемъ, я и не стремился дать обозрѣнія рѣшительно всѣхъ соціологическихъ трудовъ послѣдняго времени, даже и не всѣхъ прочитанныхъ мною трудовъ.. Это не подъ-силу одному человѣку.

Въ статьѣ, носящей заглавіе „Современныя тенденціи въ соціологіи“, проф. университета въ штатѣ Небраска, Эдуардъ Россъ, касается двухъ частныхъ вопросовъ соціологіи, а именно вопроса о происхожденіи общественности и вопроса о силахъ, способствовавшихъ укрѣпленію обществъ. Оба вопроса входятъ въ отдѣлъ соціальной

[1]) Гальперинъ, Обзоръ соціологич литературы за 1901 г., стр. 38 и слѣд.
[2]) Новиковъ, На чемъ основана подчиненность женщины? Вопросы Обществ. жизни, вып. 9, Одесса 1902 г., стр. 297 и слѣд.
[3]) Gaston Richard, L'Idée de l'Évolution dans la Nature et l'Histoire Paris 1903, p. 365—368.
[4]) П. Жидъ, Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ Перев. съ фр. подъ редакціей и съ предисл. Ю. Гамбарова, Москва 1902 г

динамики, имѣющей весьма важное значеніе для обоснованія соціальныхъ предвидѣній и сообразованія поведенія личности. Россъ писатель весьма вдумчивый и осторожный въ своихъ выводахъ. Недостатокъ писаній Росса заключается въ слишкомъ большой абстрактности его изложенія и въ связанномъ съ этимъ игнорированіемъ данныхъ описательной соціологіи (данныя сравнительной исторіи и этнографіи), безъ которыхъ изслѣдованія въ области соціальной динамики обходиться не могутъ. Вся указанная характеристика Росса, какъ писателя, относится въ равной мѣрѣ какъ къ статьѣ, о которой теперь идетъ рѣчь, такъ и къ прежнимъ трудамъ этого автора. [1]) Въ работѣ отчетнаго года Россъ, разсматривая вопросъ о „процессѣ соціализаціи", ставитъ слѣдующее положеніе. „Единеніе соціальныхъ группъ обязано процессу соціализаціи, въ которомъ индивидуальныя идеи и желанія образовываются и шлифуются на почвѣ соціальныхъ столкновеній и отношеній". [2]) Иначе говоря, индивидуальныя стремленія и чувства все болѣе и болѣе соціализируются на почвѣ сожительства въ группѣ. Съ большею силою и экспрессіей та-же мысль выражена проф. Карѣевымъ въ его „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи" и въ соч. „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи".

Россъ находитъ, что обоснованіе выставленнаго имъ тезиса исключительно на почвѣ эволюціонной теоріи [3]) невозможно. Общественность развилась на почвѣ возростанія въ насъ специфическаго соціальнаго инстинкта, который медленно и постепенно уничтожалъ въ человѣкѣ инстинкты чисто животные. Въ свою очередь, конечно, соціальный инстинктъ культивировался на почвѣ групповой жизни, т. е., какъ мы не разъ указывали, первоначально на почвѣ временныхъ союзовъ, заключаемыхъ на время данной потребности. Изъ кого комплектовались первоначальные союзы, Россъ не говоритъ и этого вопроса даже не касается. Поэтому и мы здѣсь о немъ умалчиваемъ, относя разсмотрѣніе этого вопроса къ той части этого труда, въ которой мы разсматриваемъ взгляды Шюртца, въ связи съ взглядами Аммона, Мукке и др. Что касается вообще роли инстинкта въ образованіи общества, то въ современной соціологіи, говоритъ Россъ, на этотъ счетъ существуютъ самые разнообразные взгляды. Одни ученые (напр. Спенсеръ) приписываютъ соціогенную роль разсудку, другіе (напр. Гартманъ) говорятъ, что міръ развивался на почвѣ безсознательныхъ влеченій, третьи приписываютъ главную роль психическому внушенію. Россъ склоняется къ мысли, что правы послѣдніе. Однако, для обоснованія своего взгляда авторъ избралъ довольно слабаго и односторонняго выразителя даннаго направленія, именно Густава Лебона. [4]) Послѣдній считаетъ, какъ извѣстно, орду примитивнымъ

[1]) См. напр. E A. Ross, Social Control. New York 1901 г. (печатался раньше въ Американскомъ журналѣ соціологіи). E. Ross, The Genesis of Ethical Elements. The American Journal of Sociology, May 1900, стр. 761—777.

[2]) E. Ross, Recent Tendencies in Sociology. The Quarterly Journal of Economics, Avgust 1902, стр. 537.

[3]) Ср. все, сказанное нами по этому поводу относительно взгляда Отто Аммона.

[4]) Ross, Recent Tendencies in Sociology, p. 538 f.

общественнымъ образованіемъ (вопросъ о томъ, изъ кого орда комплектуется, снова остается незатронутымъ, а между тѣмъ для рѣшенія проблемы о томъ, какой изъ инстинктовъ является первоначальнымъ соціогеннымъ моментомъ, вопросъ этотъ необходимо долженъ быть изученъ и рѣшенъ). Орда для Ле-Бона является группой спонтанейнаго характера, что вытекаетъ для этого соціолога „человѣка-звѣря“ (по характеристикѣ г. Кудрина), изъ идеи исключительнаго господства расоваго элемента, какъ основы строя и развитія общества. [1]) Но своею теоріей расъ Ле-Бонъ только опредѣляетъ составъ первоначальнаго общества, спонтанейность же образованія послѣдняго и въ особенности безличный характеръ его эволюціи расовымъ элементомъ совсѣмъ не опредѣляется. Этотъ элементъ вліяетъ только на характеръ темпа соціальнаго развитія, но вовсе не является его причиной и въ особенности причиной спонтанейной. Всего этого не касается Эдуардъ Россъ, которой органичивается изложеніемъ извѣстнаго ученія Ле-Бона о психологіи толпы, ученія весьма близкаго къ ариѳметическому складыванію и вычитанію психологическихъ индивидуальныхъ чертъ и движеній членовъ толпы, которыя (ариѳметическія складыванія и вычитанія) продѣлываетъ, съ серьезнымъ видомъ ученаго, г. Сигеле. По мысли соціальной прямолинейной ариѳметики индивидуальныя сходства въ толпѣ складываются и умножаются, а индивидуальныя психическія различія взаимно вычитаются и уничтожаются и потому толпа всегда въ умственномъ отношеніи стоитъ ниже, нежели отдѣльные индивиды, а въ психическомъ отношеніи представляетъ высокое напряженіе разныхъ эмоціональныхъ чертъ, благодаря легкой контагіозности. Для Росса это обстоятельство служитъ подкрѣпленіемъ тезиса о томъ, что въ соціализаціи играетъ первенствующую роль не элементъ розсудочный, а эмоціональный. Съ другой стороны ростъ толпы, ведущей къ нивеллировкѣ индивидуальностей, приводитъ также и къ забвенію личныхъ интересовъ каждымъ изъ членовъ толпы, въ которой масса рѣшается на поступки, какихъ она не совѣршила бы при уравновѣшивающемъ вліяніи разсудка, а вожаки толпы совершаютъ акты самопожертвованія, т. е. подчиняются вліянію чувствъ исключительно групповыхъ, въ разрѣзъ съ чувствами исключительно эгоистическими. [2]) Въ толпѣ человѣкъ является менѣе руководимымъ чувствомъ интереса, нежели въ состояніи изолированной личности. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ толпа является конгломератомъ, характеризующимся некритичностью и нетерпимостью. Съ ростомъ толпы растутъ прежде всего черты эмоціонализма.

Конечно, многое въ характеристикѣ толпы является вѣрнымъ, но для полнаго освѣщенія вопроса необходимо сопоставленіе взглядовъ Ле-Бона и Сигеле со взглядами Тарда и Россати съ одной стороны и Оболенскаго и Михайловскаго съ другой. [3]) Здѣсь не мѣсто

[1]) G. Le-Bon, Les Lois psychologiques de L'Evolution des peuples, Paris 1894., въ русскомъ переводѣ „Психологія народовъ и массъ“ Спб. 1896.

[2]) Ross, l. c. стр. 538—539.

[3]) Данная часть ученія Михайловсквго признается даже его критиками. См. напримѣръ, С П. Ранскаго: Соціологія Н. К. Михайловскаго, С.-Петербургъ 1902 г., стр. 82—99.

такому сопоставленію, но мы думаемъ, что на почвѣ болѣе детальной разработки интеръ-ментальной психологіи (Тардъ, Бальдвинъ и др.)—и на почвѣ болѣе глубокаго анализа понятія „героя“, въ смыслѣ соціально-психологическомъ, наука придетъ къ заключенію, что ариѳметическіе пріемы изслѣдованія неизмѣряемыхъ такими средствами психическихъ движеній должны быть отброшены, и что толпа, какъ неорганизованное общество, составляетъ часть объекта соціологіи, но не самый объектъ ея и что, съ другой стороны, толпа такъ-же способна къ контагіямъ высокой цѣнности, какъ и къ низменно-разрушительнымъ актамъ дѣятельности.

Какъ-бы то ни-было тезисъ Росса о томъ, что въ дѣлѣ первоначальной соціализаціи имѣетъ большее значеніе эмоціональный элементъ члена группы, нежели разсудочный, можно считать въ значительной мѣрѣ обоснованнымъ. Если, напримѣръ, Уордъ находитъ, что соціальнымъ ферментомъ является прежде всего разсудокъ, то и онъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что больше значенія имѣетъ его элементъ интуитивный, нежели перцептивный. Собственно и Уордъ приписываетъ главную роль въ дѣлѣ соціализаціи чувствамъ, но онъ находитъ, что одна эта сторона не въ состояніи породить общества, ибо она не даетъ живаго импульса для проявленія активности, безъ которой не начинается реакція готовыхъ силъ, способныхъ къ соціализаціи. Что-же касается роли перцептивной стороны разсудка, то послѣдняя, по Уорду, является исключительно направляющей движеніе пришедшихъ въ живое дѣйствіе (подъ вліяніемъ интуитивныхъ силъ) способныхъ къ тому соціализирующихся силъ (коренящихся въ эмоціяхъ членовъ группирующихся единицъ). Уордъ, такимъ образомъ, весьма близокъ къ взгляду Росса, но вноситъ въ него двѣ существенныя поправки—во первыхъ не исключаетъ изъ процесса соціализаціи элементовъ разсудочной дѣятельности людей и во-вторыхъ отвергаетъ спонтанейную эволюцію, замѣняя ее началомъ телеологическаго прогресса. Отъ „русской соціологической школы“ Уордъ отличается тѣмъ, что пока еще игнорируетъ роль этическаго момента и его значеніе въ дѣлѣ соціальной активности прогресса (См. напр. Южакова, Соціологическіе Этюды, т. I и II). Говорю „пока“, почомучто уже въ „Очеркахъ Соціологіи“ Уорда намѣчается, правда еще весьма слабо и по существу весьма несовершенно, родъ поворота въ введенію въ динамику соціальной жизни элемента этическаго. Съ признаніемъ соціальной деонтологіи необходимымъ отдѣломъ науки соціологіи эта сторона дѣла получитъ несомнѣнно надлежащее развитіе. Отъ этого выиграетъ и сама наука, опредѣлится весь кругъ ея задачъ, опредѣлится и истинный методъ ея изученія.

Считая ученіе Ле Бона „блестящимъ разрѣшеніемъ проблемы“, [1]) Россъ тѣмъ не менѣе находитъ нужнымъ дополнить ее теоріей Тарда о внушеніяхъ и подраженіяхъ и о происхожденіи общества на этой почвѣ. Россъ совершенно не замѣчаетъ, что свои первоначальные взгляды Тардъ, во-первыхъ, впослѣдствіи расширилъ, а во-вторыхъ, обосновалъ ихъ вовсе не на почвѣ расоваго элемента.

[1]) Ross, Recent Tendencies in Sociology стр. 540.

Расширеніе же взглядовъ Тарда состояло въ введеніи въ дѣло элемента „оппозиціи“, какъ соціологическаго ингредіента. Оппозиція же должна быть понимаема не въ смыслѣ только „чувства“ антипатіи (см. объ этомъ дальше при разсмотрѣніи взглядовъ Шюртца, а равно и Росса въ связи съ взглядами Зиммеля, Гумпловича и др.), а и въ смыслѣ вліяній на чувства со стороны разсудка. Бывшая раньше (въ „Законахъ подраженія“) прямолинейной схема „внушенія со стороны однихъ и подраженія со стороны другихъ создаютъ явленія общественной жизни“, перешла въ болѣе широкую схему: „инновація съ одной стороны и оппозиція и подражанія—съ другой“ („Соціальная логика“, „Соціальные законы“ и т. п.). Игнорированіе этой стороны взглядовъ Тарда, сближающихъ его съ ученіемъ Уорда о томъ, что и элементъ разсудка долженъ быть признанъ соціогеннымъ моментомъ, тѣмъ болѣе удивительнѣй, что въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденій, какъ мы это увидимъ, Россъ отводитъ извѣстное мѣсто и этому моменту, но лишь съ его эмоціональной стороны, такъ какъ онъ вводитъ въ цѣпь разсужденій лишь „чувство антипатіи“ и его соціализирующую роль, а не эмоціонально-разсудочное явленіе „оппозиціи“.

Но вернемся къ разсужденіямъ Росса Внѣшнее проявленіе эмоціональныхъ элементовъ человѣка сказывается въ борьбѣ. Но общество сдѣлалось тѣмъ кругомъ, въ которомъ борьба за существованіе стала ослабляться въ силѣ и въ формѣ своего проявленія. Съ наступленіемъ историческаго періода наступаетъ и прогрессивное распространеніе политическаго общества, т. е. замиреніе соціальныхъ группъ. Изъ мелкихъ группъ образуются путемъ ассимиляцій общества болѣе крупныя и такимъ образомъ кругъ смягченія борьбы за существованіе расширяется все болѣе и болѣе. Съ этой точки зрѣнія исторія составляетъ процессъ общественной ассимиляціи. [1]) Подобную же точку зрѣнія Россъ развилъ и въ своемъ болѣе раннемъ трудѣ. [2])

Процессъ соціализаціи разсматривается многими соціологами, какъ исключительно процессъ соціальныхъ дифференціацій и въ частности, какъ процессъ общественнаго раздѣленія труда. Но, говоритъ Россъ, дифференціація имѣетъ значеніе лишь въ отношеніи къ людямъ, какъ производителямъ, въ отношеніи же къ нимъ, какъ потребителямъ, принципъ соціализаціи долженъ быть инымъ (а вѣдь это уже деонтологія!). А именно: „возможная дифференціація людей, какъ дѣятелей, какъ работниковъ, и возможно большее равенство ихъ, какъ живыхъ существъ и потребителей“. [3]) Можно подумать, что Россъ задался цѣлью передать въ краткихъ чертахъ квинтъ-

[1]) Ross, l. c. стр. 541. Авторъ указываетъ на трудъ г-жи Симонсъ. Это не совсѣмъ удачно, ибо хотя г-жа Симонсъ и считаетъ дѣйствительно исторію процессомъ развитія общественной ассимиляціи, но далеко не на почвѣ „умиротворенія“, а скорѣе на почвѣ поглощенія, репрессіи и т. п. См. Sarah Simons, Social Assimilation. The Americ. Journal of Sociology, 1901 г. Май, Іюль, Сентябрь, Ноябрь и 1902 г. Январь.

[2]) Ross, Social Control, New-York 1901, p. 339 и др.

[3]) Ross, Recent Tendencies in Sociology. The Quarterly Journal of Economics, Авг. 1902 г. стр. 542.

эссенцію извѣстной формулы прогресса Н. К. Михайловскаго. [1]) Что касается спеціализаціи занятій и профессіи, то это въ значительной мѣрѣ факторъ экономическій („въ значительной мѣрѣ"—вѣрно, ибо государственная и общественная служба, напримѣръ, то-же спеціализація занятій). Процессъ-же соціализаціи заключается въ ростѣ обобществленія (союзовъ) и въ распространеніи уравненія съ умноженіемъ симпатіи, солидарности, вызывающихъ кооперацію и увеличивающихъ соціальную гармонію.

Того-же мнѣнія о ходѣ соціализаціи, говоритъ Россъ, придерживается и Гумпловичъ, но онъ ошибочно считаетъ основой самой соціализаціи борьбу расъ и народовъ, полагая, что путь соціализаціи является исключительно путемъ завоеваній. Этотъ взглядъ Гумпловича опирается на то, что, по его мнѣнію, общество образуется на почвѣ „сознанія близости" физическаго, а не солидарности идеалистическаго свойства. Такъ-же неудаченъ и принципъ соціализаціи у Гиддингса—именно „сознаніе рода". [2]) Оба эти автора, особенно послѣдній, игнорируютъ соціальное значеніе чувства антипатіи. Имѣютъ значеніе оба фактора—и чувство симпатіи, и чувство антипатіи. Какъ совершенно правильно утверждаетъ Зиммель (см. изложеніе этого взгляда въ послѣдней главѣ первой части настоящаго труда), антипатія и антагонизмъ упрочиваютъ групповыя связи, ведутъ къ соціальному сплоченію индивидовъ данной группы.[3])

Психологическая точка зрѣнія на принципъ соціализаціи поддерживается также Бальдуиномъ, который пришелъ къ своей теоріи вліяній и подражаній на почвѣ изслѣдованія психологіи дѣтскаго возраста. Сознаніе я и не—я, вліянія и подчиненія образуются главнымъ образомъ на почвѣ общенія. Бальдуинъ къ роли чувствъ въ дѣлѣ соціализаціи прибавляетъ и роль зарождающихся и развивающихся на почвѣ сожительства въ группѣ идей и особенно отмѣчаетъ появленіе чувства подчиненія абстрактнымъ предписаніямъ внѣшнихъ правилъ (обычаи, законы и т. п.). Отношеніе Росса къ ученію Бальдуина остается въ данномъ трудѣ невыясненнымъ, а между тѣмъ ученіе это вноситъ существенную брешь во всю соціологическую доктрину автора. Отмѣчаю это обстоятельство и перехожу къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ разсужденій автора.

Изложеніемъ научныхъ взглядовъ Росса на значеніе психическихъ факторовъ общественной жизни опредѣляется и то, чего мы должны ожидать отъ автора въ отношеніи фактора экономическаго. Факторомъ группировки, говоритъ Россъ, многіе ученые считаютъ интересъ. По однимъ теоріямъ люди приспособлялись къ своей природѣ и избѣгали розни, по другимъ—они искали совершенства и избѣгали соревнованія. По однимъ теоріямъ главнымъ основаніемъ соединенія

---

[1])См. напр. Михайловскаго Замѣтки о Дарвинизмѣ, стр. 184, а также въ его трудѣ „Что такое прогрессъ?".

[2]) Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи, перев. съ англ. Москва 1898 г. стр. 19 и др. (есть и другіе русскіе переводы). Ср. особенное развитіе даннаго положенія въ новомъ трудѣ Гиддингса: Inductive Sociology, New-York 1901, p. 63, 99, 196, 217 и др.

[3]) Ross, op. cit. p. 542—544.

въ общества являются чувства, по другимъ—практическій интересъ. Точка зрѣнія Зиммеля является доктриной о господствѣ идеальныхъ интересовъ. Точка зрѣнія утилитарная защищается Дюркгеймомъ и соціологами-экономическими. Дюркгеймъ, говоритъ Россъ различаетъ два источника соціальной жизни: сходства идей и взглядовъ съ одной стороны и соціальное раздѣленіе труда—съ другой. Сходство взглядовъ формируется на почвѣ уподобленія индивидуальныхъ воззрѣній кругу идей родственной группы. Такое уподобленіе ведетъ непосредственно къ соціализаціи. Что же касается раздѣленія труда, то оно потому ведетъ неизбѣжно къ жизни соціальной, что, благодаря спеціализаціи функцій, индивидъ становится въ полную зависимость отъ другихъ членовъ общества. Дюркгеймъ полагаетъ, что общество развивается по типу біологическаго индивида, но не замѣчаетъ, что соціальное раздѣленіе труда не можетъ быть уподобляемо органическому раздѣленію функцій. Если ростъ спеціализаціи не уничтожилъ связей симпатіи, то это именно потому, что общность идей и чувствъ развивалась также, если еще не болѣе быстро. Мы не только дифференцируемся, но и ассимилируемся. [1])

Диспутъ между сторонниками соціальной психологіи и экономической школой соціологіи весьма ожесточенъ, но правота лежитъ въ большей мѣрѣ въ области доктринъ психологической школы, кладущей въ основу соціализаціи идеи и чувства и различающей въ послѣднихъ и чувства симпатіи, и чувства антипатіи. Проявленіе фактора „чувства антипатіи“, наряду съ чувствомъ солидарности, происходитъ далеко не мирнымъ путемъ. Исторія—есть процессъ борьбы; но борьба, по вѣрнымъ замѣчаніямъ Зиммеля и Іеринга, ведетъ къ сплоченію внутри-групповому, даже въ большей мѣрѣ, нежели чувства взаимной симпатіи однихъ членовъ группы къ другимъ. Такъ возникаетъ и крѣпнетъ соціализація и создается почва къ водворенію соціальной гармоніи. [2])

Второй изъ разсматриваемыхъ Россомъ вопросовъ заключается въ анализѣ явленія „соціальной борьбы“. Общество, говоритъ Россъ, представляетъ собой театръ борьбы между классами, корпораціями и партіями въ преуспѣваніи за свои групповые интересы. [3]) Тезисъ о соціальной борьбѣ, сводящейся не къ борьбѣ за благо всего общества, т. е. за благо всѣхъ и каждаго, а къ борьбѣ партійной совпадаетъ съ тезисомъ о классовой борьбѣ соціологовъ-марксистовъ соціологовъ-дарвинистовъ (Гумпловичъ, Парето и др.) и антропосоціологовъ, но, если во всѣхъ указанныхъ здѣсь школахъ мы встрѣчаемъ подробное обоснованіе своихъ взглядовъ, то нельзя того-же сказать объ этой части разсматриваемой нами статьи Э. Росса. Соціологію, какъ борьбу группъ, отстаиваетъ прежде всего органическая школа соціологіи. Россъ высказываетъ себя рѣшительнымъ противникомъ этой школы. [4]) Считая приспособленіе на почвѣ индивидуальной борьбы явленіемъ, лежащимъ внѣ соціологіи,

[1]) Ross, l. c. стр. 546.
[2]) Ross, стр. 546—548.
[3]) Ross, стр. 548
[4]) Ross, l. c. p. 549, 552—553 и др.

Россъ разсматриваетъ лишь борьбу соціальную, групповую. Группы бываютъ мѣстныя, родственныя, братскія (товарищескія), наконецъ, борющіяся, куда относится и борьба экономическая. Отдавая должное пріоритету прямой и непосредственной борьбы въ дѣлѣ развитія политической жизни, [1]) Россъ отвергаетъ взглядъ, по которому борьба, особенно классовая, является единственнымъ факторомъ соціальнаго развитія. Общество являетъ смѣсь всякаго рода интересовъ и потому въ немъ борются группы самаго разнообразнаго свойства—экономическіе классы—каждый въ видахъ своихъ классовыхъ интересовъ, національныя группы—въ видахъ подавленія неосновныхъ національностей, входящихъ въ составъ общежитія, политическія—въ пользу главенства одной группы надъ прочими и т. п. Доктрину классовой борьбы Лоріа авторъ считаетъ соціальнымъ симплицизмомъ [2]) и относится также отрицательно къ универсализму теоріи Новикова [3]) и къ ученію Ваккаро о борьбѣ на почвѣ приспособленія, а равно къ теоріи расовой борьбы Гумпловича, [4]) какъ и къ органицизму Ратценгофера. [5]) Всѣ сторонники исключительной доктрины соціальной борьбы забываетъ двойственный характеръ процесса соціализаціи, а имменно, что, на ряду съ сплачивающимъ индивиды дѣйствіемъ антагонизма, имѣютъ значеніе въ смыслѣ соціализирующаго фактора и чувства симпатіи и солидарности. [6]) Инстинктъ самосохраненія у людей сильнѣе, чѣмъ ихъ аггресивныя чувства, и универсальнымъ закономъ поэтому является положеніе, что груп

[1]) Ross, стр. 549—554.

[2]) Ross стр. 555. Къ ученію Лор'а относится отрицательно и проф. А. Исаевъ (A. Jssaieff, Socialpolitiche Essais, Stuttgart 1902, S. 84—86), но онъ полагаетъ, что Лоріа только утрируетъ то положеніе, которое само по себѣ вѣрно. Хотя альтруизмъ и имѣетъ значеніе, полагаетъ г. Исаевъ (ibidem стр. 81—124), причемъ онъ, однако, разсматриваетъ лишь такія внѣшнія проявленія его, какъ филантропія, милосердіе и т. п., но истинно движущей силой общественной жизни является эгоистическое классовое сознаніе (Ibidem стр. 124—125, 126—195), и исторія является исторіей борьбы классовъ (стр 80—81, 129 и сл.). Вообще экономикѣ авторъ придаетъ значеніе основы, опредѣляющей всѣ явленія соціальной жизни—идеи, искусства, литературу (стр. 8—80), а также строй и поведеніе личности (стр. 199 и слѣд.) Я не останавливался во второй части настоящаго обзора на книгѣ г. Исаева, такъ какъ слишкомъ поздно познакомился съ ней. Во всякомъ случаѣ доводы автора нисколько не могутъ измѣнить того, что по поводу данной доктрины мною уже было сказано. Во всякомъ случаѣ въ краткой статьѣ Росса по данному вопросу содержится значительно больше вѣрнаго, чѣмъ въ объемистомъ трудѣ проф. Исаева. Я этимъ не отвергаю цѣнности труда автора, такъ какъ въ немъ содержится много, что заслуживаетъ полнаго привѣтствія научной критики. Въ особенности это нужно сказать объ очеркахъ четвертомъ и пятомъ (Issaieff, op. cit. S. 199—337). Что касается интересной эволюціи во взглядахъ Штаммлера, въ особенности по вопросу о морали и соотношеніи каузальнаго и финальнаго принциповъ, а также по вопросу о „классовой морали", то ея я въ настоящей книгѣ не касаюсь, предполагая посвятить вопросу о принципахъ соціальнаго долженствованія особый трудъ (См. R. Stammler, Die Lehre von dem Richtigen Rechte, Berlin 1902 См напр. стр 156 и сл., стр. 607 и сл. и др)

[3]) Ross стр. 555. Nowikow, Les Lutte sentre les sociétes hummaines et leurs phases successives, Paris 1896 (2 изданіе)

[4]) Ross, l. c. стр. 555—556

[5]) Ross, стр. 557 и сл.

[6]) Ross, стр. 558—559.

повыя связи растутъ вмѣстѣ съ опасностью и слабѣютъ при господствѣ покоя. Но за то, чѣмъ больше борьбы индивидуальной, тѣмъ ея меньше въ отношеніяхъ между-групповыхъ. Въ этомъ сказывается за-разъ и вліяніе чувствъ антагонизма, и вліяніе чувствъ солидарности. [1]) Соціализація же окончательно формируется на почвѣ компромиссовъ между классами, но отнюдь не на монополіи господства одного какого-либо класса. При такомъ компромиссѣ власть принимаетъ на себя функціи охраны интересовъ всѣхъ классовъ въ равной мѣрѣ, и классовая борьба превращается въ прогрессивнаго характера соревнованіе. [2])

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе труда Э. Росса, стоящаго въ прямой связи съ предпринятымъ въ послѣднее время пересмотромъ вопроса о роли и значеніи отдѣльныхъ факторовъ соціальнаго развитія. Такимъ именно пересмотромъ является и трудъ Росса. Такимъ-же пересмотромъ, какъ мы показали выше, являются занятія международнаго института соціологіи. Въ возникновеніи указаннаго пересмотра нѣтъ ничего удивительнаго: потребность его назрѣла съ настоятельной очевидностью. Не даромъ же наше время называется временемъ „переоцѣнки цѣнностей“. Въ этомъ пересмотрѣ, однако, не посчастливилось фактору религіозному. Болѣе или менѣе серьезныхъ работъ, освѣщающихъ соціальное значеніе этого фактора въ послѣднее время въ литературѣ не появилось, не считая трудовъ Фразера, Люркгейма и Колера о соціальномъ значеніи первобытнаго тотемизма. Я могу здѣсь только упомянуть о весьма интересной по содержанію статьѣ Э. Ресежака, [3]) въ которой разсматривается главнымъ образомъ вопросъ о милосердіи, но не столько съ точки зрѣнія соціологической, сколько съ точки зрѣнія христіанской морали съ одной стороны и съ точки зрѣнія соціальной этики—съ другой Послѣдней сторонѣ дѣла авторъ придаетъ особенное значеніе, такъ какъ, говоритъ онъ, человѣкъ никогда не можетъ разсматривать свои цѣли и стремленія, какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ желаній и цѣлей своихъ сочленовъ по группѣ. Религіозный факторъ затронутъ и въ опубликованныхъ въ разсматриваемомъ году лекціяхъ Бугле, [4]) но трудъ этотъ исключительно политическаго свойства и потому въ нашъ обзоръ войти не можетъ, ибо послѣдній касается исключительно научныхъ работъ по соціальной статикѣ, динамикѣ и деонтологіи. По той же причинѣ я оставилъ внѣ разсмотрѣнія труды священника Г. Петрова, хотя одинъ изъ нихъ („Евангеліе, какъ основа жизни“, изд. 14, Спб. 1903 г.) и могъ бы войти въ кругъ нашихъ разсужденій, въ особенности въ связи съ этицизмомъ соціальнаго долженствованія, тѣмъ болѣе, что Петровъ подчеркиваетъ необходимость различенія того, что есть, отъ того, что должно быть, [5]) и тѣмъ болѣе, что онъ весьма часто касается

---

[1]) Ross, стр. 559—561.

[2]) Ross, стр. 562.

[3]) E. Récéjac, La confusion entre l'ordre social et l'ordre réligieux. Revue Philosophique, 1902, № 9, p. p. 217—241.

[4]) C. Bouglé Vie spirituelle et action sociale, Paris 1902.

[5]) Г. Петровъ, Евангеліе, какъ основа жизни, Спб. 1903 г., изд. 14, стр. 5.

основъ и характера жизни общественной (см. напр. „Божій путь“, „Къ свѣту“ и др.), но отчасти я оставилъ труды Петрова безъ разсмотрѣнія потому, что они болѣе религіозно-нравственнаго характера, чѣмъ философскаго, отчасти же потому что я вообще въ настоящей книгѣ не развивалъ подробно свои взгляды на соціальную мораль, на этическій характеръ соціальнаго долженствованія, оставляя выполненіе этой задачи до болѣе удобнаго случая. По послѣдней причинѣ я также не касаюсь прекрасной книги А. Фуллье „Ничше и Имморализмъ“, въ которой съ особенной полнотой изложены отрицательныя стороны ученія Ничше. [1]) Часть этого труда была напечатана еще въ Сентябрѣ 1901 г. (въ Revue de Deux Mondes) и переведена въ отчетномъ году на русскій языкъ г. Дроздовымъ. [5]) Впрочемъ, переводъ далеко не полонъ, и потому брошюра, изданная г. Дроздовымъ, не въ состояніи дать представленія о дѣйствительныхъ достоинствахъ книги Фуллье.

III.

Свой обзоръ я закончу разсмотрѣніемъ трудовъ по „индуктивной соціологіи“. Въ раду научныхъ трудовъ этого рода выдающееся мѣсто занимаетъ послѣдняя книга проф. Шюртца, къ разсмотрѣнію которой я и приступаю.

Понятіе общества, говоритъ Шюртцъ, изучается соціологіей. Въ этой наукѣ мы часто встрѣчаемъ односторонніе взгляды, къ числу которыхъ между прочимъ нужно причислить и взглядъ, по которому отдѣльный человѣкъ съ его мыслями и чувствами считается только функціей общественной души. Такое воззрѣніе не покоится на опытѣ и составляетъ только слѣпое преувеличеніе истины, дѣйствительный смыслъ которой и сфера дѣйствія никогда точно не могутъ быть опредѣлены, пока не будутъ точно изучены общественныя формы. Изученіе дѣйствительности можетъ дать ключъ къ истинному пониманію природы общества. [3]) Въ приведенныхъ словахъ содержится мысль, давно уже высказанная Колеромъ, что построеніе соціологіи возможно только путемъ изученія формъ, въ коихъ проявляется общественная жизнь и что поэтому усилія ученыхъ должны быть главнымъ образомъ направлены на собираніе фактовъ и освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія общихъ началъ обществовѣдѣнія. Но такая научная дѣятельность нисколько не исключаетъ параллельной разработки общихъ началъ соціологіи, тѣмъ болѣе, что только надлежащая постановка общихъ задачъ даетъ возможность правильнаго ихъ разрѣшенія, а къ числу способовъ такого разрѣшенія и принадлежитъ между прочимъ „собираніе фактовъ“ и сопоставленіе ихъ въ свѣтѣ обще-соціологическихъ идей. Вотъ истинная связь науки „исторіи культуры“ и „эмбріологіи права“ съ соціологіей; вотъ почему труды изъ области этихъ наукъ не могутъ не входить въ область соціологической литературы. Указавъ, такимъ образомъ, на отношеніе зани-

[1]) A. Fouillée, Nietzsche et l'Immoralisme. Paris 1902. Ср. Palante: Moralisme et Immoralisme, Revue Philosophique 1902 № 9, p. p. 242—248.

[2]) Критика Альфреда Фуллье нравственнаго ученія Ницше. Харьковъ 1902 г.

[3]) Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, S. 11—12.

мающей насъ теперь научной дисциплины къ соціологіи, обратимся къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ Шюртца.

Всякій, находящійся въ сферѣ культурнаго міра, говоритъ авторъ, принадлежитъ въ одно и то-же время къ цѣлому ряду общественныхъ группъ: онъ является членомъ семьи, которая, въ свою очередь, связана съ другими семьями; онъ принадлежитъ къ извѣстной территоріальной общинѣ, къ опредѣленной народности, къ тому или иному религіозному союзу; онъ можетъ въ то же время быть воиномъ, или чиновникомъ, переходя отъ одного ранга къ другому, быть членомъ разныхъ союзовъ, преслѣдующихъ различныя цѣли, отъ экономическихъ до цѣлей научныхъ и преслѣдованія удовольствій включительно (клубы, общества любителей пѣнія и т. п.). Онъ можетъ быть въ то-же время акціонеромъ, членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и т. п., и т. п. Даже когда человѣкъ женится, онъ вступаетъ въ союзъ не съ однимъ только лицомъ, а косвенно съ цѣлою группою лицъ. При такихъ условіяхъ еслибы человѣкъ дѣйствительно черпалъ все свое существо изъ своей общественной среды, то онъ являлся бы ничѣмъ инымъ, какъ „заштопаннымъ тряпичнымъ королемъ“. Отчасти, конечно, онъ таковымъ и является, но этимъ не уничтожается и то индивидуальное, что есть въ каждой личности. Конечно, личность включаетъ въ себѣ и „соціальное“, созданное вліяніемъ среды и многое „унаслѣдованное“, т. е. вліяніе традицій и идей прошлаго. Но тѣмъ не менѣе и въ послѣднемъ отношеніи существуетъ множество градацій: одни преданы болѣе своему народу, чѣмъ другимъ связямъ, другіе—изъ-за „клубовъ“ не знаютъ ничего иного въ жизни. [1])

Изъ всѣхъ соціальныхъ группъ выдѣляются по своему значенію особенно два союза: покоющіяся на кровномъ родствѣ и свободные, иначе естественные и искусственные союзы—группы родственныя и общественныя. Границы обѣихъ группъ не являются рѣзко выраженными и если крайніе виды обоихъ родовъ общеній опредѣленно отличимы, то нельзя того же сказать о многочисленныхъ переходныхъ ступеняхъ, на которыхъ черты общественныя и кровныя переплетаются въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ. Въ качествѣ примѣра одной изъ крайнихъ формъ общеній можно указать на небольшую семью бушменовъ, состоящую исключительно изъ кровныхъ родственниковъ и находящуюся съ другими человѣческими группами въ самыхъ поверхностныхъ отношеніяхъ. Какъ типъ другой крайней формы можно представить торговое общество, состоящее, изъ членовъ, принадлежащихъ къ разнымъ семьямъ, народамъ и расамъ. Послѣдняго рода союзъ можетъ быть не менѣе тѣснымъ. чѣмъ родственный, хотя основы его и совершенно отличны отъ основъ послѣдняго. И союзъ родственный не нерасторжимъ: отдѣльные члены, напр. бушменской семьи, могутъ въ качествѣ военноплѣнныхъ войти въ составъ другого общества; они могутъ войти (напримѣръ путемъ брака) въ составъ новой семьи и т. п. Само собой понятно, что оба рода общеній могутъ взаимно пе-

[1]) Schurtz, op. cit. S 12—14.

реплетаться, напримѣръ въ торговое товарищество могутъ входить члены кровнаго союза, а послѣдній можетъ включать чужеродцевъ (усыновленіе, рабы и т. п.). Чистокровные союзы группируются на почвѣ разнаго рода матеріальныхъ интересовъ. Кромѣ того родъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ простое естественное разростаніе семьи. Въ общемъ, такимъ образомъ, должно быть сдѣлано заключеніе, что общественная группировка не коренится въ родственной и мыслима и безъ связей кровнаго характера [1])

Въ пользу только что приведеннаго заключенія, продолжаетъ Шюртцъ, говоритъ еще то обстоятельство, что *женщины обнаруживаютъ слабую наклонность къ чисто общественной группировкѣ*. Взглядъ о меньшей общественности женщинъ можетъ показаться, замѣчаетъ авторъ, парадоксальнымъ, но дѣло мѣняется, если строго отличать естественные союзы отъ искусственныхъ, т. е. если дѣлать различіе между обществами, происходящими изъ половаго общенія и происхожденія по крови и обществами, происшедшими изъ свободнаго союза одинаковыхъ индивидовъ. Только вторыя группировки могутъ быть названными соціальными, происшедшими изъ соціальныхъ инстинктовъ. Только относительно послѣднихъ дѣйствительно положеніе о томъ, что женщина менѣе къ нимъ склонна, чѣмъ мужчина. Нѣкоторыя черты женской психики могутъ показаться поверхностному наблюдателю соціальными, напримѣръ материнская любовь, наклонность къ любопытству, болтовнѣ въ обществѣ и т. п. Но уже одно то, что женщины рѣдко обнаруживаютъ черты, нужныя для общественныхъ союзовъ, напротивъ проявляютъ недовѣріе и непріязнь къ себѣ подобнымъ, показываетъ, что собственно соціальный инстинктъ имъ чуждъ. Въ дѣйствительной жизни почти не существуетъ такихъ женскихъ обществъ, какія такъ часты между мужчинами. Впрочемъ, это объясняется тою силою семейнаго инстинкта, которымъ одарена женщина и сила котораго ведетъ къ слабому проявленію инстинкта чисто соціальнаго. Противорѣчіе обоихъ инстинктовъ—фактъ давно подмѣченный и объясненный. [2]) Послѣднее замѣчаніе совершенно справедливо и ниже мы еще коснемся его въ связи съ взглядами Аммона, въ общемъ однородными съ взглядами Шюртца, что, впрочемъ, послѣдній и самъ признаетъ. Взгляды эти требуютъ поправокъ, которыя мы, отчасти и въ краткихъ лишь чертахъ, ниже и сдѣлаемъ.

Итакъ, говоритъ Шюртцъ, общество не произошло изъ инстинктовъ семейныхъ. Съ другой стороны нельзя разсматривать общество какъ нѣчто начальное въ отношеніи индивида; общество „произошло“, а не есть нѣчто данное. Это вѣрно и для обществъ животныхъ. Общество появилось, какъ особаго рода особенность, пріобрѣтенная въ борьбѣ за существованіе. Оно не развилось изъ семьи, ибо сильное развитіе семейнаго инстинкта ведетъ прямо къ ослабленію инстинкта соціальнаго. [3])

---

[1]) Schurtz, s. 14—17.
[2]) Schurtz, s. 17—18.
[3]) Schurtz, s. 18—21.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ подробностямъ аргументаціи автора, изложимъ здѣсь подробно развитую доктрину этого рода со стороны Аммона, данную имъ въ 1901 г. Я уже изложилъ ее въ другомъ мѣстѣ („Обзоръ соціологической литературы за 1901 г.“, Екатеринославъ 1902 г. стр. 19 и слѣд.) и нахожу нужнымъ здѣсь повторить, съ небольшими добавленіями, все мною уже по этому поводу сказанное. Трудъ Аммона стоитъ въ связи съ такъ называемой біологической школой соціологіи, культуры и этики (Вестермаркъ, Спенсеръ, Эвансъ, Сетерлендъ и др.).

Для большей опредѣлительности въ изложеніи взглядовъ одного изъ крупнѣйшихъ представителей соціалантропологіи Аммона, приведенныхъ въ статьѣ „Der Ursprung der socialen Triebe“, мы считаемъ нужнымъ привести соотвѣтствующіе взгляды автора, выраженные имъ въ основномъ и главномъ трудѣ своемъ, появившемся еще въ 1895 г. Мы имѣемъ въ виду трудъ „Объ организаціи общества и естественно-историческихъ основахъ его“. [1]) Жизнь семейная въ собственномъ смыслѣ слова, говоритъ Аммонъ въ этомъ трудѣ, и жизнь общественная въ широкомъ смыслѣ коренятся въ различныхъ источникахъ происхожденія и имѣютъ различное значеніе въ смыслѣ ихъ полезности. Семейная жизнь имѣетъ источникомъ необходимость оказанія помощи дѣтенышамъ (проявленіе борьбы за существованіе въ обществѣ людей: Дарвинъ, Вестермаркъ, Лапужъ, Іегеръ и друг.) и служитъ для воспитанія послѣднихъ; соціальная же жизнь возникаетъ независимо отъ первой, въ цѣляхъ преслѣдованія другихъ общихъ интересовъ индивидуумовъ одного и того же вида. Какой либо видъ изъ животнаго царства можетъ жить семейною жизнію, даже въ моногаміи, и въ то-же время быть животнымъ необщественнымъ, какъ напримѣръ левъ, другой видъ—напримѣръ дикія рогатыя животныя—можетъ не знать семьи и въ то-же время принадлежать къ числу общественныхъ животныхъ (Ammon Die Gesellschaftsordnung etc S. 28 f.). Изъ изложеннаго видно, что Аммонъ считаетъ неправильнымъ мнѣніе многихъ соціологовъ-біологистовъ (по Карѣеву „Дарвинистическая школа соціологіи“) о томъ, что основы жизни общественной коренятся въ жизни семейной, т. е. что общество произошло изъ семьи. Въ работѣ Аммона, появившейся въ 1901 году, вопросъ этотъ разсмотрѣнъ подробнѣй и притомъ и съ новой, крайне интересной, стороны. Такъ какъ вопросъ о происхожденіи общества представляетъ собой одну изъ интереснѣйшихъ проблемъ науки, то всякая попытка внести свѣтъ въ эту, еще весьма спорную область заслуживаетъ особеннаго интереса. Вотъ, вкратцѣ, что говоритъ Аммонъ. Профессоръ Ф. Шультце въ статьѣ „Къ эволюціонной этикѣ“, [2]) написанной подъ вліяніемъ Сетерленда, утверждаетъ, что половой инстинктъ, въ его физической и психической мотиваціи, является источникомъ чувствъ любви и затѣмъ этическихъ и соціальныхъ чувствъ солидарности. Ходъ развитія идей представителей эво-

[1]) Otto Ammon, Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen. Entwurf einer Sozial-Anthropologie, Iena 1895 г.

[2]) Fritz Schultze. Zur evolutionistischen Ethik“, Zeitschrift für Socialwissensch. 1900, s. 325 ff.

люціонной этики таковъ, что доказывается, что изъ половаго инстинкта (влеченія) вначалѣ выработался *инстинктъ семейный*, а затѣмъ *изъ этого послѣдняго* всеобщій *инстинктъ соціальный*. Аммонъ считаетъ это положеніе неправильнымъ въ обоихъ членахъ: въ происхожденіи инстинкта семейнаго изъ половаго и общественнаго изъ семейнаго. Отреченіе матери, отказывающейся отъ куска хлѣба въ пользу своего дитяти, стоитъ очень далеко отъ инстинкта рода; чувство солидарности, заставляющее человѣка броситься въ воду ради спасенія утопающаго, не вытекаетъ изъ половаго инстинкта... Половой инстинктъ не идетъ долѣе спарыванія. Съ окончаніемъ спарыванія его цѣль выполнена, и не мало есть видовъ, которые умираютъ вслѣдъ за окончаніемъ этого акта, направленнаго къ сохраненію вида. Бабочки самцы погибаютъ вслѣдъ за актомъ оплодотворенія, а самки послѣ кладки яицъ. У многихъ насѣкомыхъ самки убиваютъ самцовъ послѣ спарыванія и иногда ихъ пожираютъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ слѣдовъ симпатіи, вытекающей изъ половаго источника. Тоже мы встрѣчаемъ и у многихъ высшихъ животныхъ, напримѣръ у представителей кошачьей породы, которые встрѣчаютъ самцовъ ударами, царапинами и т. п. Если у иныхъ животныхъ и проявляются чувства нѣжности, ласки и т. п., то лишь до спарыванія; послѣ же того предполагаемый любовный жаръ изсякаетъ, пока „игра не начинается снова“. Конечно, очень многіе виды проявляютъ заботливый уходъ за дѣтынешами—это вѣрно, но прежде всего это явленіе не всеобщее, тогда какъ половой инстинктъ всеобщъ. Съ другой стороны уходъ за дѣтенышами вызывается безпомощностью послѣднихъ и потому мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ проявленіемъ половаго инстинкта, а *естественнаго подбора*. Для вида и способа ухода за потомствомъ опредѣляющее значеніе имѣютъ жизненныя отношенія вида. Смотря по послѣднимъ, заботы о дѣтенышахъ проявляются либо одной матерью, либо ею при нѣкоторой помощи отца, либо, наконецъ, обоими родителями сообща. Стремленіе къ сохраненію вида въ борьбѣ за существованіе, стремленіе къ выживанію вида проявляетъ себя въ заботѣ о потомствѣ различно. Такъ, виды, мечущіе очень большія количества яицъ, совсѣмъ не нуждаются въ родительскихъ заботахъ о дѣтенышахъ. Уменьшеніе количества откладываемыхъ яицъ замѣняется другими способами сохраненія вида въ борьбѣ за существованіе, напримѣръ путемъ зарыванія яицъ, такъ чтобы голодные враги не могли ихъ открыть, или путемъ защитительной заботы со стороны матери. Лягушки и жабы, напримѣръ, мечутъ такое большое количество яицъ, что не встрѣчается необходимости, для сохраненія вида, въ заботахъ матери о судьбѣ отметанной икры. Но есть виды земноводныхъ, кладущихъ меньшее число яицъ и проявляющихъ родъ заботы о будущихъ дѣтенышахъ: они, напримѣръ, носятъ яйца на своей спинѣ, чѣмъ икра защищается какъ отъ враговъ, такъ и отъ высыханія. Понятно, что всѣ эти явленія не имѣютъ ничего общаго съ половымъ инстинктомъ.

Въ царствѣ птицъ число яицъ незначительно и въ связи съ этимъ мы здѣсь встрѣчаемъ большее развитіе родительскихъ заботъ

о рождаемыхъ птенцахъ. Устройство гнѣздъ, отсутствіе у самокъ бросающагося въ глаза оперенія—все это необходимо для сохраненія вида, все это дѣйствіе естественнаго подбора. Чѣмъ птицы больше и чѣмъ, слѣдовательно, крупнѣе носимыя ими яйца, тѣмъ болѣе имъ угрожаетъ опасности погибнуть. Отсюда у этихъ видовъ большое развитіе материнскаго ухода и помощи самца, вплоть до возможности единобрачія. Здѣсь, какъ и вездѣ, опредѣляющее значеніе имѣетъ лишь степень потребности защиты дѣтенышей ради сохраненія вида.

Соотносительно подобныя же явленія замѣчаются и въ мірѣ млекопитающихъ. Хищныя животныя, вслѣдъ за прекращеніемъ кормленія молокомъ матери, еще не въ состояніи сами снискать себѣ добычу, которая обладаетъ выработанными въ борьбѣ за существованіе средствами защиты (выживаніе приспособленнѣйшихъ). Отсюда проистекаетъ необходимость помощи родителей и отсюда широкое развитіе единобрачія въ мірѣ хищниковъ. Значительно иное видимъ мы въ классѣ травоядныхъ и потому среди послѣднихъ господствуетъ многобрачіе.

Выполняется уходъ за дѣтенышами у животныхъ часто инстинктивно, чтобы не сказать автоматически. Что касается человѣка, то періодъ его дѣтства длится слишкомъ долго и потому онъ нуждается въ заботливомъ и многообразномъ уходѣ со стороны родителей. Формы его семьи различны, смотря по внѣшнимъ условіямъ существованія. Такъ, охотничьи племена стоятъ на сравнительно примитивныхъ ступеняхъ развитія, но являются моногамистами. Скотоводы —номады-стоятъ выше охотничьихъ племенъ и пользуются лучшимъ, чѣмъ они, экономическимъ положеніемъ, и у нихъ, на ряду съ обиліемъ пищи для дѣтей, господствуетъ многоженство. Какъ охотничьи, такъ и земледѣльческія племена должны прилагать много труда для добыванія пищи, ихъ потомство болѣе безпомощно въ дѣтскіе годы и потому здѣсь нуженъ большой уходъ родителей за дѣтьми. Земледѣльческія племена-моногамны. То-же самое, что о скотоводахъ, нужно сказать о торговыхъ племенахъ, ибо при помощи денегъ легко достать пищу. Естественный отборъ моногамистовъ здѣсь ослабѣвастъ...

Аммонъ оговаривается, что онъ не отождествляетъ формъ жизни (звѣроловство, скотоводство и т. д.) съ формами брака, ибо Гроссе доказалъ (не одинъ только Гроссе; можно упомянуть еще Гильдебрандта, Кроза и др.; и не „доказалъ“ а попытался доказать), что вліянія, опредѣляющія формы брака, весьма и весьма сложны. Все, что Аммонъ привелъ, служитъ ему лишь для иллюстраціи мысли, что и у человѣка половой инстинктъ не имѣетъ ничего общаго съ инстинктомъ семейнымъ Даже само по себѣ воспитаніе дѣтей не опредѣляетъ взаимоотношеній обоихъ родителей. Лишь тогда, когда это питаніе вызываетъ необходимость помощи самца, возникаетъ рядъ отношеній между самцомъ и самкой. Итакъ, отношеніе родителей къ дѣтямъ-первичное проявленіе дѣйствія естественнаго отбора, отношенія же родителей между собой. уже проявленіе *вторичное.*

Итакъ, семейный инстинктъ не коренится въ половомъ. Такъ въ чемъ же онъ коренится? По мнѣнію Аммона (Der Ursprung der socialen Triebe, S 11), онъ составляетъ самостоятельное проявленіе духовныхъ свойствъ, проявленіе, которое сказывается не у всѣхъ видовъ творенія, а лишь у тѣхъ, для которыхъ этотъ инстинктъ необходимъ для сохраненія вида. Какъ всѣ вымершіе и до сихъ поръ живущіе виды развились изъ одноклѣточныхъ существъ посредствомъ постепеннаго размноженія и дифференцированія клѣтокъ, такъ и духовныя свойства все болѣе и болѣе развивались изъ простаго инстинкта самосохраненія и поддержанія вида. Гдѣ сохраненіе перестаетъ быть возможнымъ, благодаря развитію тѣлесныхъ свойствъ, тамъ на помощь имъ пришли свойства духовныя, тогда возникли тѣ инстинкты, чрезъ посредство которыхъ видъ сохраняется путемъ запрятыванія яицъ, путемъ ухода, заботы, защиты и воспитанія дѣтенышей. Какимъ образомъ возникаютъ эти инстинкты физіологически, еще пока наукой не рѣшено; однако то что они возникаютъ и унаслѣдываются это для насъ очевидно. Итакъ, заключаетъ Аммонъ первый отдѣлъ своей работы, семейный инстинктъ не коренится въ половомъ (Zeitschr. für Socialwissenschaften 1901 годъ № 1, страница 12).

Второй отдѣлъ (Тотъ-же журналъ № 2 стр. 101 и слѣд.) посвященъ вопросу о происхожденіи *соціальнаго инстинкта изъ семейнаго*. Аммонъ отрицаетъ генетическую связь обоихъ явленій, хотя, какъ увидимъ далѣе, признаетъ связь иного рода. Изученіе жизни животныхъ даетъ ключъ къ разгадкѣ вопроса о началѣ соціальныхъ инстинктовъ. Этого рода инстинкты являются, когда они полезны для сохраненія вида—это лучше всего видно изъ того, что не всѣ виды животныхъ живутъ обществами. Такимъ образомъ появленіе общества должно быть связано съ принципомъ пользы для сохраненія вида: иногда жизнь въ обществѣ приноситъ пользу, иногда она является для него безполезной, а иногда даже вредной,—Нужно замѣтить, что ту-же мысль, хотя и совершенно иначе обоснованную, проводитъ и испанскій ученый А. Позада [1]).

Что жизнь семьей не имѣетъ прямого отношенія къ соціальной жизни видно уже изъ того обстоятельства, что тѣ виды, которые живутъ семейной жизнью, не всегда относятся къ числу общественныхъ. Таковъ, напримѣръ, левъ Борьба за трудно достающуюся добычу была бы почти невозможна для него при жизни въ обществѣ. Наоборотъ, совершенно не знающія семьи, полигамныя рогатыя животныя южной Африки представляютъ образецъ сравнительно высоко развитой общественной жизни. Одинокое животное стало бы немедленно добычей льва, ибо, когда это животное опускаетъ голову, чтобы взять пищу, оно не можетъ ни видѣть приближающагося врага, ни слышать Въ стадѣ никогда не бываетъ, чтобы всѣ экземпляры стояли съ опущенными головами: одни щиплятъ траву, другіе стоятъ поднявъ голову; затѣмъ индивиды мѣняютъ, чередуясь, свое положеніе. Такимъ образомъ всѣ члены стада взаимно защищены отъ незамѣтнаго приближенія врага.

[1]) Adolphe Posada. Théories modernes sur les origines de la famille, de la société et de l'état, Paris 1896, стран. 91 и друг.—Есть русскій переводъ.

Общественная жизнь была бы совершенно невозможной, еслибы не появились инстинкты, которые заставляютъ животныхъ индивидовъ держаться вмѣстѣ. Эти инстинкты возникаютъ на почвѣ борьбы за существованіе, благодаря данной организаціи животнаго и условіямъ его жизни. Словомъ, въ появленіи этихъ инстинктовъ проявляется прямое дѣйствіе естественнаго подбора. Изъ изложеннаго видно, что соціальные инстинкты могли возникнуть безъ образованія семьи, семейные безъ образованія общества (Ammon, стр. 103).

Вопросъ о первоначальномъ возникновеніи побужденій къ соціальной жизни чрезвычайно труденъ, ибо прежде, нежели возникли инстинкты, не могло существовать ни одно общество, но за то и общество не могло возникнуть, пока не существовало инстинктовъ, ведущихъ къ его образованію. Этотъ, кажущійся неразрѣшимымъ, замкнутый кругъ можетъ быть разрѣшенъ при помощи ученія объ „измѣненіи функцій“: явленіе или учрежденіе, возникшее для одной какой-либо цѣли, приспособляется для новой, если оно для сего полезно. Такъ, легко себѣ представить, что первоначальное совмѣстное существованіе, преслѣдовавшее вовсе не цѣли защиты вида, привело и къ послѣднему. Такое именно значеніе имѣютъ стаи плывущихъ сельдей, отдѣльные экземпляры которыхъ легко становятся добычей преслѣдующихъ ихъ хищныхъ рыбъ, тогда какъ сомкнувшаяся масса является вполнѣ защищенной. Въ стадахъ рогатыхъ животныхъ такоеже совмѣстное существованіе ведетъ уже къ дифференцированію дѣятельности, а у другихъ общественныхъ животныхъ мы находимъ и раздѣленіе функцій, которое въ человѣческомъ обществѣ становится раздѣленіемъ труда.

Съ точки зрѣнія естественника недопустимо, чтобы человѣкъ пріобрѣлъ соціальные инстинкты потому, что жилъ въ обществѣ (ср. *Карѣева* „Историческій процессъ и роль личности въ исторіи“). *Сначала* должны были существовать соціальные инстинкты, потомъ уже могло возникнуть общество. Поэтому нужно полагать, что соціальные инстинкты человѣка возникли еще въ чисто животную эпоху его существованія.

Отсутствіе прямой связи между семейнымъ инстинктомъ и общественнымъ сказывается и на высшей ступени развитія общества: человѣкъ, слишкомъ преданный семьѣ, проявляетъ слишкомъ мало качествъ, пригодныхъ для соціальной дѣятельности. Но, съ другой стороны, семья имѣетъ громадное соціальное значеніе, какъ учрежденіе наиболѣе пригодное для воспитанія соціальныхъ чувствъ. (*Аммонъ*, стр. 106—107).

Таково, вкратцѣ, содержаніе любопытнаго труда Аммона. Не вдаваясь въ разборъ выводовъ автора, скажемъ только, что отдѣльныя части разсужденій его были бы вѣроятно имъ измѣнены, если бы онъ считался съ богатымъ матерьяломъ, доставляемымъ такъ называемой „эмбріологіей права“ и исторіей первобытной культуры. Даже у Вестермарка, которому нашъ авторъ въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ, онъ нашелъ бы много данныхъ, которыя повели бы къ соотвѣтствующимъ поправкамъ Другой дарвинистъ въ области исторіи первобытнаго общества и семьи, Гелльвальдъ („Die Kulturgeschichte

in ihrer natürlicher Entwickelung", Augsburg 1883; „Die Menschliche Familie nach ihrer Enstehung und natürlichen Entwickelung" Leipzig 1889) доставилъ бы и значительный, и съ точки зрѣнія Аммона „пригодный", этнографическій матеріалъ для освѣщенія вопроса о происхожденіи общества и общественныхъ инстинктовъ. Аммонъ убѣдился-бы, что общества и притомъ небольшія орды и кучки людей составляли сначала *временныя* группировки, основанныя иногда на дѣйствительномъ, иногда на предполагаемомъ родствѣ (ср. *М. Ковалевскаго*, „Первовытное право", „Современный обычай и законъ", а также статью о „Кланѣ", появившуюся въ 1901 году въ „Annales de L'Institut International de Sociologie, т. VII, ср. также *мои* „Очерки первобытнаго права".). „Нѣсколько индивидовъ, говоритъ проф. Муромцевъ, [1]) находясь почему либо вмѣстѣ или по близости другъ къ другу и руководясь каждый только чувствомъ *личнаго* самосохраненія, могли натолкнуться на общаго врага или на добычу и въ возникшей затѣмъ скваткѣ замѣтитъ, что совмѣстная борьба много успѣшнѣе борьбы въ одиночку. Этотъ опытъ невольно припомнится имъ въ слѣдующій разъ при стеченіи подобныхъ же обстоятельствъ и приведетъ къ своему повторенію. Такимъ образомъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, сотрудничество можетъ возникнуть изъ совокупнаго дѣйствія индивидуальныхъ стремленій, ведущихъ нѣсколько индивидовъ къ одновременной дѣятельности". Итакъ, мы видимъ, указаніе на возникновеніе временныхъ обществъ не на почвѣ соціальныхъ инстинктовъ, а чисто индивидуальныхъ побужденій. Муромцевъ далѣе оправдываетъ изложенное положеніе ссылками на факты. По Геллвальду причиной первоначальной группировки въ мелкія орды является слабость, которую чувствуетъ первобытный человѣкъ, существуя изолированно (Hellwald. Die Menschliche Familie, S. 56).

Практика временныхъ союзовъ защиты и нападенія или охоты самымъ фактомъ существованія начинаетъ, благодаря своей видимой и реальной пользѣ для человѣка, развивать все болѣе и болѣе группировку людей и въ связи съ этимъ появляются новыя ощущенія и чувства. Чувство солидарности и симпатіи становится однимъ изъ могущественныхъ стимуловъ для дальнѣйшихъ союзовъ... исторія начинается (ср. *Карѣева*, Основные вопросы философіи исторіи т. II, Москва 1883 г., кн. III, гл. III, кн. IV, гл. I, гл. III и др.; *его же* „Историческій процессъ и роль личности въ исторіи").

Все излагаемое нами приведено лишь для того, чтобы показать, что игнорированіе данныхъ сопредѣльныхъ наукъ при соціологическомъ изслѣдованіи явленія приводитъ къ одностороннимъ и потому часто ошибочнымъ выводамъ. Соціологъ долженъ изучать явленіе общественной жизни въ его полномъ освѣщеніи научными данными всѣхъ областей, въ коихъ это-же явленіе разсматривается.

Еще одна поправка должна быть сдѣлана къ взглядамъ Шюртца, хотя онъ и самъ, какъ мы показали выше, не упустилъ изъ виду этой стороны дѣла. Я имѣю въ виду отмѣченную Шюртцемъ черту взаимопереплетеній особенностей обоихъ видовъ группировокъ, род-

[1]) Муромцевъ. Соціологическіе очерки „Русск. Мысль" 1889 года № 3.

ственной и общественной. Но вслѣдъ затѣмъ авторъ забываетъ эту черту и вполнѣ отдѣляетъ одинъ видъ общеній отъ другихъ. Конечно научное абстрагированіе, въ смыслѣ выдѣленія въ явленіи его чистыхъ чертъ, для цѣлей изученія явленія, можетъ и должно быть дѣлаемо; даже при лабораторныхъ опытахъ умышленно устраняются нѣкоторые элементы явленія ради открытія „чистой" причины послѣдняго, но при этомъ не должно забывать искусственности этого абстрагированія и того, что въ дѣйствительности явленіе сопутствуется тѣми самыми элементами, которые игнорируются при абстрагированіи. Это простое обстоятельство совершенно забыто Шюртцемъ и многими другими учеными, которые выводятъ происхожденіе первичнаго общества не изъ семьи. Допускаетъ эту ошибку, напримѣръ, Муке. Для него основа общества лежитъ въ сосѣдствѣ, въ сожительствѣ людей на одномъ и томъ же мѣстѣ. Первобытное общество—орда уже по названію своему доказываетъ, утверждаетъ Муке, это заключеніе. Названіе это прежде всего обозначаетъ *мѣсто*, затѣмъ уже „рядъ", порядокъ, группу и общество (орда, ordo, Ort, въ финскомъ языкѣ kerta, эстонскомъ kord, родительный korra, въ лифляндскомъ korda, въ лапландскомъ gardde, въ старославянскомъ „среда", въ сербскомъ krd, чешскомъ—strida, trida и т. п.—всѣ въ смыслѣ мѣста, ряда, очереди, группы), какъ и въ нѣмецкомъ—Ort, Ordnung и т. п.[1]) Далѣе, названія родства заимствованы изъ идеи сосѣдства, каковы affinitas, нѣмецкое Verwandschaft, въ коемъ Wandt (старонѣмецкое Want, готское waddjus etc.) значитъ „стѣна, сторона, граница", т. е. признакъ территоріальный. [2]) Все приведенное показываетъ на взаимопереплетеніе признаковъ группъ общественныхъ и кровныхъ и Муке этого не упускаетъ изъ виду, но, вмѣсто правильнаго заключенія, дѣлаетъ отсюда выводъ о томъ, что названія родства не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а потому не имѣетъ его и самое родство,—а что заимствованы онѣ изъ названій сосѣдства и что поэтому самое родство возникло на почвѣ сосѣдства. Въ этомъ отношеніи Муке обнаруживаетъ ту-же односторонность взглядовъ, какъ и Шюртцъ, хотя и изслѣдуютъ они вопросъ на различныхъ почвахъ.

Выше мы привели уже взглядъ нашъ на происхожденіе первичныхъ группировокъ, причемъ сослались на однородное мнѣніе проф. Муромцова. Въ другомъ мѣстѣ [3]) я подробнѣй обосновалъ свой взглядъ и кое-что изъ сказаннаго мною считаю нужнымъ повторить Первобытныя группировки были временными, создаваемыми ad hoc на время опредѣлившейся потребности; такимъ же образомъ временна, непрочна и крайне слаба была власть примитивнаго вождя. Опытъ временныхъ союзовъ показалъ человѣку дальнѣйшій путь его развитія: онъ вдается въ общеніе съ себѣ подобными путемъ добровольнаго „ряда" на почвѣ кровныхъ, уже существующихъ связей. [4])

[1]) Mucke, Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung, Stuttgart 1895, s. 40.

[2]) Mucke, op cit. стр. 18 ср стр. 37 и др.

[3]) С. П Гальперинъ, Очерки первобытн. права, гл. IV.

[4]) Сравн. Post'a, Die Geschlechtgennoschaften der Urzeit s. 108—109; Post: Der Ursprung des Rechts, Oldenburg 1876, s. 43—45.

Человѣкъ сознадъ необходимость укрѣпленія кровныхъ связей, а съ другой стороны общественная группировка нашла естественную почву въ уже существующихъ кровныхъ связахъ. Къ тому-же сожительство по кровной связи совпадаетъ съ сожительствомъ на одной территоріи. Вотъ почему первобытные термины родства носятъ не только слѣды этой общности (мѣста и родственной связи), но и черты „ряда“. Таковъ, напримѣръ, терминъ Vetterschaft, который аналогиченъ съ Wette (закладъ, Sponsio—клятва) и выражаетъ въ то-же время идею поручительства, поруки (круговая порука самая характерная черта первичныхъ группировокъ). Это двойственное значеніе термина родства не является одинокимъ свидѣтельствомъ въ пользу доказываемой мысли: ту же двойственность выражаетъ и терминъ Schwägerschaft (свойство), т. е. Schwurgennossenschaft, выражающій въ то же время идею присяжнаго союза, какъ и Eidam (зять) выражаетъ въ то же время и идею присяги—Eid. [1]) Это и понятно—первоначальные зятья были „вабьими“, вводились въ домъ жены, становились соприсяжными членами новой группы. Точно также названіе жены, вводящей мужа въ составъ семьи, было у древнихъ германцевъ „Freodo-Webbe“, женщина приносящая миръ [2])

Итакъ, съ изначала мы видимъ существующими группировки естественныя, по принципу родства и группировки искусственныя, собственно соціальныя, причемъ послѣднія необходимымъ образомъ формируются изъ членовъ той же территоріи, т. е. въ то-же время связанныхъ кровнымъ родствомъ. Впослѣдствіи дѣйствительная кровная связь теряетъ значеніе, въ виду наличности неродственныхъ, придруженныхъ членовъ общины и въ виду значительнаго разростанія группы, въ каковомъ разсростаніи неизбѣжно теряются связи общаго происхожденія. Но на смѣну дѣйствительной общности происхожденія приходитъ фингированное родство, предположеніе о происхожденіи отъ одного праотца (это положеніе развито впервые М. Ковалевскимъ), каковымъ является либо выдающійся, часто миѳическій витязь, герой, либо даже сверхъестественное существо, становящееся тотемомъ племени (см. о послѣднемъ труды Мена, Колера, Фразера и Дюркгейма).

Изъ всего изложеннаго видно, что при изученіи общественной жизни можно абстрагировать то или другое явленіе отъ сопутствующихъ ему въ жизни моментовъ, но не слѣдуетъ забывать, что такимъ образомъ абстрагиванное явленіе не происходитъ въ дѣйствительной жизни въ чистомъ видѣ. Поступокъ является сложнымъ результатомъ совокупности причинъ и притомъ сопутствуется явленіями, которыя при поверхностномъ изученіи могутъ показаться моментами, вліяющими на поступокъ. Отыскивая причину поступка,

---

[1]) Шпилевскій, Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. Казань 1866 г., стр 28. Ср. Гальперина, Очерки первоб. права, стр. 41—42.

[2]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthumer, Gottingen 1854, 2 Auflage, s. 467. Данныя о вводимыхъ зятьяхъ см. въ трудахъ Вилькена, Колера и др. Сводъ литературы можно найти у Поста: Grundriss der Ethnologischen Iurisprudenz, Oldenburg und Leipzig 1894, Bd. I, s. 132 и особенно стр. 148—150

изслѣдователь можетъ и долженъ удалять изъ области „причинъ“ все то, что лишь сопутствуетъ поступку или его только окрашиваетъ. Отыскиваются явленія, безъ которыхъ поступокъ могъ бы совершиться, хотя проявился бы онъ и въ другомъ видѣ, однакоже неизмѣняющемъ свойства самаго поступка. Такъ, удаляя такого рода моменты, изслѣдователь доходитъ до простѣйшихъ моментовъ, безъ которыхъ поступка бы не было, и тогда эти моменты должны быть признаны причиной поступка. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ законно изученіе прошлаго, какъ категоріи „возможнаго“ и потому упреки русской школѣ со стороны проф. Кистяковскаго—въ этомъ отношеніи несправедливы. Такой методологическій пріемъ для соціолога не только правиченъ, но и необходимъ—иначе исторія перестаетъ для него имѣть значеніе „опыта“. Но, конечно, при подобномъ изученіи прошлаго не слѣдуетъ забывать, что въ дѣйствительности явленія переплетаются съ рядомъ моментовъ, которые лишь теоретически устранимы. Иначе, какъ это и случилось, напримѣръ, съ Муке, Аммономъ и Шюртцемъ, легко впасть въ ошибку.

Итакъ, группы чисто соціальныя существуютъ рядомъ съ группами чисто кровными (чистота разумѣется здѣсь теоретическая, т. е. съ точки зрѣнія принципа группировки, такъ какъ въ дѣйствительности черты обѣихъ группировокъ взаимопереплетаются). Тѣ и другія общенія должны быть изучаемы отдѣльно и въ этомъ отношеніи господствовавшее до сихъ поръ направленіе въ исторіи первобытной культуры и эмбріологіи права шло ошибочными путями: оно выводило группы общественныя изъ группъ родственныхъ, причемъ споръ велся главнымъ образомъ по поводу формъ кровныхъ союзовъ. Нѣкоторыя попытки обособленія обоихъ родовъ общеній должно признать пока еще несовершенными. Шюртцъ и задается цѣлью исправить этотъ недостатокъ, причемъ главной его задачей является изученіе двухъ видовъ чисто соціальныхъ союзовъ, именно возрастныхъ и союзовъ мужчинъ, такъ называемыхъ мужскихъ большихъ домовъ. Предварительно, однако, онъ касается вопроса о значеніи для соціальной жизни вопроса о различіи половъ. Авторъ полагаетъ, что въ послѣднемъ счетѣ всѣ соціальныя различія сводятся къ физіологическому отличію половъ. Самое происхожденіе общества, говоритъ онъ, необъяснимо безъ постояннаго вниманія къ половымъ различіямъ и ихъ послѣдствіямъ. Какъ особенности индивида опредѣляютъ существо общества, такъ и характеръ послѣдняго вліяетъ на характеръ индивида. [1]) Интересныя разсужденія автора о причинахъ происхожденія половъ и о неизбѣжности таковыхъ въ цѣляхъ усовершенствованія и самосохраненія вида (Шюртцъ, стр. 23—25) я опускаю, въ виду ихъ спеціальнаго характера Выводъ автора состоитъ въ томъ, что чисто общественная жизнь не коренится въ семейной и что чувства, созданныя и развившіяся на почвѣ жизни семейной, сами по себѣ не ведутъ къ созданію инстинктовъ соціальныхъ. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что, не смотря на существованіе разныхъ смѣшанныхъ и промежуточныхъ формъ,—обѣ группы должны быть строго различаемы, какъ покоющіяся на различныхъ основаніяхъ, въ

[1]) Schurtz, op. cit. S. 22—23.

особенности же въ виду того, что кровныя группы покоятся не естественныхъ связяхъ членовъ разныхъ половъ, тогда какъ соціальныя— на искуственныхъ связахъ членовъ одного и того-же пола. Искуственность связи и одинаковость пола—главный отличительный признакъ чисто соціальныхъ группъ—въ особенности въ прошломъ. [1]) Самыми важными и по времени первыми различіями между человѣческими группами являются различія по полу и по возрастнымъ ступенямъ. Группы перваго и второго рода сосуществуютъ и переплетаются другъ съ другомъ, но это не исключаетъ необходимости изучать каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Большое значеніе въ дѣлѣ человѣческихъ общеній имѣетъ чувство симпатіи, но не мало имѣетъ значенія и чувство взаимной антипатіи, особенно между представителями разныхъ половъ. Послѣднее утвержденіе можетъ казаться и парадоксальнымъ, но стоитъ вспомнить о разныхъ проявленіяхъ естественной антипатіи, чтобы отказаться отъ такого заключенія. Ничто человѣку не бываетъ такъ противно, какъ человѣкъ самъ, особенно въ отношеніи тѣлесной чистоты, разныхъ физіологическихъ отправленій, запаховъ и т. п. Въ особенности это сильно въ половой жизни, въ которой тѣлесная близость въ состояніи породить чувства самой сильной антипатіи, могущей убить даже семейную жизнь, если послѣдняя основана не на чувствѣ высокой любви и уваженіи къ взаимнымъ духовнымъ качествамъ. Психическія противорѣчія представителей обоихъ половъ также часто ведутъ къ возникновенію чувства антипатіи. Поэтому половой инстинктъ самъ по себѣ составляетъ необходимое *условіе* существованія общества, но не ведетъ къ образованію таковаго, ни къ водворенію гармоніи въ соціальныхъ группировкахъ. Къ этому прособдиняется на первыхъ порахъ соціальной жизни еще то обстоятельство, что физическій трудъ считается въ эту пору дѣломъ унизительнымъ; а такъ какъ этотъ трудъ составляетъ удѣлъ первобытной женщины, то отсюда возникаетъ новый источникъ презрѣнія мужчины къ женщинѣ. Мужчина держитъ женщин/ далеко отъ обрядностей культа, отъ общинныхъ вѣчъ и т. п.

Указанныя выше противоположенія между двумя полами имѣютъ большое значеніе для возникновенія соціальныхъ союзовъ. Женщина является даннымъ самой природой центральнымъ пунктомъ естественныхъ группъ, вытекающихъ изъ половаго общенія, мужчина же является творцомъ свободныхъ общественныхъ формацій, основанныхъ на солидарности и симпатіи подобныхъ другъ другу индивидовъ. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть объясненъ и провозглашенный Бахофеномъ матернитетъ первобытной кровной группы. Но и въ этихъ группахъ власть и забота о членахъ группы лежитъ на мужчинѣ (но не отцѣ, а на братѣ съ материнской стороны). Въ группахъ же чисто общественныхъ мы встрѣчаемъ однихъ лишь индивидовъ мужскаго пола. Одной изъ подобныхъ группировокъ является первобытное общеніе по возрастнымъ классамъ. Послѣдніе были первыми по времени соціальными классами, основанными не на принципѣ родства, а на принципѣ дѣленій по возрастамъ, хотя, ко-

[1]) Schurtz, S. 37 ff.

нечно, члены классовъ являлись въ то-же время и связанными другъ съ другомъ родствомъ. [1])

Вопросъ о томъ, что первобытные классы были классами возрастными, былъ обоснованъ впервые въ 1894 г. Генрихомъ Куновымъ[2]), причемъ Куновъ придалъ терминамъ классификаціоннаго родства, впервые раскрытаго Морганомъ и подтвержденнаго изслѣдованіями Файзона и Гойита,—особенное, весьма искусственное значеніе. Куновъ, однако, ошибся и не разгадалъ истинаго значенія разсмотрѣнныхъ имъ терминовъ родства, такъ ясно представленныхъ въ трудѣ Моргана а затѣмъ, въ болѣе упрощенной формѣ, въ небольшой статьѣ проф. Бернгефта. [3]) Что касается Шюртца, то онъ лишь отчасти пользуется трудомъ Кунова (во всемъ, однако, весьма высоко стоящимъ) и потому и выводы его отличаются болѣе серьезнымъ обоснованіемъ отстаиваемой мысли.

Возрастныя группы образуются весьма естественно, говоритъ Шюртъ, во-первыхъ на почвѣ различія половъ—это группы лицъ одного и того-же пола (факты, однако, не совсѣмъ это оправдываютъ), а во вторыхъ на почвѣ различія возрастовъ (здѣсь факты вполнѣ оправдываютъ утвержденіе автора). Между возрастными и кровными группами существуетъ громадное различіе: тогда какъ принципъ кровныхъ группъ данъ самымъ рожденіемъ, принципъ возрастнаго класса является созданнымъ искусственно. Поэтому не вездѣ послѣднія дѣленія одинаковы и не вездѣ одновременны. Теоретически мыслимо дѣленіе человѣчества на безчисленное множество возрастныхъ классовъ. которое могутъ быть различаемы по годамъ возраста, но и по мѣсяцамъ, но мыслимо и дѣленіе на два лишь класса, принимая за принципъ дѣленія какой либо опредѣленный возрастъ, напримѣръ тридцатилѣтній. И въ дѣйствительности этнографическія данныя показываютъ, что возрастные классы весьма разнообразны. Большей частью дѣленіе соединяется съ различными ступенями половаго развитія. Вступленіе въ извѣстный возрастъ замѣтно проявляется вмѣстѣ со вступленіемъ въ періодъ половой зрѣлости, а затѣмъ съ періодомъ упадка половой способности. [4])

Замѣтимъ, что для самыхъ древнѣйшихъ стадій развитія человѣчества принципъ, отмѣченный авторомъ, и именно, что принадлежность къ кровной группѣ является даннымъ самой природой, т. е. фактомъ рожденія,—совершенно не примѣнимъ. Здѣсь Шюртцъ забываетъ, что не только соціальный союзъ переплетается съ чертами союза кровнаго, но что и союзъ кровный въ дѣйствительной жизни связанъ съ основами соціальнаго общенія. Мы уже показали выше, что термины родства обозначаютъ также и идею „ряда“, свободнаго союза. Такъ, напримѣръ, наименованіе рода—Sippe выражаетъ въ то-

---

[1]) Schurtz, S. 40—51.

[2]) H. Cunow, Die Verwandschafts—Organisationen der Australneger, Stuttgart 1894, passim.

[3]) F. Bernhöft, Verwandschaftsnamen und Eheformen der nordamerikanischen Volksstämme. Rostock 1889.

[4]) Schurtz S. 52—54.

же время и идею мира. [1]) Сюда же относится безчисленный рядъ фактовъ, подтверждающій то положеніе, что въ первобытной жизни одного рожденія въ предѣлахъ группы было мало: рожденный въ группѣ могъ быть изъ нея выброшенъ, доказательствомъ чего служатъ извѣстные факты широко-практиковавшагося дѣтоубійства. Въ связи съ этимъ стоитъ и тотъ рядъ фактовъ, которымъ удостовѣряется, что рожденное въ предѣлахъ группы дитя не считалось „существомъ“, пока не происходило торжественное признаніе его со стороны группы, выраженное въ какихъ нибудь видимыхъ, а потому всегда символическихъ (символизмъ—наиболѣе характерная черта первобытнаго права) признакахъ, какъ напримѣръ путемъ обряда постриги, врученія меча, посаженія на коня (у древнихъ руссовъ и современныхъ горцевъ Кавказа по минованіи года со дня рожденія), или даже путемъ обряда выбиванія или подпиливанія зуба и т. п. [2]) Фактовъ этого рода Шюртцъ не касается: онъ имѣетъ въ виду лишь обряды и обычаи, связанные со вступленіемъ въ возрастъ начинающейся половой зрѣлости, [3]) въ связи съ чѣмъ и различаетъ возрастные классы главнымъ образомъ по тремъ возрастнымъ періодамъ: дѣтства, періода половой зрѣлости и старости.

Впрочемъ, дѣленіе на классы (главнымъ образомъ на три) не измѣняется вслѣдствіе сдѣланной нами поправки, ибо „дѣтей“ до наступленія эпохи, съ которой они становятся „мужами“ (но не непремѣнно „мужьями“), не составляютъ „класса“. Шюртцъ и относитъ моментъ образованія перваго класса къ періоду наступленія зрѣлости, хотя-бы въ дѣйствительности зрѣлость собственно половая и не наступала еще. Въ виду свойственнаго примитивному праву символизма этотъ моментъ сопровождается торжественными церемоніями „освященія“, иногда одинаковыми для обоихъ половъ, иногда различными для мальчиковъ и дѣвочекъ (respective—молодыхъ людей и дѣвушекъ). Шюрцъ имѣетъ, однако, въ виду собственно связь этого періода съ функціями половаго свойства, и большинство описанныхъ имъ церемоній посвященія относится къ этого рода обычаямъ, а между тѣмъ это не совсѣмъ правильно. Такъ, напримѣръ, къ этому разряду фактовъ нельзя отнести обычай, по которому молодой человѣкъ не считается членомъ союза, пока не принесетъ голову убитаго имъ врага, какъ это имѣетъ мѣсто у нагосовъ и даяковъ, [4]) или пока воспитатель не докажетъ, что воспитанникъ вполнѣ подготовленный воинъ, какъ это практикуется, напримѣръ, у многихъ племенъ Кавказа.

Замѣтимъ, что дѣленіе на классы, начиная съ періода зрѣлости, является прямымъ отрицаніемъ взгляда Кунова, одобряемаго, однако, Шюртцемъ, на значеніе терминовъ классификаціоннаго родства, какъ на термины не родства, а обозначенія возрастовъ, причемъ лишь въ послѣдствіи эти термины стали обозначать и родство. По этому взгляду наименованіе „сынъ, дочь“, „отецъ, мать, тетка, дядя по

[1]) Шпилевскій, op. cit. стр. 27—28.
[2]) См. мои „Очерки первобытнаго права“, стр. 93 и слѣд.
[3]) Schurtz, S. 96 ff.
[4]) См. мои „Очерки первобытнаго права“, стр. 94 и 95.

матери", „дѣдъ, бабка" и т. п. обозначали первоначально классы дѣтей, людей средняго возраста и всѣхъ членовъ старѣйшей генераціи, почему именно и выходило, что однимъ и тѣмъ же терминомъ именовались и разныя дѣти (сынъ, дочь) и дѣти всѣхъ родственниковъ по матери, терминомъ „отецъ" именовался не только мужъ матери, но и дядя по матери и мужъ сестры матери. Но Шюртцъ не доглядѣлъ, что если такъ, то для всѣхъ дѣтей, стоящихъ внѣ классовъ, должны были бы существовать особые термины, ибо тогда бы подъ словомъ сынъ разумѣлся не только мальчикъ племени, уже вошедшій въ классъ, но и еще въ него непосвященный, а это ужъ никакъ недопустимо въ виду того строгаго различенія возрастныхъ классовъ, которое въ дѣйствительности имѣло мѣсто и которое обставлялось такими многочисленными и иногда длительными и мучительными обрядами. Къ тому же этому противорѣчатъ и многочисленные факты, свидѣтельствующіе о частой перемѣнѣ въ дѣтскомъ даже возрастѣ, съ наступленіемъ того или другого періода, самаго имени дитяти, причемъ сообщеніе новаго имени сопровождается различными религіозными обрядами.

Классъ юношества, по Шюртцу, характеризуется свободой половыхъ общеній и полнымъ пренебреженіемъ дѣвственностью. Переходъ въ новый классъ путемъ замужества характеризуется совершенно обратнымъ отношеніемъ къ половой чистотѣ (этнологіи извѣстны факты какъ-разъ обратнаго характера; нельзя также игнорировать широкаго распространенія религіознаго, гостепріимнаго и похороннаго гетеризма); наконецъ вступленіе въ классъ стариковъ характеризуется крайне печальною участью членовъ его (а также больныхъ и умирающихъ)—они убиваются или оставляются на произволъ судьбы. Почтеніе къ старикамъ появляется значительно позже. [1]) Власть стариковъ развивается на почвѣ оцѣнки, вырабатывающейся постепенно, ихъ мудрости, запаса опыта и накопленія средствъ На почвѣ первыхъ классовъ создаются и другія внутреннія дѣленія, въ числѣ которыхъ должно упомянуть и образованіе кастъ. [2]) Замѣтимъ, что и здѣсь Шюртцъ игнорируетъ нѣкоторыя противорѣчущія его взглядамъ ученія. Такъ Іерингъ доказываетъ въ своемъ посмертномъ трудѣ (R. Ihering, Vorgeschichte der Indoeuropäer, Leipzig 1894), что у многихъ народовъ касты произошли на почвѣ различій расовыхъ (напр. въ Индіи), а проф. Азаревичъ („Патриціи и плебеи") представилъ убѣдительныя доказательства того, что первоначальные классы римлянъ были не экономическими классами, а двумя различными народностями.

Шюртцъ касается и вопроса о первичныхъ естественныхъ группахъ и формахъ ихъ измѣненій. Говоритъ онъ по данному вопросу весьма мало, хотя достаточно рѣшительно,—говоритъ какъ бы мимоходомъ и потому эту часть его труда мы передадимъ въ нѣсколькихъ лишь словахъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Шюртцъ самъ объясняетъ, что изслѣдованіе вопроса о естественныхъ союзахъ не входитъ въ задачу его труда и что послѣдній почти всецѣло посвя-

[1]) Schurtz, s. 54—58, s. 59 f.
[2]) Schurtz, s. 60—61.

щенъ изученію двухъ формъ союза собственно соціальнаго.[1])Такимъ образомъ отношеніе автора къ формамъ первобытной семьи вполнѣ понятно.

Долгое время, говоритъ Шюртцъ, господствовало въ наукѣ общее воззрѣніе о томъ, что первичною формою человѣческаго общежитія была родовая община (Geschlechtsgenossenschaft). По опредѣленію Поста (въ его „Geschlechtsgen. der Urzeit, s. 5) весь человѣческій родъ группировался въ небольшіе союзы защиты и нападенія, покоившіеся первоначально на кровныхъ связяхъ и затѣмъ, съ наступленіемъ осѣдлаго образа жизни, перешедшіе въ общины территоріальныя. Древнѣйшею кровною родовой группой была орда, въ которой жены, дѣти и все имущество были общими и въ которой избранный или наслѣдственный вождь обладалъ свойствами патріарха. Всякій несостоящій членомъ союза, былъ безправнымъ, и отношенія къ нему орды покоились на принципѣ исключительности и розни. Всѣ половыя отношенія въ ордѣ имѣютъ мѣсто лишь внутри ея (эндогамія) и общность женъ (гетеризмъ, промискуитетъ) распространялась даже на брачныя отношенія въ степеняхъ ближайшаго родства. Шюртцъ по поводу сказаннаго замѣчаетъ, что теоретическая возможность промискуитета (терминъ Спенсера) не доказываетъ того, чтобы онъ дѣйствительно существовалъ. Здѣсь игнорируется „естественный инстинктъ“ отвращенія отъ кровосмѣсительныхъ связей и переносятся въ первобытное общество печальныя явленія, господствующія въ культурныхъ низахъ общества современнаго. [2]) По поводу „естественнаго чувства“ отвращенія отъ кровосмѣсительныхъ связей замѣтимъ, что исторія не даетъ права признать это чувство „естественнымъ“, т. е. даннымъ отъ природы, какъ это имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ животныхъ,—а, напротивъ, заставляетъ считать это чувство происшедшимъ на почвѣ историческаго развитія. У Жиро-Телона, [3]) Вилькена, [4]) Поста [5]) и др. собраны достаточные матерьялы, доказывающіе справедливость приведеннаго положенія, а критика этого взгляда со стороны Вестермарка [6]) крайне неубѣдительна.

Описанные выше союзы, говоритъ далѣе Шюртцъ, должны были вести къ раздѣленію на группы, организованныя на началахъ родства по женской филіаціи (матернитетъ), ибо при общности женъ нельзя было съ точностью опредѣлить отца ребенка. Вслѣдствіе этого мать и ея дѣти составляли естественную групповую единицу, въ которой братья матери и ея мужья были данными самою природой защитниками. Такъ образовались материнскія родовыя группы, мѣстами дѣйствительно существующія и до сихъ поръ. Лишь постепенно такія группы переходятъ къ агнатному родству, пока развитіе не переходитъ къ групповой организаціи чисто патріархальнаго характера. Впервые указанная доктрина провозглашена Бахофеномъ, затѣмъ тотъ-же

[1]) Schurtz, s. 65.
[2]) Schurtz, s. 66—67.
[3]) Giraud-Teulon, Les origines du Marige et de la famille, p. 61 sqq.
[4]) Wilken, Huwelijken tusschen bloedverwanten, De Gids Iuni 1890 S. 478 ff.
[5]) Post. Die Grundlagen des Recht und die Grundzüge seiner Entwickelungsgeschichte, Oldenburg 1884, S. 197 f.; Post, Grundriss der Ethnologischen Iurisprudenz, Oldenburg und Leipzig 1894, Bd. I, S. 26—29, 45 ff.
[6]) Westermarck, Geschichte der mesnchlichen Ehe, Iena 1893, S. 289 ff.

взглядъ высказанъ Морганомъ (слѣдовало, въ виду полной его самостоятельности,—указать и на Макъ-Леннана), а затѣмъ это воззрѣніе было усвоено цѣлой соціологической школой. Въ недавнее время приведенная доктрина была сильно поколеблена критикой Старке, отстаивавшаго исконность малой семьи, какъ группы дѣтей и „родителей“ (а не одной лишь матери) и что промискуитетъ въ чистой формѣ нигдѣ не былъ наблюдаемъ и потому представляется недоказанной гипотезой. Семья, которую Старке называетъ „семейною группою“, а Гроссе „большою семьей“, должна быть строго отличаема отъ клана. Старке находитъ, что родовая община существуетъ рядомъ съ семьей и тамъ, гдѣ родъ былъ очень силенъ, онъ совершенно (въ древнѣйшую эпоху) ослабилъ значеніе отдѣльной семьи. Шюртцъ раздѣляетъ взглядъ Старке на параллелизмъ семьи и рода и оканчиваетъ свой краткій очеркъ развитія исторіи литературы эмбріологіи права указаніемъ на то, что послѣ Старке Вестермаркъ окончательно разрушилъ (?) доктрину Моргана. Правда, Вестермаркъ далъ лишь критику господствовавшаго взгляда, не представивъ положительной стороны дѣла. Вестермарку слѣдуетъ Гроссе, выводящій формы семьи изъ формъ хозяйства. При нѣкоторыхъ заслугахъ, попытка Гроссе все-же неудовлетворительна и даже для дальнѣйшаго развитія научныхъ изслѣдованій „опасна“, ибо его доктрина отодвигаетъ совершенно въ тѣнь могущественные моменты половаго и соціальнаго инстинктовъ. Недостатки трудовъ Вестермарка и Гроссе дѣлаютъ то, что доктрина Моргана все еще является господствующей. Въ особенности слабо значеніе труда Вестермарка, который, по справедливому замѣчанію Колера, имѣетъ значеніе „лишь въ смыслѣ сборника матеріаловъ“, ибо одной критики явленія недостаточно. [1]) Прибавимъ, что Шюртцъ упустилъ изъ виду, что и какъ „сборникъ матеріаловъ“ трудъ Вестермарка не безупреченъ. Въ этомъ отношеніи я ссылаюсь на указаія Кунова, [2]) на которыя Вестермаркъ до сихъ поръ возраженій не представилъ, но и не могъ представить, такъ какъ извращеніе цитированныхъ текстовъ всегда останется извращеніемъ. Отрицательныя стороны труда Вестермарка не исключаютъ его крупныхъ достоинствъ, которыя долженъ былъ бы отмѣтить Шюртцъ, говоря, что Вестермаркъ „окончательно разрушилъ“ доктрину Моргана. Послѣднее невѣрно, но тѣмъ не менѣе трудъ Вестермарка является однимъ изъ самыхъ выдающихся научныхъ трудовъ нашего времени. Не удивительно, что, выйдя въ 1892 г. на англійскомъ языкѣ, трудъ этотъ къ 1895 году былъ переведенъ на *всѣ* европейскіе языки... кромѣ русскаго. Правда, часть труда Гельсингфорскаго профессора (Вестермарка) переведена на русскій языкъ въ 1896 г. г. Семеновымъ, но переведена самая незначительная часть, только первыхъ шесть главъ—изъ имѣющихся у автора 24-хъ. (Всего, по сравненію съ нѣмецкимъ текстомъ въ 550 стр., переведено на русскій языкъ 130 страницъ). Выполненъ переводъ очень неудовлетворительно: выпущенъ весь подстрочный текстъ, имѣющій у Вестермарка громадное

[1]) Schurtz, S. 68—69.

[2]) Cunow, Die Verwandtschafts-Organisationen der Austral-Neger, S. 122—123. Anmerkung.

значеніе; имѣются неточности и пропуски:—укажу на неточность перевода послѣдней фразы 31-ой страницы (русскаго текста), первой фразы сороковой страницы; на страницѣ 44 пропущена народность (эбіены), имѣется пропускъ на страницѣ шестьдесятъ второй и т. п.

Мы указали уже выше, что Шюртцъ отличаетъ отъ естественныхъ союзовъ союзы искусственные. Послѣдніе состоятъ во-первыхъ въ организаціи возрастныхъ классовъ и во-вторыхъ въ мужскихъ союзахъ, въ которыхъ группируются молодые люди. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и послѣ вступленія въ бракъ мужчины сохраняютъ связи съ такими союзами и что послѣдніе разростаются въ чисто общественныя организаціи. На этой почвѣ создаются и правила заключенія брака съ женщинами другого союза, ибо послѣдніе составляютъ въ то-же время союзъ одного и того-же тотема. Такъ создаются классовые брачные запреты, такъ подробно описанные Морганомъ, Файзономъ и Гойитомъ. Конечно, одними возрастными классами и мужскими союзами нельзя еще объяснить воспрещенія кровосмѣсительныхъ связей и вообще брачныхъ запретовъ, но здѣсь мы стоимъ еще пока на почвѣ гипотезъ, хотя нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе запретовъ брачныхъ отношеній внутри группы (т. е. переходъ отъ эндогаміи къ экзогаміи)—бросаетъ отмѣченное уже чувство антипатіи, которое имѣетъ больше шансовъ на развитіе между членами, состоящими въ постоянномъ общеніи, т. е. среди группы, нежели между членами чужихъ другъ другу группъ. [1]) Натянутость этого объясненія бросается въ глаза. Во всякомъ случаѣ автору слѣдовало бы посчитаться съ взглядами на данный предметъ, до него высказанными (см. труды Макъ-Леннана, Леббока, Уэка, Тилльс, Мацарелла и др.), а въ особенности съ трудомъ Дюркгеіма, спеціально посвященнымъ данному вопросу. [2])

Что касается классовыхъ группъ, то, какъ и сказано выше, послѣднія организуются большею частью по системѣ трехъ возрастныхъ дѣленій, причемъ переходъ изъ одного класса въ другой сопровождается разнообразными обычаями и религіозными обрядами, всегда публичными. Вслѣдствіе публичности этихъ обрядовъ, послѣдніе обыкновенно происходятъ въ опредѣленное время года и производятся заразъ надъ нѣсколькими кандидатами. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти обряды были испытаніемъ годности кандидатовъ для занятія мѣста въ классѣ. Время было суровое—суровы, мучительны и длительны были и самые обряды. [3]) Въ книгѣ Шюртца собранъ громадный этнографическій матеріалъ, весьма полезный для изученія сущности и характера относящихся къ данному вопросу обрядовъ, но само собой разумѣется, что здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого матеріала. Нельзя, однако, не замѣтить, что при всей обширности изслѣдованія этого вопроса у автора, [4]) онъ весьма мало использовалъ матеріалы историческаго характера, такъ что методъ его изслѣдованія—сравнитель-

[1]) Schurtz, S. 72—75.
[2]) Durkheim, La Prohibition de l'Inceste et ses origines. L'Annee Sociologique, I, Paris 1898, p.p. 1—70.
[3]) Schurtz, s. 83—95.
[4]) Schurtz, s. 83—173.

ный, но не историко-сравнительный, что является серьезнымъ дефектомъ. А кромѣ того мѣстами и этнографическія свѣдѣнія не полны. Такъ, напримѣръ, трудъ Зибольда о Японцахъ и Айносахъ остался автору совершенно неизвѣстнымъ, а между тѣмъ тамъ имѣется не мало данныхъ, имѣющихъ значеніе при изученіи вопроса объ обычаяхъ, связанныхъ съ „посвященіемъ“ мальчика или дѣвочки въ классъ при наступленіи извѣстнаго возраста.

Что касается мужскихъ союзовъ, то здѣсь имѣется въ виду давно описанное бытописателями младенческихъ народовъ учрежденіе большихъ домовъ и господствующихъ въ нихъ соціальныхъ организацій. [1]) Главнымъ образомъ это дома воиновъ, въ которыхъ послѣдніе въ мирное время проводитъ досугъ, это праобразъ развившихся впослѣдствіи клубовъ. Весьма часто встрѣчается запрещеніе доступа женщинъ въ такіе дома, а тамъ, гдѣ этотъ доступъ дозволенъ, онъ урегулированъ опредѣленнымъ временемъ и притомъ происходитъ лишь на почвѣ свободы половыхъ общеній безъ какого-бы то ни было пріобщенія женщинъ собственно къ соціальной жизни. Собранный авторомъ этнографическій матеріалъ является поистинѣ исчерпывающимъ [2]) и освѣщающимъ вопросъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Представленное затѣмъ авторомъ интересное изслѣдованіе о древнихъ клубообразныхъ организаціяхъ и тайныхъ союзахъ—само по себѣ интересно, но для задачи нашего труда представляетъ уже интересъ второстепенный.

Во всякомъ случаѣ книга Шюртца составляетъ цѣнный вкладъ въ науку и вѣроятно послужитъ предметомъ обсужденія въ спеціальныхъ кругахъ, которые, однако, до сихъ поръ о ней еще не высказались.

IV.

Вопросы о древнѣйшихъ формахъ семьи и родства являются одними изъ труднѣйшихъ въ эмбріологіи права. Виною этому частью является свойство матеріала, коимъ оперируетъ наука, частью недостаточно строгое отношеніе къ источникамъ познаванія, недостаточно критическое отношеніе къ описаніямъ путешественниковъ, въ которыя вносится много субъективнаго и, наконецъ, частью въ недостаточности методовъ изученія, практикуемыхъ въ наукѣ: до сихъ поръ почти сплошь употребляется методъ этнографическій, сравнительный, безъ соединенія его съ методомъ историко-аналитическимъ и безъ сопоставленія изучаемыхъ фактовъ съ освѣщеніемъ ихъ съ точки зрѣнія археологіи, миѳологіи и сравнительнаго языкознанія. Одни этнографическія данныя, одинъ фольклоръ не въ состояніи служить прочной основой для истинно научныхъ заключеній. Вотъ почему такъ охотно изучаемые вопросы о формахъ семьи и родства въ примитивную эпоху жизни людей до сихъ поръ нельзя считать разрѣшенными. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о происхожденіи экзогаміи, т. е. обязательности избранія женъ внѣ своей группы. Вопросу этому въ разсматриваемомъ нами году по-

[1]) Schurtz, s 202 f. f.
[2]) См у Шюртца стр. 214—317.

священа небольшая, но весьма интересная статья проф. Томаса [1]). Авторъ объясняетъ недостаточность современныхъ ученій по вопросу о ироисхожденіи экзогаміи (выраженныхъ въ трудахъ Леббока, Спенсера, Тейлора, Колера и друг. и подвергнутыхъ критикѣ со стороны Вестермарка) односторонностями во взглядахъ ученыхъ на данный вопросъ и въ особенности почти полнымъ игнорированіемъ момента, имѣющаго въ брачныхъ отношеніяхъ важнѣйшее значеніе, именно полового инстинкта. Послѣднему Томасъ удѣляетъ не мало вниманія и въ своихъ предыдущихъ работахъ, [2]) на немъ же главнымъ образомъ, не считая нѣкотраго вниманія къ экономической сторонѣ вопроса, основываетъ и свой взглядъ на природу первобытныхъ брачныхъ формъ. Половой инстинктъ, по мнѣнію автора, развитъ весьма сильно въ первобытномъ человѣкѣ и въ этомъ отношеніи сравненіе его съ животными и извлеченіе выводовъ изъ этого сравненія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Вестермаркъ, крайне неправильно. У человѣка половое влеченіе и сильнѣе, и длительнѣе, постояннѣе, и разнообразнѣй по формамъ его удовлетворенія Можно сказать, что у первобытнаго человѣка значительная часть времени удѣляется изобрѣтенію разныхъ формъ удовлетворенія этого влеченія, а также на изобрѣтеніе многочисленныхъ обычаевъ, имѣющихъ къ этому влеченію то или иное отношеніе: таковы обычаи обособленія дѣвушекъ въ особыхъ жилищахъ, инфибуляція и т. п. Таково же отраженіе этого рода моментовъ на первобытныхъ играхъ и пляскахъ. [3]) Нѣтъ ничего удивительнаго, если первобытныя брачныя отношенія непосредственны и прямолинейны—это простое и безпорядочное спариваніе въ предѣлахъ группы. На почвѣ значительнаго интереса къ половымъ отношеніямъ возникаетъ рядъ обрядовъ „посвященія“ вступившихъ въ зрѣлость (сравн. выше трудъ Шюртца), причемъ эти обряды пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе. Обряды эти необходимо выполняются стариками племени, и отсюда пріобрѣтеніе послѣдними значенія и власти. На почвѣ власти возникаютъ злоупотребленія: старики начинаютъ себѣ пріобрѣтать большинство женщинъ, такъ что молодежи ихъ не хватаетъ. [4]) Между тѣмъ мужчина все болѣе и болѣе начинаетъ сознавать хозяйственную цѣну женщины съ одной стороны и выгоду постоянной сожительницы съ другой. На этой почвѣ возникаетъ заразъ обычай обмѣна женщинъ одного на женщинъ другого племени и обычай „убѣга“ мужчины съ избранной имъ женщиной. [5]) Ставить „убѣгъ“ въ связь съ бракомъ путемъ похищенія невозможно, ибо доводы въ пользу такой связи, по Томасу, неубѣдительны и къ тому-же факты опровергаютъ эту связь Нужно замѣтить, что Томасъ пользуется фактами исключительно этнографичоскаго характера, да и изъ послѣднихъ вводитъ въ

[1]) William Thomas, Der Ursprung der Exogamie. Zeitschrift fur Socialwissenschaft 1902, № 1.

[2]) Thomas, Sex in primitive Industry. The Amerikan Journal of Sociology, янв. 1899 г. стр. 474 и слѣд.; Sex in primitive Morality, ibidem май 1899 г. стр. 774 и слѣд. и особенно: The Gaming Instinct, ibidem 1901 г. май стр. 750—763.

[3]) Thomas, Der Ursprung der Exogomie S. 2—3.

[4]) Thomas, op. cit. S. 3—8.

[5]) Thomas, S. 8 ff.

кругъ изслѣдованія лишь данныя, заимствованныя изъ жизни австралійцевъ. Правда, авторъ обясняетъ свое предпочтеніе къ этнографіи Австраліи тѣмъ, что племена послѣдней являются наименѣе культурными, но „переживанія“, историческія данныя, народныя преданія и факты изъ жизни другихъ народовъ, хотя-бы изъ жизни кавказскихъ горцевъ, матеріалы изъ жизни коихъ не-недоступны для европейскихъ ученыхъ въ виду того, что труды М. Ковалевскаго переведены на иностранные языки, или факты изъ жизни вотяковъ, опубликованные на нѣмецкомъ языкѣ въ интересномъ трудѣ Буха и т. п. и т. п. не могутъ быть игнорируемы. Но что-же говорятъ факты австралійской этнографіи? А говорятъ они, что бракъ похищеніемъ (уводъ, „умыканіе“) крайне рѣдокъ и что бракъ „убѣгомъ“ всегда происходитъ съ согласія женщинъ. Что-жъ? Въ жизни другихъ народовъ (см. труды Даргуна, Лейста, М. Ковалевскаго и др.) также практикуется лишь „символическое“ похищеніе, но то, что теперь стало лишь символомъ, было когда-то жизненнымъ явленіемъ, что теперь происходитъ съ согласія, то прежде производилось путемъ насилія. Иначе необъяснимы столь распространенные пріемы притворнаго похищенія, притворныхъ сраженій, вражды, необъяснимы мнимо-враждебныя отношенія между мужемъ и матерью жены, временное разлученіе супруговъ въ первые годы брака, напримѣръ до рожденія ребенка и т. п. и т. п.

Но возвратимся къ разсужденіемъ автора. Власть старѣйшихъ въ племени и тѣ ограниченія, которыя эта власть налагаетъ на половое влеченіе молодежи, подкрѣпленное сознанной хозяйственной выгодой, приносимой женой, ведетъ къ стремленію „ухода“ съ женой изъ своего племени и еще больше къ оставленію эндогамическихъ браковъ и къ переходу къ бракамъ экзогамическимъ на почвѣ обмѣна женщинами. [1]) Религіозное освященіе этой практики, переплетающееся съ вѣрою въ необходимую связь тотемовъ обоихъ группъ приводитъ къ обычаю обязательныхъ брачныхъ связей между членами не какихъ-либо различныхъ группъ, а группъ опредѣленныхъ, такъ что всѣ мужчины одного племени считаются непремѣнно мужьями женщинъ другого и только съ ними и могутъ вступать въ бракъ. „Отсутствіе власти старѣйшинъ своего племени надъ „вводимыми“ женами изъ другого племени, все большая и большая привычка къ сожитію съ одною женщиной, выигрышъ на почвѣ лучшаго дѣйствія естественнаго отбора—вотъ главныя причины упроченія экзогамическихъ браковъ“. [2])

Таково, вкратцѣ, содержаніе интереснаго труда проф. Томаса. Въ разсужденіяхъ его много вѣрнаго, но въ этомъ вѣрномъ онъ въ общемъ мало отклоняется отъ взглядовъ Леббока, что же касается „обмѣна“ женщинами, то онъ несомнѣнно возникъ прежде всего на почвѣ замиренія прежде враждовавшихъ союзовъ, какъ видоизмѣненіе брака „уводомъ“. Послѣдняя форма вызывала явленіе кровной мести, которая вездѣ ограничивалась, съ ходомъ развитія общественной

[1]) Thomas, s. 11—12.
[2]) Thomas, s. 12—18.

жизни, выкупомъ (мысль о происхожденіи платы за жену, „калымъ“ —изъ выкуповъ, какъ видоизмѣненія мести—принадлежитъ Вилькену, [1]) который и развилъ ее весьма подробно). Видомъ выкупа является отработка калыма, на время котораго мужъ, въ качествѣ работника, переходитъ въ семью жены. Другимъ видомъ выкупа является „обмѣнъ“, который былъ весьма распространеннымъ въ жизни первобытныхъ народовъ обычаемъ. Замѣчательно, что большею частью „бракъ путемъ обмѣна“ практиковался среди народовъ, у которыхъ покупная цѣна жены была чрезвычайно высока. [2]) Что касается происхожденія власти старѣйшинъ въ отношеніи женщинъ своего племени, то основа его Томасомъ раскрыта не вполнѣ правильно. Здѣсь мы имѣемъ послѣдующую персонификацію болѣе ранней власти всего племени, господствовавшей въ періодъ такъ называемаго „коммунальнаго брака“. [3]) Отмѣченныя нами ошибки проф. Томаса несомнѣнно вытекаютъ изъ неправильности употребленнаго имъ метода изслѣдованія. Иначе его совершенно правильная постановка задачи привела бы его къ болѣе согласованнымъ съ дѣйствительными фактами выводамъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что авторъ находится на вполнѣ вѣрной научной дорогѣ.

Выше было указано, что экзогамія ставится въ наукѣ исторіи права въ связь съ тотемизмомъ. Подъ послѣднимъ понимается полурелигіозный, полусоціальный обычай, по которому всякая примитивная группа считаетъ себя происходящей отъ того или другого родоначальника, которымъ считается то или иное животное, растеніе и т. п. и вслѣдствіе чего члены данной группы чтутъ свой тотемъ, не позволяя себѣ причинять какой либо вредъ живому субъекту своего тотема, который представляется для него запретнымъ (для наименованія этихъ запретовъ получило право гражданства австралійское слово „табу“). Къ этому присоединяется запретъ брачной связи съ женщинами своего тотема, откуда уже и выводится возникновеніе экзогаміи. Однимъ изъ лучшихъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію даннаго предмета, является трудъ Фразера. [4]) Въ этой небольшой книгѣ сведено все до послѣдняго времени извѣстное по вопросу о тотемизмѣ, хотя собственно объясненія автора обсуждаемыхъ имъ явленій оставляютъ желать лучшаго. Въ послѣднее время Фразеръ нѣсколько измѣнилъ свои взгляды на религіозную природу тотемизма (раньше онъ защищалъ тезисъ именно о религіозномъ и потому абсолютномъ его значеніи) и попытался объяснить происхожденіе явленія (Fraser, The origin of Totemism, The Fortnightly Review, 1899 апрѣль, и май), но объ этомъ будетъ сказано нѣсколько ниже въ связи съ трудомъ Дюркгейма отчетнаго года. Особенно много для выясненія природы тотемизма сдѣлано Файзономъ и Гойитомъ, Морганомъ, Робертсономъ-Смитомъ и въ послѣднее время Спенсеромъ и Гилле-

[1]) Wilken, Over de Primitive Vormen van het Huwelijk en den Oorsprong van het Gezin. Amsterdam 1881.

[2]) Post, Grundriss der Ethnologischen Iurisprudenz Bd. I s. 317.

[3]) См. Кулишера: Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift für Ethnologie 1878, Bd. X, s. 193 ff.

[4]) I. G. Fraser, Le Totémism. Перезодъ съ англ. Парижъ 1898.

номъ. [1]) Однимъ изъ первыхъ высказялся за связь тотемизма съ экзогаміей Макъ-Леннанъ, [2]) но впослѣдствіи, увлекшись своей теоріей о происхожденіи экзогаміи изъ обычая убійства дѣвочекъ и проистекшаго отсюда недостатка женщинъ въ племени, [3]) Макъ-Леннанъ оставилъ въ полной тѣни связь тотемизма съ брачными формами. Связь эта особенно сильно отмѣчается въ трудахъ Моргана (въ особенности въ Ancient Society; есть прекрасный нѣмецкій переводъ, съ котораго и сдѣланъ переводъ русскій. Гораздо раньше трудъ Моргана переведенъ на польскій языкъ), Файзона и Гойита (L. Fison and A. W. Howitt, Kamilaroi and Kurnai. Group-Marriage and Relationship, and Marriage by Elopement, Melbourne, Sydney etc. 1880).

Съ нѣкоторыми отклоненіями во взглядахъ на формы и развитіе древнейшей семьи взглядъ на связь этихъ формъ и этого развитія съ тотемизмомъ всецѣло усвоенъ Э. Дюркгеймомъ и І. Колеромъ. Послѣдній особенно настаиваетъ на этой связи и изъ тотемизма выводитъ и происхожденіе экзогаміи, и формы брачныхъ отношеній по отдѣльнымъ тотемнымъ группамъ, и возникновеніе материнскаго родства, когнатической филіаціи и значеніе примитивныхъ племянника и дяди съ материнской стороны. [4]) Дюркгеймъ объясняетъ тотемизмомъ происхожденіе ограниченій брачныхъ связей среди кровныхъ родственниковъ и вообще въ предѣлахъ своей группы, опираясь въ этомъ главнымъ образомъ на данныя изъ жизни австралійскихъ племенъ, собранныхъ и обработанныхъ Керромъ, Файзономъ и Гойитомъ, Фразеромъ и Куновымъ (послѣдній оперируетъ на почвѣ фактовъ, собранныхъ другими изслѣдованіями), причемъ считаетъ матернитетъ болѣе древнимъ, чѣмъ патернитетъ, а затѣмъ особенно подробно останавливается на экзогамическихъ формахъ брака. [5])

Въ соціологическомъ ежегодникѣ (L'Année Sociologique, publiée sous la direction de Emile Durkheim) отчетнаго года помѣщена новая статья Дюркгейма, посвященная тому-же вопросу. [6]) Статья эта обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующему обстоятельству. Фразеръ, о которомъ мы упоминали выше, напечаталъ въ апрѣльской и майской книжкахъ журнала „Fortnightly Review“ 1899 г. работу о происхожденіи тотемизма, въ которой онъ заявилъ, что вновь открытые факты не позволяютъ болѣе поддерживать прежніе взгляды на тотемизмъ, которыхъ онъ и самъ ранѣе придерживался и что все ученіе о природѣ тотемизма должно быть кореннымъ образомъ измѣнено. Тотъ же взглядъ Фразеръ высказываетъ и въ появившемся въ 1901 г. второмъ изданіи своей книги „The Golden Bough“ (см. раз-

[1]) См. сводъ литерат. указаній у Staniland Wake, The Development of Marriage and Kinship, London 1899, p. 313 f. f., у Kohler'a: Zur Urgeschichte der Ehe въ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Stuttgart 1895, Bd. XII, s. 215 f. f. Трудъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) Wake, The Development of Marriage and Kinship, p. 317, 326.

[3]) I. F. Mc. Lennan, Studies in Ancient History, London 1886, p. 74 seq.

[4]) Kohler, op. cit. s. 211, 213—332 и др.

[5]) E. Durkheim, La Prohibition de l'Inceste. Année Sociologique I, Paris 1898, p. 23, 28 sqq. etc.

[6]) Durkheim, Sur le totèmisme, L'Année Sociologique V, Paris 1902, p. 82 sqq.

боръ этого труда въ Année Sociologique, Paris 1902 p. 205 sqq.). Обнародованіе Фразеромъ своего новаго взгляда совпало съ появленіемъ въ печати труда Спенсера и Гиллена („Some Remarks on Totemism", Journal of the Anthropological Institut of Great Britain and Ireland, new serie I, p. 275 sqq), въ которомъ особенно подробно изученно проявленіе тотемизма у континентальнаго австралійскаго племени Арунта. Замѣчательно, что у Арунта господствуетъ тотемизмъ, но рѣшительно не оказываетъ никакого вліянія на запреты, обычные для тотемизма: ни тотемныя животныя, ни женщины своего племени не являются табу. Правда и здѣсь племя дѣлится на группы, носящія названія тѣхъ или иныхъ растеній или животныхъ, а иногда и неодушевленныхъ предметовъ, правда--и здѣсь члены одного и того же тотема считаютъ себя связанными кровными узами,—но все это лишь внѣшнее сходство съ тотемизмомъ приморскихъ племенъ, ибо здѣсь тотемъ не сказывается совершенно въ какихъ либо ограниченіяхъ пищи или внутритотемныхъ брачныхъ связей. Отсюда дѣлается заключеніе, что тотемъ по природѣ своей и не состоитъ въ подобной связи и что наличность ея у раньше изученныхъ племенъ обязана чуждымъ вліяніямъ, возможнымъ благодаря неизолированности приморскихъ и островныхъ племенъ отъ столкновеній съ чужеземцами.

Дюркгеймъ отвергаетъ правильность этого вывода на основаніи ряда данныхъ и соображеній. Во первыхъ запрещеніе питаться чѣмъ бы то ни было, имѣющимъ отношеніе къ тотему, встрѣчается и среди континентальныхъ племенъ. Такъ племя тотема Эму можетъ при извѣстныхъ лишь условіяхъ (напримѣръ при голодовкѣ) питаться яйцами этой птицы. Болѣе свободно ихъ воззрѣніе относительно употребленія въ пищу ея мяса, но и здѣсь имѣются ограниченія, напримѣръ нельзя ѣсть ея печени. Такого же рода обычаи встрѣчаются и среди другихъ континентальныхъ тотемныхъ группъ. Арунта объясняютъ это легендой о томъ, что предки ихъ были совершенно свободны въ отношеніи къ питанію представителями почитаемаго животнаго или растенія и что запрещенія появились позже. [1]) Дюркгеймъ не придаетъ этой легендѣ значенія и оттѣняетъ лишь, что фактъ, отмѣченный Фразеромъ, Спенсеромъ и Гилленомъ, не всеобщъ и потому не можетъ поколебать вывода, сдѣланнаго на основаніи изученія всей совокупности ранѣе изслѣдованныхъ данныхъ. Съ другой стороны наличность одного лишь факта, противорѣчащаго цѣлой совокупности другихъ, не менѣе серьезныхъ фактовъ, не можетъ поколебать ихъ значенія, развѣ бы мы имѣли дѣло съ разительнымъ по своей чистотѣ фактомъ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ забывается сложность общественныхъ явленій и что въ жизни общественной никогда явленіе не проявляется въ полной своей чистотѣ, а всегда представляетъ собою комбинацію ряда сопутствующихъ вліяній. Съ этой точки зрѣнія неизвѣстно почему должно считать форму тотемизма у Арунта чистою формою его, а не видоизмѣнившеюся и даже утратившею свое первоначальное значеніе? Фразеръ въ этомъ отношеніи ограничивается лишь замѣчаніемъ, что цивилизація Арунта

[1]) Durkheim, Sur le totémisme, p. 84—85.

наиболѣе архаична, чуть ли ни самая примитивная изъ намъ извѣстныхъ. Положеніе это ничѣмъ не доказано, кромѣ, правда вполнѣ логичнаго, соображенія о томъ, что континентальное племя находится болѣе внѣ чужеземныхъ вліяній, чѣмъ племена, приближенныя къ морю. Но это обстоятельство не исключаетъ автохтонной эволюціи, а кромѣ того нужно объяснить, какъ и почему столкновеніе съ европейцами (а о нихъ только и идетъ рѣчь) могло отразится на измѣненіи природы тотемизма. Арунта, далѣе, совершенно не стаціонарны, у нихъ была своя исторія, слѣды которой сохранились въ разныхъ сторонахъ ихъ жизни. [1]) Колеръ вообще предостерегаетъ отъ увлеченія аргументомъ о примитивности наблюдаемой жизни дикарей, ибо часто тамъ, гдѣ мы полагаемъ жизнь, остановившуюся съ незапамятныхъ временъ, мы въ дѣйствительности имѣемъ дѣло уже съ значительнымъ развитіемъ, а иногда и съ деградаціей соціальной жизни. [2])

Далѣе, говоритъ Дюркгеймъ, экзогамія не только небезизвѣстна Арунта, но встрѣчается у нихъ весьма и весьма часто. То, что для клана является эндогамнымъ, становится строго экзогамнымъ для болѣе мелкихъ внутрикланныхъ дѣленій. [3]) Въ классахъ же и среди Арунта встрѣчается строгое соблюденіе экзогаміи и регулированіе брачныхъ правъ одного класса въ отношеніи къ членамъ другого. [4]) Въ виду спеціальнаго характера труда Дюркгейма, я не привожу содержащихся въ немъ разсужденій во всей ихъ подробности и перехожу къ окончательному выводу автора, состоящему въ томъ, что вновь открытые факты не въ состояніи поколебать тѣ выводы, которые сдѣланы наукою на основаніи ранѣе обнародованныхъ данныхъ. [5]).

Мнѣ кажется, что Дюркгеймъ не совсѣмъ правъ. Новые факты, особенно въ связи съ отвергнутой имъ легендой, которую Дюркгеймъ считаетъ неимѣющею значенія сказкой, вносятъ существенную поправку въ взгляды тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ экзогамію исконнымъ учрежденіемъ. Факты эти какъ нельзя болѣе опровергаютъ точку зрѣнія Вестермарка, выводы котораго опираются на тѣ заключенія, къ которымъ ведетъ предвзятое мнѣніе, позаимствованное изъ біологіи. Я имѣю въ виду отрицаніе Вестермаркомъ предварительной эндогаміи и покоящагося на ней безпорядочнаго брачнаго общенія, групповаго брака и т. п. Въ этомъ отношеніи только-что разсмотрѣнные факты стоятъ съ неразрывной связи со всѣмъ тѣмъ, что было сказано выше по поводу труда Томаса. Несомнѣнно, что въ періодъ господства эндогаміи внутри тотемной группы не могло существовать и ограниченій, накладываемыхъ вѣрою въ тотемъ. Позже, подъ вліяніемъ жрецовъ и перенесенія групповыхъ правъ на отдѣльныхъ представителей коммуны—жрецовъ, старѣйшинъ, вождей (въ этомъ отношеніи наблюдается значительное этнографическое разнообразіе),

[1]) Durkheim, op. cit. p. 88—90.
[2]) Kohler, Zur. Urgeschihcte der Ehe, S. 196.
[3]) Durkheim, op. cit. p. 91—96.
[4]) Durkheim, op. cit. p. 90—105
[5]) Durkheim, p. p. 115—121.

появились и ограниченія, какъ стремленіе освятить неприкосновенность правъ лицъ, персонифицировавшихъ власть группы, на тѣ или другіе предметы, бывшіе раньше объектомъ правъ всѣхъ членовъ группы. Право „объявлять" тотъ или другой объектъ священнымъ, неприкосновеннымъ, „табу",—стало правомъ отдѣльныхъ лицъ. Отсюда и вытекаетъ происхожденіе запретовъ, а такъ какъ въ отношеніи пищи возможенъ замѣнъ одного объекта другимъ, то здѣсь тотемизмъ и не игралъ роли соціальнаго момента, хотя, подъ вліяніемъ экономическихъ основаній, какъ мы видѣли выше, и здѣсь допускались исключенія. Что же касается жизни половой, то здѣсь замѣны быть не могло и потому единственный выходъ былъ въ переходѣ къ экзогаміи. Какъ, на почвѣ иниціативы однихъ, подражанія другихъ и религіознаго освященія новой практики,—произошелъ этотъ переходъ, —это дѣло иное, вопросъ весьма сложный и мало изученный, —но несомнѣнно, что экзогамія была не явленіемъ даннымъ отъ природы, а происшедшимъ на почвѣ историческаго развитія жизни народовъ.

Мы изложили все самое существенное по исторіи культуры и права изъ появившагося въ печати въ 1902 году. Намъ остается весьма немного сказать, чтобы совершенно закончить нашъ трудъ. Мы тѣмъ съ большимъ правомъ сокращаемъ здѣсь свое изложеніе, что изслѣдуемые здѣсь вопросы носятъ исключительно спеціальный характеръ. Поэтому эти вопросы здѣсь только намѣчаются: далѣе этого наша задача и не можетъ простираться.

Въ отчетномъ году появилась работа извѣстнаго изслѣдователя по эмбріологіи права, Джузеппе Мацарелла, посвященная описанію юридическихъ обычаевъ сѣверо-американскаго племени Омага. [1]) Работа эта основана почти исключительно на данныхъ, обнародованныхъ Поуелемъ, опубликованныхъ въ 1884 г. Авторъ касается вопроса о тотемизмѣ, [2]) о строѣ семьи, брачныхъ отношеній, организаціи родства, владѣнія и т. п. Работа—интересная лишь въ смыслѣ обработки уже извѣстныхъ матеріаловъ и значительно уступаетъ болѣе раннимъ трудамъ автора. [3])

Двѣ статьи Липперта о происхожденіи дворянства [4]) стоятъ въ связи съ тою формою семьи, которую Липпертъ называетъ „старой семьей" и которая въ сущности является хорошо извѣстной и давно описанной „семейною общиной". Статьи эти слишкомъ спеціальнаго характера и я на нихъ лишь обращаю вниманіе читателя; входить же въ ихъ анализъ считаю для задачи своего труда совершенно излишнимъ.

---

[1]) Mazzarella, Le Instituzioni Giuridiche di una Tribù dell'America Settentrionale Rivista Italiana di Sociologia 1902 № 1

[2]) Mazarella, op. cit. p 57—58.

[3]) Mazarella, La Condizione Giuridica del Marito nella Famiha Matriarchae, Catania 1899; L'Esogamia presso i popoli semitici. Rivista Italiana di Sociologia 1901 № 2 p. 171 sqq.

[4]) Lippert, Ueber den Ursprung des Adels an der Hand der Geschichte des Adels in Bohmen u Ueber den Ursprung des Adels in Zusammenhang mit der ursprünglichen Familienverfassung. Zeitschrift für Socialwissenschaft 1902, S. 397 f.f. und 917 f.f.

Въ 1900 году появился большой и весьма интересный трудъ Нибура (H. I. Nieboer, Slavery as an industrial system, 1900), главный интересъ коего заключается, во-первыхъ, въ громадномъ и удачно систематизированномъ этнографическомъ матеріалѣ, а во-вторыхъ въ точкѣ зрѣнія, исходя изъ которой авторъ освѣщаетъ вопросъ о формахъ рабства. Въ другомъ мѣстѣ („Обзоръ соціологической литературы за 1901 годъ") я посвятилъ труду Нибура слѣдующія замѣчанія.

Трудъ этотъ послужилъ въ 1901 году предметомъ обсужденія двухъ статей: Приватъ-Доцента Фиркандта [1]) и проф. Мацарелла. [2]) Фиркандтъ въ сущности излагаетъ лишь взгляды Нибура на причины возникновенія рабства, на причины и условія его распространенія и на различныя его проявленія—рабство женщинъ, дѣтей, подчиненныхъ племенъ, крѣпостныхъ, долговыхъ рабовъ и т. п. При этомъ Нибуръ разсматриваетъ институтъ рабства въ связи съ системами хозяйства (рабство у охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ, у скотоводовъ и у земледѣльцевъ). Рабство вызывается и характеръ и распространеніе его опредѣляются условіями исторической жизни, невозможностью личнаго добыванія средствъ существованія, стремленіемъ къ наименьшей затратѣ силъ съ цѣлью полученія наибольшихъ результатовъ —вотъ основная мысль Нибура, весьма близкая, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Фиркандтъ, къ ученію А. Лоріа.

Мацарелла, одинъ изъ выдающихся современныхъ знатоковъ науки эмбріологіи права, излагая вкратцѣ взгляды Нибура, дѣлаетъ чрезвычайно важное замѣчаніе о томъ, что послѣдній, доказывая связь формы рабства съ формами хозяйства, не указываетъ, къ сожалѣнію, этнографическихъ документовъ, на которыхъ онъ основывается при опредѣленіи экономическаго типа изучаемой народности, что лишаетъ весь матерьялъ доказательной силы и не даетъ возможности судить о правильности указываемыхъ авторомъ источниковъ рабства (Mazzarella, стр. 41). Мацарелла также замѣчаетъ, что Нибуръ излагаетъ взгляды, значительно сходные съ взглядами Лоріа (стр. 345,) но что во всякомъ случаѣ трудъ Нибура составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Въ 1902 г. появился русскій, образцово выполненный переводъ книги Нибура [3]) и я могу посовѣтовать всякому интересующемуся вопросомъ прочесть эту книгу, полную весьма глубокихъ мыслей. Недостатокъ книги—слабое вниманіе автора къ фактамъ историческаго характера, но этотъ недостатокъ сознаетъ и самъ авторъ, назвавъ свой трудъ „этнологическимъ изслѣдованіемъ". [4])

Заканчивая свою работу и отдавая ее на судъ читателя, я позволю себѣ здѣсь сдѣлать еще одно замѣчаніе, въ видѣ послѣсловія

[1]) A. Vierkandt. Die Verbreitung der Sklaverei und ihre Ursachen, Zeitschrift für Socialwissenschaften 1901, № 1, S. 13 ff.

[2]) G. Mazzarella. Le origini e la evoluzione della Schiavitu, Rivista Italiana di Sociologia 1901, Maggio—Giugno, p. 339—347.

[3]) Нибуръ, Рабство какъ система хозяйства. Перев. съ англ. А. Н. Максимова, Москва 1902 г.

[4]) Нибуръ, стр. 5 и слѣд.

ко всему труду. Изученіе литературныхъ трудовъ послѣдняго времени показыетъ, что крайніе взгляды мало по малу начинаютъ сходиться. Повсюду начинается поворотъ къ синтетизму и оставленію крайнихъ точекъ зрѣнія. Мѣстами пока еще дѣло происходитъ на почвѣ „уступокъ“, мѣстами же увлеченіе „поворотомъ“ заходитъ дальше, нежели слѣдовало. Съ другой стороны—все болѣе и болѣе расчищается почва для признанія, на ряду съ массовой безличной исторической эволюціей,—активной роли личности въ исторіи. Это признаніе не вноситъ въ понятіе историческаго процесса той слѣпой роли случая, которая заставила его иронически назвать „Sa Majesté l'Hasard“. Это признаніе не превращаетъ исторію въ искусство. Широко понимаемый законъ исторіи (т. е. не конкретной исторіи даннаго народа) претендуетъ лишь на значеніе въ примѣненіи къ нѣкоторымъ *общимъ* признакамъ историческаго процесса, но не къ конкретнымъ подробностямъ судьбы извѣстнаго народа или государства. [1]) Признаніе роли личности вполнѣ примиримо со требованіемъ научности, предъявляемымъ къ соціологіи. Дѣйствіе личности опредѣляется тремя категоріями—законами психологіи, окружающими общественными условіями и индвидуальными особенностями личности. Для дѣятельности нужны мотивъ, средства и знаніе среды и цѣлесообразности средствъ. [2])

Мнѣ кажется, что вопросъ о дѣятельности личности можетъ быть формулированъ шире. Дѣйствуетъ личность умственная, психическая и моральная. Съ точки зрѣнія этой формулы прежде всего нужно знать, знать и знать. Здѣсь-то и проявляется все значеніе тезиса Бекона „знаніе есть сила“, преобразованнаго О. Контомъ въ формулу „знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать“ (у Конта сказано „управлять“, но въ другомъ мѣстѣ [3]) я указалъ на на необходимость замѣны одного термина другимъ). Безъ знанія дѣйствіе можетъ быть нераціональнымъ, неэкономнымъ и связаннымъ съ напраснымъ страданіемъ. Во-вторыхъ нужна активность, починность. Въ изученіи этой стороны дѣла помогаетъ психологія и въ особенности соціальная психологія, а также надлежащая соціологическая постановка вопроса о героѣ и толпѣ. Мы видѣли, что обѣ намѣченныя задачи, т. е. раціональная и психологическая стороны соціальнаго дѣйствія изучаются ревностно современной соціологіей и до извѣстной степени ею разрѣшаются. Будущее соціологи должно здѣсь дать особенно плодотворные выводы, если соціологи будутъ работать viribus unitis.

Но дѣйствуетъ и личность моральная. Безъ этой стороны дѣйствіе невозможно вообще. Самое бездѣйствіе или противодѣйствіе все равно составляетъ „дѣйствія“—различіе же въ качествѣ и направленіи дѣйствія опредѣляются высотою этическаго идеала. Эта сторона дѣла и ея особенно важное значеніе все болѣе и болѣе сознаются въ

---

[1]) С. Штейнбергъ, Роль личности въ исторіи и общественная наука Научн. Обозр. 1902 г. № 5, стр. 86.

[2]) Штейнбергъ, op. cit. стр. 86—91.

[3]) Гальперинъ, Органическая теорія строенія и развитія общества, стр. 122—124.

соціологіи, и послѣдняя все болѣе становится на ту почву, на которой стоитъ издавна русская школа, иначе называющаяся „этической“ школой соціологіи. Кромѣ отмѣченныхъ въ настоящемъ обзорѣ трудовъ, трактующихъ о данномъ вопросѣ, укажу еще на интересную книгу Аддамса, [1]) которая, впрочемъ, является работой этико-политическаго характера. Авторъ считаетъ демократическій принципъ наиболѣе этичнымъ и поэтому придаетъ главенствующее значеніе воспитанію, считая, что послѣднее имѣетъ вообще важное соціологическое и этическое значеніе.

Верховный принципъ этики, какъ мы видѣли, не рѣшенъ еще. Рѣшеніе, предложенное разными авторами, участвующими въ сборникѣ „Проблемы Идеализма“, нельзя считать удачнымъ. По нашему верховный принципъ этики заключается въ любви, въ той любви, которая объемлетъ въ „мы“ также и „я“ и стало быть признаетъ „жертву“ на почвѣ этической. Здѣсь нѣтъ истинной „жертвы“, какъ нѣтъ „Молоха“, здѣсь имѣется въ виду та дѣйственная любовь, которая не представляется ни самовлюбленностью съ гордымъ непреклоненіемъ главы ни передъ чѣмъ, кромѣ „святыхъ“ правъ своей личности-самоцѣли, ни пассивнымъ романтическимъ мечтаніемъ, свойственнымъ даже людямъ, находящимся „на днѣ“,—здѣсь принципъ самой высшей активной, творческой любви. „Аще кто хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ“ (Матѳ. г. 16. ст. 24).

КОНЕЦЪ.

[1]) Addams Democracy and Social Ethics, New-Iork 1902.

Index.

Абрамовскій 44, 211, 212.
Абрикосовъ 236.
Абсолютизмъ этики 28, 39—40, 111—112, 113, 114, 123 и сл., 129, 131, 138, 139.
Авенаріусъ 9, 67, 121—122, 210—211.
Агностицизмъ 53 и сл., 58—60, 75 и сл., 84, 90, 108, 110, 122, 173 и сл.
Аграрный вопросъ 64, 299.
Аддамсъ 375.
Азаревичъ 361.
Альтруизмъ 130, 344.
Аммонъ 49, 80, 162—163, 320, 321, 322—331, 349—354, 357.
Аморальная философія 84 и сл., 135, 147, 229, 254—255, 346.
Анабіозъ 193—194
Аналогія 6—7, 117, 153, 268.
Анетическое міровоззрѣніе. См. „Аморальная философія".
Антагонизмъ 7, 169, 342, 344 и слѣд. См. „Борьба за существованіе" и „Классовая борьба".
Антиномія и антитеза личности и общества. 29, 37 и сл., 90—97, 130, 131, 132—133, 140, 143 и сл., 147, 334—335, 346—347.
Антиномія свободы и необходимости. 42—43, 44, 46—47, 57, 61 и сл., 79, 104—107, 119 и сл., 124 и сл., 139, 147—148, 148—150, 198 и сл., 273.
Антипатія. Ея значеніе въ соц. жизни. 333, 341, 343, 358.
Антитезисъ. См. „Діалектика".
Антропологія 312—313, 327.
Антропосоціологія. 162—163, 313, 320—331.
Арреа 311.
Аскольдовъ 85, 102, 104, 115, 129, 138.

Базисъ и надстройка 163. См. „Матеріал. философія" и „Экономика".
Баксъ 43.
Бальдуинъ 6, 72, 93, 94, 342.
Бартъ 69, 79, 121, 155.
Бауеръ 89, 244, 297, 333—334.
Бахметьевъ 193—195.
Бахофенъ 217, 219, 358, 362.
Беддо 329, 330.
Бело 144—146.
Бельтовъ 32, 43, 45, 181, 182, 215—222.
Бердяевъ 19, 22, 25, 32, 39, 44, 45, 69, 70, 85, 86, 87—88, 98, 100, 102, 125—139 140, 141, 147, 149, 165, 166.
Бернгефтъ 359.
Бернштейнъ 44, 64—65, 208, 209, 210, 213, 229, 232, 236—237, 242, 243, 277, 278, 289—290, 297.
Берсеньевъ 125.
Біологическая школа соціологіи 151, 155, 159 и сл., 200 и сл., 349 и сл.
Борьба за существованіе 6 и сл., 78 и сл., 144, 145—146, 161 и сл., 280 и сл., 336, 342, 343—344, 345, 348, 349—353.
Брахицефалы 322—329, 330—331.
Бринтонъ 307.
Бруджи 33.
Брунетьеръ 4, 23, 55, 108
Брусиловскій 178—179, 180.
Буатель 50
Бугле 345.
Будущее. Его значеніе для настоящаго 9, 15 и слѣд., гл. II, стр. 42, 51, 63, 105, 200, 209, 211—212, 273, 336.
Булгаковъ 43, 44, 52—55, 56—76, 84, 90—93, 96—101, 102—105, 106, 109, 110, 111—115, 129, 149, 285—286, 287, 294.
Бурдо 28, 38, 58—59, 60, 93, 95—96 97, 101.
Бухъ 367.
Бэнъ 198.
Бюхнеръ 157.
Бючли 173 178, 180 195, 198.

Вагнеръ М. 77 78.
Вагнеръ, пасторъ 143.
Вадала-Папале 161.
Ваккаро 161 344.
Валенти 230.
Вассерабъ 4.
Веббъ 242—243.
Вестермаркъ 161, 164, 203 353, 362 363—364, 366 371.
Вейзенгрюнъ 64 207.
Вейсманизмъ 161—162.
Вильзеръ 163, 321 322.
Вилькенъ 217, 356 362, 368.
Виндельбандъ 67, 125.
Виноградовъ 180, 181.
Винярскій 6, 49, 153 260—261, 262, 263—268 324, 328—329.
Витализмъ 77, 78, 79, 173 и сл., 177, 178 и сл., 193

Владимировъ 12.
Вольтманъ 44, 45, 206, 213.
Вольфъ Ю. 277.
Воля соціальная 166—167.
Вормсъ Репе 257, 309, 310—311, 333.
Вормсъ Эмиль 332.
Война 10—13, 81, 323.
Вундтъ 101.
Вѣроятное 55—57, 64, 70, 79, 89, 101, 107, 109, 110, 113, 118 и сл., 128, 272—273.

Гальперинъ 3, 4, 14, 19, 21, 22, 36, 38, 74, 79, 80 81, 100, 140, 153, 164, 166, 185, 186 193, 197, 199, 202, 203, 212 213, 218, 221, 234—235, 239, 250, 252, 254, 292, 337, 349, 354, 355, 356, 360, 374.
Гансенъ 324—325.
Гарофало 74, 254.
Гайдаровъ 182—183, 184, 198.
Гедонизмъ 88, 128, 275.
Геккель 77, 79, 160—161, 184, 193.
Гексли 35, 145.
Гельвальдъ 353—354
Герои въ исторіи 136, 166, 326, 335, 374.
Гертцъ 299.
Герценштейнъ 230.
Гессенъ 14—16, 31.
Гиддингсъ 72, 79, 342.
Гобино 320—321.
Гозе 3, 4, 5, 8, 40.
Гольцевъ 154, 232.
Города. Ихъ значеніе въ соц жизни. 303—308, 309—310, 317, 319—320, 324—325.
Горшковъ 285.
Грассери 236, 332—333.
Греффъ 49, 108, 155, 244—245, 245—247.
Гриманелли 334
Гриммъ 356.
Гроппали 151—152, 230, 252—255, 266.
Гроссе 351, 363.
Гуковскій 151.
Гумпловичъ В. 49, 163, 331.
Гумпловичъ Л 24, 31, 109, 152, 342, 344.

Давыдовъ 291.
Дальніе и ближніе 19—20, 29, 40, 46, 75, 97, 100, 123, 133, 138.
Дарвинизмъ 6 и слѣд., 77—78, 160—161, 200—213, 280, 305—306, 321, 349 и сл.
Дарлю 143.
Дево 335.
Делажъ 179—180.
Делевскій 209, 212.
Дельбе 142.
Дементьевъ 282, 315.
Деонтологія 8—9, 14, 15, 17, 25, 30, 48 70 123, 124, 146, 211, 340.
Детермепизмъ 47, 62, 83 и сл 88—89, 104—105, 107, 110—111, 123, 246, 247, 259 272, 279
Динамика соціальная 25, 26, 35, 76 и сл, 82—83, 85, 88, 329, 337—338 См. „классовая борьба".
Діалектика 206—214 226 227.
Долгъ 136—138, 141—142.
Долженствованіе и необходимость 18 и сл, 40, 42—43, 46—47, 64, 104—107, 124 и сл, 139, 141—142, 147 и сл, 148—150, 211 273.
Долихоцефалы 322—329, 330—331.
Дроздовъ 346
Дуализмъ 43, 47 105
Дюбуа-Раймондъ 53—54, 108, 173.
Дюркгеймъ 22, 28, 49, 50, 162, 305, 306, 343, 356, 364, 369—372.

Е Б 263, 336.
Естественное право 13 14—40 133—134, 275
Естественный отборъ 78 См. Подборъ. Селекціонизмъ. Дарвинизмъ.
Ефимовъ 218.

Женщина ея соц. значеніе 337, 348, 358.
Жертва какъ нравств моментъ 27, 29, 133—134, 145, 375.
Жидъ П. 337.
Жидъ Ш 144, 146
Жизнь Проблема жизни 77, 78.
Жиро-Теллонъ 216—217, 362
Жуковскій 129, 137—138 141.

Закономѣрность въ обществ. жизни 68—69, 70, 79 83, 89, 279.
Закономѣрность и свобода См. „Необходимость".
Залѣсскій 34, 161.
Зелигманъ 258
Зиберъ 66 220 221, 232.
Зиммель 7 28, 44 45, 72, 167—170, 342, 343
Зомбартъ 50, 253 278.

Иваповскій 147.
Идеализмъ 9, 16—32 43 44, 45, 46, 57 и сл, 83 110, 123, 126 и слѣд, 129, 149, 165—166, 257, 259, 291, 299.
Идеалъ 16, 17 и слѣд. 22, 23—24, 25, 41, 50 и сл, 63—64, 75, 86—88, 90 и сл., 96—100, 102, 106—107, 109, 110, 124—125, 129 и сл, 135, 137—138 140—151, 199, 209, 211—212 267, 273, 298—299, 374—375.
Идеологія 9 15—16 48, 81 104, 152

209, 225—226, 246—247, 248, 254, 257, 259 334, 342.
Измѣряемость качествен. явленій 76 82 83, 118—121 195—197, 266
Изуле 24 48, 74
Ильинъ 299
Имморализмъ См „Аморальная философія"
Индивидуализмъ 27—28 81, 137 и сл. 146, 333, 339.
Индивидуальность 38 и сл., 86 и сл, 129—139, 140 147 338
Индуктивная соціологія, Часть III гл III и IV стр. 348 и слѣд
Инціатива 36, 309 326, 333
Инстинкты 36 и сл., 81—82, 338 и сл, 344, 348—353 357 358
Интерментальная психологія 250 340,
Интересъ, какъ факторъ соц развитія 311, 333—334, 342—343.
Исаевъ 295 344
Историческіе законы 68—69 70, 83, 89 125
Историческіе факты какъ соціальн. опыты 6 и сл., 89, 357.

Іерингъ 343, 361.

Карле 156.
Карновицкій 55
Карстаньенъ 121 122.
Карѣевъ 13 16—17 22, 25, 28, 30 31, 32—33, 43, 45 46 69 70 94. 104 128, 150, 153, 160, 205 207, 215, 230, 232, 270, 338, 349, 353 354.
Катаевъ 232, 233, 244, 280, 294.
Каутскій 43, 210, 237, 242 254, 270, 289—290, 299.
Кауфманъ 65
Кеттле 79
Киддъ 223.
Кистяковскій 6, 21, 25, 44, 68 70, 127, 148, 357.
Классовая борьба 99, 115, 215, 226—227, 231—232, 236—244, 256, 277, 280, 282—284, 289, 296—298, 343—344, 345
Классы общественные 7, 233—236 237—244, 296—298 316—317, 328 333—334, 345.
Классы возрастные 357, 358, 358—361.
Климатъ. Его вліяніе на населеніе. 314 и слѣд., 331—332.
Ковалевскій М 13, 15, 218, 220, 221, 236 304, 354, 356, 367.
Кодексъ 54
Колеръ 144, 346, 356, 363 369, 371
Коллективная психологія 71, 80, 93—96, 118, 119—120, 123—124, 339—341, 374
Кольцовъ 66, 232, 235.
Контъ 90 158—159.
Коркуновъ 9 200 264
Костъ 11, 25 236 303—311.
Краузъ 222—229 268—271.
Крживицкій 96 153 307 312 313—320; 323 326 329—331.
Кроче 228, 230, 232, 235 238 255, 258, 278.
Куаку 310.
Кудринъ 312
Кулишеръ 368.
Куновъ 359 360, 363, 369

Лабріола 22, 63, 208, 237, 254 255
Лавровъ 26 29—30 32, 113 129
Ландъ 24, 279.
Ланге 181 185.
Лаппо-Данилевскій 90, 154.
Лапужъ 24 49 320 321, 322—331.
Лафаргъ 311.
Лахтинъ 336.
Ле Бонъ 93 94 312 338—339, 340
Ле Гуи 303, 305 307.
Ле Дантекъ 178
Леонидовъ 165.
Леоновъ 165—166.
Леонтовичъ 240.
Ле Плэ 154.
Лерда 161.
Леруа-Болье 89
Лесевичъ 49 121, 122
Летурно 240
Ливи 329—330.
Лилиенфельдъ 184—185.
Лимузенъ 251—252 308—310, 312, 334.
Липпертъ 218—219, 240, 372
Литвиновъ-Фалинскій 68.
Лихтенберже 87.
Личность Роль ея въ исторіи. 8 9—10 22, 27, 34 35 36 43, 47—48, 61—64 79 81—82 123, 136, 254, 318 335, 374.
Личность Ея свобода и развитіе 103, 129—139, 140 и сл, 143 и сл.
Личность и общество 29. 37 и слѣд 90—97 130, 131, 132—133, 140 143 и сл., 147 334—335, 338 и слѣд. 346—347
Ллойдъ 166—167.
Лоріа 156 157—164, 229—236 237, 269, 344.
Любовь къ ближнимъ и дальнимъ 19—20 29, 40, 46, 75, 97, 100, 123, 133, 138 140—141.

Максвелль 193.
Макъ-Леннанъ 217—218, 362, 363.
Маркеловъ 148—150.
Марксизмъ 42—43, 61 и сл., 74 и сл.,

103 и сл., 109—110, 148—149, 150, 164—165, 205—247, 250—300.
Марксъ 109, 122, 237 270, 276, 286, 287.
Масарикъ 43, 64, 206, 213, 219 254, 287.
Математическій методъ въ обществен. наукахъ 118—121, 264.
Матеріалистическая философія 42 и сл., 72, 75, 82 и сл., 148, 164—166, 173—186, 195, 196, 198—247, 250—300, 334
Материтетъ 216—217, 218—219, 358, 362—363, 369.
Махъ 55, 181
Мацарелла 372, 373.
Меншуткинъ 176.
Метафизика 13 14, 15 47, 54—55, 56, 58—60, 65, 100—102, 105—108, 111, 128, 129, 130, 132, 139, 142, 166, 245, 255—256.
Метисажъ 306, 322—323, 328.
Методъ 6, 41, 42, 48, 118—121, 264, 354—355, 356—357, 365, 368
Механицизмъ соціальный 35, 36, 82 и сл., 260—268, 270 336—337
Мечниковъ Л. 319,
Михайловскій 22, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 45, 46, 49, 51, 63, 65, 78, 87—88, 94, 96, 109, 113, 130—131, 150, 157, 160, 182, 234, 335, 339, 342.
Мичели 33—34.
Молинари 235.
Моненъ 310.
Монизмъ 42, 43, 44, 173—300.
Морганъ 215, 219, 359, 363, 369.
Морселли 24, 161.
Мужскіе первобытные союзы 364, 365.
Муке 80, 355 357.
Муромцевъ 354.
Муффанъ 321, 323, 324 330.
Мэнъ 218, 356

Населеніе какъ факторъ соціальн. развитія 303—308, 310, 311, 324—325, 332—333, 335.
Невѣдомскій 87.
Неждановъ 26 72—73, 116, 125, 129.
Некрасовъ 56—58, 59, 60, 71, 76, 101, 117, 118—121.
Необходимое и должное 18 и сл., 40, 42—43, 44, 46—47, 57, 61 и слѣд., 71, 73, 79, 104—107, 119 и сл., 124 и слѣд. 148—150, 198 и сл., 273.
Неодарвинизмъ 6, 34, 36 161—162.
Неокантіанство 9 44, 46, 57.
Нибуръ 373.
Ни олаевъ 32, 62 151.
Ничше 19 30, 38, 85—89, 100, 130, 134, 135, 136, 140—141, 229, 257, 322, 346.
Новгородцевъ 14, 15 17—30, 31 33 34, 40, 46 66 85, 100
Новиковъ 12—13 24, 74, 80, 229, 269, 299, 313 327, 332 337, 344
Новополинъ 171 257.
Нравственная оцѣнка настоящаго 18 и сл. См. „Оцѣнка“.
Нравственный идеалъ. См „Этика“, „Этич идеалъ“.

Оболенскій 92—93, 154 186, 209, 247, 291
Объективизмъ 48 51—52 303
Ольбергъ 272
Онтогенезисъ и филогенезисъ 9, 77, 200.
Оппенгеймеръ 287 307.
Опредѣленіи соціологіи 3—5
Опыты въ соціологіи 6, 9—13, 89 357.
Органицизмъ 79—80 96 153, 155 159, 166—167, 201—204 343.
Орда 339, 354, 355, 362.
Оріу 266.
Орудія производства Ихъ значеніе для развитія соціальн жизни 215, 223, 224 225.
Осадчій 233, 244, 257, 274.
Оствальдъ 145, 174—175, 185, 186—193, 265.
Оцѣнка настоящаго съ точки зрѣнія идеаловъ будущаго 13, 18 и слѣд., 33, 34—35 42, 44 50—52, 106, 131, 133 209, 211—212.

П. Г. 65 79.
П. Ю 22, 104
Павловичъ, 164—165.
Павловъ-Сильванскій 240.
Палантъ 21, 24, 35—40, 72, 130, 156, 229, 346.
Панмиксія 161, 331.
Папильйо 333.
Парето 230, 232, 263, 264, 271—285.
Пекаторосъ 151.
Перретн 200- 203.
Пессимизмъ 110, 122.
Петражицкій 15, 17, 30—31, 34, 42, 46, 47, 213—214.
Петровъ 345—346.
Петропавловскій 69
Планкъ 193.
Побѣдоносцевъ 154.
Поворотъ къ идеализму 16, 46, 57 и слѣд., 63, 65, 101, 110, 125, 148 и сл., 151, 165, 195, 209, 271, 290, 299. 374
Подборъ біологическій и соціальный 78, 145—146, 161—162, 280—284, 306 и сл. 314—315, 317—318, 319—320, 322—323, 328.

Позада 352
Постъ 355 356, 362 368
Предвидѣніе 21, 23, 24, 36, 52—59, 60—89 102 107—111, 113—115, 115—124 149 152 272, 298.
Приспособленіе 6—7, 77, 89, 100, 145, 146, 160, 161—162, 323.
Причинность въ мірѣ социальн. явленій 28 42 и сл., 59—60 61—63, 78 105, 123, 148, 197, 198 и слѣд. 201
Прогрессъ. 4—8 9, 22, 29, 40, 42, 60, 61 и слѣд., 65, 74—76, 82, 84, 89—90, 91, 97—100, 111—115, 129, 132, 145, 260, 268, 308, 309
Прокоповичъ 209, 237, 242—243 244.
Промискуитетъ 362 368
Психическія расы 313—3 0
Психологія толпы 71, 93—96 123—124, 339—341
Пуллья 156, 256

Развитіе 4, 8, См „Эволюція“
Раздѣленіе труда 7 305, 336, 341, 343
Ракка 274.
Рапскій 79, 150, 339
Рапопортъ 164.
Раса какъ социальн факторъ 251—252, 308—310, 311—312, 312—331, 332—333 339, 342
Ратцель 79 332.
Ратценгоферъ 344.
Райхесбергъ 50—52
Религія прогресса 76 и слѣд., 114.
Религія, какъ факторъ социальн жизни 345—346.
Ренувріе 28, 56, 58, 60, 101.
Рессякакъ 345.
Рестъ (вачь-деръ) 4.
Риккертъ 66—69
Рильь 86—87 102, 110, 127.
Риплей 331
Рихардъ 60, 76—85, 88—90, 337.
де-Роберти 143, 144, 256—257, 312.
Рожковъ 293.
Россъ 337—345
Руль 78.
Русановъ 66 232
Русская соціологическая школа 8—9, 25—26 29—30, 31—32, 65, 106, 127, 129, 141, 148 150—151, 300, 340.
Рютерь 163.

Сальвемини 41
Санинъ 150, 300
Санцъ-и-Эскартенъ 260.
Сверхчеловѣкъ 135 и слѣд., 140.
Свобода и необходимость 42—43, 44, 46—47, 57, 61 и сл., 73, 79, 89, 104—107, 124 и сл., 147—148, 148—150, 198 и сл., 273.
Селекціонизмъ 49, 153, 161—163, 275, 280—284, 305—306, 307, 317—320, 322 и сл., 328, 349—354.
Сеньобосъ 40, 41.
Сигеле 92, 96, 339.
Симонсъ 341.
Сквилаче 151, 152—155, 204.
Скрещиваніе 306, 317—320. См. „Метисажъ“, „Подборъ“.
Слонимскій 52. 150 294—295, 300.
Случайное въ соціальн. жизни 68, 70, 79, 83, 118, 119 и слѣд , 122, 304, 335. 374.
Смолль 331.
Совѣсть 134, 136.
Солидарность 7—8. См. „Классы“.
Сорель 41, 290.
Состраданіе 98, 99, 133, 134 и слѣд., 138, 140—141, 144 145—146, 345
Соціализмъ 271—284.
Соціальный подборъ 275 и сл., 305—308, 317—320 332—323 и сл., 328.
Соціометрія 304—305, 306, 310
Спенсеръ 24, 48, 52, 74, 81, 87, 91—92, 144, 218, 254.
Спенсеръ и Гилленъ 368, 370.
Справедливость 131, 146.
Среда физич и социальная 6, 314 и слѣд., 318—320, 331—333.
Старке 363.
Страданіе 98, 99, 100, 133, 135, 336.
Струве 32, 42—43, 44, 45 46—47, 57, 61 и сл , 73, 79, 89, 104—107, 109, 128, 141—142, 198—199, 278, 293, 300
Счастіе 8, 97—100, 112, 129
Талевъ 35
Тардъ 72, 80, 81, 93, 94, 155—156 247—251, 259—260, 306, 311 333, 334—335 340—341.
Тарле 71, 115—118, 122—124 274, 335.
Телеологія 8—9, 30, 35—40 43 60 69, 83—84, 148, 255, 256, 262—263, 303
Теллурическій факторъ 311, 327, 331—332, 333.
Теннисъ 72, 79, 236
Тейлоръ II.—328.
Тимирязевъ 145, 175—176, 177, 181.
Толпа Психол и характеристика толпы. 80, 93—96, 123—124, 339—341, 374.
Томасъ 365—367, 368.
Топинаръ 327
Тотемизмъ 345, 356, 367, 368—372.
Трубецкой Е 34.
Трубецкой С 124—125.
Туганъ-Барановскій 241, 271, 274, 278, 281, 285—300, 318

Умовъ 198.

Уордъ. 5, 6, 21, 24, 26, 30, 45, 62, 72, 79, 148, 151, 153, 155—157, 204, 250—251, 261—263, 336—337, 340, 341.
Усовершенствованіе личности. 129, 131 и сл., 135.
Усовершенствованіе человѣчества 100
Утилитаризмъ 37.
Утилитарное значеніе науки искусства морали 223—224.
Уэкъ 369.

Фаяке 145 213.
Факторы соціальнаго развитія 251. 256, 260. 303—331. 331—335, 336. 337—345, 345—346.
Фатализмъ 8. 61—62 63. 70. 236.
Файгинеръ 30, 85—86
Файзонъ и Гойитъ 359, 368, 369.
Физическая среда 314 и сл., 318—320. 331—333.
Филогенезисъ и онтогенезисъ 9, 77.
Философія исторіи и соціологія 155—156.
Фиркандтъ 80.
Фирменъ 311.
Флери 333.
Фогтъ 163.
Форъ Фернандъ 335.
Фразеръ 356 368, 369—370.
Франкъ 23, 30. 86, 100, 140—141.
де-Фризъ 78.
Фуллье 76, 258—259. 312—313. 314, 327. 346.

Цѣль въ соціальн. жизни 35 и сл., 42, 73, 78, 148.

Человѣчество и личность 90—97.
Человѣчество. Его усовершен. какъ цѣль прогресса 100, 129 и слѣд.
Челпановъ 83, 181, 195—198.
Черновъ 45, 125. 276, 287, 290—291, 304.
Честь 134.
Чіапели 253.

Шимкевичъ 175, 177, 180, 193.
Шиппель 299.
Школы соціологическія 151—164.
Шмидтъ Конр. 43—44 65.
Шпилевскій 356, 360.
Шрадеръ О 224.
Шрадеръ Ф. 331—332.
Штаммлеръ 27, 34. 43 44, 58, 61, 62. 63 70, 72 105, 166, 183, 185, 198—199, 248, 293. 344.
Штейнбергъ 47—48, 374.
Штейнъ Людвигъ 51, 67, 69, 72.
Штумпфъ 245.
Шультце 349.
Шюртцъ 80, 346—348, 354—355, 357—365.

Эвдемонизмъ 97, 99, 128.
Эволюціонизмъ 76—89, 100, 144—146, 153, 160 и сл., 200 и сл., 209—211, 212—213, 254. 323, 338, 349 и сл.
Эволюція 4, 22, 29, 36 60, 61. 82—83, 88 92, 323 333—334.
Эджвортъ 264—265.
Экономика 10—13, 42 99, 155, 163, 205—234, 236, 237, 246-250, 256, 257, 258—259, 264—268, 71, 278 и сл., 285—300, 311, 323, 334, 344.
Эллвайнъ 335—336.
Эллвудъ 154.
Эмпиріо-критицизмъ 66, 67, 121—122, 210—211.
Энгельсъ 60, 62, 65, 103. 110, 215 и сл., 232. 235, 236—237, 247, 288—289.
Энергетика 187—198, 200 и сл., 265—266, 268.
Эндогамія и экзогамія 362 364, 365—367, 368—372.
Этика и наука 21 и сл., 65, 84—85, 88, 106 и сл., 109, 126, 127, 142, 149, 199, 212.
Этическій идеалъ 16, 17, 33, 42, 84 и сл., 98 и сл., 106—107, 109, 112, 126 и сл., 129—139, 149, 199, 211—212, 334, 374—375.

Южаковъ 45, 340.

Яроцкій А. 5—8, 9, 10, 39, 89, 238, 308.
Яроцкій В. 34—35.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Важнѣйшія опечатки.

					Напечатано.	Слѣд. читать.
Стр.	13	строка	19	сверху	одною	одного
„	„	„	6	снизу	ими	имъ
„	22	„	1	сверху	Идеализма и	Идеализма“
„	23	„	13	„	недо,	недо—
„	28	„	6	снизу	Новгородцеръ	Новгородцевъ
„	30	„	18	„	жизнь разсматривая	жизнь, разматриваемая
„	37	„	14	сверху	психологическимъ	психологическомъ
„	38	„	15	снизу	протестъ	протестѣ противъ
„	39	„	20	сверху	Индивидуализма	Идеализма
„	42	„	8	„	въ	съ
„	45	„	19	„	стремліи	стремленіи
„	46	„	4	снизу	много	мною
„	53	„	8	„	Дубуа	Дюбуа
„	66	„	14	сверху	втовая	вторая
„	67	„	23	„	мыслить	мыслитъ
„	80	„	12	снизу	Амманъ	Аммонъ
„	99	„	21	„	съ	къ
„	109	„	1	„	Гумѣловичъ	Гумпловичъ
„	111	„	11	„	своро	своего
„	131	„	7	„	cti.	cit.
„	145	„	26	„	сохраніе	сохраненіе
„	152	„	10	„	Devenir	Dévenir
„	155	„	1	„	Sciog.	Sociolog.
„	160	„	10	сверху	сравненіе	сравненіи
„	241	„	8	снизу	совершен-	современ-
„	248	„	25	„	получаетъ	поучаетъ
„	249	„	6	сверху	ломки	логики
„	250	„	24	„	изображеніяхъ	изобрѣтеніяхъ
„	260	„	19	„	отмѣткѣ	замѣткѣ
„	262	„	24	снизу	А. Конта	А. Коста
„	263	„	10	сверху	Е. и Б.	Е Б.
„	264	„	24	„	рѣзкость	рѣдкость
„	268	„	16	снизу	даетъ	не лаетъ
„	270	„	8	сверху	узналъ	указалъ
„	„	„	20	снизу	этики твореній	этихъ твореній
„	273	„	10	сверху	прежнихъ	среднихъ
„	305	„	24	снизу	къ	въ
„	311	„	2	„	Inrern.	Intern.
„	312	„	1	„	be	de
„	„	„	„	„	pouples.	peuples
„	333	„	22	сверху	Попилльо	Папилльо
„	334	„	1	снизу	Iniern.	Intern.
„	344	„	5	„	Lutte sentre	Luttes entre.
„	348	„	3	сверху	Чистокровные	Чисто кровные
„	356	„	3	„	связахъ	связяхъ
„	358	„	1	„	не	на
„	„	„	3	„	связахъ	связяхъ
„	360	„	21	„	„дѣтей“	„классъ дѣтей“
„	369	„	13	„	древнейшей	древнѣйшей
„	369	„	23	„	собранныхъ и обработанныхъ	собранныя и обработанныя
„	374	„	2	„	показыетъ	показываетъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.